

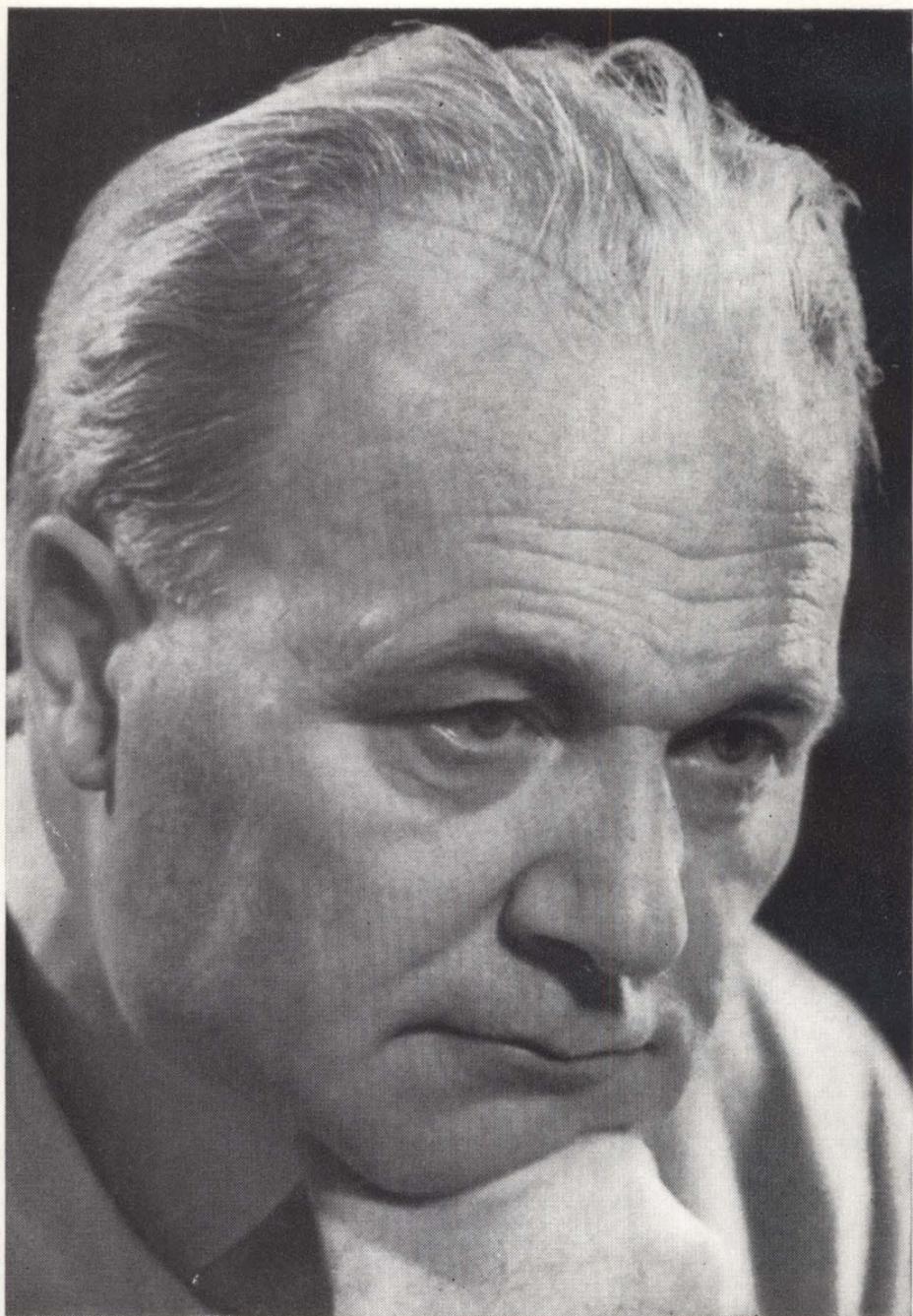
Dr. Henry

Dr. Henry

1

1

В.л. Жемцов

Избранное

**Избранные
произведения
в двух томах**

С. П.
Семцов

ТОМ 1

Научно-фантастические повести

ТЕНЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ

•

ЗОЛОТОЕ ДНО

•

ОСКОЛОК СОЛНЦА

МОСКВА
„Молодая гвардия“

1982

84P7
И50

И $\frac{4702010200-138}{078(02)-82}$ 093-82

© Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

Владимир Иванович Немцов — один из старейших советских писателей-фантастов.

Если вам доводилось бывать у Владимира Ивановича дома, то, наверное, вы испытали ощущение, будто с первых шагов в квартире вас обступает удивительная биография этого человека.

Прежде всего поражают картины, которыми увешаны стены. Каждая — оригинальное произведение живописи, подбор их обнаруживает незаурядный вкус и любовь хозяина дома к изобразительному искусству. Становится ясно, что имеешь дело с художником или, по крайней мере, со знатоком и ценителем-коллекционером.

Оторвавшись от художественных полотен, взгляд ваш всматривается во множество предметов домашней утвари, сделанных талантливыми и терпеливыми руками мастера-умельца. Хозяин объяснит, что все это его собственные изделия. Тут и стеллажи для большой, любовно собранной библиотеки, и уютный светильник с абажуром, испещренным автографами известных писателей... Солидное место на полках в кабинете принадлежит книгам, написанным В. Немцовым. На столе, кроме книг и рукописей, магнитофон и обширная фонотека: пленки с записями музыки, пения — еще одно хобби. А если вы упросите раскрыть заветные папки с реликвиями, перед вами предстанет богатое прошлое уже не художника или музыканта, певца или актера, или собирателя редкостей, даже не писателя, а страстного изобретателя, радиоконструктора. В папке документы, выданные инженеру В. И. Немцову, награды, полученные им в военное время за изобретения, сослужившие славную боевую службу...

Этот кабинет всегда напоминает мне те раковины, о которых говорят, что они навсегда хранят в себе как воспоминания, как отголоски беспокойный шум своего моря...

Биография Владимира Ивановича Немцова вобрала в себя многие характернейшие приметы времени, с которым она неразрывно связана.

Родился будущий писатель в 1907 году в Елифани, одном из городов неподалеку от Тулы. Его юные годы протекали в первое десятилетие существования Советской власти. Великая Октябрьская революция открыла трудовой молодежи широкую дорогу к любой профессии, к знаниям, сделала доступным для нее путь в искусство. Молодежь училась жадно. Не менее жадно рвалась она на сцену, на эстраду, к кисти и мольберту, в библиотеки и, разумеется, к самостоятельному литературному творчеству. Многие устремились в науку, в мир новой, до тех пор невиданной техники, в изобретательство. Жизненный путь Владимира Немцова, путь его исканий и увлечений был путем многих. Только соединил он в себе самые разные тяготения на редкость полно.

Для рабочих подростков были открыты рабфаки — рабочие факультеты, где можно было учиться без отрыва от производства, а главное, программа этих факультетов давала возможность не только восполнить пробелы в образовании, но и подготовиться для поступления в высшее учебное заведение. И Володя Немцов — в дружном коллективе рабфаковцев.

Большое развитие получили в ту пору молодежные кружки — литературные, драматические, изобразительного искусства и так далее. Кажется, ни одно из этих веяний времени не миновало Володю. Он с жаром общается к искусству Мельпомены, он пишет стихи, их даже печатают, он рисует — это главным образом карикатуры, он сотрудничает в стенной газете и в более крупных периодических изданиях — в городской комсомольской газете «Молодой коммунар», в областной газете «Коммунар».

Увлечение сценой своеобразно отразилось в его последующей судьбе. Будучи весьма стесненным в средствах, он подрабатывал небольшую толику денег к десятирублевой студенческой стипендии, выступая на сцене... Большого театра. Это были всего-навсего выходы статиста. Но ведь все же это было служение высокому искусству. И мог ли не гордиться юноша тем, что он стоит на театральных подмостках в спектакле, в котором поет сама Нежданова или танцует сама Гельцер!

Едва ли не поголовным было пристрастие молодежи к такому новому, необычайно перспективному делу, как конструирование самодельных радиоприемников. Детекторных. Очень еще кустарных. Но властно вовлекающих юные души в тайны непознанного, фантастического, однако уже стоящего на пороге большой науки, на пороге технического прогресса, всего-навсего вчера казавшегося мечтой о далеком будущем. Радиоприемники строит и Володя Немцов.

И не здесь ли начала пути будущего видного конструктора радиоаппаратуры и будущего писателя-фантаста, в чьем творчестве фантастика не такая уж абстракция, а нечто уже почти достигнутое в реальной действительности, нечто имеющее надежные корни в современном развитии научной мысли, в передовых достижениях технического прогресса?

Рассказ о жизненном пути Владимира Ивановича Немцова поневоле не подчиняется требованиям хронологии. Последовательное поступательное движение здесь само собою заменяется движением одновременным по нескольким параллелям, а то и перескоками с одной на другую.

Выразительным примером этого может служить такой факт: поступив на литературное отделение этнологического факультета Московского университета, будущий писатель постепенно теряет вкус к занятиям на факультете и с головой уходит в радиотехнику. На долгие годы это становится его главным делом.

Литература позвала его обратно много позже, когда он и стал писателем. Это было уже окончательно.

А какие, казалось бы, мощные рывки в сторону литературы были и гораздо раньше! Рабфаковская, комсомольская среда как будто сама подталкивала юношу к той дороге, которая впоследствии стала его жизнью, его призванием: семнадцатилетним пареньком получил он как руководитель литературного кружка на рабфаке мандат с правом решающего голоса на Всесоюзное совещание пролетарских писателей, проходившее в столице.

В те счастливые дни юноше удалось увидеть поэта, который был его идеалом, увидеть и услышать Маяковского. Любовь к этому поэту-трибуну, восхищение его лирикой — и гражданской и любовной — сохранились и, все более укрепляясь, остались на всю жизнь.

И снова параллель: как, наверно, у всех его сверстников, острый, живой интерес к революционным идеям и практике мейерхольдовского театра.

И это еще далеко не все. В те времена один студент, взявший себе псевдоним «Дядя Ваня Лебедев», затеял и организовал во многих городах страны увлекательные зрелища-спектакли под названием «Всемирные чемпионаты французской борьбы». Эти отлично продуманные и образцово организованные представления, в которых участвовал даже такой легендарный богатырь, как Иван Максимович Поддубный, занимали третье отделение каждодневной цирковой программы. Володя Немцов, как сотни, если не тысячи его одногодков, был постоянным посетителем эффектных, волнующих зрелищ. (Любопытно, что и до последнего времени, бывая во многих городах и у нас и за рубежом, Владимир Иванович не упускает случая побывать на цирковом представлении.)

И вернемся к радиотехнике: она привела уже зрелого человека в научно-исследовательский институт, в лаборатории и цеха предприятий, где создавалась самая передовая тогда, тончайшая техника, получившая вскоре, как мы увидим, важное военное значение.

Что же это все — разбросанность интересов, неумение сосредоточиться на решающем? Далеко не так!

У Владимира Немцова есть прекрасная книга «Параллели сходятся». Второе ее издание, исправленное и дополненное, вышло в 1975 году. В обращении автора к читателям находим:

«...я бы никогда не набрался смелости рассказывать о своем творческом пути в литературе, если бы не было у меня другой жизни в технике, изобразительном искусстве, на сцене. Всего того, что привело меня к теперешней профессии.

«Параллели сходятся» — это название звучит несколько парадоксально, но в поисках жизненных путей мне пришлось убедиться, что творческий процесс как таковой у художника, литератора, актера, конструктора, изобретателя, по существу, общий и отличается лишь суммой накопленных знаний в разных областях трудовой деятельности человечества».

Много дает для уяснения задачи, которую ставил перед собою автор, завершение этого вступительного слова:

«И уж если откровенничать, то откровенничать до конца: мне хотелось показать в этой книге не только сложный психологический процесс творчества, питаемый мироощущением юности тех романтически приподнятых лет (двадцатых-тридцатых годов), но и показать моего современника — постоянно ищущего, с его радостями и огорчениями, всё, чем полна наша жизнь».

Итак, параллели сошлись. Не в бесконечности, как в математике, а в реальной жизни, в любопытнейшем психологическом развитии того внутреннего процесса, который сделал человека писателем. Притом писателем-фантасмом.

* * *

Несколько слов о достигнутом в разные годы и в разных сферах творческой деятельности.

Работая в области военной техники, В. И. Немцов получил более двух десятков авторских свидетельств как изобретатель.

Дома у Владимира Ивановича хранится важный документ: текст приказа народного комиссара обороны. Этим приказом ему была объявлена благодарность за создание новых образцов техники и изобретательскую работу.

В годы Великой Отечественной войны будущий писатель был награжден орденом Красной Звезды.

Книг, принадлежащих перу Владимира Немцова, вышло в свет свыше трех с половиной десятков только на русском языке. Его книги переведены более чем на двадцать пять языков нашей страны и иностранных. За свою работу в литературе он удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

* * *

Профессией В. И. Немцова писательский труд стал после Великой Отечественной войны.

Первое крупное произведение его читатели встретили в 1945 году. Оно называлось «Незримые пути». Пометим в скобках, что автору было уже тридцать восемь лет.

И вот начиная с 1945 года одна за другой появляются книги Немцова. Уже через год издается «Шестое чувство» (позже получила эта книга фантастических рассказов название «О том, чего не было»), Еще через

два года выходит книга повестей «Три желания». В нее были включены и рассказы, но основное содержание составили повести «Огненный шар», «Тень под землей», «Аппарат СЛ-1». В 1949 году читатели получают книгу «Золотое дно». В 1952-м — роман «Семь цветов радуги», в 1955-м — «Альтаир» (ранее это произведение носило название «Счастливая звезда»), в том же году — «Осколок солнца», в 1959-м — «Последний полустанок», в 1975-м — «Когда приближаются дали...».

Большинство этих произведений неоднократно переиздавалось и включалось в авторские сборники.

Следует сказать, что — особенно в последние годы — писатель часто выступает со статьями, публицистическими очерками, поднимая в них волнующие его нравственно-этические проблемы, затрагивая актуальные темы воспитания. Эти выступления писателя обращены в равной мере и к молодежи и ко взрослым, но, пожалуй, преобладает в них круг вопросов, связанных с внутренним миром нашего молодого современника. Очень живой, заинтересованный и благодарный отклик вызвали публицистические книги «Волнения, радости, надежды», «Гордая совесть», «Тихие девочки», «Трудный разговор», «Адресовано всем».

Повести и рассказы Владимира Немцова, представляющие собою основное в творчестве этого писателя, могут быть несколько условно разделены на три группы — по своему содержанию и, пожалуй, некоторым жанровым признакам.

Что волнует в них автора, о чем ведет он темпераментный, идущий от сердца разговор с читателем? А читательский, так сказать, адресат его — по преимуществу молодежь.

Писатель Кирилл Андреев в предисловии к «Осколку солнца» так устанавливал эти градации, определяемые существенными сторонами творчества Владимира Немцова: в своих произведениях он, во-первых, исходит из окружающей современника реальной жизни, во-вторых, он смелой мечтой устремляется в день завтрашний, и, в-третьих, он черты этого завтра, его ростки уверенно различает в днях сегодняшних.

Обратимся к первой книге нашего автора. Здесь, может быть, отчетливее всего заметно слияние двух параллелей: это книга научно-художественных или художественно-научных очерков, посвященная образам и труду, достижениям и исканиям энтузиастов радио, ученых, ин-

женеров. Книга, где столь ощутимо воплотился опыт автора как конструктора, как руководителя научных и производственных работ в области радиотехники. Может быть, к этой книге в первую очередь относятся слова автора, высказанные в другом произведении спустя годы:

«Судьбе было угодно, что за всю свою трудовую жизнь мне пришлось испытать и радости и горести в роли организатора и руководителя в самых различных областях трудовой деятельности, а закончилось тем, что «нашел себя» только в домашнем кабинете за письменным столом.

Но почему-то кажется, что если бы я не работал в других кабинетах, где к твоему столу с мраморным чернильным прибором приткнулся другой стол подлиннее, покрытый зеленым сукном, где часто совещаются люди, которыми ты призван руководить, то вряд ли я мог писать о них книги».

«Незримые пути» — это книга о тех невидимых нитях, которые связывают людей, разделенных гигантскими расстояниями, сохраняют для них общение друг с другом. О людях, обеспечивающих создание новых образцов и серийный выпуск на производстве раций, радиоприемников, и о тех, кто увлекается этим как любитель.

Книга рассказов «О том, чего не было»... Вот один из них. Посмотрите, как сливаются в нем публицистический запал в борьбе за то, что теперь именуется экологическими принципами, с постоянным пристрастием к поискам новых возможностей такой могучей силы, как радио. Речь идет о том, можно ли оживить, вернуть к жизни погибшее, уже мертвое дерево. Концовка у рассказа такая: «...кто может поверить, что месяц назад в деревне не было ни одного дерева? Лес и сады выросли за месяц...» Что же оказывается? Генераторами облучали вбитые в землю столбы, и живительные лучи превратили голые столбы в живые, необычайного вида деревья...

«Сегодня они отдыхают. Им больше не нужно принимать сеансы диатермии. Они пока еще смешные, вихрастые, будто подстриженные неопытным садовником.

А впереди розовой пеной цветут сады. Среди них — блестящие решетки антенн. Ветви тянутся к ним. И в этом неожиданном сочетании мы видим вечную юность

Земли и величие человеческого разума» («Снегиревский эффект»).

А что еще подвластно если не всеильному, то, во всяком случае, необычайно сильному чародею — радио? Что еще может подсказать мечта инженера, столько лет проведшего в обиталище этого волшебника в качестве одного из верховных жрецов, если у волшебников, как у древних божеств, может быть штат жрецов? Может ли быть применена сила радио, скажем, для уничтожения полчищ саранчи, ликвидации такого стихийного бедствия или для совершенно иных целей — к примеру, для привлечения, заманивания роев диких пчел в ульи на пасеке («Шестое чувство»)?

Повести Владимира Немцова, как правило, сочетают в себе фантастическое содержание с приключенческим сюжетом. Причем — тоже как правило — фантастика оказывается очень близкой к уже имеющимся достижениям научной мысли или, по крайней мере, к ее не столь уж отдаленным перспективам. И в этом убеждает и двухтомник его произведений. В первый том избранных произведений Владимира Немцова вошли повести «Тень под землей», «Золотое дно», «Осколок солнца», объединенные темой поиска, творчества и свершений на пути к будущему. Во второй том вошли романы «Последний полустанок», «Когда приближаются дали...», раскрывающие роль человека-творца в эпоху научно-технической революции.

Первое, что приходит на память в этом плане, — повесть «Золотое дно». В ней инженерная мысль, воля мечтателей-новаторов устремлена на поиски смелых технических решений, которые помогли бы наиболее эффективно вести разведку нефтеносных пластов, простирающихся под дном Каспийского моря. Предлагаемые методы фантастичны, но сама задача, цель чуть ли не продиктована промышленными нуждами.

Уместно вспомнить, что в годы войны военинженеру Немцову пришлось организовывать в Баку радиозавод и быть главным инженером.

И о той же близости фантастических или полуфантастических сюжетов к насущным проблемам, вырастающим в различных отраслях хозяйства, можем мы судить, вникая в содержание повести «Осколок солнца», где ставится вопрос о новых путях в науке и технике, которые позволили бы широко пользоваться столь могучим источником энергии, как солнце, романа «Когда при-

ближаются дали...», где мысль героев бьется над проблемами современного строительного искусства.

Не случайно характер фантастических построений Владимира Немцова порою уподобляют тем путям, которыми шел в своих сюжетах Жюль Верн: кое-что из предлагаемых вариантов решений той или иной проблемы чрезвычайно близко к осуществленному впоследствии.

Ищут герои произведений Немцова возможности создания такого движущегося аппарата, который станет способен проходить сквозь море пламени; такого аппарата, который можно было бы назвать всевидящим оком; таких красок, которые, впитывая днем свет солнечных лучей, ночью отдавали бы этот свет, будучи наложены на широчайшие плоскости самих улиц, стен зданий, совершенно преображая ночной пейзаж городов, поселков; возможности такого использования радиоволн, которое стало бы неоценимым подспорьем в борьбе с преступниками...

Те, кто знает Владимира Ивановича Немцова, думаю, не могут не удивляться не только разносторонности его интересов, не только его увлеченности научно-фантастическими гипотезами, но и какой-то словно излучаемой этим человеком редкостной доброжелательности, освещающей весь его внутренний мир, господствующей надо всем любви к людям, к человеку. И эта сторона личности едва ли не главенствующая в творчестве Немцова-писателя.

Недаром как публицист он столько сделал для женщин-тружениц, недаром его статьи самими заголовками своими зовут к вниманию, которого требуют очень серьезные аспекты проблем воспитательных, проблем нашей морали: «Об уважении к женщине», «Право на уважение», «Девичьи письма», «Женатые дети»... Но, видимо, еще более существенно то, что во всех его художественных произведениях видна их нравственная доминанта — желание, ставшее своего рода мечтой-уверенностью: будущий мир должен быть и будет светлым и радостным для человека, жизнь выстроится по законам красоты.

Собственно говоря, ради этого борются за свои научные идеи, часто подвергают себя опасности, риску, развивают в себе способность научного предвидения и провидения любимые герои Немцова. Прежде всего следует назвать, пожалуй, тех двоих, которые действуют в нескольких произведениях — в «Альтаире», в «Осколке

солнца», в «Семи цветах радуги», в «Последнем полустанке» и «Когда приближаются дали...», Вадима Багрцова и Тимофея Бабкина. А в других книгах это и Александр Васильев, и Ибрагим Гасанов, Нури Имранов, Керимов, Синицкий, Пахомов, Опанасенко («Золотое дно»), Петров и профессор Чернихов («Огненный шар»), Федор Григорьевич Колосков («Тень под землей»). Полярков, профессор Набатников, Нюра в «Последнем полустанке» тоже должны быть, как и некоторые другие, причислены к ним.

* * *

Книги Владимира Немцова пользуются в библиотеках большим спросом. Это вполне естественно. Писатель владеет секретами приковывающей внимание читателя фавбулы, самым строем приключенческого повествования. Начав читать, вряд ли кто отложит книгу, пока она не будет дочитана. Да и то, что составляет научную проблематику этих книг, влекущие перспективы, раскрываемые их столь близкой к реальности фантастикой, — все это делает писателя очень популярным.

Но крайне важно подчеркнуть и то, что во множестве писем-откликов, которые после каждой книги получает писатель, постоянно выделяется и благодарно оценивается гуманистическое, человеколюбивое их содержание, их направленность, вдохновляющие писателя гражданские идеи.

Просмотрим для примера несколько писем, пришедших после выхода одной из наиболее поздних его фантастических книг — «Последний полустанок». Корреспонденты писателя — рабочие, техники, инженеры, солдаты, шахтеры, педагоги...

Вот на чем фиксируется внимание в этих письмах. Многие читатели отмечают проникновение писателя в человеческую психологию, умение создать повествование увлекающее. Особо выделяется научная проблематика произведений, то, что автор словно стремится наметить программу захватывающих по интересности работ для наших ученых, заглянуть в обозримые перспективы различных областей науки. Другие склонны утверждать, что в книгах Немцова поражает не фантастика, а правда о жизни, о делах больших и рядовых людей — советских тружеников, правда об идеалах нашего общества, о его устремлениях. Приветствуют читатели идею, кото-

рую видят в книге: веру в то, что космическую энергию, энергию нашего светила можно с поистине сказочной эффективностью заставить работать на благо всего человечества. Некоторые читатели пишут о той пользе, которую, по их мнению, книга должна принести молодежи. И, на мой взгляд, важно то, что читатели ставят в достоинство книге такое существенное обстоятельство: произведение, несомненно, написано в жанре научной фантастики, но все события происходят в нашей современной реальной жизни, и проблематика научная сочетается с проблематикой нравственного воспитания человека, воспитания в человеке человеческого.

Думаю, писателя должно радовать то, что читатели так точно и с такой признательностью воспринимают главное в задачах, которые он ставил и ставит перед собою.

Вот что пишет сам автор в своей книге «Параллели сходятся»: «Уверен, что большинство моих коллег, как и я, рассчитывают, что по крайней мере десятки тысяч самых разных людей прочтут книгу и, самое главное, не останутся к ней равнодушными. А в идеале хотят, чтобы книга заставила читателя кое над чем задуматься и по ней проверять свои поступки.

Не слишком ли я многого захотел и не преувеличиваю ли воспитательную роль художественной литературы? Надеюсь, что нет, так как это подтверждает «обратная связь» между читателем и писателем. На примере регенеративного приемника хочу пояснить особенности такой связи. Предположим, на сетку лампы попадает радиосигнал или, вернее, какое-то напряжение. Оно усиливается лампой и с помощью обратной связи вновь попадает на сетку, опять усиливается, и так далее... В конечном счете чем больше напряжение на сетке, тем больше его подает обратная связь на ту же сетку... Получается взаимодействующая управляемая система... Хочется объяснить ее понагляднее, и тут ничего в голову не приходит, кроме забавного сравнения, вычитанного мною давным-давно в старом радиоловительском журнале. Примерно это выглядит так: когда собака злится, то кусает себя за хвост. Чем больнее кусает, тем больше злится. Чем больше злится, тем больнее кусает... Думаю, что теперь ясно... Сотни, тысячи километров на самолетах, в поездах, автобусах, по рекам, на «газиках» по целинному бездорожью. Вот тут-то и осуществляется всюду принцип обратной связи: чем больше я ездил, чем боль-

ше встречался с читателем, тем больше вдохновлялся писательским трудом, тем больше писал. Чем больше и, как мне кажется, судя по читательским откликам, лучше писал, тем больше ездил.

А в сознании свирепела та самая собака, что приводилась мной для наглядности. Злился на то, что мало сделал и, как казалось мне, часто занимался пустопорожними делами. Ведь дело писателя — сидеть за письменным столом...»

Завершая автобиографическую от начала до конца книгу «Параллели сходятся», писатель делится самым сокровенным в своем гражданском, человеческом, художественном символе веры: назвав три условия, которые он считает обязательными для каждого, кто хочет стать писателем, он говорит о самом главном. Даже эти три условия «мертвы, бездейственны, пока не ясна цель, пока не увидел ты свет великих идей, пока не согрела твое сердце всепоглощающая любовь к людям».

Вас ожидают страницы интересные, умные, освещенные доброй мыслью.

Юрий Лукин

ТЕНЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Научно-фантастическая повесть

Под этим названием и я и мои товарищи часто вспоминаем довольно интересный эпизод из жизни нашего маленького коллектива, так начал свой рассказ инженер Петров. Если разобраться как следует, то, пожалуй, все приключения, с которыми мы встретились во время командировки на юге, произошли лишь потому, что мы были, как никогда, увлечены испытаниями своего аппарата, только о нем и думали. Мне кажется, вам хорошо известно, что значит для молодых изобретателей первая проверка их конструкции на практике.

Впрочем, рассказ нужно начать с того, что случилось до испытаний, поэтому я прежде всего должен говорить не о нашем аппарате, а...

О ПРОЕКТЕ АРХИТЕКТОРА БРОДОВА

Представьте себе окраину большого приморского города.

Осыпаются листья каштанов. Ветер кружит их в воздухе, несет по тротуарам, бросает в окна разрушенных домов.

Сквозь клочья разорванных облаков проглядывают скупые лучи осеннего солнца. В городе давно уже наступило утро, а в темных провалах выбитых окон, казалось, еще таилась ночь.

Мимо этих угрюмых зданий я каждый день проезжал на испытательный полигон.

Однажды пришлось изменить привычный маршрут. Срок моей командировки кончался, но я не мог уехать из города, не повидав старого фронтового друга, с которым не встречался со времени войны.

В одном из разрушенных кварталов я вышел из машины и стал искать семнадцатый строительный участок.

Свернув в узкий переулок, я невольно остановился. Как знакомы нам всем эти разбитые здания с выщербленными зубчатыми стенами, с глубокими трещинами сверху донизу, груды раскрошенного кирпича, изломанные и согнутые балки, повисшие решетки балконов!..

Все было таким же, как и на многих улицах, но вдали клубилась белая строительная пыль, гудели моторы, слышался лязг и грохот. Там уже ничто не напоминало о тишине, о желтых каштановых листьях, о лирическом пейзаже уходящего лета.

Я пошел вдоль переулка. Здесь восстанавливали и строили новые дома. Разрушенный войной город возрождался буквально на глазах. Словно дым, поднималась белая пыль, плыли над этажами, как мачты океанских пароходов, строительные краны, стальные леса опоясывали стены.

Все это гудело, гремело, двигалось. Но странное дело — людей на стройке почти не было. Я заметил лишь нескольких человек у кранов, подъемников, моторов, других механизмов. Действительно, здесь применялись самые последние новинки советской строительной техники.

Загремел взрыв. Облако белой пыли взметнулось над угловым зданием напротив. В эту же минуту я услышал плеск воды.

Из развалин бил высокий фонтан, увлекая за собой белесую пыль, и, как град, барабанил по крыше.

Две-три капли скользнули по моему лицу. Я снял шляпу и вынул платок.

— Витюша, дорогой! Ты ли это? — послышался знакомый голос.

Я обернулся. Федор Григорьевич Колосков, мой старший товарищ и друг, стоял рядом. Как же не помнить его? Встречались во время поездок на фронт, где я проверял новые радиостанции. На всю жизнь останется у меня в памяти трогательная отеческая заботливость майора Колоскова.

— Ну-ка, покажись. Совсем взрослым стал! Прямо не узнать! — говорил он удивленно и радостно.

Мой друг был не очень-то молод, но по-мальчишески задорный взгляд и юная порывистость движений настолько молодили его, что я как бы чувствовал в нем сверстника.

— Взрослеем понемногу, — сказал я, обнимая друга. — Хочешь не хочешь, а годы идут. Но от вас, Федор Григорьевич, они совсем отступились. Никаких изменений не произошло. Впрочем, в зеркало потом будем смотреться. А сейчас скажите: откуда здесь фейерверк с фонтаном?

Колосков сразу сделался серьезным:

— И не спрашивай! Обычная чертовщина. Здание железобетонное, с трещинами. Разбирать долго, вот кое-где и подрываем. А в земле — водопровод, кабели, когда-то проложенные в этих местах. Да разве их увидишь? Планов подземных магистралей здешнего района мы не нашли — во время войны пропали, — вот и рвем наугад.

Рассказывая, он нервно пощипывал свои коротко подстриженные усы. Я смотрел на его синий легкий пиджак, парусиновые брюки, белую фуражку — сугубо штатский костюм — и все-таки по-прежнему видел человека военного, майора со Второго Украинского фронта.

На подбородке краснел шрам. Слегка царапнуло, когда Колосков рассматривал ратушу. Оказывается, даже во время боев он не забывал архитектуру...

— Случайно узнал в Москве, что вам поручено строить санаторий, — рассказывал я. — Приехал сюда, спрашиваю в горкоме, где, мол, знаменитый майор Колосков, строитель какого-то необыкновенного санатория. «Ну как же, — говорят, — «Воздушный дворец»? Идите на семнадцатый участок. Колосков там начальствует».

— Да, да... приходится, — мрачно сказал он, прожывая взглядом бегущий по тротуару ручеек.

Я удивился и спросил:

— Так чем же вы недовольны, Федор Григорьевич? Вот уж не понимаю... Город восстанавливаете, огромная честь. Люди мечтают о таком труде, а вы...

— Я газеты регулярно читаю, мой молодой друг, — неожиданно рассердился Колосков. — Там все про это написано, и нечего меня агитировать. Очень прошу, — прошептал он, — не нужно... по-человечески прошу: не напоминай мне об этом дворце...

— А что такое? — может быть, не совсем тактично полюбопытствовал я.

Колосков махнул рукой:

— Ну, это дело длинное, не стоит говорить... А насчет моей работы не беспокойся. Наш участок на первом месте. Об этом тоже в газетах писали. Так что видишь, — он вздохнул, — все в порядке.

Но я понимал, что далеко не все благополучно. Раньше мне не приходилось видеть Колоскова, скажем, чем-то расстроенным, мрачным. Тем он и отличался, что даже в тяжелую минуту всегда у него находились в запасе и острая шутка, и крепкое ободряющее словцо.

Он молча подошел к стоявшей неподалеку машине и достал оттуда плоский деревянный футляр, позеленевший от сырости.

— Вот смотри, — он с волнением протянул мне коробку. — Сегодня нашел в развалинах... Готовальня архитектора Бродова, автора «Воздушного дворца». — Колосков поднял голову к небу и, вздохнув, добавил: — Дворца, который никогда не будет построен...

Тогда я ничего не мог понять — ни горя моего друга, ни его чувств, связанных с неожиданной находкой.

Все это было для меня загадкой. Я открыл заржавевший замок готовальни и откинул крышку. На полуистлевшем синем бархате лежали покрытые зеленой окисью инструменты.

Колосков смотрел на них задумчиво, будто о чем-то вспоминал, затем бережно взял у меня готовальню, закрыл ее и, не говоря ни слова, положил обратно в машину.

Тут он заторопился. Мы расстались и условились встретиться у меня.

Жил я тогда в гостинице «Европа», чудом сохранившейся после фашистской оккупации.

Это было маленькое приземистое здание на окраине города, доживающее последние дни среди заново выстроенных многоэтажных корпусов. По плану реконструкции города на месте старой гостиницы, как называли ее жители, должно вырасти большое здание архитектурного института.

Старую гостиницу жители не любили. Об этом я узнал чуть ли не в день моего приезда. Они рассказывали, что во время хозяйничанья фашистов в этом доме помещалась то ли тюрьма, то ли гестапо. Неприязненное чувство к этому хмурому зданию с маленькими сводчатыми окнами, толстыми стенами и темным вестибюлем, в котором как бы сохранилась вековая сырость, охватывало каждого, кто переступал его порог.

Я остановился в гостинице «Европа» только потому, что от нее было ближе к полигону, где испытывались интереснейшие приборы, разработанные местным физическим институтом. Они представляли собой маленькие радиолокаторы для определения расстояний. Заказали их геодезисты, чтобы ночью и в тумане можно было производить геодезические съемки. Это требуется для наших огромных работ и на реках и в пустыне. Кроме того, эти приборы предназначались и для других целей...

Однако я увлекся техникой и позабыл о своем рассказе.

Дальше события развивались так.

Вечером ко мне в номер пришел Федор Григорьевич, молча снял пальто, присел на диван и вынул из кармана аккуратно свернутый листок полупрозрачной кальки. Расправил его на коленях и сказал, словно продолжая разговор:

— Ты, конечно, прав. Работа моя стоящая, и, нечего греха таить, с ней я никогда не расстанусь. Во всяком случае, до тех пор, пока полностью не закончится восстановление города. Мы тут, на нашем участке, применили новую механизацию и даже пробуем телемеханическое управление агрегатами. Труда здесь много положено. Ребята работают как звери.

— Федор Григорьевич, вы чего-то недоговариваете, — сказал я напрямик, причем даже удивился своей смелости. — Чего вам не хватает?

— Вот этого. — И Колосков протянул мне листок.

«Список чертежей ВД», — прочел я. Дальше шли номера и названия.

Колосков заметил, что листок не произвел на меня никакого впечатления, глубоко вздохнул и начал подробно рассказывать:

— Там, где я нашел готовальню, когда-то помещалось наше проектное бюро. Фашисты взорвали это здание при отступлении. Перед самой войной работавший вместе со мной старый архитектор Евгений Николаевич Бродов создал проект огромного санатория. Его хотели строить на берегу моря. Это было чудо архитектурного искусства. В проекте Бродова строгое изящество классических форм сочеталось с новейшими достижениями строительной техники. Особенно поражала совершенно исключительная по смелости инженерной мысли конструкция грандиозного куполообразного свода, до сего времени нигде не применявшаяся в строительстве. Это было гениальное изобретение русского зодчего. Я не буду рассказывать о красоте этого архитектурного творения — с легкими прозрачными колоннами, уходящими к облакам, с садами на огромных балконах, опоясывающих все здание. Мы их в шутку называли «висячими садами Семирамиды». Да, действительно, это был не санаторий, а сказка, в которую даже трудно поверить. Архитектор назвал свое детище «Воздушный дворец».

Колосков вскочил, забегал по комнате и, бросившись снова на подушки дивана, продолжал:

— В то время я был помощником у Евгения Николаевича. Он доверял мне во всем и обычно прислушивался к моим предложениям. Проект утвердили. Вместе с Бродовым мне поручили руководить строительством. И вот тут-то — будь он проклят, этот день! — у меня мелькнула мысль предложить Евгению Николаевичу изменить расположение балконов, с тем чтобы максимально увеличить их площадь. Хотелось, чтобы воздушные сады, которые должны были окружать здание до самых верхних этажей, полностью изолировали его от уличной пыли. Когда я сказал об этом Бродову, он посмотрел на меня сквозь очки и, усмехнувшись, заметил: «Вы подаете надежды, молодой человек».

Колосков грустно улыбнулся. Видно, это воспоминание он сохранил надолго.

— Да, действительно, я для него был молодым человеком, — продолжал он, — хотя имел уже за плечами добрых тридцать пять лет. Евгений Николаевич разрешил мне внести нужные изменения в чертежи. Но я, как это иногда бывает с нашим братом, переусердствовал, забрал все чертежи к себе, выписал вторые экземпляры из Москвы и начал их переделывать. Получилось так, что все чертежи, за исключением комплекта, принадлежавшего Евгению Николаевичу, оказались собранными у меня. Свои чертежи Бродов хранил в специально сконструированном для этого цилиндрическом сейфе. Он считал, что для чертежей, обычно свернутых в трубку, такая форма наиболее удобна.

Федору Григорьевичу не сиделось на месте. Он опять вскочил с дивана, зачем-то подбежал к окну, плотнее затянул шторы и, возвратившись ко мне, продолжал рассказ:

— Все это случилось летом сорок первого года... Ты знаешь, что наш город одним из первых подвергся бомбардировке. Проектное бюро эвакуировали. Бродов не захотел уезжать. Трудно покинуть город, в котором родился, вырос и прожил столько лет.

Все чертежи проектного бюро, кроме тех, что хранились в личном сейфе автора «Воздушного дворца», срочно отправили на машине из города.

Я в это время уже находился в армии, и ты представляешь мое состояние, когда я узнал, что наши чертежи погибли. Едва машина, нагруженная документами бюро,

выехала на шоссе, как в нее попала бомба. Рассказал мне об этом приехавший из города офицер, который до войны работал вместе со мной чертежником.

А позже пришла тяжелая весть: враги заняли город. Я беспокоился за судьбу чертежей, принадлежавших Бродову.

Как потом выяснилось, он предусмотрительно спрятал свой сейф где-то в городе. Возможно, замуровал в стене или зарыл в землю...

Я слушал этот взволнованный рассказ, мне было искренне жаль своего друга, но все же я не мог удержаться от вопросов:

— Ну и как, нашли чертежи? Что случилось с архитектором?

— Гестаповцы заключили его в лагерь вместе со многими другими. Узнав о том, что старик является автором редкостного архитектурного проекта, они пытались выведать у Бродова данные, касающиеся очень простой и остроумной конструкции купола. Как потом выяснилось, эти расчеты потребовались представителям одной иностранной фирмы для строительства военных химических заводов. Бродов же предполагал, что расчеты купола немцы хотели использовать для постройки самолетных ангаров. Здесь, в этой гостинице, его долго мучили, наконец посадили вместе с другим заключенным, который назвался профессором. Он пытался войти в доверие к Бродову и узнать что-нибудь о конструкции купола. Это был опытный агент гестапо, к тому же неплохой актер. Говорили, что когда Бродов догадался, кто сидит с ним, то не помня себя бросился на гестаповца и задушил... Трудно поверить, но в старом, измученном пытками архитекторе вдруг проснулась такая неожиданная сила, которая могла быть вызвана только ни с чем не сравнимой ненавистью к врагу...

— Ну а потом? — торопил я Колоскова.

— Потом все было как обычно. — Стараясь подавить волнение, он взглянул на часы, быстро поднялся и пошел к двери. — Евгения Николаевича расстреляли в то же утро. Так никто и не знает, где он спрятал чертежи...

— Но их искали по крайней мере?

— Везде, где только можно. Никаких следов. Теперь ты понимаешь, чего я хочу, — говорил Колосков, надевая пальто и тщетно пытаюсь попасть в рукав. — У меня перед глазами стоит этот «Воздушный дворец». С мыслью

о нем я засыпаю и, просыпаясь, вижу только его... Сейчас проектируется новый санаторий. Был конкурс, но в Москве пока не утвержден ни один проект. Наверно, некоторые из членов жюри, которые в свое время видели работу Бродова, так же, как и я, не могут забыть этот прекрасный дворец... Впрочем, ты и сам понял, хотя бы из моего поведения, как можно относиться к этому проекту... Черт знает, до чего расчувствовался! Даже и сейчас руки дрожат. — Федор Григорьевич потянулся за фуражкой. — Да, братец мой, такой вещи нам с тобой не придумать. Кишка тонка...

— Ну, это вы напрасно приbedняeтeсь, — возразил я. — Настанет время, и мы увидим проект Колоскова, получше бродовского. Еще бы — столько лет прошло! Сами же говорили, что и строительная техника сегодня иная, и возможности другие. А если так, то и проекты могут быть еще более смелые и оригинальные.

У Федора Григорьевича опять задрожали руки:

— Все это, конечно, верно. Но пойми, это не только техника — это искусство. Такой шедевр человек создает раз в жизни. Именно проект Бродова — это единственное в своем роде произведение, как картина старого мастера, умершего сотни лет назад, как скульптура, дошедшая до нас из глубины веков. Мы все знаем цену таким произведениям человеческой культуры. Они хранятся у нас в музеях как величайшие сокровища народа.

Я как сейчас помню эту горячую речь Колоскова. Он стоял тогда посреди комнаты, опустив руки вниз и комкая смятую фуражку.

— Не спорю, — продолжал он, — вполне возможно, что я отношусь к проекту Бродова пристрастно или, мягче говоря, не совсем объективно. Но ничего не поделаешь, болен я им... Места себе не нахожу.

Наступило молчание. Казалось, было слышно, как по стеклу ползут дождевые капли.

Я никогда не мог себе представить, что существует на свете такая глубокая привязанность, такое всепобеждающее страстное чувство не к человеку, не к своей идее или изобретению, а к чужому проекту, связке чертежей, которые давно потеряны. Колосков говорил о них, как о самой большой потере в своей жизни.

Мне до боли хотелось помочь своему другу, и я не знал, что придумать. Где же все-таки искать чертежи?

— А вы не помните, в какой камере, то есть в каком

номере этой гостиницы был заключен Бродов? — спросил я.

— В шестом... Этот седьмой? Значит, в соседнем номере. Там же он и задушил гестаповца. Я видел его фотографию. Омерзительная личность: хромой, с тросточкой. Старая, облезлая обезьяна!

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — сказал я.

Дверь приоткрылась. В щель просунулась металлическая палка, затем рука в темной кожаной перчатке. На пороге появился человек с миноискателем.

— Разрешите спросить!.. — вдруг как бы весь напряжинившись, отчеканил он по-военному.

Его голубые глаза под густыми светлыми бровями не моргая уставились на меня. Я несколько растерялся. Видно, произошла какая-то ошибка.

Парень стоял передо мной в расстегнутой шинели без погон и в кокетливо сдвинутой набок синей кепке.

— Мне, собственно говоря, товарища Колоскова. Кое-что передать ему... — сказал он извиняющимся тоном.

— Ну? — с тревогой спросил Федор Григорьевич.

— Да я... собственно... — Парень взглядом указал на меня.

— Можешь говорить, — разрешил Колосков.

— На втором этаже, где перекрытия остались, под полом прямо так и обнаруживается.

— Точно проверил? Может, там балка металлическая или труба?

— Никак я с этим не согласен. Потому гудит только в одном месте, посреди комнаты...

— Что это у вас за опыты? — удивился я.

— Да так, на всякий случай, — Колосков махнул рукой. — Решил проверить среди развалин проектного бюро, нет ли где замурованного сейфа. Попросил вот его, бывшего сапера, — указал он на парня, — он у меня на участке мотористом работает. Пусть походит по зданию с миноискателем. В школе связи достал. Да что толку-то! Где ни пройдешь, где ни пошаришь — везде пищит в телефоне. Конечно, рыть начинаем. То гвоздь вытащим, то кабель, то трубу. Вчера он подкоvu нашел. Смеется, друг милый, говорит — к счастью. А какое тут, к чертям, счастье! Горе с таким аппаратом. Он же слепой, ничего не различает: где сейф, а где кусок ржавого железа. Морока одна. Ну, пойдем,

что ли! — Колосков сердито посмотрел на смущенного парня и надел фуражку.

— Может быть, и мне пройти с вами? — спросил я. — Кое-что я в этой технике понимаю.

Возражений не последовало, и мы вышли из гостиницы.

Помню, на улице тогда было совсем темно. Вокруг фонарей дрожали радужные нимбы. Моросил дождь. Ветер проносился над лужами и со злостью как бы выплескивал из них отражения качающихся фонарей.

На строительном участке, кроме дежурных, мы никого не застали.

Колосков вызвал одного из них, и мы вчетвером направились к разрушенному зданию, освещенному светом лучом прожектора.

Я на мгновение задержался у входа, чтобы посмотреть на застывшие механизмы. Как скелеты доисторических чудовищ, замерли подъемные краны. Вытянув длинные шеи, они словно засматривали внутрь разрушенного дома.

Там осталось только одно перекрытие во втором этаже.

Зеленый обруч миноискателя скользил по обгорелому полу. Около него ползал голубоватый луч фонарика.

— Вот здесь, — глухо проговорил сапер и передал аппарат Колоскову.

Федор Григорьевич снял фуражку, надел наушники и медленно провел кольцом по полу.

Гудение в телефоне возникало на определенном участке пола в радиусе не больше тридцати сантиметров. Перекрытия были толстые, поэтому почему бы и не предположить, что между полом второго этажа и потолком первого находился сейф с чертежами Бродова...

— Вскрывают пол, — приказал тогда начальник строительного участка.

— Трудновато... Сразу не приспособишься, — с сомнением заметил сапер.

— Ничего. Действуйте. А я на всякий случай проверю, нет ли чего-нибудь похожего в первом этаже.

Осторожно, чтобы не повредить кольцо миноискателя, Федор Григорьевич спускался вниз. Я не отставал от него. Наконец спустились, стали у оконного

проема, и Колосков завел разговор о миноискателе.

— Вот уже несколько дней я вожусь с этой штукой, а до сих пор привыкнуть не могу и, главное, не знаю, как она устроена. Знаю, что здесь есть лампы, батареи, как у радиоприемника, а вот как она действует, толком не пойму.

— Это на вас непохоже, Федор Григорьевич, — удивился я. — Ведь, насколько я помню, вы были очень дотошным человеком. Неужели на фронте не поинтересовались миноискателями? Не поверю!

— Ты мне мораль не читай, — чуть было не рассердился Колосков. — Попросят тебя, так рассказывай, а не хочешь... обойдемся.

Он уже успел убедиться, что в грудах щебня, откуда торчали трубы, радиаторы отопления и куски кровельного железа, нельзя было даже пытаться искать сейфы: в телефонах гудело бы все время.

Мне пришлось рассказать ему о миноискателе, стараясь не напоминать о цели наших поисков, так как Федор Григорьевич был совершенно обескуражен неудачей. Видимо, лишь сейчас он понял, насколько бесплодна его затея.

— Вот в этом футляре, — ткнул я пальцем в четырехугольную коробку у кольца, — находятся два маленьких радиогенератора, настроенных на одну волну. Когда настройка точна, то в телефоне ничего не слышно, но стоит ей только слегка измениться, появляется резкий свист. Настройка может меняться, когда генератор приближается к металлу, ну, скажем, к корпусу или взрывателю мины, а в данном случае к... — Я чуть было не сказал «к сейфу», но вовремя спохватился. — Для того чтобы аппарат был чувствительнее, — продолжал я, — и захватывал большую площадь, одну из катушек генератора делают в виде кольца или рамки.

— И на какой глубине можно обнаружить мину?

— Не больше нескольких десятков сантиметров.

— А если надо глубже?

Я не успел ответить. Какая-то тяжелая металлическая масса пронеслась мимо нас, видимо, сорвавшись с потолка, и скатилась вниз по груде щебня.

— Скорее сюда... Товарищ Колосков! — кричали сверху.

Мы быстро взобрались по разрушенной лестнице. Около развороченного пола чернел пустой проем.

Освещая фонариком толстый заржавевший круг, сапер недоуменно пожимал плечами.

— Непонятность какая-то. Подняли мы доски, и вот что увидели. Ну, думаем, нашли! Тут еще болты торчали с гайками. Все честь по чести. Конечно, — смущенно продолжал он, — может, и не надо было этого делать, но сами понимаете, не терпелось узнать, где там чертежи спрятаны... Вынул я ключ, начал гайки отвинчивать. Отвинчиваю, а они вроде как вниз уходят. Вдруг совсем ушли. Слышу — внизу что-то грохнуло...

Я приподнял круг. Под ним на пыльных досках темнели четыре сквозных дыры. Мне все стало ясно. Диск поддерживал обломки исковерканной люстры, висевшей в первом этаже. Сапер отвинтил гайки, и она обрушилась. Хорошо, что не на голову нам. Тут я почему-то представил себе другую ситуацию. А что, если бы Федор Григорьевич и его помощник нашли такой круг, ну, скажем, в квартире, где когда-то жил архитектор? Предположим, получили бы они разрешение приподнять половицы в жилой квартире... И вот вечером, когда в первом этаже семья сидит за чайным столом... падает люстра. Смешного в этом мало, но я почему-то улыбнулся.

В эту минуту луч фонарика упал на меня, и Федор Григорьевич вздохнул:

— Смеетесь, Виктор Сергеевич? Ну да, я и сам понимаю, что таким способом ничего не найдешь. Пришлось бы во многих местах поднимать половицы. Разве сквозь них что увидишь?

— Почему бы и нет?

Федор Григорьевич недоверчиво посмотрел на меня и произнес:

— Ерунда все это! Что ты можешь видеть сквозь доски?

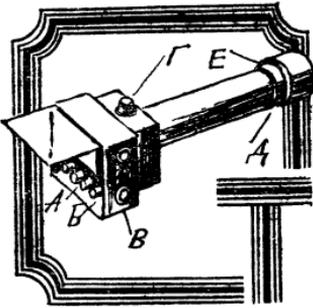
— Даже сквозь слой земли.

— Конечно, почему не видеть? Все можно, если бы я умел так же фантазировать, как ты... — Колосков поежился от холода и, подавив зевету, добавил: — Ночи прохладными становятся. Пойдем ко мне, чаю выпьем.

Всю дорогу он вспоминал наши встречи на фронте, общих знакомых, но ни одним словом не обмолвился о сейфе.

Мое замечание о том, что можно видеть сквозь толщу земли, он также оставил без внимания.

«ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ»

ак несколько романтично и не совсем точно назвали мы свой новый аппарат. Потом я расскажу о нем подробнее, а сейчас вы, наверно, спросите о том, что случилось дальше. Буду рассказывать по порядку.

Я скоро закончил свои испытания, распростился с Колосковым и вылетел в Москву, где, как вам известно, работаю в исследовательском институте — он в основном занимается внедрением методов радиотехники в народное хозяйство.

Откровенно говоря, я всегда завидовал людям, которые увлечены настоящими большими делами; строят самые мощные в мире гидроэлектростанции, плотины, орошают пустыни, переделывают лицо земли. А в нашем институте дела пустяковые, маленькие, как и те аппаратики, которые мы придумывали.

Однажды я попросил директора института отпустить меня на какое-нибудь большое строительство. Он рассмеялся и сказал, что я сейчас уже работаю для новыхстроек и наш аппарат «Всевидающий глаз» принесет им немалую пользу. Так и закончился мой разговор с директором.

В то время я неясно представлял себе практическое использование нашего «Всевидающего глаза» для таких огромных дел. Я говорю «нашего», потому что в создании прибора принимали участие мои друзья. Андрей Ярцев, серьезный и вдумчивый инженер, обладающий совершенно исключительными математическими познаниями, чем я, к сожалению, не могу похвастаться. Он сделал все основные расчеты, а я занимался разработкой схемы и общей конструкцией аппарата. Измерения и наладку отдельных элементов схемы производила Валя Чернихова, очень способная лаборантка, настоящая «исследовательская душа». Правда, она была еще очень молода, упряма, не признавала никаких технических авторитетов и часто спорила с самим Андреем, пытаясь опровергнуть его математические анализы. В

них она еще не очень хорошо разбиралась, будучи лишь студенткой заочного института.

«Всевидящий глаз» пользовался большой поддержкой чуть ли не всего институтского коллектива, начиная от профессоров-консультантов и кончая токарем опытного цеха. Они все немало потрудились при создании этого аппарата. Ясно, что без них ничего бы не сделала одна «молодежная бригада», как часто называл нас директор института.

Наш аппарат пока что не вышел из стен лаборатории. Мы еще не изучили его свойств и возможностей. Но вот сразу же после моего приезда из командировки директор предложил нашей группе подготовить «Всевидящий глаз» для практических испытаний.

По его мнению, аппарат надо прежде всего опробовать на участках, где ведутся восстановительные работы. Это будет, так сказать, первая часть испытаний.

Я согласился и тут же стал убеждать директора, что лучше всего проверить аппарат в городе, где я только что побывал. Я даже упомянул о семнадцатом строительном участке.

Не могу не сознаться, что, кроме обычных испытаний, мне хотелось попробовать «Всевидящий глаз» в поисках чертежей архитектора Бродова. Директор института не сразу ответил на мое предложение и обещал только утром сказать, где и когда будет испытываться «Всевидящий глаз».

В лаборатории, которую мы оборудовали по собственному проекту, тянулись вдоль стен белые длинные стеллажи, уставленные приборами и макетами новых экспериментальных конструкций.

Одну из стен занимало огромное окно. Оно начиналось у самого пола и упиралось в потолок, как бы поддерживая его своим тонким металлическим переплетом.

В то утро, о котором я рассказываю, у окна вместе со мной стоял Ярцев, ожидая приезда директора института. Андрей что-то подсчитывал на линейке и записывал в тетрадь.

За окном расстилалось поле, как бы разрезанное надвое прямой белой дорогой. Каждое утро по ней проезжала машина директора. Он всегда был точен и ровно в десять входил в свой кабинет.

Мягкие лапы серебристых елей лезли в окно и, раскачиваясь от ветра, стучали в стекла.

Все это мне хорошо запомнилось, так как в минуты

напряженного ожидания, когда многое решается в твоей жизни, невольно фиксируется внимание на каждой мелочи. Они как бы подчеркивают значимость событий.

Помню, как в ответ на настойчивый стук в окно строгий математик Ярцев скупой улыбнулся, отложил линейку и повернул рычаг на подоконнике. Рамы раздвинулись в стороны, и в комнату ворвался бодрящий воздух осеннего утра.

Сегодня Андрей казался особенно юным, почти подростком. Но в его стройной, худощавой фигуре чувствовались военная подтянутость и собранность.

Как всегда, он был задумчив и молчалив.

Валя утверждала, что во всем виноваты интегралы, но кому-кому, а ей бы нужно было знать причины хандры, которая вот уже довольно долго держит в своих цепких лапах нашего замечательного математика.

Впрочем, об этом потом. Я не хочу выдавать своего друга, когда дело касается, как говорится, самых тонких струн его мятущейся души. Мне он своих тайн не повеял.

В то утро, о котором сейчас идет речь, мы долго не отходили от окна.

— Знаешь, Андрей, — начал я тогда разговор, — смотрю на тебя и думаю: нет для любителя высоких абстракций Андрея Ярцева более трудной проблемы, чем борьба с ожиданием. Вот где твой главный враг.

Андрей подошел к одному из приборов, с деланной неторопливостью оправил складки чехла и недовольно проговорил:

— Вполне понятно. Вчера в одиннадцать ноль-ноль мы получили приказание готовиться к выезду. Куда, как — никому не известно. — Он иронически посмотрел на меня. — Не думаю, чтобы ты был абсолютно спокоен и холоден, как лягушка. Но у тебя есть хоть какое-то терпение. А у меня нет, и ждать я действительно не умею. Это моя слабость.

Он нервно зашагал по комнате и снова остановился у окна:

— Ожиданием можно оправдывать собственное ничегонеделание. «Что ты делаешь?» — «Жду». Ответ вполне исчерпывающий. Но если проанализировать причины ожидания, то выяснится, что эта болезнь...

Я не выдержал и рассмеялся.

— Да, да, болезнь, другого я не подберу названия, —

горячился Андрей. — Эта болезнь происходит от неорганизованности, расхлябанности, недостатка культуры или даже просто не очень высоких моральных качеств, скажем, некоторых из нас. Мы по привычке ждем в приемной у начальника, вместо того чтобы заранее попросить его установить час встречи, мы теряем дорогое время из-за того, что человек обещал прийти в семь часов, а приходит в восемь. И чаще всего это из-за лени. В таких пустяках мы привыкли не сдерживать своего слова. И до чего же это тягостное, неприятное состояние! Но я оптимист и надеюсь, что скоро никто никогда и никого не будет ждать. — Он подошел ко мне вплотную и посмотрел в глаза: — Честное слово, можно подумать, что тебе до всего этого нет дела. Самое обыкновенное кокетство! Смотрите, мол, я создал гениальное изобретение, а где и как его будут испытывать, мне наплевать.

Чудак Андрей! Если бы он тогда знал, насколько мне безразлично, куда мы повезем «Всевидящий глаз»! О сейфе я ничего не говорил раньше времени.

В комнату вошла Валя. Она несла перед собой аппарат, напоминающий большую зеркальную фотокамеру. Длинный полуметровый объектив был опущен книзу, а на верхней стенке, где у фотоаппаратов такого типа находится матовое стекло, светился зеленоватый экран.

Валя внимательно наблюдала за тенью, которые скользили по экрану. Только подойдя вплотную к окну, она подняла голову и, обращаясь ко мне, сказала:

— Вы спрашивали инструкцию, Виктор Сергеевич? Возьмите. У меня руки заняты. — Кивком головы она указала на боковой карманчик в стенке аппарата.

Я вынул оттуда зеленую тетрадку. Валя снова стала рассматривать тени на стекле.

В тот день, я помню, она пришла на работу в нарядном платье, отделанном какой-то золотистой вышивкой. Светлые волосы были уложены в замысловатую прическу. Это сложное сооружение, а также очень высокие каблукы сделали из нашей маленькой лаборантки довольно внушительную фигуру. Ей даже можно было не приподниматься на носки, разговаривая с Ярцевым и тем более со мной.

Но как ни старалась бедная наша Валя придать такую же внушительность и даже строгость своему круглому личику с чуть широковатым и слегка приплюснутым носом, с бровями, зачем-то взлетевшими

вверх, отчего с Валиного лица никогда не сходило выражение удивления, с мягким детским ртом и маленьким острым подбородком, ничего у нее не получалось. Мы видели все ту же Валу, знали, что ей немногим больше двадцати лет и никакие пышные наряды, прически и даже легкий слой пудры на румяных щеках не заставят нас поверить, что наша лаборантка вдруг стала по-настоящему взрослой. Больше того: мне показалось, что весь ее праздничный наряд не особенно гармонирует со строгой обстановкой лаборатории.

— Что означает ваш костюм, Валентина Николаевна? — спросил я с нарочитой начальственной строгостью. — Чем вызвана такая торжественность?

— По-моему, у нас сегодня праздник.

— Какой же?

— А вы не будете смеяться, Виктор Сергеевич?

— Не вижу к тому оснований.

Валя поставила аппарат на стол и погладила стекло экрана:

— Я понимаю, это немного наивно, но что поделаешь. Ведь сегодня мы закончили работу! Все получилось, как ожидали... И я уже вижу наши аппараты у археологов, строителей, водолазов...

— Ну, до этого еще далеко, — прервал ее Андрей. — Сплошная фантазия, Валентина Николаевна. Ведь наш аппарат практически не испытывался. А это немаленькое дело. В технике нельзя быть оракулом.

— Сердечно благодарю! — Валя поклонилась и с ехидной улыбочкой заметила: — Очень жаль, что фантазия не поддается вашим расчетам.

— Опять споры! — остановил я друзей. — Займемся инструкцией, Валентина Николаевна.

Она села рядом со мной. Я вооружился красным карандашом для необходимых пометок.

— Прежде всего «Назначение прибора», — начал я вслух читать инструкцию и по ходу дела вставлять те или иные замечания. — Что ж, посмотрим, как вы это изложили. «Прибор, предназначенный для определения местоположения металлических предметов под землей». По-моему, это все-таки неточно и, главное, неполно. Не только сквозь толщу земли видит наш прибор, но и сквозь любую другую среду, кроме, конечно, металлической. Впрочем, это ясно: металл в металле не увидишь. Здесь еще надо добавить: «Для визуального определения», иначе какая же разница между нашим

прибором и миноискателем? Еще надо уточнить, что прибор позволяет не только определять местоположение металлического предмета, но и видеть его. Мне кажется, Валентина Николаевна, формулировку надо все-таки переработать. Вы, конечно, понимаете как важно просто и толково рассказать о нашем приборе какому-нибудь технику, который будет им пользоваться, рассказать человеку не только о том, какую ручку крутить, но и объяснить принцип работы самого аппарата. Для этого и составляется инструкция. (Я думаю, что вам небезынтересно ознакомиться с технической сущностью «Всевидящего глаза», а если так, то мне придется об этом рассказывать примерно в той же форме, как я объяснял Вале.)

Валя нахмурилась, закусил губу, что выражало у нее и обиду и сосредоточенность, однако не прерывала меня, продолжая слушать.

Я сделал на полях жирную пометку и перешел к следующему пункту:

— «Принцип работы». Ну, Валентина Николаевна, что у нас здесь получилось? — пришлось подбодрить обидчивую девушку. — «Прибор работает на принципе отражения радиолуча от металлических предметов. Обычно эта система применяется в современных радиолокационных установках для обнаруживания самолетов, где направленный луч очень коротких волн, отражаясь от металлических плоскостей, принимается на земле специальным приемником». Хорошо, — заметил я, отрываясь от чтения. — Допустим эту аналогию. О радиолокации столько писали, что, пожалуй, на нее можно сослаться для ясности. Хотя я бы скорее сравнил наше устройство с комбинацией из трех известных приборов: рентгеноаппарата, эпидиаскопа и телевизора. С рентгеновским аппаратом я бы сравнил его потому, что наш прибор позволяет видеть металлические предметы сквозь непрозрачную среду. С эпидиаскопом он сходен тем, что мы видим на экране отраженное изображение, а не просвечивающее, как в рентгеноаппарате. И, наконец, сравнивая наш «Всевидящий глаз» с телевизором, мы должны отметить, что оба эти прибора имеют систему так называемой развертки, то есть принцип последовательной передачи изображения, когда оно передается не сразу, а по частям. Вы понимаете, Валентина Николаевна, — говорил я, — мне кажется, что здесь надо рассказать о принципе действия передачи

изображения в простейшем телевизоре. Ведь эта инструкция рассчитана на человека, мало понимающего во всех этих делах.

— Так как же написать? Посоветуйте... — И Валя отвернулась к окну, заметив, что Андрей пристально смотрит на нее.

Это ее раздражало — трудно сосредоточиться, — оттого она злилась и на Андрея и на меня.

Но разве я мог запретить инженеру Ярцеву наблюдать за работой лаборантки, которая обычно выполняла его задания?

Я понимал ее состояние и старался по-дружески, но вместе с тем с необходимой требовательностью объяснить, как написать инструкцию.

— Например, можно так рассказать о принципе работы телевизионной камеры, — говорил я. — Бегают световой зайчик по изображению, или, вернее, по тому предмету который находится перед ее объективом и как бы говорит: «Здесь темно» — это когда он попадает на темную часть предмета, или: «Здесь светло» — когда проходит световой участок. А в иконоскопе, или, проще говоря, специальном фотоэлементе, ток от этого изменяется, становится то сильнее, то слабее. В нашем аппарате вместо светового луча используется очень мощный радиолуч. Обычно столь высокие частоты, которые мы применили в аппарате, отражаются и от земли и от стен, но все же какая-то часть энергии может проходить и сквозь толщу земли, и сквозь другие среды. Это получается потому, что мощность нашего луча огромна. Опыты показали полную возможность просвечивания такими частотами и земли и воды. Правда, пока еще очень неглубоко. Мощный луч, проходя сквозь землю, отражается от находящихся в ней металлических предметов, попадает на специальный приемник и дальше, претерпевая ряд изменений, управляет электронным лучом кинескопа. На его экране он словно вычерчивает контуры металлического предмета спрятанного под землей. Вот примерно так я бы рассказал об этом. Согласны, Валентина Николаевна?

Валя молча кивнула.

— Ну, теперь как у вас тут дальше написано? — Я продолжал читать инструкцию: — «Метод последовательной развертки изображения позволил в узком пучке радиолуча сосредоточить значительные мощности, которые дали возможность высоким радиочастотам про-

никнуть в глубь земли». Да, это нужно особенно подчеркнуть, — сказал я. — Но вы тут ничего не говорите о способе получения узкого пучка. Возможность создания столь узкого луча, который позволил бы передавать изображение по частям, как это делается в телевизоре, многие подвергают сомнению. Это не световой луч, он требует довольно больших рефлекторов. Можно концентрировать радиочастоты с помощью волноводов и специальных линз, но в нашем аппарате, как вам известно, применены другие устройства. Думаю, что о них не следует писать. Есть еще в мире разные вояки, они могли бы воспользоваться нашим способом концентрирования радиоэнергии для других, далеко не мирных целей. Правильно сделали, Валентина Николаевна, что не включили в инструкцию этого описания, — похвалил я лаборантку. — Правда, без формул Андрея никто бы не смог разобраться в принципе концентрирующего устройства, но лишняя предосторожность не помешает. Должен сделать еще одно замечание. Меня удивляет, почему наша уважаемая Валентина Николаевна ни одним словом не обмолвилась об аккумуляторах Ярцева? Я думаю, сам изобретатель мог бы выбрать время для того, чтобы рассказать о них подробно.

— Это не вызывалось особой необходимостью, — холодно сказала Валя. — У меня имеются все данные аккумуляторов. Записаны все циклы и сняты кривые саморазряда. Материал достаточный.

Она замолчала и с подчеркнутым равнодушием взглянула на Андрея.

Должен вам сказать, что замечание нашей лаборантки было принято Андреем не только «к сведению». Она намекнула ему о самом главном и самом больном. Когда-то молодой инженер Ярцев математически доказал возможность создания нового аккумулятора очень большой емкости и предложил совершенно новую систему.

Специальная лаборатория два года разрабатывала идею Ярцева. Результаты оказались многообещающими. Легким и портативным аккумуляторам ученые предсказывали огромное будущее.

Представьте себе бесшумные автомобили, мотоциклы. Зарядки такого аккумулятора хватит на сотни километров пробега. Машины станут удивительно просты и дешевы. Что может сравниться с надежностью электромотора! Будут созданы крохотные двухместные авто-

мобили, не тяжелее мотоцикла. Их можно ставить в прихожей и заряжать аккумулятор от электросети. Легкий аккумулятор большой емкости — это мечта всех конструкторов. Можно было бы сконструировать спортивный самолет с электромотором — летающий мотоцикл. Но все это оказалось пока только мечтой. Аккумуляторы Ярцева сами по себе, без всякой нагрузки, разряжались через час. Запасать в них энергию — это все равно что хранить воду в дырявом ведре. Ярцев ссорился с химиками: ему казалось, что только они виноваты в повышенном саморазряде аккумуляторов.

Валя не могла провести длительные измерения в аппарате, приходилось каждый час бегать в аккумуляторную за свежими банками, причем, как правило, это бывало при самых ответственных измерениях. Например, когда снималась какая-нибудь сложная кривая, Валя злилась и нервничала, поэтому не случайно умолчала об этих аккумуляторах.

Мне пришлось ее поправить:

— Попрошу вас, Валентина Николаевна, подробно написать в инструкцию о правилах пользования аккумуляторами Ярцева. Возьмите материалы из двенадцатой лаборатории. Вам известно, что без этих аккумуляторов нельзя было создать такой портативный прибор. Надо написать, что от аккумуляторов столь большой емкости мы берем десятки киловатт мощности. Конечно, не всякий поверит, что в ящике размером с фотоаппарат заключены мощности чуть ли не целой радиовещательной станции. Правда, эта радиостанция работает импульсами, то есть передавая свою энергию только в краткие мгновения, но это как раз то, что нам и нужно.

— Машина идет, — с подчеркнутым спокойствием сказал Андрей.

Я отложил инструкцию и подошел к окну. Вдали по дороге катилась голубая капля. Это был опытный автомобиль, которым часто пользовался директор. Тонкий прутик антенны дрожал и пригибался от ветра.

— Я не знаю, стоит ли упоминать об аккумуляторах, — сказал Андрей, нетерпеливо следя за машиной. — Но если о них писать в инструкции, — говорил он уже Вале, — то убедительно прошу вас привести точные цифры: емкость, напряжение... Причем без всяких эмпирических сравнений. Любая техника требует точности, и этим, как мне кажется, не следует пренебрегать даже в инструкции по эксплуатации прибора.

Я тут же согласился с Андреем. Наша лаборантка повела плечами и ничего не ответила. «Приказ есть приказ», как бы говорили ее слегка поджатые губы и независимое, равнодушное выражение лица.

Однако я прекрасно понимал: она готова была выбросить ненавистные ей аккумуляторы не только из инструкции, но даже из самого аппарата. Впрочем, она, конечно, знала, что это невозможно, и не могла не оценивать по достоинству хоть и несовершенные, но изумительные по выдумке аккумуляторы Ярцева.

Машина подлетела к подъезду и остановилась.

— Точно, — заметил Андрей, взглянув на часы. — Он никогда не заставляет себя ждать.

— Вероятно, учитывает особенности вашего характера, — съязвила Валя.

— Нет, просто он знает, что точность — один из элементов культуры.

Из громкоговорящего телефона послышался гудок.

— Он, — уверенно сказал Андрей.

Я подошел к телефону и назвал себя.

Из репродуктора мы услышали голос директора:

— Выполняю ваше желание, дорогие друзья. Если вам удобнее проводить испытания в знакомых местах, то пожалуйста, не возражаю. Но помните, что это первое практическое испытание вашей конструкции, где нужно определить ее полезность и пока еще скрытые возможности. Думаю, что «Всевидящий глаз», как вы называете свой аппарат, будет полезен строителям, восстанавливающим город. План испытаний согласуйте с главным инженером. Вылетите завтра в восемь ноль-ноль.

ИСПЫТАНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

ожалуй, так и следует назвать эту часть моего рассказа, где говорится о начале опытов с нашим аппаратом. В угоду занимательности я мог бы предложить и другие назва-

ния, например: «Часы бьют полночь» или «Человек за дверью». Они будут полностью соответствовать содержанию, так как всякой таинственности — потом вы об этом узнаете — тут хоть отбавляй. Но я не хочу выдумывать, поэтому рассказываю все, как было на самом деле.

Ранним утром мы вылетели из Москвы.

Под нами раскинулась желто-зеленая земля. Мы поднялись так высоко, что казалось, будто наш скоростной самолет остановился в воздухе подобно вертолету.

С такой высоты земля казалась совсем неинтересной. Города выглядели кучкой детских кубиков, случайно забытых в пожелтевшей траве. Около кубиков я заметил блестящую проволоку. Это была железная дорога. Сверкающий на солнце кусок бутылочного стекла при внимательном рассмотрении становился озером. Я долго разглядывал непонятный ребус: к проволоке почему-то прицепился кусок ваты; он болтался на ветру и постепенно растягивался, становясь прозрачным. Потом только я догадался, что видел дым от паровоза.

Наскучило смотреть вниз. Пожалуй, я начал понимать Андрея, его ненависть к ожиданию, и даже стал сочувствовать ему. Действительно, неприятное занятие — сидеть и ничего не делать, когда впереди столько работы. Признаюсь по совести, меня тогда очень волновала эта командировка... Что-то покажут наши аппараты? Я не успел их как следует проверить. Только перед самым отлетом пришлось немного походить по двору института, чтобы увидеть на экране «Всевидящего глаза» какие-нибудь случайные гвозди или потерянные гайки.

Впереди меня сидели Андрей и Валя. Андрей протянул свои длинные ноги и откинулся на спинку кресла. Беспокойная струйка холодного воздуха из вентилятора шевелила его мягкие волосы. Андрей рассеянно откидывал их назад, искоса поглядывая на Валю. Та его просто не замечала, грызла карандаш и что-то записывала на полях зеленой тетрадки.

Я облокотился на спинку кресла Андрея и решил поделиться со своими друзьями, как бы мне хотелось помочь Колоскову.

— Должен откровенно предупредить вас, — говорил я, — что, кроме официальных испытаний, нам придется встретиться с совершенно неожиданным применением

«Всевидящего глаза». Вам покажется удивительным, но его мы испробуем в поисках клада... Не делайте большие глаза, Валентина Николаевна, это у вас не получается, — пошутил я. — Клад был спрятан при очень загадочных и таинственных обстоятельствах. Не правда ли, довольно романтическое начало? — Тут я возпросительно посмотрел на Андрея.

Он притворно зевнул и вытащил из кармана логарифмическую линейку.

— Ну еще бы! Ни одни испытания у тебя без этого не обойдутся, — процедил он. — Ты всюду ищешь приключения!

Я помню, Валя осчастливила бедного Андрея таким взглядом, что он даже поперхнулся.

— До чего же скучный вы человек! — сказала она. — Ну прямо как дождь осенний! Вы думаете, вся жизнь умещается на этой вашей линейке? — Валя неприязненно покосилась на нее. — Не все рассчитывается и предугадывается.

— Почти все. Даже погода, — прервал ее Андрей. — Трудно найти такое явление, которое бы не поддавалось расчету.

— Да вы что, всерьез или как? — Валя говорила негромко, боясь, что услышат другие пассажиры. — «Расчеты, расчеты!»! — передразнила она моего растерянного друга. — А вы можете заранее знать, например, когда заболите? Какого числа? Разрешите спросить. Или когда полюбите — вам тоже известно?

Ярцев вздохнул и спрятал линейку. На эту тему он не решался разговаривать с Валею. Но она уже чувствовала свою победу и хотела ею насладиться до конца.

— Вы уже заранее рассчитали, какой будет та, которую вы полюбите? — язвительно спрашивала она. — Знаете, сколько ей лет, цвет глаз, волос, где она живет, в каком городе...

— На какой планете, — подсказал я, выручая друга. — Вы оба правы. Действительно, многие явления для нас перестали быть тайной, однако, Андрей, я бы на твоём месте не стал спорить с Валею насчет того, где ты найдешь свою подружку. Межпланетные полеты не за горами, и кто знает, не понравится ли тебе какая-нибудь марсианка с удивительно мягким и добрым характером, который так редко встречается на Земле.

Тут Андрей буркнул что-то совсем непонятное. Я не

помню, но, кажется, он упрекнул меня в некоторой несправедливости к жительницам Земли, намекая на какой-то мой печальный опыт. Впрочем, это к делу не относится.

Валя была нетерпелива, под стать Андрею, и, кроме того, любопытна. Тут же она затормозила меня:

— Расскажите о кладе, Виктор Сергеевич, товарищ Ярцев все равно ничего не поймет. Думает, что на Земле ни кладов, ни приключений не осталось. Расскажите. До смерти люблю слушать про необыкновенное! Так какой же это клад? Золото?

— Может быть, с «Черного принца»? — иронически спросил Андрей. — Тоже был легендарный клад. А потом выяснилось, что золото это стащили англичане еще до того, как корабль затонул. А сколько лет голову морочили, экспедиции посылали... Оказалось, обыкновенное жульничество. Вот и мы к морю летим... Уж не искать ли золото на дне?

— Нет, мы будем искать не золото, — заявил я серьезно, — а то, что ценится гораздо дороже. Я говорю о замечательном произведении искусства.

— Портрет графини неизвестных лет, неизвестной национальности, кисти неизвестного художника, — съехидничал Андрей и, повернувшись ко мне, положил подбородок на спинку кресла. — Неужели наш абсолютно прозаический аппарат способен найти такой портрет? Вот это, я понимаю, романтика!

Помню, я даже обиделся:

— Валя права: твоя насквозь пропитанная формулами душа не поймет. Ради точности, столь необходимой твоей натуре, должен сказать, что искать мы будем не портрет графини, а... чертежи советского архитектора.

Валя победоносно посмотрела на Андрея и снова застыла в ожидании.

— Можете ли поверить, — говорил я, — когда я услышал историю пропавших чертежей чудесного архитектурного творения, мне страшно захотелось найти их. А это можно сделать только нашими аппаратами. И наряду с обычными испытаниями по программе мы будем заниматься поисками круглого сейфа.

— Сейфа? — переспросил Андрей, взглянув на Валу. — Но ведь...

Она сделала протестующий жест и заставила его замолчать.

Дальше я рассказал друзьям о том, что вам уже известно. Не забыл историю с убийством старика и даже сообщил, что это произошло в гостинице, где я остановился.

Упомянул и о других, не менее романтических подробностях.

Друзья молчали: видимо, каждый из них по-своему оценивал мой рассказ. Глухо рычали моторы.

Наконец Андрей потянулся и, удивленно взглянув на меня, спросил:

— Неужели ты во все это веришь?

— А почему бы и нет? — Тут я удивился не меньше его. — Колосков не такой человек, чтобы...

Андрей не дал мне договорить и нетерпеливо махнул рукой.

— Да я не о том. Твой друг не станет обманывать, в этом я не сомневаюсь, но он может ошибаться. А главное в другом. Как могут наши аппараты найти железный ящик, если он спрятан неизвестно в какой части города? Не будем же мы ходить по квартирам!

Я ничего не ответил. В самом деле, город очень большой. Посмотрел на Валю, словно хотел призвать ее в союзники.

Но она не заметила моего взгляда. Откинувшись в кресле, она полулежала, закрыв глаза. Тени пролетающих облаков скользили по ее лицу. Возможно, как и я, она думала о новом и неизвестном, что ждет нас через несколько часов.

Самолет снижался.

На аэродроме нас встретил Колосков, с которым я договорился по телефону. Предупредительно открывая дверцы машины, он с уважением посматривал на наши чемоданы, видимо догадываясь, что там должны быть аппараты.

Он уже знал, что они будут испытываться на его участке.

Мы въехали в город. Чувствовалось дыхание моря. Мне тогда показалось, будто оно пахнет свежими огурцами. По обеим сторонам улиц уже были выстроены новые здания, но кое-где еще стояли, ожидая своей очереди, унылые остовы домов без крыш, с закрытыми темной фанерой окнами.

— Что-то не узнаю дороги. Куда вы нас везете? — спросил я у Колоскова, когда машина выехала на главную улицу.

Это был не тот путь, по которому я ехал в прошлый раз.

— В новую гостиницу, там для вас уже оставлены номера.

— Нет, Федор Григорьевич, там нам делать нечего, — возразил я. — Мы приехали к вам на участок для того, чтобы работать, а не гулять по этому вылизанному асфальту. Везите в старую гостиницу. Это совсем близко от места восстановительных работ, где мы и будем проводить испытания. Поймите, Федор Григорьевич, — убеждал я его, — нам нужны развороченные тротуары, голые остовы домов, исковерканные балки, засыпанные щебнем. Там для нас, как говорится, и воздух другой...

— Вот и я так же думаю, — поддержала меня Валя. — Аппараты надо испытывать в самых сложных условиях. — И деловито спросила: — Когда начнем?

— Я думаю, завтра с утра.

— А почему не сегодня? — вмешался Андрей. — Хотя бы через час.

— Еще лучше — через пять минут. — Валя искренне рассмеялась. — За всю свою жизнь я ни разу не встречала человека с таким ну просто чудовищным нетерпением.

— Во-первых, Валентина Николаевна, я бы на вашем месте никогда не ссылался на жизненный опыт, — вежливо напомнил Андрей, — это величина, как говорят нелюбимые вами математики, бесконечно малая. А во-вторых, в моем предложении нет ничего смешного: нам нужно экономить время.

Спор мог бы возникнуть каждую минуту, поэтому я постарался прервать его в самом начале:

— Второй аппарат надо еще немного подрегулировать.

— Будем испытывать один, — настаивал Андрей.

— Как хочешь, — согласился я. — Сегодня так сегодня. Начнем часа через три.

Едва мы успели распаковать свои вещи и умыться с дороги, как за нами в «Европу» зашел Колосков. Видимо, он тоже заразился нетерпением. Мы с Андреем взяли аппарат и направились к строительному участку номер семнадцать.

Валя тоже хотела идти с нами, но вид у нее был усталый, и я посоветовал ей остаться в гостинице:

пусть хорошенько отдохнет. Валя, конечно, обиделась, однако не всегда приходится с этим считаться.

— Предположите, Федор Григорьевич, — обратился к Колоскову Андрей, — что в вашем распоряжении есть аппарат, который позволяет видеть металл под землей. Что бы вы с ним сделали?

— Я бы нашел ему работу, — уверенно заявил Колосков. — Мне, например, очень важно знать, где под землей проходят водопроводные и газовые трубы, нет ли там телефонных или электрических кабелей, которые могут пригодиться. Потом...

— Одну минуту, — перебил его Андрей. — Подержите, пожалуйста, чемодан. — Он вынул аппарат, надел его на себя и застегнул ремни. — Теперь смотрите на экран.

Мы подходили уже к участку Колоскова.

Федор Григорьевич наклонился над аппаратом. На темном экране вспыхнула яркая зеленая точка и вытянулась в линию. Через мгновение весь экран загорелся зеленоватым светом и стал похож на огромный кошачий глаз.

Длинный объектив, вернее — направленная антенна, заключенная в трубу, была опущена книзу и как бы смотрела в землю. По экрану пробежала черная линия. Андрей остановился, отрегулировал фокусировку, и на экране стал четко виден контур водопроводной трубы.

— Посмотрим, куда она ведет, — сказал Андрей и зашагал дальше, не выпуская ее из поля зрения.

Андрей остановился у стены:

— Здесь труба входит в дом.

— Сейчас проверим, — и Колосков взялся за лопату.

Он энергично раскапывал груды мелкого щебня. Лопата звякнула. Да, действительно, здесь проходила труба.

Федор Григорьевич вытер лоб:

— Здорово! Но я придирчивый. Работу требую на совесть. Мне мало знать, где проходит труба. Может, она посередине лопнула или, скажем, вообще никуда не годится?

— Ваша придирчивость нам только на пользу, — сказал Андрей. — Попробуем доказать зоркость аппарата.

Он пошел вдоль водопровода в обратную сторону. Метров через двадцать линия на экране резко искри-

вилась. Здесь были заметны сплюснутые стенки трубы.

— Можно сказать... замечательно! — проговорил Колосков. — Все видно как на ладони. Значит, этот отрезок надо сменить. Ну а что еще там есть, под землей?

Целый час ходили мы тогда по строительному участку.

На круглом экране были видны темные контуры спрятанных в земле труб, кабелей, водоразборных колонок — все, что человек с таким трудом заботливо укладывал в землю.

Федор Григорьевич не скрывал своего восхищения. Он сделал множество заметок в записной книжке. Все, что обнаружено здесь, под землей, должно было так или иначе использоваться.

— А нельзя ли проверить, каково здоровье этой уважаемой стены? — спросил Колосков, останавливаясь возле железобетонного здания с глубокими извилистыми трещинами. — Посмотрите в ее нутро. Как там с арматурой? Нет ли трещин в каркасе? Как сохранились другие стены? Может быть, удастся восстановить эту коробку?

— «Всевидящему глазу» все равно, что земля, что бетон, — ответил Андрей, рассматривая потрескавшиеся стены. — Радиоволны пройдут.

Он повернул трубу аппарата перпендикулярно к стене и взялся за ручку фокусировки.

На экране появилась как бы вычерченная железная конструкция. словно невидимым лучом прожектора, Андрей ощупывал стену, поднимая хобот аппарата то вниз, то вверх. Он внимательно просматривал каждую стойку.

— Подожди, — остановил я Андрея. — Мне кажется, здесь небольшое искривление. Увеличь изображение. Ну, хотя бы в десять раз.

Ярцев перевел регулятор. На экране, как бы показанная крупным планом, появилась часть железной стойки. Можно было заметить неровности и выступы, оставшиеся на ней после проката. словно в гигантский микроскоп смотрели мы тогда на эти бугорки, небольшие раковины от окалины, видимые только при увеличении.

— Подними аппарат немного выше, — попросил я, невольно заражаясь азартом. — Вот сюда, к трещине. Ну конечно, здесь небольшой разрыв стойки. Как вы

считаете, Федор Григорьевич, этот поверхностный разрыв сильно повлияет на прочность всей конструкции?

Колосков нагнулся к аппарату.

— Внутренних трещин у стойки нет, — определил он. — А эта пустяковина ничего не значит. Так что же получается? — вдруг как бы опомнившись, встряхнул он головой. — Можно просмотреть все здание, и если внутри нет разрушений, то... одним словом, мы можем использовать старый остов, и нечего бояться за прочность. Каково! Ну конечно, — тут же поправился он, — если нужно кое-где заменить стойки или балки, то это сразу видно будет... Чудесный аппарат вы придумали!..

Мы ходили по всему участку, просматривали перекрытия домов, обнаруживали в груде кирпичей остатки отопительной системы, нашли под развалинами засыпанный котел центрального отопления и множество погребенных в мусоре радиаторов.

В комнатах, которые не очень пострадали от авиабомб, мы находили осветительную проводку, спрятанную под штукатуркой.

Наступил вечер. Дома вдруг сделались лиловыми, потом голубовато-серыми. Еще ярче засветился зеленый глаз аппарата. Утомленные, измазанные в извести и в песке, мы вышли на улицу.

Колосков взял меня под руку и возбужденно заговорил:

— Завтра я комиссию сюда позову. Пусть дают другие сроки. Мне сейчас уже видно, где что нужно делать. Понимаешь, Виктор Сергеевич, мы теперь с ребятами работу быстро закончим, а вот потом... — Он остановился и, с надеждой глядя на аппарат, который Андрей укладывал в чемодан, добавил: — Потом будем строить «Воздушный дворец». Уверен, что найдем чертежи.

— Попробуем, Федор Григорьевич, попробуем! — сказал я. — У нас с собой два аппарата. Один будем испытывать здесь, другой используем для поисков сейфа. Это будет серьезным испытанием.

Он порывисто обнял меня, и я сразу же почувствовал себя неловко. Не хватало твердой уверенности, что нам удастся ему помочь, и я не вправе был переоценивать возможности нашего аппарата. Он пока еще очень несовершенен.

Я помню, в этот вечер Валя встретила нас у подъезда гостиницы и по выражению лиц поняла, что первые испытания прошли удачно.

Она даже не стала обижаться за то, что мы обошлись без нее. Во всяком случае, я так думал. Однако когда я спросил, проверила ли она аккумуляторы, то услышал отрицательный ответ. Я не мог представить себе, что Валя позабыла о них или поленилась. Значит, были какие-то другие причины.

Вместе с ней мы поднимались на второй этаж по лестнице старой гостиницы.

— Какая здесь тишина! — вполголоса говорила Валя. — Еще девочкой я ездила с экскурсией в Ленинград. Помню, мы осматривали Петропавловскую крепость, были в полутемном равелине — старинной страшной тюрьме для политических заключенных. Я никогда не забуду эти холодные сводчатые коридоры и длинный ряд камер. Там было очень страшно. Сколько лет прошло, а я все еще вспоминаю эту гнетущую тишину. Сквозь толстые стены не долетало ни одного звука. Руководитель экскурсии сказал, чтобы мы на минутку замолчали и послушали эту тишину. Она доводила заключенных до сумасшествия. И действительно, когда наступило молчание, то нам стало просто не по себе.

Под впечатлением своего рассказа Валя приумолкла.

Видимо, эти воспоминания были вызваны обстановкой старой гостиницы и не случайно наша упрямица встретила нас у подъезда. Она не могла проверить аккумуляторы — страшно оставаться в пустом номере, тем более что в гостинице на этот раз почти все комнаты оказались свободными. По коридору никто не ходил, стояла тишина, как в равелине.

Андрей осторожно взял Валу под руку:

— Представляю ваши ощущения в крепости. Но это было давно, а дети многого боятся.

Она освободила руку:

— Вы хотите напомнить мне, что я уже не дитя. Благодарю. Это полезно. Но, может быть, вам покажется смешным, а я и сейчас многого боюсь. В этом виноваты книги. С детства они научили меня пугаться летучих мышей, темных углов, где прячутся крысы и всякие непонятные призраки. Страшен крик совы, полумрак, сырость. Все это описано в старинных книгах. Я помню страшные рассказы о замках с привидениями.

— Мне понятен ваш интерес к привидениям, — сказал я подсмеиваясь. — Они обещали проверить аккумуляторы. Безответственный народ. Обманули.

Валя покраснела и опустила голову.

Я вспомнил вдруг историю, рассказанную Колосковым, и спросил его, когда мы шли по коридору:

— Федор Григорьевич, это здесь простился с жизнью шпион, которого посадили к Бродову?

— Вот видите, Валентина Николаевна, — с ласковой усмешкой сказал Андрей, — сегодня ночью вы сможете встретить своих старых знакомых из книг. Для этого тут все условия. Таинственная гостиница... Тишина... Бьет двенадцать часов. Появляется привидение — старик со стеклянными глазами...

Валя сердито посмотрела на него и отвернулась.

— Говорят, этот старик жил вот здесь, — сказал Колосков, останавливаясь у двери, где белела табличка «№ 6». — С вами рядом, Виктор Сергеевич. — Он попрощался и ушел.

— Итак, Валентина Николаевна, — сказал я, — можете спокойно спать: призрак по-соседски прежде всего зайдет ко мне. Кстати, мне сейчас не до сна. Хочу подрегулировать второй аппарат.

Мы разошлись по своим комнатам.

Опять мне попался тот же номер: узкий и мрачный. Сводчатый потолок спускался очень низко, как в подвале...

Я решил не включать света, чтобы лучше видеть изображение на экране. Ночной сумрак, словно синий густой туман, застилал комнату, свисая тяжелыми портьерами в темных углах. Синим казалось все: ковер, диван, круглый стол и даже кресло, где я сидел.

Несмотря на удачные испытания, я чувствовал тревогу и мучительное недовольство. Меня очень беспокоили непонятные капризы второго аппарата, который мы не успели как следует наладить. Он очень трудно поддавался регулировке.

Я вытащил его из чемодана, поставил на стол и повернул ручку переключателя.

В глухой тишине зажужжал вибрационный преобразователь. Вспыхнул зеленоватый экран.

Закончив проверку фокусировки аппарата, я направил объектив книзу и увидел черную полосу балки, костыли и гвозди в основании паркета.

Я надел аппарат на себя и прошел по комнате. Помню, что заметил тогда провода люстры, висевшей на потолке нижнего этажа. Видна была и сама рогатая люстра. Она резко выделялась на светло-зеленом фоне.

Появилась монета, лежащая под ковром, лезвие бритвы, застрявшее в щели паркета, английская булавка...

Но все это было видно с какими-то дополнительными тенями и радужными ореолами. Приходилось сильно увеличивать напряжение и брать от аккумуляторов непосильную для них нагрузку. Я уже поставил новый аккумулятор, который только что отсоединил от выпрямителя, но и он скоро разрядился. Долго пришлось возиться с аппаратом, пока я не наткнулся на причину всех бед.

Наконец схема была исправлена, и я вновь начал испытания.

Невидимые лучи аппарата скользили по стене.

Водопроводная труба, электропроводка, телефонная линия мелькали на зеленом экране. Видно было четко и хорошо. В поле зрения попал мой чемодан, и я увидел в пространстве, ограниченном черными линиями его металлической окантовки, какой-то кружок, усеченный конус и другой конус, поменьше. Мне это было непонятно. Ведь я знал содержимое своего чемодана. Долго я не мог догадаться, что проецировалось на экране. Потом вдруг припомнил: это же бритвенный прибор и кисточка!

Я узнал рамку логарифмической линейки, увидел пуговицы на одежде. Появились тени отверток, плоскогубцев, электропаяльника. Все эти инструменты могли понадобиться, и я взял их на всякий случай.

Луч аппарата бродил по стене соседней комнаты. Я почувствовал себя невидимкой, проникающим в любое запертое помещение.

Я помню, что видел семь замков письменного стола, детали бронзового чернильного прибора, ярко очерченный контур настольной лампы. Она казалась очень странной — без лампочки и абажура.

На зеленоватом мерцающем фоне появился скелет железной кровати. Настроился поточнее — кровать стала видна еще резче. «Вот здесь он лежал», — мелькнуло в голове. Я оторвал взгляд от экрана и вдруг подумал, что сейф может быть замурован где-нибудь в стене соседнего номера. Впрочем, тут же отогнал эту мысль.

Мертвенный свет уличного фонаря разливался по паркету. Свет был неприятный, зеленовато-фиолетовый. Снова я наклонился над экраном и невольно отшатнулся. На экране что-то двигалось.

Я хорошо знал, что в соседней комнате никто не

живет, но в зеленом светящемся круге я видел какой-то странный темный стержень, который равномерно раскачивался.

Было такое впечатление, что кто-то стоял посреди комнаты и медленно помахивал тростью.

«Может быть, это призрак хромого старика?» — попробовал я подшутить над собой.

В самом деле, это было бы забавно. При помощи радиотехнического прибора, созданного на основе последних достижений науки, инженер вдруг обнаруживает привидение, да еще с тросточкой! Случай совершенно фантастический.

Невероятное сочетание техники и старомодной мистической романтики удивляло своей несообразностью. В то же время у меня невольно разыгрывалось воображение. Я представлял себе освещенного отблеском фонаря человека с зеленоватым лицом; он встал с кровати и, глядя на стену стеклянными, остановившимся глазами, задумчиво покачивал перед собой железной тростью.

Именно тростью. О ней мне говорил Федор Григорьевич. Я понимал, что это чепуха, но не мог оторвать взгляда от экрана. Больше того — я злился на себя, представляя, как будут смеяться Андрей и Валя, если им рассказать, что я видел на экране железную трость привидения.

Где-то пробили часы. Действие развивалось, как в старинном романе, о чем вспоминала Валя. Я не знал, сколько было времени. Возможно, и двенадцать. Призрак начал бродить по комнатам. Чем черт не шутит, мог заглянуть и ко мне.

Однако он не спешил, стоял спокойно на том же месте, равномерно помахивая тростью. Странная методичность была в этом движении. Трость раскачивалась, как маятник.

Ну конечно! Это и был маятник. Маятник больших старинных часов. Я живо представил себе: высокая узкая тумба красного дерева со стеклянной дверцей, я даже мог разобрать на экране аппарата кружок на конце «тросточки», а сверху — квадрат циферблата.

Я мысленно пристыдил себя, что дал волю не в меру разыгравшемуся воображению, и снова занялся аппаратом. Он все-таки работал не так хорошо, как мне бы хотелось. В такие минуты, когда остаешься один со своим капризным созданием, представляешь его бук-

важно живым и можешь даже разговаривать с ним, тщетно убеждая строптивый аппарат подчиниться прежде всего законам радиотехники, затем твоему опыту и настойчивости.

Помню, в тот раз я тоже что-то шептал, склонившись над экраном и поминутно заглядывая под панель прибора, где контрольная лампочка освещала скелет конструкции, путаницу цветных проводов, похожих на артерии и вены в анатомическом атласе, конденсаторы, сопротивления, катушки контуров — всю ту живую, как мне казалось, плоть, из которой был создан наш аппарат.

— Что случилось с тобой?.. Мало напряжение? Сейчас подбавим, — шепотом говорил я этому непокорному творению и подкручивал реостат. — Так, правильно.. Доволен? Но почему у тебя на экране вдруг появились темные полосы? Синхронизация шалит? — Я тут же подстраивал нужный контур. — А это что за новости? Ты стал совсем близоруким? Твой брат видит куда лучше... Проверим напряжение.

Я подключил концы от вольтметра и с надеждой смотрел в огромный зеленый зрачок аппарата, где отпечатывалось то, чего не видели мои несовершенные глаза.

Наконец мне удалось убрать темные полосы и устранить «близорукость». Направляя объектив на дверь своего номера, я все еще разговаривал с аппаратом:

— Вот теперь правильно. Развертка нормальная... Экран чистый... Посмотрим внимательно, — шептал я, подкручивая ручки настройки и фокусировки, — Яркость и контрастность вполне подходящие... Только мне не очень нравится светящийся ореол вокруг изображения. Лишний он, брат, лишний.

Я отвернул крышку в одном из отсеков прибора и снова занялся регулировкой. Ореол исчез.

Долго я смотрел на экран, регулируя четкость изображения ручки двери. Глаза устали от напряжения, я на минуту закрыл их и, когда снова посмотрел на светлый круг, неожиданно заметил движущееся темное пятно. Мне показалось это странным. Никакими законами техники его нельзя было объяснить.

Я вынул из кармана платок, протер стекло экрана, потом машинально вытер платком глаза и с досады выругался.

Это не было обманом зрения: на фосфоресцирующем

экране я совершенно ясно увидел очертания металлической трости. Она медленно плыла по экрану, как вытянувшаяся змея в зеленоватой воде аквариума.

Поворачивая объектив, я не выпускал ее темного силуэта из поля зрения аппарата. Доплыв до края экрана, трость повернула обратно.

Я поднял объектив повыше. На экране появились какие-то странные узкие кольца. Они боком проецировались на светящемся поле и казались эллипсами. Но вот кольца повернулись, и я вдруг представил себе, что кто-то смотрит на меня сквозь большие очки в металлической оправе. Правда, я сразу же отогнал эту мысль: видеть через дверь нельзя. Меня смутили особенности нашего аппарата, который в известной степени обладал этой возможностью.

Однако я не только видел оправу очков. По затененному дыханию, по еле слышному скрипу ботинок мне стало ясно, что за дверью в самом деле кто-то есть. Но что ему было нужно? В первое мгновение я просто хотел выйти и узнать. Но потом решил повременить с этим. Я никогда не видел человека на экране «Всевидящего глаза», а это, наверно, интересно. По изображению на экране мне хотелось представить себе внешние особенности незнакомца, который стоял за дверью. Помню, тогда я очень удивился, обнаружив, что человек может носить десятки металлических предметов на костюме и в карманах.

Вдруг очки заметались из стороны в сторону. Тень трости перечеркнула экран, запрыгали тени пуговиц, ключей, и все исчезло. Зеленый зрачок «Всевидящего глаза» как бы иронически смотрел на меня.

В коридоре послышались шаги, приглушенные голоса. Ко мне постучали.

В желтом, слабо освещенном прямоугольнике двери темнели две фигуры: Валя и Андрей.

— Что это ты в темноте сидишь? — удивился Ярцев и повернул выключатель.

Жмурясь от яркого света, он стал рассказывать самые последние новости.

Не знаю, как могло получиться, да я и не хочу вдаваться в существо этого дела, но, в общем, Валя где-то встретила Андрея, потом они вместе гуляли по городу, и, когда возвращались в гостиницу, их догнал Колосков. Он уже успел сообщить в горсовет о наших аппаратах. Там этим заинтересовались и просили, если сможем,

приехать с аппаратом завтра утром в горсовет, где должны были собраться коммунальщики, связисты, строители. Они считают, что «Всевидающий глаз» мог бы принести огромную пользу городскому хозяйству.

— А как же наши испытания? — не скрывая своего беспокойства, спросил я.

Валя развела руками:

— Не знаю. Колосков просил нас завтра же проверить одно здание. Дело, говорит, особенно срочное. Вот если бы...

Она не договорила и замялась.

Андрей пришел ей на помощь.

— Напрашивается следующее решение, — сказал он. — Валентина Николаевна хочет взять аппарат и самостоятельно поработать с ним на участке. Я думаю, это ей полезно.

— Отлично, — согласился я. — Мне не очень-то нравится эта демонстрация в горсовете, но я считаю, что специалисты разных профессий могут многое подсказать. Значит, решили: дадим один аппарат Валентине Николаевне, а второй возьмем в горсовет.

— А вы его успели проверить? — озабоченно спросила Валя.

— Все в порядке, — поспешил я ее успокоить. — В общем, теперь «глаз» видит все, даже то, что ему и не положено.

Валя не поняла:

— То есть?

— Какой-то призрак с тростью бродил у двери. Не понимаю, что ему было здесь нужно.

Послышался осторожный стук. Валя вздрогнула. Андрей с усмешкой покачал головой и пошел к двери.

На пороге стоял швейцар.

— Просили передать, — сказал он, протягивая мне записку.

Когда дверь за швейцаром закрылась, я удивленно развернул листок бумаги, пробежал его и молча передал Андрею.

Там было написано примерно следующее:

«Уважаемый товарищ Петров!

У меня имеются некоторые данные о месте, где спрятаны чертежи архитектора Бродова. К сожалению, я не дождался вас, чтобы поговорить об этом. Завтра увидимся».

Подпись была неразборчива.

— Ну что ж, будем ждать этого неизвестного доброжелателя, — спокойно сказал я.

Но подумал тогда о другом. Возможно, это автор записки бродил за дверью. И почему-то у него была металлическая трость. Неожиданное совпадение.

Я махнул рукой, словно навсегда отметая ненужные ассоциации, и деланно рассмеялся.

Андрей удивленно посмотрел на меня — видно, почувствовал эту неестественность — и проворчал:

— Мне непонятно, откуда он узнал, что мы хотим искать чертежи.

Взглядом спросив у меня разрешения, Андрей передал записку Вале.

— А Колосков? — подсказала она. — Я уверена, что он уже всем рассказал о своих надеждах и соображениях. Дело касается «Воздушного дворца». Вы же сами, Виктор Сергеевич, считаете, что он этим серьезно болен.

— Завтра спросим, кому он говорил, — сказал я и невольно покосился на аппарат.

Он был все еще включен. В правой стороне светящегося круга темнела как бы повисшая в воздухе ручка двери, похожая на букву S.

Демонстрация «Всевидающего глаза» в горсовете прошла с успехом. Зря я тогда беспокоился.

После моего небольшого сообщения всех пригласили во двор, где Андрей с аппаратом ходил по каменным плитам и показывал желающим тени на экране. В земле было столько старого металла, что его хватило бы на целый год работы какой-нибудь небольшой артели, выделывающей ножи, замки и всякую другую бытовую мелочь.

Все участники совещания толпились возле аппарата и наперебой приглашали нас к себе в строительные, монтажные, ремонтные и прочие организации. Отказываться было неудобно, но если бы нам разрешили выполнить все эти просьбы, наша командировка затянулась бы на многие месяцы.

Нам не терпелось приступить к испытаниям по программе и, не скрою, к поискам сейфа. Поэтому, наскоро попрощавшись, мы уложили аппарат в машину и решили уже сегодня начать эти поиски.

— Надо все как следует организовать, — сказал

Андрей, доставая карту. — Как ты думаешь, откуда мы начнем?

— Ну, хотя бы от здания проектного бюро, — показал я на карте. — Для начала не все ли равно?

— Так у нас ничего не получится, — возразил он, укоризненно покачав головой. — Нужен элементарный расчет. — Андрей расправил на коленях план города с густой сеткой нумерованных квадратов. — Мы должны обследовать квадрат за квадратом.

— Но сколько же времени потребуется, чтобы обыскать весь район, а может быть, и город? — воскликнул я. — Ты это рассчитал?

Андрей вытащил из кармана линейку, но тут же сунул ее обратно, так как прекрасно понимал убедительность моих доводов.

— Поработать придется, — сказал он тогда. — Но только такой метод обеспечит нам верный успех.

— Хорошо, — согласился я. — Будем искать по квадратам, но сначала выберем такие участки, где скорее всего мог быть спрятан сейф.

Внимательно рассматривая карту, Андрей сличал ее с местностью, где мы проезжали.

Мы тогда находились на окраине города, неподалеку от строительного участка Федора Григорьевича Колоскова.

— Отсюда и начнем искать, — предложил я, — то есть с левого углового квадрата номер один. Кстати, проектное бюро рядом, в квадрате номер два.

Выйдя из машины, я надел на себя аппарат. Андрей сопровождал меня с картой в руках.

Я высказал мысль, что сейф вряд ли будут закапывать посреди дороги.

— Откуда мы знаем? — возразил Андрей. — Может быть, этого сейфа совсем и не существует, но уж если мы взялись за поиски, то придется обследовать каждый метр земли, каждый метр стены всех двадцати шести зданий этого квартала.

— Безнадежная работа. Надо в квадратах обследовать только наиболее «подозрительные места».

Андрей ничего не ответил. Видимо, втайне соглашаясь с моими доводами, он по привычке к последовательности математического анализа не мог сразу же принять мое предложение.

Я смотрел на экран. На маленьком участке дороги под верхним слоем щебня я увидел перочинный ножик,

какое-то кольцо, ключи. Я видел бесчисленное количество английских и простых булавок, крючков, пряжек и других мелких предметов. Может быть, сотню лет назад по этой дороге ездили в старинных каретах разряженные дамы, теряя булавки и крючки. Эту металлическую «пыль веков» каким-то чудом пощадило время, она еще не успела превратиться в ржавчину и зеленую медную окись.

Мы прошли в сторону от дороги и стали пробираться среди колючего кустарника.

Вдруг экран погас, стал почти черным, и только маленькие искорки, изредка пробежавшие по темному кругу, напоминали, что аппарат все еще работает.

Это было совсем непонятно. Продираясь сквозь колючки, мы ходили взад и вперед, но «Всевидящий глаз» оставался слепым. Мы уже хотели отложить поиски на следующий день, если, конечно, за это время удастся исправить аппарат. Но вот мы выбрались на дорогу, и экран неожиданно вспыхнул, засиял зеленым светом.

Откуда же могла появиться огромная тень возле дороги, как будто в земле оказались тонны металла? Правда, я в этом не был уверен и многое объяснял капризами пока еще несовершенного аппарата.

— Так что же за человек ходил возле твоей двери? — спросил Андрей, и я почувствовал в его голосе скрытую насмешку.

— Я с ним незнаком, — равнодушно ответил я. — Видел очки, запонки, пуговицы, трость...

— Удивительная наблюдательность!

— Во время экспериментов она никогда не бывает лишней. Да и вообще в наших условиях это качество считаю полезным. Черт его знает, кто там стоял за дверью.

— «Тень бродила за стеной», — продекламировал Андрей. — Дай-ка мне аппарат. У тебя он видит совсем не то, что от него требуется.

— Бери. Может быть, тебе повезет, — сказал я, снимая аппарат.

— Я все-таки не могу представить себе, — удивлялся Андрей, застегивая ремни, — как можно обратить внимание на запонки у человека, который вчера стоял за дверью, поджидая свою знакомую из комнаты напротив. Я не думаю, чтобы у него были другие причины топтаться в коридоре. К сожалению, аппарат не показал, что в левом кармане у человека с тростью лежали

два билета в филармонию; шестой ряд, места четырнадцатое и пятнадцатое. Впрочем, при твоей фантазии ты мог и не это увидеть.

Я прервал его разглагольствования и посоветовал внимательно смотреть на экран.

Пройдя отрезок дороги до конца квадрата, мы повернули обратно и пошли по пустырю, пересеченному буграми. Поднимаясь на один из них, мы обнаружили в земле новую находку. Как тень во время затмения солнца, на светлый экран выползло темное пятно, и я увидел четкий силуэт круга.

— Сейф! — прошептал Андрей.

Трудно было поверить этой удаче. Но мало ли чего не бывает на свете!

Андрей крикнул шоферу, чтобы тот принес саперную лопату. Она лежала у нас в машине.

Опустившись на колени, я начал срезать плотный дерн. Мне очень хотелось верить, что именно здесь, у дороги, зарыт сейф с чертежами.

Под верхним слоем земли показалась синяя глина с желтыми прожилками песка. Мы думали, этой глине не будет конца. Наконец лопата заскрежетала по металлической поверхности, и среди голубовато-серых комьев, словно вылезая из глубины, появилось нечто похожее на большой стальной купол.

Я стал осторожно смахивать приставшие к куполу кусочки глины. Андрей положил на землю аппарат и, нахмурившись, смотрел в яму.

— Но почему же он шарообразный? — пробормотал Андрей и, опустившись на корточки, стал помогать мне счищать глину.

— Нет, это, наверно, не сейф. У него должен быть замок или петли. А тут...

Рука его вдруг провалилась куда-то в пустоту. Земля посыпалась внутри сферы, и зияющая черная дыра словно взглянула на нас.

Я разочарованно вздохнул:

— Колпак пулеметной точки. Ты попал рукой прямо в бойницу.

Андрей поднялся, стряхнул пыль с коленей.

— Теперь я и сам вижу, — недовольно признался он. — Место для него подходящее выбрали. Отсюда простреливалось все поле.

Мы ехали всю дорогу молча. Андрей делал какие-то заметки в блокноте. Я, помню, был очень удручен неуда-

чей. «Всевидящий глаз» мог ошибаться, как и обычный миноискатель. Он заставил нас вырыть стальной колпак, оставшийся еще со времени войны.

Я представлял себе всю трудность обследования десятков квадратов. Еще несколько таких ошибок — и можно было потерять веру в аппарат. Это казалось мне самым страшным. Если в него не веришь, то в поисках ничего не стоит пропустить и настоящий сейф, он мелькнет на экране темным пятном.

В сознание понемногу закрадывалось сомнение. Оно вызывало чувство горечи и разочарования. Мне уже не хотелось продолжать поиски. Я старался гнать эти мысли. Горе, когда сам автор охладевает к своему детищу. Это страшно и непоправимо. Я успокаивал себя как мог, упорно внушая мысль, что «аппарат удачен, что далеко не всегда он ошибается, что это простая случайность. Он может все видеть, но его надо совершенствовать».

Я смотрел на обочину дороги, и мне всюду мерещились темные круги. Вдруг в самом деле я заметил в кювете жестяной проржавленный круг, дно от старого ведра.

— Стой! — приказал я шоферу.

Машина остановилась.

Я выскочил на дорогу, надел на себя аппарат и пробежал к жестяному кругу. Он появился на экране черным пятном. Я отошел немного дальше, и пятно превратилось в эллипс. Так и должно быть: на круг я смотрел в ракурсе.

Затем я взял лопату и зарыл круг в канаве. Снова отошел и посмотрел. На этот раз я не увидел ни круга, ни эллипса. «Значит, при косом луче на экране я ничего не смогу увидеть. А если так, то мы никогда не найдем сейфа, потому что нам не хватит времени для того, чтобы вытаскивать из земли всякие детали, по форме имеющие очертания круга. Например, колеса вагонов, большие шкивы или те же ржавые днища от бочек и ведер», — примерно так рассуждал я, проделывая свои опыты.

Андрей молча смотрел на мои бесплодные попытки видеть под углом и наконец сказал:

— Нам обязательно надо осматривать предмет и сверху и сбоку. Но почему это не удастся?

Не скрывая досады, я тут же ему напомнил, что у «Всевидящего глаза» был и остался основной порок:

недостаточная мощность. С этим мы только что встретились на практике. Мощности генератора нашего аппарата не хватает, чтобы проникнуть сквозь толщу земли больше чем на один метр, а если луч направить под углом, то здесь ему придется преодолевать слой в полтора-два метра.

Мы уже сели в машину, когда Андрей спросил:

— А если увеличить мощность генератора?

— Но позволь, мы не рассчитывали на такие плотности тока в твоих аккумуляторах, — сказал я, мельком проглядев записи. — Через несколько дней аккумуляторы полностью разрушатся.

— Придется с этим мириться, — убежденно проговорил он. — Пушка живет всего лишь несколько минут, если считать время выстрела: это потому, что в ее стволе в течение тысячных долей секунды развиваются невиданные мощности. Вот и мои аккумуляторы также могут отдавать огромную энергию. Пусть недолго, но все же могут.

Я подумал, что в данных испытаниях и поисках сейфа нужна максимальная энергия не только аккумуляторов, но и нас самих.

Показались знакомые контуры здания. Машина одъезжала к конторе Колоскова. Он, видимо, с нетерпением ждал нас и тут же вышел навстречу.

— Ну, чем обрадуете? Как там, в горсовете? Удивили вы их своим «зеленым глазом»? — спрашивал он с воодушевлением. — Воображаю, сколько там сейчас разговоров!

Я вкратце рассказал Колоскову о наших делах.

— Валентину Николаевну не видели? — спросил Андрей, оглядываясь по сторонам. — Она впервые проводит испытания. Как ее успехи?

— Лучше не надо. Мы засняли и зарисовали уйму нужных вещей. А разве не вы прислали за ней машину?

— Какую машину? — удивился Андрей. — Валентина Николаевна уехала?

— Да. Часа полтора тому назад.

— Кто же за ней приезжал?

— Признаться, я не видел толком. Меня в это время отрывали по разным делам, — уже с беспокойством говорил Колосков. — Но помнится, что в машину садился пожилой человек в шляпе, в очках... с палкой...

Я вздрогнул. Опять какое-то странное совпадение. Но потом успокоился:

— К обеду придет. Или уже в гостинице.

Мое предположение не подтвердилось. Вали в номере не оказалось. Я не мог понять, почему она так неожиданно уехала. Знакомых в городе, насколько мне известно, у нее не было. Возможно, кто-нибудь из соседей-строителей упросил ее посмотреть здание или найти водопровод. Во всяком случае, дело найдется для нашего аппарата. Я был спокоен за Валю и за аппарат, зная, что наша лаборантка винтика не потеряет, не говоря уж о ценном приборе.

Не терпелось проверить предложение Андрея — увеличить мощность радиолуча. Позабыв обо всем, мы занялись переделкой аппарата. Нам это удалось очень просто и хорошо, что в лабораторной практике далеко не всегда бывает.

Закончив работу, вышли из гостиницы, намереваясь немедленно начать испытания «косого луча». Но не успели мы пройти несколько шагов, как ко мне подбежал человек в запыленном рабочем комбинезоне.

— Товарищ Петров, прошу извинения, — взволнованно говорил он, запыхавшись от быстрого бега. — На карьере обвал, — продолжал он скороговоркой, — засыпаны механизмы, вагонетки, рельсы, инструмент. Работа остановилась. Послал начальник, просит помочь. Не знаем, где что искать. Подряд раскапывать долго. Камень срочно нужен. Посмотрите аппаратами. Очень просим. Пожалуйста.

— Попробуем помочь, — сказал я и обратился к Андрею: — Кстати испытаем «косой луч». Едем!

— Спасибо, вот спасибо! — обрадованно говорил человек в комбинезоне. Он потащил нас к машине. — Тут совсем недалеко.

— Может быть, ты останешься? — спросил я у Андрея. — Подождешь Валю и приедешь со вторым аппаратом.

Андрей отрицательно покачал головой.

Мы быстро проехали улицу с разрушенными домами и помчались по шоссе, возле которого нашли стальной купол.

На карьере, где велись разработки известняка, мы увидели замершие без движения экскаваторы, остановившиеся на полпути вагонетки канатной воздушной дороги. Люди растянулись цепью у белой каменной стены высотой с двадцатипятиэтажный дом и торопливо откапывали механизмы и инструмент.

Навстречу нам спешил начальник разработок, белый как извесь. Он смахивал с ресниц приставшую пыль:

— Мне рассказали о ваших испытаниях. А тут видите, какое дело вышло... Обвал, причем совершенно неожиданный. К счастью, ни одной жертвы. В обеденный перерыв обвалилось. Главное теперь — механизмы найти...

— Найдем, — пообещал Андрей, вытащил аппарат из чемодана и надел на себя.

Мы бродили по грудам известняка и смотрели на экран. То в одном, то в другом месте обнаруживали мы лопаты, врубовые машины, пневматические молотки, электробуры. Они четко вырисовывались на зеленом блюде экрана. Косой луч позволял видеть их даже издали, не только под ногами.

За нами шло несколько землекопов — вспомогательных рабочих; их на карьере насчитывалось совсем немного, так как все основные работы были механизированы. Рабочие откапывали найденный нами инструмент и отдавали своим товарищам.

То здесь, то там под толстым слоем обвалившейся породы — вагонетки, электрокары, транспортеры. За нами шел инженер и по списку отмечал обнаруженные машины.

На всем участке неожиданного обвала не осталось ни одного квадратного метра, где бы не побывал «Всевидающий глаз». Мы указывали, где именно нужно копать, и вскоре в разных местах возникали горки выброшенной наверх породы.

Приехала комиссия для расследования необычайного обвала.

Специалисты были очень удивлены, увидев, что так быстро найдены машины и инструмент.

— Ну и «глаз»! — с восхищением говорил начальник разработок. — Да этот чудесный прибор сократил нам работу по меньшей мере на десяток дней!

— Ваше счастье. Повезло, — сказал низенький и толстый председатель комиссии, обмахиваясь соломенной шляпой. — Вы говорите, жертв не было? А учли, что часть породы засыпала дорогу? В это время там никто не проезжал?

— Ну что вы! — встревожился начальник разработок, и его лицо еще больше побледнело под слоем известковой пыли. — Мы бы заметили.

— Для полного спокойствия можно проверить засыпанный участок дороги, — предложил я.

Председатель комиссии удивился:

— Но как это сделать?

Я понял его сомнения и пояснил:

— На экране мы можем увидеть не только машину под обвалившейся породой, но и следы человека.

— Не понимаю. Какие следы? — еще более удивился председатель.

— Сейчас я вам скажу. — Тут я направил на него объектив. — У каждого человека достаточно металла и на одежде, и, конечно, в карманах. Вот у вас, например, я вижу монеты, ключи, ножик со штопором, а выше, над поясом совершенно непонятную конструкцию из цепей и блоков.

— Ничего непонятного, — смущаясь, возразил председатель и подтянул брюки. — Я вчера купил... такие специальные подтяжки... Очень даже удобно...

— Ну, вот видите. Значит, и человека можно найти, — сказал я. — Но я думать не хочу, что кто-нибудь попал в обвал.

— Этого еще недоставало! — буркнул Андрей и взял у меня аппарат.

Перебираясь через завалы известняка и утопая по щиколотку в крошечной, раздробленной породе, мы достигли дороги. Андрей принялся исследовать ее засыпанный участок.

— Так чем вы объясняете неожиданный обвал? — обратился председатель комиссии к руководителю работ. — Ведь только три дня назад мы проверяли технику безопасности.

— Виктор! Скорее ко мне! — неожиданно закричал Андрей.

Я подбежал и увидел, что он с ужасом смотрит на экран.

На мерцающем поле четко обрисовывалась тень небольшого обруча. Внутри его силуэты металлического флакона, крошечных ножниц, шестигранной пудреницы и других мелких предметов, обычно встречающихся в дамской сумочке.

— Ты понял? — хрипло спросил Андрей. — Узнаешь?

Тени на экране задрожали. Андрей уже не мог держать аппарат.

— Это просто совпадение, — успокаивал я его. — Мало ли у кого может быть такая же круглая сумочка.

Но Андрей не слушал.

— Скорее сюда с лопатами! — крикнул он и, когда подоспели рабочие, попросил: — Пожалуйста здесь. По-скорее!

Он ходил по засыпанной дороге, просвечивая ее аппаратом шаг за шагом.

С минуты на минуту я ждал в отчаянии, что он увидит силуэт расплющенной машины или другие признаки гибели людей.

Рабочие вырыли глубокую яму и вытащили из нее покрытую белой пылью круглую сумочку с металлическим обручем. Я взял ее, сдул пыль. Точно такую же сумку из красной кожи я видел у Вали.

Андрей вырвал ее у меня из рук и нажал кнопку на обруче. Сумка раскрылась. В ней оказались ножницы, пудреница-шестигранник и записная книжка Вали.

Начальник здешних разработок с удивлением смотрел на искаженное волнением лицо Андрея и, видимо, ничего не понимал. С его точки зрения, сумка могла быть просто случайной находкой. Мало ли кто проходил по этой дороге. Машины не оказалось, других признаков, что здесь погиб человек, тоже не обнаружено.

И на самом деле: кроме этой сумочки, мы ничего не нашли.

Это несколько успокоило Андрея. Оценивая его поведение, я понял тогда многое. Мне стало жаль своего друга, потому что я не видел никакой возможности ему помочь. Валя всегда говорила с ним, нарочито подчеркивая свое равнодушие. То ли это было пустой девичьей фрондой, или объяснялось неприязнью к суховатому математику, но Андрею от этого было не легче. Он старательно прятал свое чувство, и только случай с печальной находкой выдал его.

Андрей высказал предположение, что Валентина Николаевна проезжала этой дорогой и потеряла сумку. Его так же, как и меня, удивляло, почему она нас не предупредила.

— В верхней части карьера остался засыпанным кое-какой инструмент, — обратился ко мне начальник разработок. — Если не устали, то... — Он виновато улыбнулся.

С большим трудом поднялись мы наверх. Я взял у Андрея аппарат и, шагая по самому краю обрыва, направил объектив на обрушившийся склон.

Я следил за теньями, мелькающими на экране, изредка поглядывая вниз, где работали люди. Они откапывали засыпанные машины.

На экране появилась необычная тень.

— Странно, — глядя через мое плечо на экран, проговорил здешний начальник. — Трехлинейная винтовка образца тысяча восемьсот девяносто первого года. Ого, да она здесь не одна. Целый склад!

На экране «Всевидающего глаза» видны были аккуратно уложенные в гнезда винтовки. Их могли мы обнаружить только «косым лучом», направляя объектив под углом к земле. Винтовки стояли вертикально. Почва в этом месте осела, образовалась глубокая впадина, от которой во все стороны разбежались черные извилистые трещины.

— Теперь понятно, почему произошел обвал, — заметил председатель комиссии, рассматривая трещины под ногами. — Обрушилась почва над этой пещерой, сдвинулась с места порода вверху карьера, и все это, как лавина, скатилось вниз. Но что это за склад оружия, хоть убейте, не пойму!

Я еще раз продемонстрировал удивительную зоркость «Всевидающего глаза»:

— Смотрите на экран. Под нами, конечно, не пещера. Видите, от склада оружия протянулась дорожка из рассыпанных патронов. Еще дальше темнеют пустые гильзы. Если проследить за ними, то они нам встретятся далеко отсюда. Это подземный ход. Люди здесь часто ходили, теряли патроны, гвозди от ящиков, пуговицы, кусочки проволоки. Видите, как их много. Кстати, обратите внимание: эта черта — линия полевого кабеля.

— Вы правы, — согласился мой спутник, глядя на светящийся экран. — Здесь, конечно, подземный ход. Но куда он ведет?

Мы сравнительно далеко отошли от карьера. Помню тогда, что линия полевого телефона неожиданно исчезла.

Возвращаясь обратно, я спросил у начальника карьера:

— Откуда здесь может быть подземный ход? Не ведет ли он к знаменитым катакомбам?

— Не думаю, — сказал он. — До них достаточно далеко.

Мы собрались в город. Нас провожал радостный начальник карьера и все время допытывался, каким путем можно приобрести «Всевидающий глаз»:

— Поймите, инженеры, мне такой «глаз» каждый день нужен. Конечно, не лопаты искать, а проверять, как в породе инструмент идет, бурение. Тут мы новый способ придумали.

Он просил нашего содействия, чтобы заполнить аппарат из самой первой серии. Сам за ним приедет.

В машине Андрей почти ничего не говорил, задумчиво рассматривая сумочку из красной кожи.

Через полчаса мы уже подъезжали к гостинице. Андрей мгновенно скрылся в подъезде. Я решил подождать в машине, причем беспокоился не меньше Андрея. А вдруг Валя еще не приехала и с ней случилась какая-то неприятность?

Стало уже темнеть. Я сидел как на иголках. Наконец замелькали стекла вращающихся дверей гостиницы и словно вытолкнули Андрея на тротуар.

— Мне сейчас сказала дежурная, — быстро заговорил он, — что вчера тебя спрашивал какой-то старик. Он сначала поднялся наверх, а потом оставил записку. Не он ли заезжал сегодня на строительство и увез Валу с аппаратом показать, где спрятан сейф?

— Но ведь она не ребенок! Должна бы предупредить...

— Все это верно, — нетерпеливо прервал меня Андрей, — но ты же знаешь ее характер: она всегда действует в одиночку. Зря мы ей доверили аппарат... Ну да что теперь говорить! Разумные мысли приходят слишком поздно... Вот и сейчас она узнала про сейф и поскакала за ним.

Особенно меня беспокоила мысль, что кто-нибудь мог воспользоваться Валиной доверчивостью. Если бы к ней явился не то что пожилой человек с тростью, а какой-нибудь босоногий мальчишка и заявил, будто он знает, где сейф, она бы поверила и отправилась с ним куда угодно, хоть на край света.

«А если это уловка с целью завладеть аппаратом? Но кому он нужен? Зачем?» — думал я, не решаясь поделиться своими опасениями с Андреем.

Он с хмурым видом стоял около машины и наконец предложил:

— Может быть, обратиться в милицию?

— Да, это наша обязанность. — Я сердито повернулся к нему: — Скажи, Андрей, разве это нормально? Хотели найти пропавший сейф, а ищем свою со-

трудницу. Придется все-таки поговорить с ней «по-дружески».

Андрей смотрел в землю, словно чувствуя себя виноватым.

ТЕНЬ ДВИЖЕТСЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Представьте себе, даже это мы заметили на экране «Всевидящего глаза». Никогда я не мог подумать, что наш аппарат будет показывать подобные чудеса. О них я расскажу потом, а сейчас послушайте, как мы искали нашу сумасбродную лаборантку.

Пришли мы в отделение милиции. Дежурный лейтенант сидел за письменным столом и, искоса поглядывая на какой-то протокол, от которого мы его оторвали, с вежливой улыбкой слушал рассказ Андрея.

Свет настольной лампы под зеленым абажуром освещал молодое худощавое лицо лейтенанта. Оно мне показалось приветливым и простым.

— Вы говорите, что вашей сотрудницы не было дома с утра, — уточнил он, не переставая улыбаться, — то есть с того момента, когда она выехала на испытания. Сейчас, — он взглянул на часы, — всего лишь девять часов вечера. Она могла где-нибудь задержаться... Какие у вас основания для беспокойства, кроме того, что на дороге вы нашли ее сумочку?

— Прежде всего она уехала с аппаратом. Он представляет собой значительную ценность, — сказал Андрей.

— Так... — Лейтенант задумался, затем спросил: — Вы можете описать вашу спутницу?

Андрей слабо улыбнулся:

— Попробую. Вам, конечно, нужна точность?

Лейтенант наклонил голову в знак согласия.

— Ей двадцать два года, — начал Андрей. — Рост сто пятьдесят семь сантиметров. Потом, потом... — припоминал он, но мне почему-то казалось, что у него в голове путались только одни цифры.

Андрей назвал еще размер перчаток Вали — вероятно, он узнал его случайно — и к этому уже ничего не мог добавить.

— Простите, я вас перебую, — вежливо пришел ему на помощь лейтенант. — Эти точные цифровые данные нам не так важны. Опишите ее характерные внешние признаки.

Андрей снова замялся.

Я был уверен, что он бы мог довольно подробно описать Валу. Однако и моя попытка не увенчалась успехом. Конечно, у Вали были свои особенности, которые ее отличали от многих других девушек, но почему-то в тот момент я не мог их вспомнить. У нее густые брови, небольшой рот, серые глаза... Но по таким признакам нельзя отыскать человека. И я досадовал, что моя наблюдательность оказалась слишком односторонней.

— На ней темно-синий костюм, — с трудом припоминая, говорил Андрей.

— Маленькая шляпа. Светлые волосы, — дополнил я, чувствуя, что эти признаки не очеь выразительны. — Наконец, она с чемоданом...

— Не думаю, чтобы можно было легко найти девушку, располагая такими данными, — заметил дежурный. — Но если чемодан у нее какой-нибудь особенный?

— Самый обыкновенный, — сказали мы чуть не в один голос.

— Тогда постарайтесь рассказать о внешности ее спутника. Итак, она уехала с пожилым человеком, который ходит с палкой. Какие у него еще особенности? Понимаете, что местного жителя нам легче найти.

— Попытаюсь описать этого человека, — решился я и начал: — Прежде всего он невысокого роста, худощавый. Когда улыбается, показывает золотые или, возможно, стальные зубы. Он носит круглые очки, одет несколько старомодно, но жилет с застёжкой «молния». Поверх костюма плащ с металлическими пуговицами. Запонки с камнями, на левой руке два кольца.

Дежурный нагнулся к столу и, не отрываясь от бумаги, начал быстро записывать приметы незнакомца. Я продолжал:

— Не вполне уверен в их достоверности, но могу сообщить еще и дополнительные сведения. Например, этот человек живет в отдельной квартире. Мне кажется, он одинок... Ранен в ногу выше колена... Вчера был в рентгеновском кабинете. У него какая-то болезнь желуд-

ка... Ну, еще что? Да, вспомнил... Он занимается фотографией. Вот и все, что я могу о нем сказать

Дежурный отложил перо и недоверчиво посмотрел на меня:

— Вы его видели?

— Нет.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Вам о нем рассказывали?

— Нет.

Откинувшись на спинку кресла, лейтенант вновь смеялся над мной насмешливо-внимательным взглядом:

— И все-таки вы подтверждаете эти подробности?

Я покосился на Андрея. Он рассматривал ногти, видимо, имел особое мнение по данному вопросу. Все же я подтвердил:

— Да, как будто бы.

Дежурный, видимо, считал наши опасения неосновательными. Он позвонил куда-то по телефону и, прощаясь с нами, с вежливой иронией заметил:

— Если не вашу сотрудницу, которую вы почему-то знаете меньше, чем ее случайного спутника, то его самого мы попытаемся завтра разыскать. Впрочем, я надеюсь, — тут он улыбнулся, — что этого не потребуются. Жду вашего звонка. Сейчас приедете в гостиницу и позвоните, что девушка уже вернулась.

Мы вышли из отделения милиции, и я почувствовал, что Андрей мною недоволен. Он этого и не скрывал.

— Твоя вина, что мы направили дежурного лейтенанта по ложному следу! — сердито сказал он. — Странная фантазия — заниматься ни на чем не основанными детективными домыслами, не имея к этому никаких способностей!

— Почему же ты считаешь, что мои домыслы ни на чем не основаны? — возразил я. — Я абсолютно уверен в точности своего описания.

— Не нужно переоценивать возможностей аппарата. Нас будут принимать за шарлатанов. Допускаю, что ты мог определить «Всевидящим глазом», какие человек носит запонки, очки, кольца, пуговицы, но уверять, что этот человек болен, одинок, занимается фотографией... Это уж, извини, ни в какие ворота не лезет.

— Если хочешь, я тебе все объясню.

— Избавь от этого удовольствия! Не хочу даже вспоминать о том позоре, который мне пришлось испы-

тать в милиции! Я глаз не мог поднять, когда ты выкладывал свои пинкертоновские бредни. Неужели ты не заметил, как лейтенант над тобой смеялся?

— Мне и самому было как-то неудобно. Действительно, что мог подумать лейтенант? Я же ничего ему не сказал о нашем аппарате. Да он бы и не поверил.

Машина остановилась у подъезда. Андрей вбежал в вестибюль. Я поспешил за ним.

На черной доске с ключами под цифрой 9 так же, как и утром, висел тяжелый бронзовый ключ. Значит, Валя не возвращалась. Я, помню, смотрел тогда на ряды цифр и думал о том, что математик Ярцев чувствует сейчас искреннюю неприязнь к девятке.

Я прошел в свой номер. Признаться, мне все еще не давал покоя разговор с Андреем. Зачем нужно было рассказывать о своих наблюдениях за человеком у двери? Ведь я мог во многом ошибаться... История с Валей меня не очень тревожила. Самое большее, что я допускал, — это аварию с машиной далеко от города, причем, конечно, без всяких жертв или ранений, так как в милиции об этом знали бы.

Усталый и раздосадованный, я опустился в кресло. Должен сознаться, что тогда я размышлял о странном явлении, которое вдруг произошло со мной. Я никогда не отличался ни хорошей зрительной памятью, ни наблюдательностью. Представьте себе, как это неприятно.

Например, весна для меня всегда начиналась намного позже, чем для других: я ее долго не замечал. В один из погожих майских дней, возвращаясь из института, я вдруг случайно обнаруживал, что на деревьях уже распустилась зелень.

Часто я испытывал эту своеобразную слепоту. Не узнавал людей на улице, не здоровался с ними, и меня считали гордецом. Сидя в троллейбусе, я иной раз не замечал входящей женщины, не уступал ей места, и меня считали невежей. Вы не представляете себе, как это тяжело. Я не хочу приводить другие примеры, но должен сказать, что эта слепота одного из конструкторов «Всевидящего глаза» приводила к серьезным неприятностям.

Не помню, сколько прошло времени в этих размышлениях. Я ждал или звонка из милиции, или появления Вали. Минутная стрелка словно циркулем медленно вычерчивала невидимый круг...

Очнулся я от резкого стука в дверь.

На пороге стоял Андрей.

— Приехала? — обрадовался я.

— Нет... но... — Андрей вынул из кармана план города, — надо бы сейчас проверить шестой квадрат, он здесь, рядом. Продолжим испытания.

Я понял, что, полный тревоги за Валю, Андрей просто не находил себе места. Ему нужно было чем-нибудь заняться.

В зеркале я заметил, как Андрей болезненно поморщился и уже спокойно проговорил:

— Если она вернется, шофер приедет за нами. Я сказал, где нас искать.

Мы вышли на улицу.

Небо казалось совсем черным, и звезды, крупные и яркие, какие бывают только на юге, висели над землей. Они висели так низко, что, как однажды утверждал Андрей, стоит только позвать монтера, и он, взобравшись на стремянку, легко снимет с неба пару прекрасных звезд по двести ватт каждая...

Редкие на этой улице прохожие иногда задерживали свой взгляд на человеке с большим и неуклюжим фотоаппаратом на груди.

Опустив вниз его длинный объектив, я медленно пошел по тротуару. Андрей шагал рядом и молча смотрел на экран.

На светящемся стекле мелькали тени гвоздей, пуговиц, подков... Проплыл металлический прут, изогнутый костыль, сломанные железные грабли. Видимо, когда-то давно здесь была пригородная деревня, уступившая место расширяющемуся городу.

Все эти предметы — костыль, грабли и гвозди — располагались на экране в три этажа; мы проверяли это изменением фокусировки.

Мы смотрели сквозь стены домов и всюду видели металл, лишний раз убеждаясь, какое важное место занимает он в нашей жизни. Стоило только взглянуть на экран аппарата, направив незримые лучи сквозь стены любой квартиры, и в рамке из темных линий труб, осветительных и телефонных проводов мы видели все металлические вещи в комнатах.

Помню, в одной из таких комнат мы увидели замки буфета, за ними повисшие как бы в воздухе поднос, кофейник, фигурный металлический чайник. Тут же висели ложки и вилки, где-то наверху выстроились в ряд

подстаканники. Возле них темнела крышка сахарницы, вырисовывался узор ажурной корзинки для хлеба.

Вдруг чайник сорвался с места, за ним поплыли чайные ложки. Они быстро разместились в подстаканниках, а чайник поплыл по кругу, низко кланяясь каждой ложке.

— Смотри, Андрей, — указал я на экран. — Семья села пить чай.

Андрей из-за моего плеча равнодушно смотрел на движущиеся тени:

— Сейфа здесь не видно.

Для меня это тоже было ясно, но, прежде чем его найти, мне хотелось подробно изучить особенности нашего аппарата: что он может видеть, насколько четко и на каком расстоянии?

Меня тогда заинтересовали эти загадочные картинки. Я вспомнил о герое романа Лесажа: он приподнимал крыши домов, чтобы заглянуть внутрь.

Невидимый луч скользнул дальше. На экране появилась решетка из тонких пересекающихся линий. Около нее видны были коленчатые рычаги; они то поднимались, то опускались. В этой квартире стояла очень сложная машина. Ее механизмы двигались сами по себе, так как никакого мотора вблизи от нее я не видел. Трудно было понять, откуда в квартире появился такой агрегат.

Но вдруг из открытой форточки до меня донеслись звуки музыки. Странная машина оказалась обыкновенным пианино. Кто-то играл на нем, двигались тонкие рычажки, поднимались молоточки и ударяли по струнам.

Андрей посмотрел на часы, упрямо сжал губы. «Прошел еще час, а от Вали никаких известий», — вероятно, подумал Андрей, с нарочитой заинтересованностью склонившись над экраном.

Говорят, что окружающие нас предметы, если на них взглянуть с какой-то новой, неожиданной точки зрения, кажутся нам странными и фантастическими. Так, например, вы можете долго рассматривать фотографию пчелиных сот или пачки карандашей, если они сняты при большом увеличении и, главное, в неожиданном ракурсе, смотреть и не понимать, что же все-таки изображено на снимке.

В нашем путешествии по городу мы испытывали подобное ощущение. Трудно, а подчас и невозможно было узнать знакомые, всем известные вещи.

Скажем, мы тогда обследовали новую квартиру на

втором этаже. По полу ползал рогатый зверь на веревке. Силуэт его будто бы знаком, но все-таки я долго ломал голову, прежде чем определить, что на экране обыкновенный пылесос.

Мы ходили сравнительно долго. Андрей то и дело оглядывался. Он ждал, что нас догонит шофер. Но пока наши ожидания были напрасными, так же, впрочем, как и поиски. Никаких круглых сейфов мы не видели. Встречались круглые подносы, большие металлические баки, тазы, но они никак не походили на хранилища чертежей.

Скользил невидимый луч «Всевидящего глаза». Во многих новых квартирах мы видели пианино или рояли, холодильники и пылесосы. Просто и обычно входят эти вещи в быт, спокойно и деловито размещаясь в квартирах и нисколько не претендуя на какую-то особую значимость в жизни советского человека.

Зря мы ходили с нашим аппаратом. Видимо, Андрей уже давно убедился, что предложенный им метод поисков сейфа ни к чему не приведет. Сколько нужно затратить времени для того, чтобы исследовать все этажи! И не сейфом были в тот вечер заняты его мысли. Он все реже и реже смотрел на экран, беспокойно вглядывался в лица случайных прохожих, точно спрашивая: «Не видал ли кто из вас девушку в синем костюме... двадцати двух лет, невысокого роста?..»

Да, тогда ему было не до поисков сейфа, так как прошло уже четырнадцать часов с тех пор, как Валя уехала из гостиницы.

Я настолько увлекся испытаниями, что не заметил, как мой «ассистент» исчез.

Остановившись у облицованной керамикой стены, я направил на нее луч аппарата. Мощный поток радиоволн прошел сквозь нее, как луч света через прозрачное стекло.

На экране появился металлический скелет кресла. Над ним я увидел оправу очков и дальше совершенно невероятное: тонкая извивающаяся змея, выпустив острое жало, вдруг стала подбираться к лицу человека, — во всяком случае, я представлял себе, что ниже очков должны быть нос, рот. Я даже заметил металлические зубы. Вот сюда и подбиралась змея.

Мне стало не по себе, должен в этом признаться по совести. Невероятные предположения приходили в голову. Помню, как подскочили вверх дрожащие очки.

Из открытой форточки послышался приглушенный стон. Я невольно вздрогнул, не понимая, что же могло твориться за стеной. На всякий случай стал искать подъезд, где и увидел освещенную лампочкой черную стеклянную табличку: «Зубной врач М. С. Уманский. Лечение и удаление зубов без боли».

Со вздохом облегчения я прислонился к стене. Ничего страшного не произошло. Видимо, крикнул бедный пациент. Откровенно говоря, я ему посочувствовал, но в то же время с досадой подумал о совершенно непонятных явлениях, с которыми нам приходится встречаться.

Судите сами: вот стоит человек с аппаратом, его незримые лучи позволяют видеть за стеной, как зубной врач, пользуясь приемами и техникой буквально средневековой давности (неважно, что за последние десятки лет бормашина вертится от мотора, а не от ноги врача), «без боли» сверлит долотом в зубах у стонущего пациента. Мне всегда это казалось удивительным анахронизмом, и он меня возмущал своей особенной нелепостью. Ведь врачи других специальностей не только уничтожили боль — они научились оперировать сердце и мозг, научились спасать человека от страшнейших, когда-то неизлечимых болезней, открыли новые препараты и создали первоклассную медицинскую технику.

Я помню, что с чувством обиды и какой-то непонятной злости вновь направил объектив на кабинет врача. Как везде и всюду, даже в лучших клиниках, я увидел на экране печально знакомую миллионам людей бормашину, вероятно изобретенную испанской инквизицией. В зубоврачебной практике она, видимо, навсегда останется высшим достижением современной техники.

Мне представилась первая советская колония на Марсе. И там оказалась бормашина. Что поделаешь, люди смотрели на нее, как на каменный топор дикаря, но лучшего врачи так и не придумали.

Самым безудержным фантастом я считал одного молодого врача. Он доказывал, что даже сейчас можно обходиться без этих машин, незачем сверлу жужжать во рту у человека, находящегося в полном сознании. Он чувствует, будто ему просверливают череп, и, главное, лишь за то, что избегал одонтологов. Мечтатель успокаивал: найдены действительно обезболивающие средства; отныне кончается средневековье и зубные врачи тоже могут называться исцелителями. Я ему не верил и упорно не хотел садиться в страшное кресло, так

же как и многие мои товарищи, готовые потерять все зубы, только бы не быть жертвой непонятной отсталости этой области медицины.

Раздумывая над судьбой одонтологии, я долго стоял у стены и слышал сквозь форточку все тот же знакомый стон. Оглядевшись по сторонам и не найдя Андрея, я опять стал наблюдать, что творилось на экране.

Мне было трудно оторваться от него. Дрожала и покачивалась черная змея. Она вызывала во мне самые мрачные воспоминания... Ведь за несколько дней до этих событий я вновь решил встретиться с одним из представителей ненавистной мне отрасли медицины. Ничего хорошего из этого не получилось. Но это так, к слову, воспоминания не из приятных.

Вернемся к событиям того вечера.

Металлическая змея на экране скользнула вниз, и очки повернулись в мою сторону. Я чуть не вскрикнул от изумления. Опять увидел я знакомые зубные протезы, застежку «молнию», два кольца на левой руке, запонки с камнями, десятки мелких признаков, по которым сразу узнал человека, стоявшего вчера вечером за дверью моей комнаты.

Удивительное совпадение! Размышлять было некогда: очки приподнялись, и человек встал с кресла. Понятно, что я не мог упустить возможности встретиться с ним.

Я вбежал в парадный подъезд, но позабыл посмотреть на табличке номер квартиры врача. Возвращаться было поздно, я боялся, что не встречу интересующего меня человека. Я ходил около массивных дубовых дверей и пытался найти табличку с фамилией врача. Позвонил наугад. Мне долго не открывали.

«Наверно, не здесь», — решил я и, досадуя на свою рассеянность, вернулся на улицу. Оказалось, что квартиру я определил правильно. Снова нетерпеливо позвонил. Дверь открыла заспанная женщина и, зевая, проводила меня в приемную.

Я поставил аппарат под кресло. Дверь кабинета завешена темно-зеленой портьерой. Оттуда должен выйти человек, который мне был страшно необходим. Мучила тревога: узнаю ли его?

Скрипнула дверь. На пороге кабинета показался врач с черной ассирийской бородкой. Он посмотрел на меня проницательно и строго, словно гипнотизер, и широко откинул портьеру:

— Прошу вас!

Я растерялся. Неужели человек, которого я искал, уже успел уйти? А что, если он там, в кабинете?

— Прошу, — уже не скрывая своего нетерпения и не отрывая от меня острого, сверлящего взгляда, повторил хмурый врач.

Будто под гипнозом, я медленно пошел за ним, думая о том, как все ему объясню.

Широкая спина в халате не давала мне возможности заглянуть внутрь кабинета. Я помню, что появилось тогда странное желание посмотреть сквозь нее «Всевидящим глазом».

Врач предупредительно взял меня под руку и посадил в кресло. Оглядевшись по сторонам, я разочарованно вздохнул. В кабинете, кроме врача, никого не было.

Наверно, я разминулся с человеком, которого искал, в тот момент, когда смотрел табличку. Уже решил извиниться перед врачом и спросить у него о только что ушедшем пациенте, однако проклятая стеснительность не позволила это сделать. Неудобно поздним вечером просто так приходиться к врачу и задавать ему нелепые вопросы. Решил немного выждать. Он положит вату с лекарством на зуб, который у меня действительно часто болит, — тогда удобнее расспрашивать.

Надо мною склонилось мрачное лицо с прямоугольной бородой, блеснули сплошные золотые зубы в натянутой улыбке:

— Будьте любезны, откройте рот.

Отступить было поздно...

Я пожаловался на больной зуб и попросил его успокоить. Врач ничего не ответил, подошел к окну, закрыл зачем-то форточку и отвернулся к столику.

Его широкая спина предстала передо мной, как белый экран в кино.

За ним что-то зажужжало, словно перед началом сеанса, и вдруг я увидел у своего лица блестящую змею с острым жалом.

Со злобным шипеньем она подползала ко мне...

Не хочу вспоминать о дальнейшем. Это ни вам, ни тем более мне не доставит удовольствия.

Отплевываясь на каждом шагу и проклиная свои неудачи, врачей, бормашины, старика с тростью, так неожиданно исчезнувшего из кабинета, и даже «Всевидящий глаз», я шел по тротуару, и аппарат казался мне особенно тяжелым.

Врач ничего не знал о пациенте, который посетил его до моего прихода. Так, собственно говоря, и должно быть. У человека сильно заболел зуб, ему не до анкет. Фамилия и адрес тоже не очень интересовали врача, так как он не надеялся на то, что будет лечить постоянно этого нервного человека. Я это почувствовал уже в тот момент, когда услышал сквозь форточку стон бедного пациента, несогласного с методами лечения «без боли». Этот стон долго еще стоял у меня в ушах. Впрочем, я еще активнее выражал свой протест, но об этом мы уже решили не вспоминать.

Меня немного беспокоило неожиданное исчезновение Андрея; потом я решил, что он просто не вытерпел и вернулся в гостиницу. Я даже представил себе, как он сидит у телефона и каждые пять минут звонит в милицию, спрашивая о Вале.

Осталось обследовать всего несколько домов.

Только простая случайность могла бы помочь мне напасть на след сейфа. Кто знает, а вдруг он где-нибудь поблизости... Непонятная упрямая сила заставляла идти все дальше и дальше.

Я устал, зуб отчаянно ныл. Помню, сел отдышаться на лестнице какого-то нового здания. Сел и позабыл обо всем.

Высоко уходили в темное небо вновь выстроенные корпуса. Они казались иллюминированными, будто в дни праздников, так как во всех окнах светились разноцветные абажуры. Пылающим маком повис один из них над столом — его я видел в окне второго этажа. Расцвели оранжевым, голубым, сиреневым цветом тюльпаны в окнах третьего этажа. Золотистые шелковые шары, как игрушечные солнца, просвечивали сквозь занавеси в окнах. Зеленым светом свободного пути, как огни семафоров, горели настольные лампы.

Я, помню, тогда прищурил глаза, и мне почудилось, будто иллюминированное здание вдруг поплыло, словно огромный океанский пароход... Через несколько кварталов оно выплывет на простор в открытое море.

Тут я опять вспомнил, что мне не до мечтаний. Щелкнул переключателем, по привычке нащупав его сбоку аппарата, и посмотрел на экран. Он светился зеленым светом надежды. Мне подумалось, что сегодня же найдутся и следы старика с тростью, и Валя, и даже сейф. Это, конечно, был ничем не оправданный оптимизм, но я верил в возможности «Всевидящего глаза». Мне поче-

му-то представлялось, что старика я встречу в какой-нибудь квартире. Ведь узнал же я его за стеной зубо-врачебного кабинета.

Я опустил объектив аппарата вниз, и снова на экране появилось изображение водопроводных линий, кабелей, кусков железа, гвоздей. С какой целью я исследовал почву под ногами, откровенно говоря, и сам не знал. Нельзя же было все-таки предполагать, что сейф зарыт прямо на улице!

А что мне еще оставалось делать? Конечно, разумнее всего отложить до утра эти бесполезные поиски, но мною руководило безотчетное, упрямое желание делать хоть что-нибудь, вместо того чтобы сидеть сложа руки в гостинице и ждать, когда все эти, как мне тогда казалось, загадочные события разрешатся сами собой.

Совсем неожиданно я остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. «Что это может быть?» — думал я, рассматривая тени на помутневшем зеленом круге. От волнения я никак не мог найти ручку фокусировки.

Помню, как случайно тронул регулировку яркости, — экран ослепительно вспыхнул, будто под ним взорвалась зеленая ракета. Еле сдерживая нетерпение, я повернул ручку обратно.

Наконец мне удалось установить точную фокусировку, и на экране я вдруг увидел знакомую комбинацию из очков, трости, застешки, колец. Час назад они встретились мне за стеной кабинета врача.

Да, это было невероятно! Странная в своей несообразности мысль промелькнула в голове: «Почему человек, которого я видел в кабинете врача, через час уже лежит в земле?» Какая-то мистическая чепуха безудержно лезла на экран моего аппарата, и я ничего не мог понять.

Оставалось только злиться на себя и на «Всевидящий глаз», который будто издевался надо мной.

Я готов был с досады выключить его, но все-таки человек под землей оставался реальностью. Аппарат не ошибался.

— Спишь на дороге, фотограф! — крикнул шофер грузовика, остановившегося передо мной. — Смотреть по сторонам надо, коль площадь переходишь!

Я оглянулся. Испытания привели меня на большую асфальтированную площадь, где изредка бесшумно скользили машины.

Пришлось извиниться за свою рассеянность. Машина тронулась, а я снова остался на площади наблюдать за тенью под землей.

Меня тогда ничто не интересовало, кроме этой необыкновенной загадки. Я не мог оторваться от экрана, от его зеленоватого круга, на котором были четко видны знакомые силуэты. Я опасался, что они исчезнут так же неожиданно, как и появились.

Однако тени не исчезали, они вдруг ожили. Зашевелились очки, изогнулась застежка «молния», запрыгали пуговицы и запонки, поползла трость, и вся составленная из этих теней фигура закачалась и медленно поплыла за пределы экрана.

Не было никаких сомнений — тень под землей двигалась. Не выпуская ее из поля зрения аппарата, я пересекал площадь.

В голову лезли самые невероятные предположения. Мне тогда казалось, что я обнаружил таинственный подземный ход, о котором никто не знал...

Тень подходила к концу площади, и я уже хотел проследить, под каким домом она скроется, но снова потерпел неудачу. Очки качнулись и неожиданно исчезли, вслед за ними пропала трость, а за ней и все остальное. Экран потемнел, точно какая-то огромная металлическая крыша возникла на пути радиолуча и под нею скрылся человек с тростью.

Я быстро вернулся на середину площади. Экран вспыхнул, опять на нем тени подковы, гвоздей, монет но очков и трости не было.

Мне хотелось выяснить, куда шел подземный ход. На экране появились какие-то странные силуэты. Я увидел черное цилиндрическое тело, похожее на остроносую рыбу. За ней тянулся длинный тонкий хвост. Необыкновенная рыба уплывала от меня, будто хотела спрятаться в тени, где исчез человек, за которым я गया с аппаратом.

— Ну, наконец-то! — услышал я знакомый голос и поднял голову.

Передо мной стоял Андрей.

— Мы ищем тебя вот уже сорок пять минут, — сказал он, посмотрев на часы.

Опасаясь, чтобы Андрей не принял меня за одержимого навязчивой идеей, я решил пока ничего не говорить ему о трости и очках, которые путешествуют под землей. С сожалением проводил я глазами плывущую на экране

ть остроносой рыбы, затем посмотрел на Андрея и понял, что Валя еще не вернулась.

— Откуда ты узнал, что нас пригласили сюда на испытания? — спросил он.

Я не понял. Какие испытания? Кто пригласил?

— Ну как, точно они идут? — спросил чей-то голос, и я только тогда разглядел, что позади Андрея стоял Колосков.

— О чем вы спрашиваете? — недоумевал я.

— А разве ты не за ними следишь? — в свою очередь удивился Андрей и рассказал мне, что Колосков нашел нам новую работу.

Две бригады строителей рыли переход под площадью и закладывали тубинги. Бригады шли навстречу друг другу. Главный инженер был уверен в точности расчетов, но все же Федор Григорьевич пригласил нас, чтобы мы посмотрели сквозь землю своим аппаратом.

«Так вот он какой, подземный ход!» — подумал я.

На экране снова появилась остроносая рыба. Она плыла, слегка покачиваясь.

— Отбойный молоток, — пояснил Колосков и тут же спросил, тронув меня за рукав: — Ничего не обнаружили?

— Пока нет, — со вздохом признался я. — По-моему, здесь не может быть. Впрочем...

Дальше я уже ничего не сказал, боясь поверить странной догадке. Человек с тростью только что был под нами. Зачем? Что он делал под землей? Он сам писал, что знает кое-что о сейфе. Не связано ли с этим его посещение подземных работ?

Мы подошли почти к середине площади. На экране вздрагивала причудливая тень врубной машины, сбоку от нее покачивались отбойные молотки, лопаты. Проплыла вагонетка. Все это было видно совершенно ясно, но как бы сквозь зеленое стекло.

— Вон уже куда добрались, — проговорил Федор Григорьевич. — Сделаем отметку и посмотрим, где находится другая бригада.

Он вынул из кармана кусок мела, еще раз взглянул на экран, нагнулся и отметил чертой на асфальте конец тоннеля. Это было нетрудно сделать, так как на экране то место, под которым находилась пройденная шахта, казалось более светлым, чем окружающая ее порода.

Вторая бригада, шедшая навстречу первой, работала

неподалеку — на расстоянии десяти метров. Колосков и там сделал отметку.

— Возможно, пригодятся наши аппараты для контроля проходки шахт, тоннелей... — нерешительно проговорил Андрей.

— Почему же только шахт? — возразил Колосков. — А если бурить нефтяные скважины или вообще при бурении? Можно видеть, как идет бур, нет ли поломок и скручивания труб. Наконец, издали можно определить, сколько еще осталось метров до нефтеносного или рудного пласта.

— Конечно, потому что тень от пластов разных пород и ископаемых будет иметь различную плотность, — помню, согласился я. — Но вы, Федор Григорьевич, слишком много хотите от нашего аппарата. Я вам говорил, на какую глубину проникает луч «Всевидящего глаза»?

— Метра на два?

— Сейчас на три с половиной, — уточнил Андрей.

— А глубина бурения, достигнутая нашими инженерами, исчисляется в километрах, — продолжал я. — Так что еще работать и работать надо. Когда-нибудь и на километры будем видеть.

После некоторого молчания Андрей спросил:

— Ты что там искал, под землей? Сейф?

— Нет, я снова видел тень того человека.

Андрей удивленно взглянул на меня, улыбнулся, но ничего не сказал.

ВАЛЯ ДЕЙСТВУЕТ В ОДИНОЧКУ

ы никогда не могли предполагать, что творческая инициатива и самостоятельность, которые проявила наша лаборантка во время испытаний «Всевидящего глаза», доставят нам столько волнений и хлопот.

Вы уже знаете, как обстояли дела с испытаниями аппарата на строительстве подземного перехода. Сейфа

мы тогда не нашли, человека с тростью я тоже потерял. Теперь мне хотелось бы рассказать о приключениях нашей лаборантки, хотя я и несколько смущен, называя технические испытания приключениями.

До сих пор у меня никак не укладывается в сознании столь странное сочетание строгой науки с событиями, которые вы назвали бы фантастическим вымыслом. Однако все это было именно так, как я рассказываю.

Вы помните, что Валя получила аппарат для самостоятельных испытаний. Для нее это была ни с чем не сравнимая радость. Как я уже говорил, она много вложила труда в создание «Всевидающего глаза». Измерения в усилителе, налаживание телевизионной системы, снятие характеристик генератора, приемника... Да стоит ли перечислять все то, чем она занималась при разработке этого прибора! Поэтому не случайно мы дали Вале возможность самой убедиться в практических достоинствах «Всевидающего глаза», как бы в награду за многие месяцы ее упорного труда.

И вот этот день наступил. Валя не могла дождаться той минуты, когда за ней пришлют машину.

Аппарат должен был испытываться на строительном участке Колоскова.

Стояло чудесное утро. Ветер дул с моря. В небе ни облачка. Таким же безоблачным было и настроение Вали, когда она подъезжала к семнадцатому участку. Об этом я узнал позже со всеми подробностями.

Колосков предупредительно распахнул дверцу машины, встречая гостью с чемоданом, где хранился наш «Всевидающий глаз».

Пряча радостную улыбку под напускной серьезностью, Валя быстро надела на себя аппарат:

— Итак, каковы задачи? С чего начнем?

— Порядок обычный, — ответил Федор Григорьевич. — Прежде всего общий осмотр здания, определение состояния железного каркаса, труб, кабелей, отопления... А потом, — тут он замялся, — вы уже, наверно, знаете... Может быть, вам удастся найти сейф Евгения Николаевича. — Он сделал ударение на слове «вам».

Нашей Вале это особенно польстило.

Колосков не исключил возможности находки именно здесь, так как здание, которое предстояло обследовать Вале, находилось вблизи от проектного бюро.

Он шел рядом с озабоченной лаборанткой, смотря на

экран, и опять с увлечением рассказывал о проекте «Воздушного дворца», о том, какое это гениальное произведение и какое это несчастье, что до сего времени не найдены чертежи.

— Понимаете, милая Валентина Николаевна, — сказал он с грустью и разочарованием, — в сейфе лежит тетрадь с формулами расчета купола. Я, конечно, их восстановить не могу.

Растроганная Валя смотрела на экран аппарата, и ей, наверно, уже казалось, что вот-вот мелькнет в зеленоватом тумане ярко очерченный круг.

Это было бы огромное счастье для Колоскова и, конечно, не только для него, но и для всех, так как Валя верила Федору Григорьевичу, когда он говорил, что проект архитектора Бродова необыкновенно прекрасен.

Валя тогда сказала:

— Мне почему-то кажется, что мы найдем этот цилиндрический сейф. Я непременно сделаю все возможное. — Тут она помолчала и смущенно призналась: — Наши говорят, будто я очень упрямая.

Если бы мы с Андреем слышали этот разговор, то охотно подтвердили бы эту оценку Валиного характера.

Колосков тоже растрогался и, не скрывая восхищения, горячо пожал ей руку и счастливо пробормотал:

— Ну, спасибо, спасибо!.. Я побегу, там меня рабочие ждут.

Среди прямолинейных каркасов зданий Валя старалась увидеть круг. Иногда ей казалось, что на мерцающем зеленом поле проступает силуэт, похожий по форме на запряганный сейф. В эту минуту у нее сильнее билось сердце, кровь прилиwała к щекам, движения становились резкими и беспокойными. Она была готова ногтями расцарапать бетон или землю, где, возможно, скрывается сейф, но внутренний голос профессионала, знающего свое дело, заставлял ее отойти немного в сторону, отрегулировать фокусировку, направить волны косым лучом и убедиться, что в стене или в земле находился какой-нибудь металлический круг. Радиоспециалистка могла не определить его назначения, но хорошо знала — это не сейф.

Через несколько часов Валя устала, уложила аппарат в чемодан, вытерла белую пыль с лица и присела на груды камней. Ее костюм не был приспособлен для путешествий по развалинам. С сожалением она рассмат-

ривала выпачканный известью и глиной рукав, запыленные туфли и разорванный чулок.

Неподалеку остановилась машина. Валя подумала, что это приехали за ней, однако из машины вышел, опираясь на блестящую трость, пожилой человек в круглых золотых очках.

Слегка прихрамывая, он прошел мимо Вали, снова возвратился и, увидев стоящий рядом с ней чемодан, сказал:

— Прошу извинения. Мне кажется, вы должны знать инженера Петрова, приехавшего из Москвы.

— Вы не ошиблись, — согласилась Валя.

— Так, так... Я могу узнать, где его найти?

— Сейчас он на докладе в горсовете.

— Жаль, — сказал незнакомец и пожевал губами. — Заезжал в гостиницу, но опять его не застал, — уже недовольно добавил он.

— Я работаю в его группе, — сказал Валя. — Что-нибудь передать?

— Простите, не имею чести знать вашего имени-отчества...

— Валентина Николаевна, — отрекомендовалась она.

Старик снова пожевал губами.

— Так, так... Мне придется доложить вам, уважаемая Валентина Николаевна, так сказать, существо моего дела. Завтра я уезжаю и уже не надеюсь встретиться с вашим глубокоуважаемым начальником. — Он поправил очки и сказал решительно: — Мне доподлинно известно, что вы заняты поисками сейфа с чертежами...

Тут Валя вздрогнула, но вновь овладела собой. Только широко раскрытые глаза выдали ее волнение.

— Есть предположение, — говорил неизвестный, — даже почти уверенность, что сейф скрыт недалеко отсюда, примерно в пяти километрах.

— И вы знаете это место? — нетерпеливо спросила Валя.

— Нет, я вам этого не говорил. — Незнакомец нахмурился. — Мне известен только район, правда, довольно ограниченный. Надеюсь на ваш аппарат.

— Поедьте! — вдруг решительно сказала Валя и быстро вскочила на ноги. — Можно сейчас?

— Я именно туда и направляюсь, — недовольно заметил неизвестный. — И если...

— У вас есть машина? — Валя уже не слушала его. — Или мне попросить на строительстве?

— Как вам будет угодно. Если желаете, то могу предложить место в моем автомобиле.

Машина тронулась. Валя оглянулась. У подъезда разрушенного здания стоял Колосков и смотрел ей вслед.

Блестящая асфальтированная дорога казалась узкой речкой, протекающей среди холмов, покрытых выжженной желтой травой. Человек, сидевший за рулем, видимо, совершенно позабыл о Вале и не обращал на нее никакого внимания.

Наша лаборантка еще не успела раскаяться в своем опрометчивом поступке, ей не впервые было принимать самостоятельные решения. Она, вероятно, думала только об одном: как обрадуемся мы вместе с Колосковым, когда узнаем, что ей удалось собственными глазами увидеть место, где спрятан сейф.

По своей привычке Валя верила всем, поэтому у нее и не было никакого сомнения в правдивости слов незнакомца, и она уже решила, что завтра мы будем искать сейф в том месте, где она укажет. Впрочем, надо было знать нашу Валю: раньше она сама обследует это место — ведь с нею был «Всевидящий глаз».

Валя отчистила запачканный известью рукав, достала сумочку, вынула зеркальце и посмотрелась. Грязная полоса тянулась по щеке до самого подбородка. Валя взяла сумку, хотела достать платок, и...

Грохочущая лавина сорвалась с высоты. Взметнулось облако белой пыли. Машина подпрыгнула и резко повернула влево.

— Обвал... — проговорил сквозь зубы человек у руля.

Он остановил машину. В пыльном тумане, повисшем над дорогой, ничего нельзя было разобрать.

— Д-да, история! — задумавшись, вздохнул Валин спутник и пустил машину на полную скорость, как бы стараясь отъехать возможно дальше от опасного места.

Через несколько минут машина свернула с асфальтированного шоссе на проселочную дорогу. Валя с любопытством смотрела на светлые холмы, из-за которых то там, то здесь блестели кусочки моря. Только тогда она хватилась сумочки... Досадная потеря, но Валя сочла неудобным просить своего спутника возвратиться обратно. Наконец машина остановилась возле невысокого холма с плоской вершиной, точно высеченного из ракушеч-

ника — ноздреватого камня светло-желтого цвета. Подножие холма заросло кустарником и бурьяном.

— Вот здесь! — Валин спутник указал палкой на глубокую расщелину, которая тянулась с вершины холма. — Я не считаю необходимым докладывать все подробности. Скажу лишь самое главное. Поздней осенью сорок первого года сюда подъехали два человека и выгрузили сейф довольно странной цилиндрической формы, вот и все...

— Почему же вы думаете, что это был сейф с чертежами? — спросила Валя, выходя из машины.

— У меня есть к тому основания, — сухо заметил человек в очках.

— И до сих пор вы никому об этом не рассказывали? — недоверчиво расспрашивала Валя.

— К этому тоже были основания, — уже не скрывая своего раздражения, проворчал неизвестный. — Вы всегда задаете столько вопросов?

Валя обиженно отвернулась.

Ее раздражительный спутник вышел из машины и, опираясь на трость и прихрамывая, побрел к расщелине. Вскоре он уже скрылся в ней, оставив Валию наедине со своими сомнениями. Поведение его было довольно странным.

Через несколько минут из пещеры, где скрылся старик, показался белый прямоугольный ящик. Он выползал из темноты и словно висел в воздухе.

Валя бросилась помогать, но непонятный старик — это он нес ящик на плече — вежливо отстранил ее. Он погрузил ящик в машину и посмотрел на часы:

— Запомните это место. Сто метров вправо от дороги. Если не надеетесь на память, запишите. Едемте. У меня срочные дела.

— А сколько времени нужно, чтобы обследовать эту пещеру? — робко спросила Валя.

Старик усмехнулся и сердито взглянул на нее из-под очков:

— Не советую этим заниматься без проводника. Перед вами один из входов в здешние катакомбы. Садитесь скорей, — торопил он, открывая дверцу машины.

Вот тут-то и проявился хорошо знакомый нам Валин характер. Ясно, что она решила сделать по-своему. Еще бы, находиться совсем близко у цели — и вдруг уехать! Этого она никогда бы себе не простила. Валя

была уверена, что сейф спрятан чуть ли не у самого входа, во всяком случае недалеко.

— Скажите, здесь есть поблизости телефон? — спросила она.

— Возле ларька на берегу.

— Я хочу позвонить товарищам и подождать их здесь.

— Как вам будет угодно. — Ворчливый старик блеснул стеклами очков. — Но советую отложить это дело до завтра.

— Почему?

Старик поморщился, застегнул пуговицы плаща и, садясь за руль, сурово заметил:

— В вашем возрасте я меньше бы задавал подобных вопросов.

Он включил стартер, молча приподнял шляпу и уехал.

Валя пошла к морю. Около закрытого ларька стояла телефонная будка.

Несколько раз Валя набирала номер, но редкие гудки убеждали ее, что ни меня, ни Андрея в гостинице не было. Мы в это время еще не успели приехать из горсовета.

Валя подождала немного, затем снова позвонила, но гудки, скучные, как надоедливые жалобы, твердили одно и то же.

Несомненно, что Валя не поехала обратно. Обидно ждать утра, когда сейф находится рядом. Кроме того, упрямица самой себе доказывала, что завтра не найдет входа в пещеру. Или, скажем, завтра нас срочно вызовут в Москву, или случится землетрясение. Да мало ли что могло произойти.

Поэтому Валя и решила, преодолев страх, немедленно осмотреть пещеру у самого ее входа. Дальше идти не собиралась.

Здесь я должен рассказать о том, что представляли собой местные катакомбы, куда намеревалась пойти наша Валя. Они возникли из многочисленных шахт и каменоломен, в которых добывали ракушечник — дешевый и прочный строительный материал.

Почти двести лет добывался в них этот ноздреватый камень, похожий на пенобетон. Около города образовались подземные ходы, шахты и огромные пещеры. Говорили, что в этих подземных лабиринтах мог бы разместиться целый город с пригородами.

Мрачные своды катакомб видели на своем веку немало примечательного. В 1905 году в подземных убежищах скрывались боевые организации городского пролетариата. В 1918 году здесь находили убежище большевики, готовившие отпор врагу, который тогда оккупировал Украину.

В глухих подземных лабиринтах располагался подпольный ревком, руководивший разгромом белогвардейских банд Деникина и Врангеля.

О многом могли бы рассказать эти закопченные стены. Но больше всего они видели в суровые дни Отечественной войны. Здесь жили бесстрашные партизаны, отсюда они наносили удары по врагу.

Нетрудно было понять, с каким чувством глубокого волнения Валя вступила тогда на эту священную землю, политую кровью героев. У входа в расщелину она заметила несколько позеленевших гильз.

Ясно, что Валя трусила. Но стремление найти сейф, причем самостоятельно, без нашей помощи, заставило ее войти в пещеру. Она боялась увидеть летучих мышей, повисших над головой, может быть даже змей, но, осветив фонариком подземелье, убедилась, что ничего этого нет. Пустое холодное помещение почти правильной кубической формы. Стены белые, только в одном углу слегка закопченные, наверно, от костра.

Мелкая каменная пыль толстым слоем покрывала землю и поднималась вверх при каждом шаге, как будто Валя ступала по сахарной пудре, блестящей в лучах фонарика.

Валя включила аппарат. Ярко вспыхнул экран, похожий на стеклянное блюдо, наполненное светящейся зеленой жидкостью. Валя шла осторожно, словно боялась расплескать ее, боялась, что из блюдечка вдруг выплеснется тень круглого сейфа, а она этого не заметит.

В зеленой воде экрана мелькали гильзы, обоймы, пулеметные ленты, осколки гранат и взрывателей, обрывки телефонных проводов. Все это было погребено под толстым слоем осевшей пыли.

Многое видела Валя, но пока не замечала очертаний железного сейфа, причем она уже обследовала не только пол, но и все стены пещеры.

Наша лаборантка позабыла все свои страхи. Деловито и вдумчиво она занималась проверкой аппарата, хотя и была взволнована столь романтическими условиями испытаний. Вполне понятно, что они встречаются не

каждый день. Кроме того, Валя не хотела возвращаться без результатов, стремление найти сейф во что бы то ни стало удерживало ее в подземелье.

«А что, если пройти немного дальше?» — подумала она, остановившись перед узким проходом. Он темнел в глубине катакомб.

В других условиях Валя никогда бы не смогла решиться на такой поступок, но тут она, наверно, представила себе уже выстроенный «Воздушный дворец», чертежи которого она нашла, и... поборола малодушие. Валя пригнулась, мысленно попрощалась с друзьями и вошла в темный узкий коридор.

По экрану скользили тени от проводов полевого телефона, обоймы патронов. Вот появился знакомый силуэт разбитой радиолампы, и больше ничего.

Дойдя до разветвления ходов, Валя остановилась и подумала, что здесь совсем нетрудно заблудиться. В голубом свете фонарика, которым она освещала стены, можно было заметить начерченные углем или просто нацарапанные буквы и цифры. Поэтому не случайно Валя решила чем-нибудь обозначать повороты.

Но Валя считала, что рядом с этими историческими знаками, оставленными героями, делать свои отметки будет просто нехорошо.

На светящемся экране «Всевидящего глаза» она заметила силуэт пулеметной ленты. Достать патроны из слоя мягкой пыли было нетрудно.

Валя решила ими отметить дорогу. Луч аппарата всегда их найдет, даже если патроны будут засыпаны пылью. Их можно увидеть даже сквозь каменные стены, если случайно она пойдет по другому, параллельному ходу. Эта мысль Вале понравилась. Не стоит страшиться запутанных лабиринтов, так как аппарат поможет найти обратную дорогу. Впрочем, Валя прислушивалась и к голосу благоразумия: очень далеко идти не собиралась.

Она вынула из пулеметной ленты два позеленевших патрона и положила их под углом друг к другу у разветвления ходов.

Отойдя несколько шагов, Валя повернула объектив в обратную сторону и посмотрела на экран. Внизу зеленого круга темнел уголок, указывающий дорогу. Таким образом Валя могла вернуться обратно, пользуясь радиолокацией: «Всевидящий глаз» был самым совершенным локатором — он видел даже под землей.

Мне трудно восстановить в памяти все приключения нашей лаборантки.

Помню, что ей приходилось идти по очень узкому коридору. Стены вплотную придвинулись к локтям. Невозможно было разогнуться, а этого ей хотелось как никогда. Валя раньше представляла себе, что в катакомбах должно быть холодно, однако чем больше она удалялась от входа, тем становилось жарче, словно она приближалась к центру земли. Ход поднимался, опускался, поворачивал в разные стороны и, как тогда казалось Вале, выписывал самые невероятные и замысловатые зигзаги.

Валя прошла несколько разветвлений, аккуратно укладывая патроны в тех местах, где пересекались коридоры.

Она подумала о том, каким надо было обладать мужеством, чтобы добровольно поселиться среди этих мрачных лабиринтов. Кто был тот первый смельчак, прошедший здесь неизвестными путями?

Валя верила в аппарат и чувствовала себя спокойней. Остановившись, она попробовала крикнуть. Звук ее голоса на мгновение застрял в нависших ребристых стенах и, словно обессилев, упал к ее ногам. Здесь кричать бесполезно: никто не услышит.

С сожалением Валя убедилась, что уже обследовала весь длинный коридор, но тени сейфа так и не увидела. Придется возвращаться обратно.

Она сделала еще несколько шагов и заметила на экране тень металлической трубки с каким-то кружком. Валя опустилась на колени и, порывшись в мягкой пыли, нашла небольшую бутылочку от лекарства с жестяной трубкой и фитильком. Это была коптилка. Кто-то ее здесь либо бросил, либо потерял. Как же этот человек мог идти дальше без света? Валя с ужасом представила себе его состояние: он шел по лабиринту, догорели последние капли керосина, и вдруг наступила тьма...

Поворачивая в разные стороны луч фонарика, Валя огляделась. Вот-вот он выхватит из темноты скелет погибшего здесь человека.

С опаской прошла она несколько шагов и вдруг оступилась. Фонарик выпал из рук, покатился по каменным ступеням куда-то вниз. На стенах запрыгал голубой луч, мелькая на гранях выступающих камней и пропадая в черных глубоких нишах.

Валя побежала за фонариком. Она царапала себе

руки о шершавые стены, спотыкалась об острые камни. Вдруг фонарик обо что-то ударился и погас.

В первое мгновение Валя растерялась, похолодела, испугавшись темноты. Попробовала ощупью найти фонарь, но он, вероятно, закатился в какую-нибудь трещину. В темноте было очень страшно. Казалось, что тяжелые каменные глыбы опускаются на нее, давят тысячетонной тяжестью. Уже трудно дышать, будто ее засыпали землей...

Упрямо ползая в пыли, Валя ощупывала каждый камешек, каждый кусочек обвалившейся породы...

Наконец отерла со лба холодный пот, села на камень. Спокойным зеленоватым светом мерцал экран «Всевидящего глаза». Валя чуточку успокоилась. Все-таки она не одна, с ней как бы живой аппарат. Он может ей найти фонарик, тень его должна быть видна на экране.

Валя вскочила на ноги и больно ударилась головой о каменный свод. Слезы брызнули из глаз. Превозможная боль, Валя искала фонарик.

На светлом поле промелькнул темный силуэт. Вот он где, фонарик. Валя сразу повеселела. Но... фонарик не горел. «Ничего, ничего, — мысленно повторяла она, — просто плохой контакт». Валя сняла верхний колпачок с линзой, хотела повернуть лампочку, но острые края разбитого стекла обрезали ей палец...

Со слезами на глазах, откинув в сторону уже бесполезный фонарик, она поставила аппарат на землю и стала обдумывать свое положение: ясно, что без фонаря идти будет труднее. «Всевидящим глазом» не увидишь ни камней, ни ям, которые часто встречались на пути. На стенах подстерегали ее каменные выступы, о них она и при свете ударилась головой. Но Валя все-таки успокаивала себя, считая, что если идти осторожно, то ничего не случится.

Самое главное — нельзя было заблудиться: ведь обратная дорога отмечена патронами; правда, их не видели обыкновенные глаза, но «Всевидящий глаз» по этим отметкам должен привести ее к выходу.

Валя надела аппарат и направилась в обратный путь. Она пожалела, что не сделала отметки у поворота, прежде чем бросилась за фонариком. Но это ничего, до поворота всего было несколько шагов.

Ощупывая стены, Валя продвинулась немного вперед и остановилась.

Зная, что тут должно быть узкое отверстие, сквозь

которое она пролезала, Валя опустилась на колени. Но прохода здесь не оказалось, и Валя с удивлением заметила, что, даже приподнявшись, она не упирается головой в каменный свод. Подняв руку, Валя достала до потолка. Шагнула в сторону, в другую и убедилась, что находится в большой пещере.

Нервная дрожь пробежала по телу. Валя не проходила эту пещеру... В этом она была уверена, но не хотела и думать, что заблудилась.

Взглянув на экран, она надеялась увидеть тень указателя направления. На светлом круге сколько угодно было теней от разбросанных патронов, в кучках и лежащих по одному, но двух патронов, положенных под углом, не находилось: Валя видела патроны даже в ящиках.

В стене пещеры была выдолблена ниша, где стояли винтовки. Рядом темнели железные ящики, вероятно, с пулеметными лентами. Здесь раньше находился лагерь партизан. Так определила Валя. В эту минуту она забыла о сейфе с чертежами и даже о потерянной дороге.

По стенам скользил луч аппарата. Мелькали тени простых домашних вещей: ведер, кружек, самодельных ложек, вырезанных из жести. В другой стороне пещеры Валя заметила обломки приемника, его знакомые детали, гранату и пружину от патефона, котелок для варки пищи, сломанную вилку.

Здесь жили люди-герои. Окруженные врагами, они боролись и не сдавались. Враг уже подходил к Сталинграду. Сотни километров отделяли партизан от своих, и все же они были сильны и мужественны.

Валя вспомнила рассказ о старом архитекторе, его веру в торжество жизни. Он не отдал врагу свое творение, созданное во имя мира, а не войны.

Словно ободренная этими промелькнувшими перед ней образами, Валя победила чувство растерянности и стала спокойно шаг за шагом искать оставленные ею отметки. Вытянув руки, осторожно ощупывая ногой землю, она продвигалась вперед. Валя уже не помнила, проходила ли она по этим узким тоннелям и просторным пещерам. На пути встречались многочисленные разветвления ходов, но нигде не видела она патронов, положенных углом.

Выбившись из сил, Валя присела отдохнуть, хотела посмотреть на часы, но вспомнила, что в темноте ничего не увидишь. Она знала: времени прошло много, аккумуля-

лятор, питающий «Всевидящий глаз», должен скоро разрядиться, и поэтому решила экономить энергию. Она включала аппарат лишь у поворотов или подхода к пересечению ходов. Без ободряющего зеленого зрачка прибора Валя не могла бы идти дальше, ей было страшно.

В подземелье стояла ни с чем не сравнимая тишина, как тогда на экскурсии в Петропавловской крепости. Сколько часов она бродила в этом бесконечном лабиринте, Валя даже не представляла, но думала, что там, наверно, давно уже зажглись звезды.

Она была уверена, что мы будем ее искать. Узнаем, в какую сторону уехала машина, и помчимся спасать нашу Валю. Но как она доверилась старику, который словно нарочно заманил ее к пещере?

Вале не хотелось думать о том, что случится завтра или через три дня. Она не могла допустить мысли, что никто не придет к ней на помощь, но в то же время понимала, сколь призрачна эта надежда...

Она шла и шла, ощупывая стены руками, и у каждого поворота включала аппарат.

Вдруг на экране мелькнул узкий прямоугольник. Валя мгновенно остановилась и, затаив дыхание, стала разглядывать знакомую тень. Она долго не могла поверить, что видит футляр испорченного фонарика, который бросила несколько часов назад. Сомнений не было. Тут же нашла и колпачок с разбитой линзой. Значит, все эти часы она кружилась на одном месте.

Устало опустившись на землю, Валя снова заставила себя встать. Это повторялось много-много раз.

Сожалея о своей безрассудной выходке, она уже думала, что не имела права подвергать и аппарат и себя такому риску. Если она останется жива, то ей никогда не простят этого поступка.

Скоро иссякнет энергия аккумулятора, погаснет экран аппарата, а с ним и последняя надежда на спасение.

Она во всем виновата, она достойно примет любое наказание, но неужели придется расплатиться жизнью за свою неосторожность? С этим Валя не могла примириться.

И вот уже начал тускнеть зеленый глаз аппарата, словно подергиваясь мертвой пленкой...

Стараясь использовать последние минуты, пока «Всевидящий глаз» еще смотрел, пока совсем не помутнел

его зрачок, Валя шла вперед, надеясь, что все-таки мелькнет знакомая тень двух патронов.

Вдруг черная тень закрыла весь экран. «Неужели это конец? Совсем разрядился аккумулятор», — подумала Валя и задрожала. Она знала, что это придет, но не мгновенно.

Она в последней надежде повернула ручку яркости и от волнения бессильно прислонилась к стене.

На экране отчетливо вырисовывался круг.

Пытаясь овладеть собой, Валя подправила фокусировку, опустила объектив ниже и увидела очертания большой металлической коробки, напоминающей картонку от шляп...

Она нагнулась, с большим трудом отвалила от стены плоский камень. Он упал с глухим стуком, больно ударил по ноге.

За этой каменной дверью Валя нащупала нишу, протянула туда руку и почувствовала холод шероховатого от ржавчины металла.

Сердце ее стучало так сильно, что, казалось, слышно было наверху.

Чтобы увидеть на экране запоры сейфа, она приподняла объектив и в страхе отшатнулась.

На зеленоватом фосфоресцирующем поле двигалась тень. Она приближалась.

Слышался шорох шагов...

МЫ БУДЕМ ВИДЕТЬ ВСЕ!

Вы представляете себе наше волнение, когда настала ночь, пробило два часа, затем три, четыре, а о Вале все еще не было никаких вестей.

Андрей пришел ко мне в номер и лег на диван. Говорить ему не хотелось. Он чутко прислушивался к шагам в коридоре — видно, хотел услышать частый стук каблучков, так хорошо ему знакомый.

Мне не спалось, да это было и понятно.

Андрей вертелся на узком диванчике, курил, вскакивал и не давал мне уснуть.

Ночь тянулась томительно долго. Наконец свет фонаря на потолке побледнел. Наступало утро. Андрей не мог больше ждать, вскочил с дивана и выбежал из номера.

Вскоре он уже будил меня:

— Вставай, поедем!

— Вали нет? — спросил я, протирая глаза.

Но об этом можно было и не спрашивать — стоило только взглянуть на бледное, хмурое лицо Андрея.

Он успел съездить в отделение милиции, где узнал, что сегодня рано утром человека, с которым, по нашему предположению, уехала Валя, видели на том шоссе, где мы вчера нашли ее сумочку.

— Поедем, — нетерпеливо сказал Андрей.

— Куда?

— Ну, куда же еще! — рассердился он. — Конечно, искать того человека. С нами поедет Колосков, он знает дорогу.

Мы мчались по знакомому шоссе. Мелькали цветники, фруктовые сады, дачи, сложенные из ракушечника и похожие на светло-желтые бруски масла.

Мы проезжали мимо домов отдыха, теннисных площадок, посыпанных золотистым песком. Затем пошли холмы, покрытые выцветшей под солнцем сухой травой.

Издали я увидел канатную дорогу, по ней скользила вагонетка. Я провожал ее глазами до тех пор, пока она не добралась до вершины холма и словно указала на синюю с красной полосой машину, которая могла меня заинтересовать. Возле нее стояли два человека в милицмейской форме.

— Ты видишь их? — обратился я к Андрею, указывая на милиционеров. — Может быть, спросим?

Прищурился, Андрей взглянул вверх и попросил шофера остановиться. Щелкнула дверца машины. Мой друг побежал по узенькой тропинке к подножию холма.

— Я об этом догадался еще вчера, — сочувственно сказал Колосков, провожая его взглядом. — Зря он мучается. Что может случиться с Валентиной Николаевной?

Мы вышли из машины. На всякий случай я взял с собой аппарат. Федор Григорьевич, тяжело поднимаясь вверх по склону, говорил:

— После вчерашних поисков сейфа я что-то начинаю сомневаться. Даже вашему аппарату такая задача не под

силу. Боюсь, из-за меня вы бесполезно потеряете время. — Он сокрушенно вздохнул.

— Странно, Федор Григорьевич, непонятно! Вы уже перестали верить в нашу технику. Не слишком ли рано?

— Обиделся? Этого еще не хватало! — Колосков отобрал у меня чемодан. — Я вчера думал, причем не без оснований, что для таких аппаратов есть дела поважнее, чем искать чертежи.

— Например?

— Будто вы и сами не знаете! Не пойму, что это — авторская скромность или просто недооценка своего труда? Да мало ли на какие дела способен этот ваш «зеленый глаз»? Ну, к примеру сказать: вчера, когда вы нашли склад оружия в подземной пещере, я подумал, что ваш аппарат может применяться для поисков, так сказать, уже отработанного «металла войны». Представь себе, это совсем не маленькая задача, — сказал Колосков, заметив мою улыбку. — У нас огромные запасы руды, больше, чем у любой страны мира, но и потребности в металле велики, ты это прекрасно знаешь. Мы должны ежегодно выплавлять десятки миллионов тонн стали. Так почему бы нам не использовать и ту прекрасную сталь, миллионы тонн которой лежат и ржавеют в верхних пластах земли? Мы с тобой были на фронте, знаем, сколько ее скрылось в земле: осколки снарядов, мин и бомб, колпаки дотов, старое оружие, рельсы, танковая броня, части машин и орудий. Постепенно они уходят все глубже в землю, заносятся песком, зарастают травой... — Он остановился и перевел дух. — Почему бы этот металл войны, — снова продолжал Колосков, — не использовать нам во имя мира? В нашей земле остались не только гусеницы немецких танков, но и осколки английских, американских, французских снарядов. Металл четырнадцати держав вещественно напоминает об их бесславном походе, хотя память наша и так не потускнела.

Я помню, что Федор Григорьевич говорил тогда довольно убедительно. Его взволновала мысль об использовании военного металла, и он развивал ее со всей присущей ему страстностью.

Он ударил в землю каблуком:

— Вот здесь, под нами, — железо из многих стран мира. Какой-нибудь осколок снаряда, изготовленного в Пенсильвании, кусок брони из стали, выплавленной в Бирмингеме, — все они очистятся огнем, переплавятся и пойдут на многие наши стройки.

Колосков замолчал и вопросительно взглянул на меня.

Я сказал, что он удивительный выдумщик — каждый день новые проекты — и что мы все-таки будем искать не только металл войны, но и чертежи дворца, для которого этот металл может быть использован.

Разговаривая, мы не заметили, как подошли к машине. Один из сидевших в ней был знакомый нам лейтенант, другой — шофер.

Машина стояла возле обвалившейся пещеры, где вчера нашли оружие. Колосков опустил чемодан на землю и сочувственно посмотрел на разочарованного Андрея.

— Ваше описание, — обратился ко мне лейтенант, — оказалось удивительно точным. Мы чуть ли не сразу узнали того человека.

— Так где же он? — спросил я нетерпеливо.

— В катакомбах, — спокойно ответил лейтенант.

— Вы его ждете?

Он утвердительно кивнул головой.

— Но ведь он может выйти другим ходом? — сказал Колосков, наклонившись над провалом.

Лейтенант улыбнулся:

— Не думаю. Если это не секрет, то покажите, пожалуйста, ваш аппарат. Очень много о нем рассказывают. Ходят слухи, будто вы этим «глазом» все насквозь видите...

Я ответил, что, к нашему сожалению, видим мы еще далеко не все — только металл. Тут же я предложил убедиться в этом, раскрыл чемодан, надел на себя аппарат и пошел вперед.

Лейтенант и Федор Григорьевич зашагали рядом со мной, наклонившись с обеих сторон над светящимся экраном. Андрей проводил нас недовольным взглядом и опустил на землю около выхода из подземелья.

— То, что вы видите здесь, вам должно быть знакомо, — говорил я, указывая пальцем на мерцающее стекло.

На экране появлялись и исчезали тени каски, немецкого автомата, согнутой трубы миномета. Здесь проходила война, ее черные тени остались в земле.

— Как говорится, «перевернем страницу истории», — сказал я и повернул ручку сбоку аппарата. — Заглянем в более глубокие слои.

Желто-зеленые искры пробежали по экрану. Я настроился поточнее и увеличил яркость. Исчезли расплыв-

чатые линии верхних слоев, и вдруг выплыл из зеленой глубины, как из аквариума, странный предмет, похожий на наконечник пики. Под ним чернел силуэт одноглавого орла. Темная полоса, постепенно сужающаяся книзу, пересекала его крылья.

— Вот вам загадочная картина, — сказал я своим спутникам. — Как вы думаете, что это может быть?

— Не знаю, — ответил лейтенант и пожал плечами. — Это похоже на какой-то германский орден.

— Во всю грудь? — спросил Колосков и усмехнулся. — Впрочем, вы этого не помните. Таких орденов у них не было. Вот так история! — с восхищением говорил он. — Аппарат действительно как бы перелистывает толстую книгу земли по слоям. Перед нами — одна из страниц первой мировой войны. Вы видите немецкую каску с латунным остроконечным шишаком. Тогда каски были кожаные, с блестящим орлом. А вот эта полоса, идущая сверху вниз, вам ничего не говорит?

Признаться, я не догадывался, что она обозначала.

— Штык, — подсказал лейтенант. — За смертью пригоняли сюда немца... Идемте дальше.

Колосков не моргая смотрел на мелькающие тени, словно выплывшие из глубины времен.

— Да, вот она, живая история! — сказал он. — Наш народ отходчив и незлобив, но, как ни говори, если иной раз и вспомнишь былое, то крепко задумаешься...

Мы молча бродили по холму, смотря на дрожащие тени, и я думал тогда о словах Колоскова... Давно уж поросли травой поля, где прокатилась война, земля скрыла следы минувших битв, а все же, проходя по этим местам, я мысленно видел куда больше, чем самым чудодейственным аппаратом.

Мне казалось, что на этой земле до сих пор еще не высохли слезы женщин и кровь моих товарищей, погибших за счастье человечества.

Я оставил своих спутников и пошел вперед. Под ногами словно звенели сухие травинки. На экране мелькали тени каких-то странных угловатых предметов, может быть, тени войны еще более давних лет.

Невидимый луч указывал, что подо мной проходил подземный коридор. Позади слышались торопливые шаги: оглянулся — это догонял Андрей.

— Могу тебя заменить, — предложил он, запыхавшись от быстрой ходьбы. — Устал?

— Ничего, ничего, Андрей. Мы с Колосковым нашли

интересное применение этому «зеленому глазу», как он его называет.

— Дай мне аппарат.

— Что случилось? — удивился я. — Зачем он тебе?

— Вдруг мне удастся увидеть его?

— Кого?

Андрей замялся и раздраженно ответил:

— Ведь ты же сам рассказывал, что видел... очки... запонки...

— Очень хорошо помню. Кстати, ты смеялся над этим.

— Послушай, Виктор, ну как тебе не стыдно!.. Ты же понимаешь, что сейчас мне не до шуток... Мало ли какие бывают ошибки.

Я обнял Андрея и попытался его успокоить. Он должен был догадаться, что тогда я не только испытывал аппарат, но искал и знакомые тени. Они все время стояли у меня перед глазами: очки, ключи, запонки.

Вместе с Андреем мы шли по желтой, ломкой траве.

Скользили тени по стеклу. Промелькнул силуэт стабилизатора авиабомбы, щит пулемета, изуродованный ствол противотанковой пушки. Я думал о том, что прав Колосков. Сколько тысяч тонн металла можно было бы достать только из одного этого холма!

Я направил луч аппарата глубже, желая узнать, не тянется ли там еще один подземный коридор.

Сбоку на экране показался небольшой круг. Я посмотрел на него с другой стороны и тут же убедился, что это был не круг, а шар. Мне почему-то представилось, будто нашел я тогда ядро от пушек Суворова. Около полутораста лет назад он проходил здесь на Балканы, так же как совсем недавно по этим историческим местам шли советские войска.

Мы прошли около двух километров по плоской вершине холма, причем я старался не выпускать подземный ход из поля зрения аппарата.

Колючий кустарник цеплялся за одежду, словно хотел задержать нас... Боясь потерять направление подземного коридора, я двигался напрямик, не обходя кустов.

Помню, как совершенно неожиданно на экран выплыл большой прямоугольник. Мне пришлось тщательно отрегулировать четкость изображения, затем отступить назад и повернуть объектив под косым углом к земле. На зеленом стекле резко вырисовывался эллипс.

Осторожно, затаив дыхание и почему-то на цыпочках, я пошел вправо. Эллипс постепенно терял свою форму, превращаясь в правильный круг.

— Сейф, — прошептал Колосков, до боли сжимая мне плечо. — Вон, вон, смотри! По бокам запоры...

Федор Григорьевич оторвался от экрана и прильнул к земле, будто стремясь скорее добраться до чертежей, которые так долго от него скрывались.

— Как глубоко он спрятан? — спросил Колосков и быстро поднялся с земли.

— Судя по фокусному расстоянию, на глубине около трех метров, — ответил Андрей, доставая линейку.

Колосков побежал к машине и уже на ходу крикнул, чтобы мы отметили место: он привезет рабочих с каменоломни.

— Дай мне аппарат! — нахмурившись, сказал Андрей.

Я молча отстегнул ремни, все еще не понимая, зачем это ему потребовалось.

Дрожь от нетерпения, Андрей никак не мог застегнуть пряжку. Я хотел ему помочь, но он отбросил мою руку и направил объектив совсем в противоположную сторону от сейфа. Затем повернул ручку фокусировки, точно установил ее на шестнадцатое деление и максимально увеличил яркость.

Метр за метром он тщательно просматривал участок подземного хода, который был виден за сейфом.

Помню, что, совершенно того не ожидая, мы вдруг узнали знакомую тень двойника нашего аппарата. В первый момент я даже не подумал о том, как он очутился под землей. Мне никогда не приходилось наблюдать, как «Всевидящий глаз» выглядит на экране, поэтому я невольно заинтересовался, встретив под землей его скелет, который был очень похож на чертеж. Я даже подумал о практическом использовании подобного явления, но тут же отбросил эту мысль.

Наша находка говорила о том, что под землей была либо Валя, либо человек, взявший у нее аппарат. Но мне, так же как и Андрею, тогда было не до технических проблем. Он побледнел, лицо, освещенное зеленоватым отблеском, сделалось буквально страшным.

Да и было от чего: на экране появился силуэт медленно плывущего кольца. Вдруг кольцо метнулось в сторону и замерло.

— Она! — услышал я шепот Андрея. — Ее часы с браслеткой.

Он с трудом удерживал аппарат, чтобы тот не дрожал.

В зеленоватом тумане на стекле я различал крючки, еле заметные шпильки, кнопки. Помню, что было видно особенно четко, — это силуэт комсомольского значка.

— Я пойду к ней! — вдруг твердо заявил Андрей, торопливо отстегивая пряжки и передавая мне аппарат.

Мне пришлось доказывать абсолютную нелепость его намерения. Ясно, что Валю он бы не нашел, а заблудился бы сам в бесчисленных ходах. Я убеждал его подождать Колоскова, он должен приехать с рабочими. Они выроят здесь проход, тогда мы опустимся вниз.

Однако Андрея трудно было уговорить. Он даже рассердился.

— Как так? — чуть ли не кричал он. — Человек живо погребен под землей, ему нужна помощь, а ты говоришь — ждаты!..

Не помню, что он еще кричал, но я никогда не видел Андрея в таком состоянии.

Куда девались его благоразумие, точный расчет и осторожность! В те минуты, о которых я рассказываю, он мог броситься в подземелье только затем, чтобы там встретиться с Валею. Нельзя было допустить такой опрометчивости, и в то же время мы никак не могли сообщить Вале о близкой помощи.

Я вспоминаю этот момент. Валя была неподвижна, тень браслета дрожала на экране.

Не знаю, чем бы кончились мои споры с Андреем, но вдруг вмешался лейтенант. За все время нашего разговора он не отрывал взгляда от экрана.

— Смотрите, что-то здесь движется!

Я взглянул на светящееся поле, куда ткнул пальцем лейтенант, и вздрогнул.

Почему-то я никак не мог привыкнуть к столь знакомому мне сочетанию теней, которые видел тогда уже в четвертый раз.

По экрану ползли тени очков, зубных протезов, застежки «молния», пуговиц, связки ключей, железной трости...

Лейтенант ожидал ответа, но мне было не до него. Я видел, что тени приближались к силуэту аппарата. Они подплывали к часам с браслеткой...

Сжимая кулаки, Андрей с отчаянием смотрел на ползущие тени. Да и что он мог тогда сделать? Между ним и Валею — почти три метра каменистой породы... Глухая толстая стена...

Я все себе представлял иначе. Мое воображение дополняло виденное на экране.

Вот по зеленому полю ползет паук. Это тень запонки. Паук приближается к браслету. Браслет вздрагивает. Похоже на то, что там, внизу, завязалась борьба.

Беззвучно мечутся запонки, очки, извивающаяся «молния». Двигутся зубные протезы: человек что-то говорит. Часы с браслетом поднимаются вверх...

Должен сознаться: тогда я представлял себе Валину руку, поднятую, как в последней мольбе о помощи.

Думаю, что в подобном случае мои предположения могли иметь все основания, особенно если учесть волнение Андрея, который буквально повис на мне и задыхался. Я просто не знал, что делать.

Вдруг тени предметов стали отползать в сторону. Надо было скорее переключить аппарат на общий план, что я и сделал. Тени быстро скользили по стеклу. Я понял, что Валя побежала и старик преследует ее. Я бежал поверху, часто прыгая через колючие кусты и камни и стараясь не отстать.

Экран неожиданно потемнел, словно закрыла его плотная дымовая завеса. Зеленоватые искорки вспыхивали на черном поле, как бы прорываясь откуда-то из глубины...

Аппарат был исправен, в этом я сразу убедился, — значит, радиолуч упирался в препятствие. Такой случай, как вы помните, уже встречался нам при испытаниях на городской площади. Там луч не мог пройти сквозь чугунные тубинги. Но трудно предполагать, что в холме под нами находились какие-нибудь металлические постройки, созданные руками человека.

Надо было узнать, где же кончается эта черная завеса. Через двадцать шагов экран снова вспыхнул, но на нем уже не было никаких теней.

Валя и человек с тростью исчезли, будто растаяли в густом дыму...

К подножию холма подъехала машина. Из нее вышли рабочие с лопатами. Впереди бежал торжествующий Колосков.

— Где это место? — закричал он еще издали.

Занятый мыслями о сейфе, он не заметил нашей тревоги и тут же отдал приказание рабочим рыть в очерченном нами круге. Сам он тоже взялся за лопату.

Андрей попросил у кого-то лом и с ожесточением принялся долбить каменистый грунт.

— Без привычки я, конечно, не могу понять, что сейчас видел ваш аппарат, — тихо сказал мне лейтенант. — Какие-то кружки да палочки. Это так и должно быть?

Мне пришлось сознаться:

— Мы с вами видели того человека, о котором я уже рассказывал.

Лейтенант недоверчиво взглянул на меня.

— По каким же приметам вы его узнали? — заинтересовался он.

Мне было как-то неловко рассказывать о пустяках — о всяких пуговицах, которые я видел на экране. И, кроме того, было обидно за наше детище, что мы его используем далеко не по назначению. Но, вспомнив, как он помог найти Валю и сейф, я поборол это чувство и решил поделиться с лейтенантом своим открытием в области неожиданного применения «Всевидающего глаза».

За Валю я был относительно спокоен. Она исчезла под темной завесой, которая занимала небольшой участок. Мы спустимся вниз и несомненно найдем ее.

— Прошу не принимать моих наблюдений всерьез, — прежде всего предупредил я лейтенанта. — Во многом я, наверно, ошибаюсь, но думаю, что вы сразу это определите. Зрительная память у меня скверная, но, глядя на экран «Всевидающего глаза», я невольно фиксировал каждую мелочь. Ведь это же технические испытания. Человека, которого мы сейчас обнаружили под землей, я видел позавчера вечером за дверью. По мелким деталям на экране мне удалось представить себе его внешний облик. Например, по очкам. Они находились не очень высоко, и я понял, что рост у него ниже среднего. Что он худощав, показали близко расположенные пуговицы на двубортном плаще. Запонки с камнями нетрудно было определить по лапкам, удерживающим камни. Искусственные зубы, застежка «молния», кольцо, металлическая трость дополняли мое представление об этом человеке.

Лейтенант слушал с интересом, но по его губам скользила улыбка недоверия.

Гора известковой породы росла. Была выкопана уже

порядочная яма. Андрей работал без устали. Голова его то появлялась над землей, то исчезала.

Видимо, лейтенанту захотелось узнать дальнейшие подробности.

— Все это очень тонко подмечено, — похвалил он меня. — Но каким образом вы узнали, что этот человек одинок, что у него отдельная квартира, что он был ранен, занимается фотографией, и даже определили, что у него больной желудок? Вы сказали, что он посещает рентгеновский кабинет. Неужели и эти подробности видите ваш «зеленый глаз»?

Мне и самому не терпелось кому-нибудь рассказать о своих предположениях, домыслах и наблюдениях, о необыкновенной зоркости «зеленого глаза», поэтому я постарался удовлетворить любопытство лейтенанта:

— По большой связке ключей от квартиры, комнат и шкафов я рассудил, что он, вероятно, одинок, — продолжал я свои объяснения. — Ранение в ногу подтвердилось застрявшим в ней осколком. Что касается занятия фотографией, то догадаться об этом было труднее всего. Я заметил, что примерно на высоте жилетного кармана у человека, которого я рассматривал через дверь, находится кольцо. Сначала я не мог понять, для чего оно предназначалось, но потом заметил небольшой кружок в центре кольца. Мне было ясно, что это светофильтр в кожаном кармашке с кнопкой. Отсюда я сделал вывод, что человек занимается фотографией.

— Ну а насчет больного желудка? — не унимался лейтенант.

— Я увидел, правда, довольно расплывчатое, изображение его желудка на экране. Похоже было на то, что человек питается железными опилками.

Лейтенант вежливо рассмеялся.

— А на самом деле? — спросил он.

— Я предположил, что утром он был в рентгеновском кабинете, где перед просвечиванием желудка обычно дают питье с окисью бария. Следы этого металла я видел на экране. Все вместе взятое дало мне возможность так подробно описать человека, и если бы не наш аппарат, то я бы не заметил не только какие у этого человека зубы или запонки, но не обратил бы на него никакого внимания. А сейчас я его прекрасно представляю, он передо мной стоит как живой.

— Охотно верю, — загадочно усмехнулся лейте-

нант. — Вы удивительно точно определили его внешность, — и указал на тропинку среди кустарника.

Я посмотрел туда и замер от неожиданности.

Раздвигая кусты, тяжело опираясь на блестящую металлическую трость и сверкая на солнце стеклами больших круглых очков, к нам шел человек, которого я видел на экране «Всевидящего глаза».

В этом я не мог сомневаться.

Он снял шляпу и, вытирая платком мокрый лоб, обратился к лейтенанту:

— Операция закончена. Я очень рад исполнить вашу просьбу. Чернихова внизу... отдыхает...

Он посмотрел на меня и пожевал губами. Протягивая руку, представился:

— Будем знакомы, молодой человек. Фамилия моя Никитченко, археолог.

Я машинально пожал ему руку, все еще не веря, что передо мной человек, которого я видел только как тень на экране. Все у него было на месте: и трость, и очки, и застежка «молния», и пуговицы на плаще. Мне даже показалось, что в кармане у него звенели ключи.

— Вы уж извините за беспокойство. Из-за нас вы отложили свою поездку, — с улыбкой проговорил лейтенант, поклонившись Никитченко. — Но я рад, что наконец-то вам удалось встретиться с изобретателем «зеленого глаза».

— Так это вы? — взглянул на меня поверх очков Никитченко.

— Я пойду предупредить товарища Ярцева, — сказал лейтенант, — чтобы он больше ни о чем не беспокоился. Потом, я прошу извинения. — И смущенно признался мне: — Вы бы могли раньше узнать о том, что я попросил товарища Никитченко найти вашу сотрудницу, но сами понимаете, у нас не было уверенности, что она обязательно пошла в катакомбы. Я не хотел говорить об этом преждевременно: зачем тревожить вас понапрасну?

Лейтенант отошел, а Никитченко начал восторгаться нашим аппаратом.

— Прошу понять меня, — говорил он, пытаясь открыть пуговицу на моем пиджаке. — Нам, археологам, совершенно необходим такой аппарат. Ваш «зеленый глаз», как называет его лейтенант, сразу определит, где нужно производить раскопки. У меня, правда, несколько другая специальность. Мои коллеги интересуются глубокой стариной — они изучают далекое прошлое челове-

ской культуры, отыскивают ее следы в пещерах исторических времен, а вот я изучаю совсем иное. Меня интересует не культура вообще, а люди, которые ее защищали и спасли от гибели. Я говорю о тех героях, которые жили и боролись в этих подземельях. Вы там не были?

Я отрицательно покачал головой.

— Обязательно покажу,— пообещал Никитченко. — Там каждая надпись на стене, каждый оставленный партизанами предмет, будь то самодельная кружка или радиостанция, собранная из трофейных деталей, говорят о великих делах. И как хотите, дорогой друг, меня больше волнуют эти вещи, чем каменные топоры неандертальцев... — Он замолчал, и лицо его сделалось суровым.

— Но как же вы один находите там дорогу? — удивился я.

— Я там часто бываю. У меня составлена карта этого района катакомб. Мне знакома каждая отметка на стене. По ним я нахожу подземные лагеря партизан. Вчера вот отвез целый ящик исторических предметов для местного музея. — Он задумался, словно что-то припоминая. — Видите ли, мне очень недостает вашего «Всевидающего глаза». Я еще многого не знаю. Убедительный пример: я был уверен, что сейф находится в катакомбах. Мне даже было известно, через какой ход его туда внесли, но я ничем не мог помочь в поисках.

— Но почему же вы не сказали об этом раньше? — удивился я. — Этот сейф искали несколько лет, и ваши указания были бы очень полезны.

Археолог нетерпеливо махнул рукой:

— О том, что ищут сейф архитектора Бродова, мне стало известно только после вашего приезда. Узнал я об этом от одного из моих знакомых. Он сказал, что в наш город прибыла группа инженеров, которые будут искать сейф с помощью особого аппарата. Тогда-то я и вспомнил, что еще осенью сорок первого года видел, как поздним вечером ко входу в катакомбы, то есть вот сюда, — он указал вниз, — два человека привезли на тележке какую-то круглую железную коробку. Я тогда должен был встретиться с представителем партизанского штаба, чтобы передать ему некоторые сведения из города. Пока я его дождался, сидя в кустах, люди с железной коробкой скрылись в подземелье. Через полчаса они вышли обратно и направились в город. При свидании я, конеч-

но, сообщил о сейфе, но тогда не придавал этому большого значения. У входа в катакомбы всегда дежурил кто-нибудь из партизан. Если он пропустил людей с ящиком, значит, все в порядке. Я совершенно забыл обо всем этом, и только узнав о ваших поисках, решил сообщить вам, так сказать, свои наблюдения. Позавчера вечером отправился в старую гостиницу. Мне сказали, что вы дома, но в номере было темно, и я не решился вас беспокоить. Вчера искал вас на строительстве, но мне удалось познакомиться только с вашей сотрудницей. Узнав о сейфе, она забросала меня вопросами и так деятельно принялась за поиски исчезнувших чертежей, что, как я полагаю, — он пожевал губами и насмешливо взглянул на меня поверх очков, — доставила вам немало тревожных минут. Но поверьте, я никак не мог предвидеть, что эта девушка решится на столь рискованное путешествие. Я торопился к врачу, а она хотела остаться и вызвать вас по телефону.

— Да, вы были у врача, — подтвердил я. — Я видел вас сквозь стену в его кабинете. А потом случайно заметил вас под городской площадью, на строительстве подземного перехода. Но что вы там делали, не понял.

— Там попадаются довольно интересные вещи! Возвращаясь домой, я заглянул туда. Пришлось немного поползть. Зато нашел оружие времен Пугачева... Но что же это?.. — Он удивленно взглянул на меня, приподняв очки. — Оказывается, от «Всевидающего глаза» и под землей не спрячешься.

— Так и получается, — сказал подошедший к нам лейтенант. — Мы прекрасно видели, как вы встретились под землей с их сотрудницей, затем нежно взяли ее за руку и пошли к выходу.

Археолог сердито фыркнул.

— Да, представьте себе, этот молодой человек, — он указал на лейтенанта, — предъявил мне вполне основательное обвинение в злоумышленном похищении молодой лаборантки. До этого я предполагал, что мои почтенные седины исключают такие подозрения. Я меньше всего похож на лермонтовских героев. Лейтенант следовал за мной по пятам, и не успел я прибыть на место обвала, где вчера обнаружили пещеру с оружием партизан, как он остановил меня и категорически потребовал, чтобы я в два счета отыскал вашу неосторожную сотрудницу. Ну, это куда ни шло. Поиски — моя специальность.

— Так оно и есть, — добродушно подтвердил лейте-

нант. — Я был уверен, что вам это удастся сделать скорее, чем кому-либо другому. Удивительно, как быстро вы ее нашли.

— Дело абсолютно пустяковое. Я заметил ее следы в известковой пыли. Кроме того, мне хорошо известен этот участок катакомб. — Никитченко сочувственно покачал головой: — Бедняжка, она совсем измучилась и почти потеряла надежду выбраться на свободу. Ничего... Впредь не будет поступать так опрометчиво.

Я не мог не возразить:

— Ну нет! Плохо вы ее знаете. Она всегда будет делать по-своему.

— Пожалуй, это верно. Она даже там поспорила со мной, утверждая, что идем неправильно. Чуть ли не силой пришлось вести ее.

— Куда же вы потом исчезли? — поинтересовался я. — Аппарат перестал вас видеть, словно вы скрылись под железным куполом. Там имеются какие-нибудь сооружения?

— Насколько мне известно, нет. Зачем они?

По тропинке, раздвигая ветки желтеющего кустарника, поднимались Андрей и Валя. Она осунулась, побледнела. В ее темно-синий костюм глубоко въелась известковая пыль.

Валя еле шла. Андрей в одной руке нес аппарат, а другой поддерживал нашу сумасбродную лаборантку. Мне было жаль Валю, но на ее измученном лице я не заметил никаких признаков смущения и потому решил высказать ей то, что полагалось.

— Мне кажется, — начал я строго, — ваш безрассудный поступок ничему не научил вас...

Валя молчала. Андрей растерянно глядел на нее. Остальные предусмотрительно отвернулись и отошли в сторону, не желая мешать нашему разговору.

— А все-таки мы его отыскали, — наконец сказала Валя, и в глазах ее появилось выражение лукавого торжества.

Я решил отложить этот бесполезный разговор. Не позволяла, если можно так сказать, душевная мягкость. Девушка только что свет божий увидела, от смерти была на волосок, а тут — с нотациями. К тому же Андрей смотрел на меня такими умоляющими глазами, что я не стал уже больше журить нашу упрямыцу.

К нам подбежал Колосков и сказал, что все уже готово, сейчас будут доставать сейф.

Мы подошли к глубокой яме. Я всматривался в зияющую пустоту, но ничего не мог там разглядеть, как в бездонном колодце.

— Разрешите, я спущусь, — попросила Валя, и глаза ее загорелись от нетерпения. — Я знаю, в какой стороне сейф.

Андрей безнадежно махнул рукой. Дескать, и этот урок не пошел ей на пользу.

По вырубленным ступенькам на стенках колодца я и Колосков спустились вниз. Под землей нас встретили темнота, сырость, тяжелый, пахнущий плесенью воздух.

В узком отверстии светился ослепительно голубой кусок полуденного осеннего неба. Я шагнул в сторону и включил фонарик. Передо мной открылась пещера с очень низкими сводами.

— Видишь его? — прошептал Колосков.

Он опустился на колени рядом с большим железным цилиндром и, дрожа от нетерпения, стал сбивать коротким ломиком заржавевший замок.

С глухим стуком к нашим ногам упала тяжелая крышка. Луч карманного фонарика осветил свернутые в трубки чертежи.

С лихорадочной поспешностью Колосков схватил один из них и развернул влажный от сырости лист.

Я увидел тонкие линии высокого ажурного здания. Это были чертежи «Воздушного дворца».

Мы лежали на траве. Вдали шумело море, а мне казалось, что шелестят сухие листья. Сквозь желтеющие ветви кустарника просвечивало солнце.

Уже давно уехали в город счастливый Колосков с чертежами, Никитченко и лейтенант, а мы все еще спорили, говорили, вспоминали неожиданности, с которыми встретились во время испытаний. Мы в эти дни испытывали не только аппараты, но и самих себя на новых, еще неведомых путях.

Андрей протянул мне белый ноздреватый камень с тонкими блестящими прожилками:

— Смотри. Я нашел его на том месте, где аппарат ничего не видел. Мы думали, что в земле скрыта металлическая преграда.

Я долго вертел в руках белый камень, похожий на вулканический туф, царапал его ногтем, стараясь определить твердость, и наконец сказал:

— Похоже на то, что мы нашли руду какого-то неизвестного металла.

Валя подложила руки под голову и смотрела на облака. Она молчала, видимо думая о чем-то своем, и не слышала нашего разговора.

— О чем задумались, Валентина Николаевна? — спросил Андрей.

Валя провела загорелой рукой по лбу, будто отгоняя какую-то навязчивую мысль.

— Я не знаю, как это объяснить... Вы мне сейчас рассказывали, что видели прошлое родной земли, находили оружие отгремевших войн. Вы бродили по городу и видели наше сегодня. Но как увидеть будущее? Какой для этого нужно придумать аппарат? Я хочу посмотреть «Всевидящим глазом» на то, что будет через десятки лет. Я хочу знать, как изменится лицо нашей страны, лицо мира.

— А я никогда об этом не думал, — с растерянной улыбкой признался Андрей. — Мне казалось, что я вижу завтрашний день уже сегодня. Я вижу его в строгих цифрах наших планов, в сводках добытого угля, нефти, металла, в процентах трудовых успехов на заводах и полях... Я привык мыслить математически. Это у вас вызывает улыбку, Валентина Николаевна, но для меня все такие цифры становятся живыми и, если хотите, полными романтики и настоящей поэзии. — Он задумался, взял у меня камень и подкинул его на руке. — Может быть, этот камень завтра изменит лицо всего района. Я не геолог, не знаю, что за металл скрывается в нем. Цинк ли это, свинец, серебро, или, может быть, другой какой-нибудь металл, в десятки раз дороже золота... Нам еще неизвестны многие тайны Земли. Наш «Всевидящий глаз» пока близорук. Но мы хотим все видеть, все знать. И если сегодня мы увидели то, что лежит у нас под ногами, то будем мечтать и работать над тем, чтобы завтра взглянуть... ну, скажем, на ядро Земли.

Андрей замолчал. Я смотрел на радужную паутинку. Спускаясь с ветки, она трепетала от дуновения ветерка, но мне казалось, что колеблется она от моего горячего дыхания.

Я чувствовал, как кровь приливает к голове, горит лицо, тревожно замирает и как бы на мгновение останавливается сердце, чтобы потом забиться еще сильнее.

Бывают яркие, радостные минуты, когда первая, еще неясная, но дерзкая мысль на мгновение сдавливает

дыхание, заставляет блеснуть глаза. В ней еще нет ничего реального, но торопливая мечта уже пытается различить общие контуры нового чудесного аппарата.

Я мечтал о том, чтобы наш будущий аппарат смог увидеть бронзовый век далеких предков. Я хотел перелистывать земные слои, как страницы книги о прошлом, чтобы они стали прозрачными под взглядом «Всевидящего глаза» и смелой мечты.

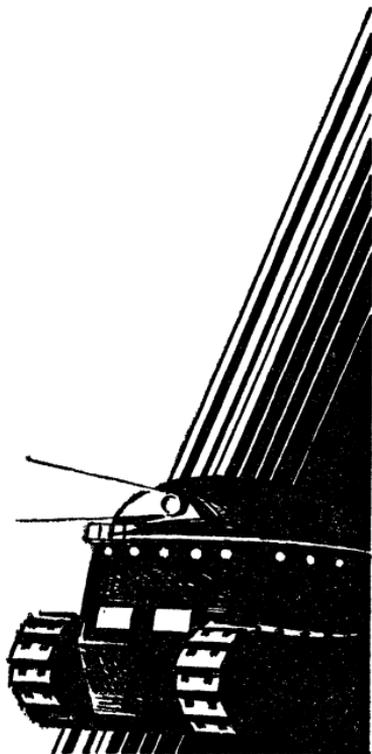
Проникнув в глубь земли целым спектром различных частот, послушный луч отразит на экране все, что скрыто в ее недрах: угольные пласты, нефть, подземные реки и пещеры, кости вымерших животных.

Может быть, мы откроем исчезнувшие города, запряжанные клады... Ничто не скроется от наших глаз!

1947—1951

ЗОЛОТОЕ ДНО

Научно-фантастическая повесть

ВСТУПЛЕНИЕ

Если у вас есть время, дорогой читатель, и желание услышать о необыкновенном, возьмем лодку и поплывем вдоль берегов Апшеронского полуострова.

Выберем тихий предутренний час, когда в Бакинской бухте замирают на рейде суда и одинокие яхты с повисшими парусами ожидают восхода солнца. Приглушим мотор, пусть лодка слегка покачивается на волнах.

Посмотрите на город. Он выглядит праздничным в этом море огней. Цепочкой огни поднимаются в горы, тянутся по берегу, скрываются за горизонтом. Это нефтяные промыслы вплотную подступили к городу, и он кажется таким огромным.

Можно слушать шорох волны за кормой, смотреть на огни и, если хотите... мечтать.

Но не за этим мы сели в лодку. Пусть удаляются фонари Бакинской бухты. Мы плывем в открытое море.

Уже исчезли светящиеся шары Приморского бульвара, слились в одно сплошное сияние городские огни. Сквозь теплый туман, повисший над водой, видна только длинная полоса бледного света, словно Млечный Путь спустился на землю.

Тишина стоит над морем, лишь изредка слышатся гудки танкеров да отдаленный грохот лебедки на погрузке судов.

Впереди показались огоньки. Вы думаете, мы приближаемся к берегу? Нет. Эти неподвижные огоньки в открытом море. Лодка направляется к ним.

Внизу, под нами, в недрах морского дна, скрыты несметные богатства. Мы сейчас плывем около отрогов Кавказских гор. Вокруг них выросли нефтяные промыслы: здесь, на Апшероне, и с севера — в Грозном, Майкопе. С запада они огибают хребет и идут в Закавказье. Такие же кольца нефтяных пластов охватывают Урал, Карпаты, Аллеганские и Скалистые горы. Все основные месторождения нефти находятся у подножий гор.

Найдена нефть и в море, около приподнятости дна, являющейся продолжением Кавказского хребта. Эти подводные горы идут к самому Красноводску.

Может быть, в районах больших глубин Каспийского моря, по обеим сторонам этих подводных гор, лежат

нефтяные пласты? Ведь на другом берегу Каспия тоже находят нефть.

Пока это еще не разрешенная загадка, хотя геологи предполагают, что здесь спрятаны неисчислимые запасы «черного золота», такие, что с ними не смогут сравниться все вместе взятые нефтяные месторождения мира.

Слышите? Словно переключаясь с рокотом мотора нашей лодки, откуда-то из темноты доносится равномерное гудение. Как отпечатанная на копировальной синьке, освещенная снизу фонарем, выросла перед нами стальная решетчатая конструкция. Это буровая вышка.

Тонкие трубчатые ножки торчат из-под воды. На них — дощатый квадратный настил. Они спустились с холмов Апшерона. Им тесно на земле. Пока еще они робко жмутся к берегу, но смелая мысль советского человека, его упорство и неукротимое стремление вперед заставляют их идти все дальше и дальше в открытое море.

В ночной тишине глухо гудит мотор.

Темная фигура поднимается вверх, на стальной переплет буровой вышки — точно на мачту корабля взбирается матрос, чтобы во мгле распознать далекие мерцающие огоньки. И кажется ему, что они уходят в просторы Каспийского моря, далеко-далеко, на другой берег, вдоль подводных отрогов Кавказского хребта. И в этом фарватере, освещенном огнями морских буровых, плывет теплоход из Красноводска...

Да, это мечта... Будут ли строить вдали от берега стометровые башни подводных оснований? Этими ли путями пойдут советские инженеры для решения поставленной перед ними задачи — достать нефть из далеких глубин Каспийского моря? Пока это нам неизвестно. Несколько лет — и мы об этом узнаем.

И возможно, сейчас, когда мы с вами смотрим на удаляющиеся огни морских буровых и слышим кипение воды за кормой, где-нибудь в Баку, Москве, Ленинграде, Калуге, в рабочем поселке или колхозном селе идет по уснувшим улицам пока еще никому не известный автор нового проекта покорения морских глубин. Вот он подпрыгнул, сорвал пыльный листок с тополя и пошел дальше.

Может быть, через несколько лет о нем будут писать на первых страницах газет и журналов.

так, студент геологоразведочного института Николай Тимофеевич Синицкий направляется в Баку, — сообщил тонкий металлический голос на весь салон комфортабельного лайнера.

Пассажиры удивленно приподняли головы, ища глазами репродуктор.

Молодая темноволосая женщина, сидевшая с журналом у окна, вздрогнула: ей показалось, что голос прозвучал откуда-то из спинки кресла. Она вопросительно посмотрела на соседа.

Юноша лет девятнадцати смущенно сжимал в руках маленькую коробочку из темной пластмассы.

— Простите, я случайно включил эту игрушку вроде магнитофона... И вот он за меня представился...

— Оригинальный способ знакомства, — рассмеялась женщина, блеснув белоснежными зубами. — И вы часто этот способ применяете? — спросила она, весело смотря на покрасневшего Синицкого.

— Ну что вы, — еще больше смутясь, пробормотал тот. — Аппарат я не для того сделал.

— Надеюсь, — сказала соседка и, продолжая подсмеиваться над ним, спросила: — Так зачем же он вам нужен?

Ее забавляла растерянность юного пассажира.

— Я его первый раз испытываю, — доверчиво сказал Синицкий. — Пока он за меня все записывает.

— И между прочим, выбалтывает секреты, — усмехнулась соседка, вешая на крючок свою белую соломенную шляпу. — Плохая услуга.

Синицкий недовольно взглянул на свой карманный магнитофон. Этот забавный аппарат походил на небольшую коробку с дырочками. На выпуклой зеркальной кнопке отражалось уменьшенное во много раз лицо смущенного конструктора.

Оно ему никогда не нравилось. Голубые глаза, свет-

лые ресницы, почти полное отсутствие бровей. Мягкие, как пух, рыжеватые волосы спадали на лоб.

Сейчас Синицкий смотрел на свое изображение с ненавистью. Наверно, и в сорок лет он будет так же выглядеть. Эта смеялась над ним как над мальчишкой. А ведь ему все-таки двадцатый год. Честное слово, обидно...

Не поднимая головы, он покосился на соседку.

Но та словно позабыла о нем и что-то искала в журнале. Под ее проворными пальцами мелькали разноцветные рисунки.

Синицкий с любопытством засматривал в журнал, следя за торопливыми пальцами соседки.

Наконец она нашла нужную страницу. Зеленоватая вода, каменистое морское дно, на нем стоит решетчатая башня. Художник изобразил вокруг башни красноперых рыб. На поверхности воды — островок с вышкой. Островок укреплен на подводной башне. Внизу подпись: «Новое глубоководное основание буровой вышки конструкции инженера Гасанова».

— Значит, вы студент-геолог, если верить вашей говорящей коробочке? — неожиданно обратилась к нему насмешливая соседка. — Болтуня сообщила окружающим, что вы летите в Баку.

Синицкий со злостью сунул магнитофон в карман.

— Смотрите, это должно вас интересовать, — уже серьезно проговорила она и указала на рисунок подводной башни.

Синицкий взглянул на крупный заголовок статьи, напечатанной рядом с красивой картинкой: «Подводное основание на больших глубинах».

— У нас в институте по этому случаю сегодня праздник, — сказала соседка, и Синицкий только сейчас почувствовал в ее словах легкий акцент и подумал: «Может быть, она уроженка Баку и даже из того института, куда я командирован?»

— Вы сказали «у вас в институте»? — переспросил он. — Значит, вы там работаете?

— Поймали на слове. Придется сознаться, — притворно вздохнула она.

— Тогда вопрос можно? — смущенно сказал Синицкий и вновь разозлился на себя: «Ну кто так разговаривает с женщиной, да еще красивой? Будто я не студент второго курса, а младший школьник». Тут же он постучал небрежно по коробочке магнитофона в кармане,

как бы между прочим спросил: — Гасанова, наверное, знаете?

— Немного знаю, да, — протянула она, улыбаясь. — Этот человек с головой потонул в нефти.

— Наш директор тоже советовал «заболеть этим делом». Ну а я, можно сказать, впервые встречу с нефтью только в Баку.

— Так уж до этого вы с ней нигде и не встречались? — снисходительно усмехнулась соседка. — Нефть — это кровь моторов. Впрочем, о чем говорить... Сколько драк на земле из-за нее!

Она неожиданно замолчала, словно вдруг поняла, что ей совершенно незачем убеждать студента в особом значении нефти. Ему об этом на лекциях все уши прожужжали. Она затянула на шее белый шарф и отвернулась к окну.

Синицкий не смог бы определить, почему же она ему показалась такой красивой. Строгие черты лица, черные глаза, такие, что не разберешь, есть ли в них зрачок. Красиво это или не очень — Синицкий даже не смог бы сказать. Правда, он об этом и не думал, увлеченный живой, горячей речью своей собеседницы.

Воспользовавшись тем, что она сейчас на него не смотрит, Синицкий вытащил из кармана гребенку и украдкой провел по своим взъерошенным волосам.

Спутница все молчала. Тогда он покосился на свой галстук, тщательно ли завязан, скользнул взглядом и по складке хорошо выглаженных брюк и остался доволен.

— Почему вам не выбрать своей специальностью нефтеразведку? — вдруг спросила соседка.

Вопрос застал Синицкого врасплох. Об этом он никогда не думал. Новая схема усилителя в аппаратах ультразвуковой разведки, которую предложил он, студент второго курса, работая в лаборатории своего института, может быть применена не только для поисков нефти. Из-за этой схемы Синицкого и командировали в Баку, но все же он не может отдать предпочтения разведке. Еще бы! Так много на свете интересного!

Синицкий был смущен затянувшимся молчанием.

— Простите, пожалуйста. Вы спросили о нефти... По-моему, искать ее не так сложно и не очень интересно... Потом, я думаю, — он развел руками и кисло улыбнулся, — в век атомной энергии...

— Без нефти нельзя обойтись! — досадливо перебила его девушка. — Неужели вы этого не понимаете-

те? — Она заволновалась и стала говорить с заметным акцентом: — Заокеанские дельцы об этом прекрасно знают. Кричат об атомном веке. Да? А сами захватывают все новые и новые нефтяные районы. Надеюсь, вам известно, что нефть — это не только горючее, но и синтетический каучук, смазочные масла... Да всего не перечесать. Даже молодые геологи вроде вас об этом должны знать!

Резким движением соседка откинула непокорные волосы, затем немного помолчала, словно собираясь с мыслями.

— Мы ни у кого не отнимаем нефть, — продолжала она. — Своей достаточно. Но ведь ее нужно отнять у природы. Это не так легко, как вам кажется... Особенно если она запрятана в морском дне. Здесь нужно настоящее мужество, смелость, влюбленность в свое дело... Мне думается, когда вы начнете работать, то сами сможете не на шутку увлечься обыкновенной черной нефтью, которая так неприятно пахнет и даже пачкает нарядные костюмы.

Синицкий поежился и, делая вид, что последнее замечание его нисколько не касается, сказал:

— Вряд ли кто останется равнодушным после вашей лекции. Такой я никогда не слышал у себя в институте.

Синицкий поднял голову и встретился взглядом с человеком в квадратных очках, сидящим на противоположной стороне кабины.

Пассажир задумчиво теребил клочковатую бородку и внимательно рассматривал картинку в журнале, лежащем у него на коленях. Журнал был раскрыт на странице, где в зеленой воде темнела решетчатая башня. Видимо, не только эту девушку интересовала статья о достижениях инженера Гасанова.

Человек, за которым сейчас наблюдал Синицкий, и другой пассажир, его сосед, были одеты как заправские охотники, собравшиеся в далекую поездку. Над окном висели два охотничьих ружья в потрепанных брезентовых чехлах.

Еще выше на полке лежал чемодан, перевязанный веревкой.

Студенту почему-то стало стыдно. Вот ведь обыкновенные люди, может быть, два бухгалтера, врача, во всяком случае, не геологи, но интересуются морской нефтеразведкой.

А он, будущий специалист — разведчик недр, вдруг обнаруживает перед девушкой кокетливое равнодушие к этому большому делу.

— Скажите, пожалуйста, — робко обратился он к девушке, — где в Баку находится Институт нефти?

— Так вы, значит, к нам направляетесь?

— Вот это здорово! — обрадовался Синицкий. — У вас директором Агаев?

Девушка замялась и недовольно проговорила:

— О делах потом. Покажите ваш магнитофон, я немного разбираюсь в этом деле.

Синицкий обрадовался. Ему хотелось сделать что-нибудь приятное для соседки. И он с увлечением начал демонстрировать свою конструкцию: вертел ручки, щелкал переключателями, открывал крышку, где были уложены тонкие коричневые кружки, показывал, как электромагнитный рекордер чертит на них невидимые строчки.

Синицкий видел, что девушка слушает с искренним интересом, и это льстило ему.

Самолет летел над полями. Проплывали, словно куски зеленоватого стекла, озера, болота, маленькие речки. Медленно уходили вдаль прямые линии железных дорог и широких автострад, как будто вычерченные на желтой бумаге.

Наконец Синицкий закончил свой рассказ и робко, почему-то краснея, произнес:

— Простите, за меня представился магнитофон, а я так и не спросил ваше имя и отчество.

— Можно без отчества. Все равно забудете. Меня зовут Саида. Запишите на вашем магнитофоне.

Между креслами проходила девушка в темном ките- блестящими пуговицами. В руках она держала под- с бокалами и бутылками.

Небрежно, как будто бы ему каждый день приходи- лось выполнять роль предупредительного спутника, Си- ницкий спросил воды и тут же налил пенящийся бокал Саиде.

Она старалась не смотреть на студента, чтобы не рассмеяться. Уж очень трогательной ей показалась эта робкая внимательность, спрятанная под равнодушной маской завсегда́тая московских ресторанов.

...Самолет приближался к морю. Уже показалась исчерченная голубыми линиями бесчисленных рек жел- тая земля. Это дельта Волги в зарослях камыша.

Сверкнуло море. А вскоре выплыли, будто из морской глубины, туманные горы.

Через полчаса самолет подлетел к Баку.

Вот уже близок берег. Самолет шел на посадку.

Синицкий поднес к глазам бинокль и стал смотреть в окно. Море блестело, как мятая серебряная бумага от шоколада.

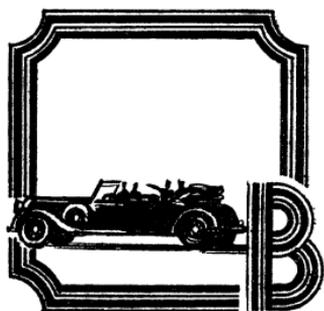
Вдруг из-под воды вырвался гладкий белый шар, похожий на гигантскую плавучую мину. Он сверкнул на солнце полированными боками и, взметнув в воздух тысячи брызг, закачался на волнах.

Синицкий застыл у окна.

Надо показать необыкновенный шар Саиде.

Поздно, металлическое крыло самолета закрыло шар. Быстро повернувшись, Синицкий бросился к противоположному окну, где сидел охотник.

Он смотрел в бинокль на море. Губы его были сжаты в презрительную улыбку. Впрочем, может быть, это только так показалось Синицкому. Охотник опустил бинокль, равнодушно взглянул на юного пассажира и направился к своему креслу.

Глава 2. НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

В это необыкновенно жарко утро, когда бетонная дорожка бакинского аэродрома казалась раскаленной добела, решетчатой оградой в группе встречающих самолетов стоял молодой человек с букетом махровых белых цветов. Ветер трепал полы его легкой шелковой куртки. Ее белизна оттеняла загорелое лицо и иссиня-черные волосы. Щурясь от солнца, человек нетерпеливо всматривался в небо.

К самолету спешили встречающие. Впереди всех быстро шел человек с цветами.

Спустилась алюминиевая лесенка. В темном овале двери показалась Саида. За ней — Синицкий с ее ручным чемоданчиком. Саида спокойно и строго смотрела

на подбежавшего к ней смуглого человека, молча взяла цветы и, закрыв глаза, устало положила голову ему на плечо.

Синицкий поставил чемоданчик на землю и застыл в смущенном ожидании. Ему казалось неудобным напоминать о себе. Он почувствовал что-то вроде легкой зависти. «Ну конечно, разве такая девушка, как Саида, может обратить на меня внимание? — думал Синицкий. — Я для нее просто мальчишка!»

В лаборатории о нем уже всерьез говорят. Поздравляли с изобретением, командировку дали в Баку.

Чего только Синицкий не делал, чтобы казаться старше! Перед самым отъездом купил шляпу, чтобы выглядеть солиднее. Но все равно и в трамвае и в автобусе к нему обращаются уж очень запросто, как будто так и следует: «Мальчик! Передайте, пожалуйста, билет!»

Синицкий поежился от досады. «Мальчик! И как им только не стыдно...»

Человек, встретивший Саиду, приподнял ее голову, пытливо заглянул в глаза и с болью в голосе сказал:

— Ты мне не писала все эти дни. Ну разве так можно? Я беспокоился...

— Знаю, знаю, родной. — Счастье светилось на лице Саиды. — Но ведь ты у меня терпеливый. Да? А вот Александр Петрович телеграммами засыпал...

— Кто?

— Васильев. — Саида повернулась к самолету. — Но где же мой багаж?

— У меня, — робко отозвался Синицкий, протягивая чемоданчик.

— Нет, не этот, — тряхнув головой, рассмеялась Саида. — Сейчас получим его и отвезем вас в город.

— Вы же не знаете, где наш институт. Простите, — вдруг вспомнила она, — я вас не познакомила. Мой муж, инженер Гасанов. Вы, кажется, им интересовались? А этот молодой студент, — Саида указала на Синицкого, — принадлежит к беспокойному племени изобретателей. Сегодня он вручит директору «верительные грамоты», а потом мы с ним займемся... Берегитесь, быть вам нефтяником!

Саида заметила грусть в глазах Ибрагима — так звали ее мужа — и ласково потрепала его по щеке.

Синицкий неожиданно почувствовал, что освободился от какой-то непонятной тяжести. «Вот и хорошо, — с облегчением подумал он. — А мне-то показалось, что я

даже немного влюбился. Говорят, что при этом бывает довольно глупое состояние».

По лесенке самолета спускали вниз большие белые ящики, похожие на чемоданы.

— Вот и мой багаж, — сказала Саида.

Из кабины вышли охотники с ружьями в чехлах и остановились в стороне, словно кого-то ожидая. Собаки — их тоже выгрузили из самолета, — лениво повизгивая, с высунутыми языками лежали у ног охотников.

К самолету по выжженной траве аэродрома бежал сухощавый парень в тубетейке. Он, видимо, очень торопился, на ходу высккивая кого-то глазами, похожими на чернослив.

Увидев Саиду, он бросился к ней и обрадованно закричал:

— Салам, Саида! Скорее поедем! Александр Петрович ждет.

— Какой Александр Петрович? — несколько удивленно спросил Гасанов у Саиды.

— Васильев. Я же тебе говорила.

— Ведь он недавно сюда приехал. Откуда ты его знаешь?

— Встречалась в Москве. — Саида повернулась к Синицкому: — Вот наш незаменимый техник Нури, — указала она на нетерпеливого парня, которому так и не стоялось на месте.

Он бросился к носильщикам, разгрузившим самолет, и закричал:

— Тихо, тихо! Почему бросаешь? Это вам не кишмиш. Да! — Подбежав ближе, Нури уже более миролюбиво добавил: — Тут аппараты. Понимать надо... Как хрустальную вазу нести надо... А так и моя бабушка может...

Синицкий рассмеялся. Нури недовольно взглянул на него:

— Как успехи Васильева? — спросила Саида у Гасанова.

— Не слышал.

Саида помолчала, видимо, пытаясь подобрать нужные слова. Она чувствовала тайную обиду Ибрагима.

— Твоими работами очень заинтересованы в министерстве. Мне там говорили.

— Это же ты можешь сказать и о делах Васильева.

— Да... тоже. Они действительно очень интересны... Кстати, — Саида нерешительно помедлила, — я назначена в его группу.

— Ты сообщила мне это «кстати», — сдержанно заметил Гасанов. — А я ничего не знал... Рассчитывал на твою помощь...

Он медленно, как по капле, выдавливал из себя слова, казавшиеся теперь ненужными и жалкими. Знал Ибрагим, что Саида никогда не изменит своего решения.

— Пойми, родной, — сказала она, — опыты Васильева невозможны без моих аппаратов.

— Тебе виднее...

Гасанов замолчал и направился к машине.

Саида поручила Нури погрузку багажа. Он победоносно взглянул на парня в шляпе и снова подошел к носильщикам.

— Теперь будет большое, ответственное дело. Понимаешь? Грузить надо как банки с вареньем. Понимаешь?

— Садитесь, Синицкий. — Саида указала на место в машине рядом с собой. — Покажем вам город.

Недовольным взглядом Нури проводил приезжего. Этого парнишку взяли с собой как большого начальника.

Открытый автомобиль с дрожащей спицей антенны выехал с аэродрома. За ним пошла зеленая машина, похожая на сплюснутый огурец. В ней разместились охотники с собаками.

До города еще далеко. Голубой лентой бежит шоссе, в глади его асфальта отражается небо. Жарко, ни ветерка. Земля светлая, чуть желтоватого оттенка, как крепкий чай с молоком. Ранней весной здесь росла трава, а сейчас от нее осталась только тонкая золотистая ломка. И небо здесь темнее земли.

Показались стальные вышки нефтепромыслов. Они как бы расступались, освобождая дорогу. Саида разговаривала с Синицким. Гасанов молча сидел за рулем.

Машина миновала промыслы и теперь приближалась к городу. Вот уже его окраины.

— Так называемый «Черный город», — Саида указала на приближающиеся строения. — Ну как? — с гордостью спросила она. — Похоже?

Синицкий удивленно смотрел на незнакомые улицы.

По сторонам мелькали белые каменные стены нефтеперерабатывающих заводов, светлые корпуса, розовые,

светло-сиреневые, кремовые жилые дома, зелень парков, Дворцы культуры, клубы, кино и выкрашенные белым стволы молодых деревьев.

«Черный город» проехали. Машина скользила дальше по гладкому асфальту. Решили свернуть на набережную. С одной стороны высились светлые высокие здания, с другой стороны — зелень бульвара. Он тянулся на многие километры. Машина мчалась, набирая скорость. Сквозь листву деревьев мелькали, как осколки разбитого зеркала, кусочки ослепительного моря.

Улица мелькнула и скрылась. Блеснули стекла зеленого киоска с надписью «Воды». Архитектор придал ему такую невероятно обтекаемую форму, что Синицкому показалось, будто киоск сейчас сорвется с места и помчится вслед за машиной.

Вот впереди он увидел розовое здание с белой колоннадой на крыше. Колонны как бы поддерживали голубой небосвод, что низко спустился над ними.

— Это кинотеатр «Низами», — заговорила Саида. — Понимаете, что меня удивляет? — с оттенком досады продолжала она. — У нас совершенно не знают этого города. Не знают третьего по величине города нашей страны. Вспомните, сколько написано о других городах. Правда, у них большое историческое прошлое. С Ленинградом знаком каждый ребенок. Кто не слышал о Невском проспекте, Адмиралтействе, Литейном? Кажется, что любой человек, никогда не бывавший в Ленинграде, сможет начертить его карту — так известен город по литературе, газетам и рассказам очевидцев. Я уже не говорю о Москве — о ней знают все, и это вполне естественно. Но вот, например, возьмите Киев. Кто не слышал названий — Крещатик, Владимирская горка, Липки. Одесса с ее лестницей тоже известна. А кто скажет, какая главная улица в самом большом после Москвы и Ленинграда городе, в Баку?

Синицкий подумал: «А верно, как много еще нужно видеть!» Он не знал, что нефтяной Баку — это прекрасный, светлый город, где в зеркало блестящего асфальта смотрятся облака.

Синицкий сидел на балконе гостиницы и нетерпеливо ждал, когда можно будет ехать на праздник к Гасанову. Еще бы, инженер сам пригласил его... Наверно, очень хороший человек Гасанов...

Сразу он понравился Синицкому, так же как и Саида. Впрочем, о ней студент вспоминал с чувством какой-то непонятной неловкости. Ему казалось, что влюбленность с первого взгляда — вещь нелепая и даже обидная. В особенности для него, Синицкого. Вот бы знал этот инженер, как в самолете буквально петушком топорщился и суетился мальчишка Синицкий, пытаясь завоевать расположение своей соседки! Он и воду для нее заказывал, и пытался представиться гениальным изобретателем. Нет, Синицкий явно собой доволен.

Он встал и лениво прошелся по каменному полу балкона. Впервые он видел Каспийское море, суда, далекие вышки, яхты с желтоватыми парусами; они боязливо бродили у берега, как утята. Дым от парохода поднимался столбом, будто в морозный день. Было очень жарко.

Разглядывая набережную, Синицкий видел серебристо-зеленую полосу бульвара, кусты ярко-розовых олеандров, клумбы, темно-красные цветы, неподалеку белый ажурный переплет водной станции. Рядом высилась, как памятник давно прошедших веков, суровая Девичья башня. Она похожа на две гигантских, будто сросшихся вместе, ребристых трубы — так, по крайней мере, определил ее форму Синицкий.

Усевшись в кресло, он привычно провел расческой по непослушным волосам, вынул из кармана магнитофон, тщательно осмотрел его, покрутил ручки и тут же подумал: «Что же мне с ним делать? Пока это только записная книжка... Может быть, попробовать записать в нее как в дневник? Пожалуй, это идея!»

Изобретатель включил магнитофон и поднес его к уху:

— Я буду тебе говорить все, что замечу интересного, твое дело — записывать. Точка! — внушительно заключил он и перевел рычажок.

«Точка!» — с такой же интонацией через секунду ответил аппарат.

— Будешь моим дневником.

Синицкий снова передвинул рычажок.

«...Дневником», — послушно повторил аппарат.

— Вечером я расскажу тебе все, что случилось за день...

Магнитофон лежал на коленях, а Синицкий думал: «Видел ли я белый шар? — Перед глазами встало лицо

охотника. — Нет... при чем тут он? А зеленая машина? Почему она поехала за нами? Чепуха! Обычное совпадение. Иной раз мы видим необыкновенное и загадочное там, где этого нет... Ну, скажем, белый шар. В первый момент я подумал, что это мина. А откуда она появилась в Каспии? Вам, дорогой друг, и ответить нечего. Начитались приключенческих романов. Вот и все... Тут и без этого много непонятного. Например, кто же такой Васильев?»

На дощатом настиле опытного пятидесятиметрового основания буровой вышки стоял Гасанов. Внизу плескались ленивые волны. Инженер смотрел, как рабочие убирали зеленую вышку, готовясь к предстоящему торжеству. Рядом с Гасановым, опираясь на перила, смотрела на далекий берег маленькая худенькая девушка, которую все звали Мариам. Она тоже была конструктором и работала в Институте нефти, в группе Гасанова.

— По-моему, он фантазер, — резко сказала Мариам. — И перестанем говорить о Васильеве!

Гасанов удивленно взглянул на Мариам. Откуда у молодой девушки столь решительные суждения о человеке, которого она почти не знает? Даже он, Гасанов, воздерживается от подобных оценок. А Мариам?.. Ведь он помнит ее совсем девочкой, сначала копировщицей, затем чертежницей. Потом она, дочь старого бурового мастера, стала конструктором, способным решать самостоятельные технические задачи. Однако это не дает ей права говорить так об инженере, у которого она многому может поучиться.

Конечно, годы учебы в заочном институте очень серьезно подкрепили ее знания. Мариам Керимовой двадцать четыре года, а о ней говорят как о талантливой конструкторе, без всяких скидок на возраст.

Гасанов смотрел на нее с улыбкой. Он все еще не верил, что видит перед собой ту самую девочку-тихоню с длинными, почти до коленей, косами, большими темными глазами. Он не верил, что это именно та Мариам, робкий, несколько глуховатый голос которой очень редко слышали даже ее близкие друзья. Но все-таки это была она, та девочка с постоянно опущенными глазами, а теперь строгий инженер, со своим мнением и сложившимися вкусами.

— Вы видели Васильева? — спросил Гасанов, стараясь придать голосу полное равнодушие.

Мариам нахмурила сросшиеся брови.

— Его никто не видел. Он не хочет выходить из своей лаборатории. Впрочем, это не имеет значения. Я нелюбопытна и вовсе не интересуюсь его внешностью. Важен проект, а я с ним только что ознакомилась.

— Ну и как? Я ничего не знаю о последнем варианте.

— Уверена, что это абсолютно бесплодная фантазия с претензией на внешний эффект. Вчера мне прислали скорректировать чертежи его электробура. Честное слово, не лежит у меня сердце к этому делу. Просто не хочется время тратить. Лучше уж с ребятами заниматься в техническом кружке.

— Да что с вами, Мариам? Откуда такая желчность?

— А как вы думаете, Ибрагим Аббасович? Обидно. Я хотела на вашем плавучем острове работать. Вы же об этом знаете. А тут... — Она прикусила губу и отвернулась.

— Ну не горюйте, не стоит, — утешал ее Гасанов, хотя очень хотел бы этого утешения и сам. — Забудем обо всем. О любых неприятностях. Вы же знаете... Сегодня такой день — только радоваться. — Он невольно вздохнул. — Я вас познакомлю с занятым человеком. Прилетел из Москвы, причем всю дорогу развлекал Саиду своими изобретениями. Мне кажется, он и вам не даст скучать на вечере... Я устрою так, что он будет сидеть с вами рядом.

— Как не стыдно, Ибрагим Аббасович. — Мариам обиделась. — Я дело говорю, а вы...

Она махнула рукой, повернулась и пошла по гулкому дощатому мостику в комнату отдыха.

Из окна комнаты отдыха она видела, как к стальному острову подъехала лодка и из нее вышли парторг института Рустамов и незнакомый Мариам юноша в щегольском сером костюме и шляпе.

Они направились прямо к Гасанову.

Али Гусейнович Рустамов обычно был одет просто: легкие кавказские сапоги, широкие брюки, аккуратно заправленные в голенища, белая длинная гимнастерка с пузырястыми рукавами, спадающими на обшлага.

Из-под густых нависших бровей молодо блестели глаза, они всегда были прищуренными, казалось, затем,

чтобы случайно не потерять запрятавшуюся в них лукавую улыбку.

Мариам снова подошла к радиостанции. Рустамов может спросить ее о комсомольцах.

— Вы уже знакомы с Гасановым? — обратился парторг к Синицкому. — Пока не съехались гости, можете осмотреть технику. Здесь у нас почти все автоматизировано. Эта вспышка опытная. Она установлена в двадцати километрах от берега... Дальше продвигаться труднее: уже начинаются большие глубины, а сооружение такого основания и рискованно и дорого...

— Ничего, попробуем, — перебил его Гасанов. — Начало сделано. Здесь глубина пятьдесят метров. Вот оно, основание. Чувствуешь! — Он стукнул о деревянный настил каблуком. — Стоит целый месяц, не шелохнется.

— Люблю я в тебе эту уверенность, Ибрагим Аббасович! Но не спеши. Во-первых, — Рустамов назидательно поднял палец, — не было еще ни одного шторма. Подожди до зимы. А во-вторых, сто метров, двести метров — это не пятьдесят. Трудности постройки несоизмеримо возрастают. Это инженер Гасанов знает лучше меня. Работа начата, но, как хочешь, у меня нет полной уверенности, может ли такая легкая стометровая конструкция из стальных труб противостоять, ну, скажем, десятибалльному шторму. Понимаешь, сто метров! Какая нагрузка на нижнюю часть основания! — Он остановился и с волнением добавил: — Да, Ибрагим, большие дела нам надо делать, и если у тебя и Васильева ничего не получится, то пока придется плескаться у берега, где помельче.

Гасанов нетерпеливо постукивал ногой по настилу, выжидая, когда может возразить.

— Почему не получится? — горячо воскликнул он. — У меня есть новый проект. Да? Основание — на любой глубине. Хочешь — сто, хочешь — двести метров. — Он недовольно посмотрел на недоверчивое лицо студента и решительно заявил: — Даже триста метров.

— Вопрос можно, Ибрагим Аббасович? — с застенчивой вежливостью спросил Синицкий. — Значит, по вашему проекту, на морское дно можно поставить стальное основание вроде Эйфелевой башни?

— Зачем Эйфелевой? — рассердился Гасанов. —

Шуховской, русского инженера Шухова. Куда более остроумная конструкция! Того самого Шухова, дорогой товарищ Синицкий, который изобрел новый способ перегонки нефти. Того Шухова, который строил в Москве радиобашню в годы гражданской войны. Послушай, Али, — взволнованно обратился Гасанов к парторгу, уже не обращая внимания на москвича, — мне нужен один месяц на установку подводного основания. Все делается на земле. Ни одного водолаза!

Синицкий знал, что прошло несколько лет, как начали использоваться новые морские основания конструкции советских инженеров. Основания делаются на заводах в виде решетчатых каркасов, скрепляющихся между собой. Их устанавливают с барж, или так называемых «киржимов», причем водолазы для этой операции не требуются. На большую глубину они не могут спускаться, поэтому вполне естественно, что Гасанов спроектировал стометровое основание с расчетом установки его прямо с поверхности.

«Это, наверное, очень трудно», — подумал студент, с уважением поглядывая на Гасанова, который в чем-то убеждал парторга.

— Ну хорошо, — согласился Рустамов. — Об этом потом поговорим. А пока покажи нашему гостю сегодняшнюю технику. Он ведь ничего подобного не видел... Да, позабыл спросить: как здоровье Саиды? Может быть, ей нужно отдохнуть недельку после такой долгой командировки?

— Попробуй скажи ей об этом. — Гасанов нахмурился и снова вспомнил о новой работе Саиды. — Она, как получила аппараты, стала совсем одержимой.

Рустамов рассмеялся.

— Вроде тебя. Сам такой же... Ну ладно, потом разберемся. — И парторг заторопился встречать кого-то из гостей.

Гасанов, все еще под впечатлением разговора с Рустамовым, нехотя рассказывал Синицкому:

— Вам, конечно, известно, что на этой вышке сейчас не бурят. В подводном трубопроводе уже бежит нефть. Мы пользовались турбинным бурением. На конце трубы, опущенной в скважину, вращается только долото, а трубы остаются на месте. Любому студенту, даже не геологу, должно быть понятно, что это гораздо выгоднее.

— Ну еще бы! — оживился Синицкий. — Несколько

лет тому назад были скважины глубиной около четырех километров, а сейчас, как я слышал, доходят до шести. Вертеть шесть километров труб!

Синицкий с любопытством рассматривал стальную сорокаметровую вышку. Люди в черных комбинезонах спускали ненужные уже теперь трубы.

Старый мастер Ага Керимов мыл руки глинистым раствором. Он долго оттирал грязь и смазку, затем вытянул ладони перед собой, рассматривая их издалека. Сокрушенно покачав головой, мастер направился к Гасанову.

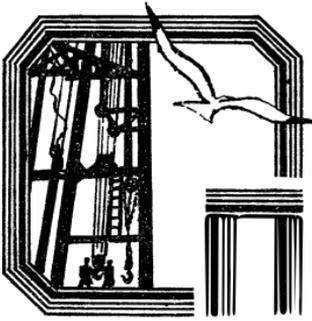
— К нам еще один изобретатель из Москвы приехал, — сказал инженер, представляя Синицкого. — Возможно, будущий нефтяник, а пока студент. А это наш старший мастер, сорок лет на буровых работает.

— Салам!.. Здравствуйте!.. — Керимов растерянно взглянул на свои мокрые руки. — А я вот что спросить хотел: когда вы, научные люди, это аллаверды к вам, Ибрагим Аббасович, — он поклонился в сторону Гасанова, — и к вам, — он поклонился Синицкому, — когда вы, научные люди, как это сказать, вог так... сделать можете: прихожу я на промысел — пиджак белый, чистый, ухожу — такой же остался, замечательный, белый? Не надо у лебедки стоять, трубы наращивать, пусть все машина делает. Когда так будет? Да? — Он закончил это неповторимой интонацией, присущей бакинцам, когда в слове «да» слышится и вопрос и утверждение.

— Серьезная задача, — несколько помедлив, ответил Гасанов. — Идем к этому, но пока еще многого не достигли. Да, рабочие наши сегодня не ходят в белых халатах. Недалеко то время, когда мы сумеем настолько механизировать бурение и добычу нефти, чтобы каждый мастер сидел за стаканом чая у распределительной доски, а не ходил в бурю и ветер у бурового станка.

— А может, этого и не будет никогда? — Синицкий смущенно улыбнулся. — Черная нефть — и белые халаты... Чудно...

— Вы лучше зайдите в кабину, к приборам. Тогда скажете... — жестко ответил Гасанов. — Правда, это только начало. Но вот говорят, у Васильева... — Он замолчал и добавил: — Впрочем, об этом я и сам ничего не знаю.

оследние приготовления к торжеству заканчивались.

Научно-исследовательский институт нефти передавал новое подводное основание для эксплуатации. Принимали представителей соседнего морского промысла. В праздничных белоснежных костюмах ходили они по мосткам и настилу, внимательно осматривая конструкцию, и, удовлетворенно улыбаясь, что-то записывали себе в блокноты. Их сопровождал директор института Джафар Алекперович Агаев, пожилой полный мужчина с гладко выбритой головой. Маленькие, как два пятнышка, усы слегка топорщились. Не выпуская изо рта трубку, он часто приглаживал их большим пальцем левой руки.

Директор поминутно вытирал голову большим голубым платком с белой каемкой. Было по-настоящему жарко.

Синицкий растерянно бродил по островку. Он уже успел загореть до ярко-малинового цвета.

Неожиданно грянул оркестр. Рассыпалась барабанная дробь. Синицкий вздрогнул и обернулся назад. Музыканты расположились вдоль ограждений настила. Один из них, с огромной, сияющей на солнце трубой, сидел на перилах и опасно посматривал вниз. Еще бы, там пятьдесят метров глубины!

Вокруг мостков вышки сгрудились катерки, моторные лодки, глиссеры. Все они, как пчелы, облепили островок и, толкая друг друга, покачивались на волнах.

Рустамов снял белую фуражку и обратился к собравшимся:

— Товарищи! Инженера Гасанова и весь его замечательный коллектив мы можем поздравить с большой победой. Это победа творческой мысли — сильнейшего оружия нашего государства. На любом участке славных дел каждый советский человек должен и может быть новатором. Творческая, созидательная мысль — самое современное, никогда не стареющее оружие. И мы им

должны владеть в совершенстве!.. Сегодня мы горячо жмем руку Ибрагиму Гасанову, одному из многих советских людей, который прекрасно пользуется этим оружием...

Когда парторг закончил свою речь, все сразу повернулись к Гасанову и зааплодировали. Инженер неловко поклонился и тут же скрылся в толпе приглашенных.

Снова загредел оркестр. Потом выступали директор и представители различных организаций. Все они поздравляли Гасанова.

Торжество заканчивалось. Уже отзвучали приветственные речи. Фотографы снимали героев дня возле вышки, у лебедки и у приборов.

Облокотившись на перила, Гасанов стоял на мостике, соединяющем вышку с комнатой отдыха.

Он был взволнован и речами и почестями, но где-то в глубине души чувствовал, что это все ненужное, незаслуженное. Слишком мало сделано. Он не успел осуществить и половины задуманного дела, а тут уже гремит оркестр, речи, поздравления... Рано, очень рано... Гасанов был уверен в правильности выбранного им пути: будут стоять на крепких ногах вышки инженера Гасанова, стоять на любой глубине, при любых штормах, но еще многое надо проверить, рассчитать, исследовать.

Саида так и не приехала. Смутное чувство беспокойства вновь овладело им. Сейчас она, наверно, в лаборатории Васильева...

Подожел Рустамов.

— Тебя там ждут, Ибрагим, — сказал он Гасанову, дотрагиваясь до его руки. — Нехорошо. Всех бросил. Опять о стометровой мечтаешь? — Он взглядом указал на плавучий остров, где высились подъемные краны, похожие на костлявых жирафов.

— Не угадал, Али. Зачем мечтать о том, что можно сделать сейчас! Пятьдесят метров или сто — какая разница! Надо искать другое решение, чтобы ставить вышки на самой большой глубине... в любом месте...

— Если, конечно, ты уверен, что там есть нефть, уверен в надежности разведки, — согласился Рустамов и с улыбкой посмотрел из-под бровей. — Можно ли строить Эйфелеву башню, как назвал твое основание студент, а потом разбирать ее, если в этом месте нефти не окажется? Как ты считаешь?

— В том-то и дело. Нельзя бурить без постройки вышки. Я понадеялся на аппараты Саиды. По ее сло-

вам, они более надежно, чем все другие способы разведки, могут определить местонахождение нефтяных пластов. Но вся беда в том, что с этими аппаратами должны работать водолазы. А какой черт нырнет на стометровую глубину?

— Я хотел с тобой о другом поговорить, Ибрагим, — осторожно начал Рустамов. — Прости, что праздник могу тебе испортить. Но ничего не поделаешь, разговор срочный. Тебе известно, что для испытания своей конструкции к нам прикомандирован инженер Васильев. Ему очень нужны опытные мастера.

Гасанов быстро взглянул на парторга, но ничего не сказал.

— Ты понимаешь, Ибрагим, какие ему люди нужны? У нас их по пальцам пересчитать можно. Да вот они все тут. — Рустамов указал на группу мастеров, направляющихся в комнату отдыха.

— Например? — хмуро бросил Гасанов и, чтобы скрыть от парторга досаду, наклонился над водой.

Рустамов смотрел на рабочих и каждого из них провожал глазами.

По мостику медленно проходил Ага Керимов. Из-под его рабочего костюма выглядывали ослепительно белые манжеты и воротник рубашки.

— Например, — продолжал Рустамов, — твой лучший мастер Ага Рагимович Керимов.

— Так, — Гасанов загнул палец. — Еще кто?

— Мастер Пахомов, — невозмутимо продолжал Рустамов, указывая глазами на старика с белой окладистой бородой и с обкуренными, желтыми усами. — Подошел бы и Григорян.

Гасанов молча смотрел вниз, где разбивались волны о трубчатые ноги подводного основания. Шипела пена. Лопались пузырьки в зеленой воде.

— Очень хорош для этой работы и твой мастер Опанасенко, — подчеркнуто спокойно продолжал Рустамов, увидев молодого загорелого украинца с насмешливо прищуренными глазами.

Опанасенко размашисто шагал по мостику. Дойдя до комнаты отдыха, он оглянулся и приветливо улыбнулся парторгу, сверкнув белыми зубами. Рустамов помахал ему рукой, затем обратился к инженеру:

— Вот, пожалуй, и все. Что ты на это скажешь?

Гасанов долго молчал, затем, решительно встряхнув головой, ответил:

— Ясно! Значит, всех отдать. А с кем же мне, понимаешь, мне, — подчеркнул он, — дальше работать?

— Я знаю, дорогой, тебе обидно, — мягко убеждал Рустамов, — но конструкция Васильева может открыть перед нами новые пути в добыче нефти. А ведь мы на то и работаем в исследовательском институте, чтобы их искать. У тебя другое — ты уже достиг определенных результатов. Можно и подождать немножко, пока не проведем васильевские испытания. Тогда будем знать, на чем остановиться, чей метод принять, твой или его. Дело государственное, личные обиды тут ни при чем.

— Но, насколько я понимаю, на работу Васильева можно посылать людей только с их согласия.

— За этим дело не станет. Пойдем поговорим.

Вскоре все мастера собрались в комнате отдыха и с нетерпением ждали, что скажет парторг.

Рустамов привычно оглядел слушателей. Их было всего несколько человек — разных и по возрасту, и по стажу, и по национальности. И вместе с тем перед ним был крепкий коллектив, который может сделать все...

— Нехорошо получается с моей стороны, — с улыбкой начал Рустамов, останавливая свой взгляд на озабоченном лице мастера Керимова. — Сегодня праздник, когда вы все, можно сказать, именинники, и вдруг приходит Рустамов и говорит о новой работе. Но, понимаете, дело уж очень срочное... — Он перевел взгляд на Григоряна. — Вы знаете, что к нам приехал один замечательный инженер. Он раньше работал в Ленинграде на Кировском заводе. Много сделал для Советской Армии. Теперь приехал с Урала для испытания своей новой конструкции. Он тоже ищет способ, чтобы достать больше нефти из морского дна. Но один человек без опытных мастеров ничего не сделает.

— Как можно! — согласился Керимов.

— И вот мы посоветовались с Джафаром Алекперовичем и решили просить вас...

— Зачем просить? — неожиданно загорячился Керимов. — Скажи — надо, все пойдем! Да?

— Нельзя, Керимов. Задание опасное. Пойдет только тот, кто желает.

— Там тоже надо бурить? — смотря в пол, нерешительно спросил Григорян.

— Та же самая работа, но, понимаешь, это первый опыт, а потому и предупреждаю, что он может быть опасным.

Григорян немного помолчал, затем снова, уже несколько смущенно, спросил:

— А кто на новой буровой у Ибрагима Аббасовича будет?

— Найдутся люди, — недовольно оборвал его Пахомов и нервным движением сжал бороду в кулак. — А я так понимаю: если ты, товарищ Рустамов, к нам пришел, по-душевному говоришь, просишь — значит, надо. А страшного мы не боимся. Всякое на нашем веку бывало. — Он встал, застегнул верхнюю пуговицу пиджака и спросил: — Когда на новую работу становиться?

Опанасенко рассмеялся.

— О це дило! — Он хлопнул себя по коленке. — Правильный разговор. Ну, как есть, Петр Потапыч, в самую точку. Если нужно, наши бурильщики землю прямо насквозь продырявят, и вылезет труба где-нибудь у этих... как их?..

— Американцев? — со смехом спросил Рустамов, заражаясь веселостью мастера.

— Да нет... Антиподов... Вот у кого!

— Ну, это то же самое. Так вот, дорогие, вернемся к делу, — перешел на серьезный тон Рустамов. — Почему мы решили просить именно вас? Конечно, мы могли бы найти мастеров и на других промыслах, но у вас опыт инженеров. Где таких найдешь? Хоть и обещали подобрать, но... — Он улыбнулся в усы. — У нас такая пословица есть: «Кто надеется на соседа, тот уснет без ужина».

— Значит, с нашим инженером мы уже не будем работать? — не сдерживая своего недовольства, спросил Григорян.

Все взоры обратились к Гасанову. Он стоял в дверях и молчал.

Подошла Мариам и тронула Гасанова за рукав.

— Ибрагим Аббасович, я все промерила, верхние подкосы...

— Хорошо... Потом посмотрю. Подождите, — нервно отмахнулся инженер и полез в карман за портсигаром.

Мариам резким движением откинула косу назад и скрылась за дверью.

— Рустамов знает, с кем нам теперь работать, — вздохнув, проговорил Керимов, обращаясь к Григоряну. — Здесь другая бригада будет. — Затем спросил у парторга: — А меня, старика, возьмешь? Да?

— Почему нет? — искренне обрадовался Руста-

мов. — Ты больше всех нужен. Ты сорок лет работаешь. Кто лучше тебя знает, как бурить? Спасибо, дорогой. Всем спасибо. Я знал, что вы не откажетесь. И ты прав, Григорян. Здесь тоже опытная установка, останешься при ней за старшего.

Мастер встал и обиженно замахал руками:

— Почему я останусь? Я же бурильщик.

— Нет, дорогой, не проси. Так будет лучше. Не один год ты работал на эксплуатации. Все знаешь.

Григорян, ворча, отвернулся к окну.

— Придут сюда совсем молодые мастера. Мы поручим эту опытную вышку нашим комсомольцам, — продолжал Рустамов, искоса наблюдая за Гасановым. — Им надо все рассказать, научить, чтобы чувствовали они свое будущее и чтобы росли из наших ребят такие специалисты, как Гасанов, Васильев, как вы, мои друзья. На вас сейчас мы особенно надеемся. Итак, товарищи, послезавтра придется начинать новую работу. А пока торопитесь домой — отдохнуть, переодеться, чтобы вечером выглядеть настоящими именинниками.

Рустамов остался с Гасановым. Мариам с чертежами ждала его на мостике. Уже отплывали от решетчатого причала катера, лодки, глиссеры. Все гости возвращались на берег, а ее комсомольцы так и не приехали. Но сейчас не это волновало Мариам. Она не могла понять, как можно было взять у Гасанова его верных помощников, всех лучших мастеров. И отец от него уходит. А ведь еще столько работы впереди! Мариам собиралась предложить Гасанову испытать новый электробур на этой опытной стометровой конструкции. Кое-какие усовершенствования в электробуре сделаны самой Мариам. А когда-то Гасанов занимался этим делом, пока не придумал свои новые подводные основания. Может быть, и не следовало ему строить их?

Опустив голову, она бесцельно смотрела на зеленую воду, где плавали ореховые скорлупки. Из окна комнаты отдыха доносился резкий, напряженный голос Гасанова:

— Нет, Али, хоть ты мне и друг, но я этого не понимаю. Как можно взять лучших людей и отдать их неизвестно зачем, неизвестно кому? Ну да, конечно, конечно... — заторопился он, видимо заметив, что Рустамов хочет возразить. — «Моя душа не скатерть, чтобы растилать ее перед тобой» — так говорится у нас в народе, но я не могу иначе, я прямо скажу, что у меня на

душе... Васильев приехал по приказу министерства, неудобно не помогать ему. Что там о тебе подумают? Все понимаю, Али.

— Хорошо, поговорим начистоту, Ибрагим, — со сдержанным гневом сказал Рустамов. — Только не обижайся. Разговор прямой. — Он, видимо, встал: слышались его неторопливые шаги. — Мне очень больно все это от тебя слышать. Ты понимаешь, очень хорошо понимаешь, как важны опыты Васильева. Ты коммунист, Ибрагим. И как ты можешь видеть в Васильеве конкурента?.. Еще бы... людей взяли для его работы. Пойми, что не в людях дело, найдем мастеров. Зачем строить стометровое основание, если после опытов Васильева оно окажется ненужным? Я знаю, тебе тяжело... Нет, нет, не говори мне ничего, — остановил он Ибрагима. — Я все понимаю, но верю в коммуниста Гасанова, ему тоже предстоит выполнить опасное и трудное задание. Да, Ибрагим, это задание не менее трудное, чем то, за которое взялись твои товарищи.

— Ты знаешь, я никогда не подводил тебя, Али, — сухо заметил Гасанов.

— Знаю, потому и прошу тебя, — сдерживая волнение, тихо сказал Рустамов. — Мы долго обсуждали этот вопрос с директором, потом решили... Ради праздника сегодня не стоило бы говорить, но уж если зашла речь...

— Говори, Али, я слушаю.

— Тебе придется приостановить работу по монтажу стометрового основания и помочь Васильеву. Понимаешь? Ему нужно переделать электробур, который ты хотел применить у себя.

Наступило молчание. Волны с легким плеском разбивались о стальную решетку.

Мариам только сейчас решила подойти к окну, но Рустамов заметил ее еще раньше и, приложив палец к губам, сделал знак, чтобы она несколько повременила с чертежами. Он будто хотел ей сказать: «От Мариам у нас секретов нет, но пойми, дорогая, Гасанову сейчас не до чертежей. Видишь, какие тут сложные обстоятельства».

Стараясь не стучать каблуками по гулким доскам, Мариам незаметно исчезла.

— Значит, решено, Ибрагим. — Парторг протянул руку инженеру.

Гасанов слабо пожал ее. Он еще никак не мог осознать всей сущности этого решения.

— Кстати, я хотел тебя спросить, — Рустамов перевел разговор на другую тему, — почему ты не бываешь на даче, которую мы тебе отстроили? Она тебе не нравится? Переезжай в Мардакяны.

В окно ворвался ветер и зашелестел на столе газетами. Ибрагим машинально взял одну из них. На первой странице был его портрет — инженер Гасанов улыбался.

Стиснув зубы, Ибрагим скомкал газету. Затем, как бы опомнившись, осторожно расправил ее.

— Когда начинать? — обратился он к Рустамову.

— Через два дня.

Подойдя к окну, Гасанов смахнул в море завядшую кисть винограда и сел на подоконник.

Внизу, под мостиком, бежали усталые волны. Вот одна из них, покрытая, как бисером, блестящими пузырьками пены, докатилась до стальной трубы, разделась надвое и исчезла.

На зеленой поверхности воды еще долго плясали веселые пузырьки...

Закончился праздник на вышке.

Последними в кабину глссера сели Агаев и Рустамов. Там уже сидел Гасанов. Он думал, что за все годы его работы в институте, пожалуй, не было столь тяжелого дня, как сегодня, когда празднуется «победа инженера Гасанова». Так об этом напечатали в газете.

Изобретатель равнодушно смотрел на решетчатый переплет стальных труб, темневший в зеленой воде. Несколько часов тому назад его радовало, что эту конструкцию сделал он, Гасанов, хотя раньше ни один человек не решался строить пятидесятиметровую башню на зыбучих морских песках. Но вот прилетела Саида... Как он ждал ее, как считал секунды, как мучился все эти долгие месяцы без нее! «Кстати, — сказала она, — я назначена в группу Васильева». Отныне вся ее жизнь, все помыслы будут рядом с Васильевым. О, как хорошо это знает Ибрагим... Саида всю себя до конца отдает любимой работе. Без нее нет жизни для Саиды... А как мечтал Ибрагим о том, что Саида поможет именно ему и станет рядом с ним, а не с чужим московским инженером, который своим приездом причинил Ибрагиму столько горя.

— Ну, кажется, все уехали, — услышал Гасанов голос директора. Агаев вытер вспотевший лоб и выта-

шил свою зеленую трубку. — Студента пригласил на сегодняшний вечер? — спросил он Рустамова, выколачивая пепел о борт кабины.

— Да, да, конечно, — ответил парторг и подал знак, чтобы заводили мотор. — Я хотел тебе сказать, — продолжал он, — что все мастера согласились идти на вассильевские работы. А здесь мы оставим Григоряна — учить молодежь, если Ибрагим не будет возражать.

Агаев улыбнулся, попыхивая трубкой.

— Весь праздник ему испортил. Но ты ведь знаешь, Ибрагим, у нас не было другого выхода.

Устало махнув рукой, Гасанов отвернулся к окну. Директор института не знал, что Рустамов сообщил инженеру о временном прекращении монтажа нового основания, и приписывал его огорчения только тому, что с вышки берут опытных мастеров.

Зарокотал мотор. Взметнулась водяная пыль. Глиссер помчался к берегу, оставляя за собой белую ленту пены.

...В кабине, прилепившейся у основания решетчатой башни, Сеницкий рассматривал щиты с приборами автоматического управления.

— Значит, этот манометр контролирует... — продолжал студент свои расспросы, обращаясь к дежурному мастеру, — контролирует...

Он случайно поднял голову и увидел в окне удаляющийся глиссер.

Сеницкий выбежал наружу. На островке, кроме дежурных, никого не было. Все уже уехали! Вдали, поднятая глиссером, бледнела, рассеиваясь, водяная пыль.

Сеницкий возбужденно зашагал по дощатому настилу. «Досадно, — подумал он. — Пока вызовешь лодку или глиссер, пройдет много времени».

Гулко отдавались шаги. Взад-вперед, взад-вперед.

Из комнаты отдыха вышел рабочий и удивленно посмотрел на Сеницкого.

— Это, наверное, о вас спрашивали?

— Наверно, — нехотя ответил Сеницкий.

Рабочий выжидательно замолчал. Увидев, что Сеницкий не старается поддерживать разговор, он отвернул кран водопроводного шланга и осторожно, чтобы не забрызгать гостя, начал мыть настил, тщательно и сосредоточенно, как палубу корабля.

Сеницкий взглянул на часы. Как все неудачно получается. В девять в институте вечер. Разве можно опаздывать!

Он направился было к радиостанции, чтобы вызвать берег. Вдруг до его слуха донесся рокот мотора. Рокот постепенно приближался, заглушая шипение и плеск волн под настилом тонконового островка.

Синицкий забежал с другой стороны вышки. К мостику двигалось странное сооружение. Оно было похоже на теплоход, уменьшенный во много раз. Но это оказалось только первым впечатлением. Мачты с растянутыми между ними антеннами разных видов, мигающие сигнальные лампы, какой-то прожектор на треножнике, большой фанерный щит с приборами напоминали необычную плавучую лабораторию... По борту сияла выведенная золотом надпись «Кутум».

На палубе, доставая головами до проводов антенны, вытянулись в струнку четыре подростка. Самому старшему из них на вид было не больше семнадцати лет.

Разрезая волны, теплоход проплывал под мостиком... У правого борта стоял юноша, серьезный, полный важности и собственного достоинства. Весь его костюм состоял из голубой майки, закатанных до коленей штанов и ремня с пряжкой, надраенной до солнечного блеска. Другие сотрудники «плавучей лаборатории» были одеты примерно так же. Самому высокому из них, тощему сумрачному парню, пришлось наклониться, когда теплоход проплывал под мостиком вышки. У одной из мачт засыл маленький радист с самодельной радиостанцией, подвешенной возле окна каюты.

Синицкий с любопытством наклонился над перилами мостика.

Основанием этого занятного сооружения была старая парусная лодка, модернизированная ребятами по требованиям современной техники. Все надстройки на ней были сделаны из просмоленной и крашеной фанеры. «Модель плавучей лаборатории в одну сотую натуральной величины», — подумал Синицкий, представляя себе чертеж с такой пометкой.

— Пойдите! — крикнул Синицкий. — Что вам здесь нужно?

Ребята только сейчас заметили его.

— Да так, ничего. Лодку свою пробуем, — нехотя ответил старший. — Самый полный назад! — со смехом крикнул он. — Домой!

— Подождите, ребята. Вы сюда ехали?

— А как же! — отозвался самый маленький из ребят. Он снял с головы наушники, выключил радиостан-

цию и огорченно добавил: — Хотели на праздник приехать, да вот опоздали.

— И я опоздал, — сокрушенно признался Синецкий.

— Тоже ничего не видели? — сочувственно спросил кто-то из ребят.

— Да нет, хуже. Я в институт к Гасанову опаздываю.

— Это, значит, к нам, — обрадовался старший. — Садитесь, довезем. Как говорится, на восьмой скорости.

— На восьмой?

— Ну да. Только что испытывали, — с сознанием собственного достоинства пояснил «главный конструктор». — Максимальная отдача энергии, форсированный режим — все это вещи обыкновенные. Мотоциклетный мотор, а вроде самолетного получился. В общем, не беспокойтесь. В институте будем раньше всех.

— Вот и чудесно! — Синецкий ловко спрыгнул с настила и уселся на борту. — А я уже хотел моторку вызывать.

Прежде всего он показал ребятам свой магнитофон. Надо же отплатить за любезность. Все по очереди поговорили в аппарат, и каждый услышал свой голос.

— Ну довольно, пора ехать, — сказал «главный конструктор». — Гость торопится.

Оглушительный треск, словно пулеметная очередь, рассыпался над водой. «Кутум» резким броском вырвался вперед, круто развернулся и, как взмыленный конь, поскакал по волнам.

Синецкий зажал уши и надвинул шляпу на лоб.

— Катер с левого борта! — закричал кто-то из ребят.

Синецкий обернулся.

К ним приближались огоньки катера. Послышался свисток.

— Свет под водой! — отчаянно крикнул Али.

Недалеко от лодки появилось красноватое пятно. Постепенно оно расцветало, как огненный мак... Вдруг на «Кутуме» заработал мотор. Его треск заглушил торжествующие крики ребят.

Лодка, словно выпущенная из лука стрела, неслась прямо на свет.

— Стой! — закричал Синецкий, тормозя веслом.

Но в каких испытаниях не бывает неудач? Так произошло и на этот раз...

Солнце незаметно скатилось за горизонт. Над морем стемнело. Лодка бесшумно скользила по воде. Куда исчез торжествующий рев ее мотора?

Поздно. Из-под воды вынырнул горящий факел, и что-то огромное, белое, с гладкими блестящими боками скользнуло по корме лодки.

Лодка приподнялась, перевернулась. Взметнулся над водой вращающийся винт.

Свет мгновенно погас.

Глава 4. ПРАЗДНИК В ИНСТИТУТЕ

Саида ходила по квартире, открывая то один, то другой шкаф, рассматривала свои платья, которые после долгого отсутствия ей казались чужими, примеряла туфли, снова откладывала их, затем, вспомнив о неполадках в аппаратах, доставала тетради, перечитывала последние записи об испытаниях. Злилась на себя и на капризы приборов, думала о встрече с Ибрагимом и мучительно, до слез, до боли, искала выхода. Что же делать? Неужели он ее так и не поймет? «Будь что будет», — наконец решила она, подошла к кабинету мужа и прислушалась. Тишина. Осторожно приоткрыла дверь. Гасанов стоял у зеркала и, смотря в окно, развязывал галстук.

Саида остановилась возле стола.

— Ты слыхала, у меня забирают всех опытных мастеров для ваших работ? — с подчеркнутым равнодушием проговорил Ибрагим.

— Да. Они тебе не нужны.

— Что ты говоришь, Саида? — Он резко повернулся к ней. — Как не нужны? Кто же будет бурить на стометровом основании?

— Никто. Только автоматы. Я же тебя просила поддерживать мой проект.

— Ну вот... Я так и знал. — Гасанов укоризненно

покачал головой. — Такая же фантазерка, как и Васильев.

— Довольно, Ибрагим. — Саида обняла его. — Так мы можем даже посориться, а я тебя не видела три месяца. — Она погладила его по щеке. — Наверно, никогда обо мне не вспоминал... Только чертежи... Только плавучий остров. А я так много думала о тебе, о твоих работах. Как мог бурильщик Гасанов вдруг построить подводное основание? Это же совсем не твоя специальность.

— Ну и что же? — Лицо Ибрагима осветилось радостью. — Вспомни инженера Шухова. Тоже был нефтяник. А занимался многим, даже башню построил. В стихах о ней писали: «Когда нас душили за горло, мы строили радиобашни...»

Гасанов отодвинул зеркало, затем пошарил по столу и стал что-то искать на ковре.

— Опять запонку потерял? — со смехом спросила Саида. — А она перед тобой на столе лежит. Ну как ты можешь жить без меня?

— А я разве говорил, что могу? — Гасанов ответил серьезно, без тени улыбки. — Помнишь, ночью звонил в гостиницу. Хотел лететь к тебе хоть на один день, нет, хоть на минуту. Мне тогда казалось, что наши реактивные самолеты чересчур тихходны.

— Кстати, чтобы не забыть, — перебила его Саида, — студент Синицкий, с которым я летела из Москвы, оказывается, прибыл сюда, чтобы совершенствовать мои аппараты. Понимаешь, мои!

— Но ведь ты их только что получила с завода? Саида недовольно пожала плечами.

— Это ничего не значит, Синицкий возился с моими старыми аппаратами первого выпуска. Ну ты знаешь их. В результате выясняется любопытное явление — что предложение этого мальчугана по увеличению чувствительности можно применить и в новых аппаратах.

— Что же тут плохого? По-моему, дело полезное.

— Обидно, Ибрагим. До слез обидно. Я все-таки инженер, почти четыре года возилась с аппаратами нефтеразведки, а этот второкурсник пришел в учебную лабораторию — и сразу же стал изобретателем... Впрочем, все это глупости. Мелкая женская зависть. Я что-то сегодня неспокойна. Скажи — на вышке кто-нибудь остался?

— Ты хочешь, чтобы я последнего дежурного снял ради твоей автоматике?

— Нет, нет, — быстро возразила Саида. — Пока нельзя. Ведь это опытная установка. Мало ли что...

Гасанов обнял жену и вместе с ней приблизился к зеркалу.

— Какая ты у меня красивая в этом костюме! Но ведь жарко будет. Привыкла в Москве кутаться. Ты уж совсем готова?

— Да, сейчас, — смущенно ответила Саида и отвела глаза от зеркала.

— Тогда поедem пораньше. Будем, как хозяйева, гостей встречать.

Ибрагим, морщась, протаскивал запонку сквозь петлю в воротничке.

— Хороший мой! — Саида в волнении обняла его, заглянула в глаза. — Я не могу сейчас. Приеду позже. На этот раз обязательно приеду.

Запонка упала из рук Ибрагима и звонко запрыгала по стеклу письменного стола.

— Даже в этот день. Может быть, отложишь?

— Нет, Ибрагим. Пойми меня... Я все равно буду неспокойна. Завтра первые испытания аппаратов, а один из них что-то плохо работает. Попробую наладить. Ты ведь тоже так бы поступил.

— Довольно, Саида. — Гасанов отстранил ее и снова занялся непослушной запонкой. — Делай как хочешь...

Саида с минуту стояла в нерешительности, затем, взглянув на часы, медленно повернулась и тихо вышла из комнаты.

Не оборачиваясь, Гасанов молча стоял у зеркала. Он слышал шаги Саиды. Может, вернется? Нет, хлопнула дверь...

Саида спускалась по лестнице со смешанным чувством обиды и жалости. Как он не может ее понять? Завтра испытания. От приборов зависит многое. Как же не проверить их? «Нет, он, конечно, не прав, — убеждала она сама себя. — Эгоист». И вместе с тем простое и теплое чувство поднималось в ней. Жаль этого немножко неловкого и бесконечно близкого ей человека. Она привыкла думать о нем как о большом ребенке, должна заботиться о нем в тысячах мелочей: положить деньги в бумажник, посмотреть, есть ли в кармане носовой платок, напомнить, что сегодня день его рожде-

ния. Когда она приехала домой и вошла в квартиру, куда Ибрагим никого не допускал без хозяйки, то с ужасом увидела, насколько он привык к ее постоянной заботливости.

Несмотря на всю свою нежность и большое чувство к Ибрагиму, Саида понимала, что теперь она не может уделять ему столько внимания. Новые аппараты надо осваивать, испытывать. У нее совсем не будет свободного времени.

И вот сейчас, спускаясь по лестнице, Саида не могла освободиться от горького чувства. Должно быть, Ибрагиму действительно тяжело. Но что она может сделать!

Уже совсем стемнело. Зажглись огни над плоской крышей института.

На берегу, у причала, стояли Агаев и Рустамов, вглядываясь в темноту.

Директор переложил трубку из одного угла рта в другой, посмотрел на часы.

— Ну, Али, я думаю, больше гостей не будет. Можно начинать.

— Постой, как будто кто-то плывет, — сказал Рустамов, приложив руку к уху.

Они быстро пошли по берегу. Где-то здесь слышался плеск, но, странно, никаких огней. Рустамов включил фонарик.

Из темноты показалось испуганное лицо капитана «Кутума». Он вылезал на берег, выжимая на ходу свою одежду.

— Смотри, Джафар! Новый гость... Ты что здесь делаешь? — строго спросил Рустамов, обращаясь к мальчугану.

— Испытания проводим. — Смущенный парень нахмурился и опустил голову.

— Какие испытания?

— Мотора... Форсированный режим... — помолчав, он ответил и, все еще не поднимая глаз, крикнул: — Ребята, идите! Чего прячетесь!

Из темноты вышли и все другие испытатели «плавучей лаборатории».

— На редкость удачные испытания. — Директор рассмехался и торопливо выпустил вверх облачко дыма. — У нас далеко не всегда бывает так. А где же ваш «Кутум»?

— Здесь, — неопределенным жестом указал Степунов в темноту. — Мотор у него...

— Как часы? — Рустамов похлопал юношу по плечу. — Знаем...

— Сдал он... — Степунов нахмурился, вытирая измазанное маслом лицо. — А потом что-то из воды как вынырнет. Лодка и перевернулась.

Агаев вынул трубку изо рта.

— Выдумываете вы все, ребята. Что такое могло выскочить из воды?

— Кто его знает! — пожимая плечами, сказал Степунов. — Вроде белого тюленя. С нами москвич ехал. Если не верите, спросите у него.

— А где он? — спросил Рустамов.

Ребята растерянно оглянулись по сторонам и смущенно посмотрели друг на друга.

На крыше института продолжался праздник. Гасанов, несмотря на тяжелый для него разговор с Рустамовым и Саидой, казался веселым, был приветливым и радужным.

Над головами гостей лампы дневного света полосами исчертили черное ночное небо. В зелени, опоясывающей балюстраду, мерцали маленькие голубые лампочки, как светлячки. На эстраде гремел оркестр.

Шумное веселье царило в этом открытом зале, где не было ни стен, ни потолка. Блестел, переливаясь огнями, хрусталь бокалов. В огромных вазах — гроздья лучшего в нашей стране янтарного винограда «шаны».

Гасанов сидел на почетном месте, рядом с директором института Джафаром Алекперовичем Агаевым.

Директор с тревогой поглядывал на свободное кресло Рустамова. Как долго он не идет... Удалось ли спасти человека? Неужели он не смог доплыть до берега?

Вошел Рустамов. Его встретили шумными возгласами:

— Салам, Рустамов!

— За твое здоровье, Али!

— Еще сто лет жизни! — слышалось со всех сторон.

Прижимая руку к сердцу, Рустамов приветствовал своих друзей. Опустившись в кресло рядом с Гасановым, он наклонился к нему и спросил:

— Ты хорошо помнишь, что студент оставался на вышке?

— Конечно. — Гасанов удивился. — Я справлялся по радио, почему он задержался. А что?

— Ничего, так просто вспомнил. Его приглашали, а он не пришел.

Рустамов наклонился к директору и шепотом сообщил:

— Отправлены катера. Ищут. Как только будет что-нибудь известно, нам скажут.

На другом конце стола сидела Мариам. Перед ней стоял огромный букет темно-красных георгинов. Такого же тона было ее платье; казалось, что сшито оно из осыпавшихся бархатных лепестков.

Многие из гостей невольно задерживали на ней взгляд. Мариам чувствовала неловкость. Она была расстроена разговором с Гасановым, подозревая, что ей далеко не все известно о предстоящих изменениях в плане его работ. Прилетела Саида, а Ибрагим как будто бы и не рад ей. Как все неладно получается! Несмотря на праздник, весь день для Мариам был явно неудачным. К этим неприятностям добавилась новая: ребята не приехали на вышку. Опять, наверное, провозились со своей лодкой.

В зал вошел человек в костюме голубовато-серого цвета. Его шею стягивал крахмальный воротничок.

Распорядитель, тощий и длинный, с галстуком бантиком, любезно предложил гостю свободное место рядом с Мариам.

«Вероятно, приезжий, это о нем говорил Гасанов. Зачем его посадили рядом? Я же не хотела», — недовольно подумала Мариам, украдкой наблюдая за незнакомцем.

Он сидел молча, смотрел на цветы, не обращая на девушку никакого внимания. Мариам почувствовала невольную досаду. Гость не должен подчеркивать свое равнодушие к окружающим. Это невежливо.

Но зато другой сосед Мариам, фотокорреспондент местной газеты, оказался весьма словоохотливым, даже надоедливым собеседником. Когда он замолчал, девушка облегченно вздохнула.

На эстраде готовились к концерту. Принесли несколько электромузыкальных инструментов, похожих на игрушечные пианино. Расставили репродукторы.

Слегка подпрыгивая, выбежал дирижер. Взлетела его палочка. Полилась знакомая мелодия из репродукторов.

Мариам обернулась к соседу. Он сидел, откинувшись в кресле, закрыв глаза, и ей показалось, что он не только ничего не видел — ни эстрады, ни дирижера, ни тем более ее, Мариам, — но, возможно, и ничего не слышал — ни музыки, ни отдаленного шума моря, ни сдержанного разговора за столом, ни пароходных гудков на рейде.

Бокал с темным, почти черным вином, такого же цвета, как и георгины в вазе, стоял перед ним нетронутым.

На эстраду бесшумно выплыли стройные высокие девушки в национальных костюмах. Розовый атлас их длинных платьев и белые нетающие облака прозрачных шарфов закрывали всю сцену.

Начался танец.

Танцовщицы держали в руках по два блюда и ритмично постукивали по ним пальцами в наперстках. Это напоминало танец с кастаньетами, но звук их был тонок и мелодичен.

Мариам снова посмотрела на незнакомца. Высокий лоб, голубоватая ранняя седина. Его лицо еще не успело загореть. Ведь он только сегодня, как говорил Гасанов, прилетел из Москвы. Крахмальным воротничок с тщательно завязанным галстуком... Видно, этот приезжий человек не мог решиться прийти на вечер без галстука, как бы жарко ему ни было. Мариам заметила в его лице и неуловимую простоту, и в то же время спокойную строгость.

Дирижер застучал палочкой по пюпитру. Вновь заиграл оркестр.

Что-то совсем иное, непохожее на волнение, вызванное музыкой, вдруг почувствовала Мариам. Она смутилась. И как бы для того, чтобы еще больше усилилось смущение Мариам, незнакомец поднял слегка покрасневшие веки и взглянул на нее. В это краткое мгновение Мариам успела рассмотреть его глаза — обыкновенные серые и, как ей показалось, очень-очень усталые...

Да, это было только одно мгновение. Человек повернулся к эстраде.

Музыка уже совсем не трогала Мариам. Она боялась поднять глаза, чтобы снова не встретиться взглядами. Она злилась на себя. Да что же это такое? Почему? Почему она думает о нем? Ей казалась странной черная фигура человека на эстраде. Зачем он размахивал

вает руками? Зачем старичок с седыми усами так сосредоточенно водит тонкой тростью около подбородка?

Осторожно, не поворачивая головы, Мариам взглянула на соседа. Ею овладело непонятное глухое раздражение. Какое он имеет право?.. Нет, все это невероятно глупо, он на нее совсем не смотрит...

На эстраду вышла девушка в старинном национальном костюме. В оркестре зазвучала тонкая, прозрачная мелодия вступления, и полилась песня. В голосе певицы слышалось глубокое затаенное чувство, окрашенное тихой, мечтательной грустью. Сколько раз Мариам слышала эту старую песню! Любила петь ее и сама... «Горы, далекие горы, к вам приносит ветер слова моей любви...»

Песня оборвалась на высокой, звенящей ноте.

Незнакомец резко повернулся к Мариам:

— О чем она пела? Это очень хорошо, но я не понял ни одного слова. Пожалуйста, переведите.

Мариам смутилась.

— Я не могу. Очень трудно.

— Но вы же знаете свой язык?

— И все-таки песню нельзя пересказать...

Гость задумался. Он медленно поворачивал бокал, наблюдая, как движутся на скатерти радужные круги от просвечивающего стекла.

— Простите, — обратился он к Мариам. — Вероятно, я кажусь вам невежливым... Для меня все это так неожиданно. Я был в Баку еще во время войны. Да, за это время он сильно изменился. Не узнать... А для меня он остался таким же близким, как и в те годы... Очень часто вспоминал я этот город. Город больших заводов, институтов, научных учреждений. Город с пальмами в скверах, город, окруженный виноградниками, город у самого синего моря...

— Вы недавно приехали? — Мариам спросила так тихо, что ее собеседник был вынужден подвинуться ближе. — По-моему, мне о вас говорил Гасанов. Знаете его? Удивительно талантливый человек.

— Я много о нем слышал. Говорят, очень интересен его последний проект. Надо будет посмотреть.

— Обязательно, если интересуетесь. С Агаевым вы знакомы?

— Да, конечно.

— Тогда попросите, чтобы он вам рассказал о новом проекте Васильева.

— Он тоже интересен?

— Необыкновенно. — Мариам подняла вверх свои широкие брови и слегка улыбнулась. — Феерия и фантастика.

Незнакомец помолчал и взглянул на чаёв.

— Извините, я должен идти.

Мариам удивленно посмотрела ему вслед.

Глава 5. «ВОЗМОЖНО, ЭТО... БЛУЖДАЮЩАЯ МИНА?»

Синицкий хорошо плавал. Когда перевернулась «плавающая лаборатория», он даже не растерялся. До берега было недалеко. За ребят он тоже был спокоен. Толкая впереди себя перевернутую лодку, они поплыли с завидным умением бывалых моряков. Синицкий вначале плыл за ними, но потом решил, что ребята и без него доберутся до берега. «Надо же все-таки узнать причину катастрофы. Возможно, это опять блуждающая мина? — думал он, отплывая от воды. — Но почему она светилась? Почему не взорвалась? Впрочем, это вполне объяснимо. Мина скользнула по борту лодки и не дотронулась до него взрывателем».

Впереди что-то белело. Синицкий осторожно подплыл к светлому пятну. Это был тот самый гигантский шар, который он видел с самолета. Синицкий боялся подплыть еще ближе и еле шевелил руками, чтобы только держаться на воде. Мало ли что! Тогда эта дьявольская игрушка не взорвалась, а сейчас стоит чихнуть, и она поднимет его на воздух.

Вспомнил Синицкий, как сегодня на вышке кто-то сказал: «Не дергай ишака за хвост, если не знаешь, какой у него нрав». В данном случае лучше всего придерживаться этой азербайджанской пословицы.

Он проплыл вокруг белого шара и повернул к берегу.

«Итак, все ясно. Лодка натолкнулась на блуждающую мину. Но как она сюда попала? Почему ее не вы-

ловили? Может быть, она автоматически поднимается из-под воды при приближении судна вроде магнитной мины? Но ведь лодка деревянная. Непонятно...» — размышлял студент.

Еще издали он заметил луч карманного фонарика. Кто-то находился на берегу. На светлом фоне прибрежного песка уже можно было различить, что стоит там одинокая фигура. Синицкий подплыл ближе. Человек смотрел на море в бинокль. Что же он там видит в темноте? Студент оглянулся. Смутно белело пятно блуждающей мины.

Луч фонарика забегал по берегу. Человек наклонился над блокнотом и стал что-то записывать.

Метнулся снап лучей прожектора с приближающегося катера, осветил незнакомца. Человек зажмурился и отскочил в сторону. Блеснули стекла квадратных очков. Синицкий узнал охотника, с которым летел из Москвы.

Луч прожектора скользнул дальше и остановился неподалеку от белого шара.

Выйдя на берег, Синицкий осмотрелся.

Охотника нигде не было. Прожектор погас, в море светились огоньки теперь уже двух катеров. Белое пятно исчезло. Невероятный день! На каждом шагу загадки.

Синицкий попытался отжать свой пиджак, но потом махнул рукой и быстро пошел к городу. В мокром, мятом костюме с пестрым галстуком, висевшим как веревка, он выглядел довольно нелепо. Ноги вязли в сыпучем песке. Освещенный луной, он блестел как снег. Стало холодно.

«Где-то неподалеку должен быть институт, — подумал Синицкий. — Там я смогу найти машину, чтобы поехать в гостиницу и переодеться. А где же магнитофон?» Сунул руку в карман и успокоился: магнитофон был на месте. Нажал кнопку. Вспыхнула контрольная лампочка, и из репродуктора послышалось тихое шипение...

«Теперь надо проверить запись», — решил студент и перевел рычажок. Увлечшись испытанием своего побывавшего в воде аппарата, Синицкий чуть не наткнулся на машину. Это был длинный спортивный автомобиль новой советской марки. Интересная конструкция! Абсолютно простое управление. Нет даже переключения скоростей.

Страстный любитель техники не удержался от искушения и чуть ли не всем корпусом влез в машину. Послышался лай. Синицкий приподнялся и увидел приближающиеся к нему две фигуры.

В свете луны он узнал силуэт охотника. Тень от ружья скользила по белому песку. Рядом с охотником шла высокая женщина. Синицкому показалось, что он видел ее на аэродроме. Лохматый пес ковылял за ней и вяло тьякал.

Охотник остановился, поднял к глазам бинокль и долго смотрел на море, перебрасываясь отрывистыми замечаниями со своей спутницей.

И вот они направились к машине.

Синицкий будто прирос к месту. Сейчас у него спросят: «А ну-ка, молодой человек, что вам здесь понадобилось?» Трудно это объяснить простым мальчишеским любопытством.

Раздумывать некогда. Синицкий быстро пригнулся и спрятался в тени машины.

«Надо незаметно выскользнуть», — подумал он, оценивая свои возможности. Но в этот момент ему снова вспомнились белый шар, бинокль в руках охотника, блокнот, освещенный фонариком... Нет, здесь что-то не так.

Он услышал английскую речь и насторожился. «О чем они говорят?» — с досадой подумал он, вспомнив, что очень прохладно относился к изучению английского.

Охотник опять что-то записал. Впрочем, какая может быть охота ночью на морском берегу да еще с дряхлой собакой? Ведь она даже не чувствует, что совсем рядом притаился чужой человек.

По-разному и противоречиво оценивал студент свои наблюдения. «Собственно говоря, ничего тут нет особенного, если по берегу гуляют только что прилетевший из Москвы, ну, скажем, бухгалтер и его спутница. Вечер чудесный, — трезво рассуждал Синицкий. — И может быть, приезжий записывает свои впечатления или даже пишет стихи... Но почему они вдруг заговорили по-английски? А почему бы и нет? Обыкновенная практика. Мало ли у нас студентов-заочников весьма почтенного возраста. Кто знает, не принадлежат ли к их числу эти любители вечерних прогулок?.. А вдруг это враги? — Синицкий вздрогнул. — Разве их перестали засылать в нашу страну?»

Вот охотник несколько раз повторил слово «сигма». Что это? Название буквы? Или есть такое английское слово?.. Вот они о каком-то Вильяме заговорили. Это понятно... Может быть, о Шекспире?

Охотник первым подошел к машине и взялся за ручку дверцы.

Пес вдруг подбежал к Синицкому, он похолодел от волнения и дрожащей рукой погладил его против шерсти. «Неужели залает?»

Но все обошлось благополучно. Пес лениво лизнул его руку и, вильнув хвостом, отошел в сторону.

Охотник и его спутница, облокотившись о борт машины, продолжали свой разговор, посматривая в сторону моря.

Основательно продрогнув в мокром костюме, Синицкий спрятал магнитофон в карман и решил осторожно проползти до ближайшей груды камней.

Хлопнула дверца. Мотор глухо заворчал, вспыхнул красный огонек сигнала, и машина рванулась вперед.

Спасительная тень убежала от Синицкого. «Сейчас увидят?» — с ужасом подумал он и эсгорочно приподнял голову.

Машина была уже далеко. С погашенными фарами она мчалась по берегу у самой воды.

В оркестре пели сазы, им вторили тары. Четко отбивал ритм сухой треск барабана. Голоса всех инструментов слышались из электромузыкальных аппаратов.

Синицкому — а он все-таки успел попасть на праздник — казалось странным сочетание новой музыкальной техники и народной старинной мелодии. Он улыбался и пристукивал каблуком в такт барабану. Ему было удивительно хорошо и весело. На таких праздниках он еще никогда не бывал...

Вдруг он перестал притопывать ногой и сразу померчал. Не давала ему покоя бродячая мина, с которой за один только день он встретился дважды. «Не успела бы наделать вреда... — думал Синицкий. — Может быть, сказать об этом? Спросить совета?»

Рядом с ним сидел Рустамов. Заметив, что студент почему-то перестал улыбаться, он взял шарообразный графин из молочно-белого стекла и подлил вина юному гостю.

— После такого марафонского заплыва надо согреться, — серьезно заметил он.

— Не надо, Али Гусейнович, — взмолился студент. — Это уже четвертый.

— В таком случае вино очень полезно. Сто лет проживешь! — Рустамов отечески похлопал его по плечу.

— Али Гусейнович, — оглянувшись по сторонам, наклонился к нему Синицкий, — я должен сказать... — Он замолк, уставившись на белый шар графина, словно впервые увидел его.

Рустамов пригладил пальцем усы и сочувственно усмехнулся.

— Говори, пожалуйста.

— Мы натолкнулись на блуждающую мину, — наконец вымолвил Синицкий, не отрывая глаз от шара. — Она не взорвалась...

— Вот и хорошо. А большая мина?

Осматривая зал, Синицкий искал, с чем бы сравнить ее.

— Примерно как этот шар, — он указал на шарообразно подстриженное дерево у балюстрады.

Рустамов рассмеялся и словно невзначай отодвинул от Синицкого графин.

В чем же тут дело? Ведь он, Синицкий, собственными глазами видел эту мину. Неужели только показалось? Почему же смеется Рустамов? А может быть, он знает, что ее выловили, но об этом нельзя говорить? Голова кругом идет...

Воспользовавшись тем, что Рустамов заговорил с Агаевым, Синицкий вышел из-за стола и с удивлением почувствовал непривычное для него странное ощущение нетвердости в ногах... Да, правильно ему говорили, что на Кавказе очень трудно отказаться от лишнего бокала вина, чтобы не обидеть хозяев. «Нужно ровнее идти, только бы не покачнуться. Срам какой! — с досадой подумал Синицкий. — Надо сейчас же уходить, чтобы никто не заметил... А как же мина?.. Может быть, еще раз проверить, спросить у Гасанова?»

Начинались танцы. Вспыхнули над головой разноцветные светящиеся трубки... Откуда-то сверху, как снег, посыпались конфетти.

Гасанов бесцельно бродил по залу среди гостей. Казалось, он не находил себе места. Друзья и знакомые поздравляли его. Он крепко жал протянутые к нему руки, вежливо отвечал на любезности. «Но почему так

долго нет Саиды? А вдруг она уже здесь? — думал он, выискивая ее глазами. — Специально вызвала меня к телефону. Неужели опять не придет?»

Увидев издали Мариам, Гасанов стал торопливо пробираться к ней.

— Саиду не видела? — с надеждой в голосе спросил он.

Мариам отрицательно покачала головой.

— Ибрагим Аббасович! — Синицкий остановил инженера и, не замечая Мариам, которая что-то хотела сообщить Гасанову, пониженным голосом спросил: — Ну, пожалуйста, объясните мне по-дружески. Честное слово, не пойму ничего. Может, это, конечно, пустяк, но из головы не выходит. Неужели в Каспийском море могут попадаться плавучие мины? Я сегодня вечером видел одну.

Лицо Синицкого выражало искреннее удивление.

— Ерунда, — отмахнулся Гасанов.

Он заметил блестящие покрасневшие глаза гостя и блуждающую улыбку на лице. «С непривычки и не то еще померещится», — подумал он и тут же обратился к Керимовой:

— Мариам, вот наш молодой друг, студент, изобретатель, с которым я обещал вас познакомить. — И Гасанов быстро скрылся среди гостей.

Мариам удивленно смотрела на Синицкого. Это какой-то мальчуган. А кто же сидел рядом с ней?

В репродукторе снова зазвучала ее любимая песня, песня, о которой не расскажешь словами.

Синицкий переминался с ноги на ногу и почему-то не мог вымолвить ни слова.

Девушка показалась ему очень похожей на Саиду. Нет, даже много красивее ее. И какая она маленькая, будто неживая, нарисованная... Снова неясное чувство радостного волнения вдруг охватило его. «Этого еще не доставало, — подумал Синицкий и смело взглянул в лицо Мариам. — Однако чему же она улыбается?» Он невольно поправил галстук. Ему также очень хотелось пригладить волосы. Наверно, опять торчат вихры. Но он не решился. Рука застыла на полпути.

«Но почему она молчит? Что ей сказать? Она ждет». Любимец веселых компаний, говорун и остряк, Синицкий просто-напросто растерялся. В голову лезли всякие неподходящие мысли. Он почему-то все время думал о торчащем вихре на затылке, даже физически ощущал

его, как боль, как неловкость, и никак не мог начать разговор. Может быть, в этом были виноваты выпитые четыре — представить себе только, четыре! — внушительных бокала буквально предательского вина.

«Тогда с Саидой первым заговорил магнитофон. А как быть сейчас? — мучительно раздумывал Синецкий. — Ну о чем же говорить? О бакинских ветрах? Но это значит — о погоде... О музыке, о празднике? Нет... это все не то!» Он должен ей сказать что-нибудь значительное, умное... Даже особенное!

— Мариам, идемте танцевать! — К Керимовой подошел, уже притопывая от нетерпения, черноволосый парень с тонкими, как веревочки, усиками. — Простите, — с извиняющейся улыбкой кивнул он головой студенту.

Синецкий остался один. Танец кончился, затем начался другой, третий, а Мариам все еще не возвращалась...

«Ну и не надо», — обиделся Синецкий. Он решил выйти в сад, чтобы там, в тишине, как говорится, собраться с мыслями. «До чего же все это глупо получилось... Разиня! — корил он себя. — Что она теперь обо мне подумает? Стоит взрослый парень и глазами хлопает...»

Медленно, еле переступая ногами, Синецкий спустился по лестнице. Издалека доносилась музыка. Два больших, ослепительно белых светящихся шара у выхода снова напомнили о плавучей mine. Он долго смотрел на них. Голова все еще кружилась от вина. Нет, он ничего не может понять... Неужели все это только показалось? Почему ему никто не верит?

Черные тени, будто отпечатанные краской, застыли на асфальтовой дорожке, ведущей к воротам. По сторонам пестрели клумбы с цветами.

Бесшумно открылись чугунные ворота. По асфальту скользнул свет фар. Два желтых глаза двигались навстречу Синецкому. Но вот машина остановилась у подъезда.

За рулем сидела Саида.

Синецкий подбежал к ней и предупредительно открыл дверцу.

— Вы всех так встречаете? — усмехнулась Саида, ловко выпрыгивая на дорожку.

— Нет, только вас. И очень рад, что хоть и поздно,

но все же встретил, — взволнованно проговорил Синецкий, поднимаясь вслед за ней по лестнице.

— Ничего не пойму, — пожалала плечами Саида. — О чем это вы?

— Разрешите быть откровенным? — Синецкий понизил голос.

Саида в недоумении остановилась на ступеньках, невольно огляделась. Над головой висела луна. С моря доносился неумолчный плеск волн. Ему вторил оркестр. Одурающе пахли цветы на клумбах. Весь этот поэтический антураж настраивал лирически, волновал. Но Саиде до всего этого не было никакого дела. Она торопилась встретиться с Ибрагимом, а тут приходится выслушивать непонятные излияния надоедливого гостя.

— Мы с вами знакомы только один день, — все так же взволнованно и словоохотливо продолжал Синецкий, видимо желая доказать самому себе, что нелепое молчание перед Мариам было простой случайностью. — Вы меня почти не знаете, — проникновенно говорил он, — но я почувствовал...

Послышался гудок из репродуктора радиотелефона, установленного в машине Саиды. Замигала красная лампочка. Саида, словно обрадовавшись этому предложению прекратить странный для нее разговор, побежала вниз. Застучали каблучки по ступенькам.

На телефонном аппарате блестел никель наборного диска. От радиостанции поднимался вверх тонкий серебряный прут антенны.

Саида откинула волосы назад и взяла трубку.

— Да, я, Александр Петрович... Доехала... Ничего, не беспокойтесь. Уже выловили. Поэтому и задержалась. Завтра проверю локаторы перед установкой...

Синецкий внимательно прислушивался к разговору. Ему очень хотелось посмотреть на радиоаппарат Саиды, но он боялся показать себя излишне любопытным. Когда Саида поднялась к нему, он, словно в их беседе не было никакого перерыва, горячо продолжал:

— Знаете, Саида, я вдруг почувствовал... что только вы меня поймете...

Нетерпеливо поглядывая вверх, на крышу института, откуда доносилась музыка, Саида сделала несколько шагов вверх по лестнице.

— Мне не нравится ваш разговор, товарищ Синецкий.

— Одну минутку, Саида! — взмолился он. — Поймите мое положение. Кому-то я должен об этом сказать. Понимаете, должен! — Студент перевел дыхание и уже спокойно продолжал: — Здесь, у берега, бродит шарообразная мина. Я, правда, в этом не очень уверен, но если это не мина, то что-то похожее на нее...

Саида облегченно вздохнула и весело, совсем по-приятельски взяла Синицкого под руку.

— Не беспокойтесь. Уже все сделано.

Хотел было Синицкий рассказать о человеке на берегу, но после ее спокойного ответа решил, что Саиде все известно.

— Значит, на катере заметили мину и выловили? — полюбопытствовал он.

— Наверное, — коротко отозвалась Саида. — Идемте наверх, я вас познакомлю с Мариам...

— Спасибо, — поклонился Синицкий, вспомнив свою неудачную встречу с девушкой. — Уже познакомили. А когда меня познакомите с испытаниями ваших аппаратов? Я не видел их в практической работе. Можно завтра поехать с вами?

— Нельзя, — резко ответила Саида, торопливо поднимаясь по лестнице. — Вы же сами знаете, что сначала испытания производятся в лаборатории, а потом уже проверенные аппараты тащат в поле, на море или даже на дно, что мы и сделаем недельки через две, когда вы внесете в схему, видимо, очень полезные для науки изменения и дополнения.

— Для этого нужно два дня, а не две недели. Поймите, Саида, меня только за этим и прислали сюда, а вовсе не затем, чтобы любоваться морскими пейзажами. Давайте назначим срок.

— Ну хорошо, — согласилась Саида.

«Вот стойкий парень, — подумала она, — не ожидала». Ей это понравилось, и она тут же назначила день испытаний, уверенная в том, что Синицкий к этому времени справится с переделкой аппарата.

— Есть еще одно препятствие, — задумчиво проговорила Саида, медленно потирая висок. — Что на это скажет Васильев?

— Кто?

Саида не ответила и быстро взбежала вверх по лестнице.

Глава 6. СИНИЦКИЙ НАДЕВАЕТ СКАФАНДР

а каменистом островке, недалеко от берега, одиноко стоял приземистый белый домик. Он был похож на глыбу льда, почему-то не тающую в горячих лучах южного солнца. Домик этот служил подсобным помещением при испытаниях разной аппаратуры.

Из двери вышел Нури в рабочем комбинезоне. Прищурившись от солнца, он посмотрел на причал у здания института, который отсюда хорошо был виден. От причала отошла лодка. В ней сидели двое.

«Саида... А кто же еще?» — спрашивал себя Нури, пытаясь рассмотреть человека на носу лодки.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Опять этот парень в шляпе. Ну если и здесь он будет усмехаться, то...

Собственно говоря, Нури сам не знал, что должно было следовать за столь грозным предупреждением. Однако он был уверен, что в этом месте гость не решится вести себя развязно. Здесь как-никак испытательная лаборатория. Надо скорее приготовить водолазные костюмы, а то достанется от Саиды. И Нури побежал к домику.

Лодка уже подходила к островку.

Синицкий, придерживая шляпу, первым выскочил на берег и предупредительно подал руку Саиде. Она невольно улыбнулась. Как это у него ловко получается!

— Значит, в глубине этого островка можно найти нефтеносные пласты? — спросил студент недоверчиво, глядя себе под ноги. — Неужели мы их заметим на экране аппарата?

— Конечно. Здесь мы не впервые занимаемся проверкой разных конструкций. Каждый метр исхожен, все знакомо... Пески под нами бедные, нефти в них мало, а то давно бы поставили буровую... Кстати, дорогой друг, вы занимаетесь изобретательством, возитесь с новыми ультразвуковыми приборами для нефтеразведки —

а что вы вообще о ней учили? — смотря на студента сверху вниз, спросила Саида.

— Не только учил, — с заметной обидой сказал Синицкий, — но и работал чуть ли не со всеми приборами у нас в лаборатории. Ну, скажем, магнитными, радиометрическими, электрическими...

— Сейсмометрическими, газовыми, люминесцентными и так далее, — смеясь, перебила его Саида. Сидя на песке, она отвинчивала крышку прибора. — А вы никогда не задумывались, почему существует так много способов нефтеразведки? Почему ученые — да и вы сами помогаете им — изобретают все новые и новые аппараты? Знаете ли вы, что такое миллион? Для математиков это число не так уж велико. А вот мне, откровенно признаться, число это не дает покоя. Оно мне кажется огромным, и я с ним не могу помириться. Примерно миллион рублей стоит только одна скважина разведочного бурения на море.

Саида с непривычки не могла завернуть винты на крышке. Синицкий осторожно взял у нее отвертку.

— Надо понять значение этой суммы, — продолжала она горячо и убежденно. — Представляете себе, Синицкий: после предварительной разведки небольшой коллектив несколько месяцев бурит. Трубы опускаются все глубже и глубже, появляются признаки нефти. Люди борются со штормами, авариями. Бурение подходит к концу, уже пройдено четыре тысячи метров, а результатов пока еще нет. Поставлены на карту миллион рублей, напряженный труд всей бригады и многое другое, что ценится у нас дороже денег. Геолог говорит, что, возможно, завтра закончится многомесячное бурение. Завтра решающий день... Но проходит и этот день, и другой. Нефти нет. Скважина остается сухой. Надо бурить в новом месте. Снова может быть потерян миллион. — Саида помолчала, затем добавила: — Должна сознаться, что с точки зрения мировой экономики наши дела не так-то плохи. Большинство скважин дают нефть или газ, чего нет во многих странах. Но все же, сами понимаете, с таким положением нельзя мириться. Мы не хищники, а хозяева, рачительные и строгие. Нам нужна совершенная разведка.

Студент слушал Саиду с напряженным вниманием. Ему казалось, что во всех этих неудачах, о которых она говорила, виноват и он сам. Мало усовершенство-

вать схему прибора — это просто мелочь, — надо все свое время, всего себя посвятить созданию новых аппаратов, новых приборов для нефтеразведки. Ему нужно практически поработать с ними, а тогда он что-нибудь и придумает или, во всяком случае, попытается это сделать.

— Вот так-то. — Саида вздохнула. — Я уже несколько лет работаю с аппаратами для нефтеразведки, но, как и вы, увлекаюсь многими делами, например автоматикой... Сколько в жизни интересных занятий! — Она сжала руки так, что хрустнули пальцы. — Но не советую разбрасываться. Я для вас не пример, и позабудьте об этом. Поставьте себе задачей — сделать аппарат для нефтеразведки, который бы никогда не ошибался.

Все, что до этого знал Синицкий о разведке нефти, приобрело для него новое, неожиданное значение. Он вспомнил о незаметных тружениках, они стараются сбересть государству эти миллионы. Чего только не делают разведчики нефти?! Они устраивают маленькие землетрясения, взрывая заряды на определенных расстояниях от сейсмографов, и следят за кривыми на барабанах приборов. По кривым узнают, где скрыт нефтяной пласт. Они определяют электропроводность почвы, изучают состав газов, выходящих из-под земли, исследуют грунт в ультрафиолетовых лучах. Ищут магнитными и радиотехническими приборами место возможного залегания нефтеносного пласта. Составляют подробные геологические карты, схемы. И все-таки, несмотря на все эти огромные труды, при бурении остается риск больших потерь. Особенно на морских буровых, где не все эти методы пригодны...

— Может быть, наши аппараты будут более совершенны, — как бы отвечая на мысли Синицкого, сказала Саида и с любовью посмотрела на белые коробки с блестящими ручками. — Впрочем, они впервые испытываются в данных условиях. Здесь тоже риск, как и при любых испытаниях...

— Вопрос можно? — опять, как школьник, спросил Синицкий. — Вы как-то упомянули фамилию Васильева. Его работы — такой же риск?

Саида исподлобья взглянула на Синицкого.

— Да, это необыкновенный опыт. Если хотите, большой риск, — сказала она сухо и тут же перевела разговор на другую тему: — У меня все-таки есть надежда,

что наши аппараты будут работать более уверенно, чем другие.

— Кстати, вы обещали показать новую, уже измененную инструкцию к аппарату.

— Пожалуйста. — Саида вытащила из кармана своего белого комбинезона тонкую тетрадь. — Займитесь, пока мы будем готовиться к испытаниям.

— Салам, Саида! — еще издали крикнул Нури.

Он нес водолазную одежду. За ним от самого домика на белом как снег песке тянулся след, будто от санных полозьев.

Нури тащил на веревке тяжелые башмаки с чугунными подошвами.

— Смотрите, Саида. — Синицкий развернул перед ней инструкцию. — Вот в этом месте надо уточнить. Здесь сказано буквально следующее: «В аппарате, несмотря на его малые размеры, сосредоточена весьма значительная мощность ультразвука. Эти неслышимые колебания отражаются и поглощаются в земле различными слоями породы. — Он читал размеренно и внушительно. — Характер этого поглощения мы обнаруживаем на экране в виде системы пересекающихся линий. Когда пучок ультразвука проходит сквозь нефтеносный пласт, положение линий резко изменяется...»

— Потом, потом, — запротестовала Саида. — Мы с Нури сейчас соберемся и опустимся в воду, а вы пока ходите с аппаратом по острову.

Она передала студенту один из аппаратов кубической формы, с закругленными ребрами. Он надел его, как фотоаппарат «зеркалку».

Длинный хобот необыкновенного объектива опускался вниз почти до самой земли. Как требовалось по инструкции, студент включил питание, затем повернул ручку яркости и фокусировки. На экране замелькали светящиеся линии.

Синицкий прошел несколько шагов по песку. Все как будто бы в порядке.

Линии показывали следы нефтеносных месторождений.

Когда он об этом сказал Саиде, она радостно улыбнулась и наклонилась над экраном.

— Так и должно быть. Чувствуется значительное усиление, — удовлетворенно заметила она, откидывая назад непослушные волосы. — При первых испытаниях,

до вашей переделки, верхняя кривая не доходила даже до пятого деления. А сейчас к двадцати подбирается. — Саида протянула руку студенту. — Примите предварительные поздравления!.. Откровенно говоря, я не особенно была уверена в вашем предложении, но у вас оказались задатки настоящего инженера.

Робко пожимая ей руку, Синицкий покраснел.

— Будем одеваться, Нури? — крикнула Саида.

— А как же я? — растерянно спросил Синицкий.

— Да мы ненадолго. Подождите нас, — добродушно ответила Саида, покручивая ручку усиления сбоку аппарата.

— Саида, милая, — умоляющим тоном обратился к ней Синицкий, — разрешите спуститься вместе с вами. Хоть на минутку, где помельче.

— Вы ребенок, Синицкий, честное слово! — Саида подняла голову от аппарата и рассмеялась. — Удивительное нетерпение. Так сразу и под воду! А не побойтесь?

— Да что вы! — искренне обрадовался студент. — Вот вы женщина и то... А я все-таки... — Он смутился и замолчал.

— Ну хорошо, хорошо, убедили. Все равно вам придется испытывать аппарат под водой. Может быть, с вашими переделками он там будет хуже работать? Как вы думаете?

— В этом я сам хочу убедиться.

— Законное требование. Попробуем опустить вас на минутку... Только как вы себя там будете чувствовать? — с сомнением сказала Саида и тут же повернулась к Нури: — Принеси еще один костюм.

Нури не мог скрывать своего недовольства. Он был твердо убежден, что москвича совсем незачем опускать под воду. Пусть, если он хочет, на земле крутит ручки у аппарата. Хоть он и изобретатель, а серьезности никакой.

— Будешь одеваться? Да? — тоном предупреждения спросил Нури у Синицкого, когда притащил третий костюм. Он надеялся, что этот с виду храбрый парень откажется.

Синицкий подозрительно посмотрел на тяжелые башмаки и нервно поправил воротничок. «Да, с такими не выплывешь», — подумал он и быстро, чтобы этот сердитый «водолаз» не заметил его нерешительности, сказал с деланной беспечностью:

— Еще бы, разве можно отказаться от такого удовольствия! Вы знаете, — он демонстративно обратился только к Саиде, — мне приходилось и летать и плавать, даже как-то однажды опускаться в шахту, но я никогда не бывал под водой.

— Ничего интересного, — равнодушно заметила она. — Так же, как и здесь, но немного потемнее и резиной пахнет — от костюма.

Началось облачение. На Синецкого надели специальный костюм, затем пудовые башмаки, приспособили баллон с кислородом и сжатым воздухом. Наконец примерили водолазный шлем, похожий на большой горшок.

С сожалением Синецкий посмотрел на свою светлую шляпу, лежащую на песке. Мелькнула странная мысль: «Удастся ли ее снова когда-нибудь надеть?» Он досадливо поморщился, нагнулся и незаметно от Нури захихнул шляпу под костюм. Так-то надежнее.

— Дергай веревку, если страшно, — хмуро подсказал Нури.

Синецкий смерил его удивленным взглядом и пожал плечами, показывая свое полное пренебрежение к столь необоснованному выпадку. Да, конечно, только так он мог это расценивать. Почему ему должно быть страшно?

— Ветер может помешать. Да? — сказал Нури, всматриваясь в темнеющий горизонт.

Он хотел, чтобы Саида отменила сегодняшние опыты. Погода не для новичков.

— Мы недолго. Успеем, — решила Саида и торопливо надела костюм.

— Саида, вопрос можно? Вы хорошо знаете английский? — вдруг спросил Синецкий.

— Читаю и перевожу техническую литературу.

— А разговор?

— Плохо... Но зачем это вам?

— Так просто, — беспечно заметил Синецкий и подумал: «О чем же тогда они говорили?»

Все трое забрались в лодку. Затрещал мотор.

— Мне за эту экскурсию Александр Петрович голову оторвет, — недовольно бормотал Нури, завинчивая шлем у Синецкого. — Не успел приехать, а уже хочет гулять под водой.

Недалеко от берега лодка остановилась.

Свесившись за борт, Синецкий с любопытством смот-

рел на каменистое дно. На этой глубине оно было хорошо видно.

— Не беспокойся, Нури, — сказала Саида, — здесь мелко. Пусть побарахтается минут десять. Он же должен знать, что получилось в аппарате после его переделок. Если не струсит, то сможет быстро это проверить.

Синицкий подвинулся к Саиде, стараясь сквозь металлический шлем услышать разговор.

— Я не вам, — рассмеялась Саида.

Держась за борт лодки, студент с помощью Саиды и Нури опустил тяжелые башмаки в воду. Они его сразу потащили вниз. Страшно, но хорошо, что есть спасительная веревка.

На горизонте потемнело. Подул резкий ветер. Побежали белые барашки. Лодка закачалась на волнах.

— Саида, поплывем лучше к берегу! — встревожился Нури. — Ветер начинается!

Этого не слышал Синицкий. Он крепко держался за борт и с любопытством смотрел вдаль, на закипающую воду.

Вдруг совсем неподалеку из глубины вынырнул белый шар.

Синицкий резко повернулся и протянул обе руки вперед, указывая на «блуждающую мину».

— Вот он, вот он... Я же говорил...

Высокая волна подбросила лодку. Нури потерял равновесие и выпустил веревку. Она бесшумно скользнула по борту. Нури бросился к ней, но было поздно. Над лодкой метнулся ее конец и скрылся в волнах.

— Скорее шлемы! — крикнула Саида.

Лодку подкинуло еще выше. На какое-то мгновение винт повис над водой.

Мотор угрожающе зарычал...

Синицкий медленно опускался на дно. Наконец его ноги мягко коснулись каменистого грунта.

Будто сквозь крышу из зеленоватого стекла, просвечивали солнечные лучи. Длинная тонкая змея плавно опускалась вниз, свертываясь в кольца. Это падала веревка.

«Дергай веревку, если страшно», — невольно вспомнил он слова Нури.

Только сейчас почувствовал Синицкий настоящий

страх, от которого холодеет кожа и останавливается дыхание.

«Что делать? Куда идти? — тщетно спрашивал он у самого себя и не находил ответа. — Можно заблудиться, до берега не очень-то близко. — Вспомнилось, что у Нури был компас, он даже рассматривал его, герметический, большой. — Но у меня нет никакого компаса. Что же теперь будет?»

С минуту Синицкий стоял в нерешительности. Прямо над головой мелькало какое-то пляшущее темное пятно. «Наверно, лодка, — подумал он и вдруг сразу успокоился. — Сейчас спустится Нури или Саида. Пожалуй, даже обидно, что так скоро кончатся мои испытания под водой. — Он ощупал ручки аппарата. — Конечно, после такой неосторожности вряд ли начальство, да и сама Саида разрешат мне опуститься снова».

Он повернул выключатель и сквозь прозрачную воду увидел на экране слегка расплывшиеся светящиеся линии.

Прибор работал как будто бы нормально, но он совсем не указывал, что здесь есть нефтеносные пески. Неужели даже повышенная чувствительность переделанного Синицким усилителя не могла помочь обнаружить хотя бы следы нефти?

Нет, с этим не мог согласиться изобретатель. Нефть здесь должна быть.

«А если пройти немного в сторону? — преодолевая тайный страх перед неизвестным, мысленно спросил он себя. — Пусть недалеко, всего лишь на пять метров, а потом опять сюда вернуться. Как, Николай Тимофеевич, способен ты на это? А почему бы и нет! — уже со злостью ответил себе Синицкий. — Невидаль какая! Успею закончить испытания. Пока они там наденут скафандры, пока спустятся... Лодка, конечно, останется на месте, это один ориентир, а кроме того, можно еще что-нибудь запомнить. Ну, скажем, вот эту грудку камней... Надо все-таки поторопиться. А то сейчас меня на свет божий за шиворот вытащат, как шкодливого котенка».

Синицкий посмотрел по сторонам и вдруг почувствовал какое-то странное недовольство. Он так стремился к этим испытаниям. Ждал необычайного. Еще бы! Не каждому суждено бродить по морскому дну. Однако здесь не было ничего интересного. Зеленый туман, обык-

новенные камни, которые вначале казались таинственными скалами. Саида права: темно, и пахнет резиной.

С усмешкой вспомнил Синицкий о своих наивных мечтаниях. Он думал, что будет рассказывать московским друзьям о невиданных чудесах подводного царства. Будто идет он по песчаному дну. Солнечные блики мечутся под ногами. Как густой зеленый кустарник, колышутся морские водоросли. Стаи испуганных разноцветных рыб, словно птицы, взлетают вверх.

«Нет... Ничего похожего. — Синицкий даже разозлился. — Откуда, к черту, рыбы! Тут нет ни одной малявки».

Он был попросту обескуражен.

Но довольно мечтать о романтике. Не за этим спустился на морское дно изобретатель Синицкий.

Что же случилось с аппаратом? Линии замерли на экране, не шелухнутся.

Единственная надежда — просто на глаз, как это раньше делали геологи, найти выходы нефтеносного песчаника и пузырьки газов, которые часто выдают месторождения нефти. Тогда можно сразу узнать, работает ли в этих условиях аппарат или нет. «А вообще, было бы здорово найти здесь приличный нефтеносный пласт, — подумал он. — Все, конечно, стали бы спрашивать, кто это нашел. Наверное, очень опытный геолог? «Да нет, — скажут им, — студент Синицкий, талантливый такой парень».

А что, если пройти еще немного? Может, все-таки найдутся следы нефтеносных песков?

Дно постепенно опускалось вниз; там, впереди, было еще темнее. Стали попадаться водоросли. Они казались черными, совсем не такими веселыми и вовсе не похожими на свежий весенний кустарник, какими хотел их видеть Синицкий, но и эти чахлые растения на голом каменистом дне все-таки радовали глаз.

Склонившись низко-низко над самым экраном, Синицкий разбирал цифры.

«Надо их делать крупнее, затем приспособить дополнительное освещение, — решил он и тут же представил себе, как это все будет выглядеть. — Неужели здесь так темно?» Он поднял голову. Нет, это невероятно! Огромный шар медленно плыл в зеленой воде. Подгоняемый морским течением, он постепенно удалялся, превращаясь в мутное расплывчатое пятно.

«Как «летучий голландец», — невольно подумал Синецкий, провожая взглядом уплывающий шар. — Неужели это опять тот же? Странно. Почему я все время с ним встречаюсь. А может быть, их много? Целое минное поле».

Пройдя вслед за шаром несколько шагов, Синецкий остановился перевести дыхание. Блестящие пузырьки выдыхаемого им воздуха взвились вверх, похожие на маленькие стеклянные ампулы.

На экране аппарата светящаяся линия подошла к пятому делению. Примерно такие же показания были получены Синецким и на острове.

Конечно, «опытному геологу» не повезло. Важные месторождения нефти по-прежнему скрывались в глубинах недр, они еще ждали своего хозяина. Но Синецкий был вполне удовлетворен: аппарат работал и, самое главное, уже были ясны пути его усовершенствования.

Он возвратился, как ему казалось, на старое место.

Позабыв об осторожности, Синецкий рванулся в сторону, в другую. «Надо пройти к берегу, — в отчаянии работала мысль. — Но где он, берег?.. Где берег?.. Где Нури?.. Почему он не спускается?.. Почему меня никто не ищет? Что же теперь делать?» Невольно он закричал, но сам испугался своего голоса, глухого, задушенного. Кто же здесь услышит?..

Не знал Синецкий, сколько прошло времени. Кажется, что уже наступила ночь. Он шел, нет, не шел, а бежал словно под гору, спотыкался, падал.

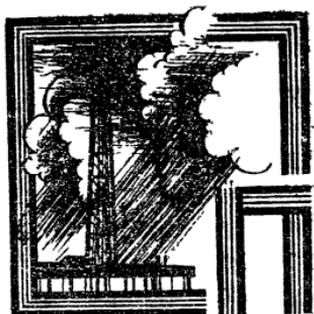
Стало тяжело дышать. «Не хватает воздуха», — мелькнула страшная мысль.

Вдруг Синецкий остановился. Неужели это берег? Огромная скала выступала в зеленом полумраке. Может быть, удастся взобраться?

Собрав последние силы, Синецкий ринулся к ней. Вершина скалы гладкая; ее отчетливо видно, так как она не выходит из воды. Надежда на спасение исчезла. Он уже не мог дышать. Подгибались ноги. Темнело в глазах.

Вдруг скала сдвинулась и пошла прямо на него. «Не может быть, — подумал он. — Галлюцинация». Но скала приближалась, наступала. Еще миг, и она раздавит его.

Все заволокло туманом.. «Неужели так приходит смерть?»

оследние два дня Гасанов не был на берегу. Он не мог покинуть свою новую вышку. Неподалеку от нее покачивался искусственный островок с кранами. Его сооружали для монтажа стометрового основания системы инженера Гасанова, но работы были прекращены в связи с испытаниями установки Васильева. Для наблюдения за механизмами и автоматикой к Гасанову должны приехать молодые операторы. Их привезет Григорян.

«Надо им все объяснить, — думал Гасанов, — проверить, как они смогут справиться с непривычной для них работой. Тогда... — он с тоской взглянул на видневшуюся вдали тонкую полоску берега, — тогда и мне самому, как приказано, надо приниматься за новую работу. Снова за чертежи».

Вспомнил Гасанов свои первые проекты, когда он вычерчивал на плотном листе общий вид подводной башни. Тогда видел он не белое поле бумаги, а синее родное море и глубоко уходящую в полупрозрачную воду решетчатую конструкцию. Солнечный день никогда не сходил с его чертежа.

А теперь снежным полем покажется ему чертежный лист. Но почему? Как он не может преодолеть этого равнодушия, даже неприязни, к чужой, неизвестной ему работе?

Вспоминая свой последний разговор с парторгом, Гасанов чувствовал его правоту.

Первый этап работы закончен. Нефть идет. Институт должен искать новые решения. Не все ли равно с принципиальной точки зрения, какое будет дальше строиться подводное основание — в пятьдесят метров или в сто? Надо искать новые пути. Но почему правильный путь может найти только Васильев? А последний проект с плавучим островом? Разве это не смелое решение? И почему не может заняться этим делом далеко не такой уж бесталанный инженер Гасанов?.. Ну а этот ленинградец? Кто он такой? Достойны ли его работы того, чтобы бук-

важно все подчинить им — отдать всех мастеров и в придачу самого Гасанова?

Долго смотрел он на темнеющую воду. Кто же он, Васильев? Какую власть он имеет над людьми! Все — директор, Рустамов и, что больнее всего, Саида — только и говорят что о приезде конструкторе. Надо обязательно встретиться с Васильевым. Что можно узнать из краткого описания проекта? Надо посмотреть готовую установку. Правда, вчера Саида рассказывала о васильевских опытах. Но можно ли верить ее оценке?

Как бы хотел Гасанов, чтобы Саида была с ним рядом, а не в васильевской лаборатории. Возможно, она сумела бы как-то убедить его, Гасанова, в необходимости отложить все работы и немедленно идти туда, к ним, на помощь к Васильеву.

Но Саида не выходит из лаборатории. Она позабыла о том, что существует на свете Ибрагим, которому очень и очень больно... Он почти не видел ее с тех пор, как прилетела из Москвы. Конечно, Ибрагим понимает, что сейчас для нее самое горячее время. И никогда он не допустит даже мысли, что Саида лжет, что ее сердцу близки не аппараты в лаборатории Васильева, а он сам... Они сидят рядом каждый день, каждый час. У них общие радости и печали, одна мечта и одна судьба... А ему, Гасанову, суждено лишь завидовать. Если бы знала Саида, как тяжело считать шаги в пустой квартире!

Сегодня она тоже не приедет. Опять ночные испытания.

Поднимался ветер, он нес над водой серый туман. «Будет шторм», — подумал Гасанов. Первые настоящие испытания его подводного основания. Почему не едет Мариам? Как у нее там с проверкой чертежей нового проекта? Пересчитала ли она прочность стометровой фермы при максимальной штормовой нагрузке? Выдержат ли сравнительно тонкие трубы?

Ни на минуту Гасанова не покидала мысль о его новом проекте. «Может быть, так же думал о своей башне инженер Шухов? — вспомнил он о замечательном русском изобретателе. — И у него, возможно, были сомнения, когда на стопятидесятиметровую высоту железной башни поднималось последнее звено?»

Гасанов прошелся по мостику, с тревогой посмотрел на трубы, удерживающие настил, под которым играли небольшие ленивые волны. На мгновение он себе их

представил неожиданно выросшими, с седыми лохматыми космами.

Сквозь шум волн прорвались голоса и рокот моторки. К причалу подошла лодка. «Ну вот, наконец-то Мариам». И Гасанов поспешил навстречу.

Его ждало разочарование. Это была не Мариам, а Григорян, приехавший совсем не с теми операторами, о которых думал Гасанов.

В лодке стояли три молодых парня. Это были сотрудники «плавучей лаборатории».

Смышленные ребята в течение нескольких дней обучались нехитрой премудрости — дежурить возле знакомых им приборов, установленных на опытном морском основании. От них требовалось немного: подробно вести технические дневники да при необходимости отремонтировать какое-нибудь из многочисленных реле или электронный переключатель.

Саида все-таки убедила директора и Рустамова, что автоматика, которой она занималась в институте, не требует дежурных высокой квалификации. Пусть на этом деле совершенствуется молодежь.

...Лодка никак не могла пристать к островку... Она металась около него, подпрыгивая на волнах.

Гасанов подбежал к штурвалу воздушного волногасителя и повернул его.

Заклокотали, вырываясь из-под воды, пузыри, и около настила сразу образовалась тихая гавань. Волны не могли перейти рубеж, ограниченный воздушным молотом.

Ребята один за другим выпрыгнули на дощатый настил.

— Так где же твои специалисты, Григорян? — спросил не без иронии Гасанов. — Ты, кажется, должен был их привезти?

— Они со мной, Ибрагим Аббасович, — с заметной обидой ответил Григорян. — Замечательные ребята! Учились на наших курсах. На практике в Сабунчах работали. Теперь здесь со мной пока останутся. Учить буду. Да? — добавил он с особой интонацией, распространенной в Баку.

— Научишь! — хмуро заметил Гасанов. — Старики у нас говорят: «Нынешний воробей прошлогодного чирикать учит». — Он вдруг почувствовал, что зря обижает ребят, но уже не мог сдержаться: — Видно, и эти не учиться, а учить пришли.

— Зачем так говоришь? — удивился Григорян. —

Это не такие ребята. Спроси у Мариам. — Он взмахнул руками, как мельничными крыльями.

Гасанов зашагал к вышке, затем снова вернулся к ребятам, хотелось загладить вину перед ними.

— Ну, смотри, Григорян. Тебе с этими специалистами работать.

— Головой отвечаю, Ибрагим Аббасович.

Критически, с пристрастием осматривал ребят инженер Гасанов. Они выстроились перед ним, одетые в серые ладные комбинезоны с блестящими застёжками. Стиснув зубы, молча стояли они и, не моргая, смотрели на строгого инженера.

«Я же просил привезти настоящих, знающих свое дело техников, — думал он, расхаживая взад и вперед. — А мне навязывают детский сад. Неужели Саида, а с ней и директор позабыли, что на этом опытном основании сосредоточена разная сложная техника: насосы, моторы, компрессоры, всякие электронные приборы? В них кое-что понимать надо. А тут...»

Он взглянул на рыжеволосого парня — у него еще не пропали детские веснушки.

— Ну хорошо. Попробуем. — Инженер вздохнул и устало проговорил: — Если уж вас прислали сюда, то прошу понять, что вы здесь не просто рабочие, а сотрудники научно-исследовательского института. Точность и аккуратность во всем. Будете вместе с мастером следить за приборами, а это не так просто. Вам еще надо многое знать и многому учиться.

— Постараемся, товарищ Гасанов, — смотря на носки своих ботинок, проговорил самый старший из ребят. — Нам говорила Мариам... Товарищ Керимова, — быстро поправился он, — что вы скоро построите вышку на самом глубоком месте.

Гасанов нехотя ответил:

— Очень скоро... Очень... Думаю, что строить будем вместе. Когда вы станете инженерами. Постарайтесь поскорее...

Не оборачиваясь, Гасанов направился к мостику.

Откуда-то примчался ветер и сразу завил гребни волн в кудрявую белую гриву. Словно играя, бросались волны под дощатый настил, чтобы через секунду вынырнуть с противоположной стороны и помчаться к берегу. Издали гребни волн казались фантастическими белыми дельфинами.

Лиловая туча на горизонте опускалась все ниже и ни-

же, исчезли вышки дальних буровых, туча накрыла их своим туманным пологом. И нет больше в море ни вышек, ни островов, остались лишь лохматые волны и темное, грязное небо.

Гасанов поджидал лодку с Мариам. Он знал, что, несмотря на штормовую погоду, она все-таки придет.

Ветер с воем промчался сквозь железный переплет вышки. Гасанов взглянул на часы. «Поздно, надолго задержалась, — подумал он. — Хотя бы по радио сообщила, знает, что беспокоюсь».

Волны подскакивали высоко, почти до самого мостика, как бы стараясь перепрыгнуть через него, и, угрюмо ворча, лезли на стальные трубчатые устои.

Словно пробка взлетая на гребень и пропадая, лодка приближалась к вышке. Временами казалось, что она прыгает на одном месте и не в силах перескочить барьер волн.

«Да, это Мариам», — решил Гасанов, всматриваясь в даль до боли в глазах. Вдруг лодка исчезла, накрытая волной. Вот она опять появилась.

С тревогой, затаив дыхание, следил Гасанов за лодкой. Кажется, что она уже совсем близко, почти рядом. Осталось не больше десятка метров. Уже можно было рассмотреть двух человек. Мариам, сжавшись в комочек, сидела рядом с мотористом и держалась за борт.

Лодка прыгала возле дощатого острова. Она еще не успела зайти в невидимую гавань, за воздушный мол. Здесь нужно быть особенно осторожным: можно разбиться о железный переплет.

Еще немного. Задний ход... Лодка уже за воздушным молотом.

Мариам выпрыгнула на мокрые доски и поскользнулась. Гасанов быстро протянул ей руку и, отведя к вышке, спросил:

— Проверили?

Она ничего не ответила, обеспокоенно посмотрела на ребят, столпившихся около кабинки с приборами, и торопливо побежала по мостику в комнату отдыха.

Защемило сердце. «Почему ничего не сказала? Она же все знает. Проверка решит многое... Неужели позабыла?» — думал Гасанов, с надеждой и тоской провожая глазами маленькую фигурку Мариам.

Ветер усилился. Он выл, бесновался на вершине железной башни, хлопал оторванной доской, гремел,

ударяя ею по железу. Казалось, что где-то наверху гудел колокол.

Волны перекатывались через мостик, взлетая на настил, и, шурша, разбегались по доскам. Они били снизу, и тогда вздрагивала дощатая палуба на пятидесятиметровых ногах.

Лодка, поднятая ребятами на островок, была закреплена канатами.

Спускался вечер. Волны метались как тени, только седые гребни мелькали в темноте.

— Видно, домой сегодня недобраться, — сказал Гасанов, смотря на тусклые, еле заметные береговые огни. Он повернулся к Григоряну. — Ну что ж, останемся здесь на ночь. Вот только меня беспокоит «детский сад». Натерпятся ребяташки страха.

— Зачем страха? — удивился мастер, широко разводя руками. — Они знают, что такое доставать нефть в море. Пусть теперь своими глазами увидят, где легко, где трудно.

Гасанов передернул плечами и, помолчав, сказал:

— Передай по радио, что ребята до утра не придут. Наверно, матери уже беспокоятся... Новая забота... Час от часу не легче.

— Мариам позвонила, — сдержанно проговорил мастер. Затем он долго стоял молча, опустив руки, ожидая дальнейших распоряжений.

Инженер уже забыл о нем... Вспомнил, что домой ему звонить незачем: Саида уехала на испытания. Редко-редко, увлеченная своим делом, эта странная женщина вызывает его к радиоаппарату. Но не нужно думать об этом.

Крепко держась за поручни, Гасанов пробирался в комнату отдыха; скользкие, мокрые доски вздрагивали от ударов волн. Крупные, тяжелые брызги хлестали его по лицу, ветер прижимал к перилам. Иногда kloкочущая и шипящая волна перекатывалась через мостик, и Гасанову казалось, что он идет по колени в воде среди бушующего моря...

Впереди как спасательный маяк светился желтый квадрат окна.

Мариам сидела у стола под тускло горевшей лампочкой без абажура и, смешно прикусив язык, поправляла чертеж. Услышав скрип двери, она свернула чертеж и быстро положила перед собой тетрадь с цифровыми записями.

В комнатку ворвался свист ветра. Волны застучали в полуоткрытую дверь, как бы стараясь вломиться в этот маленький домик, дрожавший на тонких трубчатых ногах.

Гасанов быстро прихлопнул дверь, подошел к Мариам, но та и головы не подняла.

От ударов волн по дощатым стенам испуганно вздрагивала электрическая лампочка, она раскачивалась, и беспокойные тени бегали по девичьему лицу.

Резким движением откинув косы назад, Мариам поднялась и сказала:

— Расчеты проверила. Даже при установке наших дополнительных механизмов ферма выдержит, но...

— Что «но»? — Гасанов вышел из себя. — Да говорите же скорее! Зачем из меня душу вытягивать!

— А вы знаете, что показали расчеты? — улыбаясь, чуть слышно проговорила Мариам, разворачивая трубку чертежа. — Если на вашей новой, стометровой установке увеличить объем поплавка примерно на двадцать процентов, то можно ставить трубы значительно меньшего диаметра. Вы простите меня, Ибрагим Аббасович, я в этих делах, конечно, не специалистка, вероятно, глупости говорю, но цифры подсказывают, что сейчас уже можно думать об установке фермы в двести метров. Так все наши конструкторы считают. Самое главное тогда — нагрузка...

— Пойдите, Мариам. — Гасанов быстро наклонился над чертежом и запустил обе руки в мокрые волосы. — Вы для этого предлагаете усилить основание?

— Да, мне так кажется. Случайно натолкнулась, когда проверяла расчеты... Али Гусейнович заходил к нам в бюро. Я не успела спрятать чертеж. Испугалась даже, что он эту глупость увидит. А он посмотрел и сказал, что такое дело должно получиться. Просил вам показать.

Она замолкла и стала расправлять загнутый угол чертежа.

Долго смотрел Гасанов на знакомые линии, смотрел и все-таки не узнавал. Внизу, у самого основания трубы, чуть заметно карандашом были вычерчены дополнительные устои, легкие контуры решетчатой фермы, везде, словно для надежности, подкрепленные узкими колонками цифр.

— Спасибо, Мариам, — искренне поблагодарил Гасанов. — Я всегда считал вас золотом. Но все-таки надо

самому проверить, хотя сейчас и не до этого. Приходится заниматься работами Васильева.

— Ничего не понимаю. — Мариам от волнения больно дернула себя за косу. — Надо скорее заканчивать установку на плавучем острове. Ведь это же самое главное. А тут опять какой-то Васильев...

Гасанов сосредоточенно разглядывал чертеж.

— Ибрагим Аббасович! Вы слышите? — спросила Мариам.

— Что я должен слышать? — не отрываясь от чертежа, рассеянно спросил инженер.

— Музыку... Помните?... Сначала вступление в оркестре, а потом бас поет: «О скалы грозные...» Удивительно похоже... Набегают волны... Ветер ревет... Стоит у берега одинокая скала... Так же, как наш остров... И ничего ему не страшно... Он дальше всех вышел в открытое море и крепко упирается в землю. — Мариам прислушалась. — Я думаю, что вы докажете свою правоту!

За тонкой перегородкой гремел тысячеголосый оркестр. Начинаясь шторм.

Глава 8. СИНИЦКИЙ ПРОСЫПАЕТСЯ

голове у Сеницкого отчаянно гудело, тошнота подступала к горлу. Но он чувствовал, как снова возвращается к жизни. Он никак не мог сообразить: что же с ним было? Путешествие под водой. Движущаяся скала... Неожиданное спасение... Все это сейчас казалось непонятным и далеким сном.

Сеницкий открыл глаза. Где он сейчас?

Незнакомая комната со сводчатым ребристым потолком. Спокойный зеленоватый свет настольной лампы отражается на блестящем полу. Сам Сеницкий лежит на диване. Сколько же времени прошло? Неужели сейчас вечер?

Он привстал и осмотрелся.

У стены стоял книжный шкаф с маленькими кни-

жечками в цветных переплетах. Над ним большие стенные часы со светящимся циферблатом. Цифры ярко горели в полутьме. Шесть часов. Но чего, утра или вечера, — этого Сеницкий определить не мог. Окна в комнате были плотно завешены тяжелыми портьерами...

Он прислушался. Где-то далеко работал мотор... Почему никто не идет? Сеницкому уже надоело лежать. Он хотел одеться, но его костюма в комнате не оказалось. На кресле были аккуратно разложены вещи из его карманов: бумажник, ключи и... магнитофон.

Неужели работает? Сеницкий протянул руку и нажал кнопку. Зашипела пленка. Послышался отдаленный лай. «Странно, — усмехнулся он. — Это не мой голос».

Лай стал слышен громче, и на этом звуковом фоне возникла английская речь.

Значит, это старая запись... Тогда, на берегу, он позабыл выключить аппарат. Голоса вдруг зазвучали неожиданно громко.

Сеницкий с тревогой оглянулся, быстро выключил магнитофон и спрятал его под одеяло. Может быть, в этой коробочке хранится загадка блуждающей мины? На всякий случай надо посоветоваться с кем следует. Пусть послушают запись... А вдруг там просто любовный разговор? Опять попадешь в глупое положение?

Сеницкий задумался, разглядывая сводчатый потолок.

— Сколько можно лежать? — решительно заявил он, вскочил с дивана и подошел к зеркалу. — Да-да, — недовольно промычал он.

«Не надо, как говорится, обладать особой наблюдательностью, чтобы признать этот костюм неподходящим для первого визита в незнакомый дом», — с умешкой подумал Сеницкий.

В зеркале отражалась довольно странная фигура, закутанная в белое покрывало. Сквозь плотную ткань выпирали острые локти и плечи. Пушистые, с задорным вихром на затылке волосы сейчас были особенно взъерошены и торчали рыжеватыми клоками над облупленным, загоревшим лбом. «Вот бы сейчас посмотрели Саида или Мариам на это чучело». Сеницкий поежился и стыдливо накрыл голову, как бы закутавшись в шаль. Он взглянул на свои босые ноги; они торчали из-под одеяла, едва прикрывавшего колени.

Он шлепал босыми ногами по холодному полу и досадовал на хозяина дома. «Наверное, его обитатели

считают меня просто духом из потустороннего мира. Мне даже не дают права доказать обратное».

Нарочито высмеивая свое нелепое положение, Синицкий храбрился, чтобы подавить тревогу. Нет ничего-хуже неизвестности.

Он снова подбежал к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и осторожно подошел к двери. Прислушался, затем легко нажал ручку.

За дверью никого не было. Узкий длинный коридор, как в гостинице. Над ним спускался сводчатый низкий потолок. По обеим сторонам — двери, массивные, с толстой, звуконепроницаемой обшивкой из белой резины. На дверях огромные ручки, надраенные до зеркального блеска.

Долго пришлось стоять Синицкому возле этих дверей. Он ждал, что кто-нибудь оттуда выйдет, но проходили минуты, пяткам было холодно, так как пол в коридоре оказался металлическим, а из дверей никто не показывался.

Синицкому надоели и ожидание и неизвестность, он потрогал зеркальную ручку и, преодолевая досадную нерешительность, открыл дверь, тяжелую, как у сейфа.

Большая камера с нависшим потолком тускло освещалась вделанными в стену плафонами. Куда-то вниз уходили широкие ступени. На них, как на полках, лежали... белые шары, словно от гигантского бильярда. Диаметр каждого из шаров Синицкому представлялся не меньше двух метров.

«Неужели это мины? — с тайным страхом и в то же время неуверенностью подумал он. — Куда же меня занесло?» Он испытывал очень странное и неприятное чувство, как будто перед ним приоткрылась чужая тайна, которую вовсе не нужно было ему знать.

Внизу все казалось черным. Голубой отблеск дрожал в темноте. Озноб пробежал по всему телу. Невольно вспомнилась фигура на берегу, с биноклем и фонариком...

Что же это светит? Может быть, другая дверь? Синицкий с опаской проскользнул мимо шаров.

Прямо перед ним — небольшое окошечко из толстого зеркального стекла. Оттуда вырывался ослепительный белый свет, как из кинобудки. Синицкий прислушался. Ровное гудение, прерываемое чистой дрожью, доносилось из-за стекла.

Широко раскрытыми глазами он наблюдал за тем, что там делается.

Нет, этого не может быть... Он еще спит, он еще не проснулся...

За стеклом он увидел мечту старого мастера Ага Керимова. Мечту будто бы о невозможном...

Освещенный огнями белый зал. Посреди что-то вроде буровой установки. Блестящие полированные трубы уходили под потолок. По прозрачной, наверно пластмассовой, трубе подавался глинистый раствор. Пол был покрыт чем-то белым, похожим на светлый пластик... Вокруг бурового станка ходили люди в белых халатах — словно это были не нефтяники, а лаборанты из химической лаборатории.

Синицкий больно ущипнул себя за руку. «Нет, черт возьми! Я еще не могу поверить. Кто это подошел к приборам? — напряженно вглядывался он в знакомое лицо. — Ну да, конечно, это сам Ага Керимов. Вон и Саида, Нури. — Он облегченно вздохнул. — Значит, здесь свои. А я-то думал!..»

Сразу все становилось на место. Исчезли страхи и неизвестность. Впрочем, не совсем так. Еще многое оставалось непонятным, и Синицкому хотелось до конца удовлетворить свою любознательность.

Не отрываясь от окошка, смотрел он на своих знакомых. Вот старый мастер подошел к мраморной доске, где вздрагивали стрелки приборов, похожих на манометры, и записал что-то в тетрадь. Он поправил галстук, торчащий из-под белого халата с острыми, хорошо отглаженными отворотами, и самодовольно улыбнулся... Саида в белом комбинезоне, почему-то похожая на парашютистку, стояла возле стола с регистрирующими приборами. На движущихся лентах послушные перья вычерчивали сложные кривые. Рядом с Саидой незнакомый Синицкому человек в темном рабочем костюме.

Синицкий нетерпеливо постучал в толстое стекло. «Они, наверно, ничего не услышат за шумом моторов, — подумал он и еще сильнее забарабанил по стеклу. — Так и есть. Но где же ход в буровую?»

Он пошарил по стене, снова заглянул в окошко и убедился, что отсюда дверей в буровую нет. Однако как же здесь производится бурение? Абсолютно непонятно. Он приподнялся на цыпочки. Может быть, отсюда идут наклонные скважины? Но зачем же тогда строить такую

огромную и сверхсовершенную буровую? Странно, даже трубы и то находятся в помещении, а не на открытой вышке. Про такие буровые в институте ничего не говорили.

Заинтересованный студент снова вышел в коридор и осмотрелся. На двери с табличкой «№ 8» он заметил маленькое окошечко-глазок. Оно светилось таинственным зеленоватым светом. Да, действительно таинственным — в этом доме Синицкому все казалось именно таким.

Ну как же тут не посмотреть в этот глазок? Может быть, через эту дверь Синицкий пройдет в буровую? Окошечко оказалось матовым. Ничего не разглядишь.

В двери торчал ключ. Синицкий, уже не раздумывая, повернул его два раза, приоткрыл тяжелую дверь и... замер на пороге.

Во всю стену светилось огромное окно. А за ним — вода. В лучах прожектора плавали рыбы, прозрачные медузы, колыхались водоросли...

— Так вот оно что! — испуганно прошептал Синицкий и даже похолодел от волнения. — Это значит... я на дне... Это значит... подводный дом...

Прямо на него, раскрыв рот, плыла какая-то мохнатая рыба. Синицкому показалось, что она загадочно улыбнулась.

Невольно захлопнув дверь, он на цыпочках прошел обратно в кабинет, лег на диван и закрылся с головой одеялом.

В светлом зале около щитов с приборами стояли чуть растерянная Саида и человек в темном рабочем костюме. Саида была одета в белый комбинезон с блестящими пуговицами. На голове голубая шапочка, из-под которой выбивались черные до синевы, непокорные волосы.

— Вовремя мы его нашли, — смущенно говорила она, стараясь не смотреть в глаза собеседнику. — Еще бы немножко — и конец... Сейчас он спит.

Перед ней стоял тот самый Васильев, человек, с которым за последние месяцы была связана вся ее творческая жизнь.

Саида не могла понять, как это все получилось... Впервые она встретила Васильева в Москве, в министерстве. Тогда она не знала, что им придется работать вместе. Молчаливый и почти никогда не улыбающийся, инженер был даже неприятен Саиде. С ним она чувствовала себя неловко и робко. Но прошли недели, кон-

структор подводной буровой увлек её своими большими делами, и потом уже казалось Саиде, что нет на земле ничего более значительного и важного, чем строить локаторы для подводной васильевской установки.

О себе конструктор ничего не говорил. Саида предполагала, что в жизни его было немало горя, но разве об этом спросишь!

С момента приезда в Баку Васильев почти не выходил из своей подводной лаборатории. Немногие из работников института могли похвастаться тем, что видели в лицо знаменитого изобретателя. Впрочем, он совсем не стремился к популярности.

Васильев узнал у Саиды, что студента осмотрел врач, во время сна проверял его пульс и не нашел ничего угрожающего здоровью молодого организма.

— Все это очень хорошо, Саида, — согласился Васильев. — Но мне не нравится, когда сюда попадают случайные люди... Надо быть осторожнее в разговорах. Не знаю, как это получается, только о нашей работе знают чуть ли не все.

— Что вы, Александр Петрович! — возразила Саида.

Но Васильев перебил ее:

— Да, представьте себе... На празднике, куда я на минутку заехал после испытаний наших цистерн, незнакомая девушка порекомендовала мне посмотреть проект Васильева и... назвала его феерией.

— С проектом могли ознакомиться многие сотрудники института.

— Я не думаю, чтобы эта девушка имела к институту прямое отношение. Она меньше всего похожа на научного работника... Кстати, — так же спокойно продолжал Васильев, — вы мне не сказали, как этот молодой человек попал на дно.

Улыбка сбежала с лица Саиды.

— В этом виновата только я, — призналась она. — Студент должен был испытывать аппараты ультразвуковой разведки...

— Обязательно под водой?

— Нет...

— Обязательно в районе наших испытаний?

— Нет... Я никак не могла подумать, что он вдруг попадет сюда. У нас с Нури не было выхода, мы его еле подтащили к шлюзовой камере. Боялись, что не откачаем.

Равнодушно, но тоном, не допускающим возражений, Васильев сказал:

— Организуйте отправку молодого человека на берег. Поторопитесь, пока шторм не разыгрался.

Саида побежала выполнять приказание.

Васильев проводил ее недовольным взглядом. Он подошел к мощным агрегатам и озабоченно наклонился над машиной.

Основная сверхбыстроходная высокочастотная машина снова перегревалась. А без нее скоростное бурение невозможно. Он знает, в чем тут дело. Нужно заново переконструировать электробур.

Инженер приложил руку к горячему кожуху. Он до того перегрелся, что на поверхности эмалевой краски выступили желтые пузырьки.

«Неужели надо прекращать испытания или работать на пониженной мощности? — спрашивал себя Васильев. — Но тогда какая же скорость будет у электробура? Время проходки скважины увеличится во много раз. Нет, это невозможно».

Он еще раз прикоснулся холодной рукой к телу машины. Так прикладываешь руку ко лбу дорогого тебе человека, с тревогой ощущая болезненный жар. Васильев смотрел на знакомые ему светлые стены, блестящие, словно хирургические инструменты, трубы, на застывших у приборов людей в белых халатах и думал: «Срочная операция необходима. Но кто это может сделать?»

Чтобы хоть немного отвлечься от безрадостных мыслей, инженер подошел к рабочим, наблюдавшим за буровой установкой.

— Ну как, Петр Потапович? — обратился он к старику Пахомову; тот следил за медленно текущим по прозрачной трубе глинистым раствором. — Привыкать начинаете?

— Да как вам сказать, Александр Петрович, — ответил мастер, медленно и вдумчиво роняя слова. — Много я годов на белом свете прожил... Всякое видал. Раньше мы что? Долбили только матушку-землю. Потом желонками нефть доставали, как бабы ведрами воду из колодца... Чудно даже вспомнить!..

— Надо помнить. Очень надо! — горячо воскликнул Керимов. — Пусть молодежь наша музей смотрит. Пусть они книжки читают про то, как их деды руками бур крутили. Пусть знают, что для них большевики сделали.

Он торопливо подбежал к щиту и повернул штурвал реостата.

Пахомов записал в тетради показания приборов и спросил:

— Теперь скажи мне, Александр Петрович. Раньше, бывало, сколько месяцев бурили... А сейчас — что ж это получается? Два дня — и готово. Вот этого я понять не могу с непривычки.

— Вин як профессор, а ничего не бачить, — откликнулся сверху Опанасенко. Он наращивал трубу. — Тут тильки сто метров — и зараз нефть.

— Ну, не всегда так, Опанасенко, — мягко возразил Васильев.

От разговора ему стало как-то теплее; он часто прибегал к подобному способу, чтобы хоть в эти немногие минуты не думать о самом главном — о неудачах и близких испытаниях.

— Знаешь, с какой скоростью мы тут бурим? — Он на мгновение замолчал. — Во много раз больше обычной. Наш высокочастотный электробур идет в породе куда быстрее. Потому так часто тебе приходится наращивать трубы. Даже не успеваешь...

— Ну як же так? — обидчиво возразил Опанасенко. — Я моторный. Все могу.

Он с удовольствием посмотрел на свои ослепительно начищенные сапоги, такие же блестящие, как стальная труба, которую он придерживал руками.

— Я никогда в этом не сомневался, Опанасенко, — подняв к нему голову, сказал Васильев. — Честное слово, товарищи, не думал я, что вы так быстро освоите новую установку. Будто бы всю жизнь работали на ней.

— Мы всю жизнь свою работали на разных буровых, Александр Петрович, — вмешался Керимов, аккуратно снимая с белого рукава микроскопический кусочек приставшей глины. — Давно было — руками скважины делали. Нефть руками качали. Потом мотор пришел. Все равно лицо, пиджак черные, как мазут. Трудно было. Теперь все будет не так. Мы теперь не простые рабочие. Нас Саида называет... — он замялся, вспоминая ее определение. — Петр Потапович, скажи дорогой.

— А чего говорить? Лаборанты мы, исследователи... Вот кто.

— Да, возможно, она и права, — закинув голову назад и смотря на спускающиеся трубы, говорил Васильев. — С каждым годом мы идем к тому, чтобы тяжелый

труд исчез. Чтобы изменилось само понятие о труде и люди добывали нефть, уголь, металл, обрабатывали его, сидя в светлых и чистых залах. Но для этого пока еще приходится трудиться далеко не в таких условиях, а исполнять подчас и черную, грязную работу.

— Этого не боимся. — Опанасенко с улыбкой поплевал на руки. — Привычны.

В цех торопливо вошла Саида. Она была растерянна и чем-то взволнована.

— Что-нибудь случилось? — спросил Васильев.

Саида смущенно оглядывалась по сторонам.

Мастера выжидательно, с тайной тревогой смотрели на нее.

Васильев спокойно проговорил:

— Ничего страшного. Опять какая-нибудь неполадка. Видите, как нелегко дается нам забота о будущем.

— Да я не о том. — Саида энергично сжала руки, затем, опомнившись, спокойно подняла их, как бы поправляя волосы. — Никаких неполадок. Понимаете, какая беда: студента нельзя отправить на берег. Поздно, подводный переход уже снят.

Васильев облегченно вздохнул и весело посмотрел на окружающих, словно приглашая их в свидетели: «Ничего не поделаешь, бывают ошибки и у моей помощницы».

Он отвел Саиду в сторону.

— Зря волновать людей не следует. Каждый знает, что над ним сейчас пятьдесят метров воды. Конструкция опытная, поэтому возможны всякие неожиданности.

Саида опустила голову.

— Простите, Александр Петрович.

— Что же делать с нашим практикантом? — сдержанно спросил Васильев. — Испытания откладывать нельзя.

— Да, конечно. Все уже подготовлено... А если оставить его здесь до конца испытаний? — Саида робко взглянула на Васильева.

— Он может не согласиться сидеть три дня под водой. Неизвестно, какой у него характер. Боюсь, что если скажете этому «водолазу», где он находится, то он сразу же закричит: «Хочу к маме!» Всякие ребята бывают...

Саида рассеянно потерла лоб.

— Знаете, Александр Петрович, он и не догадается, что наша лаборатория под водой. С тех пор еще не просыпался.

— Ну сделайте как хотите, — махнул рукой Васильев и направился к выходу.

Глава 9. ЗАПРЕТНАЯ КОМНАТА

Если бы мы осторожно приоткрыли дверь кабинета в подводном доме, то увидели бы Васильева за письменным столом.

Скоро должны начаться испытания. Инженер не отрываясь смотрел в одну точку, на никелированную кнопку у видеотелефона. Иногда он болезненно морщился, будто отгоняя от себя какую-то навязчивую мысль... Он напряженно думал. Со стороны могло казаться, что сейчас в сознании инженера идет невероятная борьба.

Из сотен вариантов одной и той же конструкции он должен был найти единственно правильное решение. Его поиски мучительны...

Инженер на минуту отвлекся от своих мыслей. Взгляд его упал на книжечку с собственными записями, небрежно брошенную возле лампы. Он покосился на закутанную в одеяло фигуру, лежащую на диване. Подойдя ближе, прислушался к ровному дыханию спящего человека и опять возвратился к столу.

На лице инженера снова появилось выражение мучительного раздумья. Работу его мысли можно было бы сравнить с упорством человека, поднимавшегося вверх. Видели вы когда-нибудь верхолаза? Человека, который в сорокаградусный мороз тащит стальной канат на верхушку мачты? Уронив рукавицу и оставляя на железе куски примерзшей кожи с ладони, он настойчиво лезет вверх.

Может быть, и здесь, в кабинете под водой, в тот самый момент, когда мы смотрим на инженера, он подбирается к невидимой вершине так же, как смелый верхолаз на мачте.

Раздался резкий гудок видеотелефона. Оборвалась только что найденная смелая мысль, как если бы из рук человека, взбирающегося на мачту, выскользнул стальной канат.

Васильев быстро вскочил и оглянулся на диван. Но он мог бы не беспокоиться: Синицкий крепко спал, так

же как и до своего путешествия по коридорам и комнатам подводного дома, — видимо, на него сильно подействовало морское купанье.

Инженер протянул руку к кнопке видеотелефона. Зажглась красная лампочка, на экране появилось изображение человека, и из репродуктора послышался глуховатый голос:

— Прости меня, что побеспокоил.

— Рад вас слушать, Али Гусейнович, — приветствовал инженер парторга.

— Ты просил конструкторов. Что переделывать хочешь?

— Тут у меня есть одно ненадежное место в электробуре. По-новому хочется сделать.

— Пожалуйста, дорогой. Я тебе замечательного конструктора дам.

— А он хорошо с этим знаком?

— Лучше его это дело никто не знает. С тобой будет работать сам Ибрагим Гасанов.

— Изобретатель глубоководных оснований?! — удивленно спросил Васильев.

— Замечательный инженер. Твое дело сейчас очень важно. Ты понимаешь, чего нам стоило выделить такого специалиста?

— Нет, нет, ни за что, Али Гусейнович, — сдерживая волнение, возразил Васильев. — Нельзя изобретателя отрывать на мою работу. Он сочтет это за обиду. Он этого не заслужил.

Васильев замолчал, с тревогой вглядываясь в изображение на экране.

— Зачем спокойствие терять, Александр Петрович? — с улыбкой говорил парторг. — Я уже беседовал с Ибрагимом. Он согласился тебе помогать. Если откажешься — обидишь его. Как ты сам думаешь?

Что можно возразить против этого довода? Особенно если его приводит Рустамов, человек, которого Васильев по-настоящему уважал и ценил как опытного инженера и прекрасного организатора. Удивительно просто он умеет подойти к каждому из сотрудников института. Совсем недавно Васильев познакомился с ним, а кажется, что знает он Рустамова много лет, что будто бы работал вместе с ним еще на Кировском заводе, в одной парторганизации, и так же спрашивал его совета и помощи, как несколько дней тому назад, когда Васильеву нужны были мастера.

Он взглянул на экран. Рустамов смотрел оттуда с ясной, всепонимающей улыбкой.

— Так вот, Александр Петрович, — снова послышался голос из репродуктора, — жди Гасанова послезавтра. Извини, дорогой, за беспокойство...

В репродукторе что-то щелкнуло, погас красный огонек сигнальной лампочки, изображение растаяло.

Васильев тяжело поднялся с кресла, прошелся по комнате и остановился у карты Каспийского моря.

В дверь постучали.

— Войдите.

Держа на вытянутых руках костюм Сеницкого, Нури смущенно спросил:

— Оставить здесь, Александр Петрович?

— Да, да. Он пока еще спит, — ответил Васильев и вслед за Нури вышел из кабинета.

Проснувшись, Сеницкий с радостным удивлением увидел свой тщательно выутюженный костюм, быстро вскочил и начал одеваться. Кто это о нем позаботился? Даже шляпу и ту выгладили.

Мучила Сеницкого одна беспокойная мысль: сказать, что он ходил по коридору и даже заглядывал в комнаты, или лучше умолчать об этом? Скрывать нельзя, но и говорить тоже как-то неудобно. Могут обвинить его в неуместном и даже непопуганном в данном случае любопытстве. Разве докажешь, что все это произошло случайно?

Саида подошла к двери кабинета и вежливо постучала.

— Сеницкий! Проснулись?

Вместо ответа запахнулась дверь. На пороге стоял Сеницкий и, улыбаясь, тщательно расправлял галстук.

— Простите меня, пожалуйста. Я был таким неосторожным, — опустив глаза, виновато признался он. — Скажите — аппарат спасли?

Саида кивнула головой.

— А что со мной было? Кто меня вытащил из воды? — продолжал Сеницкий. — Ничегошеньки не помню. Будто меня кто по башке стукнул. Кстати, я все-таки вспоминаю, что на экране прибора видел, как луч указывал на присутствие нефтяных месторождений. Вы сами-то это проверили или не успели?

— Я вас очень прошу, — нетерпеливо перебила его Саида, — оставьте вопросы до другого раза. Откровен-

но говоря, нам не до этого. Вы попали в нашу лабораторию случайно, да и то по моей вине.

— Мне очень неприятно, Саида. Я доставил вам столько хлопот, поэтому постараюсь не надоедать, — с убитым видом проговорил Синицкий, направляясь вдоль по коридору.

Саида была вынуждена пойти за ним. «Как он уверенно шагает, — с досадой подумала она. — Прямо как у себя в гостинице».

— Что же мне с вами делать, Синицкий? — Саида попыталась улыбнуться. — Сейчас шторм, поэтому в город вам никак не попасть. И главное, такая погода может продлиться довольно долго.

— А именно?

— Два-три дня.

— Сильные штормы у вас здесь на море, — равнодушно заметил Синицкий, скользя взглядом по ребристому потолку коридора. — Ну ничего, аппарат вы нашли, я им и займусь. Все-таки еще следует повозиться с усилителем. У меня одна идея в голове шевелится.

— Вот и прекрасно, — согласилась Саида. — Пусть шевелится, и до нее доберемся, но вас не только аппараты могут интересовать. Осмотрите нашу новую буровую, силовые установки. Но... — Саида многозначительно подняла палец, — вам категорически запрещено входить в комнату номер восемь. Таково приказание.

Она развела руками: ничего, мол, не попишешь, я тут ни при чем.

— После вашего предупреждения я бы никогда не посмел нарушить этот запрет. — Синицкий рассматривал свои ногти, не желая встречаться взглядом со строгим начальником. — Мне почему-то вспомнилась сказка о Синей бороде. Можно ходить во все комнаты, кроме одной. Насколько я понимаю, здесь запрещено интересоваться дверью, в которой вы только что повернули ключ.

— Вы наблюдательны.

— Говорят, что это очень полезное качество.

— Не всегда. — Саида вздохнула. — Одни неприятности с вами, Синицкий.

Она вытащила из двери ключ и сурово посмотрела на студента.

— Только один вопрос... можно? — робко спросил он.

— Ну, еще что? — недовольно буркнула Саида.

Синицкий помедлил в нерешительности,

— На какой глубине мы находимся? — спросил он, глядя на нее невинными голубыми глазами.

От неожиданности Саида выронила ключ.

Убедившись, что Сеницкому многое стало известным и, главное, что он совсем иначе воспринимает свое положение, чем предполагал Александр Петрович, Саида решила познакомить студента с подводной установкой и в этих условиях испытать вместе с изобретателем усовершенствованную им схему прибора. Ультразвуковые аппараты для нефтеразведки здесь были необходимы.

Она вошла в комнату № 8 и, усаживаясь на диван перед круглым зеркальным окном, предложила Сеницкому место рядом. Тот молча сел, не отводя глаз от зеленоватой воды, освещенной мощным прожектором.

— Так, значит, вы считаете, что вместо вышек лучше строить вот такие подводные дома? — спросил Сеницкий, не отрываясь от окна.

— Подводные дома? — переспросила Саида. — Это вы хорошо назвали. Подводный дом... подводный дом, — повторяла она, как бы вдумываясь в сочетание этих слов. — Да, для Васильева здесь дом. Он живет под водой... Именно живет, потому что здесь для него заключено все: большой, радостный труд, счастье, надежды, люди... богатства родной страны! Он удивительный человек, редкий, таких я еще никогда не видала. Когда-нибудь вам посчастливится узнать его ближе.

Она встала, подошла к стеклу, провела ладонью по его поверхности и снова восторженно заговорила...

— Вот вы, юноша, только жить начинаете...

Сеницкий поморщился: «Буквально она меня за ребенка считает или просто кокетничает, что она давно взрослая и к тому же еще инженер?»

— Во все глаза смотрите на Васильева! — продолжала Саида. — Учитесь, впитывайте всем своим сознанием его слова, советы. Его преданность науке и любимому делу просто поражает нас всех, кто с ним работает. Я часто бываю наверху. Сравнительно часто, — поправились она, вспомнив об Ибрагиме. — А вот Александра Петровича отсюда просто не вытащишь. Он ни на минуту не может расстаться со своим домом.

Все эти восторженные слова Саиды по-своему воспринимались Сеницким. Где-то в глубине души было обидно за Гасанова. Кому-кому, а Саиде должны быть

близки и понятны работы мужа, тем более что все считают его талантливым конструктором, его подводные основания открывают новые пути в нефтяном деле. Нельзя же совсем необъективно, прямо по-детски, так увлекаться и конструкторской деятельностью Васильева, и его личностью. «Что-то здесь есть неправильное, — подумал озадаченный юноша. — Впрочем, кто этих женщин разберет — где они правы, а где виноваты? Не мне разгадывать тайны женской психологии. Над этим, как говорят, ломали головы великие умы человечества, и я тут ни при чем».

Однако прежде всего должна восторжествовать объективность в оценке изобретения Васильева, и Синицкий попытался ее найти.

— Я не хочу сравнивать методы добычи нефти, предложенные Гасановым и Васильевым, — как можно убедительнее начал доказывать он. — Но с точки зрения романтики всего этого дела я не вижу принципиальной разницы. Гасанов находится на воде, а Васильев под водой... Нельзя не вспомнить капитана Немо, в детстве мы увлекались им, но тот путешествовал в морских глубинах. Он видел все новое и новое... Ему... — Синицкий не закончил фразы.

Дом вдруг задрожал и покачнулся. Около самого окна взметнулись вверх блестящие пузыри, как елочные бусы.

Саида посмотрела на часы.

— Молодцы! Точно!

Синицкий позабыл обо всем, когда увидел, что груда камней, лежащая перед окном, неожиданно сдвинулась с места и поползла куда-то вниз, под дом. Зашевелились водоросли и медленно проплыли в стороны, как бы освобождая ему дорогу. Рыбы, будто стая птиц, взметнулись вверх и исчезли.

Да, не было никакого сомнения — дом двигался. Он медленно полз по каменистому грунту, и слышно было, как стучали гусеницы. Так, по крайней мере, казалось Синицкому, который однажды на учебном полигоне совершил путешествие в танке. Чтобы разрешить сомнения, он спросил:

— Гусеницы?

Саида утвердительно кивнула головой. «А парень-то как будто ничего, — подумала она, — не из робких».

Синицкий встал и быстро подошел к окну. В нем проснулось техническое любопытство.

Гусеницы находились сбоку гигантского танка. Их пластины были сделаны из блестящего, видимо нержавеющей, металла. Они шлепали по твердому грунту, как беспрерывно падающие неразбивающиеся зеркала. Яркие дрожащие блики металась под водой, словно солнечные зайчики.

Впереди темнели остроконечные скалы, похожие на кипарисы. Они раскачивались, будто от порывов ветра. Это подводные течения играли растущими на склонах водорослями.

Путешествующий по дну Каспийского моря дом-танк свернул в сторону. Ярко вспыхнул прожектор и сразу померк. Резкий толчок остановки.

Саида выбежала из комнаты. Синицкий остался один. Его охватило противное чувство неуверенности. «Может быть, сейчас лучше оказаться наверху? Там спокойнее. А здесь тысячи тонн морской воды давят на крышу этого ползающего дома... Что же все-таки случилось?» — думал он, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть за круглым окном.

Слегка флуоресцировало песчаное дно. Может быть, это лунный свет проходит сквозь толщу воды и отражается на песке?

Хлопнула дверь. В комнату ворвался желтый свет из коридора. Синицкий обернулся. На пороге стоял Васильев. Синицкий сразу узнал его, хотя видел один раз и то через стекло буровой.

— Ну как, сумерничаете, молодой человек? — сказал Васильев, протягивая ему руку. — Познакомимся... Не перепугались? Скажите откровенно.

Синицкий не мог ничего ответить, он только робко пожал холодную ладонь инженера. По-новому, с восхищением, смотрел на него студент и молчал, словно язык прилип к гортани.

Вошла Саида и повернула выключатель у двери.

— Все в порядке, Александр Петрович. Можно испытывать ультразвуковые локаторы.

— Для этого я и приказал выключить прожектора, — сказал Васильев и, будто о чем-то вспоминая, рассеянно провел рукой по лбу.

Саида открыла дверь в соседнюю камеру. Там блестящие металлические ступени винтовой лестницы. Вслед за Саидой пошел Васильев. Уже на лестнице он оглянулся и, заметив унылое лицо Синицкого, поманил его за собой.

Помещение, в которое они вошли, находилось как раз над комнатой № 8. Здесь был иллюминатор с таким же толстым стеклом, как и внизу, но значительно меньшего диаметра. Прямо перед ним светился контрольными лампочками пульт, за которым сидели два техника в кожаных костюмах. На пульте пестрели разноцветные кнопки.

При входе Васильева техника поднялись со своих мест и вытянулись в ожидании приказа.

— Локаторы в порядке? — спросил он.

— Так точно, — отрывисто произнес высокий худощавый юноша, видимо штурман подводного корабля.

— Включить! — приказал инженер.

Под иллюминатором раздвинулись металлические шторы, и перед глазами Сеницкого открылся стеклянный экран.

Штурман повернул рукоятку с желтой стрелкой. На экране заметалась яркая точка и пропала.

— Александр Петрович, разрешите идти без прожекторов? — спросила Саида.

— Надеетесь на аппараты?

— Да.

— Тогда передаю управление вам.

— На всякий случай я предупрежу мотористов и Нури. У меня с ними уговор есть, — сказала Саида и побежала вниз по лестнице.

Потушили свет. В рубке стало темно, только светились контрольные лампочки на приборных досках. На экране появилась шероховатая зеленая линия.

— Так... Перед нами линия подводного горизонта, — тихо, как будто про себя, говорил Васильев, внимательно изучая светящуюся полосу. — Налево скалы... Видно отчетливо... Затухание ультразвука слабое.

«Все это понятно, — думал Сеницкий, — здесь тоже ультразвук, как и в наших аппаратах. Под водой очень короткие волны не проходят. Значит, в данном случае радиолокация не годится».

— Простите, вопрос можно? — смущенно обратился он к Васильеву.

— Конечно. — Инженер обернулся и удивленно посмотрел на белеющее в темноте лицо Сеницкого.

— Для хорошего приема отраженного луча требуется значительное усиление или не очень? — спросил Сеницкий. — Я это к тому говорю, что не подойдет ли сюда одна... схема... новая...

Он робел и путался, ему не хотелось признаваться, что эту схему придумал он сам, и в то же время надо показать инженеру, что это не праздный вопрос, что студент работал в области ультразвука и желал бы применить свое будто бы удачное предложение в новой области, а не только в нефтеразведке. «Скорее бы приходила Саида, — думал он, чувствуя выжидательное и удивленное молчание Васильева. — Она бы выручила». Но сам Васильев пришел на помощь.

— Мне уже все успела рассказать Саида. Она говорила о вашем предложении и оценивала его очень высоко... Скромность полезна каждому изобретателю, но не чрезмерная, иначе смелые и нужные мысли останутся у него только в голове... Посоветуйтесь с Саидой. Усиление в локаторе нужно большое. Кстати, а вам приходилось встречаться с подобными локаторами? — помолчав, спросил Васильев.

— Немного, — уклончиво ответил Сеницкий.

Он вспомнил, как однажды сделал модель эхолота для измерения глубины моря и решил испытать его в реке. Шел дождь. Аппарат не работал... Об этой затее у него остались самые скверные воспоминания.

Васильев снова повернулся к экрану.

«Значит, так... — размышлял Сеницкий. — Запомним на будущее. Усиление потребуется для увеличения дальности. Ультразвук отражается от скал и больших камней так же, как радиолуч в обычном локаторе от айсбергов или кораблей. Если увеличить усиление, то можно уменьшить мощность генератора. Интересно получается...»

Вошла Саида и молча указала технику на щит управления.

Он включил моторы. Снова задрожал подводный дом. На столике в углу закачалась вода в графине. Она светилась зеленоватым отблеском. На прямоугольном экране, как в маленьком окошке, был виден зеленый луг, освещенный закатным солнцем, — так представлялось Сеницкому. И вдруг на этом лугу появились силуэты подводных камней, они медленно проплывали в сторону. Выше этого светлого окошка чернело другое окно, с толстым стеклом, отделявшим людей от подводного мира. Началось путешествие по дну моря в темноте.

Васильев наклонился над приборной доской, проверяя курс.

— Так держать!

Синицкому разрешили осмотреть подводный дом. Он не мог себе представить всей грандиозности этого сооружения.

Как и подводная лодка, дом состоял из отсеков, отделенных друг от друга водонепроницаемыми перегородками.

Толстые стенки, изготовленные из лучших сортов специальной стали, а также куполообразная форма позволяли этому своеобразному танку выдерживать давление воды в сотни тысяч тонн. Подводная лодка обычно рассчитана на меньшее давление. Большая кубатура воздуха придавала ему плавучесть и, главное, облегчала нагрузку на гусеницы.

Для погружения открываются кингстоны, и вода заполняет специальные камеры. Для подъема танка на поверхность моря вода из этих камер вытесняется сжатым воздухом, находящимся в баллонах под давлением в сотни атмосфер. Чтобы снова заполнить баллоны сжатым воздухом, включают компрессор высокого давления. Но это делается только на поверхности воды, когда компрессор может всасывать наружный воздух.

Показали студенту и аккумуляторное отделение. Оно находилось в нижней части подводного танка. Узкие проходы между рядами гигантских металлических коробок, освещенные матовыми лампами, напоминали таинственный лабиринт.

Дизели в машинном отделении приводили в движение динамо, заряжающие аккумуляторы.

Абсолютная автоматизация всего управления и надежность механизмов позволили Васильеву обойтись очень небольшим экипажем.

Подводный дом оказался «многоэтажным» и «многоквартирным», если считать все его отсеки. Синицкому пришлось потратить немало времени, чтобы познакомиться с этим необыкновенным сооружением.

Нури почти уже смирился с присутствием любопытного москвича в подводном доме. «Пожалуй, он неплохо себя ведет для первого раза», — заключил помощник Саиды, после того как показал ему все сооружение.

По приказанию Васильева он привел студента обратно в камеру с иллюминатором.

Синицкий устало сел на диван и только тут перевел дыхание. Он не мог отдать себе отчета, почему так устал — то ли от ходьбы по лесенкам и коридорам, то

ли просто от впечатлений. Ему вдруг захотелось вернуться к своему дневнику. Но трогать магнитофон, пока не расшифрован английский разговор, просто нельзя. Мало ли что...

В наше время приходится быть бдительным, об этом каждый должен помнить.

«Правда, насчет белых шаров я ошибся. Какие же это мины, если они оказались в подводном доме Васильева? — чувствуя некоторую неловкость, размышлял Синицкий. — А я приставал ко всем, допытывался... Ясно, что эти шары нужны для опытов. Их почему-то не показали, хотя Нури водил меня всюду. Подводный дом! Кто бы мог подумать, что он существует! Сколько еще чудес делается в наших институтах! Захватывает дыхание... — думал Синицкий. — И какое счастье, что я могу присутствовать на испытаниях одного из этих необыкновенных изобретений!»

Он прислушался. Шлепали гусеницы по каменистому дну.

Глава 10. ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ

очь опустилась над морем, такая же глубокая и темная, как под водой, где сейчас путешествует танк инженера Васильева. Не видно огней на горизонте. Их закрывают высокие, как горы, волны. В воздухе соленые брызги и сплошная водяная пыль...

Опытная вышка Гасанова дальше всех ушла в море. Она одинока. В такую погоду даже солидные и надежные, выдавшие виды теплоходы предпочитали отстать в портах.

После того как Мариам сообщила Гасанову дополнительные расчеты прочности нового стометрового основания, он решил все проверить сам. Взял у нее тетрадь с записями, вытащил из кармана счетную линейку и начал проверять числовые значения, показавшиеся ему недостаточно точными.

Мариам ждала на скамейке и прислушивалась к ударам волн в тонкую стенку дощатого домика. Лампочка все сильнее и сильнее раскачивалась под потолком, дрожали стекла в маленьком оконце. Сквозь щели в раме сочилась вода и тонкой струйкой стекала на стол, на тетрадь с записями.

Гасанов этого не замечал. Он часто откидывал непослушные волосы с мокрого лба, задумывался на мгновение, и вновь в его нетерпеливых пальцах скользил движок линейки... Каждый жест, каждая фраза инженера, сосредоточенное и в то же время недовольное выражение его лица, когда он оценивает чертежи своей новой конструкции, глубокие складки между бровями, сжатые тонкие губы — все это было очень хорошо знакомо Мариам.

В институте многие считали, что с Гасановым работать трудно. Его строгая требовательность подчас расценивалась как придирчивость. Заметив небрежность или ошибку в чертеже, он вдруг краснел от гнева и при всех резко отчитывал провинившегося.

Вспомнила Мариам день, когда еще пятилетней девочкой она встретила Ибрагима у себя во дворе. Этот горячий и вспыльчивый мальчуган подчинил своей воле всех соседских ребят. Они ходили за Ибрагимом по пятам, так как только он мог выдумывать самые необыкновенные затеи.

Потом учеба в институте, работа в комсомоле, увлечение изобретательством, большая конструкторская и организаторская работа — обычное начало биографии передового советского инженера.

Мариам помнила первую встречу Гасанова с ее старшей подругой Саидой, когда они вместе работали в общей исследовательской группе. Многого сейчас не могла понять Мариам. «Что случилось с Саидой?» — искренне, с болью в сердце за своих друзей спрашивала она себя и не находила ответа. Неужели Саида настолько увлечена работами Васильева, что больше ничего не видит? Мариам казалось, что такое чрезмерное увлечение вызывает у Ибрагима недовольство, вполне естественное в его положении. Он ждет от нее усовершенствованных приборов, которые очень нужны. Саида ему совсем не помогает. Правда, вся автоматика на опытной вышке Гасанова была поставлена Саидой. Но это она сделала еще до своей командировки. Мариам помнила, как дружно тогда они работали. «Нет, так нельзя, — дума-

ла она. — Сейчас, как никогда, Саида должна поддерживать Ибрагима. Неужели она этого не чувствует?»

Холодом и влагой пахнуло от двери. В комнату заглянул Григорян.

— Такого шторма я еще не видел. Надо лодки готовить, пояса надевать.

Он прихлопнул дверь и скрылся в темноте. Мариам встревожилась: «Как-то будут вести себя ребята?»

Сильный порыв ветра распахнул дверь и ударил о дощатую стенку. Мариам бросилась к двери, но закрыть ее не могла. Вырываясь из рук, дверь, как живая, в отчаянии билась о стену. Через порог перекатилась волна...

Гасанов бросил чертеж, подскочил к Мариам и, когда справился с дверью, выбежал на мостик.

Григорян и моторист проверяли крепления лодок. Стальные трубы вздрагивали при каждом ударе волны.

Всем были розданы спасательные круги.

— Ребята очень боятся? — с тревогой спросил Гасанов, всматриваясь в лицо Григоряна.

В слабом свете фонаря блестели капли, ползущие по его щекам и подбородку. Мастер медлил с ответом, затем вытер лицо платком и с наигранной веселостью воскликнул:

— Чтобы такие ребята пугались?! Как можно?! — И тут же похвалил свои «молодые кадры»: — Понимаешь, они уже хорошо работают. Записи аккуратные. Сам смотрел.

Электрический фонарь, подвешенный у вышки, казался молочно-белым, призрачным шаром; он освещал мокрые доски, перевернутые лодки и закрытые брезентовыми чехлами опытные установки.

Григорян и моторист спрятались от ветра под вышку; внизу она была защищена от непогоды.

Ребята забрались повыше на стальной переплет и оттуда с любопытством всматривались в темноту. Они ничего не видели, кроме растрепанных волн, блестящих в свете фонаря, и крупных, тяжелых брызг, падавших на звенящий настил, точно стеклянные орехи. Все остальное скрывала темнота.

Резкий толчок потряс всю конструкцию подводной башни... Вышка покачнулась и склонилась к воде.

Гасанов выскочил из двери и, не дыша, в каком-то странном оцепенении остановился на мостике. Невидя-

щими глазами он смотрел на вышку, которая, как на кинокадре, остановилась в момент падения.

Втянув голову в плечи, словно ожидая удара, Ибрагим прислушался... Сейчас, сейчас будет конец. Возметнется вверх дощатый настил, повиснет над водой и скроется в бушующих волнах...

Гасанов вздрогнул, как от болезненного толчка, и широко раскрыл глаза. Сильно наклонившись, вышка застыла в своем падении.

Раскачивался призрачный шар фонаря, метались по мокрым доскам черные тени.

Ветер стихал. Над морем взошла луна, мерцали звезды, и усталые волны уже еле-еле поднимались на дощатый островок.

Мариам стояла в тени за вышкой, стараясь не выдавать своего присутствия. Она ничем не могла помочь Гасанову. Говорят, что в такие минуты человеку нужно хоть немного побыть одному. «Может быть, сообщить Саиде? — подумала Мариам и хотела сразу же броситься к радиотелефону. — Нет, напрасно. Где искать ее? В каких далеких глубинах? Рустамов?.. Вот кто нужен здесь, — решила Мариам. — Сейчас же, сию минуту!»

Она побежала к радиостанции. Дрожащей рукой повернула переключатель. Вспыхнули лампочки, освещающие шкалу.

Парторга дома не оказалось. Он только что выехал. Куда? Неизвестно.

Мариам как-то сразу поникла и снова вышла на мостик.

Скользя по мокрым доскам, к мостику спешил Григорян. Участливо заглядывая Гасанову в лицо, он его успокаивал:

— Все благополучно, Ибрагим Аббасович. Одна стойка поломалась. Какой шторм выдержала! А как ветер стихать стал, вдруг лопнула.

— Что с ребятами? — прежде всего спросил Гасанов.

Мариам затаила дыхание.

— Орлы! — с нескрываемой гордостью ответил Григорян. — Сейчас механизмы крепят, чтоб в воду не скатились.

Мариам смотрела на приподнявшийся конец площадки, на вершину наклонившейся сорокаметровой кон-

струкции, где раскачивался от ветра фонарь, и ей стало искренне жаль Гасанова. Она глубоко верила в его талант, в его возможности. «Но что же случилось? Где ошибка?» — спрашивала себя Мариам и бессознательно сжимала мокрые холодные поручни. Вглядываясь в темные фигуры, она прислушивалась. Гасанов молчал. «Что-то будет теперь с его новыми работами? — думала она. — Неужели никогда ему не удастся построить стометровую конструкцию? Нет, этому поверить нельзя».

Ветер почти совсем стих. Волны начали отступать. Осада кончилась, враги уходили.

Как всегда под утро, еще ярче заблестели звезды. Мариам распахнула плащ и жадно вдыхала свежий ветер. Он был сухим, насыщенным запахом виноградников и цветов. И, может быть, впервые за все эти тревожные дни Мариам подумала о том, что глубоко пряталось в тайниках ее сердца, о том, что она скрывала даже от себя... Нет, это были не чертежи и, к стыду ее, не горести Гасанова, не заботы о друзьях... Нет. Вновь она представила себе шумный праздник на крыше института, тихий, спокойный голос... Всего лишь несколько обыкновенных фраз...

Она думала о том, что все эти слова и каждое из них она помнит, будто заученные, отчетливо и точно. Это непонятно, страшно... Почему слова? Тщетно Мариам пыталась восстановить облик человека, который говорил их, — он сразу исчезал, как отражение на встревоженной воде.

Глава 11. «ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧАСА СОРОК МИНУТ»

авно не заходил Агаев в свой кабинет.

Несмотря на то что он был директором научно-исследовательского института, где занимаются только новыми проблемами, связанными с разведкой нефти, его можно было встретить всюду: на промыслах, и на мо-

ре, и в различных организациях, так или иначе связанных с его институтом.

Директор хорошо знал людей и все то, что они делали. Нередко многие из его друзей удивлялись: как только он успевает обо всем узнать, поговорить с инженерами и рабочими и, главное, всегда безошибочно сделать именно так, как нужно.

Но сегодня Агаев чувствовал себя не совсем уверенно, будто не на своем месте.

Он бросил портфель на стол и грузно опустился в кресло. Торопливо закурил свою зеленую трубку и, часто затягиваясь, заставил себя терпеливо ждать и думать только об одном. Директор ждал людей, которых ценил в институте больше всех: Гасанова и Васильева... Правда, Васильев был прикомандирован к институту, но все равно директор считал этого инженера своим, а дело его общим.

«Странный он человек, какой-то неулыбчивый, — думал Агаев, поглядывая на часы. — С ним и разговаривать неловко. Нелюдимый. Сидит, как отшельник, в своем подводном доме, и больше его ничто не касается. Отказался даже сделать для сотрудников института доклад о своем изобретении. Сослался на занятость. Будто бы уж нельзя уделить для такого важного дела каких-нибудь два часа. Непонятно, что это: особая скромность или просто пренебрежение к товарищам? Во всяком случае, трудно разобраться в характере этого приезжего инженера... Надо сегодня попробовать вызвать его на откровенный разговор. Любопытно, как он воспримет идею Рустамова о совместной работе с Гасановым?.. Но что делать с Ибрагимом? В душу не залезешь. Видно, ему дорого обошлась авария на вышке».

В кабинет просунулась голова секретарши и тут же исчезла за дверью.

Вошел Гасанов; лицо его, несмотря на темный загар, было бледно.

Директор указал инженеру на кресло. Тот молча сел и, широко расставив колени, стал рассматривать рисунок ковра.

— Что-то Васильев запаздывает, — сказал Агаев, не выпуская изо рта трубки.

Гасанов, не поднимая глаз, спросил:

— Значит, с сегодняшнего дня вы направляете меня к нему на работу как... — Он помолчал, подыскивая

слово, затем махнул рукой. — В общем, чего говорить, как чертежника?

— Нет, — с подчеркнутым спокойствием ответил Агаев. — Мы решили, что для этой работы нужен по-настоящему талантливый конструктор, каким мы и считаем инженера Гасанова.

Ибрагим нервно повел плечами.

Агаев разбирал бумаги, что-то записывал в блокнот и незаметно наблюдал за Гасановым.

— Джафар Алекперович! — вдруг обратился к нему Гасанов. Он как будто спокойно смотрел на директора, но нельзя было не заметить, как у него от волнения дергались брови. — Я не верю, что подводное основание... не выдержало шторма. Понимаете?.. Не верю.

— Я тоже, — сказал Агаев, не поднимая головы от бумаг. — Но, видимо, чего-то мы не учли...

— Саида могла бы своим локатором посмотреть место поломки, но она еще не возвращалась.

— Ничего, я уже послал водолазов. Они все обследуют.

Рустамов быстро вошел в кабинет.

— Салам, Джафар! Сейчас только от Васильева. С самого утра сидел у него. Поздравь жену, Ибрагим, — с теплой улыбкой обратился к нему парторг. — У Саиды прекрасно работали аппараты. При первых испытаниях это редко бывает.

Он увидел расстроенное лицо Гасанова и сразу замолк.

— Прости, Али, — стискивая зубами мундштук, начал директор. — Ты ночью ездил по промыслам, и я не мог сообщить тебе... Во время шторма сломалось основание вышки...

Рустамов бросил взгляд на Гасанова и, скрывая охватившую его тревогу, проговорил:

— Может, мы вовремя приостановили работу над новой конструкцией? Еще раз нужно просмотреть чертежи, что-то здесь не так. — Он прошелся по комнате, затем подошел к Гасанову и положил руку на его плечо. — Пожалуй, даже хорошо, что не начали строить новую вышку...

Гасанов молчал.

Директор вынул трубку изо рта и с нетерпением ждал, что он скажет.

— Понятно, — нарушив затянувшееся молчание, про-

говорил Рустамов, — я думаю, что сейчас придется вос-
становить пятидесятиметровое основание и...

— Подождать шторма? — иронически подсказал Га-
санов.

— Видимо, так.

Снова повисла тишина.

Рустамов рассеянно ходил по кабинету, иногда по-
глядывая на Гасанова.

— Разрешите, Джафар Алекперович? — У двери
стоял Нури.

— Заходи, заходи, пожалуйста, — приветствовал его
директор. — А что, самый главный подводный житель
задержался?

— Не может. Александр Петрович придет позже, —
извиняющимся тоном сказал Нури.

Подойдя к Нури, Рустамов удивленно пожал пле-
чами:

— Ничего не понимаю. Я же был у него. Но не
в этом дело... Его давно ждет Ибрагим Аббасович,
чтобы начать работу. Где сейчас Александр Пет-
рович?

— У себя внизу, дома. Александр Петрович, конеч-
но, здоров, — добавил Нури, увидя хмурое лицо Руста-
мова. — Но вы же его знаете. Да? Он никогда не вый-
дет на берег, пока не исправит неполадки. Сейчас у нас
авария с электробуром... Разве он может уйти? Ни за
что в жизни! Да? Говорит: «Передай извинения, что
задержался. Очень большие извинения». Да?

Его прервал Рустамов.

— Оттого что будешь говорить «халва, халва», во-
рту сладко не будет. — И, обращаясь к Гасанову, до-
бавил: — Вот видишь, Васильев один не справляется.
Мы просили твоей помощи: наверно, придется заново
переконструировать буровую установку...

— И как можно скорее, — поддержал Агаев. —
А потом... тебя ждут новые работы. Нам утвердили
очень большой план. Людей не хватает.

Гасанов хмуро взглянул на директора. Парторг пе-
рехватил этот взгляд.

— Я думаю, ты, Ибрагим, договоришься с Василье-
вым. Конечно, не все гладко пойдет. Будет о чем поспо-
рить. Как это у нас говорили старики: «Не поспо-
ришь — не подружишься». А главное — у вас общие ин-
тересы. Как можно не понимать друг друга? — Он про-
шелся по кабинету и остановился перед Гасановым: —

Когда ты собираешься посмотреть его установку? Видишь, помогать надо.

Постукивая бронзовым ножом по мраморной доске чернильного прибора, Гасанов, словно его ничего не касалось, прислушивался к легкому, мелодичному звону.

— Чтобы не задерживать товарища Гасанова, Александр Петрович просил передать... — как бы только сейчас вспомнив о самом важном, вдруг заговорил Нури, — просил передать... Да? Что у него есть чертежи вполне подходящей буровой установки. В конструкторском бюро нашел. Поэтому... — Он замялся, неловко взмахнул рукой и уже как бы от себя добавил: — Поэтому он считает, что может обойтись без помощи Ибрагима Аббасовича. Да? Говорит, что Ибрагиму Аббасовичу еще много работы над собственными проектами...

— Трогательное великодушие, — сдержанно улыбнулся Гасанов. — Передайте ему мою благодарность и уверения... — Он не закончил фразу, приподнялся и уронил нож на мрамор.

Рустамов вздрогнул и поморщился, как от фальшивой ноты.

Нури тихонько вышел из кабинета. Он почувствовал, что его присутствие становится лишним.

В другом крыле здания находилось конструкторское бюро.

Мариам бесцельно смотрела на белый переплет окна, на колыхавшиеся от ветра полупрозрачные занавеси, на чертежные столы. Солнечные лучи вычерчивали на бумаге свою немудрую геометрию. Все это было так привычно и знакомо.

Над головой скрипнула рама. Мариам подошла к столу, взглянула на тонкие уверенные линии. Это ее последний чертеж — гасановская вышка. Таким должно быть стометровое основание. Мариам вздохнула и закрыла чертеж чистым листом ватмана.

Быстро вошел Нури.

— Товарищ Керимова, — сказал он с подчеркнутой официальностью. — Это вы делали чертежи электробура?

— Я, — рассеянно ответила Мариам.

— Что-то вы там натворили. Да? Идите на расправу к Александру Петровичу.

— Какому Александру Петровичу? — удивилась Мариам.

— Какому? — протянул Нури. — Васильева не знаете? Не ожидал.

Мариам небрежно передернула плечом.

— Что ж тут особенного? Я многих не знаю. Где его искать?

— В домике на острове. Только сию минуту. Да? Лодка у причала...

Проходя мимо зеркала, Мариам невольно остановилась, поправила косы, но, как бы спохватившись, сразу помрачнела и быстрым движением откинула их назад.

У выхода столкнулась с Гасановым.

— Скорее, Мариам, чертежи! — задыхаясь, как от быстрого бега, проговорил он.

Вслед за ним возвратился недовольный Нури.

— Ибрагим Аббасович! Если можно, не задерживайте Мариам. Ее срочно ждет Васильев.

Гасанов молча подошел к чертежной доске и торопливо, поддевая ногтями тугие кнопки, начал откалывать чертеж...

Мариам растерянно посмотрела на него и нерешительно вышла из комнаты. Ей было неловко и стыдно, будто она оставляла друга в беде. «Нет, неправда. Что я могла сказать? — думала она. — Разве нужны Ибрагиму слова утешения? Надо сегодня же поговорить с Саидой, чтобы она как-то его успокоила. Но где ее теперь искать?»

Садясь на скамейку маленького катерка, Мариам была занята этими мыслями и потом всю дорогу, несмотря на веселость Нури, который рассказывал ей что-то смешное, не могла ни о чем думать, кроме вчерашней аварии.

Вот уже близок островок. Мариам здесь никогда не была.

С непонятым волнением она открыла дверь в лабораторию Васильева.

Прежде всего ей бросился в глаза большой макет установки с белыми шарами.

Рядом за письменным столом, низко склонившись над бумагами, сидел человек. Быстро откидывая листки блокнота, он писал.

Остановившись у входа, Мариам сказала:

— Меня вызывал товарищ Васильев.

Человек за столом поднял голову:

— Я — Васильев.

— Вы? — невольно вырвалось у Мариам. Она мгновенно вспыхнула, смутилась.

Промелькнули, как в кино, картины веселого праздника в институте, вновь зазвучали слова, которые она почему-то помнит, как стихи. Помнит она и свои ужасно глупые замечания. Она тогда смеялась над проектом Васильева... Как же она называла его идею? Феерия?

Трудно было, но Мариам все-таки овладела собой.

— Мне сказали, что дело касается чертежей электротруба.

— Значит, это ваша работа? — спокойно и равнодушно спросил инженер, указывая на чертеж.

— Моя.

— Садитесь. Нет, вот сюда... Прежде всего — зачем здесь такой запас прочности?

— Я думаю, это даст возможность увеличить скорость вращения, — уже в тон ему, так же равнодушно, ответила Мариам. — Все изложено в моей докладной записке.

— Здесь? — Васильев показал на листки бумаги.

Мариам узнала выписки из своих расчетов.

— Да.

— А вы понимаете, что это значит? — строго спросил Васильев.

— Не догадываюсь, о чем вы говорите, — сдержанно заметила Мариам. — Если этот вариант вам не подходит, я могу переделать.

— Обязательно. Но... Как вы думаете, если еще несколько усилить основание и заменить вот эти подшипники, — он указал на чертеж, — то можно ли значительно увеличить скорость вращения ротора без перегрузки машины? Именно так. В вашем предложении все это есть... Подумайте! Если...

Мариам сделала протестующий жест. Она словно постепенно представляла себе всю конструкцию, во всех деталях, появляющуюся на чертеже.

— Если удлинить систему, — вслух размышляла она, — то... можно. С алмазной коронкой еще большая скорость. Впрочем, извините, тут все еще надо пересчитать и проверить.

— Я прошу понять, как это мне нужно, — с легким волнением сказал Васильев. — И не только мне. Если

это все осуществится на практике, то время проходки скважины будет исчисляться не днями, а часами. Но... не увлекайтесь... Иначе я тоже могу сказать, что ваше предложение — фантастика или... Что вы еще там говорили?.. Да, да, феерия!

Мариам смущенно опустила голову.

Васильев впервые за все время разговора улыбнулся, встал из-за стола и зашагал по комнате.

— Над чем вы сейчас будете работать? — вдруг неожиданно спросил он, останавливаясь возле Мариам.

— Заканчивать некоторые узлы в стометровой конструкции Гасанова, — как бы подчеркивая свой особый интерес к этому важному объекту, ответила она.

— Да, да, — отрывисто подтвердил Васильев, — у него смелые решения. Не хочу вас отрывать от этого большого дела. Я слышал от парторга, что Гасанов согласился мне помочь... Теперь его помощь не нужна... Вы подсказали новое направление. Перед тем как докладывать директору, я хотел в этом окончательно убедиться. Жаль, что вы заняты. Мы бы сделали очень скоро все изменения в конструкции. А?

Мариам не знала, что ему ответить. Как никогда, хотелось заняться любимым делом. Среди множества конструкторских задач ее больше всего интересовало усовершенствование электробура. С этой работой она была связана давно, гораздо раньше, чем с новыми изобретениями Гасанова. Мариам не могла представить себе, что ее скромное предложение по увеличению прочности основания бура вдруг подскажет такому инженеру, как Васильев, что-то новое в направлении его дальнейших работ. А как бы хотелось довести свое маленькое дело до конца, не на чертеже, а в опытной конструкции увидеть новый скоростной бур, потрогать его руками и, может быть, даже присутствовать на первых испытаниях!

Обо всем этом думала Мариам и колебалась с ответом. Ей нужно было сказать, что выполнение чертежей новой, стометровой конструкции Гасанова по решению дирекции откладывается, что сейчас чуть ли не весь институт будет занят работами Васильева, и она в том числе. Но это казалось Мариам чем-то нечестным в отношении Ибрагима. Она не может бросить работу над его конструкцией, конечно, если не прикажет директор.

Васильев не замечал Мариам; рассматривая чертеж, он скользил по нему карандашом и, может быть, совсем позабыл о молодом конструкторе.

Новое, еще не испытанное ею чувство, желание сделать что-то очень хорошее и нужное для этого непонятного и в то же время почему-то близкого ей человека заставило Мариам принять решение.

— Я сделаю в свободное время... все изменения и... все, что нужно, в чертежах, — с трудом, словно выдавливая из себя слова, сказала Мариам.

Благодарно взглянув на нее, инженер снова наклонился над доской.

— Когда я получил ваши чертежи, — задумчиво постукивая карандашом, говорил Васильев, — то сразу почувствовал, что где-то здесь кроется истина... Вы же конструктор, знаете, как иногда малейший намек подсказывает именно то единственно правильное решение задачи, над которым часто сидишь многие месяцы...

— Если нужно, я могу очень скоро закончить эту работу, — опустив голову, проговорила Мариам. — Мне кажется, в группе Гасанова сейчас задерживается проектирование.

— Почему?

— Это мое предположение, — неохотно ответила Мариам, собирая свои записи. — Бывают всякие ошибки, неудачи...

— Александр Петрович, вас ждет директор, — сказал Нури, входя в лабораторию.

— Мне можно идти? — торопливо спросила Мариам.

Васильев ее не слышал, застывшим взглядом смотря на исписанный лист бумаги.

— Ошибки, неудачи... — как бы про себя повторил он.

Мариам бесшумно проскользнула в дверь.

Он встряхнул головой и подошел к макету кассеты с шарами.

— Работа наша такая, Нури... Эта маленькая девушка — конструктор... Сколько раз за свою недолгую жизнь она встречалась с ошибками и неудачами... Вот и у нас с цистернами ничего не получилось. Огни плохо видны, иногда совсем гаснут.

— Может, еще раз попробуем? — неуверенно спросил Нури.

— Трудно искать шары. — Васильев продолжал размышлять вслух. — В тот вечер, когда лодка с ребятами проскользнула мимо нашего сторожевого катера, шар долго не находили. Если море беспокойно, их совсем не соберешь.

— Будем еще раз проверять. Да? — снова сказал Нури.

— Нет, наши шары совсем не годятся. Мы делаем уже четвертую попытку... Ошибка, Нури. Ошибка это, а не только неудача.

Обеими руками взявшись за голову, Васильев медленно скользнул ладонями по седеющим волосам, словно хотел этим движением освободиться от тяжелых мыслей.

Подойдя к столу, он нажал рычажок селектора.

— Я слушаю, — ответил женский голос.

— Говорит Васильев. — Он наклонился к микрофону. — У директора кто-нибудь есть?

— Да, Гасанов с чертежами.

Васильев поблагодарил секретаршу и выключил аппарат.

— Немного подождем, — сказал инженер, снова смотря на кассету с маленькими белыми шариками. — Впрочем, нет. — Он закрыл ее чехлом. — Проедемся около берега, Нури. Давно я не видел город с моря!

Нури обрадованно побежал к лодке. Васильев не спеша шел за ним.

«Умница, — неожиданно подумал он о Мариам. — Вот бы мне такую помощницу... Как это она здорово решила вопрос с увеличением скорости!»

С тайной тревогой Нури наблюдал за Васильевым: хотел смотреть на берег, а сам опять о чем-то думает.

Всю дорогу инженер молчал, лишь изредка окидывал взглядом освещенные заходящим солнцем оранжево-лиловые виноградники.

Возле песчаной косы Нури встретил лодку со своими друзьями.

— Наши, Александр Петрович, — сказал он, указывая на «плавающую лабораторию», — подшефные.

— Чьи? — не расслышал инженер.

— Керимовой Мариам, — пояснил Нури.

— Мариам? — рассеянно переспросил Васильев.

— Хотите посмотреть? — оживился Нури и тут же крикнул: — Эй там на глиссере! Давай сюда!

— Почему нельзя, чтобы маленький электромотор двигал лодку? — рассказывал юный конструктор. Он вздохнул и робко спросил: — Это только первая модель тихоходная. Что-нибудь у нас выйдет, товарищ Васильев? Правильно рассуждаем?

— Очень интересно, ребята, — наконец сказал инженер. — Без шуток, правду вам говорю. И мысли, как видно, правильные, и дела. Но еще много будет ошибок и неудач. Только бояться их не нужно... Правда, Нури? — обратился он к своему юному помощнику. — Вот у меня опыта, как говорится, немного побольше вашего, а без неудач тоже не обходится.

— Как у всех, — вздохнув, подтвердил огорченный конструктор. — Вчера во время шторма у Гасанова вышка сломалась. Мы ведь там работали.

— Погодите, ребята... Вы не вспомните, когда это случилось?

— Сейчас посмотрим. Мы там уже начали вести лабораторный журнал.

Вынув из кармана тетрадь, он не спеша открыл ее на первой странице и опять с сожалением вздохнул.

— В двадцать три часа сорок минут.

Васильев быстро взял тетрадь.

— Поговорим как-нибудь в другой раз. Нури, скорее на остров!

Зарычал мотор.

Ребята в недоумении смотрели на удаляющуюся лодку.

— Нури, позови Саиду с журналом испытаний, — приказал Васильев. — Двадцать три часа сорок минут... Двадцать три часа сорок минут... Двадцать три часа... — повторял он про себя. — Нет, это невозможно...

— Что случилось, Александр Петрович? — спросила Саида, входя в лабораторию.

— Посмотрите, когда мы почувствовали толчок. Вы помните? Шли по приборам? Время записано?

Саида смотрела на него непонимающими глазами.

— Ну что? Когда? — нетерпеливо переспросил инженер.

Она пробежала глазами страницу.

— В двадцать три часа сорок минут,

Глава 12. ТАК НАЧИНАЕТСЯ ДРУЖБА

же стало темнеть, когда в кабинете директора института закончилось обсуждение чертежей лопнувшей фермы подводного основания.

Рустамов молча поднялся и нажал кнопку настольной лампы. Он на мгновение зажмурился и, снова открыв глаза, повернулся к Гасанову:

— Понимаешь, Ибрагим. Легче руку себе отрубить, чем сказать тебе: «Подожди, не надо строить». Время не ждет... Но если опять авария? Мы и раньше надеялись на точность расчетов, а получилось совсем не то, что ожидали. Сейчас все это дело исправим, заменим лопнувшие трубы или сварим их, а за зиму успеем проверить, сколь надежна твоя конструкция.

— Вот тогда и подумаем о стометровом основании, — добавил Агаев, зажигая трубку, — на это дело у нас есть ассигнования.

За окном испытывались новые насосы. Бурлила вода. Слышались частые и ритмичные вздохи. Казалось, что какое-то огромное чудовище, тяжело дыша, с чавканьем и всхлипываньем, выплевывает соленую, горькую воду.

Васильев вошел без стука. За ним почти вбежала Саида. Остановившись у двери, она искала глазами Ибрагима.

— Извините, что я так врываюсь, — быстро проговорил Васильев, направляясь к директору. — Но я должен сказать... Авария на опытной вышке Гасанова произошла по моей оплошности. Как мне кажется, наша передвижная установка во время испытаний задела подводное основание...

— Александр Петрович! Что вы говорите? — запальчиво возразила Саида. — Таких случаев не бывает. Мы шли по приборам.

Еле сдерживая себя от гнева, Гасанов крикнул:

— Они слепые, твои приборы!

Он как следует не осознал всего случившегося. Разве можно поверить, что васильевский танк разрушил его

конструкцию? Однако Васильев сам признается... А Саида? Почему она его защищает? «Нет, не только приборы слепы, — Ибрагим переводил взгляд то на Саиду, то на Васильева, — но и я слепой, я ничего не видел, ничего не замечал. Верил ей больше, чем себе... она бросилась в защиту, как тигрица».

Чтобы скрыть свое волнение, Гасанов резко повернулся и отошел к окну.

Саида смотрела только на Васильева. Всю эту сцену она воспринимала как личное оскорбление. Ей не доверяют. И кто же? Сам Александр Петрович. Как можно сомневаться в аппаратах, если она, опытный инженер, своими руками готовила эти аппараты к испытаниям?

— Можете со мной не соглашаться, — горячо доказывала Саида, — назначайте любую экспертизу, но в них я абсолютно уверена.

— Зачем так говоришь? — спокойно сказал Рустамов, неторопливо подходя к ней. — Уверенность в своих приборах еще не дает тебе права сомневаться в надежности конструкции Ибрагима. Как ты думаешь? А?

Саида растерянно взглянула на директора. Тот, казалось, не замечал ее, рассматривая в трубке, под пеплом, гаснущий огонек. Она вновь перевела взгляд на Васильева, как бы спрашивая у него совета, но лицо его оставалось по-прежнему спокойным и, как ей казалось, ничего не выражающим.

— При последних испытаниях приборы хорошо отмечали скалы и подводные камни, — будто читая лекцию, начал Васильев, — но, видимо, тонкие трубы основания вышки не были нами замечены на экране. Это, конечно, не вина аппаратов Саиды, — сдержанно и убедительно говорил он. — Это моя вина. Я разрешил идти без прожектора, хотя знал, что приборы еще недостаточно проверены. И вот в результате... — Инженер замолк, постукивая пальцами по столу. — Я не знаю, нужны ли товарищу Гасанову мои извинения, но пусть он поверит, что мне очень тяжело.

Директор постучал трубкой по пепельнице.

— Надо детально разобраться. Мы еще не знаем, что скажут водолазы. Придется назначить комиссию. Ты не возражаешь? — спросил он Рустамова.

— Нет. Но у меня есть еще одно соображение. Я думаю, Джафар Алекперович, что после этого мы сможем возобновить работу на плавучем острове Гасанова, тем

более что Александр Петрович считает, что помощь Ибрагима ему не потребуется.

— Об этом я уже сказал, — подтвердил Васильев. — Работы Гасанова, с моей точки зрения, настолько важны, что использование такого конструктора для решения частных задач в подводном танке просто нецелесообразно. Конечно, я не могу оспаривать мнение руководства и, кроме того, готов принять любую помощь от кого угодно, тем более от товарища Гасанова, но... Получилось так, что конструктор Керимова подсказала нам новое техническое решение, поэтому я рассчитываю обойтись сравнительно небольшими переделками в электробуре.

— Мы не хотим навязывать своего мнения, — сухо заметил Агаев, поднимаясь с кресла и давая этим понять, что разговор закончен. — Инженер Гасанов, видимо, скоро приступит к новой работе по утвержденному годовому плану. — Он вынул из кармана цветной платок и вытер им бритую голову.

Гасанов молча поклонился присутствующим и направился к двери. За ним пошел Рустамов.

— Послушай, Ибрагим, — парторг остановил его у порога. — Ты устал... Сам понимаешь, сколько неприятностей. В общем, тебе надо отдохнуть и, главное, ни о чем не думать. Я скажу Саиде, чтобы она тебя уговорила.

Инженер отрицательно покачал головой и вышел из кабинета.

Оглянувшись на Рустамова, Саида неслышно проскользнула в дверь. Рассеянно подбрасывая на руке связку ключей, шел по коридору Ибрагим.

Саида бережно взяла его под руку. Дойдя до конца коридора, Ибрагим распахнул перед ней двери на лестницу.

Не говоря ни слова, они спускались вниз по ступенькам. У балюстрады широкой мраморной лестницы стояли огромные вазоны с цветами. Был вечер. В блеске фонарей цветы казались неживыми, фарфоровыми, с глубокими тенями у лепестков.

Саида сорвала бледную астру, надкусила горький стебель. Гасанов, не оборачиваясь, молча шагал по ступенькам. Лестница казалась необыкновенно длинной.

— Я не права была, Ибрагим, — не выдержала молчания Саида. — Мне просто стало обидно, когда ты мои приборы назвал слепыми. Ты же веришь в то, что де-

лаешь? — спрашивала она, стараясь вызвать Ибрагима на разговор. — Я тоже верю и в свои локаторы, и в подводный танк Васильева. Поговори с Александром Петровичем, Ибрагим. Почему ты не зайдешь к нему?

Гасанов молча усадил ее в машину. Саида нерешительно заглянула ему в лицо.

— Ты не забыл дома платок? — спросила она, словно это было самым важным.

Машина зашелестела шинами по асфальту.

Рустамов стоял у окна.

Море было темным и почти гладким, как уснувший пруд, и только мелкая нервная дрожь, беспокойная рябь на зеркальной поверхности, где отражались береговые фонари, будто напоминала о неведомой силе, таящейся в глубинах.

Железные силуэты вышек поднимались из воды. Они говорили Рустамову о никогда не прекращающейся борьбе человека за овладение всеми дарами природы. Далеко она прячет свои богатства, тяжелых и упорных усилий стоит человеку борьба с ней...

«И вот, — думал Рустамов, — вместо того чтобы всеми имеющимися у нас силами отвоевать у природы, у этого с виду спокойного моря его богатства ради счастья и славы нашей земли, мы сами никак не можем между собой сговориться. Васильев и Гасанов очень далеки друг от друга. А ведь у них общее большое дело».

Рустамов недоволен собой. Ему не удалось соединить вместе этих двух изобретателей. Правда, сделать это было трудно: один — на воде, а другой — под водой. Парторг пытался направить Гасанова в подводную лабораторию, но Васильев от него отказался.

Прекрасно знал Рустамов людей, особенно на промыслах. С ними было просто и хорошо. Главное, все ясно. А тут два таких необыкновенных человека. Рустамову казалось, что большие ученые и изобретатели — ведущие конструкторы — это люди не совсем обычного склада. С ними и разговаривать надо иначе. Может быть, действительно он, Рустамов, и не умеет этого...

Неслышно подошел Агаев и протянул ему письмо.

— Заключение министерства по поводу всплывающих цистерн Васильева, — сказал он. — Только сейчас получено.

Рустамов обернулся и взял письмо. Тут он заметил,

что в комнате, кроме них, никого не было. Все уже ушли.

Не глядя на бумагу, парторг спросил:

— Положительное?

— Нет, они считают этот способ нерациональным. Однако предлагают провести еще несколько испытаний для окончательного выяснения его практической пригодности. А самое главное не это. Они запрашивают нас о результатах последней разведки. Это, конечно, внеплановое задание, но что можно ответить?

— Подождать надо, — потирая висок, словно чувствуя головную боль, сказал Рустамов. — Васильев в последний раз шел уже на глубине ста метров...

— Шел-то шел, — тяжело вздохнул директор и взялся за сердце. — А что нашел? Скажи, пожалуйста!

— Тебе, Джафар, это лучше меня известно.

— Понимаешь, Али, — осторожно начал директор, зажигая потухшую трубку. — Я никак не могу поверить в то, что на этих глубинах под морским дном нет мощных нефтяных пластов. Я привык верить геологам. Как же теперь я могу согласиться, что они ошиблись? Скорее всего васильевская разведка не годится. Она пока еще очень несовершенна.

— Проверим, — сказал Рустамов, остановившись посреди комнаты. — Всякие могут быть ошибки. Васильев понадеялся на локатор, а он подвел. Вот и налетел танк на вышку. Как будто в море очень тесно.

— За такие фокусы нас по головке не погладят. Сколько средств государство истратило! Скажи, пожалуйста, ведь если, не вдаваясь в подробности, кто-нибудь подумает об этих делах, то получается странная картина: бродит под водой слепой танк, торпедирует белыми шарами мирные лодки, сокрушает опытные морские буровые, а толку никакого нет...

— Ну, это ты зря, — возразил Рустамов, и в голосе его почувствовалась тревога. — Так сразу нельзя. Мы должны пойти на определенный риск. Кстати, а ты не думаешь, что можно обойтись без васильевских шаров?

— Пока не представляю... В его проекте предусмотрено, что нефть должна подаваться наверх в цистернах — шарах из пластмассы. Они взлетают, как пузыри. Нефть легче воды, к тому же шары наливаются не полностью. Но, дорогой мой, главное не в этом. Наливать-то нечего...

Он помолчал немного, затем повернулся к окну и указал на огни дальних буровых.

— Конечно, на небольших глубинах и Васильев находит, но, между нами говоря, я думаю, что когда-нибудь нас спросят: за каким дьяволом городить ползучий корабль, если найдена нефть только у берегов, где можно ставить простые гасановские вышки?

— Что еще там в письме? — спросил Рустамов. Он не совсем был согласен с мнением директора.

— Спрашивают, когда подводный дом будет предъявлен государственной комиссии. А что я им скажу?

Зазвонил телефон.

— Хорошо, докладывайте. — Агаев закрыл микрофон рукой. — Сейчас, Али, узнаем, что скажут водолазы. Если крупные поломки, не знаю, что нам с планом делать. Людей не хватит. Слушаю! — снова проговорил он в микрофон. — Правильно, вышка стоит в котловине... У места поломки нашли... камень? Так, так, понятно... Сколько дней на восстановление? Четыре?.. Не дам... Составьте план из расчета трех дней.

Директор положил трубку.

— Слыхал?

— Непонятная случайности! — удивился Рустамов.

— А я так думаю, что никакой случайности нет. Танк проходил по верху котловины — это точно. Водолазы говорят, что там обнаружены следы гусениц. Васильевский танк задел обломок скалы, который находился на краю котловины. Этот огромный камень сорвался вниз и ударился о трубу подводного основания...

Рустамов потянулся к телефону.

— Надо сейчас же успокоить Гасанова и Саиду. Бедный Ибрагим думает, что во всем виноваты его жена со своими локаторами и, конечно, Васильев.

— Его тоже обязательно предупреди, — попросил директор, выколачивая трубку.

Парторг звонил по всем телефонам, но никого не застал ни на работе, ни дома.

— Почему так иногда бывает, Джафар? — с усмешкой спросил Рустамов, вешая трубку. — С радостной вестью не достучишься, а дурная весть сама на пороге стоит?

— В пути, наверно, наши друзья, не успели домой доехать.

— В пути? — рассеянно переспросил Рустамов: — Далекий путь у них, Джафар.

Гасанову не хотелось идти домой. Он долго бродил по парку. Наконец вернулся к зданию института, подошел к лестнице и в нерешительности остановился.

Мелькнуло отражение фонаря на зеркальной двери. Появился Васильев. Рассеянно застегивая пуговицы пиджака, он стал неторопливо спускаться по лестнице.

— Нам не по дороге? — спросил Васильев, заметив Гасанова. — Сейчас заходил в конструкторское бюро. Керимова показывала чертеж вашего нового проекта. Искренне позавидовал. Но, не сердитесь, есть серьезные замечания... Идемте!

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Ибрагим крепко сжал протянутую ему руку.

...В этот поздний вечер, когда светит луна и волны скользят вдоль гранитного барьера набережной, бродят по Приморскому бульвару, взявшись за руки, будто юноша и девушка, два известных, умудренных опытом инженера. Несмотря на столь знакомое многим необыкновенное настроение южной ночи, когда люди поверяют друг другу сердечные тайны, эти два человека говорят совсем об ином.

— Вот и я тоже не понимал вашей идеи — шаровцистерн, — возбужденно говорил Гасанов, — а сейчас уверен, что далеко не всегда нужно ставить вышки. В этих же самых цистернах можно перевозить нефть. Но я хочу сказать, Александр Петрович, что ваши цистерны должны быть значительно больше, в несколько раз, причем...

— Ничего не выйдет, — перебил его Васильев. — Тогда придется увеличивать объем подводного дома, а это дорого и невыгодно...

— Так же как и у меня. Говорят, нецелесообразно строить стометровые основания, если нет абсолютной убежденности, что скважины не окажутся сухими...

Шуршал под ногами песок. Где-то вдали, на верфи, вспыхивал и угасал голубой огонек электросварки.

Васильев, замедлив шаги, всматривался в темноту.

— Послушайте, Гасанов, — вдруг оживившись, сказал он и взял его за руку. — Мне кажется, что наша подводная установка может производить для вас разведочное бурение.

Гасанов остановился и застыл на месте, как бы не веря простой и в то же время удивительной мысли, которая сразу же после слов Васильева мелькнула в его сознании.

— Тогда мне совсем не нужно строить сложное основание. Никаких ферм... В пробуренную вами скважину будет ставиться только одна гибкая труба, — быстро заговорил он, как бы стараясь поспеть за ускользающей мыслью.

Он боялся потерять ее, словно она явилась ему во сне, а не здесь, на Приморском бульваре.

— Я давно об этом думал, мечтал, видел по ночам на чертеже, — восторженно продолжал Гасанов. — Никаких вышек над водой, никаких башен внизу.

— Плохо понимаю, — нетерпеливо бросил Васильев.

— Смотрите. — Гасанов подвел его к парапету, вынул из кармана кусок мела и стал чертить на шершавом граните. — Вот стальная полусфера на дне, — пояснил он, — этот колпак закрывает устье скважины. От нее идет гибкая труба... дальше поплавок., или, вернее, плавучий остров.

Из-за кустов вышел сторож в белом фартуке. Он решительно направился к инженерам. «Взрослые, вполне приличные люди, а весь парапет мелом измазали».

Сторож в отчаянии развел руками, хотел было пристыдить безобразников, но ему показалось не совсем обычным и даже странным их поведение. Он подошел ближе и прислушался.

— Труба нужна только для подачи нефти наверх, — не замечая присутствия сторожа, продолжал тот из «вполне приличных» людей, который был помоложе. — Специальными захватами из подводного дома ее направляют в пробуренную скважину...

Он снова начал чертить на парапете.

Сторож постоял, послушал и, осторожно ступая на носках, удалился, не желая нарушать серьезного разговора. «Значит, надо, зря чертить не станут».

По набережной изредка проходили смеющиеся юноши и девушки. Вначале они с удивлением смотрели на людей, которые что-то чертили на граните, но затем понимающе переглядывались и проходили мимо.

Город заснул, наступила тишина. Лишь изредка жаловались далекие гудки.

Бульвар опустел. Сторож мел набережную. Вот он

увидел чертеж, с улыбкой покачал головой и аккуратно стер его мокрой тряпкой.

Уже погасли фонари, а инженеры все еще продолжали беседу.

— Вы ошибаетесь, Ибрагим Аббасович, — доказывал Васильев. — Я не думаю, что при такой длине трубы... ну, скажем, триста метров... — он взял у него мел и написал на камне: «300 м», — при ее диаметре в десять сантиметров, — продолжал инженер и опять написал: «10 см», — труба могла бы выдержать такую огромную нагрузку на разрыв.

— Выдержит. — Гасанов отобрал у него мел. — Смотрите по формуле.

На горизонте светлела полоска зари.

Сторож не спеша, вперевалку шел с метлой к парпету. Опять он увидел исчерченный и исписанный формулами парпет, ставший похожим на классную доску. Вздыхнув, сторож возвратился за тряпкой и снова стер чертежи и цифры.

Казалось, не будет конца этой необычайной ночной прогулке. Здесь, на гранитной набережной, рождалось новое решение, новый план наступления в боевом содружестве двух инженеров...

Васильев, наклонясь над парпетом, убеждал Гасанова:

— Шары у нас остаются для опытной проверки дебита скважины. Затем, если это выгодно, ставится твоя труба с плавучим островом. Ты понимаешь меня, Ибрагим?

В этот вечер рушились все стены, все перегородки, когда-то разделявшие инженеров. Еще бы! Общий план, единая цель заставили их и мыслить вместе, и, может быть, долгие годы идти рядом, взявшись за руки, как сейчас на Приморском бульваре...

Ибрагим думал, что этот человек, который уже называет его просто по имени, отныне навсегда ставший другом в жизни — в самом главном, что есть в ней, в труде, — не может говорить так горячо и искренне, если есть у него за душой что-то нечестное и тайное от всех, и особенно от него, Ибрагима. Значит, Саида тут ни при чем... Он ей по-прежнему верит, так же как и этому инженеру с далеких берегов Невы.

А Васильев продолжал говорить:

— Для того чтобы твой остров не чувствовал волн, его диаметр должен быть...

Он задумался, затем стал писать ряд уравнений, постепенно опускаясь на корточки.

Решение было найдено и рассмотрено. Договорились на следующем. Танк Васильева будет разведывать, затем бурить. После этого на морской поверхности появится плавучий остров, закрепленный только на одной гибкой трубе. Никаких подводных оснований строить не надо, кроме стальной полусферы, которая будет служить как бы будкой над скважиной. В нее можно заходить из васильевской буровой для осмотра и ремонта. Подойдет подводный танк, выдвинет переходный туннель, наглухо соединяющийся с будкой. По этому переходу в будку войдет мастер, проверит все, что нужно, и снова ползет васильевский дом, к следующей полусфере. Наверху будут только плавучие острова — цистерны. Вот примерно и все.

Но как можно расстаться, если есть еще неясные вопросы?..

Наступило утро. Два инженера, перепачканные мелом, сидели на корточках перед исписанным донизу паплетом.

— Ведь это мы уже проверяли, — удивленно заметил Гасанов, приподнимаясь и подавая Васильеву руку. — Помнишь, еще там, у скамейки?

— Да, как будто бы! Сейчас посмотрим.

Они торопливо пошли вдоль берега. Вот первая скамейка, здесь они сидели. Вторая, третья. Записей никаких.

— Может, мы не здесь ищем? — сказал Ибрагим. — Они остались в другой стороне?

Все объяснялось просто. Навстречу им шел сторож с тряпкой. Он уже искал новую запись. Ничего не поделаешь — к утру здесь должно быть чисто.

Инженеры посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Ну как? Совещание закончено? — стряхивая с костюма песок и мел, спросил Васильев.

— Пожалуй, пора, — потягиваясь и протирая глаза, словно спросонья, ответил Гасанов. — Но все-таки ты не совсем прав. Ты считаешь, что трубу без особой сложности нельзя будет закрепить в скважине. Недоцениваешь наших конструкторов... Отсталое, дорогой, у тебя понятие. Что делать бедному Ибрагиму? — Он притворно вздохнул. — Как часто говорит наш парторг: «Кто ищет друга без изъяна — совсем останется без друга».

Вот оно, утро. Легким бризом вздохнуло море. Белый парус скользнул над волнами. Из репродуктора вместе с маршем вырвался бодрый голос: «Начинаем утреннюю гимнастику...»

Гасанов удивленно посмотрел на часы. Не может быть! Семь часов! Он протянул руку Васильеву и, улыбаясь, проговорил:

— Ну что я теперь скажу Саиде?

Не оглядываясь, он побежал к воротам, а Васильев еще долго стоял у каменного парапета.

Инженер Гасанов жил недалеко от института. Вот и его дом, подъезд.

Прыгая через несколько ступенек, он взбежал на второй этаж. Хотелось сейчас же обо всем рассказать Саиде.

Да, конечно, это он был слепой. Оскорбленное самолюбие, обида и, как ни стыдно в этом признаться, что-то вроде глупой ревности заслоняли эту ясную и чистую дорогу. Сквозь этот густой и липкий туман он не мог рассмотреть ни самого Васильева, ни его больших дел. Только сейчас он понял увлечение Саиды. Ради этих смелых дел можно и дом свой позабыть, и все на свете...

Чувство безраздельной нежности и вместе с тем своей вины перед Саидой овладело Ибрагимом. Он виноват перед ней не за поступки — в этом его нельзя упрекнуть, — он виноват за свои мысли, за свои сомнения — и перед ней, и, что особенно неприятно, перед своей совестью. Это как зубная боль, что ни на минуту не оставляет тебя в покое. Тщетно старался Ибрагим заглушить это чувство всем, чем только мог: воспоминаниями о разговоре с Васильевым, думами о новых делах.

Но все было напрасным...

Ибрагим остановился у двери своей квартиры... Где же ключ? Он порылся в кармане. Впрочем, он совсем позабыл о причудах Саиды. Придуманные ею приборы телеавтоматики она поставила на длительную эксплуатацию в своей квартире. Сделала какие-то радиореле и укрепила их в разных местах, чтобы удобнее за ними наблюдать. Вместо ключа она вручила мужу пластмассовую коробочку с кнопками.

Гасанов вынул ее из кармана и улыбнулся. «Бедный Ибрагим, ты до сих пор не можешь к ним привыкнуть.

Какую же нажимать?.. Кажется, вот эту, красную?» — подумал он, нажимая кнопку.

Дверь медленно распахнулась. Он вошел в прихожую, нажал эту же кнопку еще раз. Дверь беззвучно захлопнулась.

«Ну и фокусница!» — усмехнулся он и осторожно, стараясь не шуметь, пошел по коридору.

Саида придумала упрятать в коробку импульсный радиопередатчик. Он настроен на волну приемника у двери, который принимает сигнал, после чего через реле автоматически открывает и закрывает дверь.

Гасанов вошел в столовую, ткнул пальцем в желтую кнопку — и услышал, как в ванной комнате зашумела вода.

«А все-таки четко работает ее телеавтоматика, — подумал он. — Сейчас ванна наполнится и кран автоматически закроется. Саида говорит, что все эти фокусы ей нужны для дальнейшего... Посмотрим — когда потребуются ей автоматически открывающиеся и закрывающиеся краны, — с теплой усмешкой рассуждал инженер-конструктор. — Я могу, конечно, признавать всю эту радиомеханику, больше того — по темноте своей верить в ее чудеса... Мало ли на что способны такие универсальные специалисты вроде моей Саиды. Но из-за чего же я должен страдать?»

Плохо приходится бедному Ибрагиму. Он часто путает кнопки и наполняет ванну водой, вместо того чтобы открыть дверь. Он гасит все лампы в квартире, когда приходит, и включает их, когда уходит. Ему просто невозможно существовать в такой «переавтоматизированной» квартире. Но если эти опыты нужны, придется потерпеть.

В столовой было темно. Висели тяжелые портьеры. Гасанов в темноте ошупал коробочку и снова нажал кнопку. На этот раз правильно. Вспыхнул свет. Он лился широким потоком сверху, сквозь стеклянный бордюр, где были искусно замаскированы люминесцентные трубки.

Ибрагим шел на цыпочках, стараясь не шуметь. Остановился возле спальни, снял ботинки, взял их в руки и тихо открыл дверь. Окна были занавешены. Сверху лился слабый свет, словно светилось ночное небо. Это фосфоресцировала синяя краска потолка.

Саида лежала на диване одетая. Тонкий лучик, про-

никший сквозь щель в портьерах, дрожал на ее лице. Ибрагим осторожно закрыл дверь.

С грохотом упал ботинок.

Подойдя к Саиде, Ибрагим виновато заглянул ей в лицо.

— Я не спала всю ночь и думала, — сдерживая волнение, начала Саида. — Так дальше жить нельзя... Мне кажется, что между нами стоит стальная стена подводного дома. Да, да, именно стена.

Гасанов стоял смущенный и растерянный.

— Нет, нет, не говори мне ничего. — Саида ударила рукой по подушке. — Я понимаю тебя. Ты хочешь, чтобы я бросила работы Васильева и занялась приборами, которые нужны тебе... Но не сейчас... не знаю... может быть, не скоро... но я это сделаю... Спрошу Али Рустамова. Он поймет... он скажет...

Второй ботинок выскользнул из рук Гасанова. Он посмотрел на Саиду непонимающими глазами, затем обеспокоенно положил ей руку на лоб.

— Ты здорова?

— Не отговаривай меня. Не смей отговаривать! — уже со слезами на глазах чуть не кричала Саида. — Я ночь не спала...

— Откуда ты взяла, что я буду тебя отговаривать? — Ибрагим рассмеялся и сел на диван. — Я просто ничего не слышал. Поняла? И для того чтобы тебе и особенно мне не было стыдно, никогда об этом не будем вспоминать... Теперь послушай меня...

И Гасанов рассказал ей обо всем, что случилось в эту знаменательную для него ночь... Он говорил о силе творческой дружбы, о плавучих островах и о том, как легко разрешаются все сомнения, если глубоко веришь в свое дело и в чистую совесть.

— Но были минуты, когда я не верил, — говорил Ибрагим, вглядываясь, словно после долгой разлуки, в дорогое до боли лицо. — Не верил ни тебе, ни Васильеву... Вот за это прости...

Саида спрятала заплаканные глаза на его плече.

Ибрагим ласково приподнял ее голову, поцеловал в мокрые от слез ресницы.

Вместе подошли к окну. Гасанов отдернул штору.

Солнечные лучи ворвались в комнату. Они словно плескались под ногами, потоками сбегали по стенам.

Голубым светом вспыхнул потолок, будто над головой открылось бездонное, прозрачное небо.

Распахнулись рамы. Свежий морской ветер поднял вверх трепещущий шелк занавесок. Запели медные бабсы теплоходов, зашелестели шины автомобилей. Гулко отдавались шаги первых утренних пешеходов...

Ибрагим и Саида стояли у окна и слушали песню просыпающегося приморского города.

Прошло две недели. Подготовка к испытаниям подводного дома проходила успешно. На опытном заводе был переделан электробур — примерно так, как предлагала Мариам. В этом ей очень помог Гасанов. Девушка робела. Еще бы: первое рационализаторское предложение, да притом такой важности.

Она чуть ли не каждый час бегала на опытный завод и на ходу пыталась внести в чертежи все новые и новые изменения. Только твердая воля Гасанова и его многолетний конструкторский опыт спасли электробур, иначе он никогда бы не был готов. При проверке усовершенствованный бур показал многообещающие результаты.

Завтра Рустамов должен уехать в район Кировабада для испытаний этого электробура на опытной буровой института. Там за короткое время прошли уже скважину глубиной в шесть километров. Электробур может значительно ускорить проходку.

На завтра же были назначены новые испытания подводного танка в средней части Каспийского моря. И — кто знает? — не найдутся ли там неисчерпаемые нефтеносные пласты, существование которых предсказывали геологи?

Поздним вечером в кабинете директора сидели за столом Агаев и Рустамов. У окна, наклонившись друг к другу, о чем-то беседовали Васильев и Гасанов.

Должно было начаться совещание перед ответственными испытаниями. На диване совсем рядом сидели Саида и Мариам. Мариам часто взглядывала на Васильева, смотрела подолгу, не отрывая глаз. Конструктор подводного дома казался ей необыкновенным человеком, причем суровым и замкнутым, но в то же время она чувствовала за внешними признаками не располагающего к себе характера большое человеческое сердце. Ей приходилось не раз встречаться с этим молчаливым инженером. Когда она приближалась к двери его кабинета — в подводном доме или на острове, — то сердце почему-то сразу останавливалось, как маятник испор-

ченных часов, и тогда ей с большим трудом удавалось подавить волнение.

Сейчас Мариам злилась на себя. Уже не сердце, а глаза вели себя совсем неподобающе. Куда бы она ни захотела посмотреть, глаза ее останавливались на лице Васильева.

В кабинете стоял спокойный полумрак. Настольная лампа освещала карту, над которой склонились Нури и Керимов. Рядом, утонув в низком мягком кресле, сидел, опираясь на палку, пожилой академик. Только что приехали представители ЦК партии республики и министерства.

Директор привычным жестом вытер бритую голову, обвел присутствующих внимательным взглядом и заговорил:

— Завтра решающие испытания. Большой день для всех нас. Готовы ли мы к тому, чтобы с честью выполнить это задание?

Настороженная тишина. Казалось, что настольные часы стучат очень громко. Мариам хотелось их остановить.

Свет лампы из-под абажура падал на спокойное лицо Васильева. Гасанов казался просто равнодушным. Ничего особенного: испытания как испытания.

Однако Саида видела другое: на виске его чуть дрожала беспокойная и такая знакомая ей, родная жилка.

— Впервые в истории человечества, — продолжал Агаев, — мы пытаемся проникнуть в недра морского дна в далеких глубинах. Оправдаются ли предположения ученых? Найдем ли мы там нефть? Все это решится завтра...

Да, завтра! Можно ли рассказать о том, что думал каждый из присутствующих в этом кабинете? Все думали по-разному. Но все они ждали этого «завтра».

Говорили немного. Докладывали начальники цехов о готовности механизмов и аппаратов. Представитель приемочной комиссии прочитал акт об исправлении замеченных недоделок.

Саида рассказала о последних испытаниях локаторов. Вместе с молодым изобретателем Синицким, который предложил усовершенствованную схему усилителя ультразвука, ей удалось повысить точность локации. Теперь танк не заденет скалу, как это было недавно, когда сломалась гасановская конструкция.

Геологи наметили желательный путь подводного корабля. Они говорили о своей непоколебимой уверенности, что нефть должна быть в указанных ими местах.

Совещание закончилось.

— Разрешите мне взять с собой студента Сеницкого, — сказал Васильев, подходя к Агаеву. — Он хорошо освоил приборы нефтеразведки, как здесь говорила Саида, и очень ей будет полезен. Кстати, он сам просил об этом.

— Не возражаю, — согласился директор.

— Значит, завтра? — прощаясь с Агаевым, спросил академик.

— Да, Мирза Кафарович. Завтра. А сейчас поедемте вместе. Мне еще нужно успеть в Совет Министров.

Кабинет опустел. Рустамов остался один. Он подошел к выключателю и погасил люстру. Свет настольной лампы падал на карту Каспийского моря. Парторг наклонился над ней и задумчиво обвел карандашом самые синие места, где завтра должен пройти танк Васильева.

Кто-то осторожно постучал в дверь.

Рустамов задумался и ничего не слышал. Дверь тихонько отворилась. На пороге стоял Сеницкий и смущенно мямля шляпу.

— Простите, пожалуйста, товарищ Рустамов, я хотел спросить — получено ли разрешение на мое участие в испытаниях? И потом у меня...

— Заходи, дорогой, заходи. Садись.

Сеницкий робко сел на краешек кресла.

— Мне говорил Александр Петрович, — улыбаясь, начал Рустамов, — что Сеницкий почти законченный изобретатель. Преувеличивает или нет?

Сеницкий покраснел и неловко провел рукою по взъерошенным волосам.

— Понимаешь, дорогой, — продолжал Рустамов, — откровенно скажу: не хотели мы допускать студента к таким большим испытаниям, но... Как отказать молодому изобретателю? Смотри, — он широким жестом скользнул по карте, — перед тобой все. Даже каспийское дно, далекие глубины, где никто никогда не бывал.

Сияющими глазами Сеницкий смотрел на парторга. Значит, решено. Завтра он уже на правах техника по приборам будет участвовать в испытаниях. Ведь это первое в мире путешествие по дну и на такой глубине.

— Али Гусейнович, — волнуясь, заговорил Синицкий. — Это такая большая честь для меня... Я еще, конечно, не изобретатель. Таких у нас очень много... Вот, например, даже в вашем институте ребята — они сейчас работают на опытной вышке. Всем нам еще много надо учиться.

— Обязательно. Ты это не хуже меня понимаешь. Вся страна училась в годы пятилеток, хотя не все среди нас назывались изобретателями. Да, если вспомнить нашу жизнь, то каждый из нас что-нибудь строил и выдумывал. Все нужно было делать заново, часто на голом месте. Помню, как во время войны назначили меня главным инженером тут на один завод. Надо было рассчитывать в основном на местное сырье. Из Москвы все детали не привезешь. Производство я в то время плохо знал, опыта не хватало. Клянусь, что я тогда почувствовал, будто меня плавать учат. Отвезли от берега и в море бросили. «Вот теперь пльви. Научишься!» — Рустамов хитро улыбнулся. — И что же? Научился! Из цехов неделями не выходил, все хотел знать. А когда все, что нужно, узнал, начал искать, выдумывать, как делать детали из того материала, что был на заводе. Вот когда я изобретателем стал... Понимаешь, одно за другое цепляется. Одно придумаешь — другое намечается...

Рустамов замолчал, потер лоб, как бы что-то вспоминая.

— Потом все хорошо получилось, — снова заговорил он, — переделали некоторые узлы, и деталь из местного сырья, как это ни странно, но даже стала лучше, чем была раньше, когда мы ее делали из привозного материала... И все так работали. Все придумывали, изобретали... Советский человек, если можно так сказать, воспитан творчески. Он смело обращается с техникой и не привык перед ней раболепствовать. Ведь он сам строил машины, а потому смотрит на них особыми глазами, глазами их создателя: нельзя ли, мол, тут что-нибудь усовершенствовать? И очень хорошо, мой мальчик, что живет в тебе эта беспокойная жилка — переделывать, перестраивать. Мне рассказывала Саида, как повысилась точность локации потому, что ты изменил схему. Молодец, дорогой. Ты же понимаешь, что каждая новая мысль, помогающая облегчить труд человека, приближает нас к тому времени, о котором мы все мечтали. Ну, желаю успеха!

Рустамов встал и протянул руку Синицкому, но тот не мог ее пожать, стараясь достать из кармана магнитофон, — он застрял в подкладке и, как нарочно, не вынимался.

— Подождите минуточку, — попросил Синицкий. — Я посоветовался с членом вашего комсомольского бюро, с Керимовой, а она направила меня к вам. Надо бы раньше, но я не выходил из подводного дома... Вот наконец-то! — облегченно вздохнул он и положил на карту Каспийского моря пластмассовую коробочку.

— Слышал, слышал, дорогой. Но эти штуки не по моей части...

— Нет, нет, товарищ Рустамов, — заторопился Синицкий, уже оправившись от смущения. — Мариам сказала, что именно по вашей.

Он нажал кнопку, и из коробочки, будто из тесной клетки, вырвались на свободу два голоса. Они спорили и перебивали друг друга. Опять какая-то «Сигма», «Вильям». Все время повторяются эти слова.

— Откуда эта запись? — наконец спросил парторг, когда шум удаляющейся машины, будто звуковая концовка в радиопередаче, затих.

Синицкий рассказал.

— Спасибо, Николай! — Рустамов пожал ему руку. — Очень полезное предупреждение. Оставь здесь пленку, и... сам понимаешь, об этом не следует рассказывать.

Когда Синицкий ушел, Рустамов еще раз прослушал запись, затем положил пленку в сейф и подошел к окну.

Вдали горели огоньки морских буровых.

Васильев догнал Мариам на лестнице и по-дружески взял под руку.

— Итак, Мариам, завтра мы проверим новый электробур уже в подводном доме. Вы настаиваете на максимальной скорости? Основание у ротора выдержит? Мало ли какой попадется грунт.

— Почему вы сомневаетесь? — обиделась Мариам.

— Ну вот! — Васильев улыбнулся. — Опытный конструктор, а ведет себя как дитя. Расчеты я проверил, но мне нужна была еще ваша убежденность. Теперь за эту часть дела я спокоен.

— А за остальное? — с тайным волнением спросила Мариам.

— Это первое испытание, — уклончиво ответил инженер. — Все... может быть...

Мариам чуть слышно повторила:

— Все... может быть.

Она вздрогнула... Ей стало страшно. Неужели опять могут быть неудачи? Теперь она чувствовала, что какая-то, пусть даже маленькая, частичка ее труда осталась там, в подводном доме, «феерической затее» Васильева.

Лестница неожиданно кончилась. Молча пошли дальше, по асфальтовой дорожке. Мариам показалось, что издали прилетела ее любимая песня, песня, о которой не расскажешь словами.

— Мне вспомнилась ваша бакинская пословица, — задумчиво проговорил Васильев. — «Тот, кто ел голову рыбы кутум и пил шоларскую воду, обязательно вернется обратно»... Я был здесь во время войны...

— А вас не тянет обратно в Ленинград?

— В Ленинграде я начал работать конструктором. Я очень люблю этот город, но с ним у меня связаны тяжелые воспоминания... Во время войны я потерял там семью...

Васильев замолчал. Вспомнилось туманное зимнее утро. Он возвратился из Баку в Ленинград. Перед глазами — разбитый шестиэтажный дом. Бомба прошла сверху донизу. На втором этаже знакомые обои, сорванная с петель дверь, случайно повисшая на свернутой в штопор водопроводной трубе рамка из красного дерева. В ней был портрет... В светлом платье. Это он хорошо помнил. Портрет висел в кабинете над его столом... На разорванных обоях остался только темный, еще не успевший выцвести прямоугольник.

Прошло уже много лет, а Васильев и сейчас помнит эту картину до мучительных подробностей. Бомба была сброшена ночью. Никого не удалось спасти из-под развалин...

Песня звучала все громче и громче. Где-то близко звенела она в репродукторе...

Шуршал песок, будто снег... Как тогда, в Ленинграде, хрустел под ногами.

— Я не знаю, может быть, вам и не очень приятны мои сетования, — глухо заговорил Васильев. — Не знаю, зачем я решил поделиться с вами моим го-

рем. Но поймите, Мариам, я долгие годы молчал, никто и никогда не слышал от меня ни жалобы, ни вздохов... И вот сегодня, перед самым большим днем в моей жизни, я вдруг заговорил об этом... Дайте руку.

Мариам робко повиновалась. Васильев взял ее маленькую ладонь, прижал к щеке и бережно отпустил.

— Я кажусь вам смешным, но, когда я вспоминаю о том, что узнал совсем недавно, мне просто недостает человеческого тепла... Кажется, что я сплю и мне не хватает воздуха...

Мариам чувствовала, что ему трудно говорить. О, как бы она была счастлива, если бы смогла подольше задержать свою ладонь на его холодной щеке!

— Есть такое слово — ненависть, — тяжело дыша, говорил Васильев. — Наши люди могут любить и ненавидеть. Но мне иной раз кажется, что нет в мире такого слова, такого понятия, которым бы можно определить то, что я чувствую за последнее время... — Он помолчал и, смотря прямо перед собой широко раскрытыми глазами, продолжал: — Я вам сказал, что в Ленинграде у меня никого не осталось в живых... Думал о сыне, он в это время был в Эстонии, куда еще летом его вывезли в пионерский лагерь. Ребят не успели эвакуировать. После войны мне стало известно, что сын мой жив и находится в американской зоне, в каком-то приюте для сирот. Как и многих других советских детей, его заставляют навсегда забыть свою Родину, свой язык, даже имя... Мой Алешка превратился в забитого американского раба. По данным советской комиссии, которая занималась возвращением детей на родину, сына моего там называли почему-то Вильямом... Никакие протесты не помогали... Американцы не возвращали наших детей. — Васильев замолчал, затем, взглянув на Мариам, снова заговорил, как бы вспоминая: — Алешка сейчас уже совсем большой... И он здесь недалеко... На чужом берегу.

— Недалеко? — спросила Мариам чуть слышно, как бы боясь, что от громкого слова может оборваться тонкая ниточка, что тянется к его сердцу.

— Узнал я об этом в Москве. Подросших советских ребят американцы зачем-то отправили на Ближний Восток.

Совсем рядом отчаянно взвизгнул гудок проходящего катера. Мариам от неожиданности вздрогнула и, как

бы ища защиты, невольно прижалась к своему спутнику.

— Маленькая вы моя! — Васильев неловко поправил завернувшийся воротник на ее плаще и, словно застыдившись несвойственной ему нежности, сказал: — Вы, наверно, клянете меня на чем свет стоит. Совсем расчувствовался... Нечего сказать, приятная прогулка.

Голос Мариам задрожал:

— Я не знала, Александр Петрович, что вы так обо мне думаете.

Он остановился и осторожно приподнял ее голову. В уголках глаз блестели слезинки.

— Я вас обидел?.. Не понимаю... ничего не понимаю...

— Ну и не надо... Пустяки. — Мариам старалась казаться веселой. — Девичьи слезы — ночная роса...

— Я, наверно, очень нелепо устроен. Плохая человеческая конструкция. Не могу видеть, когда плачут дети.

— Это обо мне?

— Да, Мариам. Когда я увидел слезинки в ваших глазах, я опять вспомнил о детях. Это было сразу после войны. В детском доме, где воспитывались сироты, я хотел взять себе какого-нибудь мальчугана, чтобы усыновить. Меня долго расспрашивали, кто я и откуда, а когда узнали, что я одинок, вежливо отказали. С завистью я смотрел на одного майора, который приехал с женой и просил отдать им в дочери крохотную девочку! Но чувство зависти съело меня окончательно, когда майор взял троих ребят.

— Как же так? — удивилась Мариам.

— Наверное, это получилось потому, что майор, так же как и я, не мог выносить детских слез. Насмотрелся за войну... Девочка, совсем маленькая, с черными глазенками, сразу понравилась майору. Он и его жена решили взять именно ее, но тут заметили, что два мальчугана стоят рядом и кулачками размазывают слезы. Оказалось, что это братья девочки. Не выдержал майор: взял всех троих.

Васильев замолчал, прислушиваясь к далекой незнакомой песне.

— Такая-то вся жизнь, Мариам. — Он глубоко вздохнул и долго не мог вымолвить ни слова. — Не знаю, может быть, легче станет, когда выговоришься, — наконец сказал он и тут же продолжал с еле сдерживаемым волнением: — Теперь вы понимаете, Ма-

риам, какая ненависть кипит во мне. Она как горячая смола. Она жжет меня изнутри. Я никому не могу простить детских слез — и слез моего далекого сына.

Я не знаю, с какой стороны прилетит самолет. Может быть, с американской базы на турецком берегу? Но я знаю: если это допустить, то в такую тихую ночь снова мы услышим взрывы и плач детей. Это страшно, Мариам... Я никогда не забуду одного маленького немца. Он и сейчас стоит перед моими глазами... Это было накануне Дня Победы. Когда американцы узнали, что город, куда мы вскоре должны войти, отойдет к русским, они начали нещадно его бомбить. И вот на одной из улиц среди убитых и раненых я увидел пятилетнего ребенка. У него была оторвана рука. Он ничего не понимал и только тихо плакал, смотря в яркое солнечное небо... С тех пор я узнал, что самым большим сокровищем человек должен считать мир, а если кто этого не понимает, предположим, на том берегу, — он протянул руку к черному, как в дыму, горизонту, — то надо заставить их понять — любыми средствами, любыми путями. Ради этого стоит спуститься не только на дно Каспия, а если нужно, то и в самую преисподнюю!

Песня вдруг оборвалась, шорох шагов стал неожиданно громким.

Он довел ее до дому, как-то сразу обмяк и устало сказал:

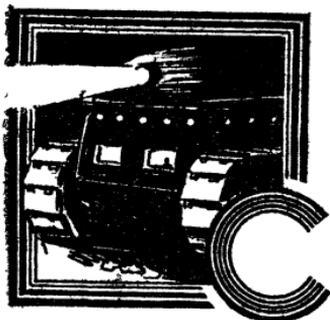
— Простите за откровенность. Пожелайте мне спокойной ночи... Я и сейчас, наверно, кажусь вам совсем спокойным, даже после нашего разговора. Но вы не верьте этому, Мариам...

Он остановился, взял руку девушки в свои большие ладони и просто заглянул ей в лицо.

Мариам широко раскрыла глаза, но ничего не видела, будто сквозь сетку дождя. Она опустила голову и долго молчала.

— Вам надо крепко уснуть перед завтрашним днем, Александр Петрович! — наконец сказала она. — Я всегда так делала перед экзаменом.

— Нет, Мариам, — Васильев наклонился к ней совсем близко, она чувствовала движение его губ. — Перед таким экзаменом нельзя уснуть. — Он прислушался к шелесту волн. — А у нас в теплые ночи всегда кричат лягушки...

С тех пор как подводный танк начал свое путешествие, прошло два часа. Синицкий сидел неподалеку от иллюминатора и смотрел на освещенное прожектором морское дно. Приборы отмечали полтора метра глубины.

Лучи прожектора казались зеленовато-голубыми, как свет луны. Вот в такую же лунную ночь Синицкий встретил на берегу человека, наблюдавшего за испытаниями белых шаров. «Зачем это было нужно охотнику?» — вспоминал он, не отрывая глаз от светящейся воды. «Спасибо за предупреждение», — сказал Рустамов. Что бы это значило? Впрочем, так и должно быть. Наблюдательность нам не помешает.

Синицкий наклонился к иллюминатору и увидел свое отражение. Ему вдруг захотелось, как в детстве, прижать нос к стеклу и смотреть, смотреть расширенными от удивления глазами на чудесный мир, открывающийся перед ним.

«Ползет по дну невиданное сооружение, — восхищался Синицкий, прислушиваясь к гудению мотора. — Шлепают гусеницы по песку». Ему были ясны многие технические особенности этого танка. Двигается он с грузом аккумуляторов огромной емкости. Они заряжаются от нескольких динамо, приводимых в движение дизелями. Для их работы нужен воздух, поэтому зарядку можно производить только наверху. Это, конечно, недостаток, и, пожалуй, его никак нельзя устранить. Невозможно выставлять из-под воды трубу для подачи воздуха. А если шланг с поплавком? Тоже не совсем подходяще. Он оборвется во время движения. Хорошо бы и здесь что-нибудь придумать. Но это уже совсем другая специальность.

Подводный дом сейчас двигался в направлении на юго-восток. Пока что нефть обнаружена в морском дне только вблизи берегов.

Рядом с Синицким сидел Васильев. Он напряженно смотрел на зеленый экран ультразвукового прибора,

привезенного Саидой для разведки нефтяных пластов. Инженер не верил ни ей, ни Синицкому. Не может быть, чтобы аппарат до сих пор не обнаружил ни одного нефтеносного месторождения. Но это было так. Бегающий луч показывал разные плотности грунтов, будто нарочно минуя деления, соответствующие плотностям нефтеносных пластов.

Побелевшие губы Васильева были сжаты до боли, широко раскрытые глаза жадно ловили движения беспокойной черты.

Синицкий с тревогой смотрел на Васильева и, так же как и он, надеялся, что подводный танк должен открыть «золотое дно». Но молодой изобретатель не мог сомневаться в надежности аппарата, который он так хорошо изучил за эти недели. Как же Синицкому не знать аппарата Саиды, не понимать его души, если ему знаком каждый винтик в нем, если он умеет строить чудесные игрушки, вроде карманного магнитофона.

Стрелка глубиномера приближалась к цифре «250».

Около приборов стояли не шелохнувшись Саида и Нури. У пульта управления замер молчаливый штурман. Перед ним светилась, как на большом экране, карта глубин Каспийского моря. Где-то посередине медленно ползла яркая точка, указывающая, в каком месте сейчас находился подводный дом.

— Может быть, пойти немного южнее, — нарушив молчание, робко предложила Саида. — Должен же где-нибудь быть нефтеносный пласт.

— Уже пройдено восемьдесят километров. Ничего нет, — отрывисто сказал Васильев.

В последний раз он взглянул на светящуюся карту и вышел из штурманской рубки...

Закрыв за собой дверь кабинета, он сел за стол и, отодвинув в сторону видеотелефон, посмотрел на приборы скорости и глубины. Приборы слились в одно черное пятно. Глаза устали, они уже не различали полутонов. Всюду легли глубокие тени...

В вазе колыхались темно-красные, почти черные пионы. Их принес Нури. Говорит, что кто-то прислал. Инженер попробовал пальцами мягкий, бархатный лепесток. Такие цветы любит Мариам... Может, это она напомнила о себе?

Подойдя к стене, он уперся лбом в приборный щиток.

— Двести пятьдесят метров. Неужели ничего не найдем?

Это решающее испытание. Может быть, скоро все кончится. Все убедятся, что в далеких морских глубинах нефти нет. Тогда поставят у берегов забор из вышек, а подводный дом вытащат на сушу.

Он закрыл глаза и представил себе маленькую железнодорожную станцию. Рельсовый тупик. Около него врос в землю вагон с ржавыми колесами. Деревянная лесенка. Веревка с бельем, колыхающимся от ветра. На окнах — горшки с цветами.

В вагоне живут. У него отняли возможность путешествовать.

«Так будет и с подводным домом, — подумал инженер. — Врстет он гусеницами в землю. Босая женщина будет выходить по утрам на деревянную лесенку, спускающуюся из иллюминатора, сладко зевать. А может быть, используют для разведки других ископаемых? — промелькнула мысль. — Нет, зачем мечтать? Что найдет этот ползучий корабль, если он не обнаружил нефти, которая здесь должна быть?»

Гудок видеотелефона вернул Васильева к действительности. Зажглась контрольная лампочка, замерцал экран.

На вызов телефона в кабинет вбежал Нури, но, увидев Александра Петровича, остановился в нерешительности.

— Васильев у аппарата, — сказал инженер, прикрывая рукой красные от бессонницы глаза.

— Александр Петрович? — послышался из репродуктора знакомый голос. — Чем порадуешь?

На экране появилось лицо директора. На его бритой голове дрожал солнечный луч. Казалось, что Агаев старается согнать его платком, так усиленно вытирал он потный лоб.

— Идем на глубине двести пятьдесят метров, южнее основного направления, — спокойно сообщил Васильев. — Результаты прежние.

— Ну что ты будешь делать! — с затаенной досадой проговорил Агаев. — Значит, на этих глубинах нефти нет. Придется так и доложить. Надо кончать испытания. Сам понимаешь, аккумуляторы разрядятся. Воздуха не хватит. Зачем рисковать, Александр Петрович? Решайте. Да?

— Хорошо. — Васильев протянул руку к кнопке,

выключил аппарат и устало обратился к Нури: — Скажи там, пусть... обратно...

Нури на минуту задержался у двери, хотел что-то возразить, но безнадежно махнул рукой и на цыпочках вышел из комнаты.

Оставшись один, Васильев долго сидел с закрытыми глазами, потом выдвинул ящик стола. Прислушался... Гудели машины, где-то плескалась вода...

В тарелке на столе лежала ветка прозрачного винограда, она слегка раскачивалась в такт движению подводного дома.

Итак, все кончено. Все неудачи позади. Какое ему теперь дело до неполадок в электрических буровых установках, в локаторе Саиды, в тысячах конструктивных мелочей? Все это никому не нужно, если нечего искать... Ошиблись геологи. Нет нефти на этих глубинах, она прячется там, где мелко, где ее спокойно можно доставать, установив тонкие ножки буровых Гасанова.

Конструктору, как никогда, хотелось услышать теплое, ободряющее слово именно сейчас, в эту минуту... Джафар Алекперович? Но что скажет ему директор? Надо возвращаться? Позвонить Рустамову? Но где он? Как его найти? В каких горах Кировабадского района?

Государство дало Васильеву все, что только может пожелать любой изобретатель. Его подводный танк строили тысячи людей на разных заводах. И теперь страна ждет ответа: есть ли нефть в далеких глубинах Каспийского моря? Что он может сказать?

Васильев оторвался от тяжелых дум. В открытом ящике стола нащупал толстую клеенчатую тетрадь. Технический дневник. На его страницах он записывал все свои мысли, так или иначе связанные с подводным домом, чертил схемы, детали конструкций к новым вариантам. Здесь было все, чем он жил многие годы.

На последней странице написано:

«Завтра решающие испытания! Проверить...» Дальше шел перечень вопросов, требующих особого внимания. В конце приписка:

«29 сентября. Итог работы последних лет. Что-то будет?»

С горькой усмешкой он перелистал страницы, достал из кармана ручку, медленно отвинтил колпачок, всматриваясь в последние строки, и аккуратно написал на чистой странице: *«30 сентября»*.

Долго он смотрел на эту дату. Цифры вдруг начали расплываться, темнеть. И неожиданно для себя Васильев почувствовал такое отвращение ко всему — к этой тетради, цифрам, чертежам, к самому себе, к этому холодному стальному дому, ползущему по морскому дну, к тому, что делал инженер многие годы, чертил, строил. «Зачем? — спрашивал он себя. — Чтобы в один из самых обыкновенных дней убедиться, что все это не нужно никому — ни директору, ни Рустамову, ни другим работникам института. Для них это один из экспериментов в научной работе. Не удалось? Будут искать другой способ разведки и добычи нефти».

На мгновение мелькнуло лицо Мариам, улыбающееся и смущенное. И ей не нужно. Видно, была права, когда назвала его автором фантастической затеи.

Захотелось вновь увидеть Мариам. Вчера так много осталось недосказанного... Сегодня утром она просила разрешения присутствовать на первых испытаниях, но пришлось убеждать ее, что нет никаких оснований беспокоиться за электробур, а потому ей нечего делать в подводном доме.

«Я говорил с ней прямо, искренне, но как будто сухо, — подумал он. — А вчера рассказывал о сыне». Вспоминая об этом, Васильев испытывал такое щемящее одиночество, такую невыносимую горечь несбывшихся надежд, такую острую душевную боль, что не выдержал — закрыл лицо руками и уронил голову на стол.

От толчка вздрогнула и соскользнула на раскрытую тетрадь тонкая ветка винограда. Васильев провел рукой по лбу, покрывшемуся холодной испариной. О чем он сейчас думал? Нет... Ничего этого не было. Впервые за всю жизнь его охватило ни с чем не сравнимое чувство тяжелого стыда. Ему было стыдно собственных мыслей. Можно ли так поддаваться настроению?

Стараясь успокоиться, инженер шагал по кабинету и вспоминал рассказы старых нефтяников о том, как впервые советские люди начали использовать «золотое дно» Каспийского моря. Это началось с приезда Кирова в Баку. С именем Сергея Мироновича навсегда связана история первого морского промысла в Биби-Эйбате, где отгородили бухту от моря плотиной, выкачали воду для того, чтобы на этой отвоеванной у моря земле поста-

вить первые буровые... Сколько было неудач! Вода прорывала плотину. Отказывали насосы. Не хватало механизмов, транспорта, людей. На первой буровой, кроме грязи и газа, ничего не оказалось. Как тогда зашевелились враги! Они пользовались каждой неудачей, разжигали недовольство среди отсталых рабочих. Они все делали, чтобы сорвать работы в бухте. Не сдавался Киров. Он был уверен, что в бухте есть нефть, и тогда же приказал заложить еще несколько буровых. Он верил...

Фонтаном вырвалась нефть из сухого дна, героическим упорством отобранного у моря. Человек победил!

Не может сдаться и Васильев. Он тысячу раз пройдет по дну только затем, чтобы в тысяча первый найти в далеких глубинах то золото, которое когда-то впервые в мире достал из морских недр большой и простой человек!

Послышался протяжный и настойчивый сигнал из репродуктора. Васильев, как бы опомнившись, встряхнул головой и нажал кнопку.

На экране показалось лицо Гасанова.

— Будь здоров, Александр Петрович! Дело не очень хорошее, — взволнованно заговорил он. — Наш директор Джафар считает, что надо кончать испытания, там ничего нет. Неправда, я знаю — есть. Я почти на пятьдесят метров опускался. Я своими глазами видел нефтеносные пески, видел выходы газов... Надо дальше искать! Хочешь, я с тобой пойду?

Васильев сказал растроганно:

— Спасибо, спасибо, друг. Рад тебя видеть. Но мы очень далеко. Тебе сюда не добраться. Потом... аппарат все-таки не видит нефтяных пластов.

— Он слепой, твой аппарат! — раздраженно крикнул Гасанов. — Я же говорил Саиде. Брось ты его к черту. Да? Попробуй смотреть своими глазами. Ты знаешь, как выглядят нефтеносные пески? Сам смотри... Нет, нет, сам не увидишь. Я предлагал взять специалиста-геолога, а вы на технику понадеялись. Саиду не всегда надо слушать. Как хочешь, а я должен найти тебя.

Васильев быстро встал и, словно на что-то решившись, хлопнул ладонью по столу. В самом деле, почему он так верит аппарату ультразвуковой разведки? А вдруг действительно Гасанов прав? Слепым может

быть аппарат на таких глубинах. Его в этих условиях никогда не испытывали.

— Слушай, слушай, Ибрагим! — закричал он в микрофон. — Со мной Нури, он часто спускался с аппаратами. Признаки нефти ему известны. Попробуем. Мы, наверно, еще не успели выбраться с глубоких мест...

— Скорее, дорогой, скорее! Позови Нури, я ему все как следует объясню.

Васильев пошел за Нури и по пути взглянул на показания прибора глубины. Может быть, еще есть сто метров?

Что такое?

Он в изумлении остановился. Стрелка застыла на цифре «300». Как это могло случиться? На обратном пути морское дно должно повышаться. Неужели потерял курс?

Камера с зеркальным окном. В черной воде Васильев увидел светящийся конус лучей прожектора. Навстречу ему медленно полз песчаный холм. Подводный дом двигался.

Застучали каблуки по железной лестнице. Васильев взбежал по ней, не переводя дыхания.

В штурманской рубке полумрак. Свет проникает только из иллюминатора.

Неподалеку от аппарата ультразвуковой разведки, с которым сейчас возились Саида и Синицкий, была пристроена широкая доска вроде крышки от стола. На ней лежали, вытянув ноги, Нури и старый мастер Ага Керимов. Прильнув к окну, они рассматривали движущуюся поверхность морского дна. Опанасенко стоял рядом, следя за глубиномером.

— Саида! — тихо позвал Васильев.

Она встрепенулась, оставила Синицкого у прибора и неслышно подбежала к начальнику.

— Что все это значит? — сурово спросил Васильев, указывая на Керимова и Нури.

— Они хотят попробовать без нашего прибора, — сказала, несколько смутившись, Саида. — Просто на глаз. Может быть, заметят просачивание? Нури не верит, что здесь ничего нет. Да и Керимов тоже. Но, Александр Петрович, аппарат должен нормально работать.

— Приказано было возвращаться, — сказал Васильев.

ев, скрывая под внешней суровостью радостное нетерпение, — а вы спускаетесь еще глубже.

— Да нет же, Александр Петрович, — возразила Саида. — Мы идем обратно, как приказано, только... — она указала на компас, — немного южнее.

Нури вдруг вскочил со своего места и что-то по-азербайджански спросил у Керимова. Тот утвердительно кивнул головой.

Не замечая Васильева, скрытого полумраком рубки, Нури подбежал к Саиде и быстро заговорил:

— Скажи, скажи ему, надо пробовать. Здесь нефть! Здесь надо бурить. Да?

— Не горячись, Нури, — перебил его Васильев, выходя на свет. — Идем к телефону, там тебя ждут...

На экране видеотелефона отражалось лицо Гасанова. Он прислушивался к звуку шагов.

Нури тихо подошел к аппарату.

— Я здесь, Ибрагим Аббасович.

— Вот какое дело, Нури, — обратился к нему Гасанов. — Ты бывал в разведке, наверно, замечал выходы песчаника. Сейчас ты их видел?

— Конечно, видел.

— Уверен, что пласты изогнуты дугой?

— Можно примерно составить профиль и...

— Александр Петрович, — сказал, оживившись, Гасанов, — мы сейчас кое-что подсчитаем...

Вбежала Саида. Она задыхалась от волнения, отбрасывая с лица непокорные волосы.

— Что там? — в тревоге спросил Васильев.

— Нашли!.. Скорее! — почти закричала Саида и, бессильно опустившись в кресло, тихо добавила: — Ультразвуком нашли.

Видимо, ей дорого далось это волнение за честь своего дела, своих аппаратов.

— Саида! — позвал репродуктор.

Но она не слышала его голоса и несвязно бормотала:

— Синицкий сделал переключения, поднял напряжение. Увеличил усиление почти в два раза... чтобы принять отражение от самых глубоких пластов. Оказывается, нефть там... Кто же мог знать? Мы искали ее ближе.

— Саида! — надрывался репродуктор.

Васильев и Нури выбежали из кабинета. Нельзя терять ни одной минуты.

Подойдя к видеотелефону, Саида, будто у зеркала, поправила растрепавшиеся волосы.

— Это ты, Ибрагим?

— Поближе, поближе. — Лицо Гасанова в улыбке застыло на экране. — Дай я тебе на ушко скажу.

Саида наклонилась над объективом.

— Опять твой аппарат ослеп, — неожиданно строго сказал Гасанов, но не выдержал и рассмеялся. — Я бы на месте Васильева выгнал тебя отсюда. И как он все это терпит? Вот приедешь домой — увидишь, что будет! Я тебе не Васильев.

— Прости, хороший мой, дорогой, золотой. Слышишь, какие слова я тебе говорю? Я ни чуточки не виновата. Аппарат не мог обнаружить нефть на такой глубине. Он на это не был рассчитан. — Саида заморгала ресницами и ласково посмотрела на мужа. — Как ты там без меня? Кстати, ты не позабыл...

— Платок? — подсказал Ибрагим. — Знаю, знаю. Думаешь о всяких пустяках... Тут своя беда...

— Ну, довольно, родной. Надо мной триста метров воды, а ты... меня отчитываешь.

— А как же? Я тебя и на дне морском найду.

Заметив, что Ибрагим улыбается, Саида поцеловала его в лоб. Губы прикоснулись к холодному стеклу. Она шутливо поморщилась и рассмеялась.

Когда Саида прибежала в рубку, там уже заканчивалась подготовка к бурению.

Нури, выпрямившись по-военному, обратился к Васильеву:

— Начинать? Да?

Все ожидали команды. Васильев, как бы спрашивая у каждого совета, всматривался в лица. Он прочел в них искреннее одобрение, готовность и нетерпение...

— По местам! — прозвучала кратко команда.

Загрохотали сапоги по железной лестнице, и в рубке остались только два дежурных техника за приборной доской да у иллюминатора молчаливый штурман подводного корабля.

«Здесь она может быть», — думал Васильев, разглядывая знакомые, как бы вспучившиеся пласты каменного дна.

Он посмотрел вправо, куда не достигал луч прожектора. Вода была черна и казалась маслянистой, как нефть.

аканчивались первые сутки бурения. Вращалось, вгрызаясь в породу, долото электробура, дрожали трубы под потолком, постепенно сползая вниз.

Радостно шумела буровая. Казалось, что все это происходит ярким днем на поверхности зеленого плещущего моря, где носится ветер Апшерона, где пахнет свежестью и виноградом, и никто не думал о том, что от солнечного мира их отделяют триста метров воды над головой.

Ага Керимов следил за наращиванием труб. По тонкому железному мостику у самого потолка ходил Опанасенко. Наклоняясь над бурильным станком, Пахомов прислушивался к жужжанию мотора, одним глазом поглядывая за движением раствора в прозрачной трубе.

Синицкий чувствовал себя героем. Ну как же! Если бы он не догадался увеличить усиление в аппарате примерно так, как он сделал однажды в магнитофоне, то, вероятно, пришлось бы закончить испытания, даже не приступая к бурению.

Что бы сказали наверху, на земле, узнав о его находчивости? Впрочем, нефть и без него бы нашли. Нечего хвастаться своей изобретательностью. А все-таки приятно. Даже Нури и тот убедился, что Синицкий может быть полезен в подводных испытаниях.

Довольный собой, Синицкий подошел к щиту, где Саида и Нури следили за приборами. Васильев что-то подсчитывал на линейке.

— Александр Петрович! — обратился к инженеру Нури, указывая на стрелку прибора. — Напряжение аккумуляторов падает. Да? Очень большая нагрузка. Электробур работает на самой высокой скорости, смотрите!

— Это почти предел, по расчетам Мариам, — приглядевшись, уточнил Васильев. — С такой скоростью мы уже много прошли... Хорошо, что попалась мягкая порода...

Смотря на часы, Васильев размышлял вслух:

— Энергии аккумуляторов хватит еще часа на два. Да и то если мы используем ее всю, даже предназначенную для ходовых моторов. Потом придется всплывать. Сейчас останавливать бурение нельзя. Будем экономить энергию. Надо выключить прожектор, отопление, сократить регенерацию воздуха!

Он вздохнул, как будто ему уже сейчас становилось тяжелее дышать, и заметил, что Синицкий слышал его разговор с Нури. Инженеру не хотелось, чтобы юноша представил себе их положение хуже, чем оно есть на самом деле.

— А я думал, что вы уже побледнели, — сказал Васильев, наблюдая за выражением лица Синицкого. — Но вы человек понимающий. Незачем зря беспокоиться. И энергии хватит, и тем более воздуха... Потерпите немного, скоро всплывем на поверхность.

— Нет, нет, Александр Петрович, — испуганно сказал Синицкий. — Мне и здесь хорошо.

Нури подошел к кабельной коробке, погладил ее рукой, затем скользнул пальцами по проводам, идущим к высокочастотному агрегату, дотронулся до него и сразу же отдернул руку.

— Перегрузка, — хмуро заметил он, обращаясь к Васильеву. — Не выдержит. Пусть охладится немножко. Да?

Это не входило в расчеты Васильева. Ждать нельзя. Вся энергию заберут воздухоочистительные установки. Однако выхода не было.

— Выключайте! — сказал Васильев и медленными, тяжелыми шагами пошел из буровой.

Нерешительно, как бы ожидая отмены приказания, Нури, вздохнув, потянул к себе рубильник.

Погасла зеленая лампочка у бурильного станка, и сразу настала необычная тишина. Казалось, что за стальными стенами подводного дома слышится шелест водяных струй.

Все как бы окаменели. Вот еще немного — и покажется нефть. Ни у кого в этом не было сомнения...

Керимов бросился к мотору, но, увидев выключенный рубильник на щите, остановился и вопросительно взглянул на Васильева, задержавшегося в дверях.

— Александр Петрович, — хрипло проговорил он, — зачем так? Надо совсем немного пройти. Да? — Он подбежал к трубе, по которой ползла из скважины вы-

бранная порода с раствором, открыл клапан и, подставляя ладонь, закричал: — Смотри! Да? Скоро будет нефть!

Рыжая грязь шлепалась на белый пол и, отскакивая, брызгала на свежий, выглаженный халат Керимова. Старик не замечал этого, набирал в пригоршни жидкий раствор и, подбегая к каждому, показывал его.

— Вот она! Да? Немножко бурить надо. Совсем немножко.

Васильев стоял в нерешительности. Наверно, Керимов прав? Нефть появится скоро. Но можно ли рисковать? Люди не выдержат. Как здесь душно...

К нему быстро подошел Синицкий, рукавом провел по мокрому лбу.

— Послушайте меня, Александр Петрович, хотя я здесь просто случайный человек. Я понимаю, что важно экономить энергию. Я все понимаю. Но можно ли сейчас, когда решается вопрос о существовании «золотого дна», когда решается судьба вашего изобретения, можно ли сейчас прекратить бурение? Вот этого я не понимаю.

Он стоял перед Васильевым задыхающийся и бледный. Как будто это он выдумал подводный дом, он его конструктор. Как будто сейчас идет последние испытания его изобретения.

Васильев удивленно смотрел на Синицкого.

Нури недоумевающе пожимал плечами. Вон он, оказывается, какой смелый. Самому Васильеву и вдруг говорит такие вещи! Ай да москвич!

Все обступили Васильева. Подошли Пахомов и Саида. За ними, грохоча сапогами по железным лестницам, быстро спустился Опанасенко. Пахомов внимательно рассматривал пригоршню жидкой грязи, затем молча протянул ее Васильеву.

Тот взял небольшую щепотку, растер ее в пальцах, понюхал.

— Хорошо. Еще десять минут.

Мастера мгновенно встали на свои места. Нури включил рубильник. Загудели агрегаты. И вот уже снова вгрызлось алмазное долото в недра морского дна.

Васильев подошел к машине, как и в прошлый раз, наклонился над ней, с тревогой ощущая на своем лице ее лихорадочный жар.

Он думал, что скоро будет готова новая машина, рассчитанная на сверхскоростной бур, который так остро-

умно усовершенствовалась Мариам. А этот генератор так и должен работать с перегрузкой, в данном случае он маломощен.

Васильев заметил, что освещение буровой стало тусклым. Лампы горели желтым накалом...

Становилось жарко. Воздухоочистительные аппараты работали слабо. Инженер искоса взглянул на Синицкого. Тот сидел на корточках у двери и, положив шляпу на пол, поминутно вытирал лоб.

Сомнения мучили капитана подводного корабля. Имеет ли он право так рисковать? Ради решения большой научной и практической задачи ему позволили ставить на карту миллионы, но рисковать жизнью людей никто не позволит. Он знал это и с тревогой посмотрел на темнеющие лампочки. Драгоценная энергия уходит.

Вот уже восемь минут идет бурение, а результатов пока еще нет. Две минуты — и все. Две минуты решают... А вдруг аппарат Саиды опять ошибся? Вот она стоит рядом, прижав стиснутые кулаки к подбородку, смотрит то на часы, то на стрелку амперметра и, наверно, думает о том же — почему так долго длится бурение?

Как томительно ждать! Васильев смотрел на кабель телефона, ползущий по стене. Эта тонкая нить связывает его с миром... Но пока он ничем не может порадовать. Наберись терпения.

Вот уже осталась одна минута... Саида закрыла глаза, замерла, прислонившись к углу мраморного щита. Ей уже трудно дышать. Или это просто от волнения... Десять минут.

Васильев поднялся, хотел сказать, чтобы прекратили бурение, но это было выше его сил. А вдруг на одиннадцатой минуте алмазная коронка дойдет до пласта?.. Будь он здесь один, то, ни минуты не задумываясь, продолжал бы работу до тех пор, пока хватит воздуха, пока хватит сил держаться. Он посмотрел на приборы. Давление раствора падало. Насосы не могли его больше поддерживать. «Это опасно, — подумал создатель подводного дома. — Но где же выход?»

Шла двенадцатая минута, тринадцатая, четырнадцатая. Нет, он не может прекратить бурение. Откуда взять силы, поднять руку, крикнуть: «Довольно!» Он видел, как люди часто и порывисто дышат. Казалось, что из труб воздухоочистительных аппаратов не тянется живительная струя. Стоит сказать одно только слово «до»

вольно» — и сразу станет легко дышать: выключится буровая установка, энергия утомленных аккумуляторов устремится в воздухоочистительные аппараты, пахнет свежим ветром...

Шла пятнадцатая, шестнадцатая минута... Васильев не мог идти на преступление. Он понял, что больше рисковать нельзя. Конец...

Вдруг, как реактивный снаряд, с оглушительным шипением взвился вверх и ударился в потолок электробур. Выплеснулась из скважины рыжая струя раствора.

Но это было только началом. Послышалось злобное клокотание, снова что-то хлопнуло, и в потолок захлестала черная сверкающая струя.

Все бросились к скважине. Закрыть ее! Скорее, скорее! Тревожная, но радостная минута...

В черном тяжелом дожде было трудно добраться до штурвала, чтобы перекрыть трубу. Свистела и визжала струя.

В далеких каспийских глубинах найдена нефть. Раскрыта тайна морских недр. Буровая скважина вошла в «золотое дно»!

Наконец фонтан закрыли. Керимов восторженно протянул Васильеву черные липкие руки.

— Александр Петрович, смотри, пожалуйста. Чистая. Да? Песку нет, воды нет...

Словно в полусне, смотрел Васильев на черные ладони и не мог осознать, что же произошло.

Неужели настала та счастливая минута, о которой мечтал, свершилось все, к чему стремился долгие годы?! Неужели это уже случилось? Причем так просто, будто открыли бутылку шампанского и пробка вылетела в потолок!

Он вытер забрызганное нефтью лицо, посмотрел на купол. Там темнело пятно — как огромный черный зонтик. Нефть потоками сбегала по стенам. Длинная труба электробура лежала неподалеку от моторов.

Все казалось простым и понятным. Если бы не ослабело действие насосов, поддерживающих высокое давление раствора в скважине, то фонтанирования никогда бы не произошло. Значит, аккумуляторы разрядились. Насосы еле работали.

Мастера суетились. Они все выбежали в коридор за ведрами, лопатами, швабрами. Им хотелось, чтобы «белая буровая» снова оправдывала свое название.

Саида со слезами радости на глазах размазывала по

лицу капли нефти. Подбежал Синицкий, тоже весь грязный, и с хитрой усмешкой показал Саиде зеркальце.

Она прыснула, как девочка, и, схватив его за руку, потащила умываться.

Войдя в свой кабинет, Васильев с наслаждением откинулся на спинку кресла. Минутный, но действительно по праву заслуженный отдых.

Перед ним лежала тетрадь технического дневника, открытая на странице с датой «30 сентября». Какая тишина в его подводном кабинете! Она наступает всегда, как закончишь большую, особенно любимую работу...

«Итог последних лет...» — читал он в дневнике...

Может быть, впервые за все эти годы Васильев по-настоящему отдыхал... Он спокоен, лень пошевелить пальцем. Ни о чем не хотелось думать, и только мысль о том, что ты оказался правым, сладко дремала в мозгу.

Сколько было непрерывных споров, обид и бессильного отчаяния, когда Васильев не мог и не умел доказать преимущества своего проекта!

Даже в те далекие годы, когда еще не было приборов ультразвуковой разведки, Васильев понимал, что движущийся по дну танк мог бы с успехом решить задачу поисков нефти. Танк должен ползти по грунту, чтобы исследовать его непосредственно. Приборы электрической и сейсмической разведки, применяемые для обнаружения нефтяных пластов, по мнению Васильева, нерационально использовать на подводной лодке. В этом случае лодка должна ложиться на грунт при каждом измерении. Только подводный танк позволяет вести разведку, почти не останавливаясь, на ходу, особенно с применением ультразвукового локатора. Наблюдение за выходами газов в виде пузырьков, поднимающихся со дна, также удобнее производить непосредственно у грунта.

Васильев доказывал, что подводная лодка не может следовать за всеми неровностями дна, как гусеничный танк, а поиски ультразвуком нефтяных месторождений сквозь толщу воды малоэффективны, что вскоре и показали опыты Саиды.

Конструктор также считал, что буровая разведка с помощью передвижной буровой, то есть специально приспособленного для этой цели агрегата, каким является подводный танк, несравненно более удобна и совер-

шенна, чем буровая разведка с подводной лодки. Ему пришлось это упорно доказывать при защите своего проекта.

И только сегодня он мог вздохнуть свободно. Задача решена!

Казалось, что не хватит слов рассказать об этой большой радости!

Он протянул руку к кнопке видеотелефона. Как обычно, вспыхнула лампочка. На экране появилось усталое лицо директора.

— Я слушаю, Александр Петрович...

Васильев медлил. Все слова казались не теми, чужими. Он молчал, будто желая продлить счастливые минуты. Страна ждала ответа... Теперь он может сказать...

— Где вы сейчас? Добрались до берега? — спросил Агаев.

— Нет, на глубине триста метров. Мои координаты... — Васильев наклонился к записям и, стараясь быть спокойным, передал цифры.

— Почему не вернулись? — удивился Агаев.

Но тут не выдержал суровый капитан.

— Слушай, Джафар Алекперович! — закричал он в микрофон. — Нашли! Фонтанирует! Можешь сообщить всем. Понимаешь? Всем! Рустамову телеграфируй.

— Поздравляю, дорогой. Обнимаю крепко. У нас все готово, сейчас направляемся к тебе... Постой, постой. Да? Гасанов хочет с тобой говорить...

И вот другой, взволнованный голос идет издалека, летит над морем десятки километров, проникает сквозь толщу воды, доходит до самого сердца:

— Как я этого ждал, Александр Петрович! Мои самые горячие чувства с тобой. Привет всем твоим друзьям. От меня Саиду не забудь поздравить. Координаты записали. Будем над вами в двадцать два часа... Погоди, не торопись. Да? Тут Мариам за свою машину беспокоится.

Изображение Гасанова расплылось и утонуло в глубине экрана. Как сквозь аквариум, видел Васильев приближающееся к нему лицо Мариам.

Все до мельчайшей подробности — волоски между широкими бровями, темный пушок на верхней губе (она сейчас почему-то вздрагивала), остренький подбородок — все это видел Васильев отчетливо и ярко...

Напрасно говорили придиричivé инженеры, что

опытные модели видеотелефона имеют недостаточную четкость, более низкую, чем у нормальных телевизоров. Не верит этому Васильев, и, видно, потому, что образ Мариам с такой ясностью отражался не на экране, а в его сознании и воображении.

— Радость моя не знает границ, — взволнованно, будто читая стихи, говорила Мариам. — А вы счастливы?

— Очень, Мариам... Два дня назад я делился с вами горем. А теперь принимайте тонны счастья в ваши маленькие руки, — инженер протянул ей ладони и рассмеялся. — Смотрите не уроните.

— Тут все вас ждут с нетерпением, — сказала она, потупившись.

— А вы? — затаив дыхание, спросил Васильев.

Мариам подняла к нему лучистые глаза.

По экрану побежали косые полосы и, как дождем, смыли изображение. В репродукторе послышался треск, все смолкло.

Васильев в сердцах стукнул кулаком по столу. Нажал кнопку, пытаясь вновь вызвать кабинет директора, но ответа не было.

Он подвинул к себе аппарат, открыл заднюю крышку, но в это время странные звуки, напоминающие шум ветра, привлекли его внимание. Они доносились из коридора. Неужели опять свистит скважина?

Распахнулась дверь. На пороге показался задыхающийся Синицкий. Он прислонился к стене и, широко раскрыв глаза, смотрел на Васильева. Инженер вскочил с кресла.

— Что в буровой?

— Ничего... Только не беспокойтесь, Александр Петрович, — прерывающимся шепотом сказал Синицкий. — Там... Пожар...

Не помня себя бежал Васильев по коридору. Из двери буровой вырывалось пламя. Горящая нефть ползла навстречу. Люди остервенело бросались на нее с огнетушителями, засыпали песком, топтали ногами.

К двери буровой подойти нельзя — пламя охватывает со всех сторон. Черные клубы дыма поднимаются к потолку. Кроме огненных языков, люди ничего не видят, задыхаются, но не могут оставить это страшное место.

Кто-то метнулся к пожарному крану.

— Назад! — закричал Васильев. — Нельзя водой!

Но человек уже открыл кран и бросился под струю. Было непонятно, зачем он купается под краном, как под душем. Но вот мокрая фигура сквозь огонь ринулась к двери буровой.

Тяжелая дверь медленно преградила путь огню... Человек упал. По его одежде металась огненные струйки.

Синицкий первым кинулся на помощь, сорвал с себя пиджак и быстро закутал горящего. Все, словно опомнившись, бросились к нему.

— Нури, не надо так... Не надо, — беспомощно говорил Синицкий, положив его голову к себе на колени.

Нури не отвечал. Синицкий вынул из кармана платок и, смочив его водой, положил на лоб товарищу.

В дымной полутьме он не мог разобрать, открыл ли глаза Нури, поэтому легким движением провел пальцами по закрытым векам. Нури вздрогнул, проговорил что-то невнятное и снова замолк. На его виске Синицкий почувствовал пульс, неровный, замирающий.

Васильев приказал людям перебраться в соседние камеры, куда еще не успел проникнуть дым, а в коридоре поставить химические дымопоглотители. Плотно закрылась непроницаемая дверь.

Оглядывая присутствующих, Васильев спросил:

— Все здесь?

— Все, — ответила Саида, прислушиваясь к шипению пламени за стеной. Она приблизилась к Васильеву и прошептала: — Надо затопить буровую... Сгорит все оборудование...

— Нельзя, — вполголоса ответил Васильев. — Оставшийся в баллонах воздух не сможет вытеснить столько воды... Не всплывем...

Остановившимися глазами смотрела Саида на своего начальника. Только сейчас она поняла всю безвыходность их положения. За стеной гудел пожар, горело все: машины, приборы, звукоизолирующая обшивка. Сплошной огонь! Он может гореть до тех пор, пока хватит кислорода. Воздухоочистители, видимо, все еще работают. А там, наверху, на мостике, десятки кислородных баллонов.

— Послушайте, Саида, — подбежав к ней, сказал Синицкий. — Нури очнулся, ему нужен свежий воздух. Здесь дышать нечем. Почему не всплываем?

— Конечно, не потому, что нам здесь нравится! —

с горечью ответила она. — Неужели вы думаете, что это зависит от нашего желания?

— И надолго это? — осторожно спросил Синицкий.

— Пока не закончится пожар.

— Он нас задерживает?

— Нет.

— Тогда, — сказал студент, подчеркивая каждое слово, — еще один вопрос: почему нельзя подняться наверх?

Саида прислушалась к шуму пожара за переборкой и глухо сказала:

— Мы припилены к морскому дну, как жук булавкой. Держат трубы буровой скважины, и мы не можем от них освободиться, потому что для этого нужно войти туда, — она кивком головы указала на дверь.

Синицкий понимающе посмотрел на нее и отошел к Нури.

Саида проводила его печальным взглядом и вдруг подумала: «А что сейчас делает Ибрагим? Знал бы он...» Последний раз она видела его только на стекле видеотелефона. О чем она тогда спрашивала? Да, да, он так и не ответил... Как он там будет жить? Ничего в квартире не найдет...

Люди сидели на полу и терпеливо ждали, когда можно будет открыть дверь в буровую, где еще зловеще шипели огненные змеи.

Все были спокойны.

Опанасенко с сожалением рассматривал свои недавно еще блестящие сапоги и протирал их куском обгорелой тряпки.

Пахомов держал в руке папиросу и оглядывался по сторонам — где бы прикурить? Теперь можно, все равно пожар.

Керимов тревожно следил за Васильевым. Инженер ходил по коридору, заложив руки за спину.

Тускло светились плафоны. От жара раскалившейся перегородки становилось трудно дышать...

Никто из людей подводного дома не знал в точности, почему произошел пожар, но они могли предполагать, что пожар возник от искры. О стальную трубу чиркнул камешек, выброшенный вместе с нефтью. Так раньше бывало, когда люди еще не умели уберечь скважину от фонтанирования.

Однако пожар произошел совсем по другой причи-

не. Тяжелый цилиндр электробура, ударившись в потолок, упал неподалеку от моторов. При падении он зацепил довольно прочный пластмассовый кожух мотора. В кожухе появилась маленькая трещина. Струйка нефти прошла сквозь нее и попала на коллектор. Коллектор стал искрить, нефть загорелась и горячей выползла из кожуха. Вся буровая запылала почти мгновенно.

Только при таком редком стечении обстоятельств мог вспыхнуть пожар. Конечно, если бы не фонтан, то этого не произошло бы. В подводном доме все было предусмотрено против фонтанирования. Однако совершенно невероятное давление пласта при ослабевшем противодействии насосов, нагнетающих раствор, привело к катастрофе...

«Нельзя было продолжать бурить, — думал Васильев. — Как же я не учел этого повышенного давления? Видимо, слишком понадеялся на расчеты геологов и бурильщиков, которые полностью исключали возможность фонтанирования».

Он шагал по коридору, искоса поглядывая на людей, сидящих на полу. Все как будто спокойно ждали конца пожара.

Саида рассказывала Сеницкому:

— Вы видели на вышке Гасанова автоматическое управление насосами и другими механизмами? Если бы не исследовательские задачи, то люди там совсем не нужны. Скоро и на буровых мы обойдемся без людей... — Она прислушалась к гудению пламени за стеной. — Вы не уснули, Сеницкий? Что молчите? Страшно?

Он встрепенулся и протер слезящиеся от дыма глаза.

— Нет, нет, что вы, Саида! Это очень интересно, продолжайте.

— Подводные танки станут искать нефть, а доставать ее поручим машинам.

— Но ими надо управлять на большом расстоянии?

— Ничего, сделаем, — Саида опять закашлялась. — Пока — игрушки, открывающиеся краны, управляемые по радио, а потом...

Глухой взрыв за стеной прервал ее на полуслове. Будто раздуваемое форсункой, загудело пламя.

— Лопнули кислородные баллоны, — прошептал Васильев, как бы не веря своей догадке, и сразу

вспомнил, что баллонами заполнена вся верхняя часть буровой.

— Ко мне, товарищи! — решительно скомандовал он.

Все окружили капитана подводного танка.

— Положение серьезное, — говорил Васильев, оглядывая друзей.

Снова один за другим загремели взрывы.

— Пожар будет пока еще продолжаться, если не случится худшего. Войти в буровую невозможно... Значит, нельзя освободиться от труб, они держат нас на дне. Но все же попробуем вырваться... К подъему! Открыть баллоны! — приказал Васильев.

Первым вскочил Опанасенко.

— Есть открыть!

Сжатый воздух из баллонов ворвался в камеры. Клокотала рассерженная вода, не желая уступать своего места.

Подводный дом вздрагивал, как будто силясь приподняться, но надежные стальные трубы с закрепляющими устройствами цепко держали его на дне...

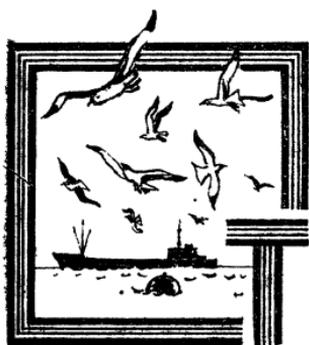
...Еле светились плафоны. Под матовыми колпаками словно тлели красноватые угольки. Разряженные аккумуляторы отдавали последнюю энергию.

Дышать стало совсем трудно. Прекратилась работа воздухоочистительных установок.

Наконец погас свет.

Васильев включил карманный фонарик.

Синеватый луч скользнул по лицам и побегал по коридору...

Глава 15. «ОГОНЬ С ЛЕВОГО БОРТА!»

яжелый танкер «Калтыш» шел в район испытаний подводного танка. За ним на буксире тянулся плавучий островок с трубами. Вся эта конструкция была сделана Гасановым для стометрового подводного основания, Сейчас

ее решили использовать для установки трехсотметровой трубы.

Крутые стальные бока танкера вздрагивали от напряжения. Казалось, что танкер дышит, раздувая и опуская бока, набирая воздух в пустое свое нутро. Сегодня оно должно будет заполниться нефтью, отвоеванной человеком у морских недр.

На носу танкера стоял Агаев и, попыхивая трубкой, смотрел на клокочущие волны; они, словно испугавшись, разбегались в стороны.

Нефть найдена. Значит, оправдались самые смелые предположения геологов: нефть имеется не только в недрах той приподнятости дна, что соединяет Баку с Кисловодском, но и в других районах Каспия. И директор по-хозяйски высчитывал, сколько теперь можно добыть этого золота, если пустить по дну десятков ползающих буровых. За какой срок их можно построить? Сколько потребуются ассигнований и, самое главное, какое участие в этом грандиозном строительстве будет принимать Институт нефти?

Рядом с директором, облокотившись на борт, задумался Гасанов.

Уже не о чем было говорить. Все решено, взвешено, намечены пути дальнейших испытаний. Все казалось простым и ясным. Успех! Большой, настоящий! Этого мало Гасанову. Перед глазами вырисовываются невиданные картины. Впрочем нет, у инженера они похожи на чертежи, правда пока еще неуверенные, расплывчатые в своих очертаниях.

Видит Гасанов, будто сквозь туманную даль, сотни и тысячи плавучих островов. Архипелаги в Каспийском море. Вопреки всем законам, определяющим течение рек, из моря льются черные реки, скованные стальными трубами. Течет подземная река по стальному руслу — нефтепроводу. Бежит по трубам горячая кровь в Москву, Ленинград, Свердловск, Киев, Горький... Неисчерпаемы запасы нефти под дном Каспийского моря. Наверное, ни у кого в мире нет их больше.

— Ты знаешь, что мне пришло в голову? — прервал мечтания инженера Агаев. — Как-то все странно получилось... Больше чем странно, — удивлялся он, выколачивая трубку о борт. — Почему так сразу связь оборвалась?

— Нечего беспокоиться. Это у них иногда бывает. Сложная установка, тоже опытная, как и видеотелефон.

Гасанов оживился, вспоминая недавнюю лекцию жены, которая старалась ликвидировать «потрясающую», по ее выражению, неграмотность Ибрагима в области радио.

— Саида доказывала прямо формулами, в которых я не очень-то разбираюсь, — продолжал он, — что под водой могут проходить только длинные радиоволны, но применять их для передачи по воздуху невыгодно. Лучше из-под воды говорить по проволоке. Вот и пришлось делать, как она просвещала меня, комбинированные установки: триста метров под водой разговор идет по кабелю, а уже на морской поверхности — через ультракоротковолновую радиостанцию, установленную в поплавке.

Перевесившись за борт, Агаев наблюдал, как длинная черная тень от танкера бежала впереди по ярко освещенному оранжевому морю.

— Возможно, и так, — согласился он. — Но все же подвели твои волны. Как бы не подвели и другие — обыкновенные морские. Ветерок поднимается.

— Значит, испытаем, как нужно. Узнаем, насколько устойчива труба с поплавком. Только бы нам успеть, — беспокожно вглядываясь в туманный горизонт, сказал Гасанов.

— До двадцати двух часов еще глаза вытаращишь, как говорит Пахомов. Уже приближаемся к району испытаний. Скоро увидим антенну.

Любуясь картиной вечернего моря, привычной, но всегда по-новому волнующей воображение, Гасанов видел солнечный диск, тяжело опускающийся в воду, горючие суетящиеся волны, похожие на языки пламени... Ему вдруг показалось, что все кругом объято огнем, как будто вся нефть, что скрыта в глубине, выплеснулась наружу, вспыхнула и заметалась на морской поверхности. Он невольно закрыл глаза.

Все погасло, и вновь перед ним черное кипящее море в ту беспокойную и страшную ночь, падающая вышка... Мог ли он тогда предполагать, как сойдутся его пути с путями Васильева?..

Вот это человек! Каким надо быть разносторонним и знающим инженером, чтобы построить столь необыкновенное сооружение, как подводный танк!

Да ведь его мог сделать только Шухов. Опять вспомнил о нем Гасанов, он был убежден, что за последние сто лет не существовало в мире более разносторонне-

го изобретателя, чем русский инженер Шухов, несмотря на то что слава его не была столь рекламно-блестательной, как у Эдисона.

Крекинг и железные башни. Способ компрессорной добычи нефти и постройка больших пролетов в архитектуре. Паровые котлы и мосты. Все это изобретено Шуховым. Вот таким надо быть инженером! Такой огромной широты, такого размаха! Это в традиции русского народа и идет от Ломоносова, который впервые в мире создал теории газов, света, электричества, атома. Менделеев был и химиком, и физиком, и метеорологом, и воздухоплавателем, и экономистом. Он интересовался многими большими проблемами. Сколько с тех пор мы узнали новых имен ученых и изобретателей, продолжающих традиции русской научной мысли! Много их и среди советских инженеров.

Васильеву пришлось хорошо изучить и геологию, и нефтеразведку, бурение, не говоря уже о дизелях, машинах, электрооборудовании. Правда, танк строил огромный коллектив, но он был подчинен единой направляющей идее основного конструктора.

На плавучем острове загудели моторы, послышалось чавканье насосов. Начиналась подготовка к испытаниям.

Впереди мигал, словно бакен на реке, красный огонек. Над ним в лиловом небе вырисовывалась тонкая стальная мачта с флажком. Она покачивалась на волнах, и казалось, что кто-то размахивает ею из-под воды.

Гасанов перешел на правый борт, чтобы лучше рассмотреть антенну на поплавке. Здесь уже хозяйничал директор.

— Ну как, радиобог? Есть связь с Васильевым? — обратился он к вышедшему из рубки радисту. — Мы сейчас рядом, дорогой.

Молодой специалист смущенно развел руками.

— Ну ничего, возможно, какой-нибудь провод оборвался, — сказал директор и тут же мысленно закончил: «Завтра же послать к Васильеву инженера для исправления. Кстати, разобраться, да если нужно, взгреть кое-кого за допущенную аварию. Наверно, перед испытаниями плохо проверили радиоаппараты».

Поднялся ветер. Море зашипело, заклокотало. Над ним клубилась водяная пыль, как пар над огромным кипящим котлом.

— Идем в каюту, Ибрагим, — сказал Агаев, раз-

глядывая светящиеся стрелки на циферблате часов. — У нас еще много времени...

— Огонь с левого борта! — крикнул кто-то с мостика.

Все разом повернули головы налево.

Словно ракета, вырвался из-под воды красный сигнальный фонарь, блеснул над волнами и погас, скрывшись в воде. Но вот он вынырнул опять и торжественно засиял в радужном ореоле водяной пыли.

Гасанов недоуменно пожал плечами и проговорил с досадой:

— Опять он шары испытывает? За каким же дьяволом я тащил сюда свои установки?

— Огонь с правого борта! — снова раздался крик с мостика.

Опять вспыхнула подводная ракета.

— Они решили начать испытания прямо с цистерн, — спокойно сказал директор, не замечая раздражения Гасанова. — А предупредить не смогли... Связи нет.

— Но вдруг мы бы еще не дошли? Ищи тогда шары по всему Каспию! Вот уж не понимаю такого безрассудства!

— Полный назад! — скомандовал Агаев, подняв голову к мостику. — Надо отойти, Ибрагим, — с усмешкой сказал он Гасанову, который вдруг заметался вдоль борта, — иначе какая-нибудь из васильевских торпед продырявит наш «Калтыш».

Одна за другой появлялись цистерны. Это было феерическое зрелище. Из глубины моря вырывались красные ракеты, невысоко подпрыгивали над водой, падали, затем плыли по волнам, не угасая.

Можно было рассмотреть, как огонь летит из глубины. Среди волн появлялось сначала чуть заметное красноватое пятно; оно светлело и расплывалось до тех пор, пока из воды не выскакивала огненно-красная звезда. Затем снова светлела морская глубина, и вот уже новый шар, мерцая, прыгал на волнах.

— Один, два, три, четыре... — считал Гасанов выскакивающие огни. — Как будем транспортировать? Перекачаем или цепочкой?

— Конечно, цепочкой, — решил Агаев, внимательно следя за новыми вспыхивающими звездами. — Пять, шесть, семь. Ну и молодец! Кучность какая!

Подскакивая на волнах, шары вытягивались в одну

линию и напоминали мерцающую гирлянду иллюминации, раскачивающуюся от ветра.

Яркий луч мощного прожектора скользнул по морской поверхности, медленно подбираясь к шарам, окрашенным розоватым отблеском сигнальных фонарей.

Они плавали, будто связанные невидимой нитью в гигантское ожерелье.

Танкер приближался к шарам; покачиваясь на волнах, они словно вырастали. Гасанов уже видел их живой блеск.

— Смотрите! Жемчужины! — воскликнул он.

— Жемчужины? — удивился Агаев и с улыбкой взглянул на восторженное лицо инженера. — Счастливый ты, Ибрагим. Умеешь видеть в простых нефтяных цистернах то, что люди называют прекрасным. Скажи, Ибрагим, тебе не рассказывали о таком же, как и ты, молодом инженере Агаеве, который перед войной рабогал у нас в институте?

— Нет.

— Это был мой младший брат. Думал он тогда о подводном нефтепроводе на поплавках, считал, делал опыты... Такой же, как ты, горячий, и мир казался ему полным жемчужин... Добровольцем ушел в сорок втором с нашей Азербайджанской дивизией...

Он по привычке полез в карман за трубкой, но потом, как бы опомнившись, вытащил руку обратно и слегка поправил козырек фуражки.

— Письмо мы получили, — рассказывал Агаев. — Пал смертью храбрых. Я помню ту ночь, когда письмо принесли на пристань. Хорошо, дорогой, помню... Как сейчас... И ветер, и волны... Мы тогда отправляли в Красноводск транспорт с нефтью. Путь через море был единственным путем для доставки нефти из Баку. От этого тогда многое зависело. Сколько горючего нужно было фронту! Не хватало судов. Подводного нефтепровода не было... Опыты молодого инженера остались незаконченными. Кто-то вспомнил о его поплавках, и мы стали тогда применять плавучие цистерны. Отправляли их, как поездные составы, прицепляя цепочкой к пароходам. Летчики рассказывали, что сверху им казалось, будто поезд с нефтью погонял пароход прямо по морю.

Агаев положил руку на плечо Ибрагима и задумчиво продолжал:

— Вот почему я прежде всего увидел в этих шарах

не жемчужины, а цистерны военных лет... Этого я никогда не забуду. Во время ленинградской блокады через Ладожское озеро проходила по льду «Дорога жизни». В сорок втором по нашему морю тоже шла «Дорога жизни». Она была артерией, по которой текла черная кровь, питающая технику нашей армии... И вот, чтобы никогда не повторились эти годы, чтобы никто и никогда не получал таких писем, как я в ту ночь, нам очень нужны и подводные танки Васильева, и плавучие острова Гасанова.

Молча пожимая руку директору, Гасанов почувствовал что-то новое и еще пока не осознанное в своем отношении к окружающему.

— Странно, очень странно! — словно издали, донесся голос Агаева. — Ты не находишь, что цистерны очень неглубоко сидят в воде?

Ибрагим взглянул на шары. Он все еще думал о рассказе директора. Спросил рассеянно:

— Почему они не наполнены как следует?

— Васильев говорит, что скважина фонтанирует. А по цистернам это не заметно. В каждой из них и тонны не наберется, — опытным глазом определил директор.

Он наклонился за борт и следил, как коренастый матрос, оставшись в одной тельняшке, ловко орудовал тяжелыми цепями, прикрепляя их к поручням шара.

— Возьмем цепочкой, — сказал директор и уже готов был отдать распоряжение матросам.

Гасанов неожиданно запротестовал:

— Так нельзя! Да у нас пока еще нет связи с подводным домом. Но мы ведь должны испытать установку трубы с поплавка.

— Да, если восстановится связь...

— Но это не так просто. А может быть, в одном из шаров лежит записка. Из нее мы узнаем, опускать трубы или нет.

— Посмотрим, — согласился Агаев. — Записка должна быть в бутылке.

Матрос с широкими угловатыми плечами подтянул шар к борту, затем его подняли лебедкой повыше, чтобы не достали волны. Над шаром, словно черный слоновый хобот, повис шланг. Раскачиваясь от ветра, он будто бы искал скобы у завинченной накрепко крышки люка.

Метнулся луч прожектора и остановился на шарообразной цистерне. Она была такой белой и блестящей, будто светила изнутри.

Все столпились у борта, с нетерпением ожидая, когда первая тонна «черного золота», добытая из самых сокровенных морских глубин, потечет в железное чрево танкера.

Два молодых матроса спустились по цепям на цистерну и, усевшись у фонаря, стали осторожно отвинчивать люк.

Гасанов взволнованно наклонился над бортом. Он в нетерпении. Он ждет первый подарок с морских глубин и, возможно, с поздравительным письмом, запечатанным в бутылке.

Неслышно приподнялась крышка. В люк соскользнул черный хобот. Где-то засопел насос, со свистом втягивая воздух. Хобот опустили еще ниже.

Агаев приложил ухо к шлангу и недоуменно развел руками.

— Совсем пустой? — прошептал Гасанов.

Матрос, сидевший на шаре, опустил голову в люк и, всматриваясь в темноту, прислушался.

— На дне тоже нет? — сдерживая досаду и нетерпение, спросил директор. — Возьми фонарь. Ищи записку.

Из люка послышался сдавленный голос, затем показалась темная жилистая рука, цепляющаяся за шланг, и, наконец, голова старого мастера Пахомова.

Все будто онемели. Первым опомнился Агаев.

— Что случилось? Почему ты здесь? — спросил он и крикнул: — Скорее трап!

Вниз по цепям уже спускался Гасанов. Он протянул руку мастеру.

— Ну что там? Что? Скажи!

Пахомов молча оглядывал окружающих, словно кого-то искал среди них.

— Где Александр Петрович? — вдруг хрипло спросил он.

Гасанов и директор переглянулись. Пахомов подбежал к борту и закричал испуганно:

— Где еще шары?

Агаев торопливо подошел к мостику.

— Свет! Скорее!

Луч прожектора скользнул по палубе, осветил со-

гнувшуюся фигуру старого мастера, на мгновение задержался на нем и, пробежав по волнам, указал на скрепленные вместе белые цистерны. Около них уже колыхались лодки.

Глава 16. КАПИТАН ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

емно и душно в торпедном отделении подводного дома. Луч фонарика пробежал по мокрым стенам. Ослабевший техник влез в шар-цистерну. Ему помогали оставшиеся члены экипажа.

Васильев стал у рубильника.

— Внимание! Положение таково. Воздухоочистительные установки не работают. Мы здесь задохнемся. В цистерне хватит воздуха на полчаса. Этого достаточно. «Калтыш» наверху, шум его винта слышит наш звукоулавливатель. Поэтому еще раз повторяю: это единственный выход.

Васильев осветил лица последних обитателей подводного дома: Керимова, Нури, Синицкого.

— Закрывать люк цистерны! — скомандовал инженер.

Нури бросился выполнять приказание и плотно завинтил крышку.

Все вышли из торпедного отделения. Оттуда раздался троекратный стук: человек в цистерне готов к подъему.

Медленно двигался тяжелый шлюз, закрывая отсек.

Проверив замки шлюза, Васильев на мгновение прислушался и включил рубильник. Вода с шумом заполняла камеру. Люди настороженно ждали, когда шар выскользнет из торпедного отделения.

Глухой стук. Это цистерна вырвалась на свободу.

В черной воде шар стремительно мчался вверх — как пузырек воздуха со дна стакана,

Синицкому представилось, что шар уже выскочил на поверхность и сейчас качается на волнах. Человек свободен!.. Еще немного — и воздух, свежий морской воздух ворвется в душную цистерну.

— Теперь ваша очередь, Синицкий, — спокойно сказал Васильев.

Луч фонарика заставил студента зажмуриться. Он машинально поправил галстук и по привычке спросил:

— Вопрос можно?

Васильев недовольно передернул плечами.

— Мне кажется, что кто-то должен остаться здесь, — растерянно проговорил Синицкий. — Надо замкнуть рубильник, выпуская последний шар? Так я понимаю?

— Не ваше дело! — неожиданно резко ответил Васильев. — Выполняйте приказание.

Обиженно закусив губу, Синицкий медленно направился к шару. Луч фонарика побежал вдогонку и заметался по потолку. Может быть, у Васильева дрожит рука? Нет. Луч спокойно опустился на распределительную доску.

Васильев внимательно осмотрел рубильники и спросил, повернув голову в сторону торпедной камеры:

— Приготовились?

— Нет, Александр Петрович, одну минутку. Я тогда постучу.

— Быстрее, — торопил Васильев.

Глухой и троекратный стук послышался из торпедного отделения.

— Нури! Завернуть люк!

Легкой тенью проскользнул Нури в открытый шлюз. Послышался плеск воды под ногами и скрип завинчиваемой крышки.

— Готово! — доложил он, выходя из отсека.

Блеснула медь рубильника, забурлила вода. И снова побежала вверх светящаяся точка...

Возле шлюза осталось трое. Минутное молчание. Видимо, каждый думал об одном: чья очередь? Впрочем, для Васильева этот вопрос был уже решен.

— Теперь вы, Александр Петрович, — глухо проговорил Керимов, словно откликаясь на мысли инженера.

— Нет уж, — сияясь улыбнуться, возразил Васильев. — Капитан покидает корабль последним, ты это знаешь, Ага Рагимович.

Он прислушался и, убедившись, что наружный шлюз

автоматически закрылся после того, как сжатый воздух вытеснил воду из торпедного отсека, открыл внутренний шлюз.

— Прошу, товарищ Керимов!

— Не пойду, — неожиданно спокойно проговорил старый мастер. — Какое мне дело до капитанов! Я старый человек, свое отработал. А тебе еще надо много строить. — Он закашлялся и, еле переводя дыхание, прошептал: — Послушай меня, старого, Александр Петрович. Мы с тобой большевики... Ты же понимаешь, кто из нас нужнее...

— Правильно, Керимов. Мы коммунисты. Так будь дисциплинированным, как того требует партия. Тебе сейчас приказывает начальник... Я жду!

Керимов растерянно стоял перед Васильевым, затем, как бы решившись, обнял Нури, прошептал ему что-то и медленно вошел в торпедное отделение.

Тихо плескалась вода под ногами.

Снова взвилась светящаяся точка. Так один за другим покидали люди подводный дом.

Нури стоял, прислонившись спиной к холодной стальной перегородке. Он раскинул руки в стороны, как бы в последнем усилии стараясь удержаться на этом месте, остаться здесь и ни на один шаг не сдвинуться в сторону. Нет, будь что будет, он не может покинуть Васильева!

Вот уже задрожал луч фонарика на лице Нури. Васильев выжидательно смотрел на него.

— Кто-то должен остаться, — наконец проговорил Нури, широко раскрыв глаза. — Вы были на войне, а я не был... Да? Но я знаю, как наш солдат берег жизнь своего командира... Это был его долг... Почему вы отнимаете у меня это право? — Нури выпрямился во весь рост. — Оно мое!.. Да? Я не уйду отсюда, пока вы здесь!

— Ты слышал мое приказание? — шепотом спросил Васильев.

Нури оглянулся по сторонам, как бы ища выхода, затем ринулся в сторону, стараясь выбежать из светящегося круга. Васильев схватил его за руку. Нури вырвался и побежал по коридору. Заметался луч фонарика...

Луч прожектора «Калтыша» ощупывал чуть ли не каждую волну. Лодки с большим трудом ловили пры-

гавшие шары и один за другим подтаскивали к борту танкера.

— Открыть люки у всех цистерн! — приказал Агаев.

Шары качались около бортов. Гасанов, стиснув зубы, бегал по палубе. Где же Саида? Где? В какой цистерне? Уже открывали четвертую, а ее все не было.

Молодой техник в кожаном костюме вылез из люка и невидящими глазами посмотрел по сторонам. Гасанов спросил:

— Где Саида?

— Там, — техник взмахнул рукой и молча опустился на пол..

Отвинтили крышку пятого шара и вытащили оттуда старого мастера Ага Керимова. Шурясь от яркого света, он нетвердыми шагами ступал по палубе.

Из люка вылез молчаливый штурман подводного корабля, деловито огляделся, сосчитал шары, покачал головой.

Кто-то нетерпеливо стучал каблуками в стенки шара. Матросы начали торопливо отвинчивать крышку. Что там случилось? Стук не прекращался до тех пор, пока крышку не сняли.

Из люка показалась голова Опанасенко. Он презрительно оглядел сидящего на шаре матроса с квадратными плечами, подтянулся на руках и хрипло проговорил:

— Вырос, як бугай, а добру годину гайку выдкручував. Бисова дытына. — Затем примирительно добавил: — Закурить есть?

— Огонь с левого борта! — крикнул вахтенный.

— Это девятый! — всматриваясь в темноту, сказал Агаев и спросил у Гасанова: — Людей там десять?

— Десять, — не отрывая взгляда от прыгающих цистерн, ответил инженер.

«Может быть, в этом шаре Саида? — думал он, и ему казалось, что сердце его не выдержит. — Почему ее раньше не выпустили? Там она единственная женщина».

— Ибрагим Аббасович! — сквозь шум ветра услышал он голос Керимова. — Саида раньше всех была отправлена. Она здесь. Зачем беспокоиться? Да?

Гасанов опустился по трапу вниз и, держась за цепи, старался помочь матросам открыть люк еще одной цистерны.

Крышку отвинчивали нестерпимо долго — так казалось Гасанову. Наконец открыли люк и оттуда в полюбморочном состоянии вытащили Саиду.

Ибрагим, не помня себя, бросился к ней, взял на руки и со слезами радости осторожно опустил на связку каната.

Саида открыла глаза.

— Все?

Никто не решился ответить.

Еще три шара с открытыми люками бились о борт танкера. Пустая железная коробка судна гудела, как колокол. В ближайшей цистерне нашли Нури. Руки его были крепко связаны ремнем.

С помощью матроса он вылез из цистерны, оттолкнул плечом протянутую ему кем-то руку и поднялся на палубу. Здесь он встретился глазами с Керимовым.

— Прости... Видишь... — Нури не закончил и бессильно опустился на колени. — Синицкий поднялся при мне.

— А он? — спросил Гасанов, поддерживая Саиду и все еще не веря тому, что внизу остался человек, который уже никак не может спастись. — А он? — повторил Ибрагим.

Нури уронил голову на грудь. Люди застыли в тяжелом молчании.

Гасанов навсегда запомнил эту страшную минуту... Белая палуба, словно покрытая снегом. Она блестит под холодными лучами прожектора... Сидит на этой палубе человек. Опустил голову, молчит. Вокруг него стоят молодые и старые, инженеры, матросы, рабочие, и тоже молчат. Слова будто замерли на губах... У каждого еще есть надежда. Но об этом нельзя говорить. Кто решится потерять ее?

Ветер свистел над головой, срывал с волн крупные клочья белой, точно мыльной, пены, бросал на палубу...

Нури развязали руки. Он медленно поднял голову, посмотрел вокруг непонимающими глазами и, заметив Агаева, приподнялся.

— Товарищ директор! Пожар начался в буровой... Да? — задыхающимся шепотом говорил Нури. —

Нефть фонтанировала... Пламя появилось сразу, как взрыв... Закрыли дверь, пожар не утихал... Сгорели провода связи, потом провода от аккумуляторов. Всплыть нельзя... Держат трубы буровой... Он хотел спасти всех в цистернах... Выпускали по очереди. Хотели спасти его тоже. Да... — Нури задыхался, боясь, что не успеет сообщить самого главного. — Только он не соглашался... Мы остались вдвоем... Стена раскалилась, дышать нельзя... В торпедном аппарате надо включить рубильник. Кто-то должен остаться... Мне он не позволил... Потом...

Он наклонился над водой, словно хотел проникнуть взглядом в морскую глубину, голова его опускалась все ниже и ниже...

Саида бросилась к Нури.

— Не надо, Нури, милый, родной. Не нужно. — Не выдержала и закрыла лицо руками.

— Зачем так говоришь? — вдруг вскрикнул Нури. — Он еще жив! Он еще там! Ведь правда? Почему молчишь? Да? — с отчаянием и мольбою спрашивал он, словно Саида могла ответить. — Товарищ Гасанов, товарищ директор! Скажите. Да? Почему мы здесь? Спасать надо!.. Я знаю, что трудно: триста метров глубины. Я сам спущусь в скафандре...

Он всматривался в суровые лица Гасанова и Агаева, стараясь прочесть в них ответ.

— Ну что же вы молчите? Ведь там такой человек! Такой человек!..

Налетел резкий порыв ветра. Волны загрохотали по железной коробке танкера.

Оставшиеся у борта шары ударялись о верхнюю обшивку. Один из них накренился, как бы стараясь зачерпнуть открытым люком разбегающуюся кипящую пену.

Матросы удерживали прыгающие шары, но волны, словно играя, били ими в борт «Калтыша».

Вдруг открытая цистерна оторвалась от борта и, подгоняемая волнами, поплыла в сторону. За ней погналась шлюпка. Все бросились к борту и с отчаянием смотрели на исчезающий шар. Шлюпка почти совсем скрылась в волнах, наконец нагнали его. Матросы закрепили канаты за поручни и взяли шар на буксир.

Ветер со свистом носился по палубе. Волны поднимались все выше.

Из последней цистерны вытащили моториста. Синицкий, видимо, оставался в шаре, который сейчас буксировала шлюпка.

Все как будто спасены, кроме капитана подводного дома. Но никто не хотел верить, что он погибнет.

— Ибрагим, ты слышишь меня? Ибрагим? — заглядывая ему в глаза, со слезами в голосе говорила Саида. — Ты все можешь. Я верю в тебя, верю!... Неужели спасения нет? Почему нельзя спустить водолазов?

Гасанов отвернулся. Агаев стоял с обнаженной головой, в руках его дрожала фуражка. Наклонившись над бортом, Пахомов и Керимов смотрели в темную глубину.

— Ты молчишь, Ибрагим? — прошептала в отчаянии Саида. — Ну, скажите вы, Джафар Алекперович! Скажите.

— Пожар скоро кончится. Огонь задохнется. Васильеву тогда удастся пройти в буровую, — неуверенно проговорил директор. — А водолазы на такую глубину спуститься не могут.

Он уронил трубку, нагнулся и долго искал ее на палубе.

Какое-то странное клокотание послышалось у левого борта. Проектор осветил кипящую воронку. Из глубины выскакивали пузыри и с шумом лопались на поверхности.

Вдруг вода закипела, образовался водоворот, пузыри помчались по стенкам воронки, как бы догоняя друг друга...

— Он затопил буровую, — прохрипел Нури.

Матросы вытянулись, как по команде «смирно», сурово глядя на крутящуюся воронку. Она постепенно успокаивалась, исчезли пузыри, и только радужная пленка нефти дрожала, переливаясь в лучах прожектора.

Шлюпка с цистерной на буксире подошла к борту танкера. Матросы в морях робах закрепили цепи на поручнях и подняли ее вверх...

Нури пробрался к люку и крикнул:

— Синицкий!

Глухо, как в бочке, прозвучал голос. Никто не отвечал.

Быстро спустившись в люк, Нури вытащил мокрую шляпу.

Синицкого там не было.

Васильев чувствовал, что задыхается. Он слышал грохот падающих камней, словно лавина неслась с горы...

Темнота, тускло светит лампочка электрического фонарика, словно ей не хватает воздуха. Неумолчный грохот и плеск... Неужели все еще заполняется водой буровая? Он помнит, что повернул рычаги и сам открыл краны для того, чтобы впустить воду. Это было необходимо, так как в буровой взорвались новые баллоны с кислородом и начавший уже постепенно затухать пожар стал разрастаться с новой силой.

Помнит он, как зашипел выпускаемый воздух, заклокотал пар, вода с ревом ворвалась в изолированный отсек буровой.

Теперь отрезаны все пути, дом не сможет всплыть вверх.

Тусклый луч фонарика осветил почерневшую от огня стену буровой. На ней дымилась краска. Васильев приложил руку.

«Да, постепенно остывает», — подумал он и пошел по коридору, освещая путь желтоватым лучом.

Это было последнее прощание... Через несколько минут он откроет все кингстоны. Ворвется вода — и все будет кончено... Васильеву казалось, что лучше встретить смерть мужественно, сразу, не мучаясь, не задыхаясь, как суслик в заваленной норе... Но в сознании еще теплилась далекая, неясная надежда...

Инженер вошел в камеру с большим иллюминатором, потушил фонарик и стал смотреть, как светится фосфоресцирующими огнями подводный мир.

Проплывали, словно призраки, диковинные глубоководные рыбы, чешуя их горела... Одна подплыла к окну и уставилась на человека немигающими глазами, похожими на зеленоватые виноградины.

Васильев поднялся вверх по винтовой лестнице, зашел в штурманскую рубку. Здесь было все, как и прежде. Стояли приборы, покрытые чехлами, светилась в

темноте стрелка большого компаса... Инженер поймал себя на невольном движении: ему захотелось поправить завернувшийся край чехла у локатора...

Он по привычке проверил, все ли приборы выключены, провел пальцем по стеклу компаса — нет ли пыли... Не верилось, что через несколько минут подводный дом станет склепом в морских глубинах...

Дышать становилось тяжелее... На сколько же времени хватит воздуха? Васильев боялся об этом думать.

Вот он снова у себя в кабинете. Сел за стол, положил фонарик. Развернул тетрадь на последней странице, посмотрел дату: «30 сентября». Взял карандаш.

«Что можно сейчас написать? Кто прочитает? — мелькнула мысль. — Однако тетрадь с записями найдут, если когда-нибудь поднимут подводный дом. Записи, наверно, пригодятся тому, кто станет его восстанавливать. Здесь указаны все недостатки конструкции...»

Можно не задумываясь отдать всю свою жизнь только затем, чтобы на один день прийти в институт и сказать: «Дорогие друзья, вот здесь ошибки, здесь я недодумал, здесь не учел. Надо их исправить — и тогда подводный дом станет тем, чем он должен быть...» Пусть тетрадь хоть в какой-то мере этому поможет.

Он знал, почти был уверен, что тетрадь обязательно найдут... его тоже. Что при нем останется? Он осмотрел карманы своего костюма, выбросил ненужные записки, билеты московского метро, застрявшие в уголках, пригласительный билет на праздник в институт...

Бледный луч, отраженный от раскрытой тетради, слабо освещал экран видеотелефона.

Совсем недавно на этом стекле Васильев видел живую и, как теперь ему стало ясно, бесконечно близкую Мариам.

И, может быть, только сейчас, когда человек один на один остался со всей прожитой им жизнью, Васильев мог признаться самому себе, что в жизнь эту неожиданно и твердо вошла Мариам. Он не слышал ответа, когда спросил, ждет ли она его, но, кажется, прочел этот ответ на смущенном девичьем лице.

Васильеву захотелось написать ей несколько строк. Это будут его последние слова. Последние? Показалось невероятным, что он собственной рукой расписывается в своем бессилии. Как будто он добровольно прощается с жизнью. Она недаром прожита. И если погиб его подводный дом и сам он скоро задохнется в этой сталь-

ной коробке, то останется «золотое дно», открытое инженером Васильевым и его друзьями. Скоро с плавучих островов опустятся вниз гибкие трубы, высасывая нефть из подводных недр...

«Что же написать в последней записке?» Он скользнул по столу рукой, чтобы найти карандаш, и неожиданно нащупал пластмассовую коробочку.

Это оказался магнитофон Синицкого. Васильев повернул рычажок. Послышалось легкое жужжание, затем шипение...

«...Итак, продолжаю свой дневник... — зазвучал голос Синицкого. — Теперь мне кажется, что я узнал Васильева. Что мне в нем особенно нравится?..»

Из-за спины инженера просунулась рука, потянувшись к аппарату и спокойно повернула рычажок.

Васильев схватил фонарик, вскочил с кресла. В дрожащем, мигающем свете, словно на экране старого кино, он увидел улыбающееся лицо Синицкого.

— Простите, пожалуйста, — робко проговорил тот. — Я бы не хотел, чтобы вы слушали дальше...

— Как вы сюда попали? — не помня себя от изумления, воскликнул Васильев. — Вы же были в цистерне?

— Нет. Не пришлось. Я сначала вылез из шара, а потом уже постучал. Нури завернул люк и отправил вверх только мою шляпу.

— Зачем вы остались? — негодовал Васильев. — Уж не думаете ли, что мне доставит удовольствие смотреть, как вы будете задыхаться?..

— Да что вы, Александр Петрович?! Я вовсе не хотел этого, — возразил Синицкий, машинально вынимая гребенку из бокового кармана.

Руки его дрожали. Заметив гребенку, он хотел было положить ее обратно, но потом с показным равнодушием начал причесываться. Так гораздо легче скрыть волнение.

— Александр Петрович, шары еще остались, — умоляюще прошептал Синицкий... — Я прошу вас... Очень прошу.

«Ну что сделаешь с этим парнем? — с чувством горечи и невольной теплоты подумал Васильев. — Ради меня он обошел Нури, хотя тот всегда говорил, что человек, который его обманет, дня не проживет... В данном случае он прав. Сколько времени здесь можно прожить без воздуха? Как назвать поступок Синиц-

кого? Подвиг? Нет. Не таким мы привыкли представлять его, вспоминая светлые образы людей, отдавших жизнь за счастье Родины...»

Так думал Васильев. А перед ним стоял просто парень со взъерошенными волосами. Стоял, приглаживая непослушные вихры, улыбался. Он никогда не видел ни бомбежки Севастополя, ни битвы под Орлом. Он не жил во время блокады в Ленинграде и не был комсомольцем Краснодона. В те суровые годы в далекой деревушке на Урале, сидя на полу в заснеженной избе, он складывал из кубиков слово «Родина». Но слова «подвиг» он еще не знал. И только позже о значении этого слова ему рассказали люди и книги.

Васильев смотрел на юношу, думал о нем и почему-то вспоминал о сыне, который сейчас дышит чужим воздухом, запертый в стальную клетку, тоже пленник, как и Синицкий в затонувшем подводном доме.

«Да, комсомольцу Синицкому было у кого учиться, — продолжал размышлять Васильев. — Но если бы я ему сейчас сказал, что его поступок, правда юношески сумасбродный, можно назвать подвигом, он со мной не согласился бы. Ему кажется, что все это очень просто. Какой же это подвиг?»

— Александр Петрович, — услышал он голос Синицкого, — о чем вы задумались? Честное слово, лучше всего будет, если я замкну рубильник... А там, наверху, вы что-нибудь придумаете, как меня отсюда вытащить.

— Послушайте, мой друг. Я понимаю ваше благородство, но и вы понимаете, что я не покину дом, если вы останетесь здесь. А погибать вместе, когда один из нас может спастись, по меньшей мере глупо.

— Но так тоже нельзя, Александр Петрович! — запальчиво возразил Синицкий и предупредительно протянул руку, чтобы его не перебили. — Вы меня простите, только капитаны из приключенческих романов вот уж сотни лет гибнут вместе с кораблем. А ведь вы... — Он хотел что-то сказать, но не нашелся и смущенно замолчал.

Васильев сел в кресло и закрыл глаза. По его лицу бежали тяжелые капли пота. Уже совсем было трудно дышать. Синицкий, опустившись на стул рядом с инженером, старался рассмотреть выражение его лица.

— Не теряйте времени, — вздыхая как можно глубже, сказал Васильев. — Идемте!

— Подождем немного, — умоляюще прошептал Синицкий. — Мы должны выбраться отсюда вместе.

И, держась за стены, он вышел из кабинета.

Жадно глотая воздух, Васильев пытался не думать о том, что будет с ним через несколько часов.

Он стал перебирать последнюю почту, газеты и письма, которые вынули из ящика на двери его одинокой квартиры.

Писем было немного. Васильева заинтересовал плотный белый конверт без марки. Он вскрыл его, и на тетрадь упала фотография. На ней был снят молодой человек в форме солдата американских войск. Лицо его показалось Васильеву очень знакомым. Он развернул письмо и стал читать:

«Дорогой сэр!

По предложению Ваших коллег, виднейших американских инженеров, работающих в области подводной нефтеразведки, мы заранее обращаемся к Вам с просьбой опубликовать в нашем вновь создаваемом журнале Вашу последнюю работу, касающуюся нового метода нефтеразведки.

Мы надеемся, что Ваше сотрудничество в новом журнале будет способствовать укреплению дружеских связей между учеными всех стран. Мы хотели бы получить Вашу работу через нашего представителя, который в ближайшие дни постарается связаться с вами лично.

Только искреннее стремление внести свой скромный вклад в развитие мировой науки заставляет нас, дорогой сэр, просить Вас поддержать новый журнал своим благосклонным вниманием.

Пользуемся также случаем сообщить Вам радостную весть, что сын Ваш, фотографию которого мы посылаем, жив. Он высказал желание вступить в ряды американских войск.

Мы понимаем это благородное стремление, но также разделяем и Вашу тревогу. Мы будем счастливы помочь Вам и приложим все усилия, чтобы уговорить Вашего сына прислушаться к голосу благоразумия, и, если Вы того пожелаете, сын возвратится в родной дом.

Еще раз примите уверения в искренности наших чувств...»

Васильеву вдруг показалось, что все рушится. Трещат перегородки подводного дома. Потолок стремительно опускается вниз. Морское дно уходит в пустоту, и ноги уже не чувствуют опоры.

Он схватил фотографию и жадно впился в нее глазами. Да, это Алешка... сын! На него смотрело худенькое мальчишечье лицо с чуть приподнятой верхней губой. Из широкого воротника торчала тонкая, будто цыплячья, шея.

Отчаяние, гнев и ненависть горячим клубком подкатывались к горлу. Воздух казался раскаленным, как в топке... В эти последние минуты, когда в сознании человека проносится вся его жизнь, Васильев видел только плачущие детские лица — мальчугана на улице немецкого городка, сирот из детского дома... И наконец, вот оно, последнее лицо, — его он видит на фотографии.

Этот юноша не плачет, но кто знает, сколько слез им было пролито, когда вдали от родной земли, с побоями и унижениями из него постепенно делали солдата американской армии! Может быть, через несколько дней его повезут в далекую страну, где снова будут плакать дети?..

Ненависть сжимала сердце. Васильев понимал, что стал жертвой привычного для этих людей шантажа. Никакого нового журнала не будет, это только предлог. В обмен на сына они хотят получить описание подводного танка... Письмо составлено осторожно и не может вызвать дипломатического скандала; кроме того, «представители журнала» надеются, что оно останется известным только инженеру Васильеву, который ради сына пойдет на их предложение... Васильев заметался по кабинету. О, если бы он был сейчас наверху! Надо все рассказать. Может быть, еще удастся вырвать сына из грязных, окровавленных рук? «Алешка, мой Алешка!..»

Остановившись возле стола, Васильев вновь схватил фотографию и долго смотрел на родное лицо.

— Александр Петрович, — сказал Синицкий, входя в кабинет. — Цистерна готова, а я...

Он протянул руку, пытаясь удержаться за кресло, и беззвучно соскользнул на пол.

Две одинокие фигуры стояли на палубе танкера. За кормой метался луч прожектора. Вот он осветил пла-

вучий остров, где краны изогнули свои гусиные шеи, затем спущенные шлюпки у борта и побежал дальше...

— Нельзя больше ждать, — сказал, вздохнув, Агаев стоявшему рядом Гасанову. — Придется возвращаться... Но если бы удалось спуститься водолазам... — продолжал он, как бы говоря с самим собой, — в глубоководных скафандрах... Надо запросить Ленинград.

— Если не будет поздно...

Откуда-то сквозь шум волн донесся крик. Гасанов прислушался. Крик повторился. На палубу выбежали Нури и матросы. Луч прожектора перекинулся через левый борт, побежал по волнам и вдруг замер.

В ярком, ослепительном свете показался рыбачий баркас. На палубе лежал человек и, размахивая рукой, что-то кричал.

Казалось, еще немного — и волны, перекатывающиеся через палубу баркаса, утащат за собой рыбака.

«Может быть, остальные уже погибли?» — подумал Агаев и быстро скомандовал:

— Шлюпку!

Баркас уносило в сторону. Нури и матросы отчаянно работали веслами. Волны ударяли в борт, окатывая гребцов с ног до головы.

Крики становились громче... Наконец шлюпка поравнялась с баркасом. В воде, судорожно уцепившись за руль, болтался человек с искаженным от страха лицом. Другой остервенело отрывал его скрюченные пальцы от руля.

Баркас, потерявший управление, грозил перевернуться.

Нури никак не мог понять, что же тут происходит. Почему человек на палубе не спасает своего товарища? Нет, это невероятно, он ударил его ногой!

Странный блестящий цилиндр со стальными крючками, похожими на крючки «кошки», которой достают ведра из колодца, зацепившись за одежду тонущего, тянул его на дно.

Человек всеми силами старался освободиться от цилиндра, но ему нельзя было отпустить руки, бросить руль.

Матрос ловко метнул утопающему спасательный круг. Тот мгновенно вцепился в него, разорвал на себе одежду и тем самым освободился от тяжелого груза. Цилиндр блеснул в волнах и скрылся под водой.

Человек на палубе внимательно следил за всем, что

происходит. Увидев, что груз затонул, он повернулся спиной к борту и, держась за поручни, пробрался на нос баркаса, где, придавленный связкой каната, скулил мокрый взъерошенный пес...

А в это время с другой стороны танкера, всего лишь в сотне метров от него, вылетела из-под воды светящаяся точка.

Вахтенный матрос наблюдал за спасением рыбаков и не видел цистерны. Подскакивая на волнах, она уплывала в сторону. Уже совсем далеко в последний раз блеснул ее красный огонек и пропал...

...Спасенных рыбаков принесли в каюту, положили на диваны и стали приводить в чувство. После всего пережитого они не могли говорить. Видимо, им дорого далась штормовая погода.

Приподняв голову одного из них, Саида влила ему в рот рюмку коньяку.

Человек открыл глаза, привстал, вынул из мокрого кармана квадратные очки, надел их и огляделся по сторонам.

Саида с удивлением узнала в нем пассажира, с которым летела из Москвы.

В каюту быстро вошел морской офицер в дождевом плаще. Он только что прибыл на сторожевом пограничном судне.

Сняв плащ и аккуратно повесив его у двери, офицер мельком взглянул на рыбаков и, потирая от холода руки, проговорил:

— Хороший ход у вашей «яхты»! Нам пришлось поторопиться.

Танкер направлялся к берегу. Шторм постепенно стихал. Гасанов стоял среди цистерн, закрепленных на палубе, и в сотый раз пересчитывал их.

Там, где затонул подводный дом, оставили плавающий остров. Люди ждали: а вдруг еще один шар поднимется из глубины?.. Нет, исчезла всякая надежда. Некому замкнуть рубильник, чтобы освободить капитана подводного дома. Разве знал Гасанов, что Синицкий не утонул, когда перевернулась цистерна, а остался внизу вместе с Васильевым. И никто об этом ничего не знал...

Плыл танкер к берегу... Торопились теплоходы вовремя прийти в свои порты.

На палубе теплохода «Азербайджан» под паруси-

новым тентом светились желтые абажуры, как цветы огромных подсолнечников, склонившиеся на изогнутых никелированных стеблях. За столами оживленно беседовали и смеялись люди...

А в темноте у самого борта теплохода проплывал белый шар с потухшим фонарем.

Глава 18. ЧАСЫ ОТСЧИТЫВАЮТ СЕКУНДЫ

Был воскресный день. Из репродуктора неслась веселая музыка. После тяжелой штормовой ночи настало утро — безоблачное и радостное. На улицах слышались звонкие голоса, смех, возгласы. Люди торопились на поезда и автобусы — к морю.

В кабинете директора института все окна затянуты тяжелыми темными портьерами.

Агаев взволнованно ходил по мягкому ковру.

Вот он остановился у диктофона, нажал кнопку и заговорил в микрофон:

— Ленинград... Вторично прошу: немедленно сообщите возможность доставки скафандров для глубины триста метров... Точка... Немедленно отправьте, — сказал директор, передавая секретарше блестящий кружок.

Маленькая темноволосая девушка в ослепительно красном платье мгновенно исчезла, словно погасший огонек.

Подойдя к окну, Агаев откинул портьеру. У причала стоял «Калтыш». Вновь в воображении мелькнули белые шары, освещенные прожектором, отвинчивающиеся люки... Последний — пустой шар.

Он пошарил на столе спички и закурил. Дым медленно полз по стеклу, словно обволакивая туманом силуэт танкера. Резко загудел сигнал вызова видеотелефона. Агаев быстро подошел к столу.

На экране появилось лицо человека средних лет с седой прядью, спадающей на лоб.

- Слушаю, товарищ министр, — сказал директор.
- Что ответил Севастополь?
- С такой глубины подъем невозможен,
- Одесса?
- Предлагают спустить батисферу. Но ее нельзя доставить самолетом.

По лицу человека на экране пробежала тень.

- На сколько ему хватит воздуха? Подсчитали?
- Не больше чем на сутки.

Экран потемнел. Вспыхнула красная лампочка и погасла.

Задребезжал звонок буквопечатающего телеграфного аппарата, установленного в кабинете директора.

Медленно тянулась лента. Выскакивали буквы, группировались слова: «Ленинград... скафандры... испытываются...»

Агаев машинально мял ленту, выползающую из аппарата. Трубка давно потухла. Надоедливо и монотонно стучали рычаги букв, ползла бесконечно длинная лента... Мысли тянулись вслед за ней, бесцветные и ненужные. В них не было ни малейшего проблеска, никакой надежды.

Остаются одни сутки... Может быть, даже меньше, часы... Как за это ничтожное время поднять затонувший дом? Как спасти Васильева?.. Снова он вспомнил пустой шар, шляпу, которую вытащил из люка Нури. Надо дать телеграмму о гибели Синицкого.

Знал бы Синицкий, как пригодился его маленький магнитофон! Случайная запись, сделанная на берегу, подкрепила подозрения, бывшие у Рустомова и у людей, призванных охранять наши изобретения, тайны, принадлежащие Советскому государству, охранять их от врага, который в любую минуту может использовать их как оружие, направленное против нас самих.

Сегодня рано утром Агаева вызвали в органы безопасности, где он узнал, что «рыбаки» полностью отрицают какой бы то ни было свой интерес к испытаниям-неизвестной им техники. Да, действительно, один из них видел белые мины, о чем и беседовал со своей знакомой — преподавательницей курсов иностранных языков. Английским он занимается давно. Вот, пожалуйста, есть справка об окончании курсов. А вообще, он работает под Москвой председателем артели, которая делает шпильки, заколки и тому подобную галантерею. «Кстати, не угодно ли ознакомиться с нашей

продукцией? Она у меня в чемодане. — И «председатель» указывал адрес квартиры, где он остановился. — Что такое «Сигма»? Это мы между собой так называем особый вид дамской брошки. Вы спрашиваете, кто такой Вильям? Ну, это шутка. Так мы прозвали нашего общего знакомого Васю. Обыкновенный перевод с русского на английский. Василий значит Вильям...»

Следствие продолжается, но явного преступления любопытных рыбаков пока еще не обнаружено.

«Странно, — подумал Агаев. — А что это за блестящий цилиндр, который исчез под водой? Впрочем, сейчас не до него...»

Лента кольцами спадала на пол. Агаев стоял с потухшей трубкой и снова видел: пустой шар, мечущийся луч прожектора, рыбачий баркас...

Быстро вошел Рустамов. На нем светлый дорожный плащ. В руках — чемодан, на ремне — охотничье ружье.

Он снял фуражку, бросил ее на стол и упал в кресло.

— Уф, жарко! Извини, я прямо с дороги. Что значит твоя телеграмма? От самого Кировабада мчался без остановки. Отчаянный шофер Мардан! Решил прокатить с ветерком. На спидометре все время сто семьдесят... Испытания скоростного электробура, после усовершенствования его Мариам, прошли, я тебе скажу, замечательно. Ну а как здесь? Как васильевские испытания? Я же просил тебя вчера сообщить... Где он сам?

— Пока еще... в подводном танке... На глубине... триста метров, — с трудом проговорил Агаев и тяжело опустил голову.

После минутного молчания он рассказал все, что случилось этой страшной ночью.

Бесшумно вертелись лопасти вентилятора, дрожащего под потолком. Громко стучали большие настольные часы, отсчитывая секунды... Каждая секунда — глоток воздуха.

Сколько их осталось, этих глотков, там, внизу, в подводном доме?..

— Нет, Джафар, ты не прав, — сказал Рустамов и энергично зашагал по комнате. — Я не верю, что мы бессильны.

— Пойми, что сейчас никакая техника не поможет.

Мне стыдно в этом сознаться, но это так... — тихо, с какой-то затаенной обидой заговорил Агаев. — Я глаз не могу закрыть. Все вижу, как крутится воронка, как лопаются пузыри... Я как неживой... Режь мне руку — кровь не выступит.

Он замолчал, как бы прислушиваясь к веселым голосам за окном, затем, не глядя на стол, раздраженно хлопал по нему рукой, отыскивая коробку с табаком, быстро набил трубку, закурил.

Вдруг он отбросил ее и подошел к окну.

— Слышите, Али, они смеются... Они счастливы. Все давно осталось позади... Кто из них может подумать, что сейчас, в дни мира, командир Агаев потерял самого лучшего из своих людей и единственную машину, стоящую не один десяток миллионов...

Рустамов помолчал и спросил:

— Что ответил Ленинград?

— Для такой глубины скафандров, как правило, не существует. Однако ленинградцы будут испытывать особые скафандры, рассчитанные на очень большое давление. Но время... Понимаешь, время!

Рустамов уже ходил по комнате и, казалось, не слушал директора. Вот он остановился у стола, повернул к себе часы и, медленно шевеля губами, словно что-то высчитывая, взялся за карандаш.

Директор бесцельно смотрел на стрелки часов и думал только об одном: как решить задачу, которая ему казалась невероятно сложной, почти невозможной? Триста метров глубины... Тысячи тонн нагрузки...

— Сложнейшее оборудование... Глубоководные скафандры, — как бы дополняя свои мысли, уже вслух говорил он. — Ничего похожего не существует нигде... Подвести понтоны нельзя... Водолазов с опытом работы на такой глубине нет. Неизвестно еще, что покажут испытания в Ленинграде... Батисферу из Одессы, даже если бы и сумели срочно доставить, все равно нужно переоборудовать, иначе ничего не получится. Нет, Али, я не вижу выхода.

— Не согласен, — резко сказал Рустамов. — Почему ты думаешь, что только специальная организация может поднять танк, спасти Васильева? Вот камень, кусок породы. — Он взял со стола черную, обточенную волнами гальку. — Каждый смотрит на него по-разному. Для Мариам это просто осколок твердой породы, которую не скоро пройдешь даже ее сверхскоростным

электробуром. Саида думает, насколько прозрачен он для ее локаторов. Гасанов смотрит, как крепко будет держаться его труба в такой породе... И в то же время они смотрят на него одинаково — глазами людей-новаторов.

Он со стуком положил камень на стол и опять взволнованно зашагал по комнате.

— Можно ли надеяться на другие организации, когда времени осталось так мало?! Ты прав, Джафар: у нас нет выхода... Надо решать задачу иначе — без скафандров и батисферы.

— Что же ты хочешь?

— Посоветоваться с нашими инженерами. Они уже, конечно, думали над этим вопросом. Надо их собрать вместе. Понимаешь, вместе!

Агаев молча нажал кнопку звонка.

В этот воскресный день все были в институте. Никто не уходил с тех пор, как к причалу подошел «Калтыш». Каждый понимал, что будет нужен в любую минуту.

Стоя у гранитного барьера, Гасанов смотрел на море. Казалось, что оно спокойно течет, как река. Тупорылые баржи замерли на якорях.

Он вынул из кармана кусок мела и сразу вспомнил утро, набережную и исчерченную формулами стену.

Неподалеку, тоже у барьера, Нури окружили мастера из подводного дома.

— Только в стальной броне можно опуститься на такую глубину, иначе вода раздавит, — объяснял Нури. — Там на человека давят десятки тонн воды. — Он взглянул на угрюмые лица слушателей и замолчал.

— А если стальными канатами зацепить? — нервно потирая лоб, спросил Керимов.

— Невозможно...

Тут же у скамейки разговаривали Саида и Мариам.

— Невозможно, — упавшим голосом сказала Саида, словно соглашаясь с замечанием Нури. — Невозможно подвести понтоны... Триста метров!..

— Не верю, Саида... Не верю, — со слезами на глазах возразила Мариам. — Смотри, сколько нас! — Она резким движением указала на работников института, одинокими группками бродивших по дорожкам, стоявших у барьера на лестнице. — И не только здесь. Везде, всюду.

За решетчатой изгородью проносились вереницы машин. Скользили в небе самолеты. На морском горизонте таяли в молочной дымке суда...

Да, не только здесь, как говорила Мариам, люди пришли бы на помощь человеку, оставшемуся в морской глубине.

В институтах Ленинграда, Одессы, Севастополя инженеры и ученые уже начали решать эту сложную задачу.

Все можно сделать! Но как остановить время?..

...Саида и Мариам ходили по пустынным дорожкам институтского парка.

«Сегодня праздничный день, — слышался веселый голос из репродуктора, установленного на крыше института. — С самого раннего утра тысячи людей направляются к морю...»

— К морю, — словно эхо, повторила Мариам. — Знали бы они, Саида, джан... — Мариам вдруг неожиданно заплакала и спрятала лицо у нее на груди. — Нет, нет, не обращай на меня внимания. — Она быстро вытерла слезы. — Так просто... Я не о том... Когда я в последний раз видела Александра Петровича, он говорил, что надо обязательно проверить электробур с долотом Зейналова. Хотел сам попробовать... А теперь это сделаю я.

— Подожди, — остановила ее Саида.

— Нет, это для него, — упрямо сказала Мариам и побежала к воротам.

В кабинете директора собрались инженеры, изобретатели, мастера — весь творческий коллектив большого института. Сегодня им нужно срочно, считая минуты, изобрести — да, именно изобрести — технический способ спасения человека.

Каждый знает, что изобретения так не делаются. Они долго вынашиваются в тиши кабинетов и лабораторий...

Разве можно выдумывать или изобретать вместе, всем институтом, смотря на часы и считая про себя, сколько еще глотков воздуха осталось человеку, которого завтра, возможно, не будет в живых, потому что ты — именно ты! — как инженер не мог решить техническую задачу?!

Но Рустамов верил и знал, что даже подчас капризную и своевольную изобретательскую мысль мож-

но заставить решить любую задачу, если этого требует священный долг советского человека.

Не выдавая своего волнения, парторг подошел к столу и рассказал о сложной задаче, которую предстоит решить.

Агаев сообщил о том, что в других организациях сейчас предпринимается для спасения Васильева.

Казалось, что часы на столе директора, слегка скрипящая, учащенно и жадно дышат.

— Теперь скажите: можем ли мы что сделать? — спросил Рустамов, подчеркивая слово «мы».

Никто пока не решался ничего сказать. Молчание длилось долго... Стучали часы...

— Мне кажется, можно опустить балласт на крышу подводного дома, — услышался робкий голос молодого инженера.

Все сразу повернулись к нему. Его здесь мало кто знал. Он только что кончил местный индустриальный институт и лишь месяц назад стал членом этого научно-исследовательского коллектива.

— Тогда можно просверлить броню, — сказал он, смотря себе под ноги, будто видел на ковре чертеж.

— Зачем? — спросил Рустамов, чувствуя, что в словах инженера есть какая-то пока еще неясная техническая идея.

— Чтобы закрепить... — начал тот и замолк.

— Правильно! — воскликнул Гасанов. — Надо опустить с плавучего острова трубу с подшипником, закрепленным в балласте. Отрезки трубы постепенно наращиваются, пока она не коснется крыши подводного дома.

— Я об этом и говорю, — оживился молодой инженер.

Агаев с сомнением покачал головой:

— Можно ли так точно угадать?

— Можно! — убежденно подчеркнула Саида. — Я укажу ультразвуковым локатором. Все будет видно на экране... Ну а дальше? Говори дальше, Ибрагим!

— На конце трубы бурильная коронка, — со все более возрастающей уверенностью рассказывал Гасанов.

— Понятно! Только алмазная, — нетерпеливо добавил Рустамов.

— Ее продолжением служит метчик. Он сделает на-

резку в крыше подводного дома. Теперь труба будет надежно соединена с ним как раз над буровой.

— Верно, Ибрагим Аббасович, верно, — не отрывая от Гасанова глаз, восхищенно заметил молодой инженер.

— Это в центре? — спросил директор.

Он держал зажженную спичку, но забыл поднести ее к трубке. Спичка догорела и погасла.

Гасанов быстро вынул из кармана карандаш и схватил со стола лист бумаги. Уверенной рукой он вычертил на листе опущенный перпендикуляр на крышу подводного дома.

— Вот здесь, — сказал он, поворачиваясь к директору. — Теперь понимаете? — продолжал он, вычерчивая деталь соединения. — Труба плотно соединена с куполом. Под ним — затопленная буровая. Вот она. Внутренний разрез подводного дома я смотрел сегодня на чертеже. Из буровой выкачивается вода... Васильев смог впустить ее туда только из затопленных камер, которые автоматически закрываются при наполнении. Затем надо освободиться от трубы в грунте, после чего дом всплывет без всяких понтонов, — закончил Ибрагим, вытирая на лице выступивший от волнения пот.

— Как вы думаете, товарищи? — обратился ко всем Агаев. — Мне кажется, что из этого что-то выйдет.

— Предположим, — согласился Рустамов. — А что думает Ибрагим насчет трубы в грунте? Ведь она держала дом, когда еще в буровой не было воды. Именно из-за этой трубы они не могли подняться.

Девушка-секретарь принесла схематический чертеж подводного танка. Его повесили на стене.

— Вот смотрите, — указал Гасанов на разрез буровой камеры. — Если поднять рычаг, удерживающий шестерни, то освободится канат на лебедке, отчего сработает вот этот механизм — и труба также станет свободной. Когда из буровой будет выкачана вода, надо попробовать через установленную нами трубу магнитными ловильными приспособлениями поднять этот рычаг. — Он увидел протестующее движение Рустамова и быстро добавил: — Конечно, предварительно опустив в буровую специальный фотоаппарат с лампой или даже телевизионную головку, чтобы все видеть. Саида нам поможет.

— Нет, Ибрагим, этого ты не додумал, — укориз-

ненно и в то же время разочарованно сказал парт-орг. — Бурить на весу, с плавучего острова, очень трудно, но все-таки можно, сделав упором тяжелый балласт на крыше подводного дома, как предложил инженер Мамедов. А вот искать рычаг сквозь трубу... — он развел руками. — Здесь нужно что-то другое.

Гасанов смотрел на чертеж. Молодой инженер, которого Рустамов назвал Мамедовым, подошел к столу и по примеру Гасанова начал чертить на уголке листа.

Саида приподнялась, хотела что-то сказать, но, подумав, опять села на место.

Агаев встал, посмотрел на чертеж и снова возвратился к столу. Тикали часы, отсчитывая секунды...

— Как же я этого не учел?.. Упустил... Искать сквозь трубу... — бормотал Гасанов, скользя пальцем по чертежу.

Можно ли продумать все до конца? Разве он специалист по всем отраслям техники? Откуда он должен знать, как опускать телевизионную головку в трубу? Неужели так и не найдется выхода? Минуты идут. Будет поздно... Как же все-таки освободиться от трубы?

— Вот ведь какая беда! — словно про себя, озабоченно проговорил Керимов. — Держит... А ведь только рвануть за трубу — и все.

— А если взорвать? — неуверенно спросил Нури, но вдруг вскочил с места и обрадованно закричал: — Конечно, взорвать! Надо опустить по трубе, через которую мы откачаем воду, толую шашку с электрозапалом. Да? Она опустится как раз над станком. Взорвем его крепление, и дом освободится. Взорвать совсем нетрудно. Да?.. Только нужно рассчитать, чтобы не повредить клапан. Ну, тот самый... Да?.. который автоматически запирает отверстие, когда из него выходит труба.

— Постой, постой, Нури, — протянул к нему руку Гасанов, на мгновение задумался, посмотрел на чертеж и восторженно воскликнул: — Молодец! Ты понимаешь, что это самое простое решение?!

— По-моему, правильно, — сказал Агаев и впервые за все это время улыбнулся. — Как ты думаешь, Али?

— Надо начинать. Итак, что нужно прежде всего? — Рустамов наклонился над блокнотом.

Агаев облегченно вздохнул и вытер вспотевшую голову.

— Все это сейчас мы подробно обсудим, но, не дожидаясь окончательного решения, подготовку начнем немедленно. Техническое руководство возлагаю на инженера Гасанова.

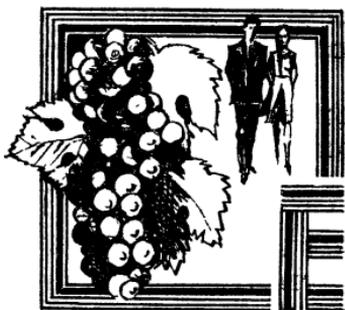
Гасанов молча смотрел на чертеж, обрадованный первым успехом найденного решения. Как здорово подсказал его Нури! Надо учесть его замечание относительно автоматического клапана. Иначе из буровой не выкачать воду, она все время будет поступать снизу в отверстие для скважины.

Подойдя к Агаеву, Ибрагим ожидал приказаний. Огромная ответственность, которая с этой минуты легла на него, заставляла думать о тех, казалось бы на первый взгляд, непреодолимых трудностях, что ждали его впереди...

Директор молчал. Рустамов записывал в блокнот план работы. Саида неслышно подошла к Ибрагиму и шепотом стала рассказывать, как она предполагает видеть на экране локатора опускающуюся трубу. Для этого на некотором расстоянии друг от друга она установит два ультразвуковых генератора непрерывного действия, тогда на экране будет видно два изображения этой трубы. Их надо будет совместить, чтобы определить истинное положение трубы в пространстве, то есть в воде. Это, конечно, трудно, но Саида делает.

Наклонив голову, Гасанов молча слушал и, хотя не очень разбирался в локациях, понимал все, что сейчас нужно было понимать...

Часы отсчитывали секунды...

Глава 19. ДЕСЯТЫЙ ШАР

сть чудесные дачные места на Апшероне.

Всего лишь тридцать минут от Баку — и вот вы уже бродите среди виноградников Шувелян, абрикосовых садов Мардакян, любуетесь новыми постройками

из белого ноздреватого камня, выросшими здесь за последние годы.

Но если вы хотите по-настоящему почувствовать всю прелесть и своеобразие здешней природы, пройдите прямо виноградниками к морю. Не бойтесь заблудиться в чаще виноградных лоз, они не скроют от вас горизонта, потому что в этих местах особенная лоза: она не тянется вверх, а стелется по песчаной горячей земле. Скромным и неинтересным кажется кустик здешнего винограда, распустивший свои плети словно арбуз на баштане. А может быть, и правда, не виноградник здесь, а украинские баштаны раскинулись на многие километры?

Осторожно приподнимите ветку. Смотрите, под широкими пожелтевшими листьями висят тяжелые виноградные кисти. Они кажутся прозрачными, будто сделанными из стекла, и светится в них благородная золотистая влага. Чудесные гроздьи! Нет слаще и ароматнее их. И растут они только на этой земле, что кажется такой скупой и неприветливой.

Мариам слишком рано приехала на буровую. Испытания электробура с новым долотом должны начаться только через час.

Оставив машину на промысле, она решила пройти к морю через виноградники.

Шла она медленно и тяжело, словно боясь расплескать воду из переполненной чаши. Ее маленькие загорелые ноги, исцарапанные о колючие травы, казались разрисованными белыми тонкими линиями. Легкое зеленое платье трепетало и шелестело от ветра, как листья на виноградных кустах, среди которых она проходила...

Мариам сняла соломенную шляпу и машинально вытерла влажный лоб. Все здесь напоминало ей о том, что случилось этой страшной ночью: и радостное небо, и море, и даже виноградники.

Ранним утром в день испытаний Мариам решила просить Васильева взять ее в подводное путешествие. После долгих поисков она встретила его возле института, откуда начинались виноградники.

— Да... там было все так же, как сейчас. Те же ползучие ветви и розовый песок под ними...

— Осень. Вот и нет винограда, — смотря на прижатые к земле лиловато-розовые листья, задумчиво сказал Васильев.

Мариам молча приподняла густую распластанную

на песке ветвь. Громадные, как абрикосы, ягоды тяжело спускались вниз. Они отливали голубизной утреннего тумана, а внутри казались наполненными жидким золотом.

— Смотрите, Александр Петрович, это тоже золото, — не отпуская ветку, говорила Мариам. — Надо только уметь его увидеть.

Васильев с какой-то затаенной нежностью посмотрел на виноградную кисть.

— Вот как будто бы пустяк. Скромные, ничем не примечательные ветки лежат на песке. А ведь стоит только нагнуться, приподнять эту ветку — и сразу блеснет истинное золото. Так и хороших людей мы подчас не замечаем.

Он бережно взял лозу из рук Мариам и опустил вниз, на теплый песок...

Сегодня утром она узнала от отца, что произошло в подводном доме, не могла этому поверить и побежала в институт. Там, когда уже не оставалось никаких сомнений, что все это правда, что Васильев остался один в морской глубине, Мариам села на окно в пустом вестибюле и долго смотрела в темный коридор. Вот-вот покажется Александр Петрович, взглянет на нее серыми теплыми глазами и молча протянет ей руку...

Она выронила шляпу, ветер подхватил ее и погнал по тропинке. Мариам рассеянно пошла следом...

Кончились виноградники. Гряда белого блестящего песка, словно снежная полоса, отделяла их от моря. Ветер вздымал над ней как бы искрящуюся поземку. «На его родине скоро будет снег», — подумала Мариам, взбираясь на песчаный холм.

Места здесь были пустынные, никто сюда не приезжал, кроме охотников и рыбаков. Далеко в море уходили изрезанные трещинами скалы. В них часто прятались водяные змеи.

Мариам шла у самого берега, смотря в зеленую воду, и никак не могла освободиться от странного и неясного чувства, будто пришла она сюда проститься.

Жарко, ее темные волосы нагрелись от солнца. Приложив руки к вискам, Мариам лишь сейчас заметила, что оставила шляпу на винограднике.

В расщелине скалы было сыро и прохладно, море темно-синее с пенистыми клочьями и почти черное у входа в широкий грот. Мариам безучастно разглядывала его замшелые стены, облепленные ракушками и ры-

жими высохшими водорослями. Она видела его черную глубину, куда никогда не проникают солнечные лучи. Холодным дыханием склепа веяло из этой морской пещеры...

Мариам вздрогнула. Ей показалось, что в темноте грота блеснул свет. Волнением сжало горло. Она вспомнила зеленоватый свет под водой, который видела однажды при испытаниях подводного дома.

Из грота вышел человек в черном блестящем плаще и морской фуражке. Осторожно ступая по камням, торчащим из воды, он остановился у выхода и направил луч карманного фонарика в темноту грота.

Оттуда выплывал «Кутум», но уже с самолетным винтом.

На палубе суетились молодые конструкторы, как всегда взволнованные перед испытаниями.

«Кутум» шел быстрее торпедного катера, скользил по воде как гидросамолет. Нет, он просто летел со всей скоростью, на которую только был способен. А за ним, подсакивая на волнах, мчалось блестящее белое облако...

Приближаясь к берегу, облако становилось плотным, осязаемым. Электроглизсер тащил на буксире белый шар.

Мариам не верила своим глазам... Все девять шаров лежали во дворе института. Остальные находились в подводном доме. Значит, этот шар мог быть только оттуда... Нет, нет, успокойся, Мариам. Это лишь слабый проблеск надежды.

Не помня себя от волнения, она бежала по берегу, увязая в песке, спотыкаясь и падая. Еще немного осталось, Мариам! Смотри, «Кутум» уже совсем близко.

Проплывает белый шар сквозь скалистые ворота. Останавливается, слегка раскачиваясь на волнах...

Молодые испытатели с трудом тащили тяжелую пластмассовую цистерну на берег. Мешали подводные камни, шар в них заклинивался, и тогда его нельзя было сдвинуть с места.

— Наконец-то, — еле отдышавшись, проговорил конструктор электроглизсера и повернулся к Мариам. — Секрет наш простой. Сегодня на заре мы этот шар у рыбаков увидели. Говорим, что шар наш, институтский. Удостоверения, конечно, показали; подумали и отдали. Берите, мол, если ваш... Стали к берегу тащить, — продолжал он, уже карабкаясь на верх цис-

терны, — а мотор не тянет. Пришлось шар оставить на Каменной гряде. Зато сейчас наш глиссер как буксир на тысячу сил. Десять таких дотащит. Да?

Упираясь босыми ногами в гладкие стенки шара, рассказчик наконец-то забрался наверх.

Прижав руки к щекам, Мариам стояла по колени в воде и ничего не видела, глаза застилало туманом, кровь стучала в висках.

Самый ближайший помощник руководительницы бригады юных техников с удивлением и беспокойством наблюдал за ней.

— Зачем бояться, Мариам? Ты думаешь, мина? Думаешь, взорвется? Да?.. Александр Петрович потерял этот шар. Он с такими работает, — пояснил он, с любопытством рассматривая выпуклый фонарь, похожий на огромный бычий глаз. — Может, аккумуляторы надо отсоединить? Нет, лучше ничего не трогать. А шар мы спрячем в грот. Вечером возьмем. Правильно, Мариам?

Она как бы очнулась и неистово закричала:

— Нельзя. Скорее, скорее откройте!

Путаясь в водорослях и спотыкаясь о камни, Мариам подбежала к шару. Стараясь обхватить его обеими руками, она прижималась к холодной стенке, словно сквозь нее хотела услышать биение живого человеческого сердца...

Зачем обманывать себя, Мариам? Разве можно остаться живым в этой наглухо закрытой коробке? Прошло уже много часов...

Нет, Мариам не хотела этому верить. Может быть, там, наверху, возле люка, есть какое-нибудь отверстие, открывающееся изнутри. Это была последняя надежда.

— Прошу... скорее... скорее!.. — говорила она, скользя руками по мокрой поверхности шара.

Он даже растерялся. Подозвал кого-то из ребят, и вдвоем они стали отвинчивать крышку люка. Туго поддавалась скрипящая нарезка.

Наконец люк открыт. Конструктор вытянул подбородок, уперся им в нарезной борт и заглянул вниз.

Смотрел он долго и сосредоточенно. Мариам казалось, что она больше не выдержит. «Ну говори же, говори!» — хотела вымолвить, но не хватало дыхания и мужества.

— Шар пустой! — заключил конструктор электро-

глиссера и вздохнул с сожалением. — Аккумуляторы подходящие. Вот бы к нашим добавить.

— Там никого нет? — прошептала Мариам.

Ребята изумленно переглянулись. Кто же может быть в этом завинченном наглухо шаре?

«Уж не случилось ли чего с Мариам? — с тревогой подумали ребята. — Странная она какая-то».

Она много видит конструкторов, изобретателей, ей понятно их нетерпеливое любопытство, если дело касается чего-либо нового в технике. Но такого ни с кем не бывает.

И только самый черный из всех ребят и самый молодой из техников на опытном заводе, неисправимый фантазер и мечтатель, почему-то первым прочел в глазах Мариам то, о чем она боялась сказать.

Он скользнул в люк, повис на руках и спрыгнул вниз, на дно шара.

Настала такая тишина, что казалось, даже волны остановились где-то на полпути к берегу, боясь ее нарушить.

Прильнув ухом к стенке шара, Мариам слышала шлепанье босых ног, затем какое-то царапанье...

— Нет тут никого, — послышался гулкий, как из бочки, голос.

Мариам не понимала, что же она должна делать: радоваться или вновь мучиться? В шаре никого не нашли, но исчезла и надежда увидеть Васильева живым.

Из люка появилась голова мальчугана. В зубах он держал черную клеенчатую тетрадь и, упираясь в борта, старался выбраться из шара.

Наконец он вылез и высоко поднял тетрадь, соскользнул с шара всем известным способом, как многие в детстве скатывались со снежных гор без салазок, плюхнулся в воду и передал тетрадь Мариам.

Дрожащими, неповинующимися пальцами она взяла тетрадь и открыла на первой странице.

«А. Васильев. Технический дневник».

Все поняла Мариам. Он послал тетрадь, чтобы не погибли вместе с ним его записи.

Перелистывая страницы, смотрела она, как сквозь мутную пленку, на числа, формулы, чертежи. Вот день, когда Мариам впервые увидела Васильева в его лаборатории... Дальше снова какие-то эскизы... А это... последняя ночь (30 сентября)... Мариам дрожала от еле сдерживаемых рыданий.

«Итог последних лет», — прочитала она, глотая слезы, и дальше вниз:

«Что-то будет?»

Мариам перевернула новую страницу и вздрогнула от ощущения чего-то страшного и неотвратимого.

Это его последние слова... Через всю страницу наискось тянулись строчки, написанные красным карандашом.

Глава 20. «ВСЕ БУДЕТ СДЕЛАНО ДЛЯ ЕГО СПАСЕНИЯ»

Только что кончилось совещание в кабинете директора. В пепельницах — горы окурков. Голубой дым, похожий на тонкую пряжу, тянулся в окно.

Агаев и парторг остались одни.

— Понимаешь, Джафар, — как бы продолжая прерванный разговор, начал Рустамов. — Поднять васильевскую конструкцию очень трудно, но, как видишь, можно. А это получается только потому, что по своей натуре, по своему воспитанию каждый из наших людей в какой-то мере изобретатель.

— Сейчас я убедился в этом, — согласился директор. — Однако танк мы успеем поднять к вечеру, но... найдем ли мы Васильева живым? Вот в этом я не уверен.

Рустамов поднял строгие глаза. В них таилось недовольство.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он. — Всего несколько минут назад профессор Гусейнов утверждал, что для одного человека при данной кубатуре воздуха хватит до завтрашнего утра...

— Я не о том, — нервно перебил его Агаев. — Воздуха хватит... А мужества? Ты об этом забыл? Васильев лучше нас с тобой понимает, чего ему следует ожидать... Так не лучше ли сразу открыть все кингстоны?

— Этого он не сделает.

— Почему?

— Он — коммунист!

Агаев молчаливо согласился и подошел к окну.

— Как ни говори, но люди у нас особенные, Джафар, — после недолгого молчания сказал парторг. — Сегодня ко мне прибежал Нури и стал доказывать, что рыбаки, которых задержали ночью пограничники, люди не наши, а чужие. И знаешь, чем он это доказывал? Говорит: «Не могут наши люди друг друга топить». А он сам видел, как рыбак злобно отрывал от руля пальцы своего товарища.

— Кстати, Нури что-то говорил о цилиндре с крюками?

— «Рыбаки» отрицают, причем будто бы убедительно. «Парню, наверно, со страху осьминог почудился», — именно так и сказал один из них. Следовательно не мог меня дольше задерживать, зная, что сейчас самое главное — успеть спасти Васильева... Но, понимаешь, какая история? — Рустамов подошел к двери и, приоткрыв ее, посмотрел в приемную. — Этого «председателя артели» видели на площадке лестницы, где находится квартира Васильева. Странное совпадение...

Громкий стук в дверь заставил Рустамова обернуться.

— Войдите! — сказал директор.

Кто-то застучал еще сильнее.

Рустамов быстро подошел к двери, распахнул ее — и столкнулся с Мариам. Она не могла перевести дух от волнения, дрожащей рукой протягивая ему тетрадь.

— Салам, Керимова! — приподнявшись в кресле, приветствовал девушку директор, с удивлением глядя на ее запыленное, мятое платье. — Что там случилось? Рассказывай!

Поминутно оборачиваясь к двери, откуда высовывались головы ребят, Мариам сбивчиво и несвязно рассказала о том, как они нашли шар, нашли дневник и — уже совершенно ненужное — как они вчетвером мчались в город.

— Довольно, Мариам. Все ясно, — перебил ее путаную речь Рустамов и протянул Агаеву тетрадь, раскрытую на последней странице.

Директор вытер голову платком и прочитал вслух:

— *«Всем, кто найдет этот шар. Срочно сообщите Баку, Институт нефти, Агаеву: следите за второй цистерной — она без света. Пытаюсь спастись. Тетрадь перешлите по тому же адресу. А. Васильев».*

— Несомненно, вторая цистерна вылетела, — убежденно сказал Рустамов, как бы отвечая на немой вопрос директора. — И если она без сигнального фонаря, то мы ее не могли заметить...

— Непонятно... Совсем непонятно... — удивленно говорил Агаев, перелистывая страницы дневника.

Из тетради выпал розовато-коричневый кружок. Мариам быстро подняла его и передала директору.

— Еще одна загадка, — уже с недовольством заметил он. — Это что-то вроде записи на маленьком диктофоне. Проверим на всякий случай. Али! Скорее звони командиру авиачасти. Поиски начнем сейчас же.

Он подошел к стоящему в углу столику с магнитофоном, долго возился с ним, вспоминал, как инструктировал его Синицкий, подключал звукосниматель, чтобы услышать запись на обычном магнитофоне, и наконец закрепил целлофановый кружок, найденный в тетради.

Послышались какие-то щелчки, затем голос, в котором звучало плохо скрытое волнение:

«Прошу сообщить в геологоразведочный институт, что студент Синицкий несколько задерживается... по независящим от него обстоятельствам...»

— Надо торопиться. А я тебе что говорил, Али? Не мог этот парень утонуть. — Агаев суетился. Нажимая кнопку звонка, одновременно смотрел на часы. — Значит, они оба живы. Ты понимаешь, Али, и Синицкий тоже... Но как он остался в подводном доме? Нури говорил, что сам отправил цистерну с Синицким. Теперь мы не можем его второй раз потерять...

— погоди, Джафар, — остановил его парторг, записывая что-то в блокнот. — Давай по порядку. Подготовка к подъему уже идет... Сейчас найдут командира авиачасти. Я уже звонил. Но для поисков цистерны этого мало. Нужны десятки самолетов, катеров, глиссеров... Помогут аэроклуб, яхт-клуб, мореходное училище...

— Разрешите и нам, — неожиданно для всех вмешался конструктор электроглиссера. — Мы проверим прибрежную зону до самого Сумгаита.

Никто не замечал ребят, которые все время стояли у двери, ожидая, что у них будут спрашивать, где и как они нашли шар.

Рустамов понимающе улыбнулся.

— Как же, слышали... Испытания форсированных режимов.

— Откуда слышали? — обеспокоенно спросил конструктор. — Мы же никому ничего...

— Так уж и никому? Как у нас часто говорят: «Узнала тетя — узнал весь свет». Ну ладно, молодцы, потом. Спасибо, что шар притащили.

— А второй мы тоже будем искать, — решительно заявил конструктор. — Конечно, после работы, — поправился он, искоса взглянув на директора. — Только вот аккумуляторов не хватает...

— Ай, балам! * — воскликнул Рустамов. — Как не помогать изобретателям! Ну а вот шар постараемся разыскать сами.

Мариам сурово взглянула на техников и вместе с ними вышла из кабинета.

Директора только что вызвали к телефону.

— Да, да, очень трудно, — говорил Агаев. — Но у нас есть одно коллективное предложение. Будем пробовать... Уверен ли в успехе? Я должен быть уверен! Да, уже приступили... Вечером подробно доложу... — Он заторопился, испугавшись, что разговор может закончиться, а он еще не сказал самого главного. — Одну минуту! Только сейчас мы получили известие о Васильеве, он... Нет, нет, это неизвестно. Возможно, жив... Записка в цистерне... Мы решили... Приехать? Немедленно? Есть!

Агаев быстро надел фуражку.

— Ты знаешь, откуда звонили?

Парторг утвердительно кивнул головой.

— Из ЦК.

— Значит...

— Значит, — перебил его Рустамов, — все будет сделано для спасения Васильева.

На плавучем острове Гасанова уже давно начались работы по подъему подводного дома. Катера, баржи, краны сгрудились вокруг острова. Он стоял не шелохнувшись, так как его многометровая площадь намного превосходила длину самой большой каспийской волны. Он словно опирался на них.

В центре острова на решетчатой ферме находилась командная будка. Со всех сторон она была закрыта

* Балам — дитя (азерб.).

стеклом, сквозь которое виднелись аппараты и рядом человек в темном комбинезоне.

Широко расставив ноги, уверенно и спокойно стоял конструктор плавучего острова Гасанов и подавал команды в микрофон.

Гудели моторы, всхлипывали насосы, шипела дуга электросварки, звенели трубы, падая на железный пол.

— Начали! Опустить балласт! — приказал Гасанов и торопливо спустился по лестнице из командной будки.

Он подошел к Саиде и, обняв ее за плечи, склонился над экраном ультразвукового локатора.

В мерцающем светлом поле ползла сверху вниз тень прямоугольника. От нее к верхнему краю экрана шла черная линия трубы.

Молчаливо и сосредоточенно Саида вращала микрометрический винт наклона объектива.

Все ниже и ниже скользил взгляд локатора. Уже можно было различить силуэт подводного танка. Балласт и труба опускались мимо.

— Левее, левее! — закричал Гасанов.

Голос его потонул в реве пронесшейся над головой эскадрильи гидросамолетов.

— Туман... Не найдут, — сказала Саида, провожая их глазами, затем снова наклонилась к экрану. — Боюсь, что и мы не успеем...

— Должны, чего бы это ни стоило! — стиснув зубы, проговорил Гасанов и побежал к командной будке.

...Наступил вечер. По белой блестящей поверхности острова скользили тени людей и машин.

В разных местах — у лебедки, у моторов, у насосов — везде и всюду появлялась фигура Гасанова. Он был весь в движении. словно подчеркивая напряженность обстановки, метались по воде лучи прожекторов.

Наконец удалось опустить балласт на крышу подводного дома. Включили электробур. Он вращался с бешеной скоростью. Мариам рассчитала, что в данном случае можно на несколько минут допустить десятикратную перегрузку.

Прижав руки к щекам, затаив дыхание, она смотрела на экран. Алмазная коронка вгрызалась в сталь. Надо было просверлить быстро, иначе вся установка может соскользнуть с куполообразной крыши.

Труба надежно вошла в толстую броню. Мариам с облегчением вытерла глаза. От напряжения или скорее от радости у нее показались слезы.

Зачавкали насосы; они выкачивали воду из буровой подводного дома. Толстая струя, похожая в свете прожектора на расплавленную сталь, хлестала за борт плавающего острова.

Сквозь трубу опустили вниз трос с прибором, определяющим уровень воды в буровой. Уже можно было готовить толовую шашку.

Заряд осторожно вложили в трубу. За ним тянулся провод. Вот он уже спустился до самого устья скважины в буровой.

Нури дрожащими руками взял подрывную машинку.

Гасанов взмахнул рукой. Ток побежал по проводу, и электрозапал взорвал шашку.

Из воды показалась длинная труба с гигантским шлангом, подвешенным к подъемному крану. Она медленно выползала из глубины, словно чудовищная, исполинская змея.

Саида застыла у экрана локатора. Она следила за поднимающимся подводным домом. Вдруг он остановился и пошел вниз.

— Пустить насосы! — закричал Гасанов.

— Сколько осталось до поверхности? — спросил через репродуктор парторг.

Он находился вместе с Гасановым в стеклянной будке командного мостика.

— Сто метров, — сообщил Нури, взбегаая по лестнице.

Али Гусейнович удовлетворенно вздохнул.

— Ну как, Нури, поднимем? А?

Нури широко улыбнулся:

— Обязательно! Как можно, чтобы хороший человек погиб? Да? А он просто замечательный!

— Так что ж, по-твоему, Синицкий годится в друзья?

— О! — Нури поднял палец над головой, выражая этим высшее восхищение.

— А помнишь, как ты его встретил на первых испытаниях?

Хитро прищурившись, Нури сокрушенно ответил:

— Позвольте и мне вспомнить нашу азербайджанскую поговорку: «Ишак может ли понять, что такое шафран?» Вот тогда я таким ишаком и оказался.

Рустамов рассмеялся и ласково потрепал его по плечу.

— Ты это скажи своему другу Синицкому. Скоро с ним встретишься.., Будем, конечно, надеяться.

К локатору подошла Мариам и стала рядом с Саидой, внимательно смотря из-за ее плеча на экран.

— Саида-джан! Твой аппарат и сверху на воде может видеть металлические предметы?

Подняв глаза, Саида пристально посмотрела на подругу.

— Я понимаю тебя, баласы *, но ты же знаешь, что цистерна не железная. Никакими локаторами пластмассу сверху не увидишь, — вздохнув, сказала она.

Вероятно, скоро настанет утро. Гасанов боялся взглянуть на стрелки часов, которые отмечали, сколько осталось человеку жить. Сколько осталось в подводном доме глотков воздуха... Если до утра его не поднимут, то...

Прожектор осветил трубу с изогнувшимся шлангом, похожим на вопросительный знак. Вдруг шланг оборвался, и труба исчезла под водой.

Прыгая через несколько ступенек по лестнице, ведущей из командной будки, Гасанов устремился вниз.

Наклонившись над бортом плавучего острова, стояли два мастера.

— Как и тогда, на дно пошел, — сокрушенно покачивая головой, сказал Пахомов. — Не выдерживает труба, ломается...

— А может, ей поплавок дать? Легче будет? Да? — заметил Керимов. — Надо поговорить с Ибрагимом Аббасовичем.

— Конечно, попробовать можно.

И оба мастера заспешили к Гасанову.

Светало... Туман стал розовым, цвета вишневого киселя с молоком.

Летели самолеты над Каспием. Плыли сквозь густой туман теплоходы, катера, танкеры. В их радиорубках без умолку стучали ключи. На берегу работали радиомаяки и радиолокаторы. Радисты вслушивались в сигналы с кораблей. Другие ловили передачи с самолетов.

Туман становился все гуще и гуще. В нем потонули и корабли и самолеты. Рев торпедных катеров слышался еле-еле, как сквозь ватную подушку.

Самолеты один за другим возвращались на аэродром. Подплывали к берегу катера.

— Ничего не обнаружено. Туман, — слышал Агаев неизменный ответ начальника аэроклуба,

* Б а л а с ы — маленькая (азерб.).

— Ничего не заметили. Туман, — докладывал ему человек в морской форме.

Туман, как дымовая завеса, окутал весь Каспий.

Глава 21. В ЦИСТЕРНЕ

Васильев очнулся от оглушительного грохота, будто тысячи тонн скрежещущей стали рушились на него. Казалось, что вновь он испытывает свой тяжелый танк, законченный в последний годы войны. Так же гремят гусеницы, танк мечется по оврагам, ломает деревья... Грохот, лязг железа. Душно...

Но что с ним было сегодня? Он помнит, что Синицкий потерял сознание... Помнит, не хватало воздуха — так же, как сейчас. Но что было потом, он вспомнить не мог.

Нельзя собраться с мыслями. Трудно дышать. Кажется, что он то опускается на дно, то снова взлетает вверх. Почему-то он был уверен, что стоит ему только вспомнить свои поступки, движения, мысли — все, что происходило до того, как потерял сознание, и он будет спасен.

Напрягая всю свою волю, Васильев постепенно, с трудом припоминает отдельные картины.

Вот он сидит в кресле, Синицкий склонился рядом.

В тусклом свете фонарика виноград на тарелке кажется золотистым, будто в нем прячутся солнечные лучики. Васильев помнит, как невольная ярость овладевала им. Там, наверху, солнце, голубое небо, ветер, прилетевший с гор, радостные птицы. Там — жизнь, люди. Там ждет Мариам. Вот ее лицо, оно тускнеет и пропадает.

А это кто? Опять выплывает из темноты лицо плачущего мальчугана на улице немецкого городка. Гудят американские самолеты, с ревом бросаются вниз, на истерзанную, молчаливую землю.

Васильев вскрикивает, как от страшного удара.

Он опять видит фотографию сына в костюме американского солдата. Нет, это не сумасшествие! Он видит каждую строчку письма... Он должен бороться, кричать на весь мир о невиданной человеческой низости, о людях, которые не смоют с себя проклятья в веках.

Мало этого, мало! Пусть фонтаны нефти залиют им глотки. Пусть задохнутся от страха и зависти, когда узнают о нашем богатстве, что открыли мы в дне морском. Они боятся его: оно движет наши машины на полях, дорогах, стройках и, если нужно, будет помогать защищать наше право на мирное небо над мирной землей!

И только он, инженер Васильев, никогда не сможет увидеть этого неба и воевать за него.

Он разорвал воротник — так легче дышать — и думал лишь об одном: надо вспомнить, вспомнить, что было дальше.

Он тогда искал способ, как спастись в цистерне. Так... Не торопись... Мысль ускользает. Надо замкнуть ток в рубильнике. Но как это сделать? Подвести провода внутрь шара? Невозможно! Сквозь крохотную дырочку, оставленную для проводов, под огромным давлением ворвется вода и пронзит твоё тело, как острый клинок.

«Что же было дальше?» — вспоминает Васильев. Опять мелькают картины. Вот он перелистывает тетрадь, на глаза попадает эскиз сигнальной лампы с колпаком из толстого стекла снаружи шара. Как же к ней идут провода от аккумулятора? Ну конечно, через герметически изолированные втулки... Вот оно, спасительное решение! Тогда он побежал в торпедное отделение. Там еще тяжелее дышать. Выпустил шар с тетрадью. Значит, в два раза больше вероятности, что найдут его самого. Нельзя рисковать временем — можно потерять сознание, — а то бы он отправил все оставшиеся шары с записками. Нет, не так... Воздуха уже не было в баллонах.

Потом вспомнил, что тащил Синицкого. Нельзя его отправить в шар. Он без сознания, задохнется. Наверну, наверно, уже никого нет. Некому открыть люк...

Как тонкая нить, обрывается память. Но вот снова проблеск сознания... Остатки сжатого воздуха медленно выталкивают воду из шлюзовой камеры. Он открывает тяжелую герметическую дверь, вползает в камеру, с большим трудом устанавливает шар. Разбирает колпак фонаря и через проходные втулки соединяет провода

с рубильником. Он берет с собой аппарат Саиды, фляжку с водой, кусок провода, чтобы им замкнуть два контакта изнутри шара, и опускает его в люк.

Дальше Васильев опять ничего не помнит. Наверн , он впустил воду в торпедное отделение, замкнул контакты и...

Где он сейчас? Инженер привстал на колени, ощупал стену, холодную и скользкую. Потом провел широко расставленными руками вдоль ее поверхности и почувствовал, что стена закруглялась. Значит, это цистерна. Внизу лежал аппарат Саиды, а рядом что-то теплое, мягкое.

Мутилось сознание. Ведь это Синицкий! Васильев вдруг вспомнил, как он опускал его в люк шара...

Сейчас его бросает то вверх, то вниз. Значит, он на поверхности, на волнах...

Шар резко подскочил, наверно, на гребень волны.

Скользя на четвереньках по гладким стенам, Васильев пытался добраться до люка. Если он его не откроет, то погибнет, как мышь в банке.

Васильев ощупывал гладкие стенки. Но шар бросало в стороны, и он, не удержавшись, падал снова...

Наконец удалось уцепиться за ящик аккумуляторов, укрепленный возле люка, где находился фонарь освещения. Лампы в нем не было. Васильев снял ее, чтобы использовать переходные контакты.

Дышать становилось еще труднее. Герметизация была надежной, ни одна капля воды, ни один глоток свежего воздуха не проникали внутрь цистерны. Инженер вспомнил, как гордился удачными испытаниями герметичности шаров при высоком давлении. А сейчас он тщетно искал хотя бы маленькое отверстие, микроскопическую дырочку. Прильнуть бы к ней и пить, пить без конца жадными глотками морской живительный воздух...

Уцепившись за выступ аккумуляторной батареи, Васильев старался повернуть крышку люка. Это оказалось невозможным. Видимо, завернуть ее было легче, а открыть не хватало сил. «Должно быть, наглухо заклинилась от ударов волн», — подумал инженер, пытаясь найти точку опоры.

Иногда ему удавалось упереться руками в крышку. Наклоняясь всем телом влево, он рывками пытался сдвинуть ее с места. Напрасно! Шар снова падал куда-то вниз. Тело становилось легким, почти невесомым, будто

растворялось в пустом пространстве цистерны. Руки беспомощно скользили по стенкам, опоры не было, и опять Васильев карабкался к люку.

Наконец он надежно уперся в крышку руками. Но она не поддавалась.

Холодный пот выступил на спине, попозили противные струйки.

Неужели все кончено и для него, и для Синицкого? Зачем нужно было стараться вырваться из подводного дома? Не все ли равно, где задыхаться — под водой или здесь, уже на поверхности?..

Он шарил дрожащими руками по внутренней плоскости крышки, искал какой-нибудь выступ, чтобы уцепиться, упереться в него. С горечью подумал инженер, что при конструировании шаров нужно было бы предусмотреть скобы изнутри. Но кто мог предполагать такое необычайное использование нефтяных цистерн?

Васильев терял сознание. В ушах будто гудели тысячи колоколов...

Почему-то вспомнилась старая сказка о царевиче в бочке... Ее выбросило на берег, мальчик поднатужился плечом — и вышел на свободу...

Стенки из пластмассы — крепкой, как сталь, — не деревянная клепка. Они не могут лопнуть даже в сказке...

Опять приходят на память самые невероятные сравнения. Какой-то американец ради рекламы и долларов показывал свою выносливость и крепость черепа: в заколоченной бочке он спустился по реке в Ниагарский водопад — и как будто остался жив.

А он, Васильев, должен погибнуть, когда спасение так близко!

Нет, он будет жить, пока мыслит, пока не погасла в нем воля к жизни!

Смертельной опасности он может противопоставить не физическую силу и не выносливость, а смелую мысль, умение решить любую техническую задачу. Вот оно, единственное оставшееся оружие капитана подводного дома.

Может быть, чем-нибудь упереться в крышку, чтобы не скользили пальцы?

Он вспомнил о проводе, которым замыкал контакты на переходных втулках, ощупью нашел его и коснулся им гаек аккумулятора... От короткого замыкания вспыхнула ослепительная искра.

Сощуриив глаза, он еще раз повторил опыт и в отблеске искры разглядел металлическое кольцо, удерживающее ламповый патрон. Кольцо было закреплено обыкновенными винтами.

Кому же, как не самому конструктору, знать устройство освещения цистерны! Он знал, что если отвернуть кольцо и убрать резиновые прокладки, то круг с ламповым патроном упадет внутрь шара. Тогда воздух, желанная свобода! Но чем отвернуть?

Он снова стал шарить по карманам. Никаких отверток. Только погасший фонарик.

Он выбросил из него разрядившуюся батарейку, линзу, лампочку и ударом каблука старался сплюснуть корпус фонарика, чтобы получить подобие отвертки.

Это оказалось очень трудным. Но вот нижняя часть трубки смялась, и Васильев попробовал ею отвернуть винт.

Ничего не получилось. Самодельная отвертка широка, не входит в прорези винтов.

Вот если бы в эту сплюснутую трубку вставить какую-нибудь пластинку. Опять надо поискать в карманах. В уголке затерялся пяточок. Самая радостная находка в жизни. Теперь можно закрепить его в трубке, где он точно пришелся по диаметру.

Напрягая последние усилия, Васильев подобрался к кольцу и стал отвинчивать винты. Их много. Пальцы уставали от напряжения.

Сил оставалось совсем мало. Дышать было нечем. Он падал при каждом резком ударе волн, скользил на дно шара и вновь карабкался вверх. Монета выскакивала. Пришлось брать ее в зубы, чтобы не потерять.

После каждого отвинченного болта он ошупью пересчитывал оставшиеся. Сколько их? Сколько глотков воздуха осталось в цистерне?

«Еще, еще немного, — подбадривал себя инженер. — Скоро воздух, свет, жизнь». Он и Синицкий опять увидят голубое небо, вышки и виноградники...

Кольцо, удерживающее колпак, со звоном упало вниз. Осталась резиновая прокладка. Васильев обломал все ногти — резина не поддавалась. В отчаянии он стал рвать ее зубами. Еще несколько секунд — и он уже не выдержит.

Но вдруг он почувствовал, что кровь его израненных десен стала соленой — она смешалась с каплями мор-

ской воды. Вода проникла сквозь щели у резинового кольца.

В последнем усилии, не разжимая зубов, он дернул головой и повис всем телом на резине.

Свежий, опьяняющий воздух наполнил шар. Взмахнув руками, Васильев скатился вниз.

Холодные брызги ворвались в открытое отверстие и тонкими струйками побежали по лицу. Васильев глубоко вздохнул. Битва за жизнь была выиграна. Самое страшное осталось позади.

Он взял Синицкого за руку. Пульс бился слабо, но дыхание — Васильев чувствовал его на своей щеке — было ровным, спокойным. «Ничего, скоро очнется».

Что делается в мире? День сейчас или ночь? Где находится шар? Виден ли берег?

Все эти вопросы сразу же встали перед ним.

В дыре, наверху, было темно — значит, ночь. Оттуда шел дождь. Это волны метались над шаром. «Наверно, шторм все еще продолжается, — подумал Васильев. — Хорошо, что на дне цистерны укреплен балласт, иначе бы она перевернулась». Снял с себя рубашку и, скомкав, заткнул ею отверстие.

Васильев чувствовал себя в относительной безопасности. Никакая буря ему не страшна. Толстые стенки выдержат натиск любого урагана. «Это тебе не деревянная бочка ниагарского смельчака», — подумал он и, усевшись на дне шара, с наслаждением вытянул ноги.

Спокойное состояние длилось недолго.

Страшная катастрофа в морской глубине снова всплыла перед глазами. Вот он, «итог последних лет», вспомнил Васильев свою запись в дневнике. Все погибло, все, чему он отдал последние годы жизни. Погибли труды тысяч людей. И если останется жив, как он сможет смотреть им в глаза?

Инженер снова наклонился к Синицкому. Глубокая, отцовская нежность возникла в душе. Припомнилось бледное его лицо. Стараясь улыбнуться, он жадно, широко раскрытым ртом ловил последние остатки воздуха в стальной коробке, вынимал гребенку, поправлял галстук и ничем не хотел показать своего страха...

Снова и снова прислушивался инженер к дыханию Синицкого. Надо дать ему воды.

Ощупью нашел отделение для аккумуляторов. Где-то

здесь была фляжка, которую он предусмотрительно закрепил куском проволоки.

Куда же она девалась? Может быть, выскользнула?

Стараясь подавить беспокойство, Васильев стал шарить вниз. Вот аппарат Саиды, сигнальные ракеты. Но где же фляжка? Где?

Наконец нашел ее, только пустую. Наверно, крышка оказалась плохо завинченной. Вода вылилась и смешалась с морской, что плескалась на дне шара под балластом.

Он вздрогнул и зябко поежился, будто от холода. У них нет ни капли воды, да, кстати, и ни крошки хлеба.

...Шторм утихал... Васильев подтянулся на руках и вытащил из дыры для фонаря смятую рубашку.

Над головой засветилось розовое пятно. Так в этом необычайном шарообразном доме наступал рассвет.

Уже можно дышать, появился кусочек неба, но все же дом оставался тюрьмой. В его окно еле пролезала рука.

Снова Васильев подтянулся вверх и сквозь окошко нащупал скобы на крышке люка. Снова нужны нечеловеческие усилия, чтобы сдвинуть с места тяжелую крышку, повернуть ее.

Все это длилось мучительно долго. Казалось, что руки не слушаются, что в них лопнули жилы.

Наконец крышка слегка поддалась его усилиям и дальше уже спокойно пошла по нарезке.

Незабываемые минуты... Чувство неизъяснимого блаженства охватило Васильева, когда он высунулся из люка и, опираясь на его края локтями, огляделся по сторонам.

Светало. Заря вставала бледная, слегка розоватая, освещающая мелкие белые барашки на волнах. Похоже, что это ветер рассыпал по воде лепестки цветущих яблонь. Берегов не видно. Море казалось огромной чашей, и в ней плавала маленькая горошинка — белый шар.

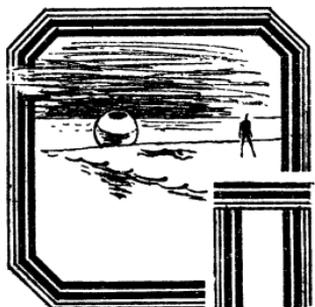
Васильев не знал, сколь трудным оказалось их положение. Цистерна находилась вдали от известных морских путей, проложенных на картах пунктиром. Здесь обычно не ходили ни торговые, ни пассажирские суда. В эти места нечасто заплывали и рыбацьи баркасы.

«Хорошо, если бы нашли шар с тетрадь, — подумал Васильев. — Только на это мало надежды... Он может плавать где-нибудь поблизости. А вдруг и его с Синицким во время бури унесло черт знает куда!»

Какое синее это море! Наверно, оно никогда таким не было. Навсегда запомнится эта ядовитая синева. Только синий цвет. От него кружится голова, болят глаза. Противная тошнота подступает к горлу.

Уже давно встало солнце, и сейчас оно невыносимо. Васильев обмотал голову рубашкой, высунулся из люка и до боли в глазах смотрел на горизонт.

Неподалеку пролетел баклан. Может быть, как замечают моряки, земля близка?

Глава 22. ОСТРОВ НЕИЗВЕСТЕН

окачиваясь на волнах, плыл белый шар.

Проходили часы. Васильев сидел на краю люка, опустив ноги вниз, и бесцельно смотрел на туманный горизонт, где голубоватое небо, цвета жидкого молока, сливалось с водой.

Вдруг показалось, что там, вдали, белеет какое-то неясное очертание — то ли берега, то ли судна.

Светлая полоска не двигалась. Ветер нес шар прямо к ней. Из тумана выплывал небольшой островок.

Уже виден был низкий каменистый берег. «Нет, пожалуй, это не остров, — подумал Васильев, — просто гряда камней. Такие часто встречаются на Каспии...»

Но все же это кусочек земли.

Васильев вынес Синицкого на берег и с большим трудом вытащил шар. Подложив камни, чтобы шар не скатился в море, инженер потянулся, выпрямился во весь рост и осмотрелся по сторонам.

Действительно, островок оказался маленьким, площадью всего лишь в несколько десятков квадратных метров. Покрытый галькой и обломками скал, лишенный растительности, он не мог вызвать какие бы то ни было симпатии даже у самого неприятязательного путешественника.

Снова прислушавшись к дыханию Синицкого, Васильев устроил его поудобнее и решил обойти островок,

возможно, найти воду, а также узнать, есть ли здесь хоть что-нибудь похожее на пищу.

Он обогнул скалистую гряду и вышел на противоположный берег. Здесь, у самой воды, тянулась узкая песчаная полоса.

Васильева интересовало все: и водоросли, и кусочек палки, принесенный волной неизвестно из каких краев. На всякий случай он посмотрел, нет ли здесь съедобных ракушек, но их не оказалось...

Возвращаясь обратно, он с трудом заметил белый шар, едва различимый на светлой гальке.

Как же их здесь найдут? Вот если бы костер разжечь, чтобы дым увидели? Но это невозможно — на острове нет ни кустика, ни травинки.

Синицкий все еще не приходил в сознание. Наверно, сильно ударился о стенку цистерны, когда она вылетела из шлюзового отделения.

Если бы достать хоть глоток воды...

Поднимался туман; тяжелый и густой, он растекался по острову. Казалось, что воздух здесь насыщен ядовитыми испарениями.

...Уже село солнце. Черная завеса закрыла весь горизонт, оставив внизу, у самого моря, красноватую тусклую полосу. Скалы стали лиловыми и через несколько минут растаяли в тумане.

Васильеву показалось опять, что он в подводном доме. Жарко. Пламя вырвалось из буровой, подбирается к нему все ближе и ближе. Огненные языки лизут волосы, обжигают лоб. О, как мучительны эти воспоминания!

Неужели он навсегда расстался с подводным домом? Он строил его всю жизнь.

Перед глазами проносятся картины далекого детства. Солнечное утро. Он на берегу реки прилаживает на себе маску от старого противогаза. К маске приклеена короткая резиновая трубка с поплавком и наконечником. Дрожа от утренней сырости, он раздевается, надевает маску; осторожно устанавливает поплавок и, взяв в руки большой камень, опускается на дно. Он чувствует себя водолазом и в изумлении разглядывает зеркальное небо подводных обитателей. Становится тяжело дышать. Он бросает камень и выплывает на поверхность.

Другая картина. Строится модель подводного танка с резиновым мотором. Первые испытания. Колесный

танк из тонкой жести проходит по дну глубокого ручья, и его первый пассажир — котенок — выпрыгивает из жестяной коробки...

Вот уже сделана электрическая модель. А затем чертежи, чертежи... Сотни вариантов, десятки моделей... Баку, нефть... Морские вышки, изучение бурения и снова варианты, конструкции, модели... Чертежи, расчеты... Снова чертежи... Завод на Урале... Подводный дом строят тысячи человек. Год работы в цехе на сборке. Испытания на земле... Транспортировка по Волге и наконец...

Хорошо помнится тот день, когда подводный танк впервые двинулся от берега, погружаясь в море все глубже и глубже. В этот момент конструктор чувствовал себя счастливейшим человеком на земле...

Он приподнялся на локте, как бы желая со стороны увидеть уходящий под воду танк.

Мучила жажда. Трудно пошевелить языком. Горло воспалилось, как при ангине. Никакие мучения не смогут сравниться с тем, что он сейчас испытывал... Каплю воды, только каплю!..

Послышался гул самолета. Вот уже близко, совсем над головой... Здесь не может проходить пассажирская трасса... Наверное, это их ищут.

И опять настала тишина. Еле слышно плескались волны. «Надо было пустить ракету», — вспомнил Васильев.

Он долго смотрел в темное спокойное небо. Звезды исчезли. Туман над островом казался липким. Мучили видения, чудилось, будто белесые призраки в длинных одеждах встали перед ним сплошной стеной. Вот они взяли за руки, идут навстречу, окружают со всех сторон...

Но что это?.. Нет, он не бредит...

На противоположном конце острова появились голубоватые огоньки. Иногда они гасли, затем вспыхивали в новом месте, постепенно как бы приближаясь к берегу.

Он побежал навстречу. Звенела под ногами скользкая галька. Голубой огонек дрожал возле темной скалы, казалось, будто кто-то притаился, ждет, запрятав в рукав фонарик. Подойдя ближе, Васильев заметил, что свет мерцает в расселине между двумя плоскими камнями, которые чем-то напоминали могильные плиты.

Осторожно, затаив дыхание, Васильев подбирался к ним. Он уже поднялся на груды камней, как вдруг оступился.

Мелкие камешки посыпались вниз, зашумели в расщелине. Огонек мгновенно исчез.

Он скользил руками по гладким камням, слегка влажным от тумана. Может быть, они хоть немного утолят жажду? Васильев припал воспаленным ртом к холодной, пахнущей водорослями поверхности.

Не помнил, сколько прошло времени, казалось, что ничего больше не существует на свете, кроме вот этих холодных и влажных камней. Наконец он оторвался от них и увидел, как сквозь туман просачивалось утро...

Синицкий все еще не приходил в сознание. Васильев оторвал воротник у своей рубашки, намочил в воде и положил ему на лоб. Синицкий бессильно приподнял руку.

— Пить! — чуть слышно прошептал он.

Многое бы отдал сейчас Васильев за стакан воды. Еще одно испытание. Снова борьба за жизнь, но уже не свою, а чужую. Опять побежал он к скалам. Возможно, удастся как-нибудь собрать хоть полглотка воды. Он водил по камням ладонями, чувствовал, что они скользкие от воды, но воды все же не было...

Острая, обжигающая боль уколола палец, Васильев отдернул руку и увидел тонкий язычок голубого пламени.

Огонек пробивался сквозь трещину в камне. Неподалеку, еле заметный в туманной мгле, мерцал другой огонек.

Так вот они, таинственные огни! Глухая досада овладела инженером. Как же он ночью не догадался, что это горят нефтяные газы! «Значит, на этом острове тоже есть нефть, — подумал он. — Но кто о ней узнает, если нам не удастся выбраться с этого проклятого острова? Чертов туман! Разве нас найдут?.. Надо продержаться... Только бы воды, воды!»

Он смотрел на мигающий огонек и думал, думал только об одном... Вот мчится бушующий поток... Спокойно течет река... С гор сбегает светлый ручей... Стоит на столе тонкий прозрачный стакан — и в нем вода... Всюду вода! Он видел ее в лабораторной мензурке, куда из трубки перегонного аппарата медленно, по капле, стекает вода...

Ослепительной искрой блеснула мысль: «Огонь есть — значит, будет вода».

Васильев бросился к шару, быстро разыскал там внутреннюю проводку из толстого оцинкованного кабе-

ля, что тянулся от аккумуляторов к фонарю, и оторвал ее от стенок. Потом, еле удерживая себя от резких нетерпеливых движений, закусив губу, он осторожно снял свинцовую трубку с жилы кабеля.

Теперь надо найти фляжку и снять с нее суконную обшивку... Так... Это сделано. Он свернул из оторванного от своей рубашки лоскута тугую трубку, вставил в нее оболочку кабеля, скрученную в виде змеевика.

Готов перегонный аппарат. Морская вода плещется во фляжке, как в реторте. Теперь надо найти мензурку. Здесь пригодится крышка-стаканчик от фляжки.

Огонек, зажатый в трещине скалы, дрожал, словно пламя газовой горелки.

Знаменитый инженер, волнуясь, как школьник, повторял опыт перегонки воды. В первый раз он делал это лет двадцать пять тому назад.

Фляжка, служившая сейчас ретортой, была укреплена над огнем, змеевик охлаждался в ямке с морской водой.

И вот в стаканчик упала, как слеза, первая капля живой воды.

Поистине эта вода казалась Васильеву живой! Затем еще капля, еще... Вспомнился рассказ о средневековой китайской пытке, когда на выбритое темя медленно падали капли воды... Вероятно, Васильев испытывал сейчас то же самое — редко стучали неторопливые капли о дно стаканчика.

Возможно, проходили часы или только минуты — Васильев плохо представлял себе время... Он смотрел на драгоценные капли, которые уже не стучали, а булькали с тихими всплесками, наполняя стаканчик.

Вот он почти полон. Так хочется поднести его ко рту, хотя бы только смочить губы. Но вдруг не удержишься и выпьешь все! Он даже испугался этой мысли.

Прижимая к груди стаканчик, пошел к берегу, где оставил Синицкого, осторожно приподнял его голову и влил несколько капель в пересохший рот.

...Долго не мог понять Синицкий, что с ним произошло. Где он? Кто это держит перед ним блестящий стаканчик? Все тело болело, мутилось сознание. Он то закрывал, то открывал глаза, силился что-то рассмотреть вокруг себя.

Словно из тумана, выплывало знакомое лицо капитана подводного дома.

— Это вы, Александр Петрович?

Синицкий смотрел вполне сознательно, даже пытался улыбнуться, и Васильев облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Как вы напугали меня, Синицкий!

К вечеру второго дня своего пребывания на острове Синицкий чувствовал себя уже достаточно хорошо, если не считать неприятного ощущения в желудке. Два дня он ничего не ел. Но это все пустяки. Обойдется.

Он попытался выразить свою благодарность Васильеву, но тот ее не принял и ласково усмехнулся:

— Вы остались в подводном доме тоже не ради любопытства. Так что перестанем считаться...

Синицкому казалось, что в мире уже не было ничего страшного. Разве можно сравнить мелкие неприятности пребывания на отрезанной от берега гряде камней с тем, что было несколько часов тому назад? И конечно, если он, Синицкий, не растерялся в подводном доме, то здесь... Смешно даже подумать! Он готов сидеть на этой бородавке, вылезшей из-под воды, хоть целую неделю!

«Но, но! Не фанфаронить! — пришлось одернуть самого себя. — Васильеву здесь далеко не весело. Но как подойти к нему? Как найти верный тон? Нет, не помогут здесь слова утешения».

— Надеюсь, эти приключения навсегда отбили у вас охоту заниматься нефтеразведкой? — неожиданно спросил Васильев.

— Нет, Александр Петрович. Совсем наоборот. Теперь меня от такого дела за уши не оттащишь. — Синицкий бодро встал и прошелся по берегу. — Да, всякие бывают приключения. Кстати, мне кажется, что это не остров Робинзона Крузо. Там, насколько я помню, росли пальмы и бананы. А здесь...

— Вы недовольны?

— Да как вам сказать... Внизу было уютнее, — усмехнулся Синицкий. — Но, конечно, несколько душновато.

— Вот и дышите. Я уже осмотрел эти камни. К сожалению, здесь, кроме воздуха, нет ничего более существенного.

— Я это и предполагал. А вы с собой ничего не взяли?

Васильев отрицательно покачал головой.

— Значит, обойдемся, — заметив тревогу на его лице, с деланной беспечностью сказал студент. — Будем

считать, что только в книгах сердобольные романисты дают потерпевшим кораблекрушение ящик сухарей и бочонок воды. Понимают, что без этого нельзя. Посади Робинзона на такой остров — он на тридцатой странице и помрет.

— Чудак вы, Сеницкий. — Васильев улыбнулся. — Не можете без шуток. Да понимаете ли вы наше положение?

— Мне кажется, что да, — спокойно ответил Сеницкий.

— Неизвестно, когда рассеется туман, — продолжал Васильев. — А кроме того, если не найдут первый шар, то едва ли и нас будут искать.

— Я тоже так думаю.

Мурлыкая себе под нос, Сеницкий подошел к цистерне, заглянул в люк, ощупал переходные контакты и сказал:

— Честное слово, Александр Петрович, я до сих пор не могу прийти в себя от изумления. Как это вы здорово придумали — замкнуть рубильник изнутри шара.

Васильев промолчал. Он сидел на песке и задумчиво один за другим бросал камешки в воду. Они низко летели над волнами и с звонким плеском скрывались под водой. Ему нравились эти короткие, четкие всплески, похожие на цоконье подков.

— Александр Петрович! — не унимался Сеницкий. — Мне кажется, что за половину крохотной булочки — знаете, такие бывают поджаристые, с тонкой корочкой — я бы отдал полжизни.

Гремела галька. Шипели пенящиеся волны.

— Но как подвести понтоны? — как будто спрашивая самого себя, прошептал Васильев.

— Вы о чем, Александр Петрович?

— Тысячи тонн нагрузки... Как поднять?

Желая отвлечь его от печальных мыслей, Сеницкий придвинулся ближе и мечтательно заговорил:

— Я все же думаю, что остались на земле романтические приключения. Взять хотя бы наш случай... В век атомной энергии, радиолокации, ракетных двигателей люди вдруг очутились на необитаемом острове. — Сеницкий вздохнул. — Слово-то какое — «необитаемый». Я о нем только в детстве слышал...

— Насколько я понимаю, ваше детство окончилось совсем недавно, — хмуро заметил Васильев.

Он прикрыл усталые глаза, и когда вновь открыл их,

то увидел, что из люка цистерны торчат ноги Синицкого. Вылезая оттуда, Синицкий захватил аппарат ультразвуковой локации, длинный хобот которого тут же уперся в песок.

— Я думаю, Александр Петрович, — со смущенной улыбкой начал Синицкий, — что если бы у вас была возможность выбирать, то вместо этого аппарата вы взяли бы ящик сухарей, как это делали наши старые знакомые — опытные, видавшие виды мореплаватели.

На острове стояла тишина, казалось, что даже волны умолкли.

— Александр Петрович, — наконец нарушил молчание Синицкий. — Вопрос можно?

— Ну?

— Сколько верблюдов может жить без пищи?

— Несколько месяцев.

— Завидный пример... На то он и верблюд... «Он живет среди пустынь. Ест невкусные кусты». — Синицкий вынул из кармана магнитофон и подкинул на руке. — Ну и положение! Нарочно не придумаешь! И что, главное, обидно, Александр Петрович: начнешь рассказывать, никто не поверит. Честное слово, не поверит.

— Вы и этим недовольны?

— Ну еще бы! Разве я мечтал когда-нибудь попасть в герои приключенческого романа? Только уж очень странно получилось. Как говорят, насмешка судьбы. Подумать только — посадить инженера и студента на голые камни и дать им в руки два аппарата. Вот, мол, вам чудеса техники, посмотрим, как вы будете выкручиваться. Обидно даже говорить...

Глава 23. ТУМАН НАД КАСПИЕМ

апризно и беспокойно Каспийское море. Редко, очень редко выпадают тихие, штилевые дни. В такой день летчику, привыкшему к своей коротенькой трассе Баку — Красно-

водск, хочется пролететь над самой водой и, высунувшись за борт кабины, полюбоваться отражением своего самолета.

Такие дни надо отмечать в календаре красным, как праздничные, если бы только знать, когда они будут. Впрочем, и в такой день к вечеру может подуть ветерок, сначала робкий, неуверенный, а через час, глядишь, разбушует так, что тот же летчик, уже на обратном пути, с тревогой поглядывая на приборы, постарается забраться повыше...

Бывают и другие причуды у Каспия. Иногда он куたается в теплую шубу. Густой белый туман накрывает его с головой. Взглянув на карту, вы можете представить себе, что его усатая голова находится около устья Волги.

Летом и ранней осенью подобные капризы бывают редки. И надо же было случиться, что именно в начале октября, когда происходили все описываемые здесь события, Каспий вдруг начал окутываться туманом. Летчиков это не беспокоило: они могли идти над морем слепым полетом, включив автопилот и полукомпас. Дорога насквозь просвечивается невидимыми лучами радиомаяков. Путь безопасен, идешь как по рельсам! Но искать пропавший шар в тумане нелегко. Как его увидишь — он такой же белый, как и туманная пелена...

Густой туман опустился и над островом. Синицкий сидел на камне, глядя на тусклое солнце. Оно еле светило, как маленькая лампочка в бане. Остров казался окутанным паром. Жарко, как в тропиках.

Воды у новых островитян было достаточно. Вот уже несколько часов без перерыва работал перегонный аппарат, «изобретенный» Васильевым. Но это только вода.

Над гребнями волн взлетали бакланы. Нет-нет да и блеснет в клюве трепещущая рыбешка.

С жестокой завистью смотрел на птиц Синицкий, думая, что через несколько дней, если придется сидеть на этом голодном острове, он уже будет мечтать о том, с каким невероятным наслаждением вонзил бы зубы в еще теплое тело баклана...

Вот один из них сел неподалеку, в кривом хищном клюве держал он поникшую рыбешку и посматривал на человека злыми, настороженными глазами. Синицкий хотел подползти, но баклан взмахнул крыльями и

перелетел на другое место. Человек снова двинулся за ним. Баклан равнодушно оглянулся и улетел...

Других птиц Синицкий пытался подбить камнями, но из этого тоже ничего не получилось. Бакланы мгновенно улетали, как только видели, что человек берет камень или поднимает руку.

Тянулись томительные минуты. Казалось, что от этой ничтожной птицы, которую он должен поймать, зависит все. Ему представлялось, что проходят часы, дни... Тело затекло, онемело.

Огромный баклан сел почти рядом. Синицкий не дышал. Сквозь полузакрытые веки он видел, как птица повернула к нему горбатый клюв. Она, наверно, была удивлена и с любопытством смотрела на человека. «Сейчас или никогда», — подумал он. Мускулы напряглись. Так зверь готовится к прыжку.

Резкий бросок! Казалось, что в нем сосредоточилась вся энергия, накапливаемая годами. Опять неудача. Баклан метнулся в сторону и исчез в тумане.

— Не годится, Николай Тимофеевич, — сказал Васильев, издали наблюдавший за действиями Синицкого. — Так охотились пещерные люди, потом они изобрели палку.

— Эх, если бы сделать лук! — с сожалением, как по несбыточной мечте, вздохнул Синицкий.

— Попробуем другую технику.

Васильев вытащил из цистерны несколько сигнальных ракет.

Ракетницу он позабыл в подводном доме, поэтому пользоваться зарядами обычным способом оказалось невозможным.

— Помогите мне, Николай Тимофеевич, — сказал Васильев. — Нужно расплести эти провода на отдельные жилки.

Мысль изобретателя продолжала работать, для нее все было осуществимым. Васильев набрал горсть мелких камешков, затем вскрыл трубку ракеты, вынул капсулю, вставил туда петлю из тонкой проволоочки, то есть сделал простейший электрозапал, снова зарядил трубку взрывчатой смесью, положил сверх нее камешки, забил все это тряпкой, как пыжом, и, обращаясь к Синицкому, спросил:

— Ну, охотник, готово? Надеюсь, что я правильно решил эту задачу?

Поддерживая шуточный тон, польщенный тем, что

его назвали по имени-отчеству, Николай Тимофеевич передал ему длинные тонкие проволочки.

— К вашим услугам, сэр.

Теперь их нужно соединить с петельками электрозапалов. Потом расставить ракеты в разных местах, надежно укрепив их между камнями, причем таким образом, чтобы концы трубок были направлены на те участки островка, где обычно садились бакланы.

— Местность минирована, — сказал Васильев. — Тащите аккумулятор.

Синицкий невольно любовался четкими и экономными движениями Васильева, когда тот присоединял провода, скручивая их быстро и ловко. Вполне понятно, что, если прикоснуться свободным проводом ко второй клемме аккумулятора, ток побежит к ракете, накалит в ней тонкую проволочку...

Сухой и короткий треск прервал размышления Синицкого. Взметнулось красное пламя, осветившее берег, скалы и белый шар, словно вспыхнувший в эту минуту. Огненно-красная птица с распростертыми крыльями взлетела вверх и, как обожженная, упала на камни.

Подбежав к ней, Синицкий взял птицу за крыло и высоко поднял над головой. На лице его светилось нескрываемое торжество.

Через несколько минут на другом участке баклан опускался на гладкий серый камень почти вертикально, как вертолет. Васильев коснулся проволокой контакта, и снова раздался выстрел.

Взлетело зеленое пламя, и все на острове мгновенно преобразилось. Зазеленел песок, как свежая весенняя трава. Скалы превратились в островерхие кипарисы, а круглые валуны — в кусты. И даже падающая птица была сказочно-зеленой, невиданной.

— Александр Петрович! — крикнул Синицкий. — Можно мне взять банку от одного аккумулятора?

— Пожалуйста.

— А повар из меня выйдет?

— Попробуйте.

Синицкий обрадованно схватил подстреленных бакланов, затем разобрал аккумулятор и побежал с банкой в глубь острова.

Вскоре Васильев подошел к нему.

— Как вам нравится моя затея? — спросил Синицкий, пристраивая над синеньким огоньком железную

банку. — Смотрите, полный комфорт! Газовая плита. Сейчас вода закипит.

Засучив рукава, он хлопотал около плоского камня, ощипывая на нем птицу.

— Знаете, Александр Петрович, мне кажется, что теперь я понимаю огнепоклонников. Археологи доказывают, что эти исторические личности строили храмы там, где горели огоньки нефтяного газа. А я думаю, это были не храмы, а первые газовые кухни.

Тщательно, как домовитая хозяйка, Синицкий вымыл плоский камень, похожий на низкий стол, поставил банку посередине, вынул из нее сварившуюся птицу и разделил на небольшие кусочки. Затем он высыпал в стаканчик соль, оставшуюся во фляжке после перегонки воды.

— Прошу к столу, — широким жестом пригласил он Васильева. — Попробуйте, что у меня получилось.

Незаметно подкрадывались сумерки.

«Вот и еще один день прошел, а помощи никакой. Может, нас уже перестали искать?» — думал Васильев. Он не мог выносить бездеятельности и уже представлял себе, как скоро вылетит в Москву, в Ленинград, добьется решения, и тогда сразу же начнут поднимать подводный дом. Но сколько еще дней, сколько долгих часов он вынужден ждать спасения?

Синицкий с возрастающей тревогой наблюдал за Васильевым. Хотелось что-нибудь сделать для него. Утешить, сказать умные, прочувствованные или просто ласковые слова. Однако все это казалось неловким и сентиментальным.

Он приподнялся, стряхнул прилипший к рукаву песок и пошел к берегу. Здесь, возле шара, Синицкий расчистил небольшую площадку и стал перетаскивать на это место каменные плиты.

— Что это вы хотите делать? — спросил Васильев.

— Хочу построить дом, Александр Петрович. Надоело жить в шаре.

Васильев молчал. Теплое, но пока еще неясное чувство овладевало им. Вот они двое на обломках скал. Кругом пустота, бескрайнее море, туман. И все-таки здесь — кусок земли и рядом друг, с которым тебя породнила страна. Причем, несмотря на разницу лет, характеров, привычек и всего, чем определяется человеческая индивидуальность, у них общие стремления, одни помыслы и одна всепобеждающая мечта...

Строительство дома подходило к концу. Уже почти стемнело, когда Синицкий принес огромную охапку сухих водорослей.

— Вот и постель. Пожалуйте на новоселье. Устраивайтесь поудобнее.

...Наступило утро, но туман не рассеивался. Казалось, он стал еще более густым и тяжелым.

Бакланы, напуганные фейерверком, уже не сиделись на островок. Да и ракет не осталось, охотиться нечем.

Для того чтобы скоротать время, Синицкий возился с ультразвуковым аппаратом.

— Удивительная история, — говорил он, постукивая пальцем по экрану. — Ведь этот аппарат стоит дороже «Москвича», а мы бы его с радостью отдали за тощего баклана. Не ахти какая гастрономия, а вот... — Он комично развел руками.

— Знала бы Саида, как ты высоко оценил ее опытный прибор. Надо было хоть его спасти. Он все-таки нашел нефть.

— Сейчас я предпочел бы найти что-либо другое. — Синицкий вздохнул и проглотил слюну. — Мне рассказывали насчет первых опытов с ультразвуком. Опускали излучатель в воду, и она вроде как кипела... Занятные фокусы.

Он зевнул и вдруг застыл с открытым ртом. Какая-то острая мысль буквально парализовала все его движения. Он даже боялся вздохнуть.

Но вот оцепенение прошло. Синицкий схватил аппарат, побежал к воде и, зайдя по пояс, погрузил в нее хобот аппарата.

Послышалось слабое жужжание. На воде показалось белое брюшко всплывшей рыбы, затем еще и еще — целый десяток оглушенных ультразвуком рыб.

Синицкий обрадовался и стал выбрасывать рыбу на берег.

— Какие огромные! Это кутумы. Александр Петрович, ничего не трогайте. Я сам все сделаю, — умоляюще попросил он, увидев, что Васильев собирает рыбу.

Он забрал свой улов, взял банку от аккумулятора и побежал к скалам...

За обедом Синицкий по-прежнему был весел, шутил и старался развеселить Васильева. Тот почти не отвечал

на его вопросы, часто смотрел вверх, как бы прислушиваясь к шуму несуществующего самолета.

Прогуливаясь вдоль берега, Васильев остановился около лежащих на песке аккумуляторных пластин, долго разглядывал их и вдруг побежал к шару.

Там он взял еще один аккумулятор и со всего размаху ударил о камень. На песок полился электролит. Темная полоска потянулась к морю.

«Что это с ним? — испугался Синицкий. — Уж не случилось ли чего?»

Глядя, как темнеет песок, Васильев чему-то улыбался.

Хмурый, взъерошенный паренек выбежал из радиорубки на палубу. Прижимая к белому кителю морскую фуражку, он беспокойно оглядывался по сторонам.

Все тонуло в густом тумане. Палуба казалась пустой. Радист посмотрел на капитанский мостик, откуда, как ему казалось, слышались голоса, но и там никого не было видно. Подбежал к лестнице, взглянул вверх. Сплошное молоко. На спасательном круге еле-еле разбиралась знакомая надпись — «Калтыш».

Стуча каблуками по железным ступенькам, радист взбежал на мостик, где стояли Агаев и Рустамов.

— Товарищ начальник! — закричал он. — Нашли, честное слово, нашли!

— Цистерну? — обрадовался директор.

— Нет, букву.

— Ничего не понимаю. Какую букву? — рассердился Агаев. — Говори толком.

— Сейчас Саида передавала...

Директор и Рустамов побежали в радиорубку.

Так что же случилось? За час до того, как радист сообщил о непонятной передаче Саиды, на острове происходило следующее.

Васильев, к возраставшему беспокойству Синицкого, с той же странной улыбкой выдернул из разбитого аккумулятора пластины, разломал их на отдельные полоски и начал аккуратно раскладывать на песке...

Синицкий недоуменно пожал плечами и осторожно, боясь рассердить инженера, сказал:

— Я бы мог подобрать темные камешки, Александр Петрович. Стоило ли труда ломать аккумулятор?

— Камешки с самолета не видны, — загадочно улыбнулся Васильев.

— А вы находите, что такие пластинки в тумане увидят? — удивленно спросил Синицкий, но, взглянув на улыбающегося инженера, закрыл рот рукой. — Молчу! Молчу!

Он опустил на песок и вместе с Васильевым стал торопливо раскладывать пластины.

В радиорубке было жарко и душно.

— Где же передача от Саиды? — нетерпеливо спросил Рустамов.

Радист, закусив губу, нервно вертел ручку приемника.

— Я беспокоюсь за нее, — сказал Агаев, заглядывая в окно. — Летчик там опытный. Но пора бы возвращаться на базу. Горючего не хватит.

Будто в ответ на это в репродукторе на столе радиста послышался громкий и спокойный голос Саиды:

— Я — «Пион». Пролетаем над островом. Видим его на экране локатора. Выложена металлическая буква В. Посадка невозможна. Сообщаю координаты...

Остров оказался всего лишь в пятидесяти километрах от того места, где сейчас находился экспериментальный танкер института «Калтыш».

Взяли курс. Танкер приближался к острову.

Ни Васильев, ни Синицкий точно не знали, когда, в какое время они услышали бархатный и, как им показалось, прекрасный голос «Калтыша».

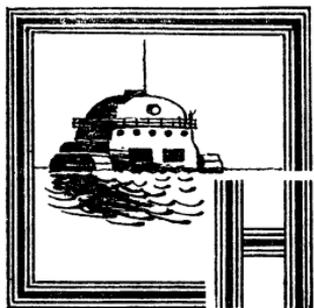
Всматриваясь в туманную даль, они с нетерпением ожидали, когда на молочно-белом горизонте появится силуэт судна...

Сначала они услышали плеск и шум мотора, и только через несколько минут начали проступать чуть заметные контуры танкера. Он был выкрашен в белую краску, и темные фигуры на капитанском мостике казались как бы повисшими над водой.

Послышался плеск спущенной шлюпки... Издали она напоминала черную соринку в молоке.

Васильев и Синицкий стояли по колени в воде, готовые броситься ей навстречу.

Но вот она уже у берега. Человек в кожаном пальто приветственно размахивает фуражкой.

Глава 24. «ДЛЯ НИХ НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО»

а танкере сегодня настоящий праздник. Еще бы! Есть чему радоваться. В каюте находились люди, которых вот уже несколько дней искали десятки самолетов, катеров и глиссеров. И нашли их не летчики аэроклуба, не моряки из мореходного училища, а свои же сотрудники Института нефти.

Конструктор Васильев и молодой изобретатель Синицкий стали героями дня. Каждый из команды невольно забегал хоть на минутку в кают-компанию и, приоткрыв дверь, заглядывал туда в надежде увидеть людей, которые так счастливо вырвались из подводного плена.

Среди команды мгновенно разнеслась весть о самоотверженном поступке комсомольца Синицкого, оставшегося в подводном доме, чтобы спасти Васильева. О мужестве и находчивости капитана подводного дома, сумевшего при неожиданной катастрофе организовать спасение всех своих товарищей, было известно еще раньше.

На палубе танкера царило необычайное оживление. Радист привязывал к мачте репродуктор, матросы уже в третий раз мыли палубу.

Совсем низко пролетел самолет. Из кабины высунулась голова Саиды. Радиоглазом она заметила то, чего не смогли увидеть летчики аэроклуба.

Зная, что аккумулятор в пластмассовой цистерне выглядел бы маленькой, почти незаметной точечкой на экране, Васильев разложил пластины аккумулятора на большой площади, как сигнальное полотнище, иногда применяющееся на аэродромах для связи с самолетом.

Остров на экране был виден как серое пятно, а на нем резко чернела буква, будто выведенная углем.

Васильев, усталый после горячей ванны, одетый в новую матросскую робу, с вполне понятным интересом наблюдал, как накрывали на стол. Звенели бокалы из зеленого стекла. Блестели тарелки с золотой каемкой.

На них лежали аппетитные ломтики хлеба с розовой хрустящей корочкой, о которой еще только вчера мечтал Синицкий.

Кстати, Синицкий стоял тут же и по привычке обломком гребенки причесывал свои влажные волосы. Глазами он искал зеркало, не терпелось посмотреть, как выглядит в матросской форме.

— Хорошо ли себя чувствуешь, Александр Петрович? — озабоченно спросил Рустамов, входя в каюту вместе с директором. — Как поживает наш молодой друг? — улыбнулся он Синицкому. -

— Спасибо, прекрасно... и я и мой товарищ. Но... — Васильев посмотрел на парторга, затем на Агаева и с нескрываемой надеждой спросил: — Какие есть возможности, чтобы поднять...

— О делах потом, — отмахнулся Рустамов. — Зачем сейчас говорить! До берега далеко, успеем. У нас, азербайджанцев, нельзя так. Пришел в гости — и сразу разговор о делах. Зачем, дорогой, спешить! Подожди немножко, отдохни. Гость для хозяина словно роза: куда хочет, туда и поставит. — Он рассмеялся и указал на кресло. — Садись, дорогой, за стол. Николай Тимофеевич! — окликнул он Синицкого. — Прошу узнать, как там насчет барашка? Не стал ли он похож на твоего баклана?

Когда Синицкий ушел, Васильев достал из кармана сложенное вчетверо письмо и молча протянул его Рустамову.

— Заявление в письменной форме? — рассмеялся парторг. — Не помогают мои убеждения. Что поделаешь? О делах так о делах! — Он переглянулся с директором и спросил, обращаясь к Васильеву: — Александр Петрович, вы ничего не знаете о своем сыне?

Васильев глазами указал на письмо:

— Вот смотрите сами.

Быстро пробежав его, Рустамов передал листок директору и развел руками.

— До чего же подлая работа! — Он встал и с возмущением зашагал возле стола. — Я тебе говорил, Джафар, что ни черта они нас не понимают. Предложить такую штуку советскому инженеру!

Агаев равнодушно пожал плечами.

— Они это сделали на всякий случай. В запасе было более действенное оружие. — Он указал головой в угол, где лежал какой-то цилиндр, накрытый парусиной.

Все еще никак не успокоясь, Рустамов нервно ходил по каюте.

— Они не понимают, что советский человек, даже если он годами дышал отравленным воздухом чужого мира, все равно захочет вернуться домой... Александр Петрович, — парторг остановился возле Васильева, — несколько дней тому назад ваш сын пытался вырваться на свободу и пробраться к нам. Чтобы легче было бежать, он надел форму американского солдата. Не могу скрывать: на южной границе его ранили. Посол требует возвращения советского гражданина Алексея Васильева на Родину. Уверен, что скоро вы увидите сына.

Васильев опустил голову. Он как-то не мог осознать, что же теперь делать. Беспокоиться или радоваться?

Перед глазами проплывали картины пустынного острова, где он жил вместе с Синицким. Туман, скалы, летящие бакланы, «каменный шалаш»... И вдруг мелькнула мысль, светлая, ясная, как весенний день. Алешка, его Алешка скоро будет на родной земле!

Рустамов сообщил кое-какие подробности о поисках Алексея, о том, что в этом деле помогла Мариам. Она рассказала парторгу о своем разговоре с Васильевым накануне последних испытаний. При этом она указала на вымышленное имя — Вильям, ранее записанное на магнитофоне Синицкого. Это и послужило дальнейшему распутыванию сложного узелка.

— Остальное, я думаю, не так уж интересно, — заключил парторг, заметив входящего Синицкого. — Этим делом займутся люди поопытнее нас с вами... А вот насчет особой техники, которую нам сейчас покажет директор, мы можем сказать свое веское слово.

Агаев понимающе улыбнулся, затем прошел в угол и торжественно приподнял парусину.

Под ней находился странный аппарат с острыми крюками, расположенными по окружности блестящего цилиндра. Несколько ниже на боковой стороне цилиндра торчали, как полевые бинокли, черные объективы. Еще ниже были укреплены импульсные лампы для фотовспышки.

— Ничего не понимаю, — сказал Васильев, осматривая абсолютно незнакомую ему конструкцию. — Что это за штука?

— Небольшой фотоаппарат для рыбаков, интересующихся подводными сооружениями, — с коротким смешком пояснил Агаев. — Он сбрасывается в воду... Ну, ска-

жем, неподалеку от подводного дома. Коснувшись грунта, он автоматически уравнивается на небольшом расстоянии от дна и благодаря магнитному устройству подплывает к стальной массе танка. В эту же сторону направлены его объективы. Через равные промежутки времени вспыхивают импульсные лампы. Таким образом осуществляется ряд последовательных снимков на пленку с разных расстояний от «объекта». Вспышки настолько кратковременны, что при ярком свете прожекторов подводного танка незаметны. Потом срабатывает автоматика, и фотоаппарат всплывает за счет сжатого воздуха, который вытесняет воду из нижней камеры. Фотоаппарат имеет сигнальную лампочку, крюки, поэтому его нетрудно обнаружить и вытащить из воды, забросив на него петлю. Нури интересно рассказывал, как один из «фотографов» зацепился за крючки своего аппарата и чуть не пошел ко дну.

Повар внес шипящее на вертеле мясо.

Разлили вино в бокалы и после первых дружеских тостов снова начали обсуждать поведение непрошенных наблюдателей.

Агаев высказал предположение, что один из них оказался в воде потому, что хотел достать всплывший цилиндр. Вскрикнул от испуга, и в этот момент прожектор осветил баркас. Оставалось только одно средство избавиться от компрометирующей улики: пустить аппарат на дно, заполнив его водой. Держась за борт одной рукой, он стал отвинчивать крышку.

— Отвинтил, но попался на крючок. Тогда тот, кто оставался на баркасе, решил пожертвовать и аппаратом, и своим товарищем. Но «фотографа» мы спасли, а вскоре нашли и его фотокамеру, — закончил директор, хлопав по блестящему цилиндру.

— Где нашли? — быстро спросил Васильев.

— Конечно, на дне, около подводного дома.

— Но как же это смогли сделать?

Парторг и Агаев переглянулись.

— Все узнаешь, дорогой, не торопись. Да? — по-дружески предупредил Рустамов.

— К сожалению, мы не можем точно утверждать, что этот аппарат принадлежит именно «рыбакам», — сказал Агаев.

Рустамов сделал протестующий жест, хотел возразить, но, видимо, передумал.

— Уверен, что они приняли белые шары за мины, —

заметил Васильев. — К военной технике у них особый интерес.

В каюту тихо вошла Мариам и застыла у порога.

Васильев быстро встал, протянул ей через стол обе руки, потом, как бы смутившись, подвинул к себе графин с вином и опустил на место.

Никогда он не чувствовал себя так нелепо и глупо. Ему казалось, что это невольное движение, которым он встретил Мариам, было замечено всеми. А самое глупое произошло потом. Зачем ему нужно было так неловко скрывать свою радость? Вдруг руки повисли в воздухе, и он ни с того ни с сего передвинул графин. Какое мальчишество!

Рустамов с укоризненной улыбкой взял Мариам за руку, подвел к столу и посадил рядом с Васильевым.

— Вот полюбуйтесь, Александр Петрович. Этот конструктор не сходил с гасановского острова до тех пор, пока директор не снял его оттуда, пользуясь всей полнотой директорской власти. После чего конструктор превратился в обыкновенную девушку, и она проспала четырнадцать часов.

Мариам не поднимала глаз. Только одно мгновение она видела лицо Васильева. Он жив, он здесь, совсем близко, рядом! Она слышит, как стучит его сердце, чувствует его дыхание. Вот лежат на столе его руки, пальцы вздрагивают, и хочется Мариам успокоить их, положить сверху свою маленькую ладонь.

Как в полусне, она слышит его слова, но не в силах заставить себя приподнять голову.

— Скажите, Мариам: значит, у Гасанова все идет успешно? Он бурил вашим электробуром прямо с плавающего острова?

— Нет. — Мариам приподняла голову и увидела предостерегающий знак Рустамова. — Нет, пока еще... подготовка. — Пряча смущение, она подбежала к иллюминатору. — Смотрите! Туман рассеивается. Скоро выглянет солнце.

Васильев поднялся и стал за спиной Мариам. Он видел, как ее маленькое ухо вдруг сразу заалело. Это солнечный луч, прорвавшись сквозь тучи, заиграл на лице Мариам, скользнул по щеке и чуть тронул розовую, просвечивающую раковинку. Только ее сейчас видел Васильев.

Боясь повернуться, Мариам смотрела в окно.

Синицкий хотел что-то спросить у Александра Пет-

ровича по поводу аппарата, выброшенного «рыбаками», но не решился.

«Хитрая штука, — думал он, рассматривая подводную фотокамеру. — Ее можно отправить на такую глубину, куда не опустится батисфера. Жалко, что все это сделано не для науки, а совсем для другой цели».

Ясно, что «рыбаки» пользовались этим аппаратом. Но как доказать? Наклонившись пониже, он заметил какой-то знак, четко выгравированный в рамке из волнистых линий. Так это же сигма — из греческого алфавита.

Нетрудно было догадаться, что подводный фотоаппарат так и назывался — «Сигма». Это о нем тогда говорили люди на берегу. Их слова записаны на пленку. Может быть, сопоставление этих фактов и будет тем недостающим доказательством, о котором упомянул Рустамов.

Синицкий взглядом попросил Рустамова подойти и молча показал на марку аппарата.

— Похвальная наблюдательность, Николай Тимофеевич! — Рустамов погладил его по плечу. — Мне тоже кажется, что эта буква в сочетании с записанным вами разговором на пленке, где «охотники» спорят о том, нужно ли применить «Сигму» или нет, поможет опытным товарищам разобраться во всем этом деле.

Вспомнив о магнитофоне, Синицкий вытащил его из кармана, повертел в руках и положил обратно. Уж очень странным ему показалось, что эта игрушка стала по-настоящему полезной, чего он не ожидал. Теперь и разговаривать с ней придется иначе: в очень уважительном тоне.

Туман редел. Синицкий выбежал на палубу. За ним вышли Рустамов и директор.

— По-моему, это явное доказательство! — убежденно говорил Рустамов, останавливаясь в дверях. — Голоса сразу можно узнать?

— Почему не узнать? Можно, — сказал директор. — Но мне сейчас об этих... ну, сам понимаешь, не хочется и думать. Такой радостный день!

— Правда, Джафар, — согласился парторг. — Довольно! Скоро берег. Надо взять правее.

— Место по карте точно определил?

Рустамов утвердительно кивнул головой.

— Да, я позабыл тебе сказать, — вдруг вспомнил Агаев. — В прошлом году из министерства нам при-

слали на заключение предложение какого-то предприимчивого американца.

— Но ведь мы же не хотели возвращаться к этой теме. — Рустамов насмешливо взглянул из-под бровей.

— Ничего не поделаешь, напоминают всеми способами. — Директор досадливо повел округлыми плечами. — Тогда этот изобретатель предлагал способ морской нефтеразведки, причем вызывался сам переоборудовать подводную лодку.

— Старая история.

— Да, но он утверждал, что это единственный метод разведки, хотя с лодки и нельзя производить бурение. Он даже предлагал купить его патент на какие-то детали устройства. Так вот, представь себе, сегодня представители одной нефтяной компании прислали телеграмму прямо к нам в институт.

— Чего они хотят? Да?

— Предлагают провести разведку их подводной лодкой у нас, в Каспийском море. — Директор усмехнулся. — Чисто деловое предложение,

— Что ответишь?

Агаев пожал плечами.

— Посоветуемся.

— У нас пословица хорошая есть. — Рустамов лукаво прищурился. — «Не будь петуха, разве утро не настанет?» Так и напиши, — рассмеялся он и вместе с Агаевым вышел на палубу.

Утро казалось необыкновенным.

Солнечные лучи стремились прорваться к воде сквозь туман, повисший над морем, как купол из опалового стекла. Лучи дрожали, переливаясь радужным спектром, словно мириады тонких цветных и прозрачных нитей...

— Скоро весь туман сойдет. Специально для нашего праздника, — сказал Рустамов, смотря вверх, и, повернувшись к Васильеву, спросил: — Как думаешь, Александр Петрович?

Инженер стоял у борта вместе с Мариам и задумчиво смотрел в воду.

— Не знаю, — несколько помедлив, ответил он. — Вы обещали вернуться к вопросу о подводной буровой. Поговорим сейчас. Мы уже не за праздничным столом.

Рустамов вопросительно посмотрел на директора.

Тот отрицательно покачал головой. Это движение не укрылось от Васильева.

— Или вы считаете, что она не нужна? Не оправдала себя? Ведь вам же рассказывали, почему произошла авария. Мы не рассчитывали на такое давление пласта. Произошла ошибка, допустили частичное фонтанирование...

— Послушай, Александр Петрович, — перебил его Рустамов, дружески взяв за локоть. — У азербайджанцев есть хорошая поговорка: «Кто падал с крыши, тот знает, что это значит». Мы-то падали не раз. Знаем, что такое ошибка или неудачное испытание. Ай, балам! Разве мы тебя не понимаем?.. О твоей буровой зачем зря говорить? Да? «Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать». Не правда ли, Джафар? Как ты...

Он не успел закончить фразы.

Совсем недалеко от танкера, может быть в каких-нибудь тридцати метрах, закипела вода, заметались неизвестно откуда появившиеся высокие волны, и вот над поверхностью воды показалась выпуклая блестящая спина какого-то фантастического чудовища. Она постепенно росла, поднимаясь вверх, будто огромный кит решил выплыть на поверхность подышать.

Вот уже совсем вылез из воды эллипсообразный купол. Как гигантское серебряное яйцо, торчал он среди мечущихся волн.

Васильев взял Мариам за руку и замер, не дыша, словно боясь спугнуть чудесное видение.

Директор обнял Рустамова за плечи и, от нетерпения притопывая ногой, восхищался:

— Молодец! Ай, молодец!

Купол поднимался все выше и выше. Необыкновенный дом вырастал на глазах. Показался балкон... Да, именно балкон, опоясывающий стальное яйцо. Вода хлестала сквозь его решетку, скатываясь вниз широким водопадом...

И вот уже под балконом выпучились желтые светящиеся глаза иллюминаторов.

Наконец дом перестал расти. Из-под воды показались гусеничные цепи. Каждое звено цепи напоминало зеркальную дверь.

Такими их видела Мариам. Слезы радости выступили на глазах. Ей хотелось смеяться от счастья. Это счастье Васильева, ее и всех, всех, кто был сейчас на палубе, на берегу, всюду на нашей земле.

И ей показалось, что дом вдруг вышел из воды и пошел искать себе место на бакинских улицах. Он по праву мог бы стать рядом с новыми домами на улице Шаумяна. Вот он путешествует по городу — шлеп-шлеп гусеницами. Вот спускается вниз по Коммунистической... Ему тесно, он толкает другие дома и не может даже извиниться...

В подводном доме погасли огни иллюминаторов. На балконе что-то зашипело. Поднялась вверх тяжелая дверь.

«Калтыш» приблизился к дому настолько, что можно было различить сварные швы на решетках балкона.

На палубе все застыли в ожидании. Наклонясь всем телом вперед, в напряженном внимании стоял капитан «Калтыша», а дальше по борту выстроилась вся его команда.

Как бы испытывая терпение команды и пассажиров, из двери подводного дома долго никто не показывался. Наконец на балкон вышел человек в простом синем комбинезоне.

Солнечный луч скользнул между разорванными ветром клочьями тумана и заиграл на его лице.

Это был Гасанов. Зажмурился, прикрыл глаза ладонью, как бы защищаясь от яркого света, затем снова открыл их, оглядел каждого из своих друзей, стоящих у борта, приветливо им улыбнулся и тут... увидел Васильева.

Упираясь руками в перила, как бы готовясь прыгнуть туда, к нему на палубу, Гасанов не мог оторвать взгляда от знакомого лица.

— Салам, Ибрагим! — услышал он голос Рустамова. — Ну как, узнаешь?

Ибрагим молча протягивал к Васильеву дрожащие от волнения и усталости руки.

«Калтыш» подходит ближе. Как сильно бьется сердце! Каких нечеловеческих усилий стоили ему эти дни! Сколько раз он, Ибрагим, хотел бросить безумную затею — поднять затонувший дом! Ломались трубы, скользили по гладкой стали и упирались в дно. Вода опять прорывалась в буровую. Дом плавал на глубине двадцати метров, постепенно опускаясь вниз. Пришлось самому спуститься в водолажном костюме на крышу плавающего дома.

Танкер правым бортом приближается к зеркальным

плоскостям гусениц. Сейчас Гасанов встретится с конструктором подводного дома и передаст ему его творение.

По-разному люди думают о счастье. Вспоминают, ищут в прожитой жизни вспышки особенно ярких минут.

У Гасанова эта минута наступила сейчас...

Он сбежал по лестнице к нижнему люку, откуда уже перекинули трап на борт танкера. И тут его встретил Васильев.

— Мне трудно говорить, — глухо, почти шепотом, сказал он, сжимая руку Ибрагима. — Ты сам знаешь, что сделал для меня... И не только для меня... — Он замолчал и, тревожно всматриваясь в глаза Гасанова, спросил: — Ты, наверное, все осмотрел... Ты веришь в него?

— Я в тебя верю, Александр Петрович, — подчеркнул Ибрагим. — Ты большой инженер. Твои танки пойдут по дну. И не только здесь, а в океане. Откроют новые богатства.

— Мы будем работать вместе. — Васильев обнял его и спросил: — Но как ты мог поднять его? Драгоценная твоя голова!

— Вот теперь я знаю, что не все наши пословицы правильны, — неожиданно заключил Рустамов, подходя вместе с директором к инженерам.

— Да не может быть! — иронически заметил Агаев, вынув трубку изо рта.

— Почему не может? Может. Да? Вот, например: «Вещь хороша, когда новая, а друг — когда старый». Неправильно! Не всегда так бывает. Вот смотри, — указал он на инженеров, — совсем новые друзья, но разве их дружба не настоящая?!

Жмурясь от солнца, стояли на балконе все обитатели подводного дома.

Саида уже успела прилететь сюда на гидросамолете и сейчас с радостным волнением смотрела на друзей. Вот они все перед ней. И старый мастер Ага Керимов, он не может оторвать глаз от человека, спасшего ему и товарищам жизнь. И мастер Пахомов, тайком утиравший невольную слезу радости. И счастливый Нури, готовый сию же минуту прыгнуть на палубу к Александру Петровичу. И смешливый Опанасенко, техники, рабочие, бурильщики, монтеры.

— Надо торопиться, — проговорил Рустамов. — Нас уже ждут в городе.

Васильев подошел вместе с Гасановым к трапу подводного дома.

— Я останусь здесь.

— Нельзя, Александр Петрович, — возразил Рустамов. — Там все хотят видеть живого Васильева. Могут даже не поверить, что тебя нашли. Никак нельзя, обидишь всех.

Видимо колеблясь, Васильев в нерешительности остановился у трапа.

Конечно, в городе быть необходимо. Но уж слишком велико было искушение сейчас, именно сейчас осмотреть, проверить все до последнего винтика в подводном доме. Вновь пройти по коридорам, зайти в штурманскую рубку, буровую...

Рустамов понимал его желание, но все же посоветовал:

— Как у нас говорят: «Два арбуза не удержишь одной рукой». Надо выбирать. Лучше поедем в город, где сразу же позвоним в Москву насчет Алексея.

К Агаеву, запыхавшись, подбежал вихрастый паренек из радиорубки.

— Две радиограммы!

Директор развернул сначала один листок, затем другой и тепло улыбнулся.

— Очень беспокоятся о тебе, Александр Петрович. Спрашивают, не можешь ли ты, а также товарищи Синицкий и Гасанов приехать сегодня к нашим руководителям. Это радиограмма из ЦК и Совета Министров. А эта...

— Ты не сомневайся, — обратился Ибрагим к Васильеву, — все моторы работают нормально. Кроме повреждений в буровой, подводный дом совсем не пострадал.

— А эта радиограмма из Москвы... — между тем продолжал директор. — Вот ведь как быстро стало известно! Поздравляют тебя, Александр Петрович, с большой победой, с открытием новых нефтяных пластов в тех глубинах, куда еще не спускался ни один человек. А также приветствуют тебя, Ибрагим, в связи с удачным решением подъема подводного дома. Обоим вам желают счастливой совместной работы.

Васильев вспомнил: «Тот, кто ел кутум и пил шоларскую воду, обязательно вернется обратно». Вот и он вернулся — затем, чтобы найти «золотое дно», друзей и, может быть...

Он растерянно улыбнулся Мариам. В глазах ее светилось счастье.

Подняли трап. Застучала машина. Где-то с шумом всхлипнула вода. И вот медленно поплыл от борта стальной купол.

Туман совсем рассеялся. Подводный дом инженера Васильева засветился на солнце, словно айсберг с куполообразной вершиной.

Директор института искренне любовался этим величественным сооружением и одновременно прикидывал — а какой все-таки месячный план бурения скважин можно было бы спустить одной такой ползающей буровой?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло несколько лет после нашей ночной прогулки у берегов Апшерона.

Вы помните, дорогой читатель, этот тихий предутренний час. Плеск волн, огни далеких буровых и рассказ о тайнах морских глубин. Все это кажется совсем недавним. Потом мы с вами следили за работами Гасанова и Васильева, участвовали вместе с ними и другими героями в испытаниях новых вышек и подводного дома, тревожились за судьбу конструктора Васильева и студента Синицкого, радовались, когда настойчивость и творческая мысль всего коллектива института привели их к заслуженной победе.

Не хотите ли повторить прогулку по морю и своими глазами посмотреть, что сделали наши друзья через несколько лет после описанных здесь событий? Согласны? Тогда не будем терять времени.

Так же как и в прошлый раз, мы начнем наше путешествие из Бакинской бухты. Многого нужно увидеть, поэтому наше путешествие начнется утром, а не ночью.

Спортивный гидросамолет слегка покачивается на желто-зеленых поплавках, похожих на два гигантских банана.

Опустите прозрачный колпак над вашей кабиной. Вы слышите меня из репродуктора? Вы и не заметили, что самолет уже оторвался от воды. Длинная уродливая тень побежала впереди нас. Она становится все

больше и больше. Самолет поднимается еще выше, и тень расплывается на серо-голубом матовом стекле уходящего вниз моря. Для спортивного гидросамолета скорость, с которой мы идем, достаточно хороша. Взгляните на прибор. Стрелка застыла на цифре «400».

Через двадцать минут мы уже оказались на половине пути до противоположного берега. Осмотритесь кругом. Вы ничего не замечаете вон там, с правой стороны?

Проплывает белый остров, словно покрытый снегом. Он кажется странным на этом море, где с берега спускаются виноградники. Видите, в центре плоского круглого острова, похожего на гигантскую консервную коробку, стоит блестящий цилиндр? Если у вас хорошее зрение, то вы уже заметили, что цилиндр вращается. Смотрите теперь по сторонам. Всюду разбросаны такие же белые острова. Целый архипелаг посреди Каспийского моря.

Да, вы угадали. Это острова Гасанова, построенные на тех местах, где бурил скважины Васильев, путешествуя по дну в своем подводном танке.

Но, может быть, мы с вами посмотрим, как работают люди на плавучих островах? Вероятно, они надолго остаются здесь одни — трудно предположить, что дежурные каждый день летают на работу. Им будет приятно встретиться с нами.

В зеркале видно, как при посадке ваши руки инстинктивно упираются в борта кабины. Может быть, вам кажется необычным, что самолет мчится к воде, словно стараясь нырнуть в глубину?

Тишина. Выключен мотор. Скользнули поплавки по верхушкам робких волн. Легкий всплеск — и гидросамолет подруливает к острову.

Не правда ли, вы удивлены, что нас никто не встречает? Неужели для обитателей этого островка совершенно безразлично, что к ним прилетели гости?

Осторожно. Дайте руку.

Самолет уже пришвартован к стальному борту плавучего острова. Мы поднимаемся с вами по короткой лесенке наверх.

Ну что же здесь смотреть? Круглая площадка диаметром примерно в сорок метров, от которой так и пышет жаром. Кроме зеркального вращающегося цилиндра, расположенного посередине, ничего нет.

Идемте к цилиндру. Теперь вы видите, что это ветряной двигатель? Он работает от самых слабых ветров.

А так как на Каспийском море постоянно дуют ветры, и далеко не слабые, то именно здесь наиболее выгодно использовать эту энергию для того, чтобы выкачивать нефть из морских глубин. Внизу, под ветряком, люк. Там находятся приборы. Ну конечно, около них и должны быть дежурные.

Люк заперт. Вы хотите постучать? Не беспокойтесь. Гасанов дал мне ключ.

Осторожно, не упадите. Здесь темно. Впрочем, выключатель справа. Теперь вы видите, куда ведет эта лестница? Небольшая камера. Здесь только приборы. Стальная коробка острова представляет собой огромный резервуар нефти.

Под водой — гибкая труба, она идет к прочной полусфере, где находятся насосы. Если бы мы сейчас посмотрели на подводный промысел, то увидели бы много труб, поднимающихся вверх; они колышутся от глубинных течений, как стебли водяных лилий.

Мы уже обошли все помещения, где расположены контрольные механизмы. А где же люди? Кто следит за всеми этими приборами?

На стальных островах нет людей. Они никогда здесь и не бывают, кроме тех случаев, когда нужно перекачать нефть из острова-бака в трюмы гигантских танкеров.

Но откуда люди на берегу знают, что сегодня необходимо послать танкеры к острову номер шестнадцать, для того чтобы освободить его от нефти? Откуда известно на берегу, что на острове и внизу, в куполообразной камере, все механизмы работают нормально, что ни одна труба не засорилась? Как следить за сотней таких островов?

Возможно, вы заметили блестящую гребенку антенны наверху ветродвигателя? Радиостанция, работающая на миллиметровых волнах, автоматически передает все показания приборов на берег. На всех островах торчат такие гребенки антенн, они направлены в одно место на берегу.

Помните, когда вы проезжали около института, то заметили новое куполообразное здание с целой системой сверкающих на солнце антенн? Сюда сходятся незримые нити радиоволн от каждого острова. Здесь автоматически записываются показания приборов.

Дежурный инженер ходит около аппаратов и внимательно следит за тем, как работает самый огромный промысел в мире.

Кстати, вчера дежурил Синицкий, а сегодня — Нури. Молодые инженеры должны пройти практику на всех участках телеавтоматики. От инженера требуется не только следить за приборами, но и в некоторых случаях принимать самостоятельные решения. Инженер должен знать, когда следует остановить насос или закрыть тот или иной кран. А это он может сделать, не отходя от пульта управления, повернув нужный переключатель. Вы помните игрушки Саиды, которые она поставила для проверки в свою квартиру? Это были тогда первые шаги автоматического управления.

Подойдите сюда. Вы видите — под прозрачным колпаком из пластмассы щелкают и жужжат умные механизмы. Они сами регулируют все процессы, необходимые для того, чтобы выкачивать из морского дна тысячи тонн жидкого золота.

Вы слышите, щелкнуло реле? Оно соединено с приемником.

Может быть, в этот момент дежурный инженер Нури нажал кнопку и временно остановил один из насосов. Человек вмешался в работу автоматов. Он их создатель и повелитель. Они послушно подчиняются его воле.

Поднимемся из этой железной коробки на воздух, на простор. Здесь жарко и душно. И пусть остаются внизу бессменные мастера — созданные нами приборы, привычные к любой температуре и любым условиям. Человеку здесь не место.

Свежий ветер забирается за воротник вашей рубашки. Скользит у стенок белого острова откуда-то прибывшая высокая волна. Вот она откатилась назад и снова с веселым шипением ринулась к острову.

Смотрите: везде, на всех островах, разгоняя по морю солнечные зайчики, вращаются блестящие цилиндрические ветродвигатели. Неравномерно, чуть слышно щелкают реле, гудят моторы.

И ходит сейчас в светлом зале дежурный инженер Нури Имранов, изредка поглядывая на мерцающие сигнальные лампочки записывающих приборов. Он сейчас работает за всех. И за Керимова, и за Пахомова, и за Опанасенко. Работает за тысячу человек мастеров, мотористов, смазчиков, контролеров, техников. Они работают на других промыслах, а Нури здесь — один за всех.

Ходит Нури по диспетчерской. Смотрит на огромную, во всю стену, светящуюся карту, где в кружках островов мелькают цифры добычи каждой из скважин.

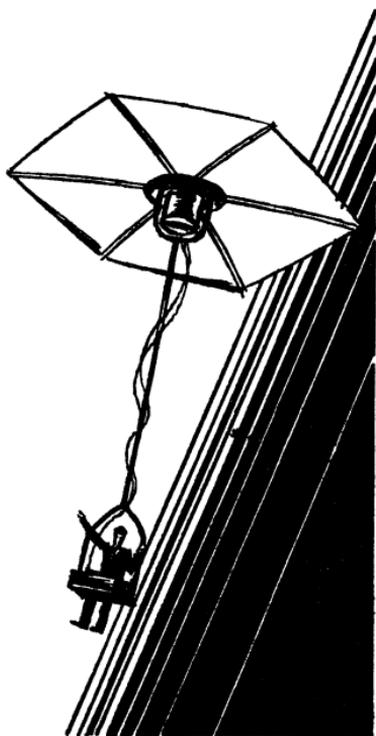
И вот эти светлые островки на голубом стеклянном море ему кажутся предвестниками нового, счастливого труда тех грядущих дней, что люди называют коммунизмом.

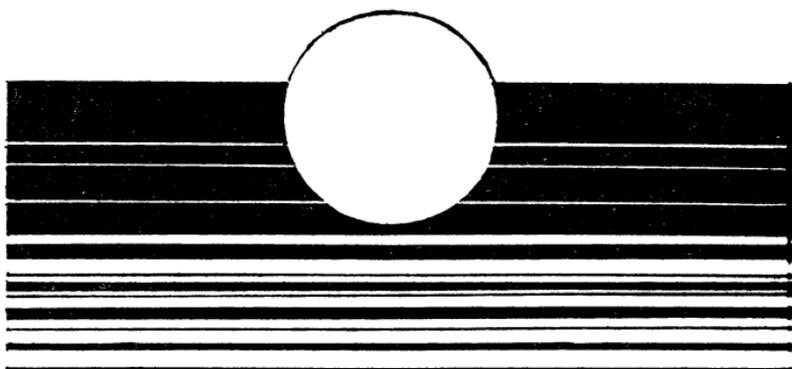
Инженер отошел от карты и взглянул на нее издали. Огни горели ярким неугасимым светом...

1947—1948 (1980)

ОСКОЛОК СОЛНЦА

Научно-фантастическая повесть

Глава 1. КАК БУДТО БЫ ПОСТОРОННИЙ РАЗГОВОР

это лето не было никаких космических экспедиций на другие планеты. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда, без атомных реакторов, Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой и жить до трехсот лет. Инопланетяне не прилетали. Запись экскурсантов на Марс еще не объявлялась.

Ничего этого не было просто потому, что наш рассказ относится к событиям сегодняшнего дня, который дорог нам не меньше завтрашнего. И пусть читатели простят автора, что он не захотел оторваться от нашего времени и от нашей планеты. Правда, он рассказывает о технике пока еще не созданной, но разве дело в технике? Впрочем, перейдем к рассказу.

Под потолком вздрагивала и гудела серебряная птица, силилась оторваться от проволоки. По столу шагал экскаватор, вдоль стены бегал электровоз. Шумела вода в шлюзах, на плотине вспыхивали фонари. Рядом лента транспортера тащила кирпичи на четвертый этаж строящегося дома. Кирпичи были похожи на ириски, а весь дом размещался на столе. Сейчас над ним склонились две головы: темная, курчавая, и светлая, коротко стриженная.

Не в первый раз Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин приходят сюда, на выставку технических училищ. Перед отъездом в длительную командировку им хотелось еще раз взглянуть на модель, в которой заложена хоть маленькая, но все же частичка их труда. Радиотехники из института метеорологии выступали на выставке в роли научных консультантов.

— Консультанты? Придумаешь тоже! — рассердился Бабкин, когда Багрецов сказал об этом. — Вон тот, наверное, консультант настоящий.

Он взглядом указал на человека, склонившегося над стендом. Кроме блестящего затылка, обрамленного черным полукольцом волос, Вадим ничего не увидел.

Но вот человек повернулся, и на надменном его лице можно было прочитать скуку и недовольство.

— Обыкновенный завистник, — тихонько сказал Багрецов.

Бабкин недоуменно посмотрел на него.

— Кому завидовать? Ребятам?

— А ему все равно. По-моему, он ненавидит людей, которые что-то умеют.

— Физиономист! Может, у человека зубы болят.

— Довольно, Тимка. Он меня вовсе не интересуется. Пойдем посмотрим нашу игрушку в работе.

Ребята из технического училища задумали построить модель радиотрактора. Инициатор этого дела жил по соседству с Тимофеем Бабкиным и попросил его как опытного специалиста помочь юным техникам в проектировании. Ну а где Бабкин, там и Багрецов. Они неразлучны на работе, вместе бывают в командировках, да и вообще друзья, хотя и спорят часто.

Модель работала отлично. По огромному столу, обитому серым сукном, шел трактор с антенной и тащил за собой плуг. На краю стола — передатчик с рефлектором. Он излучал радиоэнергию, которая принималась антенной на тракторе, преобразовывалась в приемнике и заставляла работать электромотор. Демонстрировалась передача энергии на расстояние без проводов. Управлялся трактор вспомогательным радиопередатчиком с номеронабирателем.

У трактора зажигались фары, он мог идти по кругу, поворачивать вправо и влево; у плуга приподнимались лемехи, и все это делалось с помощью диска номеронабирателя, такого, как на телефонном аппарате.

Вадим любовался моделью, а Бабкин, поглаживая ежик волос, с подчеркнутым равнодушием посматривал на часы.

Димка увлекся настолько, что забыл о встрече с Лидой Михайличенко, а она должна быть здесь с минуты на минуту. Интересно встретить друга своего детства, тем более что Лида ему нравилась.

Два года Лида ничего не писала. Работала в Орле, училась заочно в Московском технологическом институте, занималась редкими металлами. Багрецов и Тимофей были в очередной командировке, а в это время Лида приехала в Москву сдавать государственные экзамены. Сдала отлично, предложили поступить в аспирантуру. Тему, которую она выбрала для диссертации,

признали очень интересной. Как потом узнал Багрецов, дело касалось новой методики измерений.

По возвращении из командировки Вадим разговаривал с Лидой только по телефону, никак не удавалось встретиться. Ну ничего, впереди целый месяц совместной работы. Лида едет туда же, куда и техники. Задания у них разные: Михайличенко будет проверять свой метод измерений на практике, а Вадим и Тимофей — устанавливать радиометеоприборы на испытательной станции спецлаборатории № 4. Об этой лаборатории наши друзья знали только, что находится она в Узбекистане и ею руководит инженер Курбатов.

Вадим ждал Лиду со смешанным чувством любопытства и волнения. Она была старше его года на три, худенькая, казалась подростком. Как сейчас она выглядит? Ему всегда нравилось ее тонкое лицо, пышные темные волосы, подчеркивавшие белизну кожи. Интересно — что с ней будет после среднеазиатского солнца?

В последний раз, когда Вадим прощался с Лидой — а было это очень давно, — он заметил грусть на ее лице, не придав этому значения, но потом частенько задумывался. Впрочем, ничего серьезного — розовое облачко приятных воспоминаний.

Сегодня Лида хотела договориться с техниками о дне выезда. Если она успеет оформить документы, то поедут вместе. Бабкин обещал взять билеты.

Тимофей досадливо озирался. Он не любил ожиданий. Только Димке могла прийти в голову шальная мысль — назначить свидание на выставке. Вот почему Бабкин недружелюбно посмотрел на девушку в зеленом платье. Она стояла у входа в зал. Из-под белой шапочки выбивались темные завитки, они вздрагивали при каждом повороте головы. Девушка кого-то искала. «Определенно это Лида», — решил Тимофей, и не ошибся.

Димка метнулся к ней через весь зал и вдруг смущенно остановился.

— Не узнали? — спросила она, протягивая руку. — Честное слово, это я.

В голосе ее слышались странные нотки, словно она оправдывалась перед Вадимом.

Вадим чувствовал себя неловко, скованно. Теперь ее нужно называть Лидия Николаевна, а когда-то дразнил ее, пускал по спине майских жуков. Ползет,

ползет до плеча и над самым ухом — фрр... Лида вскрикивала, а Вадим хохотал.

— Жуков помните, Лидия Николаевна?

Лида удивленно подняла брови.

Выручил Тимофей: он поздоровался и тут же спросил, когда она выезжает.

— Никогда. — Лида обиженно заморгала. — Курбатов прислал телеграмму, что не может меня принять. Аспиранты ему не нужны.

Вадим загорячился и, ежеминутно поправляя пестрый галстук, оглядываясь по сторонам, вполголоса стал доказывать, что здесь произошла какая-то ошибка. Ведь, по словам Лиды, Курбатов хотел испытать новую методику измерений. Значит, нужна помощь автора, и, насколько Вадим понимает в этом деле, Лидино присутствие там необходимо.

Он говорил с жаром, но малоубедительно. Лида, обмахиваясь платочком, простодушно соглашалась, а Тимофей скептически посматривал на друга и думал, что начальству виднее и зря Димка вмешивается в чужие дела.

— Почему вы не пошли к директору? — спросил Вадим.

Лида смущенно пожала плечами.

— Неудобно. Он академик, а я кто?

— Как кто? Ученый. Новатор.

— Вы, Димочка, смешной, — с грустной улыбкой сказала Лида. — Ученый! Лет через пять, может быть. Оставим этот разговор, и показывайте выставку.

Пропустив вперед Вадима и Лидию Николаевну, Бабкин пошел за ними. Оба высокие, прямо залюбуешься. Димка в светло-сером костюме с острой складкой брюк, платочек уголком торчит из кармана. Франт. Но сам Тимофей ни в жизнь бы так не оделся — несолидно. То ли дело отутюженная гимнастерка и хорошо начищенные сапоги. Галстуки ему не идут, даже жена подтвердила.

Обращаясь с вопросами к Бабкину, Лидия Николаевна поворачивалась и слегка нагибалась. Даже при ее полноте это было изящно, но Тимофею казалось, будто она специально подчеркивает его невысокий рост и вообще свое превосходство. Она уже аспирантка. А Бабкин кто? Всего лишь техник и студент заочного отделения радиоинститута...

Багрецов привычно рассказывал о моделях, выставленных на стендах, наконец остановился возле аппаратов, демонстрирующих работу фотореле. Радужный диск мощного вентилятора был пересечен тонким лучом света. Стоило лишь протянуть к нему руку, как вентилятор выключался и раздавался предупреждающий звонок. Примерно такие аппараты уже применяются в некоторых цехах. Фотореле выключает станок, если рука рабочего окажется в опасной зоне.

Вадим забавлялся, совал руку чуть ли не в самые лопасти вентилятора, но ему никак не удавалось обмануть зоркий глаз фотоэлемента.

Эта забава не нравилась Бабкину. Иногда даже самая совершенная техника отказывает. Зачем испытывать судьбу?

Бабкин поторопился оттащить Димку подальше, они вместе с Лидой прошли в другой зал, где были выставлены художественные работы.

Вадим полюбозыгривался:

— Скажите, Лидочка, — он уже освоился и стал называть ее как прежде, — вы хотите проверить в четвертой лаборатории ту работу, которая была опубликована в прошлом году?

— Нет, зачем же! Я развиваю эту же тему, но совершенно по-новому. Мне удалось найти способ определения взаимодействия разных слоев в курбатовских плитах. — Лида посмотрела на вытянутые лица друзей и рассмеялась. — Да что я вам рассказываю, ведь это сплошная химия! Радиотехника тут ни при чем.

Вадим поднял глаза.

— Но ваша химия в какой-то мере связана с электротехникой?

— Говорят, — пряча темную прядь под шапочку, уклончиво ответила Лида. — Вот поедете, узнаете у Курбатова.

Услышав эту фамилию, человек, которого Бабкин определил как консультанта, обернулся. Оказывается, он все время шел около них. Странно. Что ему нужно? Бабкин заметил, что в прищуренных глазах незнакомца мелькнул живой интерес.

Тем временем Вадим продолжал расспрашивать Лиду:

— А что вы слыхали про Курбатова? Интересный он человек или сухарь? Ученые разные бывают. От иного так холодом и веет. Стоишь рядом, хочешь спросить,

посоветоваться и вдруг чувствуешь, как язык примерзает к нёбу. Кругом жара азиатская, а у тебя зуб на зуб не попадает.

Лида посмотрела на Вадима веселыми глазами.

— Бойтесь? Конечно, приятного мало, если тобой руководит не человек, а ледышка. Но в институте говорят, что Курбатов не из тех. Простая, добрая душа. Работать с ним интересно. — Она сморщила нос и вздохнула: — Жалко, что мне не придется.

— Не отчаивайтесь, Лидочка. Мы с Тимкой постараемся убедить его. Пошлет вам вызов, вот увидите. Ведь вы же технолог?

— А Курбатов — создатель этой технологии. Сам разберется. — Лида задумчиво потерла лоб. — Правда, я вывела кое-какую формулу. Быстро определяется процентное отношение... Ну что ж, осенью узнает, когда будет опубликована моя статья.

Весь этот разговор был неприятен Бабкину, причем он сам не понимал почему. «Что тут особенного? — успокаивал себя Тимофей. — Разговор как разговор. Секретная тема? Ничего похожего. Лидия Николаевна пишет об этом статьи. Но, может быть, Курбатов занимается секретной темой? Тоже нет. Иначе нас предупредили бы».

Единственно, что смущало Бабкина, — это поведение уже примелькавшегося ему любопытного посетителя. Он так подробно изучал мозаичный столик, что за время беседы Димки и Лидии Николаевны успел бы пересчитать все кусочки древесных пород, из которых была составлена узорчатая крышка. Бабкин заметил, что незнакомец с напряжением прислушивается к каждому Димкиному слову, к каждому замечанию Лидии Николаевны. Надо полагать, что не впервые он слышит о статьях, публикуемых в научных журналах. Может быть, тема заинтересовала? Но Лидия Николаевна ее не называла и не рассказывала ничего существенного, что бы могло привлечь внимание специалиста. А если он и в самом деле специалист, то, вероятно, знает не меньше аспирантки. Правда, Димка утверждает, что она талантлива, «как бес», но ведь опыта нет. Поработала бы в лаборатории годика три, как он, Бабкин, или тот же Димка, тогда бы и разговор другой.

Выйдя на улицу, Димка долго не отпускал Лиду, а когда она ушла, начал восторгаться ее достоинствами: и хороша и умна.

Бабкин сурово перебил его:

— Болтлива не в меру.

Вадим от неожиданности замедлил шаг.

— Пстой, о ком ты говоришь? — удивился он, зная, что из Лиды приходилось с трудом вытягивать слова. Даже сегодня, после того как они так долго не виделись, она больше слушала, чем рассказывала о себе, хотя Вадима это очень интересовало.

— Ну, знаешь ли, — развел он руками, — на сей раз тебя подвела наблюдательность.

— Это ты ничего не видишь. Закрыв глаза, как соловей, и заливаешься. — Тимофей оглянулся и, убедившись, что поблизости никого нет, добавил: — Один тип все время прислушивался к вашим секретам.

Багрецов сморщился, как бы оказавшись в полосе яркого света.

— Ерунду говоришь. Какие там секреты!

— Не знаю. Во всяком случае, можно бы обойтись без фамилий. Ты сдуру спросил насчет связи химии с электротехникой, а она отослала тебя к Курбатову, да еще прибавила, что он создатель какой-то технологии. Адреса только недоставало.

Обмахиваясь шляпой, Вадим заметил небрежно:

— Кому нужно, узнает в институте.

— Вот именно — кому нужно. — Бабкин резко сдвинул кепку на глаза и отвернулся.

Багрецов пожал плечами. Обычная Тимкина мнительность. Конечно, надо быть осторожным, но нельзя же поминутно оглядываться, если нет к этому достаточных оснований.

За последнее время Тимофей стал ужасно нудным. Слова громко не скажи, не смейся, не маши руками. Люди, мол, оборачиваются. Ну и пусть. У человека хорошее настроение, на него и глядеть радостно. А на хмурого Тимку даже смотреть неприятно.

На тротуарах сверкали лужицы, слепили глаза, как осколки солнца. Осколки? Попробуй скажи Тимофею, что хорошо бы отколупнуть такой кусочек от солнышка, достать хоть бы маленький его осколочек, чтобы узнать, чем оно живет и дышит! В самом деле, вдруг бы на Земле оказался солнечный осколок? Нет, не с поверхности Солнца, а из ядра — плотное, загадочное вещество, в котором происходят сложные, пока еще неизвестные человеку термоядерные реакции. К такому осколку не подойдешь.

— А зачем он нужен? — категорически отрубил Бабкин, когда Вадим все же поделился с ним своими мыслями. — И так с Солнцем хлопот не оберешься. До сих пор приручить не можем.

Багрецов подавил вздох. Так вот всегда. Чуть повыше взлетишь, а он тебя вниз за штаны тянет. И как только такие люди на свете живут?

Глава 2. ОЗЕРО В ПУСТЫНЕ

омандировку в Среднюю Азию Бабкин воспринимал спокойно — дело привычное, а Вадим места себе не находил, нервничал и ждал чего-то необыкновенного.

Большой романтик, страстный любитель Маяковского — знал всего наизусть, — Вадим и сам грешил стихами, но, к счастью для себя и окружающих, понимал, насколько они несовершенны.

Когда ехали в автобусе на аэродром, шел дождь. Вадим по какой-то причине поссорился с Бабкиным и пробормотал глупое четверостишие:

Дождь идет, бегут пузыри по лужам,
Дуется Бабкин, глядя на них,
Хоть понимает, что дуться не нужно
Ни на себя, ни на других.

Эти попытки передать стихами интересующие Димку события Бабкин воспринимал болезненно. Баловство, чудачество. У Тимофея другие заботы: жене его Стеше не нравилось, что он много летает. Но даже при всей любви к ней нельзя было отказаться от самого быстрого средства сообщения.

Чуть ли не каждую поездку с друзьями что-нибудь случалось. Да это и понятно — ездили они не на курорты, а в дикие, необжитые места. И теперь, отправляясь в пустынный край Узбекистана, Вадим не сомневался, что приключения неизбежны.

Бабкин подсмеивался:

— Ну как же без них? Помнишь прошлый год? Летал, плавал, мчался по горным дорогам. Ничего не случилось, а пешком пошел — попал под велосипед...

Приключения ждали друзей и на этот раз. Самолет, в котором летели Бабкин и Багрецов, задержался на промежуточном аэродроме — на трассе бушевала пыльная буря, — и техники попали в город лишь на другой день. Тимофей сразу же телеграфировал Стеше, что долетел благополучно, Вадим послал такую же телеграмму матери.

Но путешествие еще не закончилось. Испытательная станция Курбатова находилась в пустыне, где не было ни дорог, ни тропинок. По песку или такыру — окаменевшему глинистому грунту — можно было проехать на автомобиле-вездеходе. Такой автомобиль выслали вчера с испытательной станции. Но Бабкин с Багрецовым опоздали, и машина ушла обратно. Как быть? Техники пошли в геологическое управление, и тут их пристроили на почтовый самолет, обслуживающий изыскательские партии. Как раз сегодня он летел в лагерь экспедиции, расположенный километрах в семидесяти от испытательной станции Курбатова.

Багрецов поежился, будто ему за воротник песку насыпали.

— А там как же? Пешком?

В пустыне он был впервые. Барханы. Пески зыбучие. Фаланги. Скорпионы. Довольно подозрительная экзотика.

Летчик рассмеялся.

— Кто же вас пустит пешком? Пустыня не место для прогулок. У Курбатова идеальный аэродром, садиться одно удовольствие. Доставлю прямо на место, как говорится, в целости и сохранности.

Серо-желтые барханы словно дымились — ветер сдувал с них песок. Самолет часто подбрасывало. В эти минуты Вадим инстинктивно сжимал поручни, а Бабкин делал вид, что не замечает никакой болтанки. Старый воздушный волк.

Под крылом самолета проплывали застывшие песчаные волны, редкие заросли саксаула и гладкие, как асфальт, такыры. Иногда встречались шоры — солончаки, похожие на снежные острова в грязно-желтом море. Внизу плыли верблюды, будто старинные корабли с изогнутыми лебедиными шеями.

Тени от барханов становились шире и чернее. Летчик недовольно поглядывал на часы. Надо приземлиться за-светло. Сегодня у Курбатова его не ждут — почту доставил третьего дня.

Багрецов чувствовал, как к горлу подступает тошнота, но держался мужественно. Стиснув зубы, посмотрел вниз. Вдали виднелось озеро. Огромный блестящий квадрат золотисто-соломенного цвета, обсаженный деревьями. Озеро выглядело зеркалом в темно-зеленой раме. На одной его стороне белели три маленькие точки.

Самолет пошел на снижение. Точки постепенно росли, пока не превратились в дома под черепичными крышами. Место Вадиму понравилось. Зелень, озеро — что еще нужно! Настоящий оазис в пустыне.

— Покупаемся? — прокричал он на ухо Тимофею.

Но тот не ответил, подозрительно оглядывая местность. Он не видел никакого аэродрома. Больше того — посадка казалась невозможной. Кругом высокие барханы, котловины, и всюду песок, песок. Приземлившись, самолет неизбежно скапотирует — ведь колеса завязнут сразу же! А он явно шел на посадку. Все быстрее и быстрее бежали под крылом гребни барханов, промелькнули верблюжья тропа, чахлый кустарник...

Крутой поворот, падение на крыло. Похоже на то, что самолет спускается прямо на воду. Вадим невольно посмотрел на бегущую тень — не видно ли поплавков, хотя и знал, что их быть не могло.

Такой спокойной, яркой и блестящей воды Вадим никогда не встречал. Ветер гнал песок с барханов, раскачивал ветки, а на воде ни волны, ни ряби, полная тишина, как в уснувшем пруду. Этот пруд кажется золотым, точно высыпали на него сто мешков бронзовой пыли.

Самолет летит совсем низко, вот-вот коснется колесами воды, ударится крыльями, и мотор потянет на дно. Вадим пугается, вскакивает и, больно стукнувшись головой о прозрачный фонарь кабины, закрывает глаза.

Летчик не оборачивается. Бабкин предупреждающе протягивает руку, но в это мгновение чувствует толчок, и колеса скользят по твердой поверхности.

Потирая ушибленный затылок, Вадим смотрит под крыло и ничего не понимает. Внизу бежит золотая вода. Самолет умеряет свой бег, мелькают какие-то темные линии. Еще минута — и уже различаются шестиугольники, как на бетонной дорожке аэродрома.

— Выходите скорее, — торопит летчик, приподнимая колпак. — Мне еще полчаса лету. Не хочу в темноте садиться.

Растерянные Бабкин и Багрецов вылезают из кабины. Летчик торопливо подает им чемоданы.

— Не сердчайте, ребятки, подруливать я уж не буду. — Он указывает на противоположный конец аэродрома, где виднеются три домика. — Туда шагайте... От винта! — командует он, и пассажиры отходят в сторону.

Когда самолет взлетел, Вадим рассеянно присел на уголок чемодана, снял шляпу и стал рассматривать плиты аэродрома. Неизвестно, из чего они сделаны — из пластмассы или, пожалуй, из стекла, покрытого изнутри золотистой фольгой.

Бабкин тоже заинтересовался странным «паркетом». В первую минуту ему показалось, что он нашел разгадку. Ясное дело — плиты работают как собиратели солнечного тепла. Внутри вода, она нагревается и идет по трубкам, например в баню. Потом, окинув взглядом весь аэродром, Тимофей усомнился. Здесь уложено несколько квадратных километров стекла или пластмассы. Неужели для бани? Конечно, солнечным теплом можно превращать воду в пар, а потом использовать его в паровой машине, но для этого нужно концентрировать лучи огромными зеркальными параболами...

«А что, если нагретая под плитами вода работает в каких-нибудь особых машинах?» Но и эту мысль отбросил Тимофей. Плиты должны быть черными, а не золотыми. Ведь надо собирать солнечные лучи, а не отражать их.

Он нетерпеливо опустил на колени и прежде всего определил, что шестиугольники сделаны из пластмассы. Стекло бы сразу потеряло свою прозрачность от царапин, ведь песчинки острые! А пластмасса легко полируется. В ней видны ячейки, похожие на золоченые соты. В каждой ячейке — черная точка, как личинка. Никогда Бабкин с этим не встречался, хотя не первый год работает в исследовательском институте.

Но посмотрели бы вы на Димку! Вот уж кто был действительно изумлен так изумлен! Ползая на коленках по зеркальным плитам, он сдувал с них тонкую песчаную пыль, гладил ладонями, прижимался щекой, используя чуть ли не все органы чувств, чтобы найти разгадку. Он хотел услышать журчание струй. Но плита молчала. Щека ощущала ее тепло, пальцы — гладкую поверхность,

а нос ничего не чувствовал. Надо бы попробовать языком — возможно, плита соленая? Кроме того, необходимо еще поцарапать, чтобы узнать твердость материала.

Вадим вынул из кармана отвертку, но вдруг заметил случайную трещинку, тронул ее чуть-чуть и кусок откололся. Пришлось сунуть его в карман, чтобы потом рассмотреть на досуге. Рядком на зеркальном поле стоят чемоданы, в них уложены маленькие радиоприборы, придуманные и сделанные в институте метеорологии. Они могут передавать на расстояние данные о температуре воздуха и почвы, влажность, давление и другие показатели, необходимые для прогноза погоды. Чаще всего эти аппараты используются в сельском хозяйстве. Техники уже испытывали их на колхозных полях — дело обыкновенное. А на зеркальном поле куда их пристроить? Зачем прислали сюда радистов, занимающихся погодой?

Темнота на юге наступает мгновенно. Золотые ячейки потускнели, стали красновато-медными. Багрецов огляделся. Солнце укатилось за острый выступ сразу потемневшего бархана.

— Пошли! — сказал Тимофей, потянувшись за чемоданом.

Вадим поднялся, стряхнул песок с коленей и сразу же почувствовал ледяной холод. Лишь ногам было тепло, как на печке. Перекинув через руку светлый плащ, он молча нахлобучил шляпу и взял второй чемодан.

— Погоди, — как бы проверяя вслух неожиданную мысль, сказал он. — Вдруг нас не там выкинули?

Бабкин не удостоил его ответом. Нелепое предположение. Но Димка не мог успокоиться. Что за летчик попался? Может, заблудился, перепутал аэродромы? Здесь и граница недалеко. Чем черт не шутит? Впереди тускло мерцали огоньки. До них дойдешь не скоро. Тимофей посоветовал свернуть в сторону — нет ли там тропинки? — ведь неудобно шагать по зеркалу в сапогах. Но Димка воспротивился. Не нравился ему темный кустарник вокруг поля. Колючий, наверное. Впрочем, дело не в этом. Димку смущала вполне возможная встреча с некоторыми представителями здешнего животного мира. Каковы их повадки? К примеру, что делает гюрза после захода солнца? За кем охотится? Стоит ли испытывать судьбу?

Всходила луна, малиново-красная, огромная, как го-

ра. Вот она поднялась над деревьями, стала расти, пухнуть. Засветилась зеркальная гладь, будто море преградило дорогу. Вадим замедлил шаг. Прежде чем ступить, нога инстинктивно повисает в воздухе. Кажется, что шагнешь — и прямо в воду. А вдруг здесь «с ручками», как подшучивал Тимофей, зная, что Димка не умеет плавать.

При луне все преобразилось. Зеркало как бы потрескалось, стали видны линии шестиугольников. Теперь уже Вадим представлял себе, что идет по льду. Трещины всюду — вот-вот провалишься. Хочется ступать медленно, осторожно, пробуя лед.

Так и шагал Вадим. Бабкин не торопил его — осторожность никогда не помешает. Он был далек от Димкиных домыслов. Разве ему могло почудиться, будто под ногами вода или потрескивающий лед? Ерунда. Опасность может быть вполне реальной — попадешь в открытый люк или в канаву. Мало ли какой встретится сюрприз! Всякое бывало.

Поминутно оглядываясь, Тимофей шел вперед и часто останавливался, ждал, пока пугливый Димка с ним не поравняется.

Мать Багрецова, по специальности детский врач, объясняла его боязливость сильным нервным потрясением в детстве. А в остальном он самый «обыкновенный мальчик», пожалуй, только чересчур впечатлительный.

Бабкин многое прощал другу. И вспыльчивость, и эту самую «впечатлительность», и неорганизованность, и частую необдуманность поступков, подсказанных сердцем, а не умом. Все прощал, кроме трусости.

А у Димки она выражалась довольно странно. Боялся он лягушек, ужей, темноты; на кладбище ни за что не пошел бы ночью. Но все утверждали, что Димка смелый. Он всегда отстаивал свою правоту, мог прямо в глаза высказать человеку все, что он о нем думает. Выступая на комсомольском собрании, уже заранее знал, сколько у него появится недоброжелателей.

Короче говоря, Димка не раз получал тумаки от тех, кто посильнее. Секретарь комсомольской организации Костя Хорьков страшно не любил Багрецова. Уж больно с ним много хлопот. Все идет как нужно — тихо, спокойно, и вдруг на очередном собрании встает Багрецов.

— Лениость и застой творческой мысли! — потрясает он кулаками. — Молодежь не растет... В отделе за целый год ни одного рационализаторского предложения... Ком-

сомольское бюро самоустранилось от главнейшей своей задачи — помощи производству. В лабораториях нет жизни! Тихая заводь. Болото!

Дело доходит до комитета, потом до райкома. «Всыпают» обоим: и секретарю Хорькову за развал работы, и Багрецову за «болото». Повежливее надо выбирать слова, старшие обижаются, а кроме того, незачем обобщать...

«Беда с ним, да и только», — оглядываясь на друга, думает Бабкин. Но тут же вспоминает, что многие любят Багрецова. Если бы не частые командировки, то его непременно выбрали бы в бюро. Димкина прямота многим нравится. Лишь Хорьков называл его «индивидуалистом» и «задавакой». Чепуха явная. Димка общительный, по-детски восторженный. Он всюду ищет новых знакомых.

И в то же время не было у него настоящих друзей, кроме Бабкина. Слишком многое он вкладывал в понятие «друг». Ведь тысяча друзей — значит ни одного! Этого же принципа придерживался и Бабкин, но лишь потому, что считал себя человеком малоинтересным. К таким в друзья не напрашиваются. Физиономия тоже самая заурядная. Это, конечно, полбеда, в артисты он идти не собирается, а для техника или инженера смазливость абсолютно ни к чему. Взять хотя бы Димку. Он идет спокойненько, а девчонки оглядываются, шушукуются. Прямо не знаешь, куда глаза девать. Чего же тут приятного? Чему же тут завидовать?

Бабкина удручало иное. Вот если бы ему Димкин язык! А то ведь совсем говорить не умеет. На собраниях отмалчивается. С места еще куда ни шло, а на трибуну вылезти — ноги отнимаются. Как-то давно на собрании пришлось рассказывать свою биографию. Выдвигали его кандидатуру в состав комсомольского комитета. Выйдя на трибуну, он начал бормотать что-то невнятное, краснел, бледнел до тех пор, пока, сжалившись, кто-то не крикнул:

— Ясно!

И другие поддержали:

— Понятно!

Хорошо, что Димка выступил с отводом — в командировках, мол, вместе бываем, когда же Бабкин будет работать, а мертвые души нам не нужны. Если бы не этот довод, остался бы в списке — и в конце концов два голоса за, остальные против. Позор.

Несмотря на различие в характерах, дружба Багрецова и Бабкина была крепкой, выдержала немало испытаний. С этим считался даже начальник отдела: старался посылать техников в командировки всегда вместе. Они как бы дополняли друг друга, и работа шла успешнее.

Иной раз Бабкин подтрунивал над Димкой: «Трусишка!» — «А ты? А ты? — наскакивал на него Димка. — Своих же ребят боишься!»

Бабкин замолкал, не желая распространяться на эту тему.

Неужели Димка не понимает, что здесь не трусость, а смущение?

Сейчас, шагая по странному зеркальному полю, он с горечью и скрытым раздражением смотрел, как Димка — здоровый, долговязый парень — пугливо озирается, еле переступает ногами, будто вот-вот провалится под лед. И надо же было так случиться, что не в дремучей тайге, не в пустынных степях, даже не в здешних песках, а на зеркальном поле, созданном руками человека, вдруг оказалось длиннохвостое чудовище, точно вынырнуло из глубины веков.

Димка ойкнул и присел. Даже Бабкин застыл с раскрытым ртом.

Быстро перебирая лапками, по зеркальной поверхности скользила двухметровая ящерица, рыжая, с темными полосами на спине. Видно, она попала сюда неожиданно. Заметив людей, перепуганная, заметалась, не зная, в какую сторону бежать. Кинулась на Димку. Бабкин бросился к нему. Ящерица метнулась в сторону, но поскользнулась и, видя, что враг приближается, раскрыла зубастую пасть.

«Крокодил!» — мелькнуло в сознании Димки. Он почувствовал, как у него отнимаются руки и ноги, сейчас упадет.

А «крокодил», приподнимаясь на передних лапах, бил хвостом и шипел угрожающе.

Бабкин не растерялся и выставил вперед чемодан. Ящерица вцепилась в него зубами — не оторвешь. Тимофей резко дернул. Ящерица отскочила и со злобным шипением кинулась в сторону, к кустам.

Тимофей осмотрел чемодан — угол его был слегка ободран, — повернулся к Димке, сказал с раздражением:

— Водятся тут всякие... — и замолк.

Димка смотрел остекленевшими глазами в одну точку будто неживой. Пришлось усадить его на чемодан, чтобы отдышался. Опасливо поглядывая в темноту, Димка пробормотал, что лучше всего подождать утра здесь.

Бабкин возмущился: что за глупости! Он любил порядок, теплую постель и определенность в жизни. Кто они сейчас с Димкой? Командированные. А если так, то могут находиться либо в пути, либо на месте назначения. Никакого отступления от правил.

Немного успокоившись, Вадим почувствовал к себе жалость. Бывают же храбрецы, им и сам черт не брат. А он трус. Надо вещи называть своими именами. Если это болезнь, то болезнь противная и, кто ее знает, видно, хроническая.

Он вытащил из кармана платок, вытер потные, липкие руки.

— Твоя правда. — И сказал приподнимаясь: — Пошли!

Бабкин решительно завладел Димкиным чемоданом. Вадим не сопротивлялся. Ноги еле двигались, шел он неуверенно, как на ходулях. Невесомый пыльник, висевший на руке, казался тяжелым, как намокший брезент. Непонятное, гадкое ощущение — страх. Почему-то он испытывал его по всяким ничтожным поводам. Надо лечиться.

Шли молча. Вадиму было не по себе, а Бабкин не мог найти нужных слов, боялся хоть чем-нибудь напомнить Димке о пережитом.

Впереди, как светлячки, рассыпанные в траве, светились огни лаборатории. К их сочетанию — шесть снизу и семь повыше — Бабкин уже привык. Хотелось как можно скорее туда добраться и в спокойной обстановке, за стаканом чая поговорить с Димкой начистоту. Надоело с ним нянчиться. Кстати, надо расспросить — живут ли в пустыне крокодилы? Может, из зверинца сбежал?

Бабкин разозлился на себя за нелепую мысль. Абсолютная ерунда.

В темных зарослях, где-то у границы зеркального поля, вспыхнули еще два огня. Вначале Тимофей подумал, что это засветились окна в соседнем корпусе, но огни двигались, приближались. Бабкин кивнул головой Димке: дескать, иди за мной, поторапливайся, и, покачивая чемоданами, пошел навстречу огням.

Это была грузовая машина. Свет ее фар отражался в зеркале, как огни парохода в воде. Бабкин прибавил шагу. Машина, конечно, принадлежит здешней испытательной станции, а если так, то можно спросить, как найти Курбатова и даже проехать к нему на этой машине.

Откровенно говоря, Бабкину надоело таскаться с чемоданами по зеркальному полю. Уж больно скользко. Чувствуешь себя как жук на тарелке.

Устали, затекли руки. Бабкин поставил чемоданы, чтобы передохнуть минутку, а Вадим, поглощенный своими мыслями, ничего не замечая, шел вперед... Теперь ему не страшно — вряд ли возле машины он опять встретится с крокодилом.

Вдруг ноги его разъехались, и он больно ударился о скользкий «паркет». Стараясь приподняться, Вадим искал точку опоры, но пальцы его скользили по гладкой поверхности. Он не перепугался, лишь подумал о том, сколь неприятно быть черепахой, перевернутой на спину.

Заметив, что Димка упал, Тимофей поспешил к нему, но не успел сделать и пяти шагов, как оказался в таком же беспомощном положении. Чемоданы вырвались у него из рук и помчались, будто куски мыла по мокрому полу. Догоняй их, лови.

Терпеть не мог таких шуток Тимофей. Он был уверен, что все это подстроено заранее. Сейчас выскочат из темноты неумные весельчаки и начнут потешаться. Но, кроме Димки, смеяться было некому. Удивительная непосредственность, хохочет как в цирке!

— Неуместный... смех, — пробурчал Тимофей.

Лежа на спине, он сучил ногами, как младенец, хотел приподняться, не поворачиваясь на бок, чтобы окончательно не измазать одежду. Наконец ему удалось сесть. Он подал руку Димке, тот уцепился, но неудачно — уехал вперед. Приподнявшись на одно колено, Тимофей совсем было встал на ноги, но они его не послушались и, как ножки развинченного циркуля, разъехались в разные стороны. Бабкин пытался свести их вместе, но снова поскользнулся и покатился за чемоданами.

Двигаться по этому намыленному зеркалу было невозможно. Совершенно отсутствовало трение. Полированная поверхность, великолепная смазка — все это никак не походило на обычный лед, по которому можно

скользить на коньках и даже гулять в обыкновенных ботинках.

Между шестиугольниками на стыках были тонкие бороздки. Бабкин старался зацепиться за них ногтями, но ничего не получалось: ногти короткие, а стенки бороздок гладкие.

Машина прошла мимо и, дойдя до края опытного поля, повернула обратно. Ближе, ближе... Вот уже можно рассмотреть, как сбоку ее из дырчатой трубы льется на зеркало пенная жидкость.

Точный глаз Бабкина определил: машина идет посуху и разбрызгивает пену. Видно, ходит она, как челнок, взад и вперед, полосами, опрыскивая зеркальное поле. По бокам машины находились полировочные круги. Ясное дело, для полировки она и создана. Пройдет машина по полю, смочит его полировочной жидкостью, а потом, когда чуть подсохнет, проедет еще раз, завертятся круги, наводя на зеркало блеск. Ничего особенно тут нет. Примерно такие же машины чистят асфальт, только у них вместо полировочных кругов крутятся проволочные щетки-метлы.

Ужасно неприятно показаться людям в столь униженном, смешном положении. Вот бы Стеша узнала! Эта мысль придала сил Бабкину. Он уже не думал об одежде, перевернулся на живот и ползком кое-как выбрался на сухое место. Его примеру последовал Димка. Вот они лежат рядом, освещенные лучами фар.

— Это еще что за жуки? — слышался чей-то густой, спокойный голос, и из окна кабины высунулся плотный человек в белом костюме.

Вопрос Бабкину не понравился. Странная манера оскорблять людей при первой же встрече! Они честные граждане и при исполнении служебных обязанностей. Насчет обязанностей — это не совсем точно, но, во всяком случае, техники института метеорологии уже прибыли к месту командировки и могут приступить к выполнению задания. Они не виноваты, что здешнее начальство не позаботилось о предупреждающих знаках.

Между тем человек, к которому относились претензии Бабкина, что-то сказал водителю, вышел из машины и стал осматривать плиты. Низко наклонившись, он ощупывал их, изредка поглядывая на двух нарушителей запретной зоны.

Собственно говоря, по мнению техников, никакой за-

претной зоны здесь не было и быть не могло — ведь поле никем не охранялось! Но они не заметили невысокую изгородь, защищающую зеркальный паркет от любопытных путешественников. Самолетам, когда они привозили почту, разрешалось садиться на этом прекрасном аэродроме, выбрасывать пакеты и улетать — так было условлено. По этой причине появление самолета на опытном поле не вызвало у сотрудников лаборатории особого интереса. Дело привычное.

Но чем объяснить, что лишь через полтора часа после того, как улетел самолет, начальник четвертой лаборатории Павел Иванович Курбатов обнаружил на опытном поле двух неизвестных? Трудно было поверить, что они так долго шли.

Бабкин догадывался, что перед ним кто-нибудь из начальства — если не сам Курбатов, то в крайнем случае его заместитель. Вид у незнакомца был вполне солидный. Чесучовый свободный костюм, шелковая синяя рубашка с расстегнутым воротником. Все нараспашку: пиджак, воротник. Лицо простое: широкий нос, добродушные губы, на месте бровей — редкие, выгоревшие кустики. Русые волосы, открывающие высокий лоб. Весь его облик не очень запоминающийся, не яркий, но приятный.

Курбатов — а это был именно он — вышел из полосы света и оглядел гостей, которые уже поднялись на ноги.

Неподалеку стояли два чемодана, около них валялись кепка и шляпа.

— Как вы сюда попали? — спокойно спросил Курбатов.

— Самолетом, — ответил Бабкин. — Прибыли на испытательную станцию четвертой лаборатории.

— Почему сразу не явились?

Молчание. Бабкин понимал, что в данной ситуации невыгодно признаваться в любопытстве. Действительно, сколько они времени потеряли, исследуя тайну зеркальных плит! Димкина трусость — тоже слабое оправдание.

Но тут заговорил Димка:

— Нельзя было пройти... Вы, конечно, не поверите, но у нас была очень неприятная встреча... Может, он ручной?

— Кто?

— Не знаю. Похож на крокодила.

Курбатов недоверчиво посмотрел на незнакомца и, убедившись, что тот не шутит, спросил:

— Вы когда-нибудь варана видали?

Багрецов покраснел. В самом деле — как же он не догадался? — ведь это безобидная ящерица. Правда, гораздо больше той, что он видел в зоопарке.

— Странно, очень странно, — будго про себя сказал Курбатов.

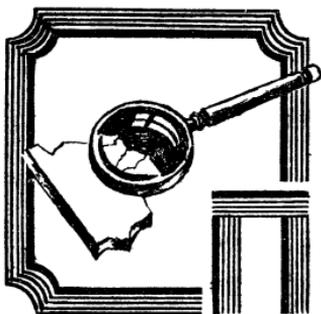
— Нам тоже, — отозвался Багрецов. — Чем мы провинились?

— Потом разберемся. Командировки есть?

Димка болезненно воспринимал всякую несправедливость, особенно если затрагивалась его честь. Что, в самом деле, он привязался? Диверсантов поймал? Даже подумать смешно.

Сразу же появились два милиционера в белых кителях и вежливо проводили друзей в главное здание.

Несмотря на то что Вадим не чувствовал никакой вины за собой, все же он испытывал досадное беспокойство. Крошечный осколок, который он сунул в карман, казалось, прожжет подкладку и упадет на ковер, как раскаленный уголек.

Глава 3. ПОИСКИ ВСЮДУ

Одно ночью, когда уже давно ушли техники метеоинститута, Курбатов все еще сидел в кабинете и, рассматривая осколок пластмассы, думал о непонятном поступке одного из командированных, Багрецова, и о том, можно ли ему верить.

Когда его вместе с Бабкиным привели в кабинет и Курбатов спросил документы, Багрецов начал рыться во всех карманах. При этом он побледнел, растерялся, видно, забыл, куда сунул паспорт с командировкой.

Перетряхивая содержимое карманов, он вынул плоскогубцы, отвертку, платок, а вместе с платком выскользнул и упал на пол осколок хорошо знакомой Кур-

батову пластмассы. Милиционер поднял его и как «вещественное доказательство» положил на стол.

Багрецов смутился и тотчас начал оправдываться, что кусочек этот отвалился от плиты сам, что подобрал он его из любопытства и так далее. Курбатов слушал и скептически улыбался. Твердый и стойкий материал, которым было покрыто опытное поле, никогда не давал трещин, а кроме того, на куске, который якобы «отвалился сам», были видны свежие следы ударов чем-то острым.

— Уж не этим ли инструментом вы пользовались? — спросил Курбатов, указывая на отвертку.

Багрецов часто заморгал и сознался, что действительно «дотронулся» до плиты отверткой, но там уже была трещина...

Вот и думай что хочешь. Документы у ребят в порядке, оба — комсомольцы. Начальник четвертой лаборатории знал, что государственных секретов нет ни в рецептуре материала, ни в конструкции рабочих плит; но технология изготовления плит пока секретна. Можно ли разгадать технологию по кусочку пластмассы? Едва ли. Но все-таки любопытно — кому это он понадобился?

Павел Иванович повертел осколок в руках и бросил на стол. Тяжело приподнялся, прошел к распахнутому окну. Только ночью и можно дышать. Вот уже год, как он живет здесь, а все еще не привык к проклятой жаре. Удивительно, до чего тут щедрое солнце! Сколько энергии тратится попусту!

Перед ним расстилалось зеркальное поле. Как по воде, тянулась лунная дорога.

Жизнь прожить — не поле перейти, а жизнь Курбатова вся была в этом поле. Он его создал, и, пока не будет построено новое, ему отсюда никуда не уйти. В Москве осталась прекрасная лаборатория, десятки людей, а здесь, на испытательной станции, почти никого. Но здесь его творение, здесь все, что нужно для осуществления давнишней его мечты.

Снимите зеркальный слой с этого поля, поскребите позолоту, под ней скрыты матовые рабочие слои металлов, окислов, полупроводники из редких сплавов, распределительные шины — техника, встречающаяся в лабораториях и на электростанциях. Создана она была Курбатовым и многими другими специалистами в институтах и на заводах.

Отойдя от окна, Курбатов возвратился к столу, нашел брошенную им в пепельницу прозрачную бусинку и, рассеянно подкидывая ее на ладони, стал рассматривать карту зеркального поля — этой огромной солнечной машины, совсем не похожей на обычные.

Много лет назад, когда Курбатов был чуть помоложе Багрецова и Бабкина и тоже, как они, работал техником в радиолaborатории, его заинтересовали солнечные машины. Он знал, что существуют гигантские рефлекторы с паровыми котлами, видел на картинках обыкновенные тепловые ящики, собирающие лучи под стеклом, где нагревается, а потом по трубам идет горячая вода. Читал о машинах с ртутными котлами, о передвижных солнечных нагревателях, похожих на чемоданы с рефлекторами и трубками. Но это всего лишь кипятильники. Особенно они удобны для экспедиций.

При всей практической пользе таких машин и конструкций Курбатов не видел в них будущего. В конце концов это те же самые примитивные паровые машины, только с солнечным подогревом. А так как на смену пару давно уже пришло электричество, то нельзя ли и в солнечных машинах обойтись без пара? Нельзя ли превращать солнечные лучи прямо в электроэнергию?

Мечты молодости. До чего же он был тогда наивен! Беспокойная мысль о солнечно-электрической машине многие годы не покидала Курбатова. «Подумать только! — часто восклицал он про себя. — С каждого квадратного метра голодной пустыни можно снять невысказанный «урожай» — целый киловатт электроэнергии!»

Мысль его работала дальше, и он уже представлял себе выставленный на солнце большой поднос; к нему присоединены не один, а два электрических чайника. Вода в них кипит, брызжет. Вот сколько энергии!

Но как ее получить? Какое бы сказочное зеркальце придумать, чтобы оно собирало солнечные лучи и превращало их в электричество?

Такое «зеркальце» — тусклое и совсем не блестящее — существует давно. Это фотоэлемент. Придумал его много десятков лет назад русский ученый Столетов. «Но почему же, — вопрошал себя юный исследователь Паша Курбатов, — до сих пор не строят солнечно-электрические машины, а используют открытие Столетова

лишь в кино, телевидении, счетчиках на конвейере, в автоблокировке? Разве все это можно сравнить с энергетикой!»

Паша Курбатов начал фантазировать. Если с одного квадратного метра можно получить киловатт, то с километра — миллион киловатт!

Цифры его потрясли. Неужели никто до этого не додумался? Да на месте инженеров-энергетиков он бы только этим и занимался. Даровая энергия. Никаких турбин и машин, ничто не крутится, не вертится. По всей стране надо строить зеркальные поля и получать от них готовый постоянный ток.

Хотелось ощутить этот ток собственными руками, почувствовать хоть слабенький его толчок. Он выпросил в одной лаборатории селеновый фотоэлемент и выставил его на солнце. Конечно, Паша понимал, что с маленькой пластинки (не больше блюдца размером) киловатта не получишь. Ток она даст ничтожный. Если взяться за контакты даже мокрыми пальцами, то все равно не почувствуешь его. И если нет под руками вольтметра, то радиолюбители проверяют напряжение карманных батареек языком. Прикоснувшись к контактам, ощущаешь покалывание и кислоту. Паша воспользовался этим испытанным методом. Но язык ничего не ощутил — ни покалывания, ни кислоты. Стало быть, солнечные лучи не превращались в ток? Превращались, но установить это Паше удалось лишь потом очень чувствительным прибором.

Да, действительно, на квадратный метр земной поверхности падает киловатт солнечной энергии. Но фотоэлемент не может превратить ее всю в электричество. У фотоэлемента, как узнал с огорчением Паша, ничтожный коэффициент полезного действия. И воображение померкло: зеркальные поля потемнели, как будто их засыпало пеплом... Селеновый фотоэлемент Паша вернул в лабораторию и долго потом не вспоминал своего детского увлечения.

Но однажды товарищи из лаборатории сами напомнили Курбатову о его мечте. Они приспособивали фотоэлементы для автоматического включения фонарей речных бакенов. Конструкторам хотелось запрессовать селеновые пластинки в прозрачную пластмассу, которая тогда была редкостью.

Инженер, специалист по фотоэлементам, случайно обратился к Паше, не знает ли «уважаемый радист»

какой-нибудь подходящей пластмассы, которая выдерживала бы жар, холод, сырость, была бы хорошим изолятором и не старилась от времени.

Курбатов работал тогда техником по монтажу радиоприборов, а потому в его столе хранились всевозможные образцы изоляционных материалов: карболит, эбонит, текстолит и, наконец, новый материал, так называемый полистирол. Он был сравнительно прозрачен, желтый, как янтарь. Правда, попадались некоторые образцы посветлее, но редко. Самое главное достоинство полистирола заключалось в его электрических свойствах. Из полистирола получались прекрасные радиодетали. Но они трескались от жары и мороза и от других, тогда еще неизвестных причин.

Инженеры-химики, которые разрабатывали полистирол, были в отчаянии, радиотехники присылали безрадостные протоколы испытаний, где откровенно писали все, что думали о новом материале.

Паша чистосердечно рассказал об этом инженеру по фотоэлементам. Тот долго рассматривал кусок прозрачного полистирола и, вздохнув, признался:

— Скоро будут новые фотоэлементы с повышенным коэффициентом полезного действия. Но как быть с пластмассой? Если бы найти подходящую, то можно сделать очень интересные и полезные вещи. Все упирается в технологию.

С этих пор мечта о фотоэнергетических полях вновь овладела Пашей. Теперь он был уверен, что не хрупкое стекло, а прозрачная, дешевая пластмасса, в толще которой будет находиться светочувствительный слой, должна послужить основой осуществления его идеи.

Но такая пластмасса нужна была не только ему. Много лет подряд свойства полистирола и других материалов исследовались в Ленинграде. На заводах и в институтах ученые испытывали новые пластмассы, добываясь их прочности, независимости от температуры, простоты технологии и дешевизны.

Этими же поисками пришлось заняться и Паше Курбатову, но несколько необычным способом.

Сам он никогда не собирался быть химиком. Отец работал электромонтером в Орле, научил Пашу перематывать обмотки вентиляторных моторов, чинить тракторные генераторы. Дальше — больше, Паша увлекся этим делом, учился в техникуме, потом его послали в

один московский исследовательский институт техником. Так началась его «научная карьера».

Сейчас, когда ему уже перевалило за сорок, он, глядя на созданное им зеркальное поле из пластмассы, прочной, как сталь, надежной, теплостойкой и дешевой, вспоминал забавный эпизод своей молодости, когда он, сам того не ожидая, вдруг стал разведчиком. И кто знает, не потому ли вспомнилось, что на ладони Павла Ивановича лежала найденная на опытном поле прозрачная бусинка, сделанная из полистирола?

Много лет назад юный Курбатов разыскивал человека, потерявшего пуговицу. Совсем как в старых детективных романах.

Однажды на полу лаборатории, в которой работал Паша, оказалась пуговица. Ничего в этом особенного не было, но сама пуговица для того времени оказалась несколько необычной: прозрачная, но не из стекла, не из целлулоида, а из какой-то новой пластмассы, напоминающей полистирол.

Паша отнес эту пуговицу инженеру. Тот взял лупу, пинцет и занялся предварительными исследованиями. Материал оказался прочным, не ломался, при легких ударах трещины не появлялись. К тому же он не был похож на так называемый галалит — пластмассу, которая делается из казеина — специально обработанного творога.

Пуговица, помещенная в термокамеру, выдерживала довольно высокую температуру. Она не размягчалась и не плавилась. Несчастную пуговицу царапали ножом, сверлили, стучали по ней, затем поместили в камеру холода. И это она выдержала, не дала ни одной трещинки.

Неужели в лаборатории появился новый материал, которого так долго ждали радисты? Пусть это только крохотный кусочек — пуговица от платья, но самое главное заключалось в том, что материал этот где-нибудь делают. Не может же быть, что во всей стране существует лишь одна такая пуговица! Значит, какая-нибудь фабрика или артель выпускает в массовом количестве эти пуговицы.

Радисты не знали химического состава нового материала и передали таинственную пуговицу химикам. Надо было во что бы то ни стало найти фабрику, где эти пуговицы изготавливаются, и заказать там детали радиоаппаратов.

— Паша, есть для тебя особое задание, — сказал ему инженер. — Надо узнать, откуда к нам попала эта пуговица. Я уже звонил в некоторые организации, в Центросоюз, в разные места. Никто ничего не знает об этих пуговицах... Скорей всего их производит какая-нибудь маленькая артель... Вся надежда только на тебя. Надо отыскать сначала человека, который потерял эту пуговицу.

Не будем подробно описывать Пашину «разведку» — она была очень наивной, — но хозяйку потерянной пуговицы он все-таки нашел. Это была работница фабрики сухого льда Люба Карлова, приехавшая в лабораторию по делу, где и потеряла пуговицу...

При встрече Паша узнал Любу сразу же, хотя никогда прежде и не видел ее, — на белой кофточке девушки блестели желанные пуговицы... Таких не было ни у кого.

— Где вы... где достали? — дрожащим голосом спросил Паша, показывая на них.

К сожалению, Люба не могла ответить на этот волнующий науку вопрос. Покупала пуговицы мама, а мамы сейчас нет в Москве. Она работает проводницей в поезде Москва — Симферополь, будет дома лишь через несколько дней. Паша вздохнул и тут же назначил девушке свидание в будущее воскресенье, когда вернется из поездки ее мать. А пока со страхом и неуверенностью за исход задуманного предприятия Паша попросил девушку обменять ее пуговицы на самые-самые наилучшие, какие только могут быть — хрустальные или даже золоченые!

Но Люба, проникшись высокими интересами науки, гордо отказалась от золоченой компенсации и отдала пуговицы просто так.

Время до воскресенья тянулось ужасно медленно. Но все же этот день настал. Паша пришел задолго до назначенного срока. Его одолевало нетерпение. И вот снова неудача. Мама не могла сказать ничего утешительного. Пуговицы она купила в галантерейном киоске на какой-то станции между Москвой и Симферополем, а на какой именно — не может вспомнить. Был серенький, дождливый день. Выбегая из вагона, мама попала в лужу и промочила ноги. Вот, собственно, и все подробности, которые смог узнать Паша.

...Подаренные Любой пуговицы продолжали испытываться в лаборатории. Одну из них долго мучили хими-

ки. Они травили ее кислотами и щелочами, наконец совсем растворили в какой-то летучей жидкости и после анализа заявили, что пластмасса, из которой сделан исследуемый образец, заслуживает самого серьезного внимания. Химиков особенно заинтересовала производственная технология. Но в ней-то и была загвоздка!

Опытный завод института закончил изготовление всех деталей для нового аппарата. Сборку и монтаж должен был делать Паша Курбатов. Он никак не мог примириться с мыслью, что вместо катушек и панелей из новой пластмассы в аппарат будут снова поставлены катушки из эбонита или текстолита.

— Это же сущий позор, отставание от передовой науки! — возмущался Паша. — Где-то пуговицы делают из драгоценной пластмассы, а для серьезных аппаратов ее нет.

Пуговицы снились ему ночами. То он видел их пришитыми на картоне, то ползушими на конвейере, то пляшущими в хороводе. Вдруг из них склеивались радиокатушки, звенящие, как стекло, панели и ребристые изоляторы... Во сне Паша бил их молотком, пробовал пилить, но на блестящей поверхности нового материала не оставалось ни трещин, ни царапин.

Паша встретился с матерью Любы. Она подтвердила, что купила пуговицы днем. Значит, можно позабыть о тех станциях, которые поезд проходил ночью. Изучая расписание, Паша определил, что киоск, где продавались таинственные пуговицы, мог находиться на участке пути примерно от Белгорода до Лозовой.

Но и этот участок пути очень большой, станций здесь немало. Надо еще узнать, когда открываются и закрываются торговые точки на перронах, когда перерыв на обед. Паша выяснил и это. Затем принялся было разматывать еще одну ниточку. На станции в тот день шел дождь. Но дожди в ту пору шли по всей Харьковской области...

Что же еще можно было сделать?

Мать Любы, сочувственно относившаяся к его поискам, долго вспоминала тот день, когда покупала пуговицы, стараясь найти в нем хоть маленькую отличительную подробность, и наконец вспомнила:

— Физкультурники высадились на той станции! Можно сказать, из-за них я тогда и в лужу-то влезла. Загляделась... Ребята как один, высокие, статные, в пестрых майках.

К майкам Паша и прицепился. Какие же все-таки они пестрые? Сколько примерно было физкультурников? Девушек не видели? Нет?

Наверное, это были футболисты. Приехали не местным поездом — значит, издалека. На станции их встречали. Выходит, что это не обычный приезд, а заранее подготовленный...

Окрыленный такими догадками, Паша начал лихо радочно ворошить комплекты спортивных газет и журналов. Он искал планы календарных игр на первенство страны, республики, областей. Не найдя ничего в центральных изданиях, Паша принялся за местные газеты, потом начал писать в районные физкультурные организации...

Через две недели он мог точно сказать, на какой из станций в дождливый июльский день высадились для участия в матче футболисты такого-то спортивного общества. Цвет маек футболистов полностью совпадал с описанным.

Пашу Курбатова отправили в командировку. Теперь ему известно, где куплены пуговицы! А через два дня он прислал телеграмму:

«Пуговицы нашел тчк ищю производство».

Потом почти целую неделю Паша молчал. Наконец появился сам, счастливый, улыбающийся. Несмотря на жадное нетерпение всех сотрудников лаборатории, он медленно разворачивал сверток, освобождая его от бечевки и вороха бумаги... Открылась крышка коробки, и все увидели стопку прозрачных пластмассовых кружков.

Потом Паша рассказал, как рылся в пачках накладных у продавщицы галантерейного киоска, как много раз бегал на какую-то торговую базу, как ездил в Харьков, а оттуда в районный городок, где и нашел в полуподвале очень маленькое кустарное производство, которым ведал старый мастер.

Однажды вместе с другим сырьем он получил несколько килограммов неизвестного ему белого порошка. Что за материал? Что из него можно изготовить? Долго бился старый мастер. Пробовал прессовать — ничего не выходит. Пуговицы из нового порошка либо рассыпались, как песочное печенье, либо выходили грязными, мутными.

Наконец после многих опытов мастер нашел нужную температуру, давление, подобрал режим подогрева и

охлаждения, то есть разработал технологию прессовки изделий из новой пластмассы.

Пашу премировали за находчивость и инициативу. Но пуговица, с которой все началось, не принесла ему счастья.

Встречи с Любой участились. Вскоре она стала невестой техника Курбатова, затем женой. А сейчас он одинок, потому что... Впрочем, об этом Курбатов не любил вспоминать.

Все свои помыслы, всю энергию он отдал осуществлению давней, казавшейся призрачной, мечты — заставить работать солнечный свет. В первое время ему казалось, что если найдена подходящая пластмасса, то идею фотоэнергетического поля можно считать реальностью.

Действительно, инженеры из лаборатории фотоэлементов воспользовались пластмассой для своих конструкций. Но это был лишь крохотный шаг к осуществлению мечты Курбатова.

Через несколько лет он вплотную занялся фотоэлементами, и ему посчастливилось открыть новый способ изготовления фотоэнергетического слоя с довольно высоким коэффициентом полезного действия. Трудный, тернистый путь. Каждый шаг, каждый процент добывался ценою мучительного напряжения воли и ума.

Победило упорство. И вот совсем недавно, в прошлом году, Курбатову разрешили построить экспериментальное опытное поле. Он придумал и сконструировал такую энергетическую систему, в которой одновременно использовалась световая и тепловая энергия солнца. Под прозрачным слоем пластмассы расположены ячейки фотоэлементов, похожие на крошечные вогнутые зеркала. Их поверхность, покрытая специальным составом, превращает свет в электричество, а кроме того, в фокусе каждого «зеркальца» находятся термоэлементы, которые преобразовывают в электроэнергию солнечное тепло.

Таким образом Курбатов снимает со своего поля двойной «урожай». Свет и тепло без всяких машин — генераторов, превращенные в электроэнергию, бегут по проводам.

Казалось бы, все просто. Давно существуют и фотоэлементы и термоэлементы — проволочки из разных металлов, спаянные между собой. Если подогреть место

спайки, то в проволочках возникнет ток. Существуют еще термоэлементы из полупроводников. Все просто, все давно изобретено. Но лишь сейчас впервые в истории человечества построена настоящая солнечная электростанция, впервые появляется новое понятие — «фотоэнергетика». Наука, которой раньше не существовало. Одним из создателей ее можно считать Курбатова. Ведь со времени открытия Столетова еще никто не использовал фотоэлементы для создания мощных электростанций.

А кто же такой Курбатов? Всего-навсего инженер-практик. Не так давно он был заочником, получил диплом. Многого ему не хватало: и высокой культуры учебного, и образованности. Правда, не он один был таким. Некоторые кандидаты даже бравировали тем, что не читали Шекспира (о нем не упоминается в кандидатском минимуме). Курбатова коробил такой практицизм, но он чувствовал, что и сам недалеко ушел от них. Невероятно много еще надо знать! Учился в рабочем поселке, писал диктанты с ошибками. До сих пор не в ладах с запятыми и с мягким знаком в середине слова. Да и речь его не блистала точностью выражений.

И все-таки он был настоящим ученым.

Если он преобразовывает чуть ли не тридцать процентов солнечной энергии в электричество, то это уже настоящий переворот в технике.

А сколько было неудач! Наружный слой пластмассы должен быть теплопроводным, а нижний — под курбатовским слоем — теплоизолятором. С помощью видных специалистов, в том числе автора особо стойкой и дешевой пластмассы, были созданы два типа пластмасс, послуживших основой зеркального поля. Они прекрасно уживались с курбатовским слоем и пока не давали никаких оснований предполагать, что могут потемнеть и потрескаться.

В кабинете Курбатова находился контрольный щит. Висел он прямо над письменным столом и показывал напряжение на отдельных участках поля. Даже сейчас, без солнца, лишь от света луны, курбатовские ячейки продолжали работать. Замирали охлажденные пластинки термоэлементов, но светочувствительный слой, как ему и полагалось, превращал лунные холодные лучи в электроэнергию. В этом была заслуга изобретателя. Его ячейки честно работали при слепящих лучах солнца, а ночью так же добросовестно впитывали мертвый

свет луны. Световая энергия луны была очень слаба, но в какой-то мере она подзаряжала аккумуляторы, в которых слишком много терялось энергии, запасенной в дневные часы.

— До каких же пор мы будем терпеть? — частенько возмущался Курбатов. — Почему электрохимики не сделают приличных аккумуляторов, чтобы в них держалась энергия по-настоящему, не то что вода в решете?

На испытательной станции проверялись аккумуляторы Ярцева. При малых размерах в них запасалась довольно большая мощность, но всего лишь на несколько часов. Пока это не смущало Курбатова. Утром всходило солнце, и фотоэлементы вновь подзаряжали аккумуляторы.

Основная же энергия зеркального поля использовалась на хлопкоочистительном заводе. До него было сравнительно далеко — тридцать километров. В ближайшие дни начнутся испытания механических аккумуляторов новой конструкции. Но, откровенно говоря, Курбатов в них не очень верил.

Не случайно испытательную станцию построили в глубине пустыни. Проектировщики дальновидны. Неподалеку от тех мест, где сейчас находится курбатовское поле, геологами открыты огромные запасы медной руды. Там намечается строительство медного комбината в расчете на электроэнергию, которую можно получить от солнца.

Конечно, все надо еще и еще рассчитать и проверить. И проверяли долго. Даже линию электропередачи на хлопкоочистительный завод протянули лишь через полгода после того, как сделали опытное поле. Нельзя же начинать новое строительство, если не будет абсолютной убежденности, что курбатовское (уже не опытное, а проверенное и во много раз увеличенное) поле сможет обеспечить энергией целый комбинат. А кроме того, строительство такого поля обойдется гораздо дороже, чем строительство мощной тепловой электростанции.

Курбатов спорил с представителями министерства, доказывал свою правоту. Пока дорого, нерентабельно, но ведь и атомная электростанция стоит немалых денег. Надо же в будущее смотреть. Во всяком случае, он считает, что нужно закладывать медный комбинат и нечего терять драгоценное время.

С ним не согласились. Опытное поле пока остается опытным, мало ли еще какие могут быть неожиданно, комбинат строится не на один год. А как поведет себя курбатовский слой при долговременной эксплуатации? Может быть, его придется часто заменять или строить несколько полей? Ведь энергия должна подаваться бесперебойно!

Пока все шло хорошо. В скором времени приедет государственная комиссия и решит вопрос о строительстве комбината. А потом? Потом Павел Иванович будет добиваться организации новой лаборатории, где займется самым главным — проверкой и доработкой особых плит восьмого сектора. Они больше всего интересовали изобретателя.

Павел Иванович умиротворенно вздохнул — его не пугала встреча с комиссией, — потянулся, поднял отяжелевшие веки и в последний раз перед сном посмотрел на приборы. Стрелки показывали нормальное напряжение. Как всегда, в это время шестой сектор дает меньше — мешает тень от деревьев. Скоро луна поднимется выше, и все участки зеркального поля будут работать одинаково. И так каждую ночь, каждый день. Пусть приезжает комиссия...

Послышался осторожный стук в дверь. Курбатов подавил зевок и спросил:

— Кто там?

— Это я, Бабкин. Можно?

Он вошел бесшумно, чуть поскрипывая сапогами.

— Вот еще осколочек, — сказал Бабкин, несмело подойдя к столу. — Остался у Багрецова в кармане. Случайно, конечно. — И, передавая его Курбатову, пояснил, что Багрецов подобрал один кусок, а в кармане он разломился надвое.

Сон с Курбатова как рукой сняло. Вот так когда-то давно лопалась пластмасса, рассыпалась в порошок. Неужели и эта начинает стариться?

— А почему он сам не пришел? — спросил инженер, рассматривая осколок. — Специального приглашения ждет?

— Не знаю. Молчит.

— С чего бы такая гордость?

Бабкин тяжело вздохнул, будто не дышал до этого, ощупал стриженую голову.

— Кому же приятно, когда тебе не верят?

— В чем?

— Да так... вообще. Он ведь сказал, как было дело, а вы не поверили.

Курбатов не слышал ответа, задавал вопросы машинально, и не Багрецов его интересовал, а осколок под лупой. Края потускнели, лишь в одном месте блестел свежий излом. Внутри темнела извилистая трещина, от которой разветвлялись трещинки помельче.

Лицо инженера сразу посерело. В руке задрожала лупа, осколок расплылся в мутное пятно. Что же случилось? Или пластмасса начинает стареть? Или она лопнула от удара? Но расколоть ее трудно, почти невозможно. Разве только геологическим молотком, зубилом. Если кому понадобился кусок, то, во всяком случае, откалывал он его не сегодня. Под лупой виден был выветрившийся по краям фотослой, грязный, потемневший. Нет, это случилось не сегодня.

— Можете указать место, где найден осколок? — положив лупу в карман, спросил Курбатов, с шумом отодвигая кресло.

Бабкин в нерешительности почесал затылок.

— Я-то не находил. Багрецов покажет. Сбежать за ним?

— Пожалуйста.

...Вадим притворился спящим. Не хотелось ни с кем разговаривать. Какие тут разговоры, когда тебя считают подозрительным элементом!

Молча, чувствуя себя незаслуженно оскорбленным, Вадим сел в аккумуляторную тележку рядом с Бабкиным.

Курбатов включил мотор, и они бесшумно на мягких баллонах покатались по уже высохшему и отполированному зеркалу.

Конечно, хотелось бы узнать, с какой целью построено это странное поле, но Вадиму сейчас не до этого. Уважаемый начальник подумает, что «подозрительному элементу» нужны секретные сведения. Нет, уж лучше помолчать.

Багрецов сразу нашел восьмой сектор, где вынул осколок из плиты. Опустившись на колени, Курбатов приложил два куска. Они точно пришлись к краю плиты.

— А где третий? — спросил он у Вадима.

Быстро присев на корточки, Вадим увидел: не хватало самого большого осколка. Но что тут можно ответить?

Глава 4. ЖОРА КУЧИНСКИЙ ОТКРОВЕННИЧАЕТ

овый день принес Багрецову лишь одни огорчения. Да и Тимофей чувствовал себя скверно, так как история с пропавшим осколком ложилась черной тенью и на него.

Начальник четвертой лаборатории Курбатов будто забыл об этом. В самом деле, какое у него право подозревать техников в излишнем любопытстве или в чем-нибудь более серьезном? Но они понимали, что так просто оставить дело нельзя. Найдутся люди, которым положено этим заниматься. Вероятно, начальник уже позвонил в город.

Утром Курбатов вызвал Багрецова и Бабкина, подробно познакомился с их аппаратами и, поглаживая виски ладонями, неторопливо рассказал, зачем ему нужны новые контрольные аппараты.

Только со слов Курбатова техникам стало известно назначение зеркального поля. Потом он проводил их к месту установки приборов и детально разобрал устройство фотоэнергетических плит, с тем чтобы техники знали, как к ним присоединять приборы. Во время объяснения он сказал между прочим:

— Если бы такими плитами замостить пустынные пространства Узбекской и Туркменской республик с Каракумами, то мы бы получили энергии больше, чем сейчас вырабатывается во всем мире.

Поразительно! Вадим чуть не задохнулся от волнения. Площадь этих двух республик сравнительно невелика. А если сюда прибавить огромные пространства Южного Казахстана, где тоже Каракумы и Голодная степь, то энергии будет во много раз больше. Теперь, глядя на это золотое зеркало, окаймленное зеленью, Вадим подумал, что это и есть осколок Солнца. Он покорен человеком, который заставил его работать. Так почему же не разбросать по стране тысячи таких осколков, чтобы давали они свет и тепло, чтобы их энергия двигала машины, строила дома? Что мешает этому? Поче-

му не развивается фотоэнергетика? Спросить бы, узнать. Но если Бабкин задавал осторожные вопросы, касающиеся техники контроля и эксплуатации приборов, то Багрецов, напуганный ночной историей, молчал. Больше того, когда Курбатов уже в лаборатории показывал ему и Тимофею метровую шестиугольную плиту, на которой все соединения были нанесены фотографическим путем, Вадим смотрел на нее издали, даже не наклоняясь, хотя схема представляла собой тончайшее переплетение серебряных узоров.

Курбатов заметил неестественность в поведении Багрецова. «К чему это неумное актерство? — думал он, наблюдая за курчавым техником. — То ли он разыгрывает оскорбленного, то ли старается показать, что его здесь ничто не интересует, а потому зря придираются к случайно подобранному на поле осколку?»

Это настораживало. А кроме того, Багрецов казался чересчур высокомерным, что не нравилось Курбатову. Интересно все же, зачем этому парню образец плиты? Допустим, взял он его из любопытства. Бабкин принес еще один кусок. А где третий? Почему Багрецов пожимает плечами? Не знает? Но кто же тогда знает? Коллектив испытательной станции маленький: семь человек, охрана, шофер. Вот и все. Люди проверенные.

Если предположить, что кто-нибудь из посторонних перелез через забор и ночью отколол кусок от плиты? Невероятно. Лаборатория находится вдали от селений. Кто же решится бродить по пустыне, где нет ни людей, ни дорог? К тому же зеркальное поле окружено фотоэлектрической блокировкой. Никто не может проникнуть сквозь нее — в караульном помещении замигают лампы, загудят сирены. Летчик, который высадил техников, поднялся в воздух моментально. Кроме того, не мог же он на глазах у посторонних колоть зеркальные плиты!

Вновь, как и в юности, Курбатов встретился с загадкой, опять, как и тогда, она уводила его далеко от лабораторного стола. Сейчас надо узнать причину трещины на зеркальном поле. Что это? Старение материала? Или дело рук человеческих?

Когда-то по кусочку прозрачной пластмассы — по пуговице — Курбатов искал создателя новой технологии, а теперь он должен найти человека, заинтересованного в других, далеко не благородных делах, или при-

зняться, что строительство медного комбината следует отложить, так как даже одна беспричинно лопнувшая плита, на каком бы секторе ее ни нашли, очень серьезный сигнал.

Шагая из угла в угол по кабинету, Курбатов косился на образцы плит, которые он сегодня показывал техникам, и ждал невольно: вот-вот побегут по ним глубокие извилистые трещины.

— Нет, чепуха, конечно, — вслух успокаивал он себя. — Виноват человек. Но кто? Где искать его?

Прежде чем вызвать к себе техников, Павел Иванович исследовал осколок, взятый у Багрецова. Никаких отступлений от норм, принятых для плит К-8; химический состав пластмассы тот же, фотоэнергетический слой не изменился. Но положение остается тревожным.

Курбатов колебался. Нужно ли сейчас ехать в город, или постараться все выяснить самому? Неудобно без особых оснований тревожить людей. Лучше выждать. Но на всякий случай он предупредил техников — пусть не болтают.

В сегодняшних исследованиях осколка ему встретились некоторые трудности. Пришлось пожалеть о недавно допущенной ошибке. Зря он отказался принять аспирантку Михайличенко. Просматривая журналы, где искал статью о новом методе исследования соединений редких металлов, он убедился, что эта работа принадлежит Л. Н. Михайличенко. Руководить работой аспирантки — дело сложное, да и неподходящее для него. Какой он руководитель без ученой степени, к тому же многое позабывший?

— Лучше уж пришлите студента-практиканта, — сказал Курбатов. — Найду для него время. Это полегче.

На испытательную станцию прислали дипломника Кучинского. У него хорошие рекомендации. Парень простой, веселый и услужливый. Узнал, что некому получить в Ташкенте лабораторное оборудование, вызвался это сделать сам, хотя должен заниматься дипломной практикой.

Сейчас, как никогда, Михайличенко была бы здесь полезна. У Курбатова возникло сомнение: нет ли связи между химическим составом фотоэнергетического слоя и строением пластмассы? В работе Михайличенко приведены случаи воздействия соединений таллия на органические вещества. Она нашла способ, как быстро это

обнаружить, и, конечно, помогла бы Курбатову решить вопрос о причине появления трещин на плите зеркального поля.

«Надо дать телеграмму, — подумал он, чувствуя, что это вызовет ироническую усмешку директора института. — Действительно, странная непоследовательность. Но что поделаешь? Таковую работу Кучинскому не поручишь, хотя он скоро станет инженером-технологом по фотоэлементам. Сам выбрал специальность, говорит, что любит ее, а работает без души. Нет, не сумеет он разобратся в методе Михайличенко».

Конечно, Курбатов мог бы сам заняться этими исследованиями, но тогда нужно все забросить, а ведь столько еще нерешенных вопросов! Кроме того, к приезду государственной комиссии должен быть готов подробный отчет о годичной эксплуатации фотоэнергетического поля.

Опять и опять мысли инженера возвращались к трещине на плите. Он перебирал всех своих сотрудников, вспоминал людей, которые посещали опытное поле за последние дни. Здесь он хорошо знал всех, кроме Кучинского и техников, вчера прилетевших из Москвы. Остальные сотрудники работали у Курбатова целый год. У них было сколько угодно возможностей еще раньше отколоть кусок плиты. Но поле оставалось целым, без единой трещинки. Кучинского здесь не было целую неделю. Он должен приехать только сегодня. А трещина в плите могла появиться лишь за последние четыре дня, потому что до этого Курбатов подробно осматривал восьмой сектор. Значит, не Кучинский. А кто же? Большинство улик против Багрецова. Возможно, и другого не безгрешен.

«Нет, надо вызвать Михайличенко», — решил наконец Курбатов. И в ту же минуту невольно подумал: пусть бы она лучше доказала старение плит, чем вину человека. Перед глазами встало бледное, растерянное лицо Багрецова и взгляд его, полный горечи и обиды.

На Димку сильно подействовала ночная история. После того как вместе с Бабкиным он получил задание и проверил аппараты, он вдруг почувствовал себя скверно и слег. Поднялась температура, кружилась голова, ничего не хотелось есть. Вообще с Димкой творилось что-то непонятное. Бабкин объяснял его болезнь ночной простудой. К тому же солнце нажгло голову, ведь

Димка все утро ходил без шляпы. А солнце в этих краях серьезное, с ним надо вести себя умеючи.

Техникам отвели маленькую комнатенку, где стояли три кровати — одна из них была уже занята практикантом, — стол, стулья. Собственно говоря, больше ничего и не требовалось.

Бабкин уложил друга в постель, достал градусник и приказал каждые два часа измерять температуру. Кто его знает, может, у Димки какая-нибудь тропическая малярия.

Хотел было Тимофей доложить «по начальству», что тут один больной объявился, но Димка категорически запротестовал:

— Ты что? С ума сошел? Курбатов подумает — притворяюсь, разжалобить его хочу.

Пришлось согласиться. «Эх, Стеши здесь нет! — с сожалением подумал Тимофей. — Она бы живо его на ноги поставила». Тимофей, как многие влюбленные, верил в необыкновенные возможности своей подруги — никаких врачей не надо.

Хотя Димка ему и ровесник, но с осени прошлого года Тимофей почувствовал, что стал несравненно старше своего беспечного друга.

У семейного человека куда больше забот и ответственности перед обществом. Правда, семья у Бабкина небольшая: он да Стеша, знатный полевод из Девичьей Поляны, и живут они пока врозь, но это временно, из-за неповоротливости строительной организации, которая обязалась построить здание филиала Института погоды неподалеку от Девичьей Поляны. Во время отпуска Бабкин приезжал к Стеше. Чуть ли не каждый день он ходил на строительство, помогал чем мог: подавал кирпичи, убирал строительный мусор. Но дело подвигалось медленно. Впрочем, так казалось Бабкину. Дом Института погоды строители обещали сдать в срок, а Тимофею хотелось сократить этот срок раза в два.

Димка жалел друга. В самом деле, из-за какого-то пустяка отодвигалось большое человеческое счастье. Стеша ни за что в жизни не уедет из родного колхоза, а Бабкину не хотелось менять любимую специальность. Ведь он специалист по радиометеоприборам. Что ему делать в колхозе? Но вышло все великолепно. После ряда исследований, в которых принимали участие Багредов и Бабкин, видные специалисты предложили построить филиал Института погоды в районе Девичьей

Поляны. С ними согласились. Бабкин терпеливо ждал, когда он сможет туда поехать, но Стеше это надоело; в один из приездов в Москву вышла за Тимку замуж и на время отпуска увезла его с собой.

Теперь, конечно, не жизнь, а мучение. Видятся редко. Зимой Стеша посвободнее, она бывает в Москве, недавно приезжала на какой-то симпозиум — и опять домой. А у Тимки нет дома, живет у дальних родственников.

Багрецов считал, что в двадцать два года рановато обзаводиться семьей, но Тимке можно, он ведь совершенно самостоятельный, к тому же любовь трехлетняя, терпеливая.

Втайне Вадим завидовал другу. Стеша, конечно, хорошая девушка, но там же, в Девичьей Поляне, Вадиму нравилась другая — Ольга. Потом она вышла замуж, не поняла, не почувствовала робкой его любви. Да и не любовь это была, а юношеское влечение к чистому, прекрасному, жажда девичьей дружбы. Прошлым летом вновь заныло сердце, будто вошло в него необычное, незнакомое. Может, это и называется любовью? Встречи каждый день, часы и минуты считал до свиданий... И вдруг все как ножом отрезало: понял, что не стоит красивая Надя ни любви, ни дружбы. Ей нравились немое обожание, рыцарская услужливость, горячие слова, над которыми она смеялась, и лстивый шепот друзей. Всех она стремилась поставить на колени, всех покорить. Слишком поздно распознал ее Вадим, хлебнул горя, помучился...

С тех пор, а особенно после своей женитьбы, Бабкин установил над Димкой суровую опеку: критически оценивал каждую девушку, которую видел с ним рядом. Бабкин не ошибется, он человек семейный, один раз выбрал — теперь на всю жизнь. В этом он был твердо уверен (разве лучше Стеша бывают жены на свете?). Он не допустит, чтобы страдал его лучший друг, за ним глаз да глаз нужен. Хорошо, что Надю раскусил вовремя, а то бы совсем пропал малый.

Тимофей неловко поправил у Димки простыню и, пробормотав несколько ободряющих слов, ушел. Необходимо было срочно оборудовать монтажный стол, который техникам выделили в общей измерительной лаборатории.

Оставшись один, Багрецов сбросил простыню, открыл окно. Сразу же пахнуло жаром, будто из печного

отдушника. До этого в комнате было прохладно — работала холодильная установка. Электроэнергии много, на все хватит.

Вадим снова лег на кровать, стараясь ни о чем не думать, и даже задремал.

— Привет болящему соседу! — послышался веселый голос за окном.

— Кто там? — спросил Вадим, вынимая градусник.

— Бледнолицый брат твой.

— Кучинский?

— А кто же? Собственной персоной. Лежи, лежи, старик. — Кучинский предупредил его движение, заметив, что Вадим хочет приподняться. — Приду сейчас. Поболтаем. Как там в Москве? — И, не дожидаясь ответа, исчез.

Откровенно говоря, Багрецова не радовала эта встреча. Он знал, что в комнате живет какой-то практикант, но фамилии его не называли. И вдруг — Жора Кучинский! Его-то Вадим знал хорошо. Жили в одном доме, квартиры через площадку.

— Будь здоров, старик! — открывая дверь, воскликнул Жора, бросил чемодан на кровать и направился к Вадиму, раскрыв объятия. — Рад, старик, тебя видеть.

Багрецов увернулся.

— Не тронь меня. Грипп.

— Эк тебя не вовремя угораздило! Слыхал, слыхал о твоих подвигах. Костюмчик-то здорово пострадал? — озабоченно спросил Жора, присаживаясь.

— Как будто бы, — нехотя ответил Вадим. — В Москве отдам в чистку.

— Зачем в Москве? Ведь я только что из Ташкента. Павел Иванович просил получить кое-какое оборудование. Семь ящиков привез. Скоро опять погулять отпрушусь. Могу, старик, и костюмчик твой захватить. Да не беспокойся, мне это раз плюнуть. В химчистке знакомая девочка.

— Ей сколько лет? Пять?

Кучинский рассмеялся, показав золотой зуб.

— Шутишь, старик. Двадцать с хвостиком.

— Значит, девушка, а не девочка. И потом — какой я старик? Не люблю я... твоего жаргона.

Язвительно хмыкнув, Кучинский обиделся:

— Куда уж нам! Не то воспитание.

Багрецов смотрел на этого самодовольного розово-

щекоего парня, который ездил по делам в длиннополом зеленом пиджаке, в брюках сиреневого цвета, в узорчатых туфлях, сплетенных из тонких ремешков, видел весь его подчеркнута «светский лоск», который он умело скрывал от товарищей по институту, смотрел на гладкую прическу с пышным чубом, который тщательно зализывался, едва Жора переступал порог института, и в душе Вадима поднималось еле сдерживаемое раздражение.

— Скоро опять поедешь? — спросил Вадим, сиюсь подавить неприязнь.

— Спрашиваешь! Через пару недель. Все отдыхают. А я что, рыжий? Тоже надо проветриться.

— Устал?

Кучинский аккуратно подтянул узенькие брюки, выставив напоказ пестрые носки.

— Нечего подкалывать, старик. Право на отдых. Не придерешься. Ты, конечно, презираешь общество, а я...

— Погоди. О каком обществе ты говоришь? — перебил его Вадим.

— Наше, институтское. Помнишь, я тебя знакомил? Ты же знаешь Мишу Вольского, Майю, Элю, Витюшу...

— Ах, вот ты о ком. Тогда продолжай.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного. Просто ни ты, ни Эля, ни Витюша для меня не пример, — равнодушно ответил Вадим и перевел разговор на другую тему: — Тебе нравится Ташкент?

— Не совсем. Но я хочу досконально узнать, как там люди живут.

— Из любознательности?

Усмешка искривила пухлые губы Кучинского.

— Тебе хорошо говорить. В Москве зацепился. А я нарочно с дипломом затянул, чтобы в дураках не остаться. Ушлют к черту на рога, ну и будь здоров, молодой многообещающий инженер!

— Не вижу разницы, где работать.

— Это для кого как, — раздраженно воскликнул Кучинский. — Тебе и, скажем, твоим друзьям вроде Бабкина все равно, где пыхтеть. Разве вы что-нибудь понимаете в жизни! А у меня другие потребности. Помню, я одну книжку прочел...

— Скажите пожалуйста! — Вадим уже не скрывал раздражения. — Кучинский интересуется книгами! Чу-

деса. Это какой же том в твоей жизни? Второй или третий?

— Брось, Вадимище. Поговорим как мужчина с женщиной, — вкрадчиво сказал Кучинский, дотрагиваясь до его плеча. — Я для тебя, старик, многое могу устроить.

— Не нуждаюсь. — Багрецов нетерпеливо дернул плечом и еще плотнее придвинулся к стене.

— Напрасно. Так вот, я начал про книжку... — Кучинский закинул ногу на ногу и приготовился к обстоятельному рассказу. — Ты, конечно, ее читал, увлекательный такой роман, про Гулливера. Автора не помню... — Он выжидательно помолчал, надеясь, что Вадим подскажет фамилию, но тот решил не поддерживать разговора. — Ну да ладно! Всех писателей не упоминай. Память скверная. Номера телефонов даже забываю...

Кучинский присел к столу и, рассматривая себя в увеличительном зеркале, продолжал:

— Не помню, старик, почему, но Гулливер оказался выброшенным на берег. Проснулся и увидел, что каждый его волосок прикручен к колышку. Веселенькое дело! Он даже головы не мог приподнять... Вот так и я, старик, привязан к своей жизни в Москве. Каждый колышек... как бы это сказать, ну... полезный родственник, знакомый, какой-нибудь приятный дом, где я часто бываю, водная станция, Дом кино, скамейка в «Эрмитаже». Ну конечно, наша квартира, свои ребята, девочки... — говорил он, как бы выцеживая слова. — Вот и посуды, старик: могу ли я уехать из Москвы? Приподниму голову — больно, да и волосы можно оборвать, то есть, я хочу сказать, все самые необходимые связи. Понял теперь, в чем дело?

— Тут и понимать нечего — быть тебе лысым. Будут развеиваться на колышках волосики Кучинского.

— Думаешь, пошлют?

— Так же, как и всех. — Вадим передернул плечами. — Даже папа не поможет.

Это верно. Еще в прошлом году Жора предпринял кое-какие меры, чтоб устроиться в Институт электроники и телевидения, но безуспешно. Теперь будет еще труднее. В пустыне скоро начнут строить медный комбинат, о котором рассказывал Курбатов. Раскинутся повсюду зеркальные поля, потребуются десятки инженеров-фотоэнергетиков. Это редкая специальность. Хо-

рошо, если удастся устроиться в Ташкенте в какой-нибудь «фотоэнергетический трест». А если нет? Придется работать сменным инженером солнечной электростанции. Удовольствие среднее. Нет, Жора, это не для тебя.

— Может, мне здоровье не позволяет? — пробормотал он неуверенно. — Пустыня не для всех.

— Святая наивность, старик!

Последнее слово Вадим сказал с подчеркнутой насмешкой.

Кучинский озадаченно посмотрел на него и склонил голову набок, будто к чему-то прислушиваясь.

— А я уже медицинские связи налаживал. Был один врач на примете.

— Скажи: за каким чертом ты посвящаешь меня в свои грязные дела? — рассердился Багрецов. — Удивительный цинизм.

— Я ведь не на собрании выступаю, — примирительно сказал Кучинский и поморщился. — Обыкновенный дружеский разговор. Может, я за советом пришел? Ты передовой комсомолец? Передовой. Обязан ты заниматься воспитательной работой среди рядовых комсомольцев вроде Кучинского? Обязан. Вот я непонимающий товарищ, серый. Разъясни ошибки, перевоспитаю меня.

— Видно, этим делом займутся твои товарищи по институту.

— Подумаешь, пригрозил! — процедил Кучинский. — Я откровенный человек и святого из себя не строю. У меня вполне естественное желание — остаться в том городе, где живу. Могу я этого добиваться или нет?

— Но какими средствами?

— Неважно, старик. Все так делают.

— Кто все? Миша, Майя, Эля?

— Не только. Я тебе говорю — все!

— Не клеветчи! — Вадим вскочил с кровати. — Я знаю всех наших ребят. Какой ты комсомолец? Карьерист грязный!

— Тоже мне чистенький! — Кучинский сердито прищурился. — Учить порядочных людей захотел, а сам... Знаю, на кого ты заглядываешься.. Конечно, красивая девушка, но известно ли тебе...

— Еще одно слово, и я... я тебя убью!

Багрецов проговорил это совсем тихо, со сжатыми

кулаками подходя к Кучинскому. Никто и никогда не видел Вадима в таком состоянии. Он готов был броситься на Жорку и выкинуть его в окно.

Отодвинув зеркало, Кучинский на всякий случай поднялся.

— Что ты глаза вытаращил? Все говорят. Ее видели знаешь с кем...

— Уйди! — Багрецов схватил Кучинского за плечи и, распахнув дверь, вытолкнул в коридор.

Стараясь успокоиться, Вадим вышагивал по комнате восемь шагов от окна к двери. Он был глубоко оскорблен. Всем существом ненавидел он Жорку.

Но вот тот опять показался в окне.

— Брось дуться, старик. Откуда я знал, что у тебя с ней по-серьезному!

Багрецов молча задвинул решетчатые жалюзи.

«Опять этот негодяй ничего не понял», — возмутился Вадим, зная, что поступил бы так же, защищая честь любой девушки — знакомой или незнакомой.

Однажды в притихшей палате подмосковного дома отдыха, когда перед сном люди делятся впечатлениями прошедшего дня, один нагловатый студент из старшекурсников начал хвастаться своими успехами у девушек, причем говорил о них грубо, пренебрежительно. Вадим вздрагивал при каждом слове пошляка, как от удара хлыста.

Произошла неприятная сцена. Вадим встал и, натыкаясь на стулья с одеждой, повернул выключатель. «Смотрите, товарищи, на эту свинью! — указал он на хвостуна. — Может, покраснеет».

Жмурясь от яркого света, парень вскочил с кровати и, развернув могучие плечи, угрожающе направился к Багрецову.

За Вадима вступились товарищи по комнате. Им было немного совестно за себя. Но что поделаешь, не каждый решится на ссору с соседом, и, главное, по такому поводу. Ведь дело же не касается тебя непосредственно!

Прислушиваясь к торопливому биению сердца, Багрецов никак не мог успокоиться. «Бывает же так, — думал он, — поздороваешься с человеком, а потом два дня руку моешь, кажется она грязной, липкой. Ну и тип этот Кучинский!» Вадим хотел понять, откуда у комсомольца Багрецова появилось столь неприязненное отношение к своему сверстнику? Он расспрашивал ребят, близко

знавших Кучинского. Те не видели ничего особенного в характере этого веселого и «компанейского парня» и приписывали ему многие хорошие качества: «Жорка настоящий товарищ, всегда выручит в трудную минуту, широкая натура, не скуп, любит повеселиться с друзьями... Едет на тройках? Но не у всех же одинаковые способности. Не участвует в общественной жизни? Неверно. Выступает на всех собраниях, пишет в стенгазету, теннисный кружок организовал. Что еще нужно?»

С этим Вадим соглашался. И все же стоял на своем: Кучинский — человек с низкими моральными качествами, пошляк, карьерист, самодовольный, невежественный. В этом был уверен сам Вадим, возможно, еще два-три человека, но для всех однокурсников, которые знали Жорку, он оставался хорошим товарищем, правда, с недостатками. Но кто же безгрешен?

Вошел Бабкин, поднес к глазам градусник, которым Вадим только что мерил температуру, и облегченно вздохнул.

— Ничего, терпимо. Может быть, посидишь на воздухе?

— Не хочу. Меня не очень радует встреча с Жоркой. Видеть не могу эту самодовольную рожу. А сюда он до вечера не придет.

— И здесь поцапались? — удивился Бабкин. — Неужели ты не понимаешь, что у каждого взрослого человека есть свои убеждения? Кучинский живет так, как ему нравится. «Недовольные, как говорится, могут подавать в суд». Но что он тебе сделал?

— Мне? Ничего. Просто неуважительно и подло говорил о другом человеке. Вот и сегодня тоже.

— Наживешь ты себе врагов, Димка.

— Обязательно наживу, — вяло согласился Багрецов. — Один уже есть — Костя Хорьков, другой наклеивается. Так и должно быть.

А вечером, перед тем как ложиться спать, уже не думая о Жорке Кучинском, Вадим распахнул окно и, укаывая на небо, вполголоса продекламировал:

Не счел бы
лучший казначей
звезды
тропических ночей...

— Помнишь, Тимка, у Маяковского:
Но друг не разделял его поэтического восторга,

— До тропиков отсюда далеко, — сказал он, зевая.

В этом был весь Бабкин.

Глава 5. ДВЕ ПОДРУГИ

лучилось то, чего особенно боялся Багрецов. Болезнь его затянулась, и Вадим чувствовал себя самым несчастным человеком. Да как же иначе это назвать? Приехал в командировку и, когда по стечению обстоятельств ему пришлось туго, не нашел ничего более остроумного, как заболеть. Конечно, температура, припухшие гланды (опять эта проклятая детская болезнь), но можно было бы работать и виду не подавать, что тебе нездоровится. Во всем виноват Тимофей. Это он попросил вызвать врача, это он постоянно следит, как бы Вадим не нарушил прописанного режима, это он следит за регулярным приемом лекарств.

Лежит Вадим, подтянув простыню к подбородку, скушает, мучается. А там, за окном, жизнь. Виден кусок ослепительно синего неба и два рыжих бархана, похожих на горбы верблюда. Слышен крик осла. Неизвестно, как он сюда попал.

— Движимое имущество испытательной станции, — с грустной улыбкой говорил Вадим.

Димка целыми днями не видит Бабкина — тот устанавливает контрольные приборы в разных секторах зеркального поля. Говорит, что дела идут хорошо, но это так, для успокоения. Не ладится у Тимофея. Надо перделывать датчики на питание от местных плит, а сигналы подавать по силовым проводам. Сложные изменения в аппаратуре.

Однако ж все это пустяки. Не сегодня, так через неделю приборы будут установлены. Куда серьезнее, когда тебе не верят. Это как несмываемое пятно: моешь, скоблишь, чистишь, а оно не исчезает. Есть только один выход: найти истинного виновника. Багрецов ничего не знал

о технологии курбатовских плит: могут они потрескаться или нет. Он знал, что один осколок пропал, это его и волновало.

В маленьком коллективе испытательной станции Багрецов еще не успел ни с кем познакомиться. Видел Курбатова, дважды говорил с ним, но не распознал, не понял еще человека. Зато очень хорошо понимал Кучинского. Других здешних обитателей в глаза не видел, но и при этих условиях если бы спросили Вадима, кто мог совершить дурной поступок, то он, не задумываясь, назвал бы Кучинского.

Это наивно, глупо, ни на чем не основано. Ведь нельзя же подозревать человека в грязных делах только потому, что он носит галстуки с сиамскими слонами! Но сердце Вадима жгло это неприятное чувство, подчас готовое вырваться наружу.

Нет, никогда Вадим не решится сказать об этом. Никогда. Он догадывался, что в мелкой душонке Кучинского таится надежда, что опыт Курбатова так и останется опытом, что никаких комбинатов здесь не построят и фотоэнергетики сюда посылаться не будут...

Но все-таки он прогадал, когда выбирал специальность. Разве мог он предполагать, что фотоэлементы, которые до сих пор применялись лишь в кино, телевидении и разных лабораторных приборах, вдруг найдут место в энергетике? Никогда Кучинский не думал о пустынях Средней Азии. Что ему там делать? И вот по милости товарища Курбатова такой неожиданный оборот!

Багрецов искренне верил в успех курбатовских ячеек и, если бы его сюда назначили, остался бы здесь навсегда. Немного смущала так называемая фауна пустыни — запомнилась встреча с вараном, — но ведь фауна эта в конце концов переведется. Что ей делать возле людей? Здесь будут города и заводы, пески закроются зеркальными полями, между ними вырастут сады, пройдут каналы. Все это будет. А пока Вадим, прежде чем спустить ноги с кровати, осматривал коврик, стучал возле себя палкой, чтобы — избави бог — не подполз к нему хвостатый скорпион или мохноногая фаланга.

Между Багрецовым и Кучинским вот уже несколько лет существовала глубокая неприязнь. Жорка прикрывал ее ласковыми улыбочками и дипломатией, а Вадим говорил прямо в глаза все, что он о нем думает. Конечно, это не очень вежливо, надо быть терпимее к людским

недостаткам. Но к Жорке Вадим не мог относиться иначе, хотя тот и старался втереться к нему в доверие. Прямолинейность Багрецова не терпела дипломатических уверток.

Кучинский часто ему жаловался:

— Эх, Вадимище, не по-соседски действуешь! Ну чего ты из себя корчишь? Лучше всех хочешь быть? Не выйдет. Донкихотство сейчас не в моде, старик.

Родители Жоры души в нем не чаяли и делали все, чтобы сын ни о чем не думал, кроме учения. Но Жора думал о другом. Зачем тратить драгоценное время и здоровье на познание человеческой премудрости? Жору удовлетворяли скромные отметки в зачетной книжке — они надежно перетаскивали его с курса на курс. Не всегда бывало гладко, подчас и стопорило, если объявлялась неожиданная двойка, скажем, по электротехнике, но тут вступалась мама и устраивала папе сцену. Он кому-то звонил и, проклиная свою мягкотелость, смущенно и слезно просил за сына. Жоре разрешали экзамен пересдать, после чего он вновь обретал покой и самоуверенность до будущего года. Правда, к последнему курсу Жора стал благоразумнее. Какая-то двойка, а сколько хлопот! Выручали друзья, их конспекты, иногда хитроумная шпаргалка и многое другое, о чем он не будет хвастаться даже самому близкому товарищу. Дело тонкое, щекотливое.

У Кучинского был свой круг интересов и знакомств. Многие из его товарищей работали в студенческом научном обществе, долгими вечерами проверяли новые схемы, занимались изобретательством, готовя себя к большой творческой жизни. Нет, не этим интересовался Жора Кучинский. Он слишком ценил преимущества молодости, чтобы, как он выражался, «похоронить» ее в скучных лабораториях, измерять какие-то милливольты, обжигать себе пальцы паяльником. Разве он не может найти себе более веселого занятия?

Кучинский стал постоянным посетителем водных станций, теннисных кортов, гимнастических залов. Его вовсе не увлекали ни плаванье, ни гребля, ни гимнастика. Он стремился завязывать новые знакомства, иногда полезные и нужные, как он сам в этом признавался, но чаще всего «романтические». В теннис он играл потому, что на теннисных кортах можно было встретить видных людей. Вежливый и предупредительный юноша умел за-

воевать искреннее расположение какого-либо писателя или артиста, чем при случае и пользовался.

«Однажды играем мы с Михаилом Григорьевичем...» — рассказывал Кучинский в компании. «С каким Михаилом Григорьевичем?» — спрашивали его. «Ну как же, не знаешь?» И Жора называл известную фамилию.

Окруженный пустыми, как и он сам, друзьями, девицами с синими наклеенными ресницами, Кучинский часто использовал знакомство с Михаилом Григорьевичем или Николаем Григорьевичем, являясь постоянным посетителем писательского клуба, Дома кино, премьер и просмотр.

«Деятельность» Кучинского возмущала Багрецова. Стремление щегольнуть знакомством, именем известного человека заставляло Кучинского клянчить пропуска на открытие разных выставок: живописи, книжной графики, охотничьих собак или фарфора. Ему все равно, что бы ни выставлялось, но «там будет вся Москва», — часто хвастался Кучинский, показывая друзьям пригласительный билет с золотым тиснением. Друзья знали его слабость, считали не очень умным, но он умел ладить со всеми, иной раз жертвуя и самолюбием и совестью.

За все это Вадим не любил Жорку, болезненно морщился, слыша его: «хорошо посидеть», «убили времечко», «гульнули». Видно, не было у студента Кучинского других интересов, другой жизни.

Через пять дней у Багрецова спала температура, и он решил выйти на воздух. День был воскресный. У забора, в тени деревьев, над самым зеркальным полем, Вадим заметил беседку и чуть подалее несколько скамеек.

Белый переплет беседки, увитой диким виноградом, отражался в зеркале, как в воде. Неподалеку — фонтан. Оказывается, здесь очень красиво. И, может быть, впервые за все время своей злополучной командировки Вадим испытал радостное чувство, свойственное ему вообще, так как по натуре он оптимист, редко хандрит и видит мир в розовом свете. На этот раз мир действительно посветлел. Вчера прилетела Лида Михайличенко.

То, что она здесь, Вадим считал торжеством справедливости. Он был убежден, что Михайличенко неправильно обошли, неправильно отказали в командировке. Те-

перь все разрешилось — Лида вызвана телеграммой Курбатова.

Вчера Лида устала с дороги, хотела спать, и Вадим не успел ее даже рассмотреть. А сейчас, по-московски беленькая, в синем шелковом костюме и тонкой войлочной шляпе с бахромой, она стояла, облокотившись на перила, изумленно глядя на зеркальное поле.

Перед ней вился Кучинский с фотоаппаратом. Лида не позировала и даже, кажется, не замечала Кучинского. Вадим сидел на скамейке среди кустов, откуда его не было видно.

Нарочито позевывая, Жорка начал чистить ногти. Но его неотразимая внешность и небрежная картинная поза не производили на Лиду никакого впечатления. Она смерила его холодным взглядом и тоже зевнула. Вадим был удовлетворен.

Явное ее равнодушие заметно обескуражило Кучинского. Он привык к постоянному вниманию. Редкая девушка не провожала его удивленно-любопытствующим взглядом. Ни у кого не было такой эффектной внешности, такого умения держаться в обществе и таких оригинальных галстуков. Сегодня он надел самый умопомрачительный, уже известный Вадиму, с белыми сиамскими слонами.

Кстати, этого он никогда не позволял себе в институте. Ходил в свитере, громил «стиляг», передразнивал их походку, издевался над студентками, имевшими неосторожность прийти на лекцию с сережками в ушах. Но вечерами преображался: перстень, трубка в презрительно опущенном углу рта и подчеркнуто скромный черный костюм. Здесь, в пустыне, этот наряд ни к чему, но сегодня выходной, к тому же на здешнем безрадостном фоне появилась довольно миленькая девица.

Постепенно, шаг за шагом, приближаясь к Лиде, Жора нацелился аппаратом. Она этого не заметила. Щелкнул затвор. Лида обернулась и гневно взглянула на фотографа.

— Я не просила!

— Извините... я думал... Еще раз извините, — прижимая аппарат к сердцу, оправдывался Жорка. — Но я не мог... Такой чудесный вид, и вы... — Он не закончил фразы, закрыл глаза, будто не мог овладеть собой от переполнявшего его восторга.

Даже самые суровые девушки нередко поддаются лести, в чем с горечью убедился Багрецов. Он видел, как

на губах Лиды промелькнула улыбка. Кучинский на лету поймал ее. Прощение получено. Теперь надо закрепить успех.

— Изумительные краски! — восторженно заговорил он вполголоса, указывая на дальние барханы в ослепительно синем небе. — Я снимаю на цветную пленку... Но что такое пейзаж без человека? Увидел зеркальный отблеск на вашем лице и не мог удержаться.

Он снял зеленую модную шляпу и, покорно склонив взбитый хохолок, показал безукоризненно гладкий затылок, словно покрытый черным лаком.

Лида молчала, и Кучинский, не ожидая развязки начатого разговора, быстро взбежал по ступенькам беседки.

— Будем знакомы. Георгий, — он протянул руку. Лида нехотя подала свою.

— Здесь друг от друга никуда не денешься. Я уже все о вас знаю.

— Странно. А для меня люди часто бывают непонятными.

— Таинственными? — спросил Жора многозначительно, уминая в трубке табак.

По губам Лиды пробежала улыбка.

— Не совсем. Иной раз думаешь над неизвестным словом в кроссворде. Скажем — что означает соцветие растения из такого-то семейства, ценное сырье, применяется в парфюмерии? Ломаешь, ломаешь голову, наконец догадываешься: ничего особенного — репей. Так и с непонятными людьми.

Вадим не выдержал и громко прыснул. Действительно, Жорка — репей!

Неизвестно, как воспринял это Кучинский, может быть, намек и не дошел до его сознания, но Димкин смех чувствительно уколол и разозлил его. Еще бы! Сидит себе на лавочке и исподтишка издевается. Помалкивал бы лучше, трусишка несчастный!

— Ты здесь, старик? — с деланной радостью воскликнул Кучинский. Сунув трубку в карман и придерживая фотоаппарат, он быстро сбежал по ступенькам беседки. — Чего прячешься?

Он вытащил Димку из кустов на зеркальное поле и закричал испуганно:

— Берегись!

У Вадима потемнело в глазах. Прямо на него катился серый клубок. «Наверное, фаланга!» — мель-

кнула страшная мысль. Он бросился в сторону, поскользнулся и больно ударился затылком о твердую плиту.

Жорка мигом подтянул к себе нитку, на которой болтался комочек шерсти с растрепанными шнурками, похожими на мохнатые ноги страшного паука, и захохотал.

— Извини, старик, я не знал, что ты такой нервный... — Повернувшись к Лиде, он добавил: — Ничего, привыкнет.

— А вы чего радуетесь? — Лида смотрела на Жорку с нескрываемым презрением.

Он не ожидал такого оборота и процедил сквозь зубы:

— Все понятно. Ну что ж, старик, действуй. — И, заложив руки в карманы, мурлыкая, удалился.

Проводив его гневным взглядом, Лида круто повернулась к Вадиму:

— Вы не очень-то разборчивы в выборе друзей.

— Да я его терпеть не могу.

— Расскажите. Меня он интересует.

— Недавно я сдавал аппараты в малярный цех, — задумчиво проговорил Багрецов. — Там их красят нитролаком. Лак разбрызгивают пульверизатором. Я смотрел на это дело и вспомнил Жорку. Он разбрызгивает вокруг себя пошлые слова. Иной раз кажется, что слова эти — сладковатое облачко лести — оседают на мне вроде пахучего нитролака. Я это вижу, а другие не замечают, как обволакивает их непроходимая пошлость.

— Что же вы можете ему предъявить?

— Не смейтесь. — Вадим нервно застучал пальцами по скамье. — Таких людей нужно остерегаться.

— А по-моему, — сказала Лида, — он виден насквозь.

— Не скажите. Это его личина. Она многим нравится. Каждому приятно чувствовать, что он умнее этого шута.

За каменным забором послышался смех.

В воротах показались две девушки, за ними важно шествовал Кучинский. Девушки были одеты в одинаковые платья, одинаковые туфли, даже носочки у той и у другой с одинаковыми голубыми полосочками.

Вадим подумал, что это сестры. Но они ничуть не похожи друг на друга ни фигурой, ни лицом, ни цветом

глаз. Правда, прически у них были похожи — длинные прямые волосы, обесцвеченные перекисью, закрывали чуть ли не половину лица. Одинаковые сумки, напоминающие огромные кисеты с кольцами, розовые, будто сделанные из мыла, клипсы, брошки пластмассовые с именами — вероятно, затем, чтобы отличать девушек друг от друга, — дополняли их туалет. Подруги подошли ближе, и Вадим разобрал имена на брошках.

— Можно даже не знакомиться, — шепнул он Лиде. — Видите, одна из них Нюра, а другая Маша...

Странное чувство сожаления испытывал Вадим, глядя на этих наивных девушек, не умеющих отличать красоту от подделки и пошлости.

А Лиду это нисколько не удивляло. Не в первый раз ей приходилось видеть одинаково одетых подруг. Раздражал Кучинский. Лида хмурилась при каждой его выходке. А он, нарочито подчеркивая свое пренебрежение к заносчивой аспирантке, вился ужом перед смущенными подругами.

— «Позвольте предложить, прелестная, вам руку», — отчаянно фальшивя, напевал он, вероятно, единственно знакомые ему слова из «Фауста». — Я, Марусенька, буду вашим Мефистофелем.

Опустив глаза, Марусенька милостиво приняла руку веселого кавалера.

— Вот уж не похожи. Вы совсем как этот... Ну как его? Тоже студент. Он поет... «Расскажите вы ей...» — и она робко запела тонким, прерывающимся голосом.

Кучинский закрыл глаза от восторга.

— Вот где таланты скрываются! Учиться надо, Марусенька.

— Скажете тоже! — Она спряталась за спину подруги.

Другая — Нюра, или Нюлочка, как льстиво обращался к ней Кучинский, — была молчалива, иногда смеялась над шутками студента, но, видно, по привычке или из вежливости.

Вадим этого не заметил. Обе девицы казались ему одинаковыми даже по характеру.

А Кучинский словно попал в родную стихию, держался развязно и независимо.

— Не боги горшки обжигают. У меня была одна знакомая девочка. И что же вы думаете? Колоратура

открылась! Поучилась немножко, и сразу в Большой театр.

Из ворот вышел Бабкин и подозрительно покосился на Димку: нет ли намека на новое увлечение? Но тот сидел рядом с Лидой и весьма неодобрительно поглядывал на одинаковых девиц. Беспokoиться нечего.

Лида подозвала Тимофея и спросила, что это за девушки.

— Да так, — отмахнулся тот. — В аккумуляторной работают.

А Жорка щелкал фотоаппаратом и разглагольствовал:

— Получитесь в натуральных цветах. Пришлю фото — несите прямо хоть в Третьяковскую галерею. Картиночка!

— А цветочки на платье выйдут? — кокетливо спросила Маруся.

— Спрашиваете! Не только цветочки, даже ягодки! — И, притопывая на ходу, запел: — «Про меня все люди скажут, сердцем чист и неспесив. Или я в масштабах ваших недостаточно красив?».

Он поднял фотоаппарат, прищурился и указал на скамейку:

— Сюда, сюда, девочки, на солнышко... Сделайте умное лицо.

Подруги рассмеялись. «Еще бы! Услышали привычную остроту. Веселый мальчик Жора Кучинский, с ним приятно провести время, — подумал Вадим. — Сейчас щелкнет и скажет: «Спасибо, испортил...» Опять девицы захихикают. Остроумный мальчик Жора Кучинский».

А тот чувствовал себя любимцем общества. Девочки смеялись, видно было — довольны, а Маруся, та просто с восхищением смотрела на симпатичного «мальчика»: какой он ловкий, веселый, умный!

Кучинский принес портативный проигрыватель и поставил пластинку. Послышалась музыка вальса. Маруся закружилась на зеркальном поле. Видно, не смогла удержаться и пошла танцевать. А почему бы и нет? Чудесный день, молодость, веселые друзья, а впереди еще много таких дней.

Кучинский с видом знатока следил за девушкой, и когда она, смутившись, подбежала к подруге, заплодировал.

— Красота! Вот это я понимаю... Ну и девочка! Прямо хоть в балет.

Лида переглянулась с Вадимом. Он прочел в ее глазах удивление и растерянность. «Если бы записать Жоркину речь, — представил себе Вадим, прислушиваясь к его развязной болтовне, — а потом жирным красным карандашом подчеркнуть все пошлые словечки, глупые остроты, сравнения, то, пожалуй, глядя на этот мусор, сделается стыдно и самому. Ведь мы к нему привыкли, не замечаем».

— Жора, почему вы сами не снимаетесь? — спрашивает Маруся. — Поучите меня, я сниму.

— Синьорита, невозможно, — кривляется он, кланяясь и размахивая шляпой у самой земли. — От моей физиономии пленка треснет.

— Жора, который час?

— Клянусь аллахом, не знаю. Часы забыл дома на рояле...

Опять смех, по привычке.

— Девочки, составим живописную группу, — распоряжается Кучинский, усаживая их на скамью. — Черноглазая, поближе, поближе... Ах, эта черноглазая с ума меня свела.

И Вадиму, и Тимофею, и Лиде было ясно, что в своей студенческой компании, где любая девушка, даже не обладающая острым язычком, может сразу осадить Жорку, он воздержался бы от подобной болтовни. Но здесь совсем другое. Жорка понимает, что перед этими девушками он может резвиться как хочет. Не стоит искать свежие остроты. Он и так неотразим.

— «Никто в нашем крае Маруси не знает», — напевал он сладким голоском. — Забудьте, снимаю.

Девушки застыли в напряженных позах. Кучинский нажал кнопку и взглянул на счетчик кадров.

— Ах я рассеянный с улицы Бассейной! Пленка кончилась. Пока! До скорого! — и скрылся за углом главного здания.

Девушки наклонились друг к другу, стали шептаться, изредка поглядывая на гостей в беседке.

— Ваше мнение, наблюдатели? — спросил негромко Вадим.

Бабкин безапелляционно заявил:

— Девочки, конечно, пустые. А Жорку переделать невозможно. Да и что ты от него хочешь?

— Значит, тебе все равно? Пусть эти девушки, на-

верное никогда не видевшие московских студентов, будут считать Жорку образцом культуры и судить по нему о всех наших ребятах? Так?

Бабкин замахал на него руками. Он был на экзаменах в институте, где все казалось диковинным и чудесным, встречался с учеными. Люди, известные всему миру, проходили по коридору обыкновенными мелкими или размашистыми, крупными шагами. Бабкин долго смотрел им вслед и гордился тем, что уже давно хорошо знал их по книгам и журналам. А ребята? Нет, как можно допустить, чтобы о студентах судили по поведению Жорки Кучинского?! Хотелось сейчас же подойти к этим девушкам и сказать, что таких, как Жорка, в Москве совсем немного и что ему, Тимофею Бабкину, технику и студенту-заочнику, стыдно за своего товарища... Не поймут глупые девчонки, и не найдется у Тимофея слов таких, чтобы высмеять Кучинского, показать, насколько он ограничен и как плоски его шуточки. Димка, конечно, прав, но уж очень не хочется связываться с Кучинским.

— Итак, Лидочка, у вас появились две подруги, — вздохнув, сказал Вадим. — А нам с Тимкой не повезло: один товарищ, да и тот Жорка. Теперь я понимаю, что значит пустыня.

Лида подняла полные руки и небрежно поправила волосы.

— Подруг я сама выбираю.

— По какому принципу?

— На это трудно ответить. Но, во всяком случае, необходима общность интересов.

— Вы думаете, что в данном случае они разные? — спросил Вадим, вглядываясь в лицо Лиды.

— Не обижайте меня, Вадим. Я же не сравниваю вас с Кучинским.

— И правильно делаете. Он бездельник, а девушки эти работают. Я одного не пойму, Лидочка: откуда в вас столько высокомерия? Высшее образование и научная деятельность абсолютно не дают вам права презрительно относиться к работницам. Они ничего не знают о химических соединениях таллия и цезия, не умеют со вкусом одеваться. Но разве это унижает их? «Не обижайте меня», — передразнил ее Вадим. — А откуда вы знаете их души? Возможно, они богаче и человечнее любого из нас, любого из тех, кто в уме решает уравнения и до отказа напичкан формулами. Воз-

можно, у них в душах «золотые россыпи», как писал Маяковский...

Багрецов говорил, все больше распаляясь от гнева.

Его всегда возмущало подчеркивание своего превосходства, если дело касалось образования. Никакого подвига нет в том, что ты получил его. Благодарю тех, кто за тебя в это время работал, пахал, сеял хлеб, вылавливал сталь и строил дома.

Лида сердилась, хотела перебить Вадима. Мальчишка — и вдруг отчитывает ее ни за что ни про что. Но стоило ей покопаться в памяти, как многое из того, что говорил Вадим, стало подтверждаться примерами из Лидиной собственной жизни. Это уже совсем нехорошо. Было немножко стыдно и, главное, обидно — ведь услышала она об этом от мальчишки! Как же сама за собой не замечала?

Глава 6. ДОРОГИ И ТРОПИНКИ

Лида Михайличенко не совсем понимала, почему Павел Иванович, как руководитель ее практики (на что он в конце концов согласился), резко изменил представленный ею план исследований. Его прежде всего интересовали возможные взаимодействия фотоэнергетического слоя и пластмассы.

— Потом вернемся к другим вопросам, — сказал он, утверждая новый план.

На лабораторном столе Лиды появились шестиугольная плита с выщербленным краем и два осколка. Надо было выяснить причины ее растрескивания. В своем задании Курбатов исключил возможность механического повреждения, хотя Лида и высказала эту мысль.

— Нет, нет, — с раздражением подчеркнул он, — занимайтесь химией, механика здесь ни при чем.

Багрецов и Бабкин, работавшие за соседним столом, удивленно переглянулись, но промолчали. Вероятно, Па-

вел Иванович решил, что его подозрения неосновательны — плита треснула сама.

«Найдется третий осколок, и все будет в порядке. Димка может спать спокойно», — подумал Тимофей, но ошибся. Багрецов не мог и мысли допустить, что смелый опыт Курбатова потерпит неудачу. Не может этого быть. Надо искать виновника, а не объективные причины. Но руки у Димки были связаны, оставалось лишь сочувствовать.

В первый же день своей работы Михайличенко обнаружила повышенное содержание щелочи в осколке пластмассы, но как это могло повлиять на растрескивание, она пока еще не определила.

Вечером, когда стемнело, сотрудники испытательной станции вновь собрались вместе — куда же деваться? За каменной стеной — пустыня, а здесь, на зеркальном поле, яркий свет фонарей, проигрыватель с пластинками, а в беседке — газеты и журналы.

Вадим и Тимофей набросились на газеты. Лида лениво перелистывала уже читанный «Огонек», а девушки из аккумуляторной устроили танцы.

Жорка раздобыл в Ташкенте модные пластинки и теперь наслаждался ими. Нюра танцевала редко — скучная она какая-то. Вот Марусенька — дело другое: козочкой прыгает по зеркалу, смешлива и весела.

Недавно приехавшие москвичи пока еще не познакомились с девушками из аккумуляторной, и их вниманием всецело завладел Кучинский. Жалея «несчастливых девочек», он часто повторял: «Эх, пустыня, пустыня! А жехнихи-то где?»

Сейчас, устав от танцев, он сел между девушками и, не обращая внимания на москвичей, с увлечением начал рассказывать о жизни в столице. Говорил, захлебываясь, о премьерах, просмотрах новых фильмов, о ресторанах и вечеринках. Московская жизнь — это сплошной праздник, гулянья и развлечения. Там девочки не торчат в каких-нибудь аккумуляторных, а в основном веселятся.

— Слыхали про Дом моделей, где девочки получают зарплату знаете за что? Разные платья демонстрируют. Переодеваются каждые десять минут. Вот это жизнь!

Лиде было противно его слушать, обидно за себя и за девушек, которые это могут принять за чистую монету, и ей вдруг захотелось поговорить с ними, доказать пустоту и ограниченность Кучинского.

Вот Жорка побежал в здание, должно быть, за новыми пластинками. Нюра и Маша остались одни. Лида поспешно спустилась к ним и для начала разговора попросила маникюрные ножницы — ноготь сломался. Девушки смотрели на нее и удивлялись: как это такая красивая не следит за собой — ходит в каком-то темном, старушечьем платье; низкие каблуки, губы не накрашены. Странная какая-то.

Завязался разговор сначала о мелочах, потом о работе, и в первые же пятнадцать минут Лида знала почти все о своих новых знакомых.

Нюра Мингалева, худенькая невысокая девушка с печальным лицом (хотя она и старалась веселиться), говорила, что жила на Волге в Камышине.

— Я камышинка.

И Лиде подумалось, что действительно Нюра словно камышинка — тоненькая, стройная; подует ветер, и она наклонится низко-низко, до земли.

Никого не осталось у Нюры, кроме тетки, у которой она обосновалась в маленьком районном городке. Сначала училась в ПТУ, потом бросила и по чьему-то совету пошла на «чистую работу» — поступила нарядчицей в строительную контору. Ничего не видела, сидела в комнатухе где-то на отлете, все равно что здесь, в пустыне. Там же, в конторе, работала счетоводом и черноглазая Маша. Вместе отправились на курсы электриков, поучились немножко и оказались здесь, на испытательной станции. Думали — с людьми интересными встретятся. Большой коллектив, весело. Нет, опять одни. Что поделаешь? Зарплата хорошая, можно и в пустыне работать, только от тоски деваться некуда.

— Но ведь здесь очень много книг, — заметила Лида. — Я так обрадовалась...

Нюра потупилась, а Маша призналась чистосердечно:

— Не приучены мы. Там было некогда — придешь с работы, погулять хочется, — а здесь без привычки не читается...

Кучинский несколько раз появлялся в дверях общежития, но боялся даже приблизиться к девушкам, так как с ними была Михайличенко.

Прищелкивая подошвами на зеркальной танцплощадке и напевая, Кучинский ждал, что его окликнут. Но девчонки смотрели как будто сквозь него. А тут еще паршивец Димка подсматривает. Рад, наверное. Жорка хотел

бы показать девушкам фокус с фалангой — пусть вдоволь посмеются, но опять вспомнил о злой аспирантке...

Просматривая газеты, Вадим никак не мог сосредоточиться. При первом разговоре с Курбатовым он вел себя ужасно глупо. Неужели нельзя разорвать цепь случайных недомолвок? Обидно за человека, если он не умеет отличить правду от лжи. И это Курбатов, покоривший Вадима дерзкой мечтой! Лишь однажды Багрецову посчастливилось встретиться с таким же человеком. Это был профессор Набатников. Используя атомную энергию, он творил чудеса. Открытие Курбатова не меньшей значимости, и талант его не меньше. Но Набатников умел распознавать людей, а Курбатов, видимо, не обладал этим даром.

Поднявшись в беседку, Лида потащила Вадима знакомиться с девушками. Бабкин предусмотрительно закрылся газетой.

— Идемте скорее, — сбегая по ступенькам, говорила Лида, — а то опять Кучинский привяжется.

Трудно было состязаться с Жоркой. Он мнит себя «душой общества» и нередко достигает успеха. Девушки смеются, время летит незаметно. Чего же еще желать?

Официально знакомство состоялось. Лида убежала к Бабкину, а Вадим, беспокояно оглядываясь, не идет ли Жорка, придумывал тему для легкой болтовни. О чем же с ними говорить?

— Вы не танцуете? — пришла ему на помощь Маша.

— Нет, почему же? Но не здесь...

Когда девушки подняли на него удивленные глаза, он заговорил горячо и проникновенно, чтобы до самого сердца дошло:

— Я смотрю на это золотое зеркало как на осколок Солнца, упавший с неба. Человек взял его и переделал по-своему, чтобы счастье вошло к нему в дом. Пока он один, этот маленький осколок, лежит в песках, где раньше чуть теплилась жизнь. А сейчас — поглядите вокруг! — Вадим широко развел руками, как бы распахивая двери в неведомый мир. — В окнах горит свет, по трубам бежит вода, журчит фонтан, всюду зелень, цветы... Теперь представьте себе: если сотни таких солнечных осколков разбросать в песках, лучи, превращенные в энергию, заменят миллионы человеческих рук, электро-

буры проникнут в глубь земли, вода пойдет по каналам, на месте унылых песков зазеленеют поля, вырастут сады, города, заводы. Вы же знаете, что медный комбинат будет работать на энергии солнца. Поймите, какое это богатство! И только сейчас мы начинаем его использовать по-настоящему. О, если бы человек смог добыть электроэнергию сколько он захочет! Тогда бы исчезли многие трудности и беды.

Девушкам из маленького городка, особенно Нюре, пришлось немало испытать, вот почему картина, нарисованная Багрецовым, была близка им и понятна. Конечно, они знали, что плиты дают электроэнергию, но попросту не представляли себе будущее курбатовского открития.

Вадим, чуточку смущенный молчанием девушек, присел на скамейку и проговорил:

— Теперь вы понимаете, что прыгать и плясать на этом поле я не могу. Совестно.

Кучинский слышал, что Димка произносит какие-то выпренные тирады, видел замерших перед ним девиц, но прерывать его не хотел. Он был уверен, что Димка скоро им наскучит и они опять пойдут танцевать. Но девушки его не звали, и Кучинский разозлился. Не привык он к такому отношению. В институте самые красивые и, как ему казалось, неглупые студентки добивались его внимания, а тут — подумаешь, невидаль, курносые красавицы из аккумуляторной!

Неподалеку от главного здания испытательной станции виднелся огромный белый цилиндр с конусообразной крышей. Оттуда доносилось прерывистое гудение.

— Павел Иванович новые аккумуляторы пробует, — вздохнув, сказала Маша. — Наверное, скоро нам переучиваться придется.

Багрецов кое-что слышал от Павла Ивановича о механическом аккумуляторе. Приезжали инженеры, установили его, но к испытаниям пока не приступали: что-то не ладилось в конструкции. Решили заменить мотор. А пока Павел Иванович использовал старый. Основой всей этой системы служил гигантский маховик, вращающийся в безвоздушном пространстве. Днем его раскручивают электромотором, ночью он должен отдавать накопленную энергию. По словам Курбатова, инженерам удалось найти остроумное решение конструкции этого механического аккумулятора, и если они сумеют

устранить некоторые его недостатки, то лучшего и желать нельзя.

Вадиму хотелось рассказать об этом Маше, проверить, можно ли с ней разговаривать серьезно или ей по вкусу лишь болтовня в стиле Кучинского.

— Представьте себе огромный маховик, — начал Вадим, широко разводя руками. — И вот...

Жорка вовсе не чувствовал себя побежденным. Он закурил трубку, небрежно повесил ее в угол рта, всем своим видом показывая полное презрение к «сухарям» и «начетчикам». Они портят жизнь девочкам, после работы даже отдохнуть не дают.

— Страшно интересно, — ядовито усмехнувшись, прервал Жорка Вадима. — Потерпите немножко, Маруся, и он расскажет вам о косинусе фи.

Вадим отпарировал:

— Тебя должен особенно интересовать этот косинус. Ведь это из-за него у тебя были разногласия с профессором? Кажется, они закончились двойкой?

Жорка быстро вынул трубку изо рта, хотел ответить обидчику зло, но опомнился. Не стоит ворошить столь неприятную тему.

— Эх, друзья, — вздохнув, сказал он примирительно, — и скучно и грустно... Мурá все это. Подумаешь, какой веселый разговор завели.

Никто его не поддержал, а Маша — все же она электрик! — заинтересовалась техническими особенностями нового аккумулятора и стала расспрашивать Вадима, зачем выкачивали воздух из кожуха, как устроены подшипники...

Кучинского все это абсолютно не интересовало, но он ревниво следил за Димкиным успехом. Слушает девочка, ничего не скажешь! И он пустил в ход свой последний, решающий козырь, которым не раз пользовался, чтобы поразить воображение слушателей и привлечь их внимание.

— Верно, все верно, — перебил он Димку. — Но к чему тут рассусоливать, когда через год-два никаких аккумуляторов не потребуется — ни механических, ни электрических. Сейчас уже атомный век. Вы разве ничего не слышали об атомной батарее? Она сто лет может работать. И солнца для нее не требуется. Положил в карман целую электростанцию и пошел.

— Но ведь у нее ничтожная мощность! — возразил Вадим. — Какая уж там электростанция!

— Ничего, скоро сделают такую, что будь здоров! Приземленный ты человек, бескрылый. То ли дело, взял щепоточку атомного горючего... и привет, старик, я уже на Марсе. Вот о чем нужно думать, а все остальное — скукота и отсталость. Надо, товарищ Багрецов, идти в ногу с передовыми идеями. Отсталых, как тебе известно, бьют.

Не хотелось спорить. Жорка все равно останется при своем мнении. Ссориться с ним в присутствии девушек тоже неудобно. Эх, сказал бы ему Вадим, что, несмотря на всякие пышные слова насчет атомного века и космонавтики, Жорка не только отстал, но и тянет за собой других. Это о нем писал Маяковский, что «много разных ракушек налипает нам на бока». А Жорка готов присосаться даже к космическому кораблю.

Чувствуя свою «победу», Кучинский решил ее закрепить и воспользоваться всем арсеналом имеющихся у него средств, чтобы вконец загнипотизировать девушек мечтой о необыкновенном.

— Послушайте, девочки, — говорил он, оттирая плечом Багрецова. — Разве он умеет мечтать? Ну, скажем, вы про Атлантиду слышали? Оказывается, существует на дне океана город и там живут люди. Вот это жизнь! Все девочки ходят в золотых туниках! А над ними стеклянный купол... Или вот еще: говорят, в каком-то море рыбаки видели морскую змею длиной в тысячу метров... Или я как-то читал заграничную книжку про путешествие в Галактику. Там этих космических кораблей тьма-тьмушая. Снуют взад-вперед. Хочешь — привезут тебя на Юпитер, хочешь — на Сатурн... Девочка там мне одна понравилась, главная героиня. Говорит: «Я простая звездная девчонка». Каково, а? И все это атомная энергия. Да вы знаете, что скоро хлеб не будут сеять, а обыкновенным образом добывать из воздуха?

— Не может быть! — всплеснула руками Маша.

— Ничего особенного. Атомная энергия. Нажал кнопку, и булка падает прямо тебе в руки.

— Манна небесная, — съязвил Багрецов. — Вот лентяев-то разведется!

Кучинский презрительно хмыкнул.

— А как же ты думаешь! Ишачить не будем. Ох, и жизнь, девочки, настанет, будь здоров! — Он оглянулся и, заметив, что из дверей главного здания вышел Курбатов, заторопился: — Ну, мы еще поговорим. А пока — дела, миленькие, дела...

Сегодня Кучинский получил замечание за излишнюю веселость в лаборатории. Надо выбрать подходящий момент и во время вечерней прогулки начальника оправдаться перед ним.

«Собственно говоря, ничего особенного не произошло, — успокаивал себя Кучинский. — Стоит ли обращать внимание на мелкие придирки. На каждый чих не наздравствуешься. У стариков (а для него Курбатов таким и был) своя психология, свои взгляды. Во все времена и у всех народов они завидовали молодости. Их раздражает смех — пикнуть при них нельзя. Ходи по струнке, не смей возражать, покорно сноси капризы, а главное, почтительно выслушивай нравоучения и нотации. Ужасный народ старики!»

Вытирая руки платком, Курбатов спустился по ступенькам. Издали улыбнулся Лидии Николаевне и, устало склонив голову, пошел по краю зеркального поля.

Жора бродил неподалеку. Может, старик сам его зовет?

Павел Иванович не думал о старости. Он был в том цветущем возрасте, когда вместе с сединой приходит творческий опыт, без которого не рождается настоящая наука. До заката еще ой как далеко, а сколько уже сделано! Разве станет инженер Курбатов завидовать юности, ее робким шагам, синякам на коленках, когда еще не выбран настоящий путь! Не будет завидовать потому, что не захочет расстаться с опытом беспокойной интересной жизни, когорую он выбрал правильно. Пржитые годы неповторимы. Были они разные: и хмурые и солнечные, но все они дороги.

Сколько ошибок он сделал, сколько необдуманных поступков! Учился в энергетическом институте, на вечернем факультете, добрался до четвертого курса и бросил. Кто виноват? Страшная жажда деятельности, желание поскорее увидеть тобой созданную вещь, конструкцию, чтобы жила она, работала на человека.

Тогда, еще очень молодым техником, Курбатов показал незаурядные способности. О нем писали в технических журналах, его снимали в кинохронике. К двадцати годам у него уже было несколько авторских свидетельств, премии и благодарности.

Юного специалиста пригласили в одну производственную организацию руководить установкой изобретенных им приборов. Отказаться не мог, к тому же Люба на-

стаивала — дело было выгодным, а ей хотелось похвастаться перед подругами новой шубкой. Не бросая основной работы в лаборатории, Курбатов согласился на совместительство, позабыл про зачеты и экзамены в институте, и с тех пор на анкетный вопрос насчет образования долгое время писал «н/з высшее», то есть незаконченное высшее.

Опомнился, но было уже поздно — увлекся фотоэнергетикой. Она стала целью всей его жизни, и на слушание лекций в институте времени совсем не оставалось. Разве могли его интересовать паровые котлы и генераторы, когда он работал над тем, чтобы использовать энергию солнца!

Он шел трудной дорогой, не искал обходных тропинок. Не хватало систематических знаний, мучительно давалась математика; иной раз ее приходилось заменять экспериментом, долгим, мучительным. Инженеры и ученые, искушенные в теории, с закрытыми глазами умеющие написать сложнейшую формулу, мягко высучивали Курбатова за его пристрастие к эксперименту, когда есть путь более легкий и простой. Но среди них находились и недруги, которым успехи молодого самоучки были не по нутру. Ведь он получал премии, с ним считались не меньше, чем с доктором наук. Его работы высоко оценивались крупнейшими академиками. А завистники этого не прощают.

Война надолго прервала его работу. В первые же дни он пошел добровольцем на фронт, служил в инженерных частях, после демобилизации вернулся в институт и занял скромное место в той же лаборатории, где работал раньше.

Не щадя себя, не зная отдыха, Курбатов стремился наверстать упущенное. Жил отшельником, потерял жену — и наконец, точно проснувшись, увидел, что его давнюю мечту можно потрогать рукой. Нужна специальная лаборатория. Кто же должен руководить ею? Здравый смысл подсказывал: сам изобретатель. Однако в министерстве нашлись товарищи, придерживающиеся иной точки зрения.

Директор института Чичагин, старый опытный инженер, человек в высшей степени прямолинейный, а подчас и резкий, привез в главк проект приказа о назначении Курбатова руководителем лаборатории фотоэнергетики. Начальник главка, сухой, болезненный человек с землистым цветом лица, просидевший на одном стуле

десяток штанов, просмотрел «Личное дело Курбатова П. И.» и, глотнув какую-то таблетку, заявил:

— Вряд ли начальство утвердит. Помилуйте, у человека не только степени, но и диплома нет!

— Зато у него есть талант. Не все члены нашего ученого совета могут его вам на стол выложить. К тому же Курбатов блестящий исследователь, великолепный конструктор и технолог.

— Неудобно, знаете ли. — Начальник главка взял список сотрудников лаборатории и подчеркнул ногтем строчку рядом с фамилией Курбатова. — Что здесь написано? Инженер-практик. А дальше его подчиненные: кандидат физико-математических наук, кандидат технических наук. На должностях младших научных сотрудников у вас проставлены фамилии аспирантов, сдавших кандидатский минимум.

— Минимум, минимум, — взорвался раздосадованный директор. — Мне максимум подавай! Талант мне нужен, и по самому большому счету. Какой он к черту творец, ученый, ежели у него за душой, кроме этого минимума, ни шиша!

— Откуда вы знаете, как себя покажут аспиранты?

— В том-то и дело, что не знаю. Кота в мешке дают, а я подписываю. Ты дальше читай. — Чичагин перевернул страницу. — Старший техник Сапожков, первый рационализатор отдела, драгоценная башка, золотые руки. Инженер-технолог Зисман. Еле вытащил с завода, не отпускали. Или вот еще Захаров — мастер специальной оптики. Или модельщик Санько, гений стеклодув Бархатов. Все себя показали, дел сколько переделали, в них есть огонек, беспокойство и, главное, собственная мысль. Понимаешь, собственная! Вот они-то и есть кандидаты в большую науку. Сам Курбатов их выбирал, а ему виднее, на кого можно положиться, работал вместе.

— Странная у вас позиция, товарищ Чичагин, — кисло улыбнулся начальник. — Вы что же, отрицаете необходимость степеней и званий? А сами?

— Что сам? Я минимумов не сдавал. Не за школярство я степень доктора получил, а за труды, за дела. Понимаешь, дела. Ими ценен человек, а не тем, сколько лет он нагружал свою башку. У иного там чистое серебро, а попробуй достать, чтобы возратить народу, ни черта не выходит. Трясешь его, как копилку, а из нее

лишь медные пятаки. Вот и все мыслишки. — Чичагин безнадежно махнул рукой.

Не договорившись с начальником главка, он обратился к министру и получил поддержку. Лишь тогда Курбатову предложили руководить лабораторией. Вскоре он получил диплом инженера, сдал экзамены экстерном. Прошло еще немного времени, и была организована испытательная станция, где Павел Иванович проводил бóльшую часть своего времени.

Но разве это самое главное? Сейчас рассматривается проект создания филиала в местах менее солнечных, куда особенно влекло Курбатова. Он надеялся, что там будет совсем немного людей и можно будет спокойно работать за лабораторным столом. Не надо сидеть в президиумах, выступать на юбилеях, писать резолюции на заявлениях...

В московской лаборатории ему было трудно. Народу много, не всех узнаешь. По ночам мучился. Может, повременить с выговором? Не забыл ли кого в первомайском приказе? Надо бы Санько отметить. Но тогда Захаров обидится. Думаешь о Захарове и упорно отгоняешь мысль о том, что сегодня опять не проверил новую рецептуру фотослоя, а это очень важно — задерживается разработка технологии... Все нужно, все важно. Есть помощники, но на них не всегда можно надеяться. Настоящие руководители умеют сочетать науку с организационными делами, с будничными заботами. Тулупы и валенки для сторожей, кипятильник для буфета — и рядом перспективный план работ на десяток лет. Другие умеют, а у него не выходит.

Здесь, на зеркальном поле, полегче. Сотрудников — раз, два и обчелся, можно приглядеться к каждому. Беспокоили приезжие, их тоже надо знать. Вот хоть бы эти техники. Ребята вроде толковые. Но что значит эта история с осколком? И вообще — непонятны некоторые поступки Багрецова. Сегодня после работы Кучинский попросил Курбатова зайти в лабораторию посмотреть, правильно ли он начал измерения. Пошли вместе с Кучинским. Входят в лабораторию, и Жора глазами показывает на Багрецова. Тот отпиливал кусок плиты...

Конечно, ничего в этом не было предосудительного — может быть, техник хотел проверить какой-то новый способ контроля или схему присоединения приборов... В конце концов, он мог заинтересоваться структурой яче-

ек и термоэлементов. Но тогда нечего смущаться. А Багрецов вздрогнул и покраснел, точно его застали на месте преступления.

Кучинский загадочно улыбнулся.

— Мы тебе не помешали, старик?

Подойдя к столу, Курбатов заметил, что из плиты уже выпилен довольно большой квадрат.

— Зачем это вам? — пришлось спросить Багрецова.

Тот не мог скрыть замешательства.

— Хотел попробовать... — Багрецов не знал, куда девать руки, и нервно перекидывал с места на место ножовку. Весь его облик выражал крайнее смущение. — Лидия Николаевна разрешила...

— Что разрешила?

— Отпилить...

Больше ничего Курбатов не смог от него добиться. А тут еще Кучинский со своей всепонимающей улыбочкой.

Поди разберись что к чему.

...Павел Иванович дошел почти до конца зеркального поля и повернул обратно, как из темноты вынырнул Жора.

— Простите, Павел Иванович, что я к вам с делами в нерабочее время...

— Срочные дела?

— Да как вам сказать... Трудно работать, Павел Иванович. Я очень уважаю нашу аспирантку. Человек она знающий, но... Хотел взять вторую плиту, а Лидия Николаевна запретила. «Одной, — говорит, — обойдетесь». А какому-то технику для личных надобностей разрешила. Вы же сами видели.

— Почему для личных? Не понимаю.

— Да ведь это радиолюбители. Они все в дом тащат.

— А вы не радиолюбитель? — усмехнувшись, спросил Курбатов.

— Избави бог! Мне не до баловства.

Курбатову не очень понравился этот ответ, но спорить не хотелось, и он спросил, лишь бы замять неловкость:

— Кстати, где вы хотите работать — на заводе или в лаборатории?

— Везде интересно, Павел Иванович, — слукавил Жора, еще не понимая, к чему тот клонит.

— Я бы советовал на завод, в цех. Посмотрели бы, кто сейчас за вас, студентов, трудится.

— Как это за нас? Мы тоже работаем, и не меньше других. Мы не нахлебники. В нашем государстве все равны.

Вежливая предупредительность, с какой Жора начал разговор, исчезла, показалось плохо скрытое самодовольство.

Павел Иванович с минуту молчал, разглядывая студента. Интересно, что у него за душой?

— Да, конечно, равны, — согласился он после паузы. — У нас все работают. Только глубокие старики да инвалиды живут за счет государства. Но есть молодые, здоровые люди, которые готовятся к делу. Это студенты. За них работает народ. И потому они в неоплатном долгу перед страной. Но далеко не все это чувствуют. — Павел Иванович строго посмотрел на Кучинского. — Вы как будто бы морщитесь?

— Но ведь у большинства студентов есть родители, — обидчиво возразил Жора. — Они дают нам возможность учиться и не работать. Я, например, не получаю стипендии.

Курбатов удивленно взглянул на него.

— Вы, значит, считаете, что народ тут ни при чем, если папа вас кормит, одевает и обувает? А кто строит для вас дворцы науки с лабораториями, библиотеками, спортивными залами и даже с бассейнами? Кто содержит профессуру, ассистентов, лаборантов, счетоводов, дворников, уборщиц — целую армию людей, которые работают на вас? Огромные деньги тратит государство на каждого студента за время его обучения.

— Вкладывает как в сберкассу. Потом отработаем.

— Вы уверены? — Курбатов иронически прищурился и, не получив ответа, сказал: — Даже из отличника не всегда получается хороший работник. А бывают и пустоцветы. Хорошо бы их распознавать раньше, еще до поступления в вуз.

Кучинский насупился:

— При чем тут пустоцвет? Не всякий же может быть изобретателем. Есть такие, что звезд с неба не хватают, а устраиваются — дай бог каждому. Один мой приятель кончил институт, и его сразу же взяли в солидное учреждение. Да не как-нибудь, а заместителем начальника отдела. Повезло товарищу...

— Бедный малый, — искренне посочувствовал Курбатов. — С этих лет — да в кабинет! Но не сможете ли вы сказать, зачем молодому инженеру такая должность, коли он еще не работал на производстве?

Тут Кучинский сообразил, что ему не следует спорить с Курбатовым — невыгодно. Он вежливо поддакнул, а для себя решил: «Неисправимый чужак этот Курбатов! С луны он, что ли, свалился? Даже странно, как ему доверяют руководство лабораторией. Неужели он до конца своих дней останется наивным ребенком? Очень нужно производство! Пошлют в пустыню инженером на строительство нового фотоэнергетического поля — сохни там от жары. Удовольствие маленькое».

Жора Кучинский был твердо убежден, что попасть «с этих лет в кабинет» — высшее счастье для молодого специалиста. По настоянию матери отец уже «проветилировал вопрос» об устройстве сына на приличное место, но надежда была слабая. Младший Кучинский решил действовать сам. На худой конец, можно согласиться на лабораторию в каком-нибудь столичном научно-исследовательском институте. Шут с ней, с фотоэнергетикой. Можно испытывать фотоэлементы для кино...

— У меня к вам, Павел Иванович, просьба. — Кучинский скорчил слащавую мину. — Нельзя ли с ближайшей оказией посылочку матери отправить? Сухофрукты здесь замечательные. Курага как янтарь, а персики... — он поцеловал кончики пальцев.

— Что же вы из Ташкента не отослали?

— Закрутился, Павел Иванович. В самый последний момент вспомнил. Пришлось сюда везти. Прошу извинить, но я и на вашу долю захватил.

— Напрасно.

Кучинский показал в улыбке золотой зуб.

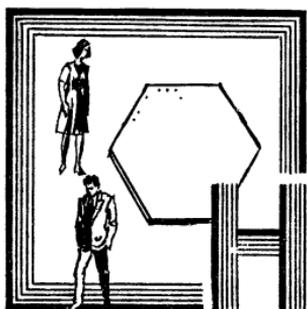
— Пустяки, Павел Иванович. Вам некогда, а я это сделал заодно. И не вижу ничего дурного в том, если мы, молодые, пусть хоть в мелочах, будем внимательны к старшим. Тем более что работать я у вас не собираюсь. Через месяц расстанемся как в море корабли.

— Ну это как сказать. Если здесь построят медный комбинат, понадобятся и специалисты нашего дела. Ведь это первый выпуск.

— Да, конечно. — Кучинский вздохнул и снял шляпу. Ему стало жарко. — Гора с горой не сходится... Про-

стите, я должен выключить термокамеру, уже время. — И, обмахиваясь шляпой, он исчез.

Курбатов пошел дальше по краю светящегося поля, думая об этом студенте, о техниках, с которыми он еще не установил нужного контакта. Невольно вспомнилось сегодняшнее смущение Багрецова. Да, странно, очень странно. А многозначительный взгляд Кучинского?.. Хотелось бы лучше думать о людях. Мелочь, все это мелочь. Но, поди ж ты, не выходит из головы! И этот разговор с Кучинским. Не взять ли его на работу? Человек он исполнительный. Что же касается науки, то она сама заставит себя полюбить. Ведь Кучинский еще очень молод. Однако трудные, каменистые дороги под палящим солнцем, в дождь и ненастье ему, кажется, не по нутру. Видимо, он ищет тайную тенистую аллею, по которой можно пробежать к успеху, засесть в кабинет и не думать о том, что дороги в науку бесконечно длинны и нет им ни конца ни края...

Глава 7. ТРЕВОГА

ад зеркальным полем горела луна. Мерцали крупные южные звезды. Ничего этого Курбатов не замечал. Перед его глазами возникали давно покинутые родные места.

Привык он к здешнему щедрому солнцу, к вечной зелени на берегах озер и каналов, нравились ему и рощи саксаула — скупого, жестколистого, богатые ташкентские сады и виноградники, ароматные чарджуйские дыни. Пусть пески окружают эти благословенные места, но и пески отступают перед упорством и разумом человека. Прекрасный край, где солнце трудится вовсю.

Курбатов знал, сколько оно дает тепла. Аппараты, привезенные техниками из института метеорологии, передавали на центральный пульт и температуру, и силу света, и спектральные данные. Он мог узнать, много ли днем падает на землю ультрафиолетовых лучей, сколько вечером — инфракрасных...

А там, в родных местах, на полях Орловщины, совсем иное солнце — скупое, негорячее. Зимой его не допросишься, а летом часто видишь только сквозь облака. Стрелки фотометров отклоняются еле-еле, а термометры-самописцы вычерчивают спокойные кривые, редко поднимающиеся выше двадцати градусов. Разве это работа?

Во всех областях Средней России земля получает от солнца сиротскую долю тепла — во много раз меньше, чем на юге. Если бы где-нибудь неподалеку от Орла или Смоленска построить зеркальное поле, такое же, как в Узбекистане, то оно бы себя не оправдало. Солнце выдавало бы свой жесткий паек, да и то летом. А зимой редкие холодные лучи, процеженные сквозь густое сито облаков, могут лишь заставить почернеть фотопластинку, а чтобы дать энергию для моторов и освещения — это почти безнадежно.

И все же Курбатов надеялся. Он чувствовал себя должником перед родным краем. Земли там бедные, сколько труда приходится вкладывать, чтобы удобрить их, задержать талые воды, сохранить посевы! Это не жирные земли Кубани, не солнечная Грузия, где палку в огороде воткнешь — и она растет. Скромны дары родной земли.

Много ездил Курбатов по стране, бывал на прославленных курортах, жарился на песке Евпатории, купался в Гурзуфе, встречал восходы солнца на Ай-Петри, бродил под пальмами Гагры и Сухуми, плавал по Каспию, гулял в садах Алма-Аты. И всюду солнце, щедрое солнце. Он хотел его заставить работать везде и с полной нагрузкой, чтоб не было чересчур обласканных мест или совсем забытых, как Заполярье, где полгода торчит на небосклоне холодное, декоративное светило.

Этот холодный свет Курбатов когда-нибудь тоже заставит работать. Вот где простор для зеркальных полей! Но займется он этим во вторую очередь. Прежде всего надо проверить, что может получиться в родных местах.

Он шел по зеркальному полю в среднеазиатской пустыне, а думал о среднерусских полях. Будто потянуло запахом свежего сена и дымком от костра. На предутреннем розовом небе жидкие белесые облака, в пойме реки темнеют стога. Они, как шапки, расставлены по полю. Заросшая камышом речушка, турбины тут не поставишь — ни света, ни тепла.

Годы и годы Павел Иванович занимался повышением коэффициента полезного действия фотоэлементов, которые можно бы применить не только на юге. Наконец ему удалось создать новый фотоэнергетический слой. В «ячейке Курбатова» он преобразовывал даже слабые солнечные лучи в достаточно ощутимую электроэнергию. После всесторонней проверки новых плит и в Москве, и здесь, на испытательной станции, директор института Чичагин согласился организовать филиал курбатовской лаборатории в средней полосе России. Павел Иванович высказался за Орловскую область. Составили проект и передали на утверждение.

Курбатов с нетерпением ждал ответа. Конечно, сразу он отсюда не уедет — надо все подготовить для строительства медного комбината: расширить поле, обучить молодых инженеров и техников, а потом домой, домой...

Курбатов не стыдился этого властного чувства. Тоска по родным местам часто не давала покоя. Он жаждал новой деятельности там, где, ему казалось, это было важнее всего.

Совместными усилиями московских инженеров, Узбекской академии наук и ташкентских строителей была создана испытательная станция. Все понимали, какое исключительное значение для республики могут иметь зеркальные поля Курбатова. Такого инженера нельзя отпускать из Узбекистана. Он заслужил и любовь и уважение.

Но Павел Иванович не мог здесь оставаться. Выходил вечером в пески и, смотря на закатное солнце, думал: «А у нас уже коров подоили...» В прошлом году он проводил свой отпуск на родине. Жил у сестры, неподалеку от совхоза, где она работала зоотехником. Никогда бы не расставался с родными местами, лугами, перелесками, сырыми, прохладными оврагами, где слышится песня ручья. Тянет туда, тянет.

Однажды он признался в этом своему шоферу Алимджану. Тот вежливо намекнул, что в родной стране всюду хорошо. Работал он в Баку, Свердловске, где-то возле Липецка, сейчас вернулся домой. Тоже недурно.

— Тогда поедем со мной в новую лабораторию, — предложил Курбатов. — Гараж там побольше будет, не то что здесь. Поедешь?

— Нет, дорогой, не проси, не могу. Очень жалко расставаться. Такого начальника где найдешь? Но я уж лучше на комбинате буду работать. Здесь тоже нужно.

И Курбатов понимал его. Вот Лидия Николаевна поедет, она орловская, ей там нравится. Он показывал ей проект строительства. Уже и место выбрано — неподалеку от деревни Высоково. Открытое, ровное, раньше здесь картошку сажали.

Но стоит ли занимать землю зеркальными полями, ведь это колоссальные затраты, а каков экономический эффект? Зимой поля покроются снегом, свет будет еле-еле проникать сквозь его толщу.

Все было продумано Курбатовым — и защитные насаждения вокруг энергетических полей, и мощные воздуходувки, которые сметают снег на больших пространствах. Предусмотрена защита от гололеда, ливней. Там, в Высокове, впервые будет использован комплексный метод аккумуляирования электроэнергии. Все взвешено и подкреплено бесчисленными колонками формул и цифр.

Одно время у Курбатова был проект подавать энергию из солнечных районов страны по проводам. В Узбекистане можно построить зеркальные поля, а где-нибудь в Орловской области пользоваться их энергией. Оказалось невыгодно — слишком дороги линии электропередачи. Лучше получать энергию на месте, пусть даже в меньшем количестве.

Все решали расчеты. Он доказал выгодность постройки под зеркальным полем парников и оранжерей, которые будут отапливаться электроэнергией, полученной от курбатовских плит. Тогда, как и здесь, в Узбекистане, можно будет снимать по три урожая в год. На столе орловцев или рязанцев даже зимой появятся свои свежие фрукты, ягоды, овощи, только что снятые с грядки.

Почти даровая электроэнергия. Ведь зеркальное поле — самая простая и самая совершенная электростанция. Одного человека достаточно для ее обслуживания. Правда, не сейчас, а через несколько лет, когда будут решены многие пока еще не ясные вопросы.

Каждый настоящий ученый должен быть мечтателем, должен уметь заглядывать вперед. Таким был и Курбатов. Он уже видел сотни и тысячи зеркальных полей в разных концах страны.

Далеко не все восторгались работами Курбатова. Некоторые считали его прожектором. В самом деле, еще и года не прошло, как построено опытное поле в Узбекистане, еще не проверено, как поведут себя курбатов-

ские плиты при долговременной эксплуатации, а он уже настаивает на организации новой лаборатории под Орлом. Неужели Курбатов не понимает, что даже в случае успеха строительство фотоэнергетических полей в Средней России никогда себя не оправдает? Ведь есть куда более совершенные способы получения электроэнергии.

Совсем недавно Курбатов летал в Москву узнавать судьбу своего проекта.

— Езжайте сами к начальству, — посоветовал Чичагин. — Я уже там порядком надоел.

Начальника управления, того, кто занимался проектом, Павел Иванович не застал, пришлось разговаривать с помощником, остроносеньким молодым человеком в огромных круглых очках.

— Чибисов, — представился он, откладывая газету. Курбатов назвал себя и грубовато заметил:

— Что-то я вас здесь не встречал.

— Я тоже, — с некоторой заносчивостью отпарировал молодой инженер. — Но с вашими работами встречался. Кстати, мне пришлось докладывать о вашем последнем предложении.

— Ну и что же? Есть решение?

— Будет, — уклончиво ответил Чибисов. — Простите, вы не видели пятого номера нашего журнала? Наверное, почта приходит нерегулярно?

— Есть такой грех. А что там, статья по фотоэнергетике?

— Нет, о других делах, поважнее.

И Чибисов протянул Курбатову журнал, который открывался статьей о новой атомной электростанции и перспективах развития атомной энергетики.

— Да, этим можно гордиться, — проговорил Курбатов, быстро перелистывая страницы. — Так, так... Принцип интересный, но об этом я уже знал.

Посматривая на него сквозь очки, Чибисов чего-то выжидал, наконец спросил осторожно:

— А не думаете ли вы, Павел Иванович, что нам придется пересмотреть планы на будущее?

— Обязательно. В практическом решении вопроса атомники оставили нас далеко позади. Помню, когда я услышал по радио об их успехах, то для меня это было вроде как звук трубы. Он зовет нас...

— Куда, Павел Иванович? — с подчеркнутой безнадежностью перебил его Чибисов. — У них беспредельные возможности. А мы чем занимаемся? Ну что стоит

ваше опытное поле с жалкой тысячей киловатт, когда у них уже сотни тысяч?

Курбатов вздохнул. Как скоро этот юноша сделался ограниченным чиновником, который дальше своего носа ничего не видит. Оперировать цифрами, а они для него сухие, неодушевленные. Разве в мощности дело? Стране нужна дешевая энергия, добытая любыми путями: с помощью атомного реактора, силы падающей воды, ветра, солнца. И через сотню лет будут работать гидростанции, ветряки, фотоэнергетические поля. Все останется, кроме тепловых электростанций, где сжигаются уголь и нефть.

Задумчивость Курбатова Чибисов расценивал по-своему: «Конечно, неприятно, когда тебе перебегают дорогу. В самом деле, кому сейчас нужны курбатовские плиты?»

Он важно откинулся в кресле и, похлопывая себя по коленям, цедил снисходительно:

— Ничего еще не известно, Павел Иванович. Проект находится у начальства. Скоро вас, наверное, вызовут. Но в крайнем случае мы найдем применение вашим новым плитам. Не пропадут. Нас уже запрашивали из Туркмении — строится консервный завод. Потом еще нужны походные бани для изыскательских партий. А на днях мы получили письмо из Главного управления госцирков...

Курбатов резко повернулся и, ни слова не сказав, вышел.

Что спросить с мальчишки Чибисова? Неумен и бестактен. Но он осторожен и не стал бы высказываться столь резко о постройке нового опытного поля, если бы не знал точки зрения своего начальства. Спасибо за предупреждение. И Курбатов, минуя все промежуточные инстанции, попросил доложить о себе главному руководителю.

Это был человек средних лет, с голубыми глазами, в безукоризненно сшитом коричневом костюме. Он вышел из-за стола и направился к изобретателю.

— Я хотел бы знать — стоит ли мне рассчитывать на постройку нового опытного поля? — спросил напрямик Курбатов, усаживаясь в предложенное кресло.

— Рассчитывать вы должны. Но приготовьте надежное оружие. Противники у вас серьезные.

— И много?

— На ваш век хватит. — И заговорил уже другим тоном: — Поймите, Павел Иванович, что фотоэнергетика

уже перешагнула ведомственные рамки нашей организации. Приходится оглядываться на соседей, советоваться с ними. Вот почему мы еще пока не решили вопрос о новом строительстве. Место для него очень неподходящее.

— Почему же неподходящее? У меня полные расчеты.

— Полные? А вот знающие люди утверждают, что вы недостаточно проверили возможную усталость фотослоя и что неизвестно, как поведут себя плиты К-8 при сорокаградусных морозах. Кроме того, специалисты указывают на неоднородность ячеек, ссылаются на значительный обратный ток.

— Неправда. В последних образцах обратный ток уменьшен...

— Вот именно — в образцах. А что будет при серийном выпуске? Но я не хочу вас пугать. Кроме того, не всем специалистам, критикующим ваш проект, можно верить. Есть еще такие, которые больше всего заботятся о чести мундира. Как это, мол, нас не спросили и вдруг придумали какую-то фотоэнергетику? Но в основном вашим проектом занимаются люди, искренне заботящиеся о судьбах советской науки. Вы же понимаете, Павел Иванович, во сколько обойдется новая лаборатория? Приходится быть осторожным.

Кто же с этим не согласится? Курбатов еще и еще раз проверит новые плиты. Можно здесь, в лаборатории, на заводе. Пусть проверка будет самой жесткой. Надоели мелочные придирки противников, а жаловаться неудобно. Понятна ли здесь позиция руководителя лаборатории солнечных термогенераторов? Почему тот категорически возражает против объединения термоэлементов и фотоэлементов в одной ячейке? Очень просто: это грозит слиянием двух лабораторий в одну, и неизвестно еще, кто там будет начальником...

Разумеется, этот начальник тщательно (и очень умело!) скрывает истинную причину своего недовольства проектом Курбатова, находит в нем десятки мелких погрешностей, раздувает их в серьезные недостатки. А так как в этой технике понимают пока немногие, то очень трудно уличить его в передержке. И с мнением его тоже считаются. Авторитет.

Прощаясь, Курбатов остановился в дверях.

— Я еще раз проверю наиболее уязвимые места в проекте, проведу новые испытания. Но палок в колесах не избежать.

— Не бойтесь. Палки ломаются.

И вот, несмотря на то, что плиты восьмого сектора работали безотказно уже не один месяц, Курбатов заставил себя позабыть об этом и начал испытания заново. В лаборатории стояли белые, герметически закрытые шкафы. В одном из них была создана тропическая жара, в другом — арктический холод, в третьем создавалась сырость. Внутри по стенкам текла и испарялась вода.

В эти шкафы Курбатов закладывал испытываемые плиты, потом через несколько суток вынимал и проверял в работе. Он создавал для них невыносимые условия: сразу же из холода перебрасывал в жар, потом поливал искусственным дождем и вновь замораживал. Такого климата на земном шаре не существует, но Курбатов с ожесточением мучил свои ячейки, чтобы никто не мог спросить: «А скажите, Павел Иванович, вы пробовали их на пятидесятиградусном морозе? Ведь в среднерусской полосе такая температура вполне вероятна». И Курбатов спускал температуру в камере холода до семидесяти градусов. Ячейки работали нормально.

В этих испытаниях ему помогала Лидия Николаевна. Сегодня после работы она поздравила Курбатова.

— Все хорошо, Павел Иванович. Придаться абсолютно не к чему. Пошлите протоколы в Москву, и сразу же начнется строительство.

Курбатов был настроен весьма благодушно, шутил, улыбался. Испытания закончены, теперь уже никто не посмеет сомневаться, называть тебя прожектором и ставить палки в колеса. Колесница мчится на полном ходу.

— Лидия Николаевна, а какие у вас планы на будущее? Не хотели бы поработать в родных местах? А?

— Там видно будет, Павел Иванович.

Вечером его опять потянуло в лабораторию. Он ходил вдоль столов, присаживался то за один, то за другой и чувствовал себя как-то странно. Огромный черный глаз смотрел на него со стены. Это мощный фотоэлемент, который испытывался в лаборатории. Тогда он показал себя хорошо, но потом, когда его привезли сюда и стали проверять под действием луча яркого светильника, то обнаружилась усталость фотослоя, чего не наблюдалось в плитах зеркального поля.

Захотелось еще раз проверить плиту К-8, уже побы-

вавшую на поле: каков процент ее усталости? Он не должен быть более пяти, то есть напряжение, которое плита даст после часового облучения, остается почти неизменным. Плита эта уже испытывалась, с нее был снят нижний слой пластмассы.

Павел Иванович подтащил плиту к проекционному фонарю с объективом, направленным вниз, как у фотоувеличителя, надел защитные очки и щелкнул выключателем. Розово-лиловый ослепительный кружок остановился на одной из ячеек плиты, провода от которой Курбатов присоединил к вольтметрам. Делал он все это спокойно, привычно и терпеливо.

Но что это? Он вздрогнул, будто кто-то толкнул его в спину. Стрелка одного из вольтметров скользнула к нулю, а через секунду вновь показывала требуемое напряжение.

Курбатов проверил проводнички. Они шли к контактам освещенной ячейки. Возможно, плохой контакт? Нет, все в порядке, провода закреплены наглухо. Он переместил световое пятно на другую ячейку. Опять прыгает стрелка. Холодный пот выступил на лбу. Что же это получается? Значит, со временем перерождается слой? Значит, в нем происходят какие-то непонятные явления? Вот опять ползет стрелка. Невозможно поверить. Вдруг это случится не в одной-двух ячейках, а в десятке, в сотне? Выйдет из строя половина плиты. В следующей тоже. Зеркальное поле будет давать все меньше и меньше энергии, пока не погибнет окончательно. Тогда всему конец. Здешнюю лабораторию приспособят под дом отдыха. Танцплощадка уже готова. Перед глазами скачет Кучинский, две аккумуляторщицы с ним. Они часто танцевали.

Курбатов сбросил пиджак, хотел повесить на спинку стула, но некогда, кинул на стол.

Ослепительный, будто добела раскаленный пятачок бегаёт по ячейкам плиты, ошетилившейся пестрыми цветными проводами.

Но, может, это случайность? Попались испорченные ячейки. Зачем отчаиваться раньше времени? Дрожащими руками Курбатов присоединяет концы проводов к вольтметрам. Застыли стрелки. Почти каждая из них показывает одинаковое напряжение. Ячейки работают нормально.

Сбросив защитные очки, Курбатов впивается глазами в неподвижные стрелки, страхась, что вот опять какая-

нибудь вздрогнет и пугливо упадет к нулю. Проходят минуты, мечутся огненные пятна на белых блюдах вольтметров. Нет, стрелки не шевелятся.

Мучат сомнения. Видно, нельзя безнаказанно повышать чувствительность фотослоя — яркий свет ему вреден. Значит, на восьмом секторе есть немало погибших ячеек. Но как найти их? Нельзя же от каждой ячейки выводить провода. Ведь их тысячи! Испытать одну-две плиты? Но что это даст? А вдруг в соседних окажутся десятки пробитых ячеек?

Стрелки замерли в неподвижности. Курбатов перевел дух. Не так страшно, предполагал самое худшее. Так и нужно, в этом особенность творческой мысли, чтоб предвидеть любую неожиданность — пусть на первый взгляд и маловероятную, — чтоб не застала врасплох.

Все сливается в одно болезненно яркое пятно. Курбатов ищет очки и не видит, а скорее чувствует, как стрелка крайнего вольтметра падает вниз и застывает черной итоговой чертой. Под ней нуль — оценка всей его работы.

Курбатовские ячейки умирают. Вот опять стрелка шевелится. В ячейке еще теплится жизнь, но скоро угаснет. Ячейка слепнет, и падающая стрелка говорит о конце.

Рванул на себе воротник. Душно. Пуговица запрыгала на полу. А дуга горит, зловеще потрескивая. Своим безжалостным светом она готова выжечь глаза всех ячеек, чтоб погасла в них жизнь, чтоб остановился ток в проводах, чтоб не могли они служить человеку. Курбатов переживал смерть каждой ячейки, как гибель близкого существа. Хотел выключить светильник, но не мог прекратить страшного опыта. Стиснув зубы, он присоединял вольтметры к другим ячейкам и ждал, какая из них умрет скорее.

В заводской лаборатории эти испытания проводились не раз. Брели несколько плит из очередной серии и также в свете ослепительного луча проверяли, не уменьшится ли через определенное время общее напряжение, получаемое от ячеек. Результаты оказывались неизменными: стрелки вольтметра часами стояли на одной и той же отметке.

Но почему же сейчас гибнут ячейки? Плита проверена на заводе. Вот в уголке выбит штамп ОТК. Технический контроль.

Разгадка была простой и страшной. Эта плита после

многих месяцев работы взята с восьмого сектора. Задумав ее испытать, Курбатов с ювелирной тонкостью сам припаивал выводные проводнички к серебряным пелоскам, нанесенным на пластмассу. Лишь сейчас он пожалел, что не заказал этих выводов на заводе. Пусть хотя бы на нескольких плитах сделали, иначе невозможно проверить каждую ячейку. Для опытов он получал их в коробочках, отдельно. «Так вот оно в чем дело! — Курбатов провел по лбу мокрым платком. — Значит, когда я раньше наблюдал уменьшение напряжения на отдельных плитах восьмого сектора, это объяснялось не усталостью фотослоя, а выходом из строя отдельных ячеек. Но сколько их? Какой процент? И причина? Главное — найти причину».

Он машинально вытер плиту и перевернул ее. Конечно, измеряя напряжение каждой из них, можно узнать, в какой больше всего испорченных элементов. Ведь до установки плит на восьмом секторе было известно, сколько вольт они дают. Но это будет неточно. А вдруг в самом деле появилась усталость слоя или другая, не менее страшная болезнь? Теперь ни за что нельзя было ручаться. Для чистоты эксперимента, для полной уверенности, что ты не ошибся, надо измерить напряжение на тысячах ячеек восьмого сектора. Но как к ним добраться? Спилить нижний слой пластмассы, как он сделал на одной плите? Ужасно долгая и трудная работа. А потом что? Подпаивать тончайшие выводные проводнички ко всем ячейкам? Нужны месяцы и десятки людей, чтобы это осуществить.

Сразу перед глазами его возникло развороченное поле, плиты, уложенные штабелями, и Чибилов, приехавший в составе комиссии. Она должна сделать кое-какие организационные выводы. В самом деле, разве человек, у которого нет ученой степени, может возглавлять лабораторию? Вот вам и результат налицо.

«А не послать ли телеграмму, чтоб мои сотрудники проверили? Потом еще на завод... Невозможно. И Чибилов, и тот, другой, из лаборатории термогенераторов, воспользуются моей неудачей, раструют по всему институту... Нет, нет... — Курбатов бросился к шкафу и взял от туда еще одну плиту К-8. — Я сам ничего не знаю...»

Он долго распиливал ее — надо вскрыть выводы от ячеек. Затем, задыхающийся от нервного и физического напряжения, положил плиту на лабораторный стол.

Ячейки слепли.

Курбатов выключил светильник. В лаборатории сразу стало темно, хотя и горел верхний свет. Глядя сквозь синее окошечко на остывающие угли, он сидел, бездумно отдыхая. Наконец боль в глазах утихла, можно было различить на столе и плиту, и приборы, и лабораторный журнал, в который он по привычке записал номера испорченных ячеек.

Чуть скрипнула дверь. Вошла Лидия Николаевна. Платье на ней было зеленое, но сейчас, после яркого света, Курбатову оно показалось розовым. Остановившись у порога, Лида спросила:

— Можно, Павел Иванович?

— Да. — Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Лида помедлила, неслышно прошла к столу, рассеянно с места на место переставила пробирки.

— Анализ готов.

— Какой анализ? Ах, этот...

Чувствуя неловкость, Лида хотела было уйти, но Курбатов ее остановил.

— Анализ нужен другой. Садитесь. — Он подвинул к ней стул. — Здесь у меня отмечены номера испорченных ячеек, — равнодушно сказал он, водя пальцем по строчкам. — Почти короткое замыкание...

— Отчего?

— Если бы я знал, не утруждал бы вас. Прежде всего необходим полный химический анализ. Затем...

И Курбатов спокойно говорил ей о сущности явления, которое он обнаружил, о том, как можно вынуть из плиты запрессованные в них ячейки, тут же написал на листке программу исследований, положил перо и с горечью признался:

— Но выводов мы никаких не сделаем. Материала недостаточно.

Лида поняла, что сейчас беспокоит Курбатова. Положение угрожающее, и только массовым исследованием ячеек можно найти пути борьбы с их болезнью. Это как в медицине, где требуется огромный опыт и массовая проверка лечебных средств.

— Если нужно, исследуем сотни, тысячи ячеек, — говорила Лида. — Возьмем для начала первые плиты восьмого сектора.

Молча Курбатов перевернул тяжелую плиту, и она, как показалось Лиде, тут же превратилась в дикобраза с мягкими проволочными иглами.

— Видите? Пришлось распилить. Провода я целый день припаивал. А много ли сделал? Трудно. Слой серебра очень тонкий. Ничего не выйдет, Лидия Николаевна.

Он пожелал ей спокойной ночи, попросил запереть лабораторию и, понурившись, пошел к двери.

— Кстати, — сказал он, обернувшись у порога, — наш разговор о новой лаборатории считайте несостоявшимся. Простите за легкомыслие.

В другое время Лида бы не удержалась от насмешки. Какой же он ученый, если в себя не верит? А еще мужчина! Разнюнился — проводнички не припаиваются! Но сейчас промолчала, понимая, что дело не в проводничках, а в чем-то гораздо более сложном. Мечта о многих зеркальных полях становилась призрачной, эфемерной. Для Курбатова это было полной неожиданностью и крушением всех надежд. С какой радостью и юношеским задором мечтал он о северных полях, о новом применении его фотоэнергетического слоя...

— Представьте себе, Лидия Николаевна, — рассказывал он, прикалывая к чертежной доске бумажный лист и рисуя на нем толстым синим карандашом. — Это вот вагончик трактористов. Видали, наверное, такие? Трактористы привезли с собой большой рулон специально обработанной ткани или пленки, на которой напечатаны — да, да, напечатаны! — фотоэнергетические ячейки со всеми необходимыми соединениями. Рулон этот разматывается прямо на земле — и, пожалуйста, походная электростанция готова к работе! Она заряжает аккумуляторы, питает радиостанцию, электроприборы, все что хотите. Такую пленку можно разостлать возле избышки лесника, бакенщика, высокогорной обсерватории, у зимовщиков Арктики, где угодно. Из этой ткани можно шить палатки. Вот она, свернутая, за плечами альпиниста... Поймите, что это значит, когда мы получим миллионы метров фотоэнергетической ткани! В магазинах ее будут резать ножницами, как простую клеенку. Заплатили за десять метров — и у вас уже собственная электростанция, без всяких бензиновых движков и генераторов. Разве это не чудо?

Конечно, чудо. И Курбатов рисовал, уже не на бумаге, а взволнованно-восторженными словами близкую возможность создания такой пленки. Правда, трудности огромны: пока еще не удастся получить прочный фотослой, чтобы он не ломался при свертывании рулона; потом придется повысить полезную отдачу его — ведь в

ячейках не будет термоэлементов, как в плитах К-8. Но все это не принципиально. Еще два-три года работы, и первые десятки метров фотоэнергетической ткани можно будет послать, скажем, на дрейфующую льдину для практических испытаний.

— А пока займемся ими на снежных полях возле Высокова. Вас это интересует? — спросил он у Лиды в заключение разговора.

Потрясенная оригинальностью и смелостью его идеи, Лида тогда пробормотала что-то невнятное и весь день ходила под впечатлением курбатовского изобретения. Удивительный он человек! Все ему мало, все он торопится. Ну, подождет бы, пока решится судьба здешнего зеркального поля. Так нет, он загорелся мыслью о северных полях и, пока рассматривается проект высококовской лаборатории, уже мечтает о рулонах фотоэнергетической пленки.

Сейчас Лиде казалось, что стоит лишь открыть загадку испорченных ячеек, как все мечты Павла Ивановича превратятся в реальную действительность.

Тишина. Все окна закрыты. Уже давно выключена холодильная установка. Жарко. Лида ходит тяжелыми шагами. Тоненько позвякивают пробирки на столе. Подошла к другому, где лежала плита с ослепшими ячейками, и, рассматривая тонкий серебряный узор, подумала: «Неужели все зависит от какой-то чепухи, от проволочек, которые не припаиваются? Надо попробовать».

Она поискала в шкафу осколок испорченной плиты, включила самый маленький паяльник и, когда он нагрелся, притронулась залуженным концом к канифоли. Голубоватая струйка дыма заметалась над столом. Подцепив крохотный кусочек олова, Лида попыталась связать его с серебряной полоской на плите, но, сколько ни водила паяльником, так ничего и не добилась. Серебряный слой протерся, пластмасса под ним вспучилась, а капелька олова упрямо не хочет прилипнуть.

С присущим ей упрямством, высунув кончик языка, будто так легче работать, Лида пробовала сначала расплавлять канифоль на серебре, потом класть на него крупинку олова и, лишь чуть тронув паяльником, сразу же отдергивать руку. Ничего не получалось. Олово отскакивало. А если чуть перегреешь, тонкая полоска моментально прогорала. Лида выключила паяльник, подождала, чтобы он немного остыл, и начала снова. Но пайка не получалась.

Только бесконечное терпение, воспитанное на сложных и очень тонких лабораторных анализах, удерживало Лиду за столом. Она во что бы то ни стало хотела изучить незнакомую ей технологию припайки выводов к тончайшему металлизированному слою, чтобы найти новый способ, который бы дал возможность быстро и надежно припаять тысячи проводников. Иначе загадка умирающих ячеек никогда не будет разгадана.

Чего только Лида не делала! Это было настоящее планомерное исследование. Мешала повышенная нервозность. За окном уже светлело, скоро начнется трудовой день, когда Лида должна заниматься своими основными делами. Возиться с паяльником никто ей не поручит. Но сейчас это было нужно. Очень нужно.

Легкая, пока еще неуверенная радость закралась в сердце. Уже получается, уже успех: капелька прочно держится на серебряной полоске. Теперь к ней нужно припаять тонкую проволочку. Новая беда — слишком тонкий проводничок обламывается, а возьмешь чуть потолще — отрывается вместе с полоской.

С холодным ожесточением Лида продолжала поиски. Наконец нашла и лишь тогда убедилась, что, если бы она захотела вывести проводнички от всех ячеек только одной плиты, ей пришлось бы потратить целый рабочий день. Но даже не в этом дело. При всей ее аккуратности не меньше одной трети соединительных полосок, которые идут к выводным шинкам, безнадежно портились.

Надо придумать что-то другое.

Лида распрямила уставшую спину, погасила свет и лишь тогда заметила, что утро уже наступило.

Глава 8. ПЯТНА НА ЗЕРКАЛЕ

а испытательной станции работала самая несчастная девушка в мире. Такой считала себя Нюра Мингалева. И к этому у нее были основания.

Странности любви встречаются в жизни нередко, однако Нюра от этого не легче. Почему бы, скажем, двадцатидвухлетней Нюре, девушке если не очень красивой, то довольно привлекательной, не обратить благосклонного внимания на симпатичного, веселого студента Жору Кучинского или на восторженного Багрецова? На испытательной станции были и другие мужчины. Как бы ни подсмеивался Жора Кучинский, что женихов в пустыне не сыщешь, он все же преувеличивал. Прекрасный парень шофер Алимджан: человек с образованием — окончил техникум, — мастер на все руки, умен, красив и вечерами появляется в белой шелковой рубашке, перетянутой лакированным ремнем. И Нюра замечала, что Алимджан вздыхает по ней.

А Нюра... Нет, никому бы она не выдала своего секрета.

Однако Маша его разгадала.

— Ты мне брось эти штучки, — сказала она однажды. — В щепку превратилась. Да разве он тебе пара?

Нюра попробовала схитрить:

— Нужен мне твой Кучинский!

— Я не про Кучинского, — отрезала Маша. — На начальника нечего глаза пялить. Совесть потеряла. Ведь он ученый. А ты кто? У него, поди, в Москве жена — профессор или артистка.

Закрыв лицо руками, Нюра прошептала:

— Никого у него нет. Жора рассказывал, он все знает...

— Все равно нечего сохнуть. Неровня. Ему под пятьдесят, а ты девчонка. Руби дерево по себе.

Нюра промолчала. Да разве она виновата? Ведь не старое же время, когда графини только за графов выходили. Необразованная, это верно. Ну и что ж? Учиться будет, книжки читать. Она уже начала заниматься. Лишь бы он не уехал отсюда, тогда ей не жить. Но почему на ее долю выпала самая трудная в мире любовь? Знала бы раньше, поостереглась, не стала бы глаз на него поднимать, уши заткнула бы ватой, чтоб голоса его не слышать.

Поздно. Притаившись за окном, ждала, когда он пройдет на зеркальное поле, прислушивалась, не принесет ли ветер тихое его словечко. Ночью прижимала к губам руку, которую он держал, когда здоровался.

Недавно она почувствовала что-то вроде ненависти

к нему. Зачем он ходит в аккумуляторную? Зачем тревожит, мучает? Но когда ему случилось по несколько дней не отходить от лабораторного стола и Нюра его не видела, было еще страшней... Пусть приходит, пусть все останется по-прежнему. Пытаясь разобраться в своих чувствах, Нюра спрашивала себя — чем же покорила ее Павел Иванович? Конечно, таких людей она еще не встречала. В Запольске ученых не было. Но разве в этом дело? Не все ли равно, кто он — ученый, инженер, землекоп? Он просто Павел Иванович, молчаливый, душевный, ласковый. При самой первой встрече, когда Нюра пришла к нему с направлением на работу, он долго расспрашивал ее, журил, что училась мало, дал список книг, которые советовал прочесть. А глаза у него открытые, чистые; такие глаза никогда не лгут. Он выходил из лаборатории, и Нюра, спрятавшись в кустах, следила за ним любящим, преданным взглядом.

Ей казалось, что любовь может сделать все. Но не сразу. Она боялась разлуки. Ведь Павел Иванович сам говорил, что тут будет строиться медный комбинат, где обойдутся без всяких аккумуляторных: поставят волчки, вроде того, какой здесь испытывается, — и Нюра с Машей не нужны. С ненавистью прислушивалась Нюра к тонкому гудению распроклятого волчка — этот непонятный бессердечный автомат может разлучить ее с Павлом Ивановичем.

А Курбатов ничего не замечал. Для него Нюра была одной из сотрудниц — и только. Правда, за последнее время Нюра ему чаще попадалась на глаза. Но какое это имеет значение для человека, у которого столько забот?

Ничего не зная о новой лаборатории, Нюра боялась лишь одного: приедет комиссия, примет опытное поле, и Павел Иванович уедет на другое строительство. Только бы выиграть время. Любовь делает чудеса. Узнает о ней Павел Иванович, узнает! Ну а там уж пусть будет что будет!

И вот, несмотря на разные причины, желания Нюры и Кучинского совпадали: надо оттянуть время строительства и пуска медного комбината. Пусть фотоэнергетическое поле испытывается подольше.

Перед отъездом на практику Кучинский зашел в главк к своему другу инженеру Чибисову, которому очень завидовал.

— Прощай, старик, не поминай лихом. Поеду рыть

себе могилу. И черт меня дернул пойти на это отделение!

То и дело поправляя большие очки, молодой инженер говорил сдобным, солидным голосом:

— Ничего, поможем. Нажмем. Курбатов уже носится с новым проектом. А мы думаем — рановато. Нужна длительная проверка. Есть опасения, что слой его стареет.

— Но ведь с ним уже целый год ничего не делается.

— Откуда мы знаем? По отчетам?

— Не только. Вы ведь посылали своих представителей, и завод тоже посылал.

— Мы не верим их методике измерений.

— Кто не верит?

— Понимающие люди. — Чибисов снял очки и спрятал их в боковой карман. — Тут есть одно серьезное дело. — Он оглянулся на дверь. — Как ни странно, но сами мы его не сможем разрешить. Вот если бы... — Чибисов не договорил и отвернулся.

— О чем разговор, старик?

— А не подведешь? Мы бы, конечно, своему поручили, но тебе удобнее, ты пока еще не в штате. — В этом «пока еще» был явный намек, что дело не за горами. — Ты вроде как посторонний, это нам и нужно. Курбатов человек уважаемый, талантливый, но обидчивый до крайности. Попробуй ему скажи, что мы передали образцы плит К-8 для проверки в другой институт, — такую истерику закатит, что только держись.

Кучинский высказал сомнение: ведь это же обычная практика, и никто никогда не обижается.

— Тут есть еще одна тонкость. — Голос инженера снизился до шепота. — В другом институте работает вроде как бы его конкурент. Не поладили они в свое время. Так вот, тот утверждает, что курбатовский слой стареет и что он может доказать это совершенно новым способом, отличным от обычной методики измерений. Дело большое, государственное. — Чибисов вздернул свое остренькое личико. — Надо проверить. Но тот человек не пойдет против Курбатова в открытую. Да ему никто и не поверит, скажут — из зависти подкапывается. Сам понимаешь, тут дипломатия нужна. Мы, конечно, могли бы запросить Курбатова официально, пусть пришлет образцы ячеек, которые работали на восьмом секторе. Но кто знает, какие он пришлет? Вынет из ящика стола — и все тут.

— А что, такие случаи бывали?

— Нет, не скажу. Но ведь нас учат доверять и проверять. Так-то, друг Жора! — Чибисов похлопал его по колену. — Надемся на тебя и ждем. Восьмой сектор не маленький, откопи кусочек и пришли. Услуга пустяковая, но уговор — не болтать. Способ пересылки выбери любой. Только, сам понимаешь, адресовать в главк не стоит. Мы бережно относимся к нашим работникам, тем более к Курбатову.

Что-то в этом поручении не нравилось Кучинскому. О начальнике четвертой лаборатории он слышал много хорошего. Ребята, проходившие у него производственную практику, отзывались о нем великолепно. Знакомая девочка, лаборантка, души в нем не чаяла. Говорила, какой он справедливый, честный, как он дело свое любит. Тогда к чему же эта тайная проверка? Но, во-первых, задание исходило от заместителя начальника отдела, так сказать, сверху, а во-вторых, он знает этого заместителя как облупленного. Встретились на курорте, подружились, потом встречались на вечеринках, ухаживали за одними и теми же девочками. Короче говоря, друг проверенный. Такой не выдаст.

Намек на возможность устроиться в главке пришелся Кучинскому по вкусу. Да ради этого он душу дьяволу продаст, а не только выполнит пустяковую просьбу! Кроме того, Кучинский утешал себя мыслью, что дело это «большое, государственное». Может, действительно Курбатов ошибается: изобретатели особый народ, они настолько влюблены в свое детище, что не замечают в нем никаких недостатков. Приедет комиссия, формально, по старому методу проверит результаты годичной эксплуатации курбатовских ячеек и вынесет решение строить огромное фотоэнергетическое поле для будущего комбината. Ясное дело — миллионы полетят в трубу.

Нет, Кучинский этого не допустит. Он выполнит задание Чибисова. Несомненно, проверка в другом институте даст отрицательные результаты. Курбатовский слой стареет. Надо отложить строительство комбината. В награду за услугу Жора Кучинский будет назначен вторым заместителем начальника отдела. А это — предел мечтаний.

Нехорошо, конечно, желать несчастья другому. Да и медный комбинат нужен не Курбатову, а стране. Разве Кучинский не хочет, чтобы советские люди овладели энергией солнца, чтобы преобразилась пустыня, появи-

лись бы в ней заводы, города, сады? Очень хочет. К тому же он комсомолец, и ему должны быть чужды шкурные интересы. «Но разве нельзя подождать один год? — успокаивал себя Жора. — Конечно, можно».

И вот он прилетел на практику. Ему поручили малоинтересную работу по исследованию схем соединений в курбатовской плите. Работа велась в лаборатории, а на поле ему делать было нечего. Лишь изредка в перерыв, если на поле задерживались другие работники, появлялся там и Кучинский. Это не доставляло ему удовольствия — от солнца никуда не спрячешься.

Однажды на зеркальном поле появился торжествующий Димка, сбросил с Тимофея кепку и вместо нее нахлобучил на друга по самые уши огромную соломенную шляпу.

— Носи сам это воронье гнездо! — отмахивался Бабкин.

Но Димка не дал ему сдернуть шляпу, стукнул слегка по макушке, и Бабкин услышал, как что-то зажужжало, подул ледяной ветерок. Он обдувает потное Тимофеево лицо, забирается за шиворот и гонит оттуда испарину.

— Каково? — заглядывает Димка под шляпу. — Арктика в пустыне! Смотри не замерзни.

Бабкин догадался, что в шляпе моторчик от лентопротяжного механизма, — привезли с собой запасной, думали, не потребуется, да вот пригодился для фокусов.

— Ну, догадался? — спрашивает Багрецов.

Тимофею пока еще не все ясно, он медлит. Ага, значит, так: на самой макушке круг, вырезанный из курбатовской плиты (вот зачем он выпросил его у Лидии Николаевны), посредине кнопка — кстати, место не очень удачное, — Димка нажимает ее, и включается моторчик.

Выходит, что моторчик работает от солнца. Крутится вентиляторная вертушка и гонит воздух по резиновым трубочкам прямо под шляпу. Вот и все.

— Нет, не все, — возражает Димка. — А откуда же холод?

Димке приятно мучить Тимофея загадками. Под самым его носом он машет шляпой, а внутрь заглянуть не дает.

— Подумаешь, удивил! — наконец догадался Бабкин. — Тебе зачем сухой лед понадобился?

В самом деле, зачем? Димкино охлаждающее устройство было простым, но не лишенным остроумия. Вентилятор засасывает воздух, гонит его по змеевичку. Димка запрятал его в коробку из-под зубного порошка, туда же положил и сухой лед. Коробка, конечно, ледяная. Чтобы не застудить голову, коробка обмотана войлоком. Конструкция работала просто и надежно. От змеевичка расходились резиновые трубки, они обдували холодом лицо, шею, плечи. Из чисто эстетических соображений, чтоб не сияла плита, как лысина, Димка прикрыл ее марлей.

Охлаждающая шляпа пользовалась успехом у всех, кроме Бабкина. Он не надевал ее потому, что при своем маленьком росте походил на мухомора. Как-то он предложил шляпу Кучинскому.

— Неплохо, старик, — сказал Жора, чувствуя освежающую прохладу. — А как насчет сквозняка? Радикулитов всяких?

Тимофей ответил уклончиво:

— Не знаю. Но Димка почему-то кашляет.

— Спасибочки, — и Кучинский сбросил шляпу. — Пусть ее медведь носит.

Осторожность всегда сопутствовала Кучинскому. Не стоило и здесь пренебрегать ею. Еще до приезда Багрецова и Бабкина все пути — как добыть кусочек плиты — были тщательно исследованы. Из окна лаборатории и, главное, из кабинета Курбатова поле видно было как на ладони. Если по нему шел человек, то издали он казался мухой, ползущей по зеркалу. Никуда не спрячешься. Это днем. А когда стемнеет, зажигаются фонари и тут же в безоблачном небе восходит луна. Света хоть отбавляй. Одному ходить вдоль поля как-то неудобно, можно вызвать нежелательные подозрения. При луне хорошо бродить вдвоем, что вполне естественно. Ничего не скажешь — влюбленные. Потом можно выбрать подходящую минутку и, пользуясь тем, что к тебе уже привыкли на лунном поле, выполнить задание Чибисова...

Для вечерних прогулок Кучинский выбрал Ньюру. Она показалась ему более интересной, чем Маша. Но после того как он сообщил ей, что Курбатов может скоро уехать на новое строительство, девушку словно подменили. Она ходила как в воду опущенная, а на другой день и вовсе отказалась от прогулки.

Это обстоятельство не укрылось от хитрого глаза

Кучинского. Кто-кто, а он-то разбирается в девичьей грусти.

Причина может быть одна. Улучив момент, когда Нюрина подруга ушла — а было это в один из вечеров, еще до отъезда Кучинского за оборудованием, — он решил вызвать Нюру на откровенность. В уме его уже созрел новый план.

— Не торопитесь, Нюрочка? — спросил он, присаживаясь рядом. — Хотелось бы посоветоваться.

Нюра нервно теребила бусы и с удивлением слушала непривычные для нее излияния Кучинского. Прежде всего он начал расхваливать Павла Ивановича. Говорил о чуткости и красоте его души, о принципиальности, честности, о том, что он несчастен в личной жизни, а потому замкнут, нелюдим, чувствует себя обиженным и не хочет слушать дружеских советов.

Нюру интересовало все в жизни Павла Ивановича. Насчет дружеских советов она пропустила мимо ушей, но зато постаралась узнать о несчастье. Что же случилось с Павлом Ивановичем?

— Обыкновенная история, — небрежно, с кривенькой усмешкой ответил Кучинский. — Как говорится, не сошлись характерами. Она, конечно, мещанка, но он до сих пор переживает...

Кучинский вращался в обществе таких же беззаботных попрыгунчиков, как и он сам, где между танцами обсуждались всякие сплетни. Все знал Кучинский — семейные неурядицы профессоров, что сказал один ответственный товарищ по поводу новой пьесы, сколько получает заместитель министра и сколько поэтам платят за строчку. Как же он мог не знать о несчастье Павла Ивановича! Весь институт знал, а Кучинский в первую очередь.

— Павла Ивановича многие жалели, — рассказывал Жора. — Но говорят, что жена его, Любовь Степановна, была ограниченной, сварливой бабой. Не понимала она Павла Ивановича.

— Почему была? А где же она сейчас?

— Не знаю. Вышла замуж за какого-то боксера.

Заметив, что это известие обрадовало Нюру — чего она по простоте душевной не сумела скрыть, — Жора вздохнул и взял ее за руку.

— Если бы вы знали, Нюрочка, как я люблю этого человека! Боюсь за него. Он и не подозревает, какие неприятности его ждут.

Нюра по-детски всхлипнула, скомканный платок поднесла к глазам, но тут же опомнилась.

— Зачем вы мне это говорите?

— А кому же? Кто его может понять? Вы знаете, Нюрочка, Павел Иванович не должен переезжать на новое строительство.

И Кучинский рассказал ей довольно ясно, к чему может привести ошибка изобретателя. Он настаивает на строительстве медного комбината, но слишком преждевременно.

— Убухают люди миллионы, а потом выяснится, что зря. За такое дело по головке не погладят. Надо бы предупредить Павла Ивановича...

— Пойду скажу. — Нюра решительно поднялась со скамейки.

Кучинский мысленно выругался и удержал ее за платье.

— Куда вы? Все испортите.

Она покорно села, выслушала сначала нотацию, а потом подробный рассказ чуткого Жоры, почти так же, как и она, влюбленного в своего начальника. Под страшным секретом он сообщил ей, что в главке известно о старении зеркальных плит, что ему поручено их проверить — и тогда будет вынесено решение продлить еще на год испытания фотоэнергетического поля. Тут же Кучинский предложил Нюре отколоть небольшой кусочек на каком-нибудь дальнем секторе, лучше всего на восьмом.

— Вам это удобнее, Нюрочка. Меня Павел Иванович сразу увидит. Обидится еще, что не в свои дела вмешаюсь... А вы на поле каждый день. — Заметив ее колебания, Кучинский сказал равнодушно: — Если вам трудно, я попрошу Марусю.

Хоть бы кто подсказал Нюре, посоветовал, как тут быть? Как поступить? Ей так хотелось самой что-нибудь сделать для Павла Ивановича! При чем тут Маруся, когда она, Нюра, замирает от страха: а вдруг уедет, а вдруг навсегда? Жора так ласково говорит, он ученый, он знает, что грозит Павлу Ивановичу.

В то же время в душе ее возникало другое, противоречивое чувство. Неужели Павел Иванович знает меньше, чем этот студент? Неужели Жора может помочь такому знаменитому специалисту? Нет, что-то здесь не так. А если обман? Неверно, не может этого быть. Ведь Кучинский работает в лаборатории, там множество разных

плит. Нюра сама видела. Значит, студенту доверяют. Какое же она имеет право сомневаться в нем?

После мучительных колебаний Нюра согласилась и сказала, что достанет осколок завтра

— Это не обязательно, девочка, не к спеху. Я на недельку уеду в Ташкент. Сделайте, когда вам удобнее.

Все предусмотрел Кучинский. Дело, конечно, пустяковое, однако на всякий случай пусть совершится без него. В случае чего легко будет доказать свое алиби. Впрочем, о каком преступлении идет речь? Не выдумывай, Жора, ты получил секретное задание главка.

Однако в Ташкенте после телефонного разговора со своим другом Чибисовым Жора приуныл. Вначале все шло прекрасно.

— Здорово, старик! — кричал Жора в трубку. — Сушеные персики любишь? На днях высылаю. Маман позвонит, зайдешь к ней. Не стоит благодарности, старик. Свои люди, сочтемся.

Чибисов игриво предупредил, что на днях Жора встретится с аспиранткой. Скучать не придется, да и вообще знакомство полезное.

— Говорят, девица талантливая, знающая. Лентяям вроде тебя следовало бы у нее поучиться. Кстати, относительно персиков. Интересно, как их там сушат — на солнце или в печах?

Из этого разговора Кучинский понял, что инженер интересуется не только персиками — курбатовскими ячейками, — но и технологией. Иначе, как он намекнул позже, в другом институте невозможны измерения. Новый метод, ничего не поделаешь!

Недаром Кучинский заканчивал институт, недаром проходил практику на заводе в цехе курбатовских плит. Кое-что он знал, а об остальном догадывался. Знал он, что технология изготовления фотоэнергетического слоя закреплена, но по требованию главка ее можно получить. Значит, Чибисова интересуется не технология, а изменения в составе курбатовского слоя после долгой эксплуатации. Этими исследованиями будет, видимо, заниматься аспирантка, от которой и желательно получить некоторые материалы. Но какие?

Будто читая мысли Кучинского, инженер подсказал:

— Ты мне персики с косточками послал? Нет? Вот и хорошо. Боюсь синильной кислоты.

— Это, старик, в вишнях.

— Откуда я знаю! Тут один чудак вишневую настойку выдерживал три года. Выпил, поел вишен и заскучал. Чуть не отравился. Кислота, она и через год скажется. Неизвестно, сколько ее там процентов.

Все было ясно Кучинскому: надо узнать изменение химического состава курбатовского слоя. Вероятно, от времени в нем появляются вредные кислоты. Чибисов интересуется, каков их процент и что они собой представляют. Нелегкая задача! Настроение Кучинского явно испортилось. Но когда Чибисов намекнул о расширении штатов отдела, Жора повеселел.

К сожалению, первое знакомство с аспиранткой не предвещало ничего хорошего. Жора хитрил, обращался к ней подчеркнуто подобострастно, но это еще больше ее раздражало.

— Эх, Лидия Николаевна! — сочувственно говорил Жора. — При вашем таланте надо бы атомом заниматься. По крайней мере будущее. А здесь что? Артель «Напрасный труд». Вот помянете меня, как построят у нас десяточек атомных станций, так вся эта мура, — он взглядом показал на плиты, — на пуговицы пойдет.

Багрецов сидел за своим лабораторным столом пунцовый от негодования.

Какой неприкрытый цинизм!

— Опять ты за свое.

— А что я сказал? Какая бы мода ни была, а без пуговицы, старик, не обойдешься.

— Ну да, это про тебя писал Маяковский: «В моде в каждой так положено, что нельзя без пуговицы, а без головы можно».

В эту минуту дверь открылась и на пороге показался Курбатов.

— Чем это вы развлекаетесь?

Неудачи последних дней сделали его суровым и раздражительным. Он посмотрел на Багрецова.

— Ну, что же вы молчите? Какая связь между пуговицами и целью вашей командировки?

Вадим понимал, что нельзя повторять глупые бредни Кучинского, — это обидит и оскорбит Павла Ивановича, но в то же время нельзя и лгать. Молчанием воспользовался Жора.

— Пустяки, Павел Иванович. Обсуждалось рационализаторское предложение насчет изготовления пуговиц из испорченных плит.

Знал бы Кучинский, как эти слова острейшей болью

пронзили сердце Курбатова! Держась за косяк двери, он перевел дыхание и хрипло сказал:

— Эта рационализация не входит в план вашей работы, Багрецов. Можете послать предложение на завод... В установленном порядке... В цех ширпотреба. Пожалуйста. — И, круто повернувшись, вышел из лаборатории.

Вадим изумленно посмотрел ему вслед, хотел бежать за ним, оправдываться, но подумал, что еще больше обидит Павла Ивановича.

— Какой же ты паршивец! — пробормотал Вадим, обернувшись к Жорке. — Слов не нахожу!

— А что я сказал? — нагло задирался Кучинский. — Я тебя за «паршивца» еще выведу на чистую воду, ты у меня еще попляшешь!

Лида до боли стискивала виски, стараясь понять, что случилось с Павлом Ивановичем. Ведь гибель ячеек — это еще не самое страшное, ученый должен быть готов к любым неприятностям. И можно ли так волноваться из-за пустой реплики Кучинского?

Можно. Мало того, что Курбатов измучен бессонными ночами, что нервы его напряжены до крайности, это еще не все. Как ни странно, но с пуговицами у него были связаны глубокие личные переживания. Пуговица для Курбатова осталась символом всего самого мелкого, ничтожного, что путается в ногах или тянет назад, в трясину пошлого мещанского счастья. Он прошел в кабинет, бросился на диван и, проклиная себя за бессилие, стал ворошить в памяти то, что страстно хотелось позабыть. К событиям тех далеких дней он относился как к больному зубу — трогал его постоянно, проверяя, не утихла ли боль, и, когда ее не было, нажимал посильнее, чтобы знать, не прячется ли она в глубине.

Детскими, полными радостного света, вставали дни тех наивных поисков, когда по одной пуговице он старался узнать, где эти пуговицы делаются, чтобы прозрачная пластмасса послужила науке. Случайность привела его к Любе. Был ли он счастлив с ней? Был. Возможно, потому, что молодость неопытна, всепрощающа и полна надежд.

Суровые военные дни изменили целый мир, но Люба осталась прежней. Не виделись долгие годы. А когда фронтовик Курбатов вернулся домой, бросил свой вещевого мешок у порога и огляделся, то в первую минуту

подумал, что ошибся дверью. На окнах, на полу, на письменном столе, где когда-то лежали книги и чертежи, где были впервые сделаны эскизы будущих зеркальных полей, на полках и на стульях нагло блестели пуговицы. Каких только пуговиц здесь не было! Круглые и квадратные, с бронзовыми ободками и блестками, зеленые шарики, похожие на незрелые вишни, красная полупрозрачная смородина и бирюза в оправе. Пуговицы под перламутр, под коралл, пуговицы лакированные, раскрашенные, точеные, деревянные и пластмассовые; пуговицы из эбонита и текстолита, с узорами и гладкие; пуговицы, похожие на кошачий глаз, на тигровый, на голубиное яйцо; пуговицы с крапинками, с кружочками, с чем угодно...

Это было царство пуговиц. Возможно, Люба стала коллекционеркой? Нет. Всюду стояли бутылочки с лаком, банки с красками. Пахло скипидаром, грушевой эссенцией и керосином. В банке из-под варенья отмокали кисти, в корзинке у окна лежали, как орехи, пуговичные заготовки.

Когда Павел Иванович вошел в комнату, Люба была на кухне. Но вот она вернулась, увидев мужа, всплеснула руками и бросилась к нему на шею.

— Зачем это? — спросил Курбатов, показывая на пуговицы. — Кому это нужно?

— Как кому? От заказчиц отбоя нету! — И, заметив, что муж нахмурился, приласкалась: — Дурачок, разве бы я на твой аттестат прожила! Посмотри, что я себе накупила!

Ловко обходя разложенные на газетах пуговицы, она побежала к комоду и, открывая ящики один за другим, хвасталась своими обновками.

Потом пошло все хуже и хуже, Люба категорически отказалась расстаться с пуговицами, хотя трудное время и кончилось. Ей нравился этот легкий заработок. В конце концов она только тем и занималась, что заказывала кустарям заготовки, а сама наводила окончательный лоск на почти готовые изделия.

Модные портнихи частенько заходили в «мастерскую» Любы, торговались и, пряча в муфтах сверточками, оглядывались. Как-никак это все-таки частный промысел, спекулятивная торговля.

Среди своих заказчиц Люба слыла «королевой пуговиц», и это льстило ей.

Курбатов, занятый в лаборатории, старался как

можно реже бывать дома и часто ночевал на жестком диванчике в своем кабинете. Пуговицы не давали ему жить. Не раз, увлеченный какой-нибудь идеей, он бросался к столу, а там, выстроившись в ряд, на него насмешливо смотрели пуговицы.

— Люба, брось, — упрашивал ее Курбатов. — Неужели ты не найдешь себе другого занятия? Или уж иди на пуговичную фабрику.

— Еще чего!

— Ну, не ходи. Так проживем.

— На твою зарплату? Да я больше тебя зарабатываю!

Многого не знал Курбатов. Он не знал, что у Любы каждый день бывают «надомницы», что они работают для Любы, а числятся в артелях, что какие-то материалы для своих пуговиц Люба достает через них и что все эти грязные дела происходят за его спиной.

«Королева пуговиц» любила общество. Ее не раз приглашала к себе одна из главных заказчиц Ирина Григорьевна, и вместе с ее дорогими духами Люба впитывала сладкую отраву громких имен знаменитостей футбольного поля, теннисного корта или ринга. Все они были частыми гостями Ирины Григорьевны, которая не пропускала ни одного спортивного состязания и таскала за собой Любу.

И странно было, что Люба, когда-то работавшая на фабрике, стала презирать честный труд, перестала ценить близкого ей человека, талантливого и самоотверженного, потому что квартиры ему не дают, машины у него нет, денег тоже. Хоть бы слава была, как у чемпиона, так и ее нет. Скучно с ним жить.

Люба приходила из ресторана — праздновали победу то одного, то другого чемпиона спортивного общества, — от нее пахло вином, табачным дымом. И когда она с упоением рассказывала о всяких сайдстепах, гукках, нокаутах, об очках и призерах, Курбатов закрывал глаза и думал, что жизнь надо как-то перестроить. Ему было очень стыдно. Он откладывал все, что прямо не связано с его делами: и диплом, и хлопоты о квартире, и решительный разговор с Любой. Конечно, все это важно, но успеется, подождет.

Так и шло. Он просыпался по ночам. Нужно обязательно поговорить с Любой. Но при этой мысли его охватывала тоска, и снова он откладывал неприятный разговор.

С тех пор как Павел Иванович убедился, что на восьмом секторе далеко не все благополучно, что по неизвестной причине гибнут отдельные ячейки, Лида не выходила из лаборатории.

Павел Иванович не нашел в ячейках ни механических повреждений, ни каких-либо других особенностей, которые могли бы дать ключ к разгадке. Микроскопический анализ тоже ничего не дал. Возможно, химический анализ фотослоя нескольких ячеек что-нибудь подскажет? Нет ли в нем посторонних примесей или отступлений от рецептуры, нет ли технологических ошибок?

Лида все это исследовала, но никаких выводов сделать не смогла. Да, действительно, состав фотослоя в отдельных ячейках неоднороден, есть кое-какие посторонние примеси, однако нельзя сказать, что именно они повлияли на гибель ячеек — материала недостаточно. Вот если бы у Лиды на столе лежало их несколько десятков, тогда иной разговор, после проверки картина сразу бы сделалась ясной.

Неизвестно как, но Багрецов догадался, что с плитой восьмого сектора дело обстоит неважно. Лида взволнована, раздражена. Курбатов постоянно торчит в лаборатории, каждую минуту подходит к ее столу и заглядывает через плечо в тетрадь.

После неприятной истории с осколком Димка боялся хоть чем-то выдать свое любопытство, а потому делал вид, что интересуется лишь своим заданием, а там хоть трава не расти.

Кучинский ничего не знал и не догадывался. Он никогда не задерживался в лаборатории, и по его шляпе на вешалке в коридоре можно было проверять часы. Шляпы нет, значит, пора кончать работу.

Однажды, когда Кучинский уже ушел, Лида сказала:

— Разрешите и мне уйти, Павел Иванович?

— Кто же вас удерживает? Ваше право.

Лида досадливо махнула рукой.

— Я не о том. Простите меня, но я целую неделю занималась бесцельной работой. Дайте мне сотню пробитых ячеек.

Курбатов подошел к ее столу.

— Откуда я их возьму? Вы же знаете.

— И вы знаете, — холодно заявила Лида. — На восьмом секторе.

— Это невозможно.

Не считая нужным таиться от ребят. Павел Иванович доказывал, что ничего не получится. Лида не соглашалась, говорила, что вскрывать плиты необходимо.

— Но как? Как найти? — раздражался Курбатов. — Припаивать к ним тысячи проводов? Ведь вы же пробовали. Этак мы испортим половину плит.

Димка слушал и холодел от страха. Значит, на восьмом секторе появилась новая болезнь, куда более грозная, чем трещинки в пластмассе. Что такое оболочка курбатовских ячеек, когда болезнь проникла в самое их существо, в самое сердце! Но неужели нельзя ее точно определить? Рак и то диагностируют, а здесь самая обыкновенная техника, поддающаяся расчетам и экспериментам.

Хотел было Димка вмешаться в разговор, сказать, что если нужна его помощь, то он готов дни и ночи ворочать плиты, паять, сверлить что угодно, лишь бы спасти тысячи зеркальных полей, которые снились ему по ночам. Хотел, но не мог. Не поймет его Павел Иванович, тем более сейчас, когда к нему и притронуться страшно, — раскален, взвинчен, даже с Лидой говорит невежливо. Не раз повторяются: «пробой», «пробивается запирающий слой», и Димке кажется, что речь идет о пробоях в корабле. Его изрешетили вражеские снаряды, закрыть пробойны невозможно, и корабль медленно идет ко дну...

Разговор Павла Ивановича и Михайличенко был небезынтересен и Бабкину, но он воспринимал его гораздо спокойнее, чем Димка. В самом деле, до чего же нервный ребенок этот Багрецов! Бледнеет, краснеет, чуть вольтметр не пережег — не туда подсоединил концы. А дело выеденного яйца не стоит. Подумаешь, выводные проводнички, сложность какая! Надо только приноровиться.

Бабкин был столь великим искусником по части монтажа и пайки, что в институте о нем ходили легенды. Если тульский Левша мог подковать блоху, то Бабкин сумел бы припаять ей сломавшийся усик. Однажды ему поручили собрать уникальный сверхлегкий радиозонд, где весь монтаж пришлось вести проводом волосяной толщины и припавать его к десяткам булавочных контактиков на гребенке, по которой ходил ползунок. Это был труд, достойный сказочных мастеров, а Бабкину — нипочем, все пайки он сделал, как говорится, шутя и играючи.

Он мог бы доказать Курбатову, что пайка ничего сложного собой не представляет, но по непонятной причине ему не хотелось оказаться на стороне женщины. Мальчишество, конечно, но если бы Курбатов согласился с ней, то Бабкин с искренним удовольствием возглавил бы небольшую бригаду по припайке выводных концов к плитам восьмого сектора. Правда, трудно добраться к ячейкам, но можно сверлышком. Бабкин уже придумал, как это сделать.

Кстати, почему именно он должен быть бригадиром? А кому же еще? Лидия Николаевна химик, ей бы только успеть проверять испорченные ячейки, Димка организатор никудышный, а к тому же при смекалистой, золотой голове руки его хоть оторви да брось. Паять абсолютно не умеет. Ясно, что к тонкой работе Димка не приспособлен, научить этому делу никого не сможет, а потому какой же он бригадир?

Кучинского Бабкин ни в грош не ставил, о нем и речи быть не могло, ему и простой работы нельзя доверить, а не то что бригадой руководить. Впрочем, все от начальства зависит. Жорка почти инженер. Не его ли назначит Павел Иванович?

Курбатов казался Бабкину волевым, настойчивым, талантливым инженером, но организатором неважным. Впрочем, что с него взять — к столь зрелым годам даже семьи приличной не создал. Кучинский сплетничал, что жена от Курбатова сбежала. Правда, это было в молодости. А кто же сейчас мешает ему исправить ошибку? Присматриваясь к Лидии Николаевне, Бабкин, человек семейный (это сильно его возвышало в собственных глазах), подумывал: «Вот тут бы Павел Иванович не ошибся». Но разве в таких делах советуют?

Бабкин равнодушно поглядывал на Павла Ивановича

ча, на Лиду, которая протягивала ему кусок плиты с припаянными проводами — разве это пайка! — и ждал, чем закончится спор.

Оказывается, женщины бывают настойчивыми (Тимофей знал это по опыту). Павел Иванович спорил, спорил, потом по мягкости характера начал постепенно сдавать позиции. Лидия Николаевна сейчас же этим воспользовалась:

— Хорошо, Павел Иванович. Можете вы мне разрешить испортить несколько плит на восьмом секторе?

— А что вам это даст?

— Попробуем. Кто знает, не обойдемся ли мы десятком неработающих ячеек, чтобы сделать нужные выводы?

— Но одна вы все равно не справитесь. Я сам мог бы, но меня вызывают в Ташкент по поводу строительства комбината.

— Почему одна? Я думаю, товарищи не откажутся. — Лида вопросительно посмотрела на Багрецова и Бабкина, сидящих за соседним столом.

Для них это было столь неожиданно, что оба промолчали. Димка все еще боялся истории с осколком, а Бабкин не уяснил себе окончательного мнения начальства. Молчание затянулось, и Курбатов, чтобы не попасть в неловкое положение человека, которому отказывают, проговорил:

— У техников свое задание, и мы не вправе загружать их посторонними делами.

Лидия Николаевна хотела было возразить; порывались к этому и Бабкин с Багрецовым. Но Курбатов уже сел за свой стол, надел наушники измерительного генератора и как бы выключился из окружающего.

Переглянувшись с ребятами, Лида вышла вместе с ними.

— Какой тут может быть разговор! — покосившись на дверь, сказал Бабкин вполголоса. — Завтра же и начнем.

А Багрецов поддакнул обиженно:

— Конечно, хоть сегодня. Подумать только, «посторонние дела»! Не ожидал я этого от Павла Ивановича. Разве мы для отчета работаем?

— Спрячьте свою обиду в карман, — перебила его Лида. — У человека земля под ногами горит, а вы тут с претензиями.

Она решительно взяла ребят под руки и потянула их к беседке, где им никто не помешает обсудить, как быстрее исследовать плиты с восьмого сектора. Что же касается основной работы, которую техники должны были выполнять за время командировки, то, по словам Бабкина, она ничуть не пострадает. В сутках двадцать четыре часа!

Спускался вечер. Зеркало синело. Лишь его дальняя кромка горела золотым позументом. Но вот и он исчез, будто потянули его за конец и утащили в кусты.

Бабкин подсчитал, сколько нужно времени, чтобы на десятке плит высверлить против каждой ячейки дырки, нарезать и залудить тысячу проводничков, припаять их к распределительным гребенкам (припайку он брал на себя), сколько нужно сделать нумерованных бирок, чтоб провода не перепутать, в какой последовательности подключать их к вольтметрам и самописцам.

Багрецов предложил подвести провода от ячеек к лампочкам карманного фонаря. Наверное, на складе их сотни. Если в ячейке обнаружится пробой, то лампочка сразу погаснет.

Хоть и не нравилось Бабкину подобное кустарничество (то ли дело вольтметр, по нему напряжение определяется точно), но выхода не было, пришлось согласиться с Димкой.

Потом подсчитали вместе, сколько нужно рабочих рук, чтобы вся проверка заняла не больше недели, и убедились, что их маловато, вдвоем не управиться.

— А Кучинский? — вспомнила Лида.

Вадим кисло поморщился.

— Обойдемся. Лучше попросим Нюру и Машу. Они не откажутся.

В самом деле, не отказались. Все равно после работы делать нечего, а тут хоть чему-нибудь полезному научишься. По вечерам в беседке они разматывали катушки с тонким проводом, резали его на куски, зачищали и облуживали концы.

Зная, что все это нужно для проверки поля, Нюра хотела своими маленькими ручками защитить Павла Ивановича от грозящей ему неприятности и в то же время думала, что, возможно, этими же руками она приближает его отъезд, рушит свое счастье.

За работой время летело незаметно.

Иногда, чтобы девушки не скучали, Вадим читал им стихи.

Нравилось ему открывать в людях все новые и новые качества. Бывают люди сложные, с непонятными характерами. Таких разгадаешь не сразу. Две подружки вначале казались Вадиму ясными, одинаковыми, как страницы чистой тетради. Белые страницы, пустые. Что в них интересного? Но с каждым часом он открывал в девушках множество приятных неожиданностей. Согретые животворной теплотой, точно написанные невидимыми чернилами, на белых страницах постепенно проступали мысли, мечты, характеры уже совсем не одинаковых подруг.

Они охотно рассказывали о себе, и Вадим не оставался в долгу, желая, чтобы от встречи москвичей с «девицами из Чухломы», как презрительно отзывался о них Кучинский, у Нюры и Маши остались самые теплые, дружеские воспоминания. Лиде тоже хотелось этого. Она перебралась к подругам в комнату — скучно жить одной.

Многое было неизвестно девушкам из маленького городка Запольска. Ни картинных галерей, ни музеев там не было. Кино? Радио? Но ведь этого мало. Еле-еле подружки дотянули до восьмого класса и пошли работать.

Так прошло их детство и уже проходит юность. Здесь, в пустыне, они понемногу привыкли к чтению. Но многих книг осилить не смогли — скучными казались, непонятными. Разглядывали фотографии в «Огоньке». Больше всего интересовались последней страницей, где иногда попадались «Моды сезона». Пошивочные мастерские, ателье и просто портнихи находились в сотнях километров от испытательной станции, но это не смущало подруг, они сами умели шить и даже купили швейную машинку.

До приезда москвичей им не перед кем было хвастаться своим искусством; разве только Алимджан мог по достоинству оценить их наряды. Шили они платья к каждому празднику: к Октябрю, Маю, Новому году, Восьмому марта, а потом даже и ко Дню физкультурника.

Павел Иванович — единственный коммунист в здешнем маленьком коллективе — не раз задумывался над судьбой аккумуляторщиц, советовал им, что читать, рассказывал о последних событиях в стране, изредка вызывал из города кинопередвижку. Но все это делалось урывками.

Самое страшное, что на этих «чистых страницах» могут отпечататься как высшее проявление культуры пошлые мысли Кучинского. Разве можно такое допустить?

И по молчаливому уговору трое друзей — Лида, Димка и Тимофей — ни на час не оставляли Жорку одного с Нюрой и Машей. Девушки тоже не очень искали его общества. С новыми друзьями им было интереснее. Димка рассказывал начало какой-нибудь увлекательной книги и обрывал на самом волнующем месте. После этого хотелось книгу прочесть. В редкие часы отдыха приохотились слушать по радио оперу. Лида, хорошо знавшая многие оперы, подробно описывала девушкам, что делается на сцене, декорации и т. д.

Странная метаморфоза происходила с Бабкиным. Всегда и всюду он по-мальчишески снисходительно разговаривал с девушками, никогда не искал их общества, сторонился их. Ведь, кроме Стешы, для Тимофея никого не существовало. Но здесь вдруг все изменилось.

Подготавливаясь к проверке курбатовских плит, работали до вечера, а перед наступлением темноты опять все собирались в беседке или бродили по краю зеркального поля. Почему бы Тимофею, человеку, которого никогда не интересовало женское общество, не пойти к себе в комнату, не взять занимательный роман да не почитать перед сном?

Нет, он тоже оставался в беседке, и никакая сила не могла загнать его домой.

Димка посмеивался:

— Ну погоди, все будет Стеше известно. Думаешь, я ничего не замечаю?

Кучинский был недоволен. Деятельность «святой троицы», как мысленно называл он друзей, затрудняла выполнение задания Чибисова. Если однажды Нюра решила достать осколок, то с новой просьбой к ней не подступишься. Девчонка будто сразу поумнела и, как казалось Жорке, сожалела о том, что для него сделала. А вдруг разболтает? Но он сразу отбросил эту мысль. «Будет молчать как миленькая! Ведь не я же колупал плиту, а она».

Не дождавшись удобного случая, чтобы выполнить второе поручение своего друга, Кучинский при первой же оказии самолетом отправил в Москву посылку. В ящике с сушеными персиками лежал осколок курба-

товской плиты. На вложенной в ящик бумажке был написан телефон, по которому мать должна позвонить.

Лабораторный стол Кучинского стоял у окна, а стол Михайличенко — в глубине комнаты. Здесь же работали оба техника. Кучинский заметил, что результаты своих исследований Лидия Николаевна заносит в тетрадь с нумерованными страницами. Хоть бы краем глаза посмотреть ту страничку, где записаны проценты разных кислот!

Преодолевая муки уязвленного самолюбия, он нередко обращался к аспирантке с техническими вопросами. А так как придумать что-либо серьезное ленился, то вопросы его были наивными, и на них вместо Лиды отвечал, как правило, Бабкин. А Багрецов при этом острил:

— Слыхали, Лидочка? Одного студента спросили на экзамене: «Что такое лейденская банка?» Он подумал и ответил: «Поршень от динамо-машины». Вы такого умника не знаете?

Лидя прыскала со смеху, а Кучинский, стоя возле ее стола, жалко улыбался.

— А вот еще случай, — не унимался Димка. — Был у меня один, так сказать, друг, Толь Толич Медоваров. В прошлом году я от этого бюрократа немало натерпелся. Но правда восторжествовала — Бабкин эту историю хорошо знает, — выгнали Толь Толича из института, где он был заместителем директора по хозяйственной части, и, как говорится, «бросили на производство» — на фабрику. У Толь Толича высшее образование, но он все перезабыл. Зачем ему техника, он начальник! Приезжает однажды на фабрику, идет со своей свитой в машинный зал. Чистота, порядок. Но глаз у начальника острый. Видит, стоит у машины ведро — явная бесхозяйственность! Подзывает дежурную, а она техник и понимает что к чему. Ошибка, конечно, произошла, ведро уборщица забыла. Как выкрутиться? Ну и пошутила: «Ведро это, товарищ директор, для отработанных амплитуд». Толь Толич глубокомысленно сдвинул брови, вроде Кучинского, и спросил: «А куда же вы их потом деваете?» — это в том смысле, не пропадет ли добро. Девушка бойко ответила: «Мы ими аккумуляторы заряжаем, товарищ директор».

Лидя громко смеялась, а Кучинский презрительно улыбался. Придумал тоже — «отработанные амплитуды». И ничего здесь нет смешного.

Однажды ему удалось заметить, что проценты кислотности были записаны аспиранткой на тридцать второй странице. Но сколько раз он ни подходил к столу, Михайличенко этой страницы не открывала.

Он наивно спрашивал у нее о технологии нанесения металла на пластмассу, хотя, занимаясь печатными схемами, должен был знать это сам. Лида поднимала его на смех — с такими знаниями Жора никогда не будет инженером.

Иногда она выходила из лаборатории, оставляя тетрадь на столе, но приблизиться к заветной тетради было невозможно — проклятые техники глядели во все глаза.

После окончания работы тетрадь запиралась в стол, но чаще всего Михайличенко брала ее с собой в комнату, где поздними вечерами обдумывала результаты дневных исследований.

Кучинский решил опять обратиться за помощью к Нюре, другого выхода не было.

Так как после работы ему не удалось остаться с Нюрой наедине, он выбрал момент и зашел к ней в аккумуляторную.

— Вы зачем? — спросила Нюра.

— А если я по вас соскучился?

Нюра стояла перед ним хрупкая, маленькая, в синем халате с дырками от щелочи.

Втайне она надеялась, что проверка плит на восьмом секторе и того осколка приведут к длительной отсрочке отъезда Павла Ивановича, а потому спросила:

— Ну как, проверили?

— Не могу, Нюрочка, — кисло улыбнувшись, признался Кучинский. — Данных не хватает.

— Каких таких данных?

— Ну что я вам буду объяснять, все равно не поймете. Я бы, конечно, их достал, но ваша новая подружка...

— Лидия Николаевна?

— Угадали. Так вот, эта милая особа выписала в тетрадку нужные мне цифры. Ей в институте их передали, а она, вместо того, чтобы помочь товарищу, сидит на тетрадке, как собака на сене. Боится — не украду ли я эти данные для своего диплома. Безобразие! А еще комсомолка.

— Ничего она не боится, у нее и в мыслях такого нету.

— Вы бы мысли эти как следует почитали, девочка. Там есть кое-что интересное. Вас касается.

— Меня? — изумилась Нюра.

Жора с нежностью потрогал свой пышный хохолок и дерзко улыбнулся.

— Вас, красавица. Лиде хочется здесь подольше остаться. И вы помогаете ей в этом. Затеяла все поле перевернуть, тогда как я мог бы сразу сделать проверку. Ну и привет Лидочке. Поезжай в Москву.

— Какой же ей интерес тут засиживаться?

— Ах, Нюрочка, святая простота! Ничего-то вы не видите. Павел Иванович каждый вечер галстуки меняет, два раза в день бреется. Уж не думаете ли, что для вас?

Нюра хотела что-то сказать, но так и застыла с полуоткрытым ртом. Потом резко отвернулась и стала собирать на столе аккумуляторные пробки. Руки ее дрожали. Тяжелые металлические пробки падали на стол с громким стуком.

Подойдя к ней ближе, Кучинский животом уперся в край стола.

— Н-да, — протянул он. — История с географией. Ведь я же помнил эти цифры. Они у нее на тридцать второй странице записаны. Только бы взглянуть... И через неделю Лидия Николаевна убралась бы в Москву.

— Уходите! — Нюра не сдержалась и горсть пробок бросила ему в лицо.

Схватившись за голову, Кучинский выскочил за дверь. Вдогонку ему неслись горячие, гневные слова, но он их уже не слышал.

Глава 10. ПО ЗАСЛУГАМ И ЧЕСТЬ

Кучинский взбешен. Какая-то паршивая девчонка, которая всю жизнь будет только завинчивать аккумуляторные пробки, посмела его оскорбить! Бросать пробки в физионо-

мию — ведь это же хулиганство на производстве. Уголовное преступление. Можно возбудить судебное дело.

Он хотел пожаловаться, потребовать, чтобы привлекли аккумуляторщицу к ответу. Правда, свидетелей не было, вряд ли она откажется. К тому же, не прибегая к медицинской экспертизе, можно установить и следы преступления — на лбу Кучинского вздулась солидная шишка. Безобразие! Зачем делают такие массивные пробки. Металл не экономят.

И все же Кучинский не пошел к начальнику. Ощупав лоб, вынул из кармана зеркальце, вытер грязь на щеке и вернулся в лабораторию.

Сидя спиной к техникам и Михайличенко, он делал вид, что поглощен исследованиями, а сам кипел в бесильном гневе. Планы мести, одни коварнее другого, рождались в его голове, но осуществить их он не мог. «За что вы, Нюрочка, — спросит Курбатов, — попортили красоту нашего гостя? Вероятно, у вас были основательные причины?» Конечно, она признается.

Надо молчать, будто ничего не случилось. Кучинский страдал не только от оскорбления и шишки на лбу, которая его беспокоила — больно, нельзя дотронуться, — но и оттого, что рухнули все надежды.

Он привык к мысли, что нет на свете бескорыстных друзей — а таких у него и на самом деле не было, — что все делается по принципу «рука руку моет», «услуга за услугу». Зачем, спрашивается, инженеру из главка стараться для Жоры, если он не смог выполнить пустякового поручения. Ведь посылка с сушеными персиками не помогает делу.

Выписку с тридцать второй страницы Кучинский не получит. Это он хорошо понимал — сам выписывать не решится, а с Нюрой все кончено. Осталась слабая надежда на Марусю, но в ее глазах он не так уж много стоит.

А кто виноват? Конечно, «святая троица»: мальчишки и аспирантка. И чего Нюрка нашла в них интересного?

В гневе своем Кучинский забыл, что уже настал обеденный перерыв, он барабанил пальцами по стеклу лежащего рядом прибора, и стрелка его недовольно вздрагивала.

— Ребята, интересная новость! — воскликнула Михайличенко, входя в комнату. — Павлу Ивановичу раз-

решили организовать новую лабораторию. Возможно, меня туда направят.

Кроме того, она сказала, что если все обойдется благополучно с плитами К-8 и проверка их не очень задержит здесь Павла Ивановича, то он скоро выедет в Москву подбирать себе людей для новой лаборатории.

— Вот бы нам вместе работать! — мечтательно сказала Лида.

Об этой лаборатории Кучинский краем уха уже слышал от Чибисова, но что Курбатов может быть ее начальником, для Жоры было приятной новостью. В самом деле, как бы Павел Иванович ни восхвалял прелести здешней работы, как бы ни посмеивался над Жорой, которому хотелось назначения в центральное учреждение, все же потянуло и его обратно в столицу.

Новость эту Кучинский считал приятной, так как через Павла Ивановича можно будет попытаться устроиться в Москве. А почему бы и нет? Работа у него идет хорошо, Павел Иванович это видит; молодые инженеры Курбатову нужны, а кроме того, почему бы Павлу Ивановичу не угодить своему знакомому, то есть отцу Жоры!

Не откладывая дела в долгий ящик, Жора начал осторожно пробовать под ногами почву. Она казалась ему зыбкой, как на болоте, но если перепрыгивать с кочки на кочку, то, пожалуй, доберешься до цели. Ну что ж, надо действовать.

Продумав вопросы к своему руководителю, Кучинский взял чертежи, тетрадь с записями и постучал в дверь кабинета.

Павел Иванович в вышитой украинской рубашке сидел за столом, рассматривая осколок зеркальной плиты, и перелистывал страницы тетради, которая показалась Жоре знакомой. Екнуло сердце. Нет, не потому, что он узнал тетрадь, напомнившую о сегодняшней неприятности. Он подумал — не случилось ли чего с посылкой? Возможно, ее задержали? Нюра призналась? «Нет, слава богу, пронесло, — Жора облегченно вздохнул. — Тот кусок поменьше».

— Откуда у вас это украшение? — спросил Павел Иванович, здороваясь. — Случайность или дело рук человеческих?

Для Курбатова вопрос этот был вполне естествен-

ным. Он рассматривал осколок и думал: случаен он или нет? Михайличенко своим анализом точно установила, что никаких признаков старения плиты не оказалось, влияние фотослоя на пластмассу тоже не замечено. Значит, можно допустить случайность. Как всегда при встрече с неясными явлениями, после многих бесплодных попыток определить их сущность Курбатов искал другие пути, которые помогли бы раскрыть загадку, в данном случае загадку гибели ячеек. Он связывал это с осколком, хотя понимал, что связь случайная, ничем не оправданная. Надо бы посоветоваться в городе с опытными людьми, но, прежде чем это сделать, Курбатов решил еще немного подождать. Кто знает, не появятся ли другие факты? Его не беспокоило, что осколок может попасть в чужие руки. Надо обладать полной технологией фотоэнергетического слоя, чтобы воспроизвести его. Опасения преждевременны. Но это первый звонок...

Однако что с Кучинским? Бедный малый, угораздило же его так здорово стукнуться. Сине-багровая шишка!

Надо быть поосторожнее.

— Нельзя ли полегче плиты делать, Павел Иванович, — шутил между тем Кучинский. — Хотел поддержать, а она меня по лбу. Прямо ребром...

Отшутившись, Кучинский стал рассказывать о своей работе. Кое-что он уже сделал: исследовал историю создания электрических печатных схем в радиоприборах, проанализировал их достоинства и недостатки, перекинул мостик к современности... Началом его работы Курбатов был удовлетворен. Практикант хоть и не блещет талантом, но умеет пользоваться литературой и способен делать кое-какие обобщения.

Кучинский видел одобрителное покачивание головой. Начальник соглашался с ним, пояснял непонятное и даже был приятно удивлен, когда Кучинский привел малоизвестную формулу, которую откопал в старом журнале.

Свертывая чертеж, практикант робко заметил:

— Не знаю, как и быть, Павел Иванович. Уж очень не хочется работать на эксплуатации. Пошлют на завод сменным инженером, закиснешь. Я мечтаю об исследовательской работе...

Павел Иванович включил вентилятор. «Высоковскую лабораторию разрешили, — думал он, глядя на мель-

кающие лопасти. — Неужели ничего не выяснится до того, как начнется строительство?»

— Что вы сказали? Исследовательская работа? Но почему же не на заводе? И там есть лаборатории. Делаются новые образцы, совершенствуется продукция...

— Все это не то. Мне бы хотелось в научный институт.

— Вы уверены в своих способностях? Можете сделать что-то свое, новое?

— Мне очень неловко обращаться к вам с просьбой, — опустил глаза, промямлил Кучинский. — Но если бы я мог работать в вашей новой лаборатории... Отец мечтал, чтобы я занялся серьезной научной работой.

— Знаю. Он мне говорил об этом. — Павел Иванович сосредоточенно гладил чисто выбритый подбородок.

Затаив дыхание, Кучинский следил за каждым его движением.

— Отец был бы так благодарен...

— А он тут при чем? — резко оборвал его Курбатов. — Вы самостоятельный человек, и нечего выглядывать из-за папиной спины. — Он подумал, что новой лаборатории еще нет, и предложил: — Здесь не хотите остаться? Дело большое, интересное.

Жора робко пробормотал:

— Меня увлекает теоретическая физика.

Павел Иванович вынул из кармана записную книжку и не спеша перелистал страницы.

— Ничего определенного сказать не могу. Новая лаборатория у нас пока еще на бумаге. Но, думаю, рано или поздно она будет организована. Тогда отдел кадров сможет оформить на вас заявку. Нам обычно не отказывают. К сожалению, фотоэнергетиков пока еще мало.

— А нельзя ли поскорее? — вырвалось у Жоры.

— Все выяснится в ближайшие дни.

На испытательной станции рабочий день начинался рано, чтобы до наступления жарких часов сделать возможно больше. У Лидии Николаевны и ее добровольных помощников трудовой день продолжался до вечера.

Кучинский после рабочего дня испытывал горькое,

томительное одиночество и бесцельно слонялся по территории. Книги его не интересовали, радио надоело, развлечений не было, кроссворды в старых номерах «Огонька» разгаданы.

Наконец Жора не выдержал и пошел к ребятам с поклоном.

— Примите в свою компанию. Скукота смертная. Дайте хоть провода разматывать.

Но не только скука привела его сюда. Надо показать Курбатову, что он может работать не только головой, но и руками.

В первое время Жорка суетился, начальственным баском покрикивал на девчат, но Лида недвусмысленно намекнула, что этого тут не требуется.

— За подготовку к испытаниям отвечает Бабкин, — холодно заявила она. — Будьте добры слушать его указания. А кроме того, вам поручена конкретная работа.

...Ну и работа — вырезать из картона кружочки, бирки для отметки проводов! Ножницы оказались тупые, картон толстый, сразу же на пальце мозоль. Удовольствие маленькое. Жорка забинтовал палец, сказал, что обрезал его, и счастливо «выбыл из игры».

Его место занял Димка, который тут же применил рационализацию: отпилел кусок водопроводной трубы, заточил ее, закалил на огне и стал этим примитивным пуансоном вырубать кружки. Стук-стук молоточком — любо-дорого глядеть. Жорка был уязвлен. Впрочем, стоит ли голову ломать над такой чепуховой рационализацией? Пионерские забавы. Поручили ему зачищать концы проводников. Опять ничего хорошего не получилось. И все же надо стараться: смотрите, мол, Павел Иванович, какой я трудолюбивый, никто не заставляет, а я из кожи лезу вон, дай только поработать всласть.

А Курбатову было не до Кучинского. Он ничего не знал и не видел, какую основательную подготовку к массовым испытаниям ячеек организовала Лида. До отъезда в Ташкент оставалось совсем немного времени, хотелось проверить, как ведут себя ячейки при концентрированном солнечном свете, то есть в самых тяжелых условиях. Возможно, здесь кроется разгадка?

Вогнутыми зеркалами и специальными линзами Курбатов направлял на испытываемые плиты горячий

солнечный свет и ждал, когда выбудет из строя хоть одна ячейка. Все работали добросовестно. Все идет нормально. Так в чем же дело?

Он перетащил свой лабораторный стол в кабинет, чтобы не мешать другим, чтобы не чувствовать соболезнующих взглядов Лидии Николаевны. По ее мнению, Курбатов делает совсем не то. Его последние опыты вызваны скорее отчаянием, чем необходимостью. Но кому приятно, когда тебя жалеют?

Начальник лаборатории не вмешивался в дела аспирантки. Ей дана полная свобода, пусть занимается чем хочет. Целыми днями Курбатов не заходил в лабораторию, и это никого не удивляло. Лишь Жора, стараясь выяснить свою судьбу, подкарауливал Павла Ивановича, ему хотелось, чтобы начальник видел, как он старается, — иначе никакого интереса нет. Но начальство, кажется, не видело, и Жора решил напомнить о себе.

— Войдите, — отозвался Павел Иванович на стук в дверь.

Кучинский шагнул через порог и тут же попятился.

— Простите, Павел Иванович, я не знал, что вы кушаете. Я потом зайду.

— Потом некогда. Выкладывайте, что у вас.

Если бы не тетя Глаша, уборщица, которая следила и за лабораторией, и за самим Павлом Ивановичем, то он мог бы и не вспомнить, что человеку нужна пища. Бывают вот такие сумасшедшие дни.

Откинувшись на спинку кресла, Павел Иванович спросил:

— Вы с такой штукой встречались? — взглядом он указал на экран спектрографа новой конструкции.

— Откуда, Павел Иванович! — И Кучинский тонко перевел разговор на интересующую его тему: — А в новой лаборатории приличное оборудование?

— Еще бы! Кроме того, там будет экспериментальный цех и великолепная техническая библиотека... Ну а что касается оплаты вашего пока еще весьма несовершенного труда, то даже ваш приятель из главка может позавидовать.

Будущий исследователь мысленно прикинул, сколько же это будет, и закрыл глаза от удовольствия. Таких денег ему отец не давал, но выручала мама. Представлялись радужные картины веселой, беззаботной жизни. Он молод, здоров, обеспечен. Много ли нужно

для полного счастья? Работа его интересовала только как средство материального благополучия. О нет, он человек сознательный, понимает, как много значит для государства самоотверженность в труде, понимает, во имя чего трудится советский народ, и ему, комсомольцу, сыну уважаемого коммуниста, не надо доказывать азбучных истин. Смешно. Отец приходит с работы, пообедаёт — и опять в кабинет. Роемся в справочниках, занимается какими-то вычислениями... А что ему ещё делать? Молодость давно прошла. Но Жора не будет надрываться, как папаша. Он ценит свои молодые годы, свое здоровье и свою свободу. Не беспокойтесь, придет время, к старости и он, Жора, будет «ишачить». А пока жизнь и так интересна...

Павел Иванович задал ему несколько вопросов, потом спросил о здоровье.

Жора испугался:

— Значит, работа вредная?

— Не бойтесь. Как в санатории.

У Кучинского отлегло от сердца.

— Санаторий мне не нужен, я пока ещё ничем не болел и с врачами не знаюсь. Чемпион института по теннису. Лыжник-перворазрядник.

— Совсем хорошо. У вас будут большие возможности совершенствоваться в лыжном спорте. Местность там подходящая: равнина, холмы, овраги. Высоково этим славится.

У Жоры вытянулось лицо.

— Какое Высоково?

— Деревня в Орловской области, место вашей будущей работы. — Павел Иванович устало закрыл глаза. — Если бы вы знали, как мне хочется туда поехать!

— Простите, но куда? — все ещё ничего не понимая, спросил Жора. — Ведь институт в Москве?

— Да, конечно, но испытательная станция здесь, а новая лаборатория будет в Высокове.

У Кучинского задрожал подбородок.

— Но позвольте... Отец не хотел со мной расставаться...

— При чем тут отец? — Курбатов резко отодвинул кресло и, подойдя к лабораторному столу, выключил все приборы. — А с вашим отцом у меня особый разговор. Нет ничего страшнее слепой родительской любви. Сколько морально искалеченных людей видел я на

своём веку! Птенцы выкармливаются в гнезде, пока у них не отрастает крылья. Представьте себе невероятный случай в птичьем мире, когда чересчур заботливые родители не выпускают из гнезда уже взрослых, крылатых детей. Зажиревшие птенцы никогда не научатся летать. Первая буря, они выпадут из гнезда и станут добычей кошек.

Он говорил резко, отрывисто, зло. Что за молодежь пошла? Вот перед ним студент, комсомолец. Он один из немногих знает фотоэнергетику. Так почему же его не интересует дело, начатое Курбатовым? Дело очень важное и увлекательное.

Павел Иванович подвел Кучинского к окну и, указывая на золотистое зеркало, спросил сдержанно:

— Видите? Пока одно. В пустыне нужно построить еще несколько таких. Будем пробовать и там, на Орловщине. Или хотите пуговицы делать? Почему не желаете мне помочь?

— Очень хочу, Павел Иванович, — страдальчески морщась, выдавливал слова Кучинский. — Но мать... она очень привязана ко мне. Она не переживет такого тяжелого удара.

— Приятно видеть заботливого сына. Но ведь ваша мать далеко не стара. Может быть, она тяжело больна?

Жора вздохнул. Да, действительно, ей всего лишь сорок пять лет и на здоровье она не жалуется... Но тут другой вопрос.

— Почему при распределении молодых специалистов не принимаются во внимание материнские чувства? — выдавил из себя Жора. — В нашей стране к матери относятся с огромной любовью и уважением — и вдруг бессердечно отнимают у нее самое дорогое.

— Чепуха! — Павел Иванович рассердился. — Кто отнимает?

Кучинский развел руками.

— Не знаю. Кому положено.

— И вам не совестно? Государство требует от вас выполнения долга, а вы считаете, что этим оно обижает вашу мать. Миллионы советских матерей на смерть сыновей провожали, а сейчас разговор идет о перемене квартиры.

— Во время войны была особая необходимость. А теперь?

— Вы хотите, чтобы все молодые специалисты осели в городах, где учились? — спросил Курбатов. — Так я понимаю?

— При чем тут все? Бывают же исключения!

— Я хочу вас понять, Кучинский, — уже спокойно заговорил Курбатов. — Родителей своих я потерял давно. Высшего образования в юности получить не мог — слишком много работал. Вы же стремитесь получить диплом, чтобы поменьше работать. На родителей также надеетесь. А они часто заблуждаются. Вот, например...

И Курбатов рассказал о том, как однажды пришел к своему другу в Министерство высшего образования. Еле ворочая языком от усталости, тот жаловался: только что пришлось выдержать атаку энергичной мамы. «Бедная девочка совсем не приспособлена к самостоятельной жизни, — плакалась она. — Ребенок погибнет в чужом городе!» А «ребенок» — солидная девица двадцати шести лет, инженер-экономист, сидела рядом. Ее назначили на работу куда-то в Рязань или в Курск. Всю жизнь за нее разговаривала мама. Ходила к директору школы с жалобами на якобы несправедливые двойки, хлопотала за дочку при поступлении в институт, доставала справки о мнимой болезни, когда ленивая девица пропускала лекции. Мама ограждала ее от всех житейских забот и неприятностей. За каждым шагом взрослого дитяти был организован строжайший надзор. Мама выбирала ей подруг, приглашала «полезных» знакомых. За всю жизнь послушное дитя ни разу не попало под дождь и ни разу не промочило ног.

— Вы поняли, что получилось? — спрашивал Курбатов Жору. — Это «дитя» сидело как в сумке кенгуру. Но и сумчатые носят детей не всю жизнь.

Кучинского заинтересовала судьба инженера-экономиста: чем же все-таки кончились мамашины хлопоты?

— Победой здравого смысла, — с живостью ответил Курбатов. — Человека спасли. Открыли перед ним дверь в широкий мир и выпустили без зонтика и калош.

Жора представил себя в таком положении. Стоит он на пороге своего обжитого, теплого дома, перед ним бескрайнее поле, в небе грозовые тучи. Холодно, неудобно, страшно.

А Курбатов доказывает, что поле это надо перейти. Никто тебя не понесет на руках — кончилось детство.

— Дама осталась недовольной решением моего друга, — продолжал Павел Иванович. — Обещала дойти до самого министра. Она милостиво признавала право государства требовать от молодого специалиста выполнения своего долга. Но, по ее мнению, это можно было делать и «по месту постоянной прописки». И сколько ни пытались ей растолковать, что лишь на свободе отрастают и крепнут крылья, она стояла на своем.

Жора не возражал против этого, а сам думал: «На кой черт мне этот свободный полет из теплого гнезда?» Но разве об этом скажешь? И Жора, извинившись, вышел из кабинета.

Павел Иванович опять занялся опытами. Включил приборы, надел защитные очки, чтобы лучше следить за перемещением солнечного луча, проверил на плите несколько ячеек. Но работа не двигалась.

Мысль его снова и снова возвращалась к разговору с Кучинским. Понял ли он что-нибудь? Неужели его отец, Петр Данилович, человек высокой моральной чистоты и глубокой принципиальности, не смог внушить своему сыну чувства долга перед страной, любви к труду? И тут ему вспомнился один недавний эпизод. Отец Жоры Кучинского, Петр Данилович, рассказывал о своем друге.

«Расчудесная советская семья! Отец генерал, прекраснейший, чуткий и добрый человек. Вместе с ним живут его взрослые дети. Один — инженер, другой — врач, дочка — химик. Большая квартира, замечательная дача. Почему же им не жить вместе? Тем более если отец говорит: «Хочу, чтобы дети и внуки сидели со мной за одним столом». Имеет он на это право или нет?»

Курбатов ответил решительно: «Нет». Тут уже не любовь, а чистейший эгоизм.

Прошлым летом Павел Иванович гостил у друзей, и случайно ему пришлось познакомиться с этим генералом. Действительно, человек он был прекрасный — добрый, чуткий. Одного только не понимал добряк — что его мощная фигура как бы отгораживала взрослых детей от беспокойного мира, где часто дуют холодные ветры, проносятся грозы и далеко не всегда светит солнце. Дети привыкли к мысли, что, даже приподняв-

шись на носки, они не достанут до папиных золотых погон. Ну а раз так, то не стоит к этому и стремиться...

Прошло время, и генерал пожаловался Курбатову: старший сын недавно женился, прожил в доме отца немного и вместе с женой решил уехать. Куда? Зачем? Разве отец плохо к нему относился? Разве не любил, как родную дочь, невестку? Нет, сын и его жена всем довольны и, однако, уезжают на Урал. «Может быть, на работе неприятности? — допытывался несчастный отец. — Плюнь, мало ли в Москве заводов, найдем место и получше!»

И тогда сын признался: «Нет, работой я доволен, но сам хочу делать жизнь...»

Павел Иванович утешал генерала, шутливо доказывая, что методы холодного воспитания телят, основанные на законах мичуринской науки, следует иной раз применять и к изнеженным человеческим особям. В преодолении трудностей закаляется характер человека. Кроме того, самолеты, поезда, почта, телеграф, радио успешно сокращают расстояние между родителями и детьми.

Генерал так и не понял этого. Может быть, этого не понимает и отец Кучинского?

Подойдя к окну, Курбатов заметил Жору. Тот метался взад и вперед вдоль ограды, как волчонок в клетке, и в сердце Павла Ивановича шевельнулось что-то вроде сожаления.

Принесли почту. Сестра писала, что умер Сережка, ее семилетний единственный сын. Счастье, радость, жизнь — все, что давал ей этот ребенок, — покинули дом. Письмо было отчаянное, пропитанное слезами и безнадежностью.

Сережки не стало в три дня. Пожаловался: «Мама, болит голова». Измерили температуру, отвезли в Высокую больницу. Лечили от одной болезни, а потом выяснилось, что у ребенка была другая, какая-то вирусная. А вирусы можно разглядеть только под электронным микроскопом. Конечно, в сельской больнице его не было, хотя бы потому, что не было и электричества, без которого такой микроскоп работать не может. Даже хирургические операции там делают при керосиновых лампах.

У Павла Ивановича детей не было. Всю свою любовь к детям он отдал Сережке. Часто привозил его

в Москву, ходил с ним в зоопарк, в цирк, радовался и смеялся вместе с ним. Великолепна жизнь, когда рядом слышишь детский смех. А теперь он умолк. Можно ли искать виновных в смерти ребенка? Конечно, нет. Но в сердце затаилась глубокая боль: не ты ли виноват? Почему не сумел ты раньше построить зеркальное поле возле Высокова? Будь там свет, электричество, возможно, и привезли бы туда электронный микроскоп. Побольше бы всюду зеркальных полей, электростанций, и главное — поскорее...

В дверь кабинета постучали.

— Там какой-то представитель приехал, — сказала уборщица, вытирая руки о фартук. — Вас требует. Говорит, что по важному делу.

Курбатов никого не ждал. Видно, дело срочное, если человек преодолел сотни километров в такую жару.

Отдуваясь, вытирая голову мокрым от пота платком, перед Курбатовым сидел добродушный толстячок в шелковой рубашке, доходящей чуть ли не до коленей. От самого верха стоячего воротника до живота шли серебряные пуговицы.

— Прошу прощения, Павел Иванович, — и гость расстегнул воротник, отчего пуговицы зазвенели, как бубенчики. — Ну и климат тут проклятуший! Северянам совсем житья нет. А в вашем кабинете, Павел Иванович, прямо рай земной — так и веет прохладой. До чего же наука дошла — из жары лед делает!

Говоря все это, толстячок прихлебывал из бокала боржом, который Курбатов достал из холодильника. Маленькие усики, как два чернильных пятнышка, забавно шевелились при разговоре.

— Трудное наше дело... То производственных площадей не хватает, то сырья. С рабочей силой туговато. Многие обратно в колхозы уехали. Нет, конечно, я не против. Сельское хозяйство надо развивать, но, как говорится, не единым хлебом жив человек. Кто же в промышленности останется? Я, как директор предприятия, отвечаю за план. С меня же, Павел Иванович, спрашивают!

Курбатов слушал директора, а думал о смерти Сережки. Что написать сестре? Как ее утешить?

— Вы говорите — план? Спрашивают? — перехватил Павел Иванович последнюю фразу гостя и недо-

уменно посмотрел на толстячка, точно увидел его лишь сейчас. — Я не могу помочь. Не здесь надо вербовать рабочую силу.

— Что вы, золотко? Кто к нам пойдет из научного учреждения? Я когда-то сам работал в такой организации заместителем директора. Нет, дорогой Павел Иванович, ваши кадры нас не интересуют. Сырьца бы нам подкинули. Страдаем... Фонды не спустили, прямо хоть производство закрывай.

Ничего не понимая, Курбатов вновь потянулся за письмом и спросил:

— Какое же у нас сырье?

— Не прибедняйтесь, Павел Иванович. На складе я у вас не был, но ведь поле-то огромное. Плиты заменять приходится? Приходится. Нам не нужны новые, нас устроят бэу, то есть бывшие в употреблении... За ними и отважился на такое далекое путешествие.

— Я что-то не слыхал о вашем производстве. Конечно, наши плиты могут найти применение в строительной технике. Из них можно делать крыши железнодорожных будок, в местах, где нет электротока, крыши консервных заводов... Или, скажем, в степи на целине...

Курбатов обрадовался, что нашлись инициативные производственники, которые, не дожидаясь решения Москвы, сами уже думают о массовом применении фотоэнергетики.

— Или, что особенно важно, для сельских больниц. Пока ведь не везде есть электричество... У вас есть какие-нибудь чертежи, проекты?

— Зачем чертежи? Образцы готовой продукции. Но из другого сырья. Прозрачности такой нету. Да и расцветка оставляет желать лучшего. Сами понимаете, как трудно удовлетворять возросшие эстетические потребности покупателя. Мы, конечно, изучаем спрос, ведем статистику. Все самим приходится делать, главным образом потому, что в горисполкомах сидят бюрократы. Даже на письма не отвечают.

— Вы все-таки расскажите, о чем идет речь. О каких образцах?

Директор нагнулся, поднял маленький чемоданчик, стоявший у его ног.

— Вот, извольте видеть, — он вынул из чемоданчика пластмассовую брошку. — Это один образец. Тут на-

писано «Люба». Но мы выпускаем разные имена. Обратите внимание на оформление. Над женским именем два голубя. Расположены они на известном расстоянии друг от друга, а то бы художественный совет ни за что не утвердил. Скажут, целуются. Нездоровые эмоции, то, другое, третье. К чему мне эта морока, я стреляный воробей. Но помощи никакой. Недавно пришлось штампы менять, поизносились, у нас же массовая продукция! А как узнать, нужно ли в первую очередь выпускать брошку «Лена» или «Аня»? Кстати, «Аня» лучше идет в сбыт, чем «Нюра». Пришлось писать в разные города, где наша продукция пользуется большим спросом: назовите, мол, наиболее распространенные женские имена. Штамп, или в данном случае пресс-форма, ведь денег стоит. Ну и что же? Ни ответа, ни привет. У нас большой ассортимент пластмассовых изделий... Есть и другие модные надписи по американским рекламным образцам...

Он выложил на стол целую горсть безделушек.

— Вот, извольте видеть. С вкраплением золотистого металла, как у ваших плит... Отработанных, отработанных, — поспешил он пояснить, заметив гневный взгляд Курбатова. — Мы сможем удовлетворить законные требования покупателя. Но главная наша специальность — дамские пуговицы.

— Пуговицы? — переспросил Курбатов.

Во рту стало опаляюще сухо. Так вот к чему сводится весь его труд! Начал с поисков пуговицы, потом Люба стала «пуговичной королевой». Черт знает какая чепуха! И в конце концов его поле, обещающее людям счастье, растащат по кусочкам на пуговицы, на брошки, на побрякушки.

— Пуговицы? — раздельно выговорил он, вставая. — Брошечки «Люба», «Аня», «Маня»! Жучки, паучки, козявки. Да как вам не стыдно! Мы солнце хотим на землю спустить, работать его заставить, чтобы лучше жилось человеку, чтобы никогда не знал он военных ночей, чтоб никогда не умирали дети. Да разве этот осколок Солнца, — Курбатов протянул гостю кусок плиты, — я отдам вам на чепуху? В этом осколке труд многих поколений! В нем кровь и пот. В нем мечта, дорогой товарищ... Вы знаете, как пахнет мечта?

Директор производства жучков и паучков смотрел на расходившегося изобретателя с кривой улыбкой,

Ну и чудак! Настолько заизобретался, что уже спрашивает, как пахнет мечта!

— Успокойтесь, Павел Иванович, — мягко уговаривал его гость. — Мы запросим главк, вам самому не придется решать. А пока хотелось бы получить образец. Вот и бумажка...

Неизвестно, как бы в данную минуту ответил Курбатов, но в кабинет вошел Багрецов.

— Я стучал, Павел Иванович, а вы, наверное... — Вадим не договорил. — Товарищ Медоваров?

Пришлось поздороваться.

— Не ожидал вас здесь встретить, — процедил Вадим.

— Я тоже не ожидал, золотко, — в тон ему ответил Толь Толич, которого так называли все от мала до велика. Было видно, что и он несколько не рад этой встрече.

После того как по милости Толь Толича изобретатель карманной радиостанции Багрецов чуть не оскандалился, они не встречались. В отношении Багрецова Толь Толич допустил маленькую оплошность и с треском вылетел из института. Произошло это, как говорил Толь Толич, из-за «недооценки роли общественности». Своим приходом Багрецов напомнил об этом Медоварову*.

— Так как же насчет образца, Павел Иванович? — льстиво спросил Толь Толич. — Что мне доложить руководству?

— Никаких образцов!

С обиженной миной Толь Толич стал собирать брошки, клипсы, пластмассовые браслетки и складывать обратно в чемоданчик.

— Однобоко смотрите, Павел Иванович. Энергетика — дело, конечно, важное, тяжелая промышленность — основа основ. Но кто же будет удовлетворять возросшие эстетические потребности народа? Без этого не проживешь. — Толь Толич подкинул на ладони горсть брошек. — Каждому свое, Павел Иванович. Ну а что касается образцов сырья, то уж как-нибудь добудем. Вы не представляете, сколько можно сделать пуговиц из одной отработанной плиты! Экономика тоже кое-что значит.

* Об этом эпизоде было рассказано в романе «Альтаир». (Примеч. авт.)

Чтобы не вспылить, Курбатов повернулся к Багрецову.

— Я вас слушаю. — Но, раздраженный наглостью Медоварова, ничего не понял из того, что говорил Багрецов. — Вы с ним знакомы? — спросил он, когда Медоваров скрылся за дверь.

— Встречался в Москве. Потом в экспедиции.

Получив разъяснения по некоторым техническим вопросам, Багрецов ушел, а Курбатова вновь охватили сомнения. Не этому ли деятелю был передан третий осколок? Багрецов знает его хорошо, и неловкость, которую он никак не мог скрыть при встрече в кабинете, подчеркнутая сухость в обращении — не маскировка ли все это? Ведь пуговичной фабрике для опыта нужен порядочный кусок плиты. Не тем ли озабочен Багрецов? Курбатов хорошо помнит, как тот смутился в лаборатории, когда его застали за распиливанием плиты. Все, все вертятся вокруг зеркального поля, все ждут, когда ослепнут ячейки. Неужели придет это страшное время? Неужели плиты будут годны только на пуговицы?

Кучинский знал, что отступление бессмысленно. Правда, еще многое может измениться, но комиссия по распределению молодых специалистов обязательно учтет заявку Курбатова. Придется Жоре оставаться здесь или зимовать в какой-то паршивой деревушке, где нет ни веселого общества, ни театров, ни вернисажей, ни теплого бассейна для плавания, ничего. Неужели он, бедный Жора, словно Гулливер, привязанный за волосы ко всем этим местам, действительно останется лысым?

Выхода не было. Твердое убеждение Курбатова в необходимости «холодного воспитания» не оставляло никаких надежд. Самое главное, что Павлу Ивановичу ничего не стоит доказать отцу преимущества и широкие перспективы, открывающиеся перед молодым ученым, если он работает в лаборатории, которая находится у черта на куличках. «Не вывернешься, — с тоской думал Жора. — Отец не поддержит. Человек он мягкий, уговорить нетрудно. Влип как миленький. Нечего было напрашиваться». Оставалось лишь мечтать, что Курбатов провалится со своими опытами и ему не разрешат строить новую лабораторию.

Жора бесцельно пошел по дорожке вдоль зеркаль-

ного озера. В нем он видел домик высококовской лаборатории, кругом заснеженные бескрайние поля или (что ничуть не привлекательнее) скучные горячие барханы. Зрело единственное решение, и он цеплялся за него, как за чахлый кустик саксаула, чтоб не сползти вниз, под горку.

Возле распределительной коробки шестого сектора Жора увидел Бабкина. Он сидел согнувшись, на корточках, измеряя напряжение. Рядом стоял прибор, похожий на серебряный кубик с цветными кнопками.

— Здорово, старик! — с деланной веселостью приветствовал его Жора. — Много вчера наработали?

Бабкин поднялся, расправил спину и равнодушно ответил:

— Без тебя обошлись.

Жора доверительно взял его под руку.

— Присядем, старик. Дело есть.

Тимофей воспротивился. Он еще не закончил работу.

— Есть дело — выкладывай, нет — до свидания.

— Шут с тобой! — согласился Жора и оглянулся по сторонам. — Поговорим как мужчина с женщиной. Я тебе, старик, прямо скажу, что из всей вашей неразлучной пятерки ты единственно благородный человек. Остальные — мура.

Это не понравилось Тимофею. Мало того, что Жорка оскорблял его друзей, но точно в таких же выражениях он вчера льстил Лидии Николаевне. Из всех пятерых только она была благородной, только она заслужила дружбу Кучинского.

— Через час ты побежишь к Димке и скажешь, что он самый благородный, единственный твой лучший друг, — едко усмехнулся Тимофей и вновь занялся распределительной коробкой.

Кучинский, видимо, не ожидал такого отпора. «Мальчишка на приманку не клюнул, — с огорчением подумал он. — Странно, вчера Михайличенко и глазом не повела, когда я ей насчет благородства высказывался, а сама Бабкину растрепалась. Никому нельзя верить. Все ангелами хотят быть. Плевать я на вас хотел!»

Однако у Жоры были свои планы, и ему не хотелось ссориться с Бабкиным.

— За что ты на меня окрысился? — жалобно проговорил он. — Что я тебе сделал, старик? Могу я ошибаться или нет? Могу. Так и вчера получилось. Думал — она девочка настоящая, оказывается — ничего подобного. Поговорил с ней без дураков, начистоту и окончательно разочаровался. Может, я не прав, но мое такое мнение... Вот и все.

Бабкин сдвинул кепку на затылок и нехотя поднял голову. На лице Жорки застыла искренняя печаль. Ничего, мол, не поделаешь, тяжело ошибаться в людях, но разве я виноват?

— Тебе до Лидии Николаевны расти и расти, — тоном старшего сказал Бабкин, разматывая шнуры от вольтметра.

Кучинский досадливо щелкнул пальцами.

— Оставим Лидию Николаевну в покое. Дело, старик, не в этом. Тут одна довольно скверная петрушка получилась. — Он поморщился, снял шляпу, стряхнул песчинки с ее пожелтевших полей. — Ты иногда бываешь у начальника...

— А ты каждый день к нему бегаешь. От работы отрываешь. Все свои дела устраиваешь. Подлипала.

— Ничего подобного, старик. Просто он знает моего отца.

— Ну а ты здесь при чем?

Жора снисходительно взглянул на Бабкина. Что этот голубоглазый молокосос понимает в жизни? Но тут же губы его сложились в заискивающую улыбку.

— Не пойму почему, но Павел Иванович явно благоволит к тебе...

— Не замечал. Он вообще хорошо относится к людям, которые ему не надоедают.

И эту обиду Жора проглотил. Оглянулся на здание лаборатории, словно опасаясь, что его могут подслушать.

— Понимаешь, какая петрушка... Характер у меня легкий. Никто на меня не сердится. А сегодня ни с того ни с его Павел Иванович, хороший папин знакомый, — и вдруг накричал на меня. Он, конечно, не имел права, еще совсем недавно мой отец был его начальником, но...

Бабкин подумал, что у Жорки создалось по меньшей мере странное представление о том, кому положено

кричать, а кому нет. Видно, он сильно разгневал Павла Ивановича, если дело дошло до крика. Впрочем, Жорка преувеличивает. Павла Ивановича нелегко вывести из себя. Он хоть и любит говорить правду в глаза, но сдержанный, уважает человеческое достоинство.

А Жора продолжал сетовать на людскую несправедливость.

— Подумать только, — говорил он, передергивая плечами, — отец так хорошо относился к Павлу Ивановичу. Я же это как сейчас помню. А он оказался таким неблагодарным.

— На отца тоже кричал? — спросил Бабкин.

— Простых вещей не понимаешь, старик. Курбатов и папа — почти друзья. Папа у него часто бывал. Меня Павел Иванович, конечно, не знает, но я ему напомнил. Можно, кажется, иначе разговаривать с сыном своего друга. — Жора обидчиво поджал губы и нахмурился.

— По заслугам и честь, — сочувственно заметил Тимофей.

— Можешь не сомневаться, заслужил, — заносчиво сказал Кучинский. — Отец мой не маленький начальник, дай бог каждому!

— Я не об отце, а о тебе. Он-то заслужил. А ты? Получил выговор от уважаемого человека и помалкивай. Тоже, наверно, заслужил.

Жора надулся, засопел. Возражать было трудно. Он вспомнил сегодняшнюю неприятность и боязливо поежился.

— Будь другом, старик, — заговорил он громким шепотом, — как-нибудь намекни Павлу Ивановичу, что Кучинский негодяй, законченный дурак и вообще полное ничтожество. — Он подобострастно заглянул Бабкину в глаза.

Тимофей высоко поднял брови. Он знал, что собой представляет Жорка, но с подобным определением согласиться не мог. Уж больно сильно закручено. Явный перегиб в самокритике.

Понуро опустив голову, Кучинский шел по зеркальному полю и с негодованием смотрел на свое отражение под ногами. Кажется, впервые в жизни он не нравился самому себе.

В зеркале промелькнула тень. Кучинский поднял глаза. Гудя, как шмель, совсем низко летела соломен-

ная шляпа. За ней, размахивая руками, бежал Димка. Шляпа нырнула в просвет между деревьями и пропала за живой изгородью.

— Привет! — прищелкнув каблуками, насмешливо прокричал Кучинский.

Багрецов, не отвечая, пробежал мимо.

Глава 11. ЛИЧНАЯ ТАИНА

Очи становились холоднее. От зеркального поля, нагретого за день, струилось приятное тепло.

Сегодня Нюра, сославшись на нездоровье, осталась в комнате. За окном слышался смех, оживленные голоса, а Нюре было очень грустно. Она ругала себя за глупую выходку, с болью вспоминала искаженное страхом лицо Кучинского, хотела просить у него прощения, но не решалась.

До разговора с ним она не думала, что Павел Иванович заинтересован аспиранткой, но потом, сопоставив некоторые факты, убедилась в правоте Кучинского и сделала еще один вывод: Лидии Николаевне Курбатов безразличен, она ищет его общества, поздними вечерами подолгу сидит у него в кабинете, а перед тем тщательно причесывается перед зеркалом. Конечно, это мелочи, но если места себе не находишь, если сердце обливается кровью при одной мысли, чем это все может кончиться, то каждый пустяк болезненно ранит.

Сколько месяцев страдала Нюра, боясь хоть чем-то выказать свою робкую любовь, а тут прилетела эта женщина, ученая, образованная, умеет и с людьми поговорить... Прошла неделя, и Павел Иванович только на нее и смотрит!

Все понимала Нюра. И то, что она не такая красивая и не такая умная, как Лидия Николаевна, и то, что платья у нее самодельные, старомодные, каких теперь уже не носят, и то, что слишком далек от нее Па-

вел Иванович, что он особенный, как говорил Багрецов, «с осколком Солнца в груди».

Но разве будет счастлив Павел Иванович с этой москвичкой? Резкая, упрямая, она возьмет его в руки, станет командовать им. Ведь он очень добрый. Ему труднее жить, чем Лидии Николаевне, — хитрости нет. Кто защитит его в тяжелую минуту, кто морщинки его разгладит, кто ходить за ним будет? Ведь он же большой ребенок, ничего не умеет сделать сам — ни поест вовремя, ни пуговицу пришить. Рукав у костюма обтрепался, галстуки мятые... Неужоженный он, никто о нем не заботится.

— А ты думаешь, Лидия Николаевна за ним смотреть будет? — как-то однажды поделилась Нюра своими сомнениями с подругой. — Нет, Маша, у нее своя жизнь.

— Ну и правильно. Она же не меньше его зарабатывает — чего же ей в няньки-то идти? А ты как была дома нянькой, такой и останешься.

— Да разве я о том? Работала бы, училась, но жила бы только для него. Ведь людей таких мало на свете. Беречь его надо, пылинки с его сдувать, чтобы спокоен был, чтобы работе его ничто не мешало. А Лидия Николаевна никогда этого не поймет. Даже сейчас, пока незамужняя, спорит с ним, сердится и, чтобы на своем поставить, тащит его ночью в лабораторию. Другая бы пожалела, а она не станет жалеть, коли себя не ниже считает.

— Да это уж как водится, — согласилась Маша, — будет он у нее по струнке ходить.

Нюра больше не откровенничала, а сегодня, вспомнив об этом разговоре, особенно остро почувствовала, сколь справедливы Машины слова. Как защитить счастье Павла Ивановича? Как уберечь его от женщины, которая идет по жизни твердыми, мужскими шагами? Скоро она будет кандидатом наук, потом, вероятно, доктором, и никогда Павел Иванович не узнает, что есть на свете настоящая женская преданность. А для Лидии Николаевны и без него дорога к счастью не заказана. У нее талант, красота и тысячи друзей в Москве.

«Зачем тебе нужен Павел Иванович? — уткнувшись носом в подушку, мысленно спрашивала ее Нюра. — Неужто за ним ты прилетела в пустыню?» Она не верила, что та могла полюбить его сразу. Зна-

чит, просто блажь. Но потом, потом всякое может случиться. Месяца два поживет здесь Лидия Николаевна, и тогда уже будет поздно. Если б не знала, не слышала, что сказал Кучинский, смотрела бы, как и прежде, в ее глаза, а сейчас не может без ненависти и боли. О, как она ее ненавидит!

Послышались легкие шаги. Это она.

Вспыхнул яркий свет.

Нюра зажмурилась, и на ресницах ее выступили слезы.

— Что с тобой, Анечка? Ты плакала?

Она не отвечала. Лидия Николаевна положила на стол тетрадь, села к Нюре на кровать, погладила ее по волосам.

— Нельзя ли горю помочь?

«Да, — чуть не вырвалось у нее, — только ты можешь это сделать. Уезжай, уезжай поскорей». Но вместо этого Нюра сказала первое, что пришло в голову: получила письмо от тетки. Болеет, ей трудно с ребятами, и Нюра не знает, как быть.

Письмо от тетки Нюра действительно получила, и тетка в самом деле жаловалась на какие-то недуги, но сейчас Нюра думала не об этом.

Лидия Николаевна посоветовала взять отпуск, поехать в Запольск и все разузнать на месте. Тогда можно что-нибудь придумать.

— Если хочешь, я сама поговорю с Павлом Ивановичем.

Только этого недоставало Нюре! Ее отправят, а «сердобольная» Лидия Николаевна останется здесь. Нет уж, лучше наоборот.

Не хотелось Нюре хитрить, да и вообще разговаривать, но пришлось.

— Тогда я вас уже не застану.

— Нет, Анечка, увидимся. Работы еще много.

Откуда Нюре знать, что Лидия Николаевна уже давно закончила проверку, о которой говорил Кучинский, и что после испытаний плит на восьмом секторе она займется диссертацией! В голове у Нюры крепко засела мысль, будто Лидия Николаевна остается здесь ради этой проверки. Она нарочно ее затягивает.

Ненавидящими глазами Нюра следила за каждым ее движением. Та подошла к зеркалу, поправила волосы; не желая красить губы, слегка покусала их, чтоб покраснели, перевернула флакон духов и влажной

пробкой провела за ушами; щеточкой пригладила брови и, улыбнувшись своему отражению, повернулась к Нюре.

— Если все будет хорошо, то откроется новая лаборатория. Поедете с нами, Анечка?

— С кем это? — прошептала Нюра побелевшими губами.

— С Павлом Ивановичем и со мной. Машу тоже возьмем. Кучинский напросился, хотя это не тот человек, который нам нужен. — Лидия Николаевна взглянула на часы, открыла ящик стола, сунула в него тетрадь и снова села возле Нюры. — Там все будет по-другому. Аккумуляторная...

— Лидия Николаевна, — послышался за окном голос Курбатова, — я жду.

— Потом расскажу, Анечка, — заторопилась она. — Бросьте кукситься, все обойдется. Наверное, ничего страшного. На Жору тоже хандра напала, бродит как неприкаянный. — И Лидия Николаевна выбежала из комнаты.

Нюра упала на подушку с глухими рыданиями. Все кончено. Поедут вместе, а ее из вежливости приглашают. Вроде как домработницу! Обед готовить, белье стирать... Нет, еще не все потеряно. Куда они пошли?

Она прыгнула с кровати, босой ногой отшвырнула туфли и потушила свет. Отдернув занавеску, выглянула из окна.

Никого не было. Вдали светилась беседка, откуда слышался негромкий голос Багрецова.

На нижней ступеньке главного здания под фонарем сидел Кучинский. Нюра его окликнула.

В первую минуту он испугался, вздрогнул, потом усмехнулся и, похлопывая прутиком по ноге, направился к окну.

— Добрый вечер, синьора. Чем могу служить?

— Простите меня, Жора, я тогда случайно...

— Когда в тебя кидаются тяжелыми предметами, то, поверьте опыту, это не бывает случайно. — Он снял шляпу. — Полюбуйтесь, синьора, на свою работу.

Нюра всхлипнула и, дотронувшись до синяка, по-детски спросила:

— Больно?

— Ничего себе, но я вас прощаю, Нюрочка, потому как сочувствую. Сейчас только и разговоров, что о но-

вой лаборатории. Некоторые ею особенно интересуются. А мне это дело — нож острый. Обидно смотреть, как другие ловчат. Работы на три дня, а они ее растягивают... Новую еще придумали.

Кучинский опасливо посмотрел на заплаканное лицо Нюры. Сейчас она уже не гневалась, как в аккумуляторной, и это его ободрило.

— Я же для вас стараюсь, Нюрочка. Решайте, пока не поздно.

— А если Павел Иванович узнает? — У Нюры пугливо дрогнули ресницы.

— Откуда? Да и вообще вы все усложняете. Подумаешь, секреты! Я не могу достать этот журнал, номера не помню, а то бы выписал из Москвы. Ну да ладно.

Жора приподнял шляпу, пожелал спокойной ночи, но не уходил.

Отвернувшись, Нюра до боли стиснула зубы и, помолчав, спросила:

— Какая страница?

Кучинский ответил шепотом:

— Тридцать вторая. — Потом замурлыкал: — «Ради счастья, ради нашего... ни о чем меня не спрашивай, не пытай ничего...»

Бессильно опустившись на кровать, Нюра долго сидела в темноте, рассеянно перебирая бусы.

Сквозь кружева занавески светила луна. Черные узоры лежали на чисто вымытом полу, на белом покрывале постели Лидии Николаевны, на ее столе, на страницах книги. Ящик стола был без ключа и слегка выдвинут.

Закрыв глаза от жгучего стыда, ощупью, как слепая, Нюра подошла к столу, скользнула пальцами по ящику, потянула его к себе, взяла тетрадь и прижала к груди.

В глазах стало все красным. Испуганно приподняла веки. С потолка лился ослепительный свет.

— Это еще что за новости? — услышала она голос Маши. — Ты в своем уме али нет?

Нюра стояла у открытого ящика, обнявшись с тетрадью. Страх и стыд она почувствовала не сразу, но потом, будто обжегшись, выронила тетрадь и, ступая неверными шагами, пошла к постели.

Маша подняла тетрадь и положила на место. Сурово глядела она на подругу. Девчонка совсем обалдела

от ревности. Ясно, что искала какие-нибудь письма от Павла Ивановича, может быть, подарки.

«Но почему она держала тетрадь? — подумала Маша и тут же догадалась: — Хотела прочесть дневник! Многие девчата пишут про любовь. — Она допускала мысль, что и Лидия Николаевна могла обнаружить эту слабость. — Значит, Нюрка пронюхала насчет дневника».

Но как она решилась? Маша считала это бесстыдством, позором. Если бы не видела своими глазами, никогда бы не поверила, что подруга ее способна на такую низость.

У Маши и в мыслях не было, что дневник этот технический. Может, там стихи переписаны? Но совесть не позволила заглянуть в чужую тетрадь. Она подошла к Нюре, положила руку на вздрагивающее от рыданий плечо.

— Что в тетрадке? Стихи?

Нюра отрицательно мотнула головой и еще громче заплакала. Ей было горько, стыдно перед подругой, которая всегда считала ее честной. К тому же обидно: испытавши позор, она ничего не добилась.

— Реви, реви, бесстыжая, все равно не пожалею. — Маша ходила по комнате, ожесточенно двигая стульями. — Расскажу Павлу Ивановичу, тогда будешь знать, как по чужим ящикам лазить.

— Не скажешь! — Нюра повернула к подруге мокрое от слез лицо. — В пески убегу. Смерти моей хочешь?

Маша презрительно дернула плечом.

— Нужна ты мне очень! Живи! — Она повязала косынку и решительно направилась к двери.

— Куда?

— Куда хочу. Отчета давать не собираюсь.

Хлопнув дверью, Маша остановилась. Действительно — куда? Ни за что на свете она бы не сказала Павлу Ивановичу о Нюркиной ошибке. Девчонка гордая, обидчивая. Разве она здесь останется, если Павел Иванович все узнает? Надо молчать. Но такие вещи не прощаются. А потом — можно ли поручиться за эту сумасшедшую? Выкинет какую-нибудь штуку похлестче.

«Лидия Николаевна тоже хороша, — думала Маша, выходя из общежития. — Прятать надо свои любовные дневники, коли видишь — девчонка мучается. Нет, наверное, она не догадывается».

Новая забота: как бы предупредить Лидию Николаевну — пусть прячет дневник. Кому же приятно, если посторонние люди тебе в душу залезают. Мало ли что может писать Лидия Николаевна? Ой, как нехорошо все складывается! Надо с ней посоветоваться. Намекнуть бы про Нюркины страдания, тогда Лидия Николаевна будет запирать ящик.

Маша походила возле главного здания, заглянула в лабораторию, но нигде не нашла Лидии Николаевны. «Видать, у начальника», — подумала она и решила дожидаться ее в беседке, где после сегодняшнего утомительного дня отдохали Димка и Бабкин.

— Маша, — обратился к ней Вадим, — про мою шляпу ничего не слышали? Может быть, нашел кто?

— В песках разве найдешь.

— Да ведь она сразу же у ограды упала. Тяжела, далеко не могла улететь.

— За такие игрушки ноги надо вырывать, — пробурчал Тимофей. — Теперь ищи ветра в поле. Мало ли в какие руки попадет кусок этой плиты! Дело, конечно, не секретное, но все же...

Не повезло Димке Багрецову. Захотелось облегчить свою шляпу-холодильник, снял он с плиты лишний слой пластмассы, коробку с сухим льдом запрятал в карман и решил к вентиляторному моторчику пристроить крылья побольше, не пряча их внутрь шляпы. Надел сооружение на голову, нажал кнопку, и шляпа взвилась, точно вертолет. Вадим ясно видел, что над оградой вертушка отскочила, а шляпа с плитой опустилась за деревьями. Но пока он выбежал за ворота, пока добрался до того места, где должна быть шляпа, прошло немало времени, и ее кто-то взял. Неприятная история, но можно и забыть о ней, когда успешно идут дела на восьмом секторе.

— А здорово мы сегодня поработали, Машенька, — с удовлетворением сказал Вадим. — Спину не разогнешь.

— Это вам в охотку, — ответила она, напряженно глядя в окна курбатовского кабинета. — Я-то привычная и вообще...

Сегодня Маша свивала провода и припаивала к ним контрольные лампочки. Все это делалось на месте, то есть возле восьмого сектора, где не было ни столов, ни скамеек, приходилось сидеть на корточках или становиться на колени, что было довольно утомительно.

Но сейчас даже приятно — спина сладко ноет, и по всем твоим жилочкам разливается спокойная усталость.

Багрецов и Бабкин завели какой-то непонятный технический спор. Маша в ожидании Лидии Николаевны забилась в темный уголок и чуточку подремывала.

Измеряя напряжение на токопроводящих шинках, Багрецов случайно прикоснулся к одной из них тонким проводничком, соединенным с другим полюсом. Проскочила бисерно-крохотная искорка, и проводничок прилип к шинке. Вадим осторожно подергал его, но тот держался крепко. Пробуя десятки проводочек разной толщины, Багрецов нашел наивыгоднейшую, подобрал нужный ток, и задача надежного и быстрого присоединения выводов к ячейкам была решена. Но что делать с Бабкиным? Он типичный консерватор, противится всему новому, зажимает ценные изобретения.

— Ретроград, — выпалил Димка в пылу спора и даже сам удивился, откуда на языке появилось столь древнее слово. — Зажимщик. Эх, знал бы Павел Иванович!

Бабкин скользнул насмешливым взглядом по лицу Димки.

— Ну что ж, поди посоветуйся. Предложи ему свою гениальную идею, как искрой насквозь прожигать соединительные полоски. Он тебе покажет «ретрограда».

Несомненно, Димка добьется своего, полоски останутся целыми, и сварка окажется надежным способом соединения. Но ведь для этого надо время! А кроме того, зачем рисковать? Пайка — дело проверенное. Так думал Бабкин.

Было и еще одно обстоятельство, почему Тимофей, по примеру отъявленных бюрократов, мог «замариновать» Димкино предложение. Совестно, конечно, коли про это узнают. Приклеют тогда Бабкину кличку эгоиста, а ведь он, если разобраться по-человечески, не виноват ни в чем. Что такое сварка по Димкиному способу? Ткнул проводничок — и готово. А пайка — искусство, тончайшее мастерство. Сегодня Бабкину дали одну плиту. Если бы вы знали, с каким наслаждением он зачищал красно-медное жало им самим сделанного тонюсенького паяльника, как, приблизив его к щеке, чувствовал зарождающееся в нем тепло, как жадно вдыхал дымок канифоли! Да что там говорить! Бабкин,

прищурился, любовался каждой пайкой, радовался, если оловянная бусинка блестела, как слеза, хмурился, коли она тускнела.

Потом новая задача: положить перед собой часы и стремиться к тому, чтобы с каждым новым десятком паек все больше и больше сокращать время, необходимое для этой операции. К концу четвертого часа Бабкин стал работать вдвое быстрее. Он представлял себя точно в едином заводском потоке, когда твой труд нераздельно связан с другими.

Димка, конечно, этого никогда не почувствует. К тому же его предложение в корне убивает искусство. А еще говорят, что у него поэтическая душа!

Маше надоело слушать технические споры, все равно она в них ничего не поймет, а кроме того, она боялась пропустить Лидию Николаевну. «Заснешь еще, пожалуй, разговоры больно мудреные. Вот стихи — это дело другое».

Маша встала и, прихрамывая — ногу отсидела, — пошла к главному зданию. Как раз вовремя: по лестнице спускалась Лидия Николаевна. «Сколько же у нее платьев? — с легкой завистью подумала Маша. — Что ни день, то новое. А ведь поначалу, как приехала, из одного платьишка не вылезала. Нюрке с ней не тягаться».

Лида смотрела себе под ноги и никого не замечала. Только что она беседовала с Павлом Ивановичем. Он опять заинтересовался результатами химического исследования осколка пластмассы, переданного Лиде. В прошлый раз, объясняя задание, он потребовал определить химический состав пластмассы в местах излома. Лида брала пробы с разных участков осколка и, к своему удивлению, обнаружила следы едкого калия, которого никак не могло быть в пластмассе. Лида ничего не знала о причинах, побудивших Курбатова предлагать ей подобный метод анализа, не знала и о том, что этот осколок выпал из кармана Багрецова. Техники, предупрежденные Курбатовым, не могли ей рассказать об этом, а у начальника лаборатории были свои основания не открывать раньше времени цель исследований.

— Лидия Николаевна! — окликнула ее Маша. — Можно, я с вами поговорю?

Она нервно подсовывала под косынку выбившиеся волосы. Лида заметила ее тревожное состояние,

— Пожалуйста, Машенька. Ты не знаешь, что случилось с Нюрой? Захожу, а она плачет, говорит — тетка больна. Но нельзя же так убиваться. — Лида обняла Машу и повлекла за собой. — Пойдем, расскажешь.

Прошли мимо беседки, где спорили Багрецов и Бабкин. Димка хотел было увязаться за девушками, но зоркий друг его считал, что благоразумнее Димку не отпускать — опять начнет вздыхать, как в прошлом году.

— Сиди. Не видишь разве?

Девушки направлялись к самой дальней скамейке.

— Пусть посекретничают.

Маша села, вытряхнула песок из туфли и, снова надевая ее на босую ногу, сказала:

— Вообще, это все глупости. Он на нее и смотреть не хочет, а Нюрка из себя выходит, думает — другая виновата.

— Кто он? Кто другая? — удивилась Лида. — Ничего не понимаю.

— Тут и понимать нечего, а только я вас очень прошу насчет писем или, вообще, дневников... Держите их подальше. Нюрка как бешеная рыщет всюду... Вам же будет неприятно. — Маша замолкла, испугавшись, что сказала лишнее.

— Спасибо, Машенька. Но у меня нет ни писем, ни дневников.

— А клеенчатая тетрадь?

— Там только лабораторные записи. Вряд ли они заинтересуют Нюру.

Маша облегченно вздохнула. Разве она могла предполагать, что именно эти записи нужны Нюре? Если бы кто намекнул ей об этом, рассмеялась бы: совсем обалдел человек! Нюрка Мингалева, ее закадычная подруга, — и вот нате вам, подозрительная личность, вроде шпиона! Глупость какую придумали!

Помолчав, Лида спросила:

— А почему, Машенька, вы сказали о тетради? Она была у меня в ящике. Разве Нюра доставала ее?

— По ошибке. Но раз там ничего нет такого...

— Как ничего? Результаты исследований, формулы.

— Это ей ни к чему, она про любовь искала, Лидия Николаевна. — Маша порывисто сжала ее руку. — Простите эту дуру. Избави бог, если Павел Иванович

узнает. Я уж надеюсь на вас. А то Нюрка от стыда сгорит. В пески убежит.

Она встала, оправила складки платья и уже на ходу сказала:

— Пойду валерьянки ей накапаю. Ревмя ревет.

Оставшись одна, Лида попыталась собраться с мыслями. Значит, Нюра, или, как она ее называет, Анечка, любит Павла Ивановича. В этом Лида не находила ничего удивительного. Человек он интересный, умный, и душа у него чистая. Есть за что полюбить. Но при всех этих великолепных качествах Лида не видела в нем человека, с которым бы могла связать свою судьбу. Мысли ее опять возвращались к Нюре. Почему она рылась в чужом ящике? Как она могла подумать, будто в техническом дневнике, который Лида приносила из лаборатории, записывались любовные волнения? Лида терялась в догадках. Она не сомневалась, что Нюра мучительно переживает невысказанную любовь. Но при чем тут дневник? Если она искала в нем технические данные, то ей самой они не нужны — в химии она безграмотна; если же хотела передать другому, то должна бы понимать, что этим она принесет вред не только Лиде, но и любимому человеку. Значит, и эта догадка не подходит. История по меньшей мере странная.

Как бы должен поступить любой честный советский человек на месте Лиды? Прежде всего признаться в своей ошибке: нельзя хранить лабораторные записи в незапертом ящике. Затем сообщить руководителю о совершившемся факте: записями интересовался посторонний человек. Да, посторонний, так как никакого отношения к ее работам Нюра не имела.

Но Лида колебалась. Во-первых, она не сама обнаружила этот факт, а узнала от Маши, которая просила ничего не говорить Павлу Ивановичу. Во-вторых, Лиде очень не хотелось выдавать девичью тайну. Кроме того, не подумает ли она, будто Лида с нею соперничает, а потому и пользуется ее ошибкой, которую Павел Иванович никогда не простит.

Но самое главное, что удерживало Лиду от необходимого шага, это вера в человека. Уж очень несовместимыми в ее глазах были поступок Нюры и она сама — простая рабочая девушка, наивная, робкая. Разве она могла на это решиться? Никогда. Здесь какая-то ошибка.

— Скучаете, Лидочка? — спросил Багрецов, усаживаясь рядом и поднимая воротник светлого плаща. — Разрешите? Или Кучинского прислать для развлечения?

— Покою он вам не дает, только о нем и думаете.

— Не могу иначе. Жорка мне даже во сне снится. Закрою глаза, а он уже тут как тут: «Здорово, старик! Как поживаешь?» — Вадим откинулся на спинку и уныло добавил: — Раньше детям домовые снились. Счастливые ребята.

Лида в детстве дружила с Вадимом, делилась горестями и радостями. Почему бы сейчас не посоветоваться? Он никогда не воспользуется ее откровенностью для каких-нибудь своих целей. Болтать тоже не будет.

— Тимка спать пошел, — зажмурив глаза, лениво бормотал Вадим. — Любит он это занятие, и снится ему Стеша, а не Жорка.

— Послушайте, Вадим. Хоть на пять минут можете вы Кучинского позабыть?

— Постараюсь.

Лида спрятала руки в рукава и поежилась.

— Прохладно. Не знаю, как быть... Очень странная история... Но если я попрошу, вы никому не скажете?

— Даже Тимке?

— Да.

Вадим нерешительно ответил, что это ему трудно, от Тимки он ничего не скрывает, но если Лида требует, значит, так нужно.

Лида передала Багрецову разговор с Машей, свои наблюдения и наконец спросила — могла ли Нюра интересоваться техническим дневником или она действительно искала в нем что-либо похожее на интимные записки?

Запустив пальцы в свою курчавую шевелюру, Вадим молчал. Вряд ли Нюра осмелилась рыться в чужих тетрадах, но ведь Маша это не выдумала.

— Кучинский! — Вадим решительно тряхнул головой и, заметив удивление Лиды, пояснил: — Нюру не могли интересовать лабораторные записи. А Жорку? Почему бы и нет?

— Ну знаете ли! — Лида всплеснула руками и собралась уходить. — Ваша ненависть к Кучинскому за-

ходит слишком далеко. Это нечестно. И на вашем месте я поостереглась бы от подобных обвинений.

— Почему на моем месте?

— Потому что все знают, как вы к нему относитесь. Да если бы Кучинскому нужны были технические сведения, записанные в моей тетради, он получил бы их без тайных посредников. Чего проще обратиться к Павлу Ивановичу. Потом, не забудьте, химией он не занимается. Она его не интересует.

— Значит, интересует кого-то другого, — спокойно заметил Вадим. — Жорка на все способен. Я видел, как он вертелся у Нюры под окном. Серенады ей пел. А она и уши развесила.

— Вот так логика! Смешно назвать ее женской. Детская логика! Нюра влюблена в Павла Ивановича, а не в Кучинского. При чем же тут серенады?

Вадим подумал, что здесь есть какая-то связь. А вдруг у Жорки и Нюры нашлись общие интересы? Конечно, это лишь подозрения, неясные, беспочвенные, на них ничего не построишь, но и отмахнуться нельзя.

Лида резко поднялась и протянула ему руку.

— До завтра! Одумайтесь, Вадим. Сейчас я жалею, что проговорила. Теперь вы совсем загрызете бедного Жору.

Крепко пожимая ей руку, Вадим подавил вздох.

— Лидочка, простите, но, может быть, вы никогда больше не протянете мне руки.

— Стоит ли на вас сердиться?

— Пока нет, но завтра вы меня будете избегать.

— Почему завтра?

Багрецов посмотрел на освещенные окна кабинета Курбатова.

— Я должен предупредить его, пока не поздно.

— Вы смешны, Багрецов. И мне вас жалко. Хотите оклеветать Кучинского? Но вы этого не сделаете, потому что я не хочу. Я вам доверилась и выдала чужую личную тайну.

— Нет, Лидочка. Она не может быть личной. Это серьезное дело.

— А вы подумали о Нюре? Ведь я знаю, что в записях у меня нет ничего секретного, а девочка может пострадать.

— Уверен, что Нюра почти не виновата. Ее обманули.

— Кучинский, конечно?

Вадим кивнул головой.

Лида круто повернулась и сказала зло:

— Идите. Выслуживайтесь!

Ни минуты она не могла оставаться с ним рядом. Неужели он не понимает, что его поступок потянет за собой множество неприятностей? Хочет насолить Кучинскому, а пострадает Нюра. Нашел с кем бороться! Пострадает и она, Лида, — нельзя оставлять тетрадь в общежитии. Павел Иванович сделает ей внушение. Кроме того, она навсегда потеряет доверие Маши и Нюры. Бедные девушки, как им приходится расплачиваться — одной за искренность, другой за любовь.

Лида ушла, а Багрецов, согнувшись, еще долго сидел на скамье. Он не раскаивался в своем решении и знал, что его ждет. Лида не простит. Девушкам тоже все будет известно — она постарается оправдаться и укажет на истинного виновника их бед. Поговорить бы с Тимкой, но Вадим не мог нарушить своего обещания.

Но далеко не все предвидел Багрецов.

Немного спустя он уже сидел в кабинете Курбатова и рассказывал:

— Поймите, Павел Иванович, что каких-нибудь конкретных данных против Кучинского у меня нет. Но я много думал эти дни. Он хотел завоевать доверие девушек, расписывал беспечность столичной жизни, говорил, что здесь им не место...

Свет лампы под абажуром падал на лицо Курбатова и делил его на две части. Вадим видел лишь сжатые губы и выпуклый подбородок. Нельзя было понять, как инженер воспринимает его нечеткую, сбивчивую речь.

— Они не так наивны, как вы думаете, — сказал Курбатов. — Не поверят.

— Жорка хитрый. Любым шантажом, наконец, подлостью добьется чего нужно, — вспылил Вадим, чувствуя, как в нем разгорается гнев. — Он боится, что его не оставят в Москве. Юлит, подлизывается. Ради карьеры способен на все...

Вадим уже не мог удержаться. Слова, ранее облюбованные им, куда-то разлетелись, а вырывались другие — ненужные и пустые.

Говорил он, что знает Жорку давно, что в Москве живут они в одном доме, что Жора попал под дурное

влияние, а сейчас и сам источник заразы. Говорил небдуманно, высказывал подозрения, будто третий кусок зеркальной плиты наверняка подобрал Жорка, так как больше некому.

Павел Иванович терпеливо слушал, потом знаком остановил Вадима.

— Мне думается, вы пришли сюда из лучших побуждений. Завтра я вызову Мингалеву и спрошу о тетради. Но при чем тут Кучинский? Не знаю, что вы с ним не поделили, меня это не касается. Но ваши взаимоотношения мешают работе. И если так будет продолжаться, придется вас отправить в Москву.

Вадим широко раскрыл рот, будто задохнувшись:

— А Кучинский останется?

— Несомненно. В отношении вас он ведет себя вполне достойно. А вы над ним издеваетесь даже в лаборатории. Место, прямо скажу, неподходящее для сведения личных счетов.

Лицо Вадима налилось кровью.

— Не могу я хорошо к нему относиться. — Багрецов неосторожно повернулся, уронил со стола вазочку с карандашами. — Простите, сейчас подберу. — И, ползая по ковру, говорил хрипло: — Не могу улыбаться ему, руку жать, когда знаю, что он за тип. А еще комсомольский билет в кармане!

— Вот и докажите, что Кучинский его недостоин. На то и комсомольская организация. Поговорите с товарищами.

Вадим собрал карандаши и поставил вазочку на стол.

— Особых преступлений за ним не числится.

— А вам хочется их найти? — Курбатов постучал ладонью по столу. — Стараешься, но неумно. Человек был за сотни километров отсюда, а вы подозреваете, будто в это время он раскалывал плиты. Мингалева брала тетрадь, а виноват тот же Кучинский. Все это дурно пахнет, молодой человек.

— Что вы хотите сказать?

Курбатов развернул газету, как бы давая этим понять, что Багрецова он не задерживает.

— Примите мой дружеский совет: ваши личные враги не обязательно должны быть врагами общества. И позабудем о вашей ошибке.

— А если я не ошибаюсь?

— Дорогой мой, вы плохо знаете жизнь. — Курбатов поднял не улыбочивые глаза. — Трудно поверить, что всего лишь за несколько дней Мингалева вспыхнула такой огромной любовью к Кучинскому, что ради него могла пойти чуть ли не на преступление. Надо лучше думать о людях.

— Дело не в Кучинском, — вырвалось у Вадима. — Ведь она не его любит.

— А кого же?

Ответ на этот вопрос Багрецов, и все бы обернулось иначе. Павел Иванович осмыслил бы его подозрения в новом свете, кое-что показалось бы ему справедливым, заслуживающим внимания. Но Вадим не ответил и тем самым разрушил и без того шаткие, ничем не укрепленные позиции.

Если Курбатов вначале не сомневался в искренности подозрений Багрецова — парень вспыльчивый, дал волю чувствам, все ему кажется непонятым в поведении Кучинского, — то теперь он уже ничему не верил. Злая клевета, мстительность. Ну и характерец созрел у юного товарища! Что же будет дальше?

Одна ошибка влечет за собой другую. Знал бы Вадим, что сейчас думает о нем Курбатов, постарался бы избежать случайных поступков, выдающих его с головой.

— Мне понятна ваша деликатность, — с холодной вежливостью сказал Курбатов. — Вам доверили личную тайну, ну и держите ее при себе. Если нужно, я узнаю другим путем.

Вадим вскочил, будто его подбросили пружины.

— Только у Нюры не спрашивайте! — Он умоляюще прижал руки к груди. — Очень вас прошу. Я не знаю, что с ней будет! В пески убежит!

— С вами, что ли? — грубо спросил Курбатов. Эта комедия начала ему надоедать. — И здесь Кучинский мешает?

Вадим лишь жалко улыбнулся. Никогда он не выдаст Нюрину любовь, к ней надо относиться бережно — она первая. Лида тоже не будет в претензии: что мог, то скрыл, а насчет Кучинского предупредил.

— Не торопитесь, — сказал Курбатов, когда Вадим, пожелав ему покойной ночи, пошел к двери. — Я вас задержу на минутку.

Открыв дверцу шкафа, инженер вынул оттуда соломенную шляпу («Вот она где!» — мелькнуло у Багре-

цова), развязал марлю и, указывая на блестящий круг пластмассы, спросил:

— Ваша идея?

Опять, как и в прошлый раз, когда Курбатов застал его за выпиливанием этого круга, Вадим покраснел и лишь кивком головы сознался — не только идея, но и шляпа его.

— Зачем вы перебросили ее через изгородь, кому?

— Я не перебрасывал.

Курбатов еле сдерживался, чтобы не вспылить. Да ведь в караульном помещении сирена загудела, когда переброшенная через изгородь шляпа пересекла невидимый луч фотоблокировки. Тут же, возле стены, ее и нашли. Сначала удивились — кому это пришло в голову так развлекаться? Но потом, когда сняли марлю, дело обернулось иначе. Остроумный способ маскировки! Загадка осложнялась еще и тем, что вскоре убежал техник Багрецов, искал то ли шляпу, то ли еще кого. Проследили. Однако до самого вечера к стене никто не подходил.

— Как эта штука оказалась за оградой? — спрашивал теперь Курбатов.

— Улетела — и... все.

— Без ветра?

Ничего не мог ответить Багрецов. Ему отвратителен был этот допрос, а еще противнее показать себя мальчишкой, увлеченным всякой чепухой вроде холодильных шляп, когда решается судьба зеркальных полей, когда песок под ногами горит. Разве можно признаться в этом? Оскорбительно для всех курбатовских дел.

Курбатов медлил, ждал ответа, наконец бросил шляпу на стул и сказал:

— Уходите, Багрецов. Мне неприятно вас видеть.

Стиснув зубы, чтобы не сорвалось резкое слово, Вадим убежал из кабинета. До чего же люди несправедливы! Он чуть не плакал от досады. Ничему не верил Павел Иванович. Скажи ему, что шляпа была в мотором, разозлится еще больше. Впрочем, не каждый поверит в такую чепуху. Уж очень тошно оправдываться, чувствуешь себя идиотом.

Но не это мучило Димку. Главное — пока еще рано признаваться, что он не игрушками занят. Нельзя. Ведь может воспротивиться Павел Иванович. «Кто раз-

решил загружать техников посторонними делами?» — спросит он, и рухнет вся затея. А как поступит с Нюрой?

Ничего хорошего Вадим не ждал.

Глава 12. ЗАЯЧИЙ СЛЕД

Перед началом работы Курбатов вызвал Нюру и спросил, что она искала в тетради Михайличенко. Нюра молчала. Она не могла поднять глаз на Павла Ивановича, а потом он намекнул ей, что, вероятно, здесь замешаны сердечные дела, Нюра разрыдалась и выбежала из кабинета.

Павел Иванович не стал ее больше тревожить. Девушка не виновата, нужны ей были не формулы, а что-либо другое. Может быть, она искала записки, скажем, от того же Багрецова? Недаром вчера он так смутился, когда Курбатов попробовал разгадать, кем увлечена Нюра Мингалева.

Нюра не могла скрыть от подруги разговора с Павлом Ивановичем.

— Кто ему наябедничал? Откуда он узнал о тетрадке?

Конечно, от Маши — больше ведь никто не видел, что Нюра брала эту злосчастную тетрадь. Полный разрыв. Так подруги не поступают. Как теперь жить, если самые близкие люди тебя предают? И, главное, в чем? В самом сокровенном. Никому нельзя признаться, что любишь. Куда от людей скрыться? Бежать, бежать в пески.

Маша покорно выслушала все эти гневные упреки, прерываемые слезами, и молча согласилась с подругой. Действительно, никому нельзя доверять. Как не совестно Лидии Николаевне! Умная, образованная, казалась доброй, а взяла и надругалась над Нюркиной глупой любовью — пошла рассказала Павлу Ивановичу, хотя Маша просила, умоляла ее не делать этого,

Пообещала и обманула. Значит, права Нюрка, значит, у Лидии Николаевны тоже любовь к начальнику, потому она и высмеивает Нюрку, чтобы самой его не потерять. Так хорошие люди не поступают. Маша к ней с чистой душой, а она вон как отплатила. А еще москвичка.

После завтрака Лида хотела было взять Машу под руку, но та вырвалась и рассерженным котенком отскочила в сторону.

— Благодарим вас! — Порывшись в кармане пестрого платья, Маша вынула флакончик духов, подаренный Лидией Николаевной. — Возьмите обратно ваш «Серебристый ландыш». Не нуждаемся.

Сцену эту видел Багрецов. Он хотел объяснить Маше, кто истинный виновник ее неприятностей, кто обо всем рассказал Павлу Ивановичу, но Лида так зло взглянула на него, что он не решился. Все равно этим не поможешь.

— Я знаю, в чем дело, Машенька, — сказала Лида. — Идемте.

Она отвела Машу в беседку, но оправдаться не удалось — ее не просили рассказывать Багрецову.

С этого злосчастливого утра все возненавидели Багрецова за то, что он вмешивается в личные дела, за клевету на Кучинского и, главное, за то, что из дружного коллектива, по милости того же Багрецова, получилось ни то ни се — кучка людей, обиженных друг на друга.

Лида догадывалась, о чем был ночной разговор у Багрецова с Курбатовым, и передала Маше, чем он был вызван, уверенная, что Багрецов жаждет свести счеты с Кучинским. Но как? Грязным, нечестным способом. Маша разделяла ее мнение и сказала Бабкину:

— Как вы можете дружить с таким человеком?

Тимофей не понимал самого главного: как мог Багрецов скрывать свои поступки? И от кого скрывать — от своего единственного друга! Немудрено, что Бабкин обиделся. Кстати, чего это Димка лезет не в свои дела? Прижмут ему хвост когда-нибудь!

И только Кучинский чувствовал себя как рыба в воде. Ему нравилось видеть рассорившуюся компанию, в которой еще вчера он был чужой. Какая кошка между ними пробежала, он не знал. Все, будто сговорившись, ничего ему не рассказывали, а лишь сочувствен-

но улыбались. Лидия Николаевна тоже была приветлива. Марусенька весело реагировала на его старые остроты, Бабкин обращался к нему за советами, видимо признавая авторитет «без пяти минут инженера». Больше того, он даже обещал узнать при случае у Павла Ивановича, послана ли телеграмма о забронировании выпускника Кучинского за новой лабораторией.

В столовой за завтраком Багрецов сидел один, за обедом — тоже. Никто к нему не подходил. Тимка, казалось, был увлечен беседой с Кучинским. Тут же тоненько смеялась Маша, поддакивая, и, когда встречалась со взглядом Вадима, брезгливо отворачивалась.

А он лениво мешал ложкой в тарелке и не смел поднять глаз. Больше всего его мучило то, что Тимка не сочувствует.

У них уже был разговор о Кучинском. Тимка наотрез отказался ругать его перед Курбатовым.

— Совестно такое говорить. Не по-товарищески.

— Какой же он тебе товарищ? — спрашивал Багрецов.

Но Тимка был тверд и упрекал Багрецова в «необъективности».

Вероятно, доля истины тут была, но Багрецов этого не понимал.

Интересно устроена человеческая память: назад, в прошлое, мы смотрим, будто сквозь хрустальную призму. Если смотреть в нее на тусклое окно, на письменный стол, на людей мрачных и усталых, на окружающий тебя мир, то всюду видишь радужные контуры. Они весело очерчивают угрюмое лицо, лист бумаги, переплет книги, оконную раму — все, что ты видишь через эту призму. Такой радужной представляется нам юность, и если были в ней горести и печали, все равно они прекрасны, потому что неповторимы.

Но кто бы пожелал оказаться в положении Багрецова? Все против. Он одинок. Можно ли ему не посочувствовать?

Жора, упоенный своей победой, остановился возле стола, где сидел задумчивый Багрецов, и, посасывая зубочистку, процедил:

— «Печальный демон, дух изгнания...»

Наклонившись над тарелкой, Вадим делал вид, что занят едой, а внутри все кипело. Он боялся вспылить, наговорить дерзостей.

А Кучинскому хотелось нащупать Димкино больное место. Что же в конце концов произошло? Вчера поздно вечером Димка и аспирантка мило беседовали на дальней скамейке, а сегодня избегают друг друга. Маруся тоже на него зверем смотрит. Сложные взаимоотношения! Кто в них разберется? А вдруг Лидия Николаевна приревновала Димку к Марусе? Забавная история!

Больше ничего не мог придумать Кучинский, воображения не доставало. Да это и понятно. На привычных ему вечеринках с танцами под радиолу все ссоры объяснялись просто: неудачный флирт, мелкая ревность, грязная сплетня. Других поводов и не было. Мелкие дела, мелкие интересы, не люди, а инфузории. Багрецов однажды назвал Жорку «говорящей амебой». Этой «амебы» Кучинский ему до смерти не простит.

— Плохо твое дело, старик, — сказал он комически унылым голосом и по привычке уперся в стол животом. — Никакого аппетита. Вот и Лидия Николаевна не пришла, тоже аппетит пропал. От жары, что ли? Вадим бросил ложку.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ничего. Кактус ты, а не человек. Весь в колючках, дотронуться нельзя.

— Вот и не трогай.

— Ладно, старик, поостерегусь. А что я сказал? Лидию Николаевну вспомнил. Марусенька тоже ее вспоминает. Правда?

Сидевшая за соседним столиком Маша вздрогнула и потупилась. «Неужели Лидия Николаевна рассказала не только Багрецову, но и этому болтуну? Вот уж не ожидала». А Кучинский, не зная истинной причины ее волнения, приписал это своей проницательности. Значит, он прав: Марусенька приревновала.

Лениво покачиваясь, он сказал, обращаясь к Багрецову:

— Жалко мне тебя, старик. За двумя зайцами погонишься...

— Пошляк! — в ярости вскрикнул Вадим, вскочил и неосторожно опрокинул тарелку. — Амеба! Да я не знаю, что с тобой сделаю!

Он подступил к Жорке, сжимая кулаки, а тот, втягивая голову в плечи, медленно пятился назад и бормотал:

— Ну, ты не очень... не очень. Пошутить нельзя...

Стоя в дверях, Курбатов и Лида молча наблюдали эту сцену. Жорка их заметил первым, что придало ему бодрости, и он приосанился.

— Выпей воды, старик. Надоели мне твои фокусы.

Курбатов подозвал к себе Багрецова.

— Придется вас отправить в Москву. Не вижу другого выхода.

Опустив голову, стоял перед ним Вадим и механически смотрел, как из-под стола выползал мутный ручеек пролитого супа.

— Павел Иванович, простите его. — Бабкин разводил руками, искал слова и не находил их. — Не понимаю, что с ним такое... Жара, климат... Не знаю.

— Тем более, — сухо прервал его Курбатов. — Один справитесь.

Лиде было до слез жаль Багрецова, но, вспомнив вчерашнюю историю и ее последствия (сейчас только она получила выговор от Курбатова за небрежное хранение лабораторных записей), не могла найти в себе силы вступить.

— Мне очень неудобно, Павел Иванович. — Жора смущенно прикрыл глаза длинными ресницами. — Но я тоже за него прошу. Шуток человек не понимает. Вот и получается: бухнешь иной раз, не подумавши, а он — на дыбы. Вы меня простите, пожалуйста...

Роль благородного друга Кучинскому удалась в совершенстве. Лида ему улыбалась, Бабкин просветлел лицом, Маша взглянула на него восторженно, и даже у Павла Ивановича на губах показалась добродушная усмешка. Но Жора переборщил и все испортил.

— Мы с ним давнишние друзья, — сказал он, обнимая Вадима. — И отныне будем жить в мире.

Багрецов с отвращением сбросил его руку.

— Никогда. Ты мне чужой... И не только мне, а всем честным людям. Жаль, что не все понимают это.

— Оставьте его, — приказал Курбатов, когда Бабкин бросился к Вадиму. — Он сам ничего не понимает. И, видно, не поймет.

Эта сцена возмутила Павла Ивановича. В своем упрямстве мальчишка далеко зашел. Все ему нипочем. Но гневный искренний его порыв заставил Павла Ива-

новича задуматься. Так ли уж он прав, когда упрекал Багрецова в клевете? Вряд ли тот мог так искусно играть в принципиальность. Если бы старался скрыть свои нечестные поступки, то вел бы себя иначе, а не лез на рожон. Подлые дела обычно прячутся в темноте, а Багрецов либо чересчур наивен, либо ни на что подобное не способен.

В столовой остались Курбатов и Лида. За другим столом — Кучинский с обиженной миной. Он обратился с каким-то вопросом к Павлу Ивановичу, но тот ответил односложно, из чего Жора понял, что начальник не оценил как следует его благородный порыв в защиту Багрецова. Это вызывало тревогу. А вдруг Нюра призналась во всем или ее застала Михайличенко, когда та выписывала формулы? Во рту сразу пересохло.

Кучинский наскоро выпил чай и пошел в аккумуляторную. Надо все узнать. Дождавшись, когда Маша понесла аккумуляторы в лабораторию, он приоткрыл дверь. Нюра сидела за столом и что-то отмечала в журнале. Услышав шаги, она подняла испуганные глаза, в которых Жора прочел самое страшное, чего так опасался. Пряча волнение, он стал расспрашивать. Убедившись, что Нюра его не выдала, посоветовал: если вновь пойдет разговор о тетради, ссылаться на ревность, на любовь и ни в коем случае не открывать истинную причину.

— Не могу. Совестно, — низко наклоняясь над столом, говорила Нюра. — Разве бы я когда позволила...

— Вы, Нюрочка, эти шуточки позабудьте. Ничего не выйдет. — Жора взял с окна зубило, которым она раскалывала куски едкого калия, подбросил его на руке. — Кто вас, девочки, знает, на что вы способны? Некоторые пользуются вот этим инструментом не по назначению.

— Вы же сами просили. — Нюра растерянно заморгала.

— Не отказываюсь. Я человек благородный. Но что я просил? Крупиночку. — Жора показал кончик мизинца. — Ничтожную. Кто же мог подумать, что вы разворотите целую плиту? Государству убыток, да и вообще дело не очень красивое. — Жора положил перед ней зубило. — Вот вам для памяти. Адью, детка, и не глумите.

Насвистывая, он ушел, Нюра резко сбросила зубило на пол, уронила голову на стол. Глаза были сухими. Злоба на Кучинского, жалость к самой себе туманили сознание. Все спуталось. Вчера распускала вязаную кофточку. Лопнула нитка, клубок выпал из рук, покати́лся под стол. Она бросилась за ним, нитка зацепилась за пуговицу, потом где-то запуталась, появились узелки, которые не развяжешь. Спутавшиеся нитки надо было выбросить, связать концы и начать работу сызнова.

Если бы и сейчас так сделать. Жизнь тянулась ровно, как нить. Вдруг появился узелок. Хотела развязать его быстро и наделала ошибок, запуталась. Если бы выбросить, вырезать из жизни все эти дни, полные запутанных ошибок, связать концы и начать жизнь сначала!

Нюра услышала, как вошел кто-то. Наверное, Маша. Не скажи она, все получилось бы иначе. Предательница!

Но это был Багрецов. Пришел выбрать маленькие аккумуляторы для контрольных аппаратов. Принесенные Машей не годились, оказались велики.

— Простите меня, — сказал Вадим, выбирая аккумуляторы, расставленные на стеллажах. — В последний раз надоедаю. Наверное, завтра уеду.

Какое дело Нюре, когда он уедет. Пусть хоть сегодня, скатертью дорога. Кляуз будет меньше. Этого она не сказала — пусть сам догадывается. Злость тлела в ней, но не могла разгореться, ведь Нюра понимала, что уезжает он не по своему желанию и что в этом повинны она и Кучинский.

Вадим выбрал два аккумулятора. Заметив на полу зубило, поднял его, положил на стол.

— Теперь уже не понадобится.

Что он сказал такого? Почему Нюра залилась краской, нервно засмеялась и, отвернувшись, стала перелистывать журнал?

Этим зубилом она разрубала куски едкого калия для электролита, которым заливались маленькие аккумуляторы переносных измерительных приборов. Считая, что его обязательно отправят в Москву, а Бабкин обойдется уже готовыми аккумуляторами, Багрецов упомянул о зубиле, которое, дескать, больше не требуется.

Будь Вадим похитрее, он бы заметил смущение Ню-

ры и постарался выведать у нее причину смущения. Но он понимал лишь одно — что Нюра жертва подлости Кучинского. Только это владело его мыслями, и он по какому-то наитию спросил напрямик:

— Кусок плиты с восьмого сектора был нужен Кучинскому?

Нюра тяжело задышала, отвернулась и не ответила.

Багрецов подождал с минуту.

— Тетрадь была нужна Кучинскому?

Трудно рассказать, что творилось в душе Нюры. Где-то глубоко пряталось мелкое, гаденькое чувство: не сознаваться, молчать. Но он спросил не случайно. Нет уж, лучше пусть ее уволят, а кривить душой она больше не будет. Не может. Измучилась. Хватит.

А Павел Иванович? О нем Нюра думала уже по привычке, и любовь казалась далекой. Все это было когда-то давно-давно, а сейчас она испытывала чувство глубокого стыда, будто завязла в грязи и на нее все показывают пальцами...

Кто стоит перед ней? Чужой человек. Может быть, завтра его уже не будет здесь. Но, кажется, он хороший, честный. Нюра искала в вопросах Вадима корысть и не находила. Он не скрывал от людей своих привязанностей и ненависти. Не любил Кучинского и говорил об этом ему в лицо. Он не мог скрыть ее дурного поступка, как бы хорошо ни относился к ней. А Кучинский? О нем она думала с отвращением и не могла понять, какими льстивыми речами он заставил ее верить больше ему, чем другим. Почему он связал ее тайной?

И Нюра поняла, что этого никогда бы не позволил Вадим и никто другой из тех, кого она здесь знала. Никто из честных людей. Вот почему она должна ответить на прямой вопрос Багрецова.

Выслушав Нюрино сбивчивое признание, Вадим схватил ее за руку и потащил в кабинет Павла Ивановича.

— Не могу. Не пойду. Сами скажите, — неожиданно для Багрецова заупрямилась Нюра.

Вадим остановился в нерешительности. Совершенно ясно, что Курбатов захочет сам поговорить с Нюрой. И без всяких посредников. Багрецову Павел Иванович ни за что не поверит. В то же время не хотелось под-

вергать унижению Нюру. Ведь если она пойдет к Павлу Ивановичу признаваться в своей ошибке, то должна будет сказать, во имя чего эту ошибку совершила. Но разве при таких обстоятельствах объясняются в любви?

Вадим не оправдывал Нюру — поступила она нечестно, — но любовь надо щадить.

— Павел Иванович сейчас у себя. — Вадим посмотрел на часы. — Придете к нему через десять минут. Ручаюсь, что разговор будет только по существу. Ни о чем другом он расспрашивать не станет.

Выходя из аккумуляторной, Вадим нос к носу столкнулся с Кучинским. Жорка смерил его насмешливым взглядом. Но в этом взгляде Багрецов заметил тревогу.

У Павла Ивановича сидела Лида. Переступив порог, Багрецов спросил:

— Вы заняты, Павел Иванович? — Ему не хотелось разговаривать в присутствии Лиды.

Курбатов сидел у стола спиной к двери и ответил не оборачиваясь:

— Садитесь. Вопрос о Кучинском, так я понимаю?

— Вы не ошиблись, — спскойно сказал Багрецов. — Именно о Кучинском. Но я уже не буду о нем говорить. Пусть скажут другие.

Курбатов и Лида переглянулись. Торопливо, чтобы успеть до прихода Нюры, Вадим стал доказывать, что нельзя затрагивать чувства девушки и требовать от нее полной откровенности.

Волнуясь, Багрецов говорил сбивчиво, путано, и Курбатов не понимал, чего от него хотят. Минуту назад Лидия Николаевна умоляла пожалеть Мингалеву и намекала — нельзя, мол, оскорблять ее чувства, а теперь этот мямлит о каких-то щекотливых обстоятельствах. Сговорились они, что ли?..

Разговор с Мингалевой происходил без свидетелей. Она плакала, и это не удивляло Павла Ивановича — у многих девушек глаза на мокром месте. Он утешал ее как мог, а она рыдала, вытирая платком красные, вспухшие веки.

Павел Иванович растерянно наливал воду в стакан, успокаивал девушку, наконец, отчаявшись, выбежал в коридор.

— Лидия Николаевна, где вы? Помогите,

Нюра заплакала пуще прежнего.

— Не зовите... Я сама.

Ну что с ней делать? Нелегко быть начальником! Даже такого маленького коллектива!

Немного успокоившись, Нюра рассказала о Кучинском, об осколке с восьмого сектора, о тетради и тридцать второй странице. Павел Иванович несколько не сомневался в ее искренности. Актерства здесь не было. Но почему же, рассказывая о том, как ее упрасивал Кучинский, и, видимо, понимая, что особого преступления она не совершила, Мингалева плакала навзрыд, будто ее сейчас отправят в тюрьму.

Что Павел Иванович понимал в женском сердце? Видно, потому и не удалась его личная жизнь, потому и остался он одиноким. Кто знает, почувствуй он сейчас наивную девичью любовь, открой истинную причину слез, все бы получилось иначе. Может, не сразу, не скоро, но оценил бы и слезы, и чистые помыслы, простил бы ошибку Нюры Мингалевой. Нет, ничего не понимал Павел Иванович и, утешая ее, говорил обыкновенные, пустые слова: «Все выяснится, все будет хорошо». А она не верила. Нет, хорошего никогда не будет. Наверное, он догадался и презирает ее за глупую любовь. Несчастный она человек! Бежать, бежать отсюда!

После рабочего дня Курбатов вызвал Кучинского, который обо всем уже догадывался, но бежать не собирался. Больше того, надеялся, что все обойдется благополучно, даже если он сохранит тайну, откуда получил задание. Нельзя подводить полезных друзей. На кого же тогда опираться?

Все было продумано. На каждый вопрос заготовлен ответ.

Вот почему Кучинский, входя в кабинет начальника, чувствовал себя более уверенно, чем на экзамене по самому простому предмету.

Курбатов не хотел терять времени на дипломатическую подготовку. Он не верил, что мальчишка может быть завербован иностранной разведкой. Кроме того, кусок плиты и лабораторные записи Михайличенко вряд ли могли интересовать матерых разведчиков. Мелкая цель, не стоящая риска.

— Скажите, Кучинский, — обратился к нему Павел Иванович, когда тот независимо развалился в кресле, — вам разве не хватает материала для лаборатор-

ных исследований? Зачем вам понадобился образец с восьмого сектора?

Жора пригладил волосы на затылке.

— Видите ли, Павел Иванович, я уже вам докладывал, что соединительные проводники, напечатанные на пластмассе, можно сделать тоньше. Сократится расход серебра. Но потом я усомнился. А вдруг в результате окисления серебра они от времени будут становиться все тоньше и тоньше? Решил проверить и попросил Нюру Мингалеву, когда она будет осматривать соединительные коробки, достать мне малюсенький осколочек. Девочка, конечно, перестаралась, — Кучинский выразил на лице виноватую улыбку, — кусок принесла порядочный. Нельзя было ей поручать. Но, простите, об этом я не подумал.

— К чему же привели ваши исследования?

— Пока еще не закончил. Понимаете, Павел Иванович, серебро прочно связано с материалом плиты, и я не мог до него по-настоящему добраться. Долбил, пилил, откалывал по кусочку... Кстати, Павел Иванович, нельзя ли мне, с вашего разрешения, получить еще один осколок с поля? Конечно, не такой большой, какой принесла Мингалева. Хотелось бы продолжить работу.

Курбатов молча кивнул, объяснения показались ему вполне правдоподобными. Кучинский даже предугадал вопрос — куда делся осколок, над которым он трудился? Он мог бы принести из лаборатории остатки — опилки, стружки. Но разве по ним узнаешь, откуда они получены?

Михайличенко не нашла признаков старения пластмассы и фотоэнергетического слоя, поэтому плиты все одинаковы как на поле, так и в лаборатории, недавно присланные с завода.

Павел Иванович рассеянно перелистывал страницы технического журнала и думал: кто же все-таки виноват?

Кучинскому не нравилось молчание Курбатова. Надо предупредить вопрос о дневнике. В том, что этот вопрос будет задан, Жора не сомневался. Чуть покачивая ногой и рассматривая полоски на пестрых носках, он заявил с неподдельной горечью:

— А все-таки у вас, Павел Иванович, трудно работать. Народ какой-то странный подобрался. Человек я пока еще неопытный, теоретически и практически не

подкованный, — говорил он, втайне надеясь, что это признание ему на пользу. Курбатов не возьмет его в новую лабораторию и не оставит здесь. — Нужен совет, помощь. Нельзя же вас беспокоить по каждому пустяку. А спросишь Лидию Николаевну, не обрадуешься. Усмешечки. Ну как же, она аспирантка! Техники тоже смеются — паяльником не умею пользоваться. Нужны мне были кое-какие данные. Спросил Лидию Николаевну, а она шуточками отделывается. Жаловаться я не люблю. Хотел взять тетрадку, а она ее в комнату унесла. Попросил помочь Нюру Мингалеву. Не знаю, что из этого выйдет...

— Так уж и не знаете?

— Павел Иванович, я честно говорю. Мне надоели насмешки Лидии Николаевны. Она считает, что я ничего не добьюсь. Вот и хотел ей доказать. Кроме того, пусть не таскает технические дневники по комнатам. Неудобно.

— А что, собственно говоря, вас там интересует?

— Окисление серебра.

Павел Иванович на всякий случай перелистал дневник Михайличенко и еще раз убедился, что в нем ничего подобного не было. Его поразила наивность дипломника. Вероятно, он спутал окисление фотоэнергетического слоя, о котором было записано на тридцать второй странице, с окислением соединительных проводников. Это насторожило Курбатова, но Кучинский постарался развеять его подозрения, жалуюсь на Лидию Николаевну, будто она нарочно вводит его в заблуждение, боясь, что он использует ее работу для своего диплома.

— Зачем мне это нужно? — уныло говорил Жора. — Химик я никакой, почти все позабыл, спрашивать неудобно, самолюбие не позволяет...

— Неудобно спрашивать? А рыться в чужих дневниках удобно?

— Я этого не делал, Павел Иванович. — В голосе Кучинского слышалась укоризна. — Но когда документы растаскивают по домам, то можно и проучить. Откровенно говоря, с этой выпиской я хотел прийти к вам.

— Мелкая месть, товарищ Кучинский. Я о вас был лучшего мнения.

— Как хотите, Павел Иванович. Может, это и глупо, но я считал своим долгом предупредить...

Оставшись один, Курбатов старался проанализировать события последних дней и уже склонялся к мысли, что всю эту историю можно позабыть, так как в ней не было ни разглашения тайны, ни другого преступления. Правда, выявились некоторые неприятные свойства характера Кучинского, ошибка Лидии Николаевны, наивное упрямство Багрецова, детская доверчивость Мингалевой. Определились характеры, теперь легче здесь будет работать.

Кое-какие подозрения все же оставались. Из рассказа Мингалевой Павел Иванович выяснил, что она откалывала кусок плиты, пользуясь зубилом. Вот почему в осколках Лидия Николаевна нашла повышенное содержание щелочи. В стружке и опилках, которые предъявил Кучинский, оставшихся от исследований плиты с восьмого сектора, щелочь не обнаружена...

Несмотря на все превратности судьбы, Кучинский верил, что ему удастся выполнить задание Чибисова. Может быть, официальным путем, через Курбатова, ему будут предоставлены материалы Михайличенко.

Все как будто бы успокоилось. Еще вчера над зеркальным полем висела черная туча. Люди ходили с сумрачными лицами и лишь по привычке улыбались, стараясь скрыть тревогу и раздражение.

А сегодня туча рассеялась, выглянуло солнце, и только легкий туман какой-то недоговоренности, неясности окутывал лабораторию. Толком никто ничего не знал, хотя каждому из сотрудников были известны отдельные факты, некоторые малопонятные поступки, но сочетать их вместе и сделать выводы никто не решался.

Багрецова оставили в лаборатории. Вместе с Бабкиным он заканчивал установку датчиков в разных концах зеркального поля. Сам начальник по-прежнему возился с исследованием ячеек под действием самого яркого света. Результаты оставались неутешительными. Правда, пока еще ни одна из испытанных ячеек не отказала, однако именно это и тревожило инженера. Значит, нет материала для анализа, значит, нужна массовая проверка ячеек непосредственно на поле. Михайличенко было разрешено испытать несколько плит, но она почему-то медлит. Так ничего и не выяснив, с тяжким камнем на сердце Павел Иванович уехал в Ташкент.

Вот тут-то и началась настоящая работа. Ссора ссорой, а к приезду Курбатова проверка должна быть закончена. Поднимались тяжелые плиты, в нужных местах высверливались дырки, растворителем снимался тонкий слой пластмассы над серебряной полоской, потом (Димка все же продвинул свое предложение) приваривался проводничок, другой, третий, а когда плита становилась от них лохматой, надевались бирки на каждый вывод и плита осторожно опускалась в свое гнездо.

Из картона были склеены длинные и узкие коробки, в них вставлялись лампочки, к которым припаивались провода от ячеек. Коробки ставились боком, так, чтобы лампочки, защищенные от солнца — иначе не заметишь, если какая-нибудь погаснет, — были видны издалека.

Курбатов, ученый с большим опытом, изобретатель и экспериментатор, не додумался до такого простого решения потому, что привык к совершеннейшим приборам, к хорошо оборудованной лаборатории. А Багрецов и Бабкин совсем недавно были моделистами. Лаборатория не притупила в них вкуса к простым моделям, молодые специалисты еще не разучились пробовать батарейку на язык, вырезать угольники, шайбы и колесики из консервной банки.

И если Курбатов думал о тысячах самописцев, которые бы следовало поставить на зеркальное поле, чтобы возможно полнее выявить работу ячеек, то техники обошлись простыми лампочками. У Курбатова иное направление мысли. Его мучили сложные вопросы технологии: где искать ошибку, что произойдет при взаимодействии разных слоев, при повышении температуры, при изменении спектральной характеристики? Он смотрел вглубь, а ребята стремились лишь определить, какая ячейка испортилась.

Этому были подчинены все их мысли, все желания. Отсюда и успех.

Науку делают не одни академики. И настоящий ученый не будет пренебрегать опытом и знаниями своих помощников.

Нюра работала в аккумуляторной. Она знала, что это нужно, к своим обязанностям относилась добросовестно, но никогда не находила радости в труде. Она не верила, что малообразованные девушки, вроде нее могут что-то придумать у себя на заводе. Конеч-

но, пишут в газетах, но ведь это о девушках особенных, редких.

Сейчас ею владело единственное желание — искупить вину, загладить ошибку. Как? Чем? Только трудом, чтобы руки не знали роздыху, чтобы глаза слипались и тяжелели веки. Пусть издевается Кучинский, ее это нисколько не трогает.

Проходили дни, и Нюра стала замечать, что работает она вовсе не затем, чтобы загладить вину. Она попросту не может без этого. Ей нравится, как все горит в руках. Заметила она и другое. Все спорят, ищут, как лучше, быстрее подготовить плиты к испытаниям. Поначалу казалось, что спорят по пустякам: какой длины должны быть выводные концы, как удобнее расположить лампочки — в два или три ряда, какой глубины должна быть коробочка и так далее.

Потом она поняла, что из всего этого складываются большие дела, и сама стала втягиваться в споры и доступные ей технические поиски. Незаметно для себя Нюра приобщилась к творческому мышлению.

Раньше, когда училась на курсах, она механически заучивала правила, решала задачки, оставаясь к ним равнодушной — ни ума, ни сердца они не затрагивали. И вдруг точно прорвалась мутная пленка, и Нюра стала зрячей. Простая перестановка коробок на зеркальном поле, подпайка проводничков, последовательные и параллельные соединения — ничего особенного, примитивная техника, но все это было познано Нюрой не по учебнику с картинками, а на опыте.

Утром, приходя на дежурство в аккумуляторную, где на щите поблескивали приборы с буквами V и A, она видела перед собой ожившие портреты Вольты и Ампера. Они улыбались ей, приветствовали как новую знакомую.

На восьмом секторе выстроились рядами длинные коробки с лампочками. Надо было следить, не погаснет ли какая-нибудь из них. Дежурили по очереди Нюра и Маша после работы в аккумуляторной. Им это было удобно, так как они работали в разные смены.

После нескольких дежурств Нюра попросила, чтобы коробки поставили полукругом — так удобнее для обзора, не нужно бегать вдоль поля. Просьбу ее удовлетворили с радостью, и теперь, сидя на одном месте, она могла следить за сотнями лампочек. Нюра страшно боялась, что именно в ее дежурство погаснут десятки

лампочек, замрут у нуля стрелки вольтметров, и это будет началом гибели всех будущих зеркальных полей.

Иногда приходил Кучинский.

— Рыбку ловите, Нюлочка? — ехидно спрашивал он.

Нюра не отвечала. Но ей казалось, что и впрямь сидит она на берегу озера и ждет, не вздрогнет ли стрелочка-поплавок.

Пока все обходилось благополучно. За первые два дня испытаний из нескольких сотен проверяемых ячеек погибли только шесть, которые сразу же забрала Лидия Николаевна для анализа.

Во время обеденного перерыва Багрецов всегда заменял Нюру. Несмотря на то, что он работал в пятерке вместе со всеми, чувство одиночества его не покидало. Правда, Тимофей сменил гнев на милость, но Лида почти не разговаривает, Маша тоже дуется, Нюра от стыда глаз не поднимает.

А Кучинскому хоть бы что. Он не чувствует за собой вины, усмехается, подтрунивает над покрасневшими, как он говорит, «кроличьими глазками» милой Нюпочки и предлагает от ее имени написать признание Павлу Ивановичу.

— Вы же не умеете, детка, — цедит он сквозь зубы. — Берите карандашик, продиктую.

Вадим это слышал, бледнел от гнева, готов был задушить его, но вездесущий Бабкин оттаскивал друга в сторону и благодушно увещевал:

— Не связывайся. Сам помрет.

Бабкин тоже возмущался, да что толку!

Иной раз Бабкин представлял себя на месте секретаря институтской комсомольской организации. Приходит к нему Багрецов, жалуется — Жорка такой-сякой, немазанный. Надо поставить о нем вопрос на бюро.

«Предположим, — соглашается Бабкин. — Однако нужны факты».

Димка рассказывает о несчастной любви Нюры Мингалевой и о том, как Жорка ее злобно вышучивает, издевается.

«Ай, как нехорошо, — скажет Бабкин. — Ну, продолжай, продолжай».

Тут Димка вспомнит о желании Жорки остаться в Москве, проямлит еще что-нибудь — и все. Наконец

скрепя сердце Бабкин вызывает Жорку на бюро и говорит: неудобно смеяться над девушкой, раз у нее такое несчастье.

«Верно, — согласится Жорка. — Характер у меня веселый. Я с открытой душой, а люди обижаются. Спасибо, товарищи, спасибо. Учту на будущее».

Потом его спросят, почему он так жаждет устроиться в Москве, когда людей его специальности не хватает на периферии. Тут Жорка нагло усмехнется и скажет: «А кто же не хочет жить и работать в столице нашей Родины? Найдите мне такого чудака!»

Все эти соображения Бабкин не скрыл от друга. Димка сжал голову руками.

— Ничего не пойму. Как во сне, — говорил он, раскачиваясь, будто стараясь заглушить острую боль. — Значит, я дурак. У меня отвратительный характер. Я клеветник, склочник, а Жора паинька, умница. Он не полезет на рожон, и ручки у него чистенькие, потому что грязные дела делают за него другие. Дипломат, черт бы его побрал! Таким и жить легко.

— А тебе трудно?

Димка поднял голову. В глазах его вспыхнули холодные искры.

— Очень трудно. Я никогда не скрываю своего отношения к людям. Ни хорошего, ни плохого.

— Не всем это нравится. Люди обидчивы.

— Значит, я перед Жоркой лебезить должен? В глаза ему заглядывать? Он попросту негодяй, и в этом виноват ты... Да, да, ты! Но не один, а многие похожие на тебя... Жорка обидел Ньюру, а ты меня за рукав держишь: не связывайся, мол, сам помрет. А он не помрет, а будет жить и развиваться, как микроб в мясном бульоне. Тепленькая нейтральная среда.

— Чего ты от него хочешь? Просто не понимает человек, что шуточки его не всегда уместны.

— А ты ему подскажи. Скверно, мол, девушек обижать, мерзко, — не без ехидства посоветовал Вадим. — Попробуй.

— Ну и попробую. Будь уверен.

— Так он тебя и послушает!

— Спорим. — Бабкин протянул руку.

Вадим отмахнулся, не веря в силу Тимкиного убеждения. Уж если коллектив Жорку не переделал, то о других мерах воспитания и говорить нечего,

Глава 13. ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА

В семье Жоры Кучинского всегда царили мир и взаимопонимание. Отец был, по-видимому, счастлив, мать — тоже, если не считать мелких огорчений, которые доставлял ей беспечный сынок. Но что с него спросить — молодо-зелено, пусть повеселится, пока можно, пока родители живы, слава богу, есть кому о нем позаботиться.

Петру Даниловичу Кучинскому, отцу Жоры, некогда пользоваться теми благами жизни, которые он заслужил многолетним трудом. На даче он бывает редко, вместо отдыха на курорте приходится серьезно лечиться, глотать резиновую кишку, сидеть на строгой диете и пить вонючую горько-соленую воду. Удовольствие маленькое.

Свою мать, или «маман», как он ее называл, Жора считал красивой. Даже сейчас, когда ей уже под пятьдесят, у нее нет ни одной морщинки, а в крашенных волосах ни сединок. Жора гордился — маман, кроме того, еще умна. В самом деле, с семиклассным образованием она сумела добиться такого положения в обществе, что ее слушают академики, народные артисты и одобрительно кивают головой. Маман умеет занять гостей.

Это она ввела Жору в «общество», она подбирала ему нужных знакомых, которых у нее было невероятно много.

Отец их сторонился — надоедали. Когда ни придешь домой — шум, гам. Приятельницы жены обсуждают фасоны в модном журнале, кто-то бренчит на пианино, Жорка учит племянницу танцевать, в передней скулит пес, которого притащила свояченица. Ужасный дом!

Петр Данилович не вмешивался в воспитание сына. Однажды поздней ночью восемнадцатилетний Жора ввалился домой, еле держась на ногах. Отец вспылил, толкнул его в комнату к жене и сказал, что отныне этот щенок не получит ни копейки. Ирина Григорьевна

заплакала, а на другой день сынок приласкался к ней и выпросил вполне приличную сумму. Отцу пришлось махнуть рукой. Разлад в семье — вещь малоприятная. Он терпеть не мог крика и женских истерик.

Ирина Григорьевна поощряла полезные знакомства, которые сын заводил уже без ее помощи. Ученик превзошел свою учительницу. Поэтому просьба Жоры позвонить Чибисову, молодому преуспевающему инженеру, работающему в том же учреждении, где и Петр Данилович, ее не удивила, тем более что Ирина Григорьевна его уже встречала.

Чибисов оказался очень любезным молодым человеком и согласился приехать за посылкой на дачу, хотя Ирина Григорьевна могла бы переправить ее в город на другой же день. Видимо, у Чибисова было время — он не очень утруждал себя служебной деятельностью, — поэтому сказал, что приедет днем, не дожидаясь конца работы.

Эта поспешность несколько смутила Ирину Григорьевну, но, поразмыслив, она решила, что молодой инженер, однажды ее увидев, захотел встретиться еще раз. Ничего особенного. Она выглядит много моложе своих лет, и, когда идет по улице с Жорой, нельзя поверить, что это мать с сыном.

Подойдя к трельяжу, Ирина Григорьевна осмотрела свою слегка полнеющую фигуру и пожалела, что забросила теннис. Надо опять заняться; по утрам гимнастика полезна, но одной ее маловато.

Ирина Григорьевна очень следила за собой, отдавая массажу, уходу за кожей и прическе все время, свободное от поездок по магазинам и театрам. Вставала она рано, чтобы успеть, как она говорила, «привести себя в порядок». А это требовало массу усилий и терпения.

«Таким женщинам надо памятники ставить, — целуя ей руку, говаривал частый гость Кучинских, весьма моложавый врач, недавно справивший свой семидесятилетний юбилей. — Чтобы быть красивой, надо трудиться над собой».

А человек, который держал эту куклу в доме, думал, что именно ему надо поставить памятник за долготерпение и мягкий характер. Сколько ей нужно денег! У самого же один приличный костюм, на лечение ездит в жестком вагоне, курит дешевые папиросы. Все она забирает. Сын тоже хорош — в маму.

Сегодня вечером Ирина Григорьевна ждала на даче гостей. Надо все подготовить. На домработницу надежда плохая, к тому же хозяйка ей не доверяла: «Все они одинаковы. Припрячут лучшие куски, а на стол подать нечего».

Мнительна была Ирина Григорьевна. Ей казалось, что все ее обкрадывают. Вот почему ни одна домработница не задерживалась в доме Кучинских больше двух месяцев. Да это и понятно: постоянные попреки, жизнь чуть ли не впроголодь и горы посуды от частых гостей.

Зато и умела же хозяйка показать хлебосольство! Всегда в ее доме первые овощи, первые фрукты, стол украшен ранними цветами. Все это доставалось по знакомству и по твердой цене. Экономно хозяйничала Ирина Григорьевна.

Вот и сейчас — когда она вскрыла посылку и попробовала кусочек вяленого персика, то подумала, что из них может получиться прекрасный десерт. Персики были похожи на свежие, надо залить их вином и подать в холодном виде, как крушон. Жаль, что сынок не догадался прислать побольше.

Она взвесила на руке тяжелый пакет, который нужно было передать Чибисову, и решила, что сын перестарался. Многовато, не по заслугам. Да еще кто его знает, полезный ли он человек?

Ирина Григорьевна аккуратно развязала бечевку и стала отсыпать в ящик персики. В пакете они были еще крупнее.

За окном послышался шум подъезжающей машины. Конечно, это Чибисов. Кое-как Ирина Григорьевна запаковала сверток, убрала ящик и побежала к зеркалу.

На этот раз молодой инженер ей совсем не понравился. Держал он себя очень странно: торопился, все время протирал очки и своими прищуренными близорукими глазками не видел, конечно, как великолепно она выглядит. На ней был черный японский халат с крылатым драконом. Она вставала с кресла и, поворачиваясь к гостю спиной с золотым драконом, медленно прохаживалась по комнате.

Не оценил Чибисов ни ее дорогого халата, ни великолепных оранжевых локонов, ни томной бледности ее кукольно-фарфорового лица. Она ждала, когда инженер наденет очки — ей нечего скрывать от

дневного света! Но он только моргал, говорил о жаркой погоде и посматривал в окно, где его ждала машина.

— Не буду вас задерживать, — холодно сказала Ирина Григорьевна. — Как-нибудь приезжайте запросто. Всегда рады вас видеть. — С этими словами она передала ему пакет.

Чибисов облегченно вздохнул и исчез.

Отбирая персики для сегодняшнего десерта, Ирина Григорьевна увидела аккуратно завернутый в бумажку какой-то блестящий камешек. Он лежал сверху — значит попал сюда из пакета, предназначенного Чибисову.

Понимая, что это не случайно, Ирина Григорьевна хотела было тотчас же ему позвонить — кто знает, не собирает ли Чибисов коллекцию камней? — но одумалась: таким путем она признается, что вскрыла пакет, а это, мягко выражаясь, неэтично.

Полупрозрачный слоистый камешек ей понравился. Она оставила его на туалетном столике, чтоб не забыть: приедет Жора, пусть сам и передаст Чибисову. Так будет удобнее...

— Ах, какой приятный сюрприз! — воскликнула Ирина Григорьевна, увидев на террасе нового гостя. — Прощу ко мне. У нас в столовой не убрано.

Столь дружеский прием, когда хозяйка проводит гостя в свою комнату, где бывают лишь самые близкие приятельницы, где примеряются платья и обсуждаются модные фасоны, вызывался опасениями Ирины Григорьевны, что гость заметит некоторые приготовления в столовой и его неудобно будет не пригласить к обеду.

А приглашать Валентина Игнатьевича, солидного ученого и нужного человека, будущего соседа — он сейчас строит собственную дачу неподалеку, — нельзя было по двум причинам. Во-первых, Ирина Григорьевна на него не рассчитывала, стол будет накрыт на определенное количество персон; во-вторых, по совершенно непонятным причинам муж терпеть его не мог.

«Ученый спекулянт, мелкий хозяйчик, — говорил Петр Данилович. — И что ты в нем нашла?»

Вполне возможно — муж ревновал. Ведь нельзя же безнаказанно кокетничать с интересным мужчиной и часто приводить его в пример.

«Да, этот человек сумеет позаботиться о семье. Позавидуешь. Ты, Петр Данилович, понимаешь, что такое собственная дача? Собственная, а не арендованная, как у нас!» — «А тебя что, гонят отсюда?» — «Этого еще не хватало! Я не о себе, о ребенке нужно подумать». — «У Георгия своя голова на плечах. Успеет, заработает».

Ирина Григорьевна прикладывала к глазам платочек.

«Бесчувственный эгоист. Вот у Валентина Игнатьевича дети на первом плане...» — «Не говори мне об этой лысой обезьяне. Сколько раз просил!» — И Петр Данилович уходил в другую комнату...

Сейчас, когда Валентин Игнатьевич нежно и проникновенно целовал ей руку, Ирина Григорьевна невольно вспомнила о «лысой обезьяне» и позволила себе не согласиться с мужем. Благородная лысина, чуть загорелая, в рамке из черных, как вороново крыло, волос, придавала Валентину Игнатьевичу мужественность и солидность, даже несмотря на его невысокий рост. А глаза! Вот он поднял их, умные, пронизательные, от них не скроешься никуда. И что особенно нравилось Ирине Григорьевне — под этим взглядом чувствуешь себя моложе.

Посмотревшись в зеркало, она заметила, как проступил румянец на щеках — настоящий, искусственный, — как задрожали ресницы. Только за одно это, чтобы полюбоваться собой, Ирина Григорьевна готова видеть Валентина Игнатьевича.

— Вы все хорошеете, баловница.

И то, что он говорил с ней, как с девочкой, подчеркивая свою, кстати не такую уж большую, разницу в годах, тоже нравилось Ирине Григорьевне. И его постоянное удивление, как она, еще очень юная, смогла вырастить взрослого сына и дать ему совершенное воспитание, тоже нравилось Ирине Григорьевне и приятно трогало материнское сердце.

— Когда же ваш мальчик придет? — спросил Валентин Игнатьевич, усаживаясь на банкетку возле трельяжа красного дерева. — Ох, уж эта практика! Абсолютно бесполезная затея. Я понимаю, что будущему инженеру это необходимо. Но сын ваш ведь готовится к научной деятельности?

— Ах, и не говорите! Пока еще ничего не известно. Он мечтал здесь, в Москве, устроиться.

Валентин Игнатьевич сделал скорбную мину.

— Мне неудобно давать советы, но ведь Петр Данилович занимает довольно солидный пост.

— Об этом я и заикаться боюсь. Муж у меня тюлень, абсолютно беспомощное существо. А так, конечно, мог бы устроить родного сына в каком-нибудь отделе.

— Вы так и остались девочкой, Ирина Григорьевна, — вкрадчиво и смотря ей прямо в глаза, заговорил Валентин Игнатьевич. — Неужели на опыте своего мужа вы не убедились, что работа в его организации хоть и почетна, но... ведь все под богом ходим. Сегодня ты начальник, а завтра подчиненный. Не справился с работой, иди в цех. Хорошо, если еще начальником цеха назначат, а то и мастером. Вот тебе и высшее образование... Нет, не хотел бы я такой судьбы своему сыну.

Ирина Григорьевна нервно потирала руки. Как же она раньше об этом не подумала? Жора человек практичный, но ведь он работать не любит. К тому же всякие реорганизации, слияния, разукрупнения. Мало ли что может случиться?

— Посоветуйте, Валентин Игнатьевич. А если инженером куда-нибудь в институт, в проектное бюро?

Валентин Игнатьевич погладил лысину и оглянулся на дверь.

— Понимаете ли, дорогая Ирина Григорьевна, инженер по-латыни — это «изобретательный», «способный». Я не хочу обижать своих ученых коллег, но... — Валентин Игнатьевич развел руками, — ученый не обязан изобретать или конструировать. Он изучает вообще... Почему бы вашему сыну не поступить в аспирантуру?

— Говорят, что это трудно.

— Но зато какое будущее! Два-три года поучится, напишет диссертацию. Защиту можно организовать прекрасно, и он уже человек! Твердая зарплата, причем в два раза большая, чем у инженера. А самое главное, что снизить ее не могут, ведь ученый! И ответственности никакой... Вы меня простите, Ирина Григорьевна, — он взял ее руку повыше локтя. — Конечно, то, что я высказываю, это, как говорится, не для стенограммы. Но я не верю болтунам, которые что-то там бормочут о святости науки, о призвании и прочей метафизике.

Дело есть дело. Хочешь жить спокойно, по-человечески, получай степень. Без нее в жизни дороги нет. Я не спору, есть у нас таланты вроде Курбатова. Но ведь это фанатики. Таким все равно, где работать и сколько получать. Надеюсь, ваш сын не станет подражать Курбатову. Если у тебя средние способности, то без степени не проживешь. Правда, чтобы ее получить, надо попытаться, приложить немало усилий. Но, как говорили латиняне, «до ут дес», то есть «даю, чтобы и ты мне дал».

И только тут Валентин Игнатьевич перешел к цели своего визита:

— Извините, Ирина Григорьевна, я хотел узнать — не заезжал ли к вам один довольно милый молодой человек?

— Какой из них? — Ирина Григорьевна кокетливо приподняла бровь. — У меня пока еще есть поклонники.

— Уверен, что достаточно. В том числе и я. Но этот мальчик после вас обещал заехать ко мне. Где он, обольстительница?

— Он близорук, Валентин Игнатьевич, — вздохнула Ирина Григорьевна. — И к тому же друг моего сына. Был здесь час тому назад.

— Странно, что не заехал. Признайтесь — вы его не обидели? Он не только друг вашего сына, но и мой друг. Берегитесь!

Все это говорилось в шутливой манере, за которой, однако, скрывалось беспокойство. Чибисов обещал Валентину Игнатьевичу передать осколок, присланный сыном Ирины Григорьевны. Но, видимо, что-то этому помешало. Не знал Валентин Игнатьевич, как был обескуражен Чибисов, когда, вскрыв пакет с сушеными персиками и высыпав их на сиденье машины, не нашел там обещанного. Ясно, что после этого незачем показываться на глаза Валентину Игнатьевичу.

Чтобы не выдать своей заинтересованности и в то же время выведать, была ли передана посылка Чибисову, Валентин Игнатьевич болтал еще целый час, осторожно наводя разговор на нужную ему тему, но Ирина Григорьевна упорно эту тему обходила, выпрашивая о возможности устройства сына в аспирантуру.

Если бы повернулся Валентин Игнатьевич к зеркалу, то внизу, среди флаконов и разных безделушек, увидел бы предмет своих забот — крохотный осколок Солнца.

Зажатый со всех сторон разной ерундой, он не блеснул. Сверху лежала расческа с клочками рыжих крашенных волос, тут же — массажная щетка, карандаш для бровей, банки с кремами, ночными и дневными, румяна и губная помада, щипчики, пилочка для ногтей — все, чем жила Ирина Григорьевна. Ведь, кроме этого и тряпок, шелковых, шерстяных, синтетических и всяких других, от которых ломился шкаф, кроме туфель всех цветов, распаханных по многим ящикам, да слепой, животной любви к сыну, ничто не согревало ее душу. Даже волнение, которое она испытывала при встрече с Валентином Игнатьевичем или другими умелыми льстецами, лишь слегка задевало ее, и снова думы были полны всякой чепухой: где-то продается заграничный отрез; в другом месте, говорили, можно перехватить французские духи, старинную брошку с лунным камнем, похожим на осколок, найденный в сушеных персиках.

Сейчас рядом с Ириной Григорьевной сидел и жал ей руку человек, которого она почти не знала. Но все в его облике, в манерах и поведении, в том, что он говорил о жизни, — все это покоряло ее и роднило с ним. В душе возникало чувство запоздалого сожаления. Вот кто умеет строить свой дом! И сколько бы люди ни говорили, что такое отношение к жизни осталось от прошлого, что это цинизм, ничего они не понимают или попросту завидуют.

— Заболтался я у вас, — поднимаясь с кресла, сказал Валентин Игнатьевич. — Ведь я приехал маляров проверить. Не знаю, что с ними делать? Чуть отвернешься, они уже курят. Бездельники!

С этими словами он приложился к руке Ирины Григорьевны.

Она спросила:

— У вас сегодня свободный день?

— Нет, работа в научной библиотеке, — с улыбкой ответил Валентин Игнатьевич. — Но, сами понимаете, маляры. Невозможно сосредоточиться... «Ниль адмирати», то есть ничему не следует удивляться. Как видите, дорогая, разные препятствия стоят на пути ученого. Впрочем, — с иронией признался он, — это еще не самое худшее в нашей жизни. Перенесем.

Ирина Григорьевна проводила гостя, и не успела она открыть шкаф, чтобы выбрать платье к вечеру, как на пороге появился Петр Данилович.

— Опять здесь была эта лысая обезьяна!

— Прошу не оскорблять моих друзей. Это во-первых. А во-вторых — переоденься. Посмотри, на кого ты похож!

Петр Данилович растерянно оглядел себя. Костюм помялся, галстук старенький. Ну да ничего, сойдет. Он машинально взял расческу и под ней заметил блестящий осколок.

— Откуда это? — спросил Петр Данилович.

Зачем же лгать по пустякам? Это не в манере Ирины Григорьевны. И она ответила, что слоистый камешек случайно оказался среди вяленых персиков.

— Вот растяпа! — разозлился Петр Данилович. — Твое воспитание. Подумать только — вместе с персиками прислал лабораторный образец.

Будучи инженером, Петр Данилович сразу узнал осколок фотоэнергетической плиты. Недавно Курбатов знакомил его с некоторыми своими работами, так как они интересовали Петра Даниловича с точки зрения использования их в той отрасли техники, которой он занимался.

На осколке были нацарапаны восьмерка и дата. Эти обозначения подтверждали догадку инженера, что перед ним лабораторный образец, который уже испытывался.

Рассеянный сынок торопился и сунул его совсем в неподходящее место, в ящик, подготовленный для посылки. А может, случайно рассыпал фрукты, стал собирать и вместе с ними подобрал осколок. Ротозей. Наверное, все углы обыскал, не зная, куда делся образец № 8. Выслет ему начальник, и поделом.

«Ветер в голове. И в кого он такой уродился? — вздохнул отец, кладя осколок на место. — Позорное легкомыслие». Разве он мог подозревать сына в чем-либо другом? Нет, он считал Георгия ветреным, ленивым, не очень способным, но в честности его не сомневался.

— Никакого письма при нем не было? — указывая гребенкой на образец, спросил Петр Данилович.

— Какое там письмо! Ничего похожего.

Ирина Григорьевна сказала правду, однако почувствовала, что «ребенок», каким она до сих пор считала сына, набедакурил и его надо выручать. Ясно одно: нельзя признаваться, где находится осколок, нельзя го-

ворить, что он был завернут в бумагу, — вряд ли это делается по рассеянности. Кроме того, она, так же как и Петр Данилович, верила сыну. Ничего дурного он не сделает. Все это пустяки, и нечего мальчика тревожить.

Петр Данилович подошел к жене, постукивая гребенкой по пальцу.

— Ты собиралась ему что-то посылать? Сделай это завтра же и отошли осколок. Иначе ротозею несдобровать.

По этому поводу у Ирины Григорьевны было свое мнение, которое она не могла высказать. Какое там ротозейство! Осколок прислан Чибисову. Но почему бы не исполнить просьбу мужа, тем более что Жоре это не повредит.

Завтра вместе с шоколадными трюфелями, любимыми конфетами сладкоежки Жоры, она вышлет ему и «лабораторный образец». В этом деле она ничего не понимает. Своих хлопот достаточно.

Петр Данилович грозился написать сыну такое письмо, так пропесочить ветрогона, чтобы век помнил. Работать в лаборатории надо внимательно. Заглядишься, разинешь рот — тут тебя или током ударит, или колба взорвется, кислотой в глаза плеснет.

Действительно, подобное письмо Петр Данилович отправил. Но этого ему показалось мало. Человек он был честный, к работе относился ревностно, а потому чувствовал себя виноватым перед Павлом Ивановичем Курбатовым, которому нелегко руководить дипломной практикой Георгия Кучинского — студента легкомысленного и рассеянного. До чего дело дошло — пропал нумерованный образец! Петр Данилович знает, что иногда это влечет за собой большие неприятности — приходится заново начинать испытания. Ищут виноватого. Конечно, Георгий признается, когда получит письмо и посылку, и Павлу Ивановичу станет известно, кто обнаружил оплошность студента. Так неужели отец будет стыдливо молчать и не пришлет хотя бы несколько извинительных строк своему хорошему знакомому? Впрочем, дело не в знакомстве, а в сознании своей вины. Кто же должен отвечать за сына, пока не встал на ноги, пока учится ходить?

Да, Жора учился ходить, но пошел не в ту сторону.

Курбатов приехал из Ташкента, когда лаборатория была уже закрыта — рабочий день кончился. Наскоро умывшись с дороги, забежал к себе в кабинет узнать, нет ли срочной почты. Ничего особенно важного, кроме пакета с образцом фотоэнергетической ткани, на столе не оказалось. Под руки попалось письмо с незнакомым почерком, адресованное лично ему, Курбатову.

Не терпелось поскорее найти Лидию Николаевну, чтобы узнать о результатах анализа тех немногих ячеек, которые ей были оставлены, поэтому, не распечатывая письма, Курбатов сунул его в карман. Туда же положил образец ткани и поспешил на поиски.

Вероятно, Лидия Николаевна дома. Он постучался в комнату, где она жила, услышал тихое «да» и вошел. На кровати, уткнувшись лицом в подушку, лежала Нюра.

— Извините. Вы не знаете, где Лидия Николаевна? — вполголоса спросил Курбатов.

Нюра встрепенулась, как испуганная птица, соскочила на пол и, глядя на Павла Ивановича заплаканными глазами, стала шарить под кроватью туфли.

— Да вы не беспокойтесь. — Он почувствовал что-то вроде жалости. — Я думал, она уже дома.

— Нет, — поднимаясь с коленей, глухо ответила Нюра. — Она на восьмом секторе.

Даже не взглянув как следует на Нюру, Курбатов вышел.

По дороге на восьмой сектор он вспомнил о письме, вытащил его из кармана, посмотрел на обратный адрес: П. Д. Кучинский? Странно.

Шагая по краю зеркального поля, Курбатов еще издали заметил белую шляпу Лидии Николаевны: тут же маячила и другая — соломенная с огромными полями, а пониже кланялась маленькая кепочка. Всех, кто здесь был, Курбатов узнал сразу, а вот зеркального поля своего не узнал.

Всюду расставлены длинные коробки; от них тянутся провода, блестят стекла приборов. Короче говоря, весь восьмой сектор напомнил гигантский лабораторный стол.

Курбатов почувствовал легкую дрожь. Что наделали! Исковыряли все плиты, все испортили. Кто им разрешил? Он уже готов был потребовать к ответу Лидию Николаевну, но та его предупредила. Размахивая бумагами, она бежала навстречу и кричала что-то радостное. И это было так непохоже на нее, так не вязалось с ее внешним обликом. В самом деле, разве серьезные ученые прыгают на одной ножке?

Усевшись рядом на каменный барьер зеркального поля, Павел Иванович и Лида тут же разобрали протоколы наблюдений, рассмотрели анализы и поняли, что ячейки портились из-за вредных примесей в неоднородной по своему составу пластмассе. По методу Михайличенко можно было легко их определять. Значит, с этой стороны плитам К-8 опасность не грозила. Правда, впереди ждут еще новые неприятности — тропинка протоптана лишь до половины пути, необходима массовая проверка плит. И Лида это хорошо понимала, хотя и чувствовала, что страшного быть не должно.

— Вы, наверное, догадались, Павел Иванович, что со всеми этими делами, — Лида показала на расставленные по полю коробки, — и протоколами наблюдений я не могла справиться одна.

Она перечислила всех своих помощников и рассказала, как трудились они до поздней ночи.

— Ни одного вечера не пропускали. Багрецов, например...

— Он тоже работал?

— Да еще как! Выдумщик. Спорщик ужасный. Но сколько в нем энергии, самоотверженности — на десятерых хватит! Правда, в одном деликатном вопросе мы не поладили, и я этого ему не прощу, а так, если бы не он, то вряд ли мне удалось бы определить вредную примесь.

«Вредная примесь, — подумал Курбатов. — Рано или поздно — ее нашли. Теперь уже не появится. Гораздо труднее искать ее в человеке». Не умеет этого руководитель лаборатории, не умеет. Совестно за свои ошибки, больно. Ведь Багрецов не пластмассовый, и душа его, и стремления чистые. Чего же ты искал в нем? Грязную примесь? Неужели в его юношеской непосредственно-

сти, где все на виду, в честной его прямоте могли бы прятаться ложь, клевета, мелкая мстительность? «В чем только я не подозревал его! Не потому ли, что привык видеть, как люди прячут свои чувства, надевают маску равнодушия, когда нужно отстаивать свою правоту с открытым лицом? Как рано некоторые из молодых теряют непосредственность юности!» И тут же спрашивал себя Курбатов: «А не ты ли, друг милый, виноват? Вспомни, как говорил с Багрецовым. Он к тебе с душой нараспашку, с болью, сомнениями, хотел услышать доброе слово, совет старшего. А ты?»

Что-то говорила Лидия Николаевна, показывала таблицы и схемы, где лишь немногие ячейки были перечеркнуты красными крестиками, радовалась изобретательности ребят, которые придумали, как добраться сквозь пластмассу к соединительным полоскам, чтоб не повредить их.

— Не тревожьтесь, Павел Иванович, ни одной не испортили. Сама проверяла. Сейчас принесу последние протоколы.

Павел Иванович смотрел ей вслед отсутствующим взглядом, и было ему как-то не по себе. По всему видно, что к истории с осколком Багрецов непричастен. Почему же ты не извинишься перед ним? И ничего тут нет зазорного, если по ошибке обидел человека. Поблагодарив Бабкина за помощь, Павел Иванович подошел к Вадиму и сказал:

— Вам я тоже очень благодарен. А кроме того, прошу прощенья. Сознаться в ошибках трудно, но сейчас я делаю это с радостью. Дайте мне руку.

Вадим несмело протянул ее.

— Хотелось бы сказать «позабудем, что было», но это неправильно. Уроки не забываются. Только не вздумайте изменять своему пути. Прямота — великолепное свойство характера. К сожалению, не все ее ценят. А часто и не понимают, вроде меня.

Багрецов не знал, куда глаза девать. За что его хвалит Павел Иванович? За самую обыкновенную честность, за правду, за то, что он говорил откровенно. «Чудак Павел Иванович. С таким же успехом он мог бы хвалить меня за темные волосы или за высокий рост».

Чтобы скрыть неловкость, Димка засуетился возле коробок с лампочками: приподнимал их, показывал Курбатову проводнички с номерами, убеждал, что ошибки

исключены, приглашал взглянуть на доску, где были укреплены вольтметры.

— Смотрите, почти на всех одинаковое напряжение. Только вчера на девятой плите три ячейки давали меньшее. Лидия Николаевна! — крикнул Вадим. — Вы уже успели проверить вчерашние ячейки?

Лидя подошла и развернула чертежный лист с планом восьмого сектора. Всюду пестрели синие точки работающих ячеек, и лишь кое-где были красные — испорченные. Но это не в счет.

— Адова работа! — взяв лист в руки, с искренним восхищением воскликнул Курбатов. — Как же вы успели все это сделать за несколько дней?

— А мы по крупинке, как муравьи, — радуясь совсем по-детски, ответил Вадим. — Помните сказку, где муравьи за одну ночь целую гору крупы перебрали? Вот и мы помогли Лидии Николаевне. Вы оставили ей задание, как нелюбимой падчерице...

— Почему же нелюбимой? — вырвалось у Павла Ивановича. Он невольно бросил взгляд на Лиду и, заметив, что она смутилась, сказал сурово: — Такого задания я не оставлял. Это вы уж сами придумали.

Делая вид, что заинтересовался чертежом, он закрылся им совсем, чтобы не смотреть на Лиду, но как нарочно, внизу, за краем листа, виднелись ее белые туфельки.

Курбатов резко опустил лист.

— Теперь не летает? — спросил он, указывая на Димкину шляпу, донышко которой было завязано марлей.

— Все это игрушки, пустяки. — Вадиму не хотелось говорить о шляпе.

Но Бабкин считал, что Димка скромничает понапрасну. Он снял с него шляпу, развязал марлю и стал объяснять:

— Походный солнечный холодильник. Хотелось бы без сухого льда, ну, скажем, с термоэлементами, чтобы они холод давали, как в вашем, Павел Иванович, новом холодильнике. Но тогда мощности этой маленькой плитки не хватит — поверхность ее маловата. А увеличить плиту тоже нельзя — шляпа будет тяжела, как шапка Мономаха!

Кому-кому, а Курбатову можно было этого не объяснять. Он однажды показывал маленький солнечный холодильник, сделанный из фотоэнергетических плит.

Холодильник стоял на окне и, превращая свет в электроэнергию, работал по необычному для бытовой техники принципу. Ток подавался на термоэлементы, которые под его действием вырабатывали холод. Но и это вчерашний день. Довольно улыбаясь, Курбатов вынул из кармана пакет с образцом фотоэнергетической ткани, развернул.

— Подойдет? — спросил он, встряхивая клетчатый носовой платок.

Платок был золотистым, плотным, с запрессованными в уголках проволочными петельками.

Протягивая к этим петелькам лампочку от карманного фонаря, Вадим еле сдерживал нетерпение.

— Разрешите попробовать.

Стоило лишь прикоснуться к контактам на платке, как лампочка ослепительно вспыхнула и перегорела.

Вадим обомлел от удовольствия, а Бабкин уточнил:

— Приказала долго жить. Надо бы подключить автомобильную.

Лида восторженно смотрела на первый образец фотоэнергетической ткани, о которой совсем недавно рассказывал Курбатов. Небольшой ее лоскут даже при закатном солнце отдавал вполне приличную мощность, во всяком случае, достаточную, чтобы работал вентиляторный моторчик в Димкиной шляпе.

— Конечно, это не конструктивное решение, — говорил Бабкин, довольный, что может возражать Димке в присутствии весьма авторитетного специалиста. — Я бы такой охлаждающий прибор не стал запрягивать в шляпу. В карман! Чего проще? И мотор там, и термоэлементы. Можно придумать какой-нибудь мягкий резиновый радиатор, который бы надевался, скажем, на спину и на грудь. Пусть из мелких дырочек растекается по телу холодный воздух.

— Приспособление для простуды, — усмехнулся Вадим. — Мне-то ничего, а ты даже сквозняков боишься.

— Не храбрись, вспомни, как недавно лежал с ангиной. Я думаю, Павел Иванович, — рассудительно продолжал Бабкин, — тут надо с врачами посоветоваться. Местное переохлаждение организма. Мало ли что они скажут!

Курбатову было весело с ребятами. Они увлекли его

своей забавной выдумкой. Кто знает, не найдет ли она применения? Ведь есть же костюмы с электрическим обогревом. А почему же не сделать с охлаждением? Жара в пустыне, в субтропиках или даже в Москве и во всей средней полосе России не менее жестока, чем мороз. Почему бы не сшить из фотоэнергетической ткани охлаждающие комбинезоны для южных экспедиций, для людей, вынужденных работать под палящим солнцем, для рабочих горячих цехов? Впрочем, как так для цехов? А солнце где? Не выйдет, и фотоэнергетическая ткань здесь ни при чем. Но ведь ее можно заменить обыкновенной, а в карман положить аккумулятор или сухую батарею. Да и во всех других случаях — не в цехах, а на открытом воздухе — разве этого сделать нельзя? Конечно, можно. Значит, легко обойтись и без курбатовской ткани.

Будто кто-то царапнул по сердцу легонько-легонько коготком. Нет, пустяки, блажь. Придумали тоже — охлаждающие шляпы, зонтики! Разве для этого создавалась фотоэнергетическая ткань? У нее куда более серьезное применение. Нельзя же всюду протаскивать свое изобретение.

И Курбатов осторожно, чтобы не обидеть ребят, на толкнул их на мысль отказаться от фотоэнергетики, а использовать в охлаждающих костюмах более проверенные и надежные источники питания. Ведь тогда и в тропические ночи не почувствуешь жары.

Бабкин согласился, что так будет практичнее и удобнее, а Димка надулся. Не дадут помечтать человеку, все назад тянут! За рукав, как маленького. Очень ему нужны сухие батарейки, когда он уже пробовал на ощупь курбатовскую ткань! Вот бы достать кусочек для радиостанции!

Вечная неудовлетворенность, вечная жажда нового, более совершенного, вся жизнь в поисках — вот что роднило техника Багрецова с Курбатовым, который вертел сейчас в руках кусок золотистой ткани и, оглядывая широкий солнечный мир, искал достойное место своему творению. Арктические и альпинистские палатки, рулоны ткани на льду и на песках, осколки Солнца, спрятанные в рюкзаках и чемоданах, — все это прекрасно, заманчиво, но мало этого, мало!

Пришла Ньюра, обеспокоенная, что выключены плиты восьмого сектора. Она стояла неподалеку, ждала, когда уйдет Курбатов. А Курбатов не торопился, взял со ска-

мейки Лидин зеленый зонтик, раскрыл его и по натянутому шелку разостлал золотую ткань. Смутьившись оттого, что на него все смотрят, Курбатов быстро закрыл зонтик и обратился к Лиде:

— Отдайте мне его, Лидия Николаевна. Потом я вам другой достану.

Вот когда Нюра удивилась. Вместо того чтобы отдать Павлу Ивановичу не только зонтик, но и жизнь, Лидия Николаевна рассмеялась:

— Нет, Павел Иванович, такого вы не достанете. Мне его привезли в подарок из Японии. А кроме того, опять вы разбрасываетесь. Образец ткани прислали для испытаний, а вы...

— Просто вы жадная, — перебил ее Курбатов, стремясь все превратить в шутку, хотя Нюра и понимала, что слова Лидии Николаевны ему не понравились.

С каждым днем в сознании Нюры укреплялась мысль, что с Лидой Курбатов счастлив не будет. Вот и сейчас. Ведь понимает же она, что неспроста Павлу Ивановичу потребовался зонтик. У Нюры есть, но старенький, такой и предлагать-то совестно.

Выручил Багрецов. Ему хотелось сделать Нюре приятное, да к тому же и любопытно, что еще надумал Павел Иванович.

— Нюрочка, — сказал он запросто, — у вас же был зонтик.

— Ой, что вы, он же старенький! Но если...

Курбатов спросил обрадованно:

— Значит, не пожалеете?

— Сейчас? — счастливым голосом спросила Нюра.

Павел Иванович взглянул на часы, вздохнул, вспомнил о неп прочитанном письме.

— Поздно. Принесите завтра. Хорошо?

Нюра молча кивнула. Павел Иванович попрощался и пошел к себе. Достал конверт и развернул письмо:

Дорогой Павел Иванович!

Вероятно, мой непутевый сынок уже успел покаяться в своих прегрешениях. Осколок фотоэнергетической плиты с цифрой 8 и датой попал ко мне вместе с сушеными персиками. Возвращаем его по назначению (Жора вам передаст).

Позорная рассеянность, совершенно недопустимая в лабораторной работе. Надеюсь, сынок мой получит по заслугам. А мне приходится краснеть, и я очень прошу

принять за него извинения, дорогой Павел Иванович. Если возможно, дайте ему закончить практику, не отсылайте с позором домой, хотя он этого и заслуживает.

Прошу извинить еще раз. Жму вашу руку. До встречи в Москве.

П. Кучинский.

Сын давно уже получил посылку с конфетами и осколком плиты, но не пошел к Курбатову каяться, как предполагал его доверчивый отец.

Жора терялся в догадках: каким же это образом отец раздобыл осколок? Может быть, разорвался пакет? Или Чибисов удружил? В письме, полученном от отца, об этом ничего не говорилось. Он упрекал сына только за рассеянность. Пусть будет так. В крайнем случае эту версию и нужно поддерживать. Но Жора не дурак и сам в петлю не полезет, а потому осколка в лабораторию не вернет. Предки, конечно, наивные, можно их успокоить, написать отцу, что старых плит здесь целые горы и вся эта история не стоит выеденного яйца.

Разве мог Жора подумать, что отец напишет Курбатову! Разве Жора не единственный любимый сын? Ну, поругал в письме, пригрозил. Папы все одинаковы, любят читать нотации и брюзжать. Но кто же из них даст в обиду своего сына? Нет таких пап на свете.

Две коробки трюфелей были уничтожены, но без особого удовольствия, видно потому, что присланы были вместе со злополучным осколком. Жора хранил его в одной из коробок завернутым в конфетную бумажку. Хранил на всякий случай. Кто знает, как повернется судьба? Возможно, еще удастся передать его Чибисову.

Глава 15. «МЕТОД ВОСПИТАНИЯ»

омандировка Багрецова и Бабкина подходила к концу. В разных местах зеркального поля были установлены аппараты высокой частоты, через которые передавались различные

показания температуры, освещенности — все, что требовалось для наблюдения за работой курбатовских плит. Всю эту аппаратуру Павел Иванович собирался взять в новую лабораторию, где она особенно будет нужна.

Самые интересные дела, связанные с проверкой плит восьмого сектора, давно уже были закончены, исчезла тревога за их будущее, жизнь испытательной станции стала спокойной и ровной. Во всяком случае, для Багрецова и Бабкина.

Лида опять занялась своей диссертацией, поэтому не вылезала из лаборатории, стараясь наверстать упущенное.

Скучно быть наблюдателем, а потому Бабкин организовал что-то вроде краткосрочных курсов, где обучал Нюру и Машу правилам эксплуатации высокочастотных приборов и показывал, как нужно их ремонтировать. Девушки из аккумуляторной знали, как развести электродит, как залить им банки, проверить напряжение — вот, пожалуй, и все. На курсах электриков они сдавали зачеты, рисовали на доске схемы переключений со звезды на треугольник, но все это давно позабылось.

Бабкин преподавал впервые и мучил бедных аккумуляторщиц по несколько часов подряд. В записной книжке он тайком выставлял отметки, чтобы не забыть, как отвечали его слушательницы по тому или иному вопросу, кому из них нужно повторить способ подстройки генератора, кому что-либо другое.

Преподавателем Бабкин был строгим, придирчивым. Считая, что сам знает предмет на пятерку, он оценивал знания Нюры на «четыре», а Маша доставляла преподавателю одни огорчения — вроде Жорки Кучинского, она отвечала на спасательную тройку, да и то не всегда. Как тут быть? Может, Вадим помог бы? Но Багрецову было не до курсов — он опять увлекся какими-то фокусами. Выпросил у Павла Ивановича старую зеркальную плиту, выпилил из нее кусок и сделал модель «самобеглой коляски» — так назвал Вадим свое изобретение, вспомнив прообраз автомобиля, созданного Шамшуренковым.

Однажды после работы Багрецов решил продемонстрировать эту коляску. Пришел Павел Иванович. Кучинский показался было на поле, но, увидав начальника, скрылся от греха подальше. Видимо, Нюра тоже боялась встречи с Павлом Ивановичем. Лида задержалась в лаборатории, Маша дежурила. Ну что ж, пусть хоть Па-

вел Иванович посмотрит. Тимка не в счет, он уже видел.

На дорожке возле зеркального поля стояла модель, чем-то похожая на трактор, который демонстрировался на выставке ребячьих работ. Конечно, сравнивать их нельзя, там была законченная конструкция, покрашенная, тщательно отделанная, а Димка стремился показать только принцип движущейся модели и соорудил ее на скорую руку из фанеры. Вместо гусениц он поставил колеса.

Щелкнул выключатель, и модель пошла.

Что же было в ней интересного? Если тогда, на выставке, одна из моделей управлялась световым лучом, то сейчас свет был источником ее движения. За моделью не тянулся провод, она шла без аккумуляторов. Даже радиоэнергия, которая в другой модели, построенной с Димкиным участием, питала электромотор, здесь была абсолютно ни при чем. Двигал машину солнечный свет. Впрочем, какая там машина? Зеркало на колесиках. Прямоугольник, выпиленный из курбатовской плиты, был прикреплен к фанерному основанию, под ним находился вентиляторный моторчик, который через ременную передачу вертел жестяные колеса. Вот и все.

Смешная игрушка. Но она была интересна как опыт использования солнечной энергии для транспортных машин. Это уже не застывшее зеркальное поле, а что-то новое. Возможно, подобный принцип когда-нибудь и найдет практическое применение.

Именно это и волновало Багрецова.

— Смотрите, Павел Иванович, — размахивая руками, рассказывал Вадим. — Здесь же ничего нет. Ваша плита и мотор. Никакого горючего. Ни проводов, ни аккумуляторов. Будущий «солнечный автомобиль» я представляю себе так: крыша покрыта курбатовским слоем; фототок идет в электромотор; скорость машины регулируется реостатом. Идеальное управление... — В эту минуту Багрецов заметил, что «солнечный автомобиль» остановился. — Тимка, отойди. Застынь солнце. Видишь — тень. Вся энергию себе забрал.

Бабкин рассмеялся и сказал, что Димкина идея требует серьезной доработки, иначе его автомобили должны будут ездить только по солнечной стороне улицы.

— А если тучка набежит? Значит, стоп машина?

— Сам же понимаешь, что это не так, — заспорил

Вадим. — Плиты К-8 настолько чувствительны, что даже в сумерки дают достаточную энергию.

— А ночью? Опять без аккумуляторов не обойтись?

— Наверное, — согласился Вадим. — Но для городской машины это будет тяжело. Можно представить себе поезд. Поверхность вагонных крыш большая, значит, и энергии много. Один вагон будет занят аккумуляторами. Вполне достаточно.

— Вы считали? — усмехнувшись, поинтересовался Павел Иванович. — На бумажке карандашиком или на линейке? Полезное дело для увлекающихся изобретателей.

Вадиму только сейчас пришла в голову эта идея, а потому он и не прикинул, что может получиться. Наверное, одного вагона не хватит.

— Так уж и помечтать нельзя, — сказал он сконфуженно. — Обязательно цифры...

Павел Иванович проводил взглядом удаляющуюся модель.

— Если бы не цифры, давно бы сделали. Места на крышах маловато. Тут можно другое придумать. Например, огромную самоходную баржу, плавающий остров или что-то в этом роде. А «солнечный автомобиль» не развернется даже на широких московских улицах.

Модель Багрецова доползла до барьера и остановилась, словно отдыхая в тени. Вадим подбежал к ней, вытащил ее на солнце и пустил по зеркальному полю.

Возвращаясь обратно к Павлу Ивановичу, с которым он скоро расстанется навсегда, так же как и с Лидой, Нюрой, Машей — со всеми, с кем ему пришлось работать целый месяц, Вадим испытывал что-то вроде грусти. К ней примешивалась и досада: строил он пустую игрушку, над мечтой его смеются, и неприятно оставлять о себе столь невыгодное впечатление.

— Я понимаю, что это игрушка, — сказал Вадим, подходя к Павлу Ивановичу. — Но мне хотелось представить себе будущее вашего изобретения. Не только энергетические поля, а и движущиеся машины. Вы говорите, что на земле не получится? Хорошо, пусть на воде. А в воздухе? Разве нельзя придумать самолет, который движется солнечной энергией?

— Придумать все можно. А зачем?

— Как зачем? Для науки.

— Наука бывает разная. Сейчас с диссертациями дело постепенно улучшается, но все-таки остались «научно-образные» деятели, которые работают над такими важными темами, вроде оптимальной величины дырки от бублика. А иные витают в заоблачных высотах. Их интересует «эстетическое воздействие путевого пейзажа от созвездия Веги до Стрельца».

Курбатов говорил с задором. Так же как и директора института Чичагина, его возмущали дельцы от науки, те, кто всеми правдами и неправдами стремится быть кандидатом. В голове ни одной собственной мыслишки, ни опыта, ни таланта, которым должен обладать настоящий ученый, а степени они хоть и с трудом, но все же получают.

Делается это просто: берется очень узкая тема, кропотливо собирается все, что когда-либо было опубликовано по ней, и излагается своими словами... Но кому и зачем нужны такие школьные изложения? Однажды Курбатов видел в газете объявление о защите диссертации на тему, сформулированную примерно так: «К вопросу о сверлении круглых отверстий». Какая же это наука? Вроде дырки от бублика.

Курбатов поблагодарил Вадима за демонстрацию модели, сказал, что такие опыты полезны — они возбуждают интерес к техническому творчеству, а подчас и наталкивают на мысль о неожиданном применении всем известной техники в какой-нибудь новой отрасли народного хозяйства.

— Потерпите немного, Вадим, — сказал Курбатов. — Думаю, что скоро вы увидите на примере, как иногда случайный на первый взгляд опыт может привести к интересной идее. И в этом вы виноваты, ваша модель.

— Что вы, Павел Иванович! — совсем уже смутился Багрецов. — Я понимаю, что это игрушка. Вы даже сами сказали...

— А я не про то. Помните шляпу?

Вадим удивленно посмотрел на Курбатова. Шляпа? Зонтик? Неужели он займется этим ширпотребом? Вот уж совсем не похоже. Впрочем, с зонтиком он что-то делал. Вытащил из него спицы, а тряпку выбросил.

— Удивляться потом будем. — Курбатов похлопал Вадима по плечу. — Очень боюсь, что ничего не выйдет... Ну да нам не привыкать.

Он ушел в мастерскую, а Вадим, терзаемый любо-

пытством, от которого уже столько раз пострадал, побежал к мусорному ящику, чтобы извлечь остатки зонтика. Интересно — ручка от него там или конструктору она тоже понадобилась?

Не было никакой ручки. Разорванный шелк раньше лежал неподалеку от ящика, а теперь и его не оказалось. Где же было догадаться Вадиму, что все жалкие остатки старенького зонтика подобрала Нюра — к ним ведь прикасались руки Павла Ивановича!

Выждав три дня и убедившись, что Кучинский не собирается возвратить нумерованный образец, Павел Иванович вечером пригласил студента в кабинет и, чтобы никто не помешал разговору, запер дверь на ключ. Это насторожило Кучинского.

Опасливо оглядевшись, он сел в предложенное кресло.

Смотря на практиканта, Павел Иванович молчал. Возможно, ждал, что в Кучинском заговорит совесть и он признается. А может быть, просто обдумывал — с чего начать?

Он ясно представлял себе, что нумерованный и датированный осколок оказался в посылке не случайно и рассеянность практиканта тут ни при чем. Однако вскрыть истинную причину — зачем понадобилось Кучинскому посылать этот образец матери — было не так-то легко.

Перед инженером Курбатовым сидел сейчас мальчишка — ни опыта у него, ни знания жизни. Казалось бы, чего проще умному человеку заставить этого мальчишку говорить правду, тем более что у Курбатова есть доказательства неблагоприятного поступка Кучинского. И все-таки Павел Иванович не был уверен в успехе. Бывает легче поймать пудового сома, чем ничтожную малвяку.

Получив письмо от отца Кучинского, Павел Иванович уже подумывал передать дело следственным органам, но, поразмыслив, решил обойтись пока собственными силами. Вероятно, он встретился с мелкой подлостью, а не с государственным преступлением. Сегодняшний разговор должен был подкрепить эту уверенность. Но как его начать? В прошлый раз Кучинский здорово вывернулся, прикинувшись жертвой эгоистических склонностей Лидии Николаевны и неприязни техников.

Павел Иванович пригладил ладонями волосы и, опер-

шись на локти, спросил, закончил ли практикант свою внеплановую работу по изучению окисления печатных электрических схем и не нашел ли он осколок с восьмого сектора.

— Нет, Павел Иванович, пока еще работаю. А насчет осколка я уже говорил. Приносил остатки. Больше у меня ничего нет. — Кучинский обиженно откинулся на спинку кресла.

— А может быть, найдете?

Жора недоуменно поднял длинные ресницы.

— Где же, Павел Иванович? Зачем бы я стал вас обманывать? Что за цель?

— О цели мы поговорим позже. А сейчас принесите осколок под номером восемь, присланный из Москвы.

Кучинский привскочил, будто укололся, потом наивно спросил:

— Кто прислал?

— Не притворяйтесь. Вы получили посылку из дому?

— А разве нельзя? Но я не искал там... никаких осколков.

— Так вот поищите.

Кучинский встал, щелкнул ключом в двери и на негнбающихся ногах вышел из кабинета. Откуда все стало известно Курбатову? Письмо отца Жора уничтожил сразу же. Оставалось единственное предположение, что какой-нибудь «дружок», залез в тумбочку за конфетами и там нашел осколок.

Жора возвратился в кабинет, запер за собою дверь и с наигранной веселостью заявил:

— Маман у меня чудачка. Положила эту штуку, — он небрежно бросил осколок на стол, — в коробку с конфетами. Откуда я знал?

— Письма не было?

— В посылках не бывает письменных вложений.

— Это мне известно. Теперь скажите: ваша мать, Ирина Григорьевна, когда-нибудь интересовалась фотоэнергетическим слоем? Иначе зачем же ей потребовался образец? — Курбатов взглядом указал на лежащий перед ним осколок. — Возможно, ей нужны были и формулы из тетради Михайличенко?

— Вы, конечно, шутите. — Жора через силу улыбнулся. — Мама поражает всех своей абсолютной технической неграмотностью. Для нее батарея отопления и аккумуляторная батарея вещи равнозначные.

— Тогда кому же вы посылали образец? — Павел Иванович подвинул осколок ближе к Кучинскому. — Тут есть и некоторые данные. Номер сектора, число, месяц, год.

Жора заметно нервничал, чувствуя, как под ним вздрагивает пол. Вероятно, Курбатову кое-что известно. Неужели о задании Чибисова? Надо отпираться, пока есть хоть маленькая возможность. Жора испробовал новый ход.

— Я вас понимаю, Павел Иванович. — Он стыдливо опустил глаза. — Если я скажу, что в посылку осколок попал случайно, вы мне не поверите. Конечно, есть люди рассеянные. Но тут дело другое. Не случайное.

— Согласен. Мысль разумная.

— Вы же знаете, как ко мне здесь относятся, — продолжал Жора, и в голосе его звучали скорбные нотки. — Не все, конечно. Но есть некоторые товарищи. Для них ничего не стоит оклеветать человека. Шпионят за мной. Чихнуть нельзя — в Москве будет слышно. Откуда я знаю, что, когда я готовил посылку, не подложил ли в нее какой-нибудь Багрецов вот эту штуку, — он нервным движением придвинул осколок к Курбатову.

— Нелепая выдумка, Кучинский. Посылка адресована вашей матери. Разве она в сговоре с Багрецовым?

— Да не об этом речь. Вполне понятно, что мама должна была прислать осколок обратно. Багрецов подкараулил этот момент, побежал к вам или передал через кого-либо другого: ищите, мол, осколок у Кучинского в тумбочке. Иначе откуда бы вы о нем узнали? Может, я ошибаюсь, но я не всегда верю людям.

— Отцу верите?

Жора утвердительно кивнул головой. Павел Иванович достал из ящика письмо.

— Читайте, — сказал он и болезненно поморщился. — Неужели в вас нет ни капли совести?

Когда Жора пробежал первые строки, кровь бросилась ему в голову. Так вот кто виновник всех его бед! Кто ему дал право вмешиваться? И, главное, как глупо — доносчиком оказался любимый папаша. Удружил, нечего сказать. Маман бы этого никогда не сделала.

Передавая письмо Курбатову, Жора притворно вздохнул.

— Папа не ошибся. Позорная рассеянность. Но я обещаю вам, что этого никогда не повторится. Какой же я ротозей!

— Подберите другое слово. Ваш поступок не называется ротозейством и, как вы сами заявили, не случаен.

Кучинский потер переносицу.

— Ах, да. Я подумал о Багрецове.

— Оставьте его в покое. Ребенком не прикидывайтесь. Еще раз спрашиваю: кому предназначался осколок из восьмого сектора?

— Никому. Я даже не знаю, как он попал в посылку.

— Ваш отец тоже ничего не знает, иначе бы он не прислал письмо. Посылка отправлена на имя вашей матери. Ей должен быть известен адресат, кому вы просили передать осколок. — Павел Иванович сдвинул брови, и его глаза неподвижно остановились на лице Кучинского. — Не так ли?

Жора потупился. Он понимал, что история принимает невыгодный для него оборот и, главное, касается матери, которая, сама того не подозревая, впутывается в беду. Курбатов дела так не оставит, напишет куда следует. Маман пригласят для чистосердечного разговора. Она, конечно, в истерику. Кто виноват? Дорогой сынок. Это он втянул ее в сложные взаимоотношения с работниками главка и с начальником четвертой лаборатории. Сынок получил секретное задание, а маман отвечай. К тому же неизвестно, в чем ее могут подозревать.

С отцом Жора поссорится — разве можно простить такое! — а с маман не хочется. Она хозяйка в доме, ей никто не смеет перечить. Скажет: «Петр Данилович, иди поцелуй Жору», — и мир в доме будет восстановлен.

Вот почему Жора решил пожертвовать дружбой с Чибисовым и выдать его «государственное задание», в которое, откровенно говоря, до сих пор не верил, считая его чем-то вроде мелкой интриги против Курбатова.

Павел Иванович не торопил Кучинского, понимая, что признание дается нелегко. Он рисовал верблюдов, потом пристраивал к ним завитушки, зачеркивал нарисованное и снова брал чистый лист бумаги.

Наконец Кучинский поднял глаза.

— Вы меня поставили в очень неловкое положение, Павел Иванович. Я выполнял секретное поручение главка, а вы...

— От кого? От меня секретное?

— Именно от вас. Но я надеюсь, что это останется между нами. Я же не имею права...

— Опять мудрите, Кучинский.

— Могу замолчать.

Жорка обнаглел. После того как он выдал себя, терять нечего. Но можно еще заручиться признательностью Курбатова за то, что ему станет известен секрет его недоброжелателей в главке.

— Но мое молчание не в ваших интересах, Павел Иванович.

— Мои интересы вас не касаются. Подумайте о своих, а потому рассказывайте. Итак, вам было поручено переслать в главк образец с восьмого сектора?

Жора втянул воздух сквозь зубы.

— Выходит, что так.

— Данные из тетради Михайличенко тоже? Кому? Кто вам давал задание?

— Только не подведите меня, — предупредил Кучинский. — В главке потребовали, чтобы поручение осталось в секрете.

— Неудачно придумано, товарищ Кучинский. Какое отношение вы имеете к главку, чтобы получать от него секретные задания? Кто вы? Студент-недоучка. — Павел Иванович вертел в пальцах карандаш, как бы желая его переломить. Уж очень наглой показалась ему выдумка Кучинского. — Неужели я могу поверить, что государственная организация будет прибегать к вашей помощи, когда ей ничего не стоит получить от меня любые образцы с любого сектора, все расчеты и все данные.

— А если хотят, чтобы вы не знали об этом? Щадят ваше самолюбие?

— Вы не так уж глупы, чтобы не понять, как это наивно. Руководители главка нашли случайного человека и послали его колоть плиты у Курбатова? Забавно.

— Почему случайного? — обиделся Кучинский. — Меня там хорошо знают.

— Кто, например?

Единственного знакомого из главка хотелось бы не выдавать, но обстановка сложилась столь неблагоприятно, что не назвать никого — значит вызвать новые подозрения, а этого Жора боялся больше всего.

— Знает меня товарищ Чибисов, — растягивая слова, проговорил Кучинский. — Потом, потом... Ну, в общем, сейчас не помню...

— Задание исходило от Чибисова?

Пришлось сознаться. Павел Иванович спросил еще о некоторых деталях и отпустил Жору с миром.

«Будет проверять, — думал Кучинский, возвращаясь в общежитие. — Пошлет письмо начальству, вызовут Чибисова и спросят. А вдруг он откажется? — мелькнула тревожная мысль. — Тогда, Жора, будь здоров, влипнешь как пить дать. Разговор с Чибисовым был без свидетелей, а он парень себе на уме, продаст друга за копейку. Скверная петрушка получается».

Этой ночью Кучинский уснуть не мог. Вертелся с боку на бок, простыни казались липкими от пота, горячими, как компресс. Он сбрасывал их, ходил босиком по комнате, пил воду, с завистью смотрел на Тимофея и Димку. Видно, что совесть у них чиста — спят так крепко.

Жора ненавидел их покой, их чистую совесть. Димка спит. А разве не он во всем виноват? Хорошо бы поймать настоящую фалангу и пустить к нему под одеяло. Какой бы визг поднялся в доме! Но сделать это невозможно. Жора не боялся ни фаланг, ни скорпионов, а боялся Димки. Его резкости, прямоты, ясных, открытых глаз. У Жоры врагов почти не было. Все друзья, все хорошие. Ему многое прощали, а потому и он относился ко всем благодушно.

Но все перевернулось в мире! Будь оно проклято, это золотое зеркало! Тут все враги, предатели, все до одного. Враги явные, вроде Димки и глупой Нюрки. Теперь и Курбатов враг. Михайличенко — тоже, Бабкин и Маруся с ними заодно.

Хотелось сорвать на ком-нибудь зло, отомстить, заставить помучиться. Почему же один Жора должен отвечать за ошибки? Другие и не так ошибаются, а выходят сухими из воды. Взять хотя бы эту дуру Нюрку. Рассиропилась перед начальством, посморкалась в платочек, тем дело и кончилось. А кто засыпался? Кто выдал Жору? Она, только она!

Лишь под утро Кучинский заснул тяжелым сном и чуть не опоздал к завтраку. У двери в столовую он лицом к лицу встретился с Нюрой. Она, видно, хорошо выспалась — свеженькая, с легким румянцем на щеках. На ходу доедая бутерброд, спешила в аккумуляторную. Кучинский преградил ей дорогу.

— Сияете, Нюрочка! Приятного аппетита. Ну как, объяснились? По глазам вижу.

Нюра сунула бутерброд в карман белого фартука.

— Пустите меня, — сердито сказала она и метнулась в сторону.

Опять Кучинский встал на пути. Нюра огляделась, ища защиты. Никого не было.

— Значит, не решается? — Жора сладко вздохнул. — Жалко мне вас, Нюрочка. Если до вечера не пошлете ему письма, придется помочь. Заявлюсь к нему и скажу: «Павел Иванович, дорогой, не велите казнить, велите слово вымолвить. Есть на свете красавица писаная, льет она слезы горючие...»

Зачем он издевается? От обиды у Нюры стали мокрыми ресницы. Сунулась в карман за платком, надкушенный бутерброд упал на песчаную дорожку. Нюра перепрыгнула через узкую клумбу и скрылась за домом.

Жора с усмешкой поднял бутерброд.

— Закон Джером Джерома: обязательно падает маслом вниз.

— А другие законы ты знаешь? — услышал он знакомый голос.

Бабкин, словно он из-под земли вырос, стоял перед ним, засунув руки в карманы. Поза была воинственная.

— Не знаю, какие законы тебя интересуют, — процедил Жора, поглядывая на него сверху вниз, — но ни в одном из них, старик, не сказано, что нельзя пошутить с девочкой.

— Но есть и другие законы, неписанные.

— Например?

— Законы дружбы, товарищества. Короче говоря, прекрати издеваться над девочкой.

Кучинский презрительно повел плечами, зевнул и, рассматривая свои отполированные ногти, небрежно заметил:

— Вам, товарищ Бабкин, интеллект не позволяет оценивать мои поступки. Пишите заявление, куда вам заблагорассудится, но не забудьте приложить письменные доказательства.

— Мозгляк! — Тимофей сдвинул на затылок кепку. — Если ты еще хоть раз подойдешь к Нюре ближе, чем на три метра, и скажешь ей хоть слово, то пеняй на себя.

— Павлу Ивановичу пожалуешься?

Жора понимал, что никто не будет жаловаться Курбатову, — ведь он не должен знать о несчастной Нюркиной любви.

Бабкин в самом деле растерялся и не нашелся с от-

ветом. А Жора, злорадно посмеиваясь и прищелкивая пальцами, попытался:

— Так что же мне за это будет? Милиционера, старик, позовешь? Свисток. Протокол — и пожалуйста бриться.

— Можешь смеяться сколько угодно, но попробуй ее обидеть! Тогда узнаешь!

— Что узнаю?

Жорка вплотную придвинулся к Бабкину и увидел у себя под носом внушительный кулак.

— Вот что! — ответил Тимофей, затем пояснил свой недвусмысленный жест: — Нас с Димкой двое. Вытащим тебя за ограду и дадим жизни.

— Пять лет за хулиганство.

— Ничего, умные люди разберутся. А ты как же думал? Человек идет ночью по улице, видит — негодяй обижает женщину. Что же он, побежит писать заявление на обидчика? Даст в морду — и все.

— А тот ему сдачи. — Жора внушительно покачал кулаками.

— Бывает, конечно, — согласился Бабкин. — За справедливость можно и пострадать. Иначе негодяев много разведется.

— Но, но, полегче на поворотах! Какие такие негодяи?

— Обыкновенные. Обижают тех, кто послабее. Как говорится: «Молодец против овец, а на молодца и сам овца».

Жора опустил кулаки и смерил Бабкина презрительным взглядом.

— Тоже мне молодец! Посмотрел бы в зеркало.

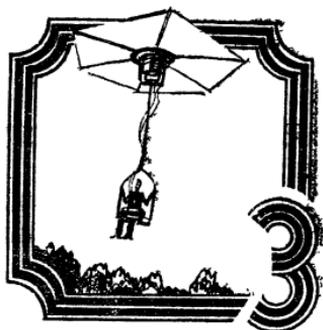
— Спасибо. У меня на лбу никаких отметин нет, а у тебя уже есть и еще будут в разных местах. Если, конечно, не послушаешься благоразумного совета. Кстати, не забывай, нас двое.

С этими словами Бабкин повернулся и пошел вразвалочку, не спеша.

Жорка сверлил Бабкина ненавидящим взглядом и видел спокойную, безмятежную спину. Белая гимнастерка плыла, надуваясь, как парус.

Это спокойствие удручало Кучинского. Под белым полотном гимнастерки угадывались крепкие мускулы, плечи были широкие, кулаки, наверное, тяжелые. Если же добавить к нему еще и Димку, парня вполне приличного роста, то, может быть, действительно прислу-

шаться к голосу благоразумия? Считать синяки из-за плаксивой девчонки, которая тебя вовсе и не интересуется, по меньшей мере глупо.

Глава 16. ЗОЛОТОЙ ЦВЕТОК

а синеющими барханами светился красный купол солнца. Он спустился все ниже и ниже, пока не стал похож на огромную раскаленную заклепку. Но вот и заклепка скрылась в песке. Наступил вечер. Багрецов выключил приборы, сел на подоконник и, глядя на последние отблески заката, стал ждать, когда освободится Лида. Она что-то писала в дневнике. Потом отложила перо, спрятала тетрадь в ящик и спросила Вадима:

— Вы остаетесь?

Вадим соскочил с подоконника, резко шагнул к ней.

— Это не жизнь, а черт знает что! Ну что вы на меня дуетесь? Ведь я хотел сделать как лучше. — Он говорил быстро, проглатывая окончания слов. — Ну не умею, характер такой. Зачем же меня мучить?

— Кто вас мучает?

— Прежде всего вы, Лидочка. Все эти дни я сижу, как мышь под стеклянным колпаком. Я задыхаюсь, а вы наблюдаете и в тетрадочку записываете. Ждете, что будет дальше. Не могу я без вашей дружбы. Я хочу говорить с вами, петь, смеяться и видеть вокруг живых людей, а не мумий.

Лида насмешливо поклонилась:

— Благодарю вас. Очень похожа.

— А что? Разве не верно? Сколько дней вы все терзали меня своим молчанием! Слова не вытянешь. Сердце у вас есть, Лидочка?

Чуть заметная улыбка показалась на полных губах Лиды. Не могла она сердиться на него.

— Улыбайтесь, Лидочка. Ну, еще! Еще! Ради этого я готов на все. Помните у Маяковского: «Что хотите бу-

ду делать даром: чистить, мыть, стеречь, мотаться, мечь. Я могу служить у вас хотя б швейцаром. Швейцары у вас есть?»

Лида рассмеялась.

— Все?

— Нет, это только начало. Теперь мы с вами горы свернем. Надо всех сделать счастливыми!

— И Кучинского?

— У него другие понятия о счастье. Помните, когда были вредители — сыпали песок в подшипники. Кучинский не портит машин, но ради своей выгоды сеет злобу и подозрение. Это хуже вредительства.

— Немножко преувеличили, но в основном правильно. Анечку жалко...

— Поговорите с ней, Лидочка. Ведь ради нее я к вам и подлизываюсь. Нельзя оставить Нюру без нашей помощи... Неужели Павел Иванович ни о чем не догадывается?

Лида печально улыбнулась. Не все ли равно, догадывается или нет? Ничего хорошего из этого не выйдет. Она часто ловила на себе пристальные взгляды Курбатова и в значении их не обманывалась.

— Сегодня же вечером поговорите с Нюрой, — настаивал Вадим. — Вы знаете, как подойти.

— Попробую, — пообещала Лида, но ей хотелось этого разговора избежать.

В последние дни при встречах с Курбатовым она испытывала какое-то неясное волнение и безуспешно старалась вызвать в памяти образ друга, оставшегося в Москве. Но образ расплывался. Она забыла, какие у него глаза, и даже голос его забыла. Да и думать о нем почему-то не хотелось.

А Нюра... О чем же говорить с ней? Сочувствовать — значит притворяться, обманывать ее и себя.

Лида отошла к окну. Красный отблеск заката лежал на зеркальных плитах. Они светились как бы изнутри, лишь черные тени деревьев рассеивали это обманчивое впечатление. За спиной — легкий шелест страниц. Вадим все еще не уходил. Он рассеянно перелистывал книгу, ждал и не решался возвратиться к деликатному разговору о Нюре. Видно, молчание Лиды показалось ему неслучайным.

Ничего не решила Лида. Да и как решить, когда нельзя разобраться в неясных чувствах своих! «Какие же у него глаза? — вертелось в голове. — Как он говорит?»

Будто вспомни она это — и все разрешится. «Не помнишь, не помнишь, — шептал язвительный голосок. — Значит, не он, не тот». И перед ней возникало лицо Павла Ивановича, знакомое в мельчайших деталях. Она видела не только глаза, чуть зеленоватые, с припухшими веками, сросшиеся брови, но и даже царапину на верхней губе.

Если бы она и в самом деле полюбила Курбатова, то слезы всех девушек мира не заставили бы ее отказаться от этой любви. А любит ли она? Лишь легкое волнение... Неизвестно, к чему оно приведет.

— Вы знаете, что Кучинский перестал подтрунивать над Анечкой, — сказала она Вадиму. — Он даже ее боится. Странная метаморфоза!

— Удивительная, — подтвердил Вадим. — Как в некоторых пьесах, где отрицательный тип в последнем действии обязательно перековывается.

— Это вы его убедили?

— Куда мне! — Вадим махнул рукой. — Полное отсутствие педагогического таланта. А вот Бабкин — это талант. Подумать только, один раз поговорил с Жоркой, и тот сразу же перековался. Фантастика!

— Интересно бы узнать, какими методами убеждения он пользовался. Вы спрашивали?

— Секретничает. Даже мне не говорит. Метод, мол, старый, и пользоваться им надо умеючи.

Выходя с Лидой из лаборатории, Вадим вновь вспомнил о Нюре.

— Эх, если бы мне было лет шестьдесят! — с сожалением сказал он. — С таким опытом я бы придумал что-нибудь. Неужели и при коммунизме люди будут страдать от любви?

— Никуда от этого не денешься.

— Значит, полное счастье невозможно?

— Нет. Оно беспредельно. Никто не знает, где оно начинается и где кончается.

Маша еще не приходила с дежурства. Нюра лежала на кровати, свернувшись в комочек, и читала. Последние дни она избегала оставаться с Лидией Николаевной наедине. Заметив ее в дверях, Нюра закрыла книгу и, спросив, сколько времени, спустила ноги с кровати.

— А я думала — еще шести нет.

Лидя нерешительно перебирала книги, разложенные Нюрой на столе: грамматика, история...

Быстро переодевшись, Нюра запрятала под косынку свои обесцвеченные волосы — стала стесняться их, ждала с нетерпением, когда отрастут новые, — подошла к двери, но Лида ее окликнула:

— Анечка, посидите со мной. Или вы очень торопитесь?

Молча возвратившись к столу, Нюра переложила книги с места на место и присела на краешек стула.

— Сегодня утром на шестом секторе что-то случилось, — сказала она, рассматривая свои рабочие, потрепавшиеся руки. — Напряжение снизилось. Песок, видно, плохо сдували.

— Павлу Ивановичу сказали?

— Маша говорила...

Лида почти два года была секретарем комсомольского бюро курса, выступала с речами и докладами, слова лились свободно, нанизываясь цепочкой одно на другое. Так почему же она сейчас не может связать двух слов, когда перед ней обыкновенная девушка, работница. Твоя подруга, в конце концов.

Что ей сказать? У себя в институте Лида выступала по теме «Любовь и дружба», и ей аплодировали. Но там было «вообще», а тут...

Молчание становилось нестерпимым, и Лида наконец спросила:

— Анечка, вы мне верите?

— Верю, — прошептала та и еще ниже склонила голову.

Торопливо, боясь, что Нюра убежит, Лида говорила, что ей все известно, что она скоро уедет и никогда не будет вспоминать Павла Ивановича, так как, «возможно» — она подчеркнула это слово, — она любит другого, и пусть Нюра не беспокоится за свою любовь, Лида ей не помешает...

Говорила и чувствовала в словах какую-то фальшь. Ничего они не изменят. И если Павел Иванович любит не Анечку, а ее, если это не простое увлечение, а сильное чувство, то ни время, ни расстояние тут ни при чем. Приедет Павел Иванович в Москву, а оттуда вместе с Лидой поедет в новую лабораторию...

А Нюра плакала. Зажатым в кулачке платком вытирала слезы, частые, крупные.

Лида привлекла ее к себе, обняла, приговаривая:

— Не надо, девочка, не надо... Я все знаю... все знаю.

— Ничего вы не знаете. — Нюра резко освободилась. — Ой, как совестно, Лидия Николаевна! Ведь я тетрадь доставала... для этого черта, — она еще пуще залилась слезами, — чтобы вы... вы скорее уехали...

Дождавшись, когда Нюра успокоится, Лида попросила объяснить, что за связь между ее отъездом и тетрадью. Нюра рассказала, потом бросилась к ней на шею, молила о прощении, плача навзрыд. И Лида понимала, что даже не любовь, а совесть причинила ей столько страданий, и если совесть эта не чиста — нет человеку счастья.

На другой день Нюра принесла аккумуляторы в лабораторию и, задержавшись у стола Лиды, что-то хотела ей сказать. В эту минуту приоткрылась дверь.

— Зайдите ко мне, Лидия Николаевна, — проговорил Курбатов и скрылся.

Кучинский хотел было подмигнуть Нюре — как, мол, поживает ваше сердечко, — но, покосившись на Бабкина, который рассеянно постукивал кулаком по столу, воздержался.

Разложив на столе фотографии, Павел Иванович спросил Лиду:

— Нравится?

Это были снимки чертежей проектируемой лаборатории возле деревни Высоково. Фасад главного здания, аккумуляторной подстанции и других подсобных помещений. На одной из фотографий можно было рассмотреть зеркальное поле из курбатовских плит, а вдали — небольшой лесок.

— Проект утвержден окончательно. Самыми высшими инстанциями, — радостно говорил Павел Иванович, любуясь фотографиями. — Через месяц начнется строительство. Обещают быстро закончить. Думаю, что весной переедем. А это, — показал он на снимок, — жилой дом для сотрудников. Можете выбрать квартиру. Хотите на втором этаже? Сколько вам нужно комнат? Две? Три?

Лида попробовала отшутиться.

— Мало, Павел Иванович. Давайте четыре.

— На двоих? Многовато.

— Почему на двоих?

— Сами же говорили, что у вас, кроме матери, родственников нет.

— Нет, так будут. До весны всякое может случиться.

Курбатов бросил на стол фотографию и внимательно посмотрел на Лиду, стараясь понять, шутит она или за этим кроется что-либо серьезное.

— Пугаете, Лидия Николаевна.

— Чем? — Она сделала удивленное лицо.

Разговор принимал неожиданный оборот. Не время и не место обсуждать сейчас личные отношения. Курбатов это понял и ответил:

— Еще бы не испугаться! Штаты утверждены. Куда мне девать вашего будущего родственника? Он же не захочет сидеть без дела. Кстати, кто он по профессии?

— Мы учились в одном институте.

Лида не солгала — человек, о котором она думала, вместе с ней закончил институт. Но говорить о друге как о возможном родственнике более чем преждевременно.

Что же побудило Лиду покривить душой? Зачем она сказала о том, чего не было? Ведь только сейчас она придумала несуществующую любовь и ее возможное завершение, которого ей не хотелось. В эту минуту она точно знала — никогда ее друг не приедет в Высоково. Делать ему там нечего.

Своим признанием Лида могла бы оттолкнуть Курбатова — что ж, значит, не судьба, опоздал, — но грош цена такому чувству. Первое препятствие на пути, человек немного похнычет и пойдет искать новую дорогу. Не такая любовь нужна была Лиде, ради такой не забудешь Нюриных слез. А кроме того, сердце подсказывало, что нужно посторониться при встрече с настоящей любовью. У Нюры она настоящая, в этом Лида не сомневалась.

— Вы кого-нибудь из сотрудников возьмете отсюда? — спросила она у Курбатова.

— Да. Мне нужны люди, знакомые с ярцевскими аккумуляторами. Мингалева подошла бы. Очень аккуратный работник. Знаю, как она вам помогала. Но поступок ее настораживает. До сих пор не разберусь — ради какой корысти она пошла на это? Вдруг опять такую штуку выкинет?

— Никогда, Павел Иванович. Я за нее ручаюсь.

— Чем она вам понравилась?

— Неужели мужчины не замечают истинной красоты?

Курбатов иронически прищурился:

— Так обычно говорят о женщине, когда о ней нечего сказать.

Лида досадливо передернула плечами.

— Слепой вы человек. Ничего не видите.

— Как же так? Вижу ваше благотворное влияние. По крайней мере она сейчас на человека похожа, а не на куклу.

— Разве так можно говорить о девушке?

— Простите, но ведь это правда. Я запретил сотрудницам появляться на работе без халата, а на косметику и прически моя власть не распространяется. Хорошо, что вы вмешались.

— Не только я. Но дело не в этом. Нюра начала учиться. Осенью она поступит в заочный институт...

— Значит, берем Мингалеву в новую лабораторию?

— Обязательно, Павел Иванович. Это моя единственная просьба.

Выходя из кабинета Курбатова, Лида вдруг почувствовала, будто потеряла что-то, а впереди еще много-много тревог за Нюру, за себя, но этого никому не расскажешь.

Самолет доставил несколько рулонов фотоэнергетической ткани. После первых лабораторных испытаний Курбатов вдруг умчался в мастерскую и вот уже несколько дней пропадал там до ночи. Лида была уверена, что Курбатов занят опытным образцом палатки, о которой он однажды рассказывал, но когда спросила об этом Павла Ивановича, тот улыбнулся загадочно.

— Сняли с меня эту работу. Чибисов согласился. Но знал бы он, какой я химерой занимаюсь!

Лида сочувственно вздохнула.

— Вы неисправимы, Павел Иванович. За все беретесь, хотите все прощупать собственными руками. Вы странный золотоискатель. Разворочали всю землю, открыли множество жил и побежали новые искать. А ведь найденное вами еще надо выбирать по зернышку, по крупинке. Вы этого не умеете, оно скользит, течет между пальцами. Ведь оно ваше. Зажмите его в кулак. Иначе это сделают другие. Знаете ли вы, что на основе ваших работ по фотоэнергетике люди уже защитили семнадцать диссертаций, в том числе четыре докторских?

— Вот и хорошо. Значит, дело не погибнет. Работы опубликованы, найдутся десятки последователей...

— Но мне за вас обидно. — Лида заговорила зло и резко. — В большинстве диссертаций даже имени вашего не упоминается. Хотя на минуту допустите такую страш-

ную возможность, что мы здесь не нашли бы, отчего слепнут ячейки. Проходит год, и товарищ Курбатов узнает, что некий упорный химик чуточку изменил рецептуру слоя, слепота прекратилась, и фотоэнергетические плиты стали уже не курбатовскими, а того, кто оказался наиболее терпеливым и практичным.

— Такие люди вам больше нравятся?

— Нет, конечно. Но ведь есть же благоразумие...

— Багрецов заставил меня полюбить Маяковского. Помните у него: «Надеюсь, верую, вовеки не придет ко мне позорное благоразумие». Ни за что не придет...

Разговор этот происходил у ворот гаража, откуда со вчерашнего дня были убраны машины и куда Курбатов перевел слесарей из подсобной мастерской. Работал он с ними вместе и на равных правах, причем это отнюдь не было показным демократизмом начальника, а вынужденной необходимостью. Мастеров мало, дело для них незнакомое, а самое главное, никаких чертежей не было. Пришлось все делать по эскизам, следуя личному примеру конструктора и его объяснениям.

Вот бы посмеялся товарищ Чибисов над такой, с позволения сказать, научной работой! Кустарничество, эмпиризм, детские игрушки. Ну и ну, хорошенький пример показывает руководитель лаборатории! Кстати говоря, а почему до сих пор нет отчета по лабораторным испытаниям фотоэнергетической ткани?

Задержался отчет. И вот почему...

Открываются ворота гаража, и оттуда, поддерживаемый с четырех сторон рабочими мастерской, выплывает большой золотой зонт. Нет, это не совсем точно. Багрецов сказал бы, пожалуй, что это не зонт, а золотой цветок, похожий на подсолнечник. Ну а если отбросить поэтические вольности и описать курбатовскую конструкцию словами техники, с которой Багрецов достаточно знаком, то выглядела она так.

Представьте себе шестиугольник, сделанный из блестящих металлических трубок, разрезанный на секторы, обтянутые фотоэнергетической тканью. Внизу, в самом центре, — электромотор вроде большого вентиляторного, какие применяются в цехах. Точный и цепкий глаз техника Багрецова сразу заметил, что мотор этот отличается от обычного облегченным кожухом и, вполне возможно, обмотки его сделаны из алюминиевого провода (для снижения веса). Под мотором находилась трапеция, похожая на стремя, к которому прикреплена планка с

ручками управления, как у радиоприемника. На этой же планке поблескивали стекла приборов, вероятно вольтметров.

Золотой зонтик вынесли на зеркальное поле. Курбатов тронул его за нижнюю спицу, и он завертелся. Лишь сейчас Вадим догадался, что к электромотору прикреплены лопасти, как у ветряка, но лопасти более широкие, занимающие чуть ли не всю площадь шестиугольника.

Многое стало понятным Багрецову. Да ведь это же вертолет! Только без фюзеляжа и хвоста. Впрочем, курбатовская конструкция чем-то еще похожа на парашют с жестким каркасом. Но этот парашют может подниматься с земли. И тянут его вверх солнечные лучи. «До чего же здорово придумано! — восхищался Вадим, все еще не веря своим глазам, что впервые в жизни видит летательный аппарат, приводимый в движение солнцем. — Полетит ли?»

Об этом беспокоился не только он. Сам конструктор, которому никогда не приходилось строить не только вертолеты, но и простые летающие модели, с резинками вместо мотора, испытывал сейчас досадное волнение и неловкость. Все было рассчитано и проверено: сколько электроэнергии даст метр полезной площади винта, сколько потребляет мотор, какова подъемная сила всего устройства. Но если бы можно было все предугадать заранее, то к чему нужен эксперимент? Рассчитал, сделал по чертежам машину — и дело с концом...

Если бы кто знал, как издевался над собой Курбатов, когда вырезал из бумажки шестиугольники и кружки... Кто бы знал, как, морщась от негодования и проклиная тот день и час, когда летающая шляпа Багрецова напомнила Курбатову о забытой мечте, он нетерпеливо рвал шелк старенького Ньюриного зонтика, чтобы обтянуть спицы золотой электротканью и вместе с крохотным моторчиком послать в небеса!..

Сейчас модель в натуральную величину стоит на зеркале. На трапеции пока еще нет человека. Вместо него привязан ремнями мешок с песком весом в восемьдесят пять килограммов. После первых испытаний, если они окажутся удачными, Курбатов поднимется сам.

Но как бы хотелось ему сделать это под покровом ночи, чтобы ни одна душа не видела его детскую наивную конструкцию, где все нарочито упрощено во имя жгучего нетерпения, с которым невозможно совладать!

Он извинялся перед теми, кого пригласил на испытания, просил их не принимать машину всерьез, шутил, смеялся, а сердце замирало от страха. Взлетит или нет?

— Если взлетит, то уж не разобьется. Самый безопасный вертолет, он же парашют. Может висеть на одном месте, пока солнце не зайдет.

Да, только при ярком солнце он мог испытывать свой вертолет, сделанный торопливо, грубо, с потеками, с незащищенными местами сварки. Но это все внешнее, с этим легко примириться, главное в другом.

— Машина неуправляемая, — признался Курбатов. — Не успел я устроить механику перекоса винта, как в настоящих вертолетах, чтобы поворачивать в разные стороны. Да, откровенно говоря, такая сложная механика и не по моей части. Пока получилось что-то вроде аэростата, но потащит его вверх не пузырь с газом, а солнышко...

На губах его все время блуждала ироническая усмешка, и лишь при последних словах лицо расцветилось широкой, добродушной улыбкой. Солнышко! всю жизнь он ловил его лучи и теперь по ним, как по солнечной лестнице, поднимется вверх. Нет, не сегодня. Надо ждать захода солнца, чтобы вертолет с грузом опустился, и лишь завтра с первыми утренними лучами можно будет повторить опыт, но уже с человеком. До чего же обидно! Надо бы приспособить какую-нибудь автоматику, чтобы, скажем, через час там, наверху, выключился мотор.

— Ничего нет проще, — сказал Бабкин и, радуясь, что потребовалась его помощь, побежал за автоматическим выключателем в лабораторию.

У техников их было несколько, от разных контрольных приборов. Можно установить выключатель на любое время, работает точно, минута в минуту.

Пока Бабкин нашел выключатель, пока закрепили его на моторе, пока подвели провода, время пробежало быстро. Солнышко скатилось к дальним барханам. Его косые лучи послабее дневных отвесных, не потянут они вертолет, как говорится, «с полной выкладкой».

Курбатов взглянул на вольтметр и приказал уменьшить балласт килограммов на двадцать. Сняли мешок, отсыпали, взвесили и вновь ремнями привязали к трапеции.

— Держите крепче, — попросил инженер, взявшись за ручку реостата. — Теперь отпустите.

Все быстрее и быстрее раскручиваются лопасти винта, и вот после команды Курбатова вертолет взмывает вверх. Он летит прямо по вертикали, ничуть не покачиваясь, точно боясь расплескать капельки солнца из своих ячеек.

Павел Иванович запрокинул голову. Глаза застлала влага — больно было смотреть в яркое безоблачное небо, где повис золотой цветок.

— Все, — сказал Курбатов. — Дальше не поднимется.

Кучинский хоть и чувствовал себя в эти дни несправедливо обиженным, однако делал вид, что абсолютно ничего не произошло и он не может нарадоваться успехам своего начальника.

— Замечательно, Павел Иванович! Можно не брать билеты на футбол. Виси наверху и посвистывай.

— Другого применения вы не нашли? — с раздражением спросил Курбатов.

— Ну что вы, Павел Иванович! Незаменяемая вещь в сельском хозяйстве, на горных пастбищах... Но, конечно, это не масштабы. Ведь с таким солнечным двигателем можно сделать космический корабль. Прямо без посадки лети на Луну или к марсианам...

— Значит, полетели бы?

— Спрашиваете! Все мои мысли там. А возьмешь какую-нибудь фантастическую книжку — скукота. Все про землю больше. А если она надоела нам?

— Кому это «нам»?

— Молодежи, конечно. Ведь у нас другие запросы.

— За всех не советую говорить. Люди разные. Но я одного не могу понять: как в вас сочетается заоблачная романтика с чересчур низкими земными интересами? Я знал одного такого романтика. Заканчивал мединститут, бредил космическими полетами. Помнится, как-то ему предложили поехать на целину, и романтик замахал руками: «Что вы, на целину! На Луну — пожалуйста, готов хоть сейчас, а на целину неинтересно».

Бабкин прислушался к разговору. Нельзя не вмешаться.

— Значит, ходит он по колено в грязи, даже ноги не может выволочь, а туда же... на Луну. Пустобрех несчастный.

Медленно снижался вертолет. Выключился мотор, и лопасти, как мельничные крылья, вращались еле-еле.

Но вот мешок с песком повис над зеркальной площадкой и до него уже можно было дотронуться руками. Замерли крылья. Теперь вертолет напоминал большой зонтик в летнем кафе.

Посмотрев на вольтметр, Курбатов сказал с досадой:

— Меня не поднимет. Эх, как бы сразу похудеть килограммчиков на двадцать! Но что поделаешь, придется ждать до завтра.

Нюра стояла неподалеку, бледная от страшного беспокойства за этот первый опыт. Вначале она боялась, что ничего не получится, а сейчас мучилась за Павла Ивановича. Ведь он не уснет, он очень нетерпеливый. Она лучше всех это знала и терзалась своим бессилием. Об этом же думал и Вадим. Зажмурившись, преодолевая стеснение и страх, он спросил:

— А если сегодня попробовать?

И когда Курбатов непонимающе посмотрел на него, заговорил торопливо, несвязно:

— Конечно, вы бы сами должны... но я полегче... тут, конечно, честь... Мне даже совестно предлагать...

— Бросьте о чести! — перебил его Курбатов. — Нужно проверить, ну, хотя бы на высоте десяти метров... — И он подробно стал объяснять, что должен делать Багрецов в воздухе. — Высоко я вас не пушу. На всякий случай привяжем трос.

Балласт был снят, и на его место, на висячую скамейку, уселся Багрецов. Он крепко затянул вокруг пояса самолетный ремень, подтянул парашютные лямки и, когда загудел мотор и зашелестели крылья над головой, почувствовал, как останавливается сердце.

Заметив, что Димка побледнел, Кучинский погладил его по колену.

— Не бойся, старик, на Марс не улетишь. — И тут же, чувствуя под рукой добротную материю, определил: — «Люкс», перший класс! Ну, старик, не поминай лихом!

Вадим знал, что первые метры самые трудные. Хлоп Никитка, поднявшийся на самодельных крыльях не выше березы, подьячий Крякутный, взлетевший на аэростате не выше колокольни, — вот оно где, трудное начало! Кто знает, не есть ли курбатовская модель прообраз будущего летательного аппарата с электродвигателем?

Трос натянулся. Над головой шум вентилятора. Внизу стоят люди. Курбатов просит повернуть ручку реоста-

та. Лопастя вращаются медленнее, и вертолет снижается. Все обычно, буднично, просто. Жорка даже позевывает — всю прошедшую ночь он читал роман Буссенара.

— Сколько вольт? — кричит Курбатов, запрокидывая голову. — Что там на динамометре?

Вадим смотрит на вольтметр, на циферблат динамометра, к которому прикреплен трос, и, борясь с желанием отстегнуть его, чтобы вырваться на свободу, выкрикивает цифры.

— Реостат до конца! — приказывает Курбатов.

Еще сильнее загудел мотор, зашумел ветер, внизу завертелся барабан с тросом, и Багрецов поднялся выше деревьев. Здесь уже были плохо слышны слова команды. Пришлось пожалеть Вадиму, что не взял с собой маленькую радиостанцию. Солнце садилось. Оранжевым стало зеркало, трос начал провисать, а еще не все было проверено.

Курбатов поднял руку, помахал ею над головой, и Вадим понял — дано разрешение отцепить трос, чтобы подняться хоть чуточку повыше. Вадим отцепил трос, и сразу курбатовский солнцелет подскакивает вверх. Там, на зеркале, кричат, машут руками, но поздно. Стальная струна, свернувшись в спираль, падает к ногам Курбатова, и Димка отправляется в свободный полет.

Точно крылья вырастают у него. Это не солнечный мотор тянет ввысь, а ясная, осязаемая мечта, беспокойная мысль, которая, однако, у некоторых так крепко стальным пудовым канатом привязана к земле, к мелочи личных дел, к заботам о мещанском счастье и благополучии. У Вадима этого не было и никогда, даже в старости, не будет. Ему легко отцепить тонкую струну, а Жорка Кучинский, несмотря на его болтовню о полете на Марс, должен годами рубить канат, чтобы хоть чуточку приподняться над своим трухлявым гнездом и увидеть, сколь велик и прекрасен мир.

А он действительно прекрасен. И розовеющее небо, и золотые пески, и сияющее зеркало, в котором отражается солнечный цветок. А на стебле его сидит Димка Багрецов, первый человек, поднятый в небо лучами солнца. Есть чем гордиться!

Чуть успокоившись, Димка высморкался, вытер мокрые ресницы, чтобы ясными глазами наблюдать за стрелками приборов.

Найдя в кармане записную книжку, Вадим отметил высоту, напряжение, скорость вращения винта. Все, о чем перед подъемом просил Курбатов. Судя по поведению людей внизу, они уже перестали беспокоиться за Вадима, — вертолет постепенно снижался и скоро будет на зеркале или неподалеку от ограды.

Вадим торопился. Надо все сделать, пока не скрылось солнце. Но вдруг он вспомнил о самом главном: Павел Иванович просил переключить обмотки у мотора для проверки соотношения скорости вращения и мощности. Здесь была довольно сложная зависимость, в которой Вадим не успел разобраться, но проверить это надо обязательно. Провода от мотора тянулись к панели управления, переключить их довольно просто, но уж очень быстро темнеет. Так и хочется задержать, остановить солнечный диск. Погоди немного, ведь без тебя ничего не получится!

Вертолет снижался. Курбатов приветливо махал рукой. Тимка почему-то грозил кулаком, а Кучинский насмешливо аплодировал:

— Давай, давай, старик! Приземляйся.

Вадиму кажется, что это Жорка, уцепившись за штаны, тянет его вниз. Их много, таких, радуются, если ты, однажды взлетев, думая, что небо всегда голубое и в мире перевелись завистники и торгаши, вдруг падаешь вниз нерасчетливо и глупо.

Димка злой. От барханов, деревьев, от забора потянулись длинные тени. Еще несколько минут — и закроют они золотой цветок. Надо прорваться вверх, к солнцу. Но как? Винты на панели уже ослаблены, а переключить провода нельзя, потеряешь высоту и окажешься в тени. Записная книжка выскользывает из рук. Но теперь уже все равно. Впрочем, можно еще попробовать. Димка отстегивает парашютные лямки, сбрасывает с себя пиджак, потом кидает вниз ключи, отвертку. Вертолет заметно приподнялся над вершиной дерева.

Но этого мало, Димка сбрасывает с себя всю верхнюю одежду и остается в майке и трусах.

Последний опыт. Обмотки переключены, лопасти завертелись быстрее, и даже при закатном солнце вертолет еще долго висел над зеркальным полем.

А когда, уже в сумерки, сотрудники испытательной станции приняли Димку на руки — он спустился неподалеку от ограды, — Курбатов крепко обнял его, дрожащего от холода и волнения.

— Вот это по мне! Иной раз для науки можно и штанами пожертвовать, если они тянут тебя вниз.

Димка застенчиво улыбался...

Бабкин гордился другом, а Кучинский пожимал плечами. Сколько еще чудаков на свете! Ничто их не берет.

Глава 17. ДОРОГИ К ЗВЕЗДАМ НАЧИНАЮТСЯ С ЗЕМЛИ

Кучинскому пришлось прервать свою дипломную практику — вызвали в Москву для объяснений. На испытательной станции о нем вспоминали редко, почти забыли. Но вот в связи с подготовкой строительства медного комбината у Курбатова появились новые люди. Они не довольствовались служебной перепиской с Москвой и частыми поездками в Ташкент — все это отнимало много времени, — а потому сразу же была установлена радиостанция. Павел Иванович пользовался ею редко, да и его редко беспокоили, чтобы не отрывать от лабораторных дел.

Как ни странно, но первый разговор Курбатова с Москвой касался судьбы Кучинского. Павел Иванович, ложась спать, взял с полки сборник рассказов Паустовского — за последнее время они особенно полюбились, — приготовился почитать часок-другой, но в это время в дверь постучал радист и сказал, что его вызывает Москва. Кое-как одевшись, Курбатов побежал на радиостанцию.

— Надеюсь, не разбудил, Павел Иванович? — услышал он знакомый голос начальника управления. — У вас уже ночь, а мы еще телевизоры не выключали. Как самочувствие? В Москве жара азиатская. Говорят, у вас прохладнее?

Потом он сообщил некоторые приятные вести, касающиеся строительства в Высокове, спросил, давно ли прибыли вагоны с плитами для фотоэнергетических полей будущего медного комбината, и, как показалось Курба-

тову, несколько смущенно подошел к главной цели своего разговора:

— Что там случилось с дипломником? Малого собираются из комсомола исключать.

— Это их дело, пусть они и решают.

— Так-то оно так, но ведь молодежь! Могут и дров наломать. Мать ко мне приходила, плакала. Главное, отца жалко. Ты ведь его хорошо знаешь?

— Знаю. Таких людей поискать. Но что я должен сделать?

— Плохо мы наших ребят воспитываем. Ну уж если такое дело получилось, надо помочь Петру Даниловичу. Сообща возьмемся. Найдется у тебя место в лаборатории?

— Не хочется мне его брать в Высоково.

— Правильно, Павел Иванович.

— Вот разве здесь, на испытательной станции... Фотоэнергетиков нам не хватает.

— Опять что-нибудь натворит. Коллектив маленький, да и на отшибе. Я смотрел штатное расписание. У тебя в основной лаборатории, в Москве, не все места заполнены. Тут он на виду. А у Петра Даниловича инфаркт... Вот так живешь и не знаешь, откуда беда придет...

Курбатов отказался взять Кучинского в московскую лабораторию, но чувствовал, что при сильном нажиме Ирины Григорьевны, из уважения к Петру Даниловичу куда-нибудь да пристроят непутевого сыночка, и он, Курбатов, не в силах этому помешать.

На другой день после работы Курбатов собрал у себя в кабинете всех сотрудников испытательной станции. Это бывало редко и потому вызвало живое любопытство. Все почему-то были уверены, что объемистый пакет, присланный сегодня из Москвы, имеет отношение к предстоящему собранию.

Нюра сидела возле двери, комкала платок и ждала своей участи. Наверное, пришел приказ об увольнении. Маша шептала ей на ухо, что этого не может быть. Ведь сам Павел Иванович говорил о зачислении Нюры в штат новой лаборатории. Он даже спрашивал, поедет она или здесь останется. Нет, ничему не верила Нюра, мучилась и считала себя преступницей — ей не место среди честных людей.

Вадим, вытянув шею, нетерпеливо смотрел на Павла Ивановича. А тот раскладывал перед собой страницы,

напечатанные на машинке, будто готовясь к обстоятельному докладу.

В мягком низком кресле Бабкину сидеть было неудобно. Напрасно такие ставят в служебных кабинетах, чувствуешь себя каким-то приниженным. Только белобрысый ежик да кончики ушей торчат над столом. Тимофей от натуги краснел, желая подняться повыше. Лицо Курбатова было сосредоточенным и угрюмым. Ничего хорошего он не скажет.

Лида играла пояском своего зеленого платья и отводила глаза в сторону. В присутствии Нюры она не хотела встречаться взглядом с Павлом Ивановичем, боясь, что тот выдаст себя и посмотрит на Лиду так же, как и раньше. Правда, за последнюю неделю он резко изменился, старался как можно реже видаться с ней и говорил только о делах. Наверное, грустил. Кто его поймет?

Курбатов поднялся, привычно ладонями пригладил волосы у висков, затем отложил бумаги в сторону и глухо сказал:

— Сегодня я получил некоторые документы. Мне рекомендовали ознакомить наш маленький коллектив с сущностью одного неприглядного дела. — Он помолчал, как бы собираясь с мыслями. — Живет в нашей стране человек — я его пока не называю, — государство дало ему образование, потом лабораторию, где бы он мог заниматься исследованиями, развивать свои способности и быть полезным народу. С помощью родственников и друзей ему удалось получить кандидатскую степень. Она давала ему полную материальную обеспеченность и возможность двигаться дальше по служебной лестнице. Но, в отличие от многих тысяч советских ученых, тот, о ком я говорю, не мучился в творческих поисках. Он — делец. За него работали аспиранты, младшие научные сотрудники, а он лишь раскланивался на аплодисменты. Все это делалось умело и осторожно... Как говорится, комар носа не подточит. Окруженный друзьями, подхалимами и просто равнодушными людьми, которые молчали, хотя и догадывались, что перед ними дутая величина, этот деляга под маской ученого захотел подняться еще на одну ступеньку — захотел получить степень доктора наук. Это очень трудно. Как правило, докторами могут быть лишь настоящие ученые, с большим опытом, с глубокими знаниями, создавшие что-то новое, а не просто компиляторы чужих идей. У нашего героя ни-

каких идей не было. Да он и беды в этом не видел — ведь идеи есть у других, например, у молодых сотрудников его лаборатории. И вот докторская диссертация почти готова. В ней не хватало лишь последнего важного раздела, касающегося химической стойкости некоторых элементов. Мне неизвестно содержание диссертации, но ее автору потребовалось достать образец фотоэнергетической плиты, которая проработала целый год. Такой образец он мог получить только на здешней испытательной станции.

— Разве это так трудно? — вырвалось у Багрецова. — Прислал бы письмо, не думаю, чтобы вы отказали.

— В том-то и дело! — воскликнул Курбатов. — В любом институте, в любой лаборатории диссертант мог бы получить и образцы и материалы, если они не секретны. Но в этом случае пришлось бы сослаться на чужой опыт, а наш будущий доктор хотел непременно показать свою творческую мысль, свой эксперимент. То есть он хотел выдать чужое открытие за собственное.

Совершенно случайно он узнал, что некая аспирантка должна отправиться на интересующую его испытательную станцию. Он также знал, что аспирантка разработала новую методику измерений, но еще не опубликовала ее. По некоторым отрывочным данным — откуда он их получил; непонятно — можно было догадаться, что речь идет об усталости фотоэнергетического слоя. Значит, надо достать образец такого слоя и узнать кое-какие цифры. Предположим, процент кислотности. Тогда будет все в порядке. Преданные своему руководителю мальчики из лаборатории легко воспроизведут метод аспирантки, и его описание может украсить докторскую диссертацию...

Лида широко открытыми глазами смотрела на Курбатова. Это о ней идет разговор. Но она никак не могла понять, откуда тот предприимчивый человек узнал о ее методике, о цифрах. Считая работу незаконченной, она никому, кроме Курбатова, о ней не говорила. Это она твердо помнит. Тем более никто не мог знать о частностях, вроде процента кислотности.

— Противно говорить об этом человеке, — продолжал Курбатов. — Но его уважали, пресмыкались перед ним, особенно родственники. Сколько их было у него, можно счет потерять. Но он всех помнил, двоюродных

и троюродных. Не думайте, что он устраивал всех в лабораторию, которой руководил. Зачем? Он делал это через людей, ему обязанных. Шито-крыто, никакой ответственности. Вспомнив, что в управлении работает молодой инженер Чибисов, который приходится ему шурином или кем-то еще, будущий доктор наук пришел к нему и спросил, не знает ли он ту аспирантку, что собиралась лететь на испытательную станцию. «Как же не знать!» — отвечает Чибисов. «Великолепно. Тогда я по-родственному попрошу тебя об одном пустяковом одолжении...»

Курбатов поискал нужные ему записи и, пользуясь ими, рассказал, как Чибисов сначала предложил запросить официально отчет о работе аспирантки, потом одумался и признался, что это не годится: во-первых, можно вызвать подозрение руководителя лаборатории, а во-вторых, готовый отчет аспирантка может опубликовать раньше, чем состоится защита докторской диссертации. Что же касается получения образца фотоэнергетического слоя, то здесь тоже возникли затруднения. Сам Чибисов не может приказывать руководителю лаборатории, а начальник отдела не подпишет письмо с просьбой выслать образец.

— Будь Чибисов поумнее, он бы нашел вполне приличный способ, как обойти и своего начальника, и меня. Но он не хотел никаких документов. Все должно быть сделано чужими руками. Ему и в голову не приходило отказать в помощи своему близкому родственнику — ведь это муж сестры! А кому он обязан, что сидит в кресле заместителя начальника отдела? Кто за него старался? Конечно, он, муж сестры. — Павел Иванович оглядел слушателей и с горечью добавил: — Так завязался узелок, а от него потянулась длинная шершавая нитка. Конец ее оказался у нас на испытательной станции.

Шаг за шагом прослеживая весь ход событий, Курбатов словно двигался вдоль этой нити и рассказывал, как после Чибисова на диссертанта работал Кучинский, а потом и Нюра Мингалева.

— Какой он к черту диссертант! — опять не выдержал Багрецов. — Диверсант!

— Пожалуй, правильно, — согласился Курбатов. — Это диверсия против науки, против чести и совести советского человека. Вы подумайте, сколько горя принес этот грязный честолобец всем, кто был связан с ним одной ниткой! Иные уже получили по заслугам — я гово-

рю о Чибисове, исключенном из партии, и о Кучинском, у которого уже нет комсомольского билета. Но есть и другие, честные люди, попавшие в беду. Прежде всего это Нюра Мингалева. Ее нельзя оправдывать целиком, но многого она не понимала. Это урок на всю жизнь.

Нюра закрыла рот платком, впилась в него зубами, чтобы не разрыдаться. Маша успокаивающе поглаживала ее по спине, что-то нашептывала, но та ничего не слышала. Как сквозь пуховые подушки, глухо доходили до нее слова Павла Ивановича:

— Будущий доктор наук — ловкий спекулянт от науки; Чибисов стремился отплатить этому спекулянту услугой за услугу; Кучинский в своих грязных поступках руководился стремлением устроиться на тепленьком местечке в Москве. А Нюра? Все это было далеко от нее. Мне ничего не известно, но, вероятно, здесь сыграли свою роль другие, как я думаю, чистые, благородные чувства. Но таким путем счастья не добьешься...

Павел Иванович не хитрил. Ему и в самом деле ничего не было известно. Он предполагал, что Нюра была увлечена Кучинским, хотя Лидия Николаевна и Багрецов упорно отрицали это. Сама Нюра поняла намек Павла Ивановича иначе. Значит, ему известно, ради кого она позабыла совесть. Теперь все кончено.

Она рванулась к двери. Маша, желая удержать ее, случайно задела за бусы. Нитка лопнула, и бусины, как горох, рассыпались по полу. Все сделали вид, что не заметили этого маленького происшествия. Курбатов продолжал рассказывать, а Нюра, устыдившись своей несдержанности, снова села на место.

Багрецов подумал, что темные поступки людей, связанных грязной историей, вот так же, как эти бусы, были нанизаны на тонкую гнилую нитку лжи и обмана. Начал один, а потом пошло, пошло... Но стоило только Маше случайно дернуть за нитку, и все посыпалось. Маша увидела свою подругу с чужой тетрадью, не смогла утаить этого от Лиды, ибо знала, что поступок Нюры бесчестен и промолчать о нем нельзя.

— Честность — благороднейшая черта советского человека, — говорил между тем Павел Иванович. — Вот почему вся эта история выплыла наружу. Письмо отца Кучинского — а он не мог скрыть ошибку сына — подсказало нам, где искать основного виновника. Правда, будущий доктор наук сумел выйти сухим из воды.

Лида побледнела от гнева.

— Не может быть! Я никогда не поверю. Все началось с него. Ему нужны были материалы, и пострадали Чибисов, Кучинский, Нюра — каждый из нас. Ведь мы некоторое время подозревали друг друга. Разве это не мучение?!

Курбатов мягко остановил ее!

— Согласен, Лидия Николаевна, всем тяжело пришлось, особенно Багрецову. Но я думаю сейчас об отце Кучинского. Поступок сына уложил его в постель. Петру Даниловичу стало известно, что жена скрыла от него, кому был прислан образец плиты, он разобрался в ее лжи, ставшей чуть ли не системой воспитания сына, и попросил, чтобы жену не пускали к нему в больницу...

Курбатов взял со стола злополучный осколок плиты.

— У каждого знаменитого брильянта есть своя история. Кровь, слезы, обман, подкупы. — Он подкинул осколок на руке. — Это не брильянт, а ничтожный кусок пластмассы. Но потребовался он нечестному человеку. А отсюда и горе и слезы другим. Так почему же человек этот, которого зовут Литовцевым, остался в стороне? Почему не в ответе перед честными людьми?

— Вот именно — почему? — резко спросила Лида.

— Потому, что за ним нет никакой формальной вины.

— Как так? — вмешался Багрецов. — А факты?

— А вот послушайте. — Курбатов развернул стенограмму. — По делу Литовцева Валентина Игнатьевича была назначена специальная комиссия. Его пригласили на заседание. Я прочитаю выдержки из стенограммы:

«Председатель. Образец фотоэнергетической плиты и некоторые цифровые данные вам были нужны для работы над диссертацией?»

Литовцев. Совершенно верно.

Председатель. Почему вы хотели получить эти материалы не официальным путем, а пользуясь услугами своего родственника Чибисова?»

Литовцев. Простите, я не понимаю вопроса. Указанные материалы не засекречены, а поэтому я имею право знакомиться с ними любым путем.

Председатель. Но вам известно, что путь оказался нечестным?»

Литовцев. Да, после того как вы рассказали об этом. Глубоко сожалею. Но я ни в коей мере не отве-

чаю за моральные качества некоторых сотрудников испытательной станции. Должен также признаться, что поведение товарища Чибисова, являющегося, как вы изволили заметить, моим родственником, я не одобряю. Я никогда не предполагал, что он будет пользоваться услугами третьих лиц.

Председатель. Вам было известно, что Михайличенко собиралась опубликовать свою работу?

Литовцев. Только поэтому я и хотел привести из нее некоторые данные в своей диссертации. Причем, само собой разумеется, со ссылкой на источник. Работа Михайличенко должна быть напечатана гораздо раньше, чем будет готова моя диссертация.

Председатель. Кстати — об этой работе, о сроках ее публикации и о том, какими делами занимаются на испытательной станции, вы узнали от Чибисова?

Литовцев. Нет. Совершенно случайно, из частного разговора.

Председатель. Где?

Литовцев. Не помню. Кроме того, разрешите вам заметить, что к делу это не относится. Еще раз повторяю: я не собирал секретных сведений. Мне они не нужны. Да их здесь и не было».

Курбатов закончил чтение выдержек и бросил стенограмму на стол.

— Что вы на это скажете? Вывернулся!

— До поры до времени, — пробурчал Бабкин. — Неужели в коллективе им не интересуются?

Павел Иванович не сомневался в справедливом решении институтского коллектива. К сожалению, у Литовцева много заступников, как и у Жоры Кучинского.

— Не случайно он оправдывался тем, что материалы не секретны, — продолжал Курбатов. — Иначе с ним бы не так разговаривали. Мы делимся опытом по постройке первой в мире атомной электростанции. Мы гордимся этой работой и не держим ее в секрете. Но можно ли раньше времени выпускать из лаборатории незаконченную работу, чтобы кто-то подхватил ее и выдал за свою? Недавно мы подсмеивались над «самобеглой коляской» Багрецова. Потом начали мечтать: построим, мол, гигантские баржи, плавающие острова и другие фантастические штуки. А кто знает, не выдумает ли на «той стороне» какой-нибудь одержимый вояка летающую торпе-

ду с фотоэнергетическим двигателем? Кто знает, чего ему не хватает, чтобы построить ее? Осколка стареющей плиты? Процента окисления? Формулы Михайличенко? — Павел Иванович опустил в кресло. — Иногда мы об этом не думаем.

Нюра чувствовала, как у нее леденеют пальцы. Напрасно она успокаивала себя, что все обошлось благополучно, что осколок здесь, что выписку из тетради она не успела сделать, что человек, для которого она старалась, работает в московском институте и не собирается переправлять материалы за границу, — мысль неотвязная и жестокая, что она, Нюра, стала преступницей, овладела всем ее существом. И личные невзгоды, и горечь неразделенной любви и, как ей казалось, презрение любимого человека — все это осталось где-то далеко позади. Лишь одна эта мысль сверлила мозг и не давала покоя. Зрело единственное решение — уехать. Пусть тяжело расставаться — но что делать? И писем она не будет писать. Затеряется, как песчинка. Может, и не вспомнит о ней Павел Иванович. Так лучше.

Вадим, тайком поглядывая на Нюру, понимал ее душевное состояние, и теплая волна нежности поднималась в нем. Хотелось подойти, обнять ее за худенькие плечи, сказать что-то ласковое, успокоить, ободрить. Вместе с тем он ощущал ненависть не только к Жорке Кучинскому, но и к Чибисову, а главное, к тому, кто смел распространяться о «моральных качествах некоторых сотрудников испытательной станции». Какой мерзавец! Он умен, его многие годы учили мыслить аналитически, и в шахматы он играет, предвидя десяток ходов наперед. Он все рассчитал и взвесил. Ему и дела нет, что плачет Нюра Мингалева.

Лида спросила у Курбатова:

— Вы покажете его нам в Москве?

Павел Иванович порылся в кипе журналов, вытащил один из них и, перелистывая страницы, сказал:

— Можно и не в Москве. Товарищ любит рекламу. В разных журналах, даже в детских, попадают беседы с ним. А вот в этом, — он нашел страницу и передал журнал Лиде, — снимок во весь рост. Товарищ Литовцев в своей лаборатории.

Лицо показалось Лиде удивительно знакомым. Надменное, с пухлыми губами. Лысина с темным полукольцом волос.

— Где-то я его видела...

Взглянув на снимок, Бабкин сразу же вспомнил выставку технических училищ и человека, который прислушивался к разговору Димки и Лидии Николаевны.

— На выставке его видели, — хмуро напомнил Тимофей.

Лида уронила журнал. До мельчайших подробностей вспомнила она разговор с Багрецовым. Да, да, она называла испытательную станцию, и место ее, и фамилию Павла Ивановича, хвасталась новой работой, упоминала о процентах и возможном старении слоя.

— Теперь я знаю первопричину, — выдавила из себя Лида и стала рассказывать, как это случилось. — Нашла место. Ну скажите, Павел Иванович: почему мы всюду говорим о делах, а не о звездах? Разве нам не хватает рабочих часов?

Курбатов улыбнулся и вздохнул.

— Всякое бывает. Иногда на работе беседуют о звездах, а, скажем, в театре — о делах. Не понимаю я многих из вас, молодых. Романтики, что ли, не хватает? Ехал я однажды ночным автобусом. Степь, звезды, теплый ветер, дышишь не надышишься. Народу в автобусе мало. Впереди молодой паренек и девушка. Щебечут. Вот, думаю, счастливые. Прислушиваюсь. Какие там звезды! Расценки их интересуют. Плюнул я и ушел на последнюю скамейку.

Кроме Маши, никто не уснул этой ночью. Лида мучительно вспоминала, что она могла еще сказать на выставке, чувствовала себя виноватой перед всеми и, главное, перед Нюрой.

Лежа в своей комнате, Вадим и Тимофей вполголоса спорили, вспоминали стенограмму и косились на пустующую койку Кучинского. Неужели этот урок его не исправит?

— Нюра завтра уезжает, — сказал Багрецов, и Тимофей почувствовал, что слова эти были трудные. — Больше не вернется.

— Откуда ты знаешь? Ведь она собиралась работать в новой лаборатории. Приедет.

— Нет. Я сам слышал. Она просила Павла Ивановича отпустить ее. Тетка больная. С ребяташками некому... Утром оформит увольнение.

— По личным причинам?

— Но они другие. Тебе известные.

И неужели будущий доктор наук сейчас спокойно

спит? Неужели он не понимает, что каждый его нечестный шаг влечет за собой другой? Шагнул — и за ним Чибисов, потом Кучинский, Нюра... Он опытен, его десятки лет учили, десятки лет воспитывало Советское государство. За всех, за все он должен быть в ответе! С этими неотвязными думами Вадим никак не мог уснуть.

— Не спишь, Тимофей? И как это люди не понимают, что дельцов к науке нельзя даже близко подпускать! Помнишь легенду о Прометее? Он огонь добыл с неба, чтобы сделать людей счастливыми. Ученые в Москве, Ленинграде и здесь, в пустыне, нашли осколок Солнца тоже ради счастья на Земле. А выродки готовы по карманам рассовать эти солнечные осколки, спрятать их от людей.

Вадим встал, отдернул шторы. Напротив светилось окно кабинета Курбатова. Он тоже не спал. На белой занавеске видна была его тень — склонился над столом, наверное писал. А под окном на скамейке, в жестколистом кустарнике, неподвижно сидела Нюра и безотрывно смотрела на окно, будто навечно хотела сохранить в памяти тень близкого, но недостижимого счастья.

Вадим вытер щеку — ненужная слеза, — обернулся. Тимофей уже спал. Скоро они покинут пустыню с золотым озером. Пройдут годы. Новые путешествия, новые впечатления... Страна велика, в ней столько прекрасных мест, одно интереснее другого! Но никогда Вадим не забудет людей, встретившихся ему в пустыне. Об одних он будет вспоминать с теплой признательностью и радостью, о других — с гневом и ненавистью.

Впереди вся жизнь. Сколько еще будет встреч!

И не в том ли счастье, что у тебя в груди горит осколок, пусть даже крупинка Солнца, жгучая, беспокойная, подымающая твою мысль над мелкой суетой стяжателей и корыстолюбцев, над скучной радостью обывателей, зовущая все время вперед и вперед, в неизведанные широкие просторы.

В окно заглянуло солнце. Вадим выскочил из комнаты, подбежал к солнечному вертолету, сел на скамейку трапеции, застегнул парашютные лямки и осторожно повернул ручку реостата. Зашелестели крылья над головой. Но еще падала тень от деревьев, и вертолет лишь слегка приподнялся от земли. Вадим хотел было растегнуть лямки, чтобы вытащить машину на середину поля, но в эту минуту из-за кустов показалась Нюра.

— Погоди, Дима, я помогу.

Нужно было хоть немного приподнять вертолет, чтобы лопасти оказались на солнце, и подняла его Нюра своими тонкими девичьими руками.

Все быстрее и быстрее раскручивался винт. Вадим уже летел над зеркалом, видел в нем золотой цветок, и рядом с этим отражением стояла маленькая фигурка с поднятыми руками. И это было самое волнующее, самое главное в Тимкиной жизни. Глядя на Нюру, он понял, что стоило лишь приподнять ее мысль над мелочью пустых забот, показать радость творения, и Нюра своими руками поможет ему подняться к Солнцу.

Дороги к звездам начинаются с Земли, и Вадим совершенно отчетливо видел там, внизу, в зеркале, как отрывается первый космический солнцелет, поднятый вверх миллионами рук. Лети, человек, лети навстречу Солнцу! Утро встает над Землей.

1954—1955(1965)

О Б А В Т О Р Е

Немцов Владимир Иванович родился в 1907 году в городе Епифани Тульской области. Учился в Туле на рабфаке, потом в Московском университете. Работая радиоинженером в научно-исследовательском институте, занимался изобретательством. Он участвовал в создании радиостанций, которые были приняты на вооружение и использовались на фронтах Великой Отечественной войны.

Основные книги В. И. Немцова: «Незримые пути» (1945), «Шестое чувство» (1946), «Три желанья» (1948), «Золотое дно» (1949), «Семь цветов радуги» (1950), «Альтаир» (1955), «Осколок Солнца» (1955), «Последний полустанок» (1959), «Когда приближаются дали...» (1975).

В. И. Немцов много писал публицистических статей по вопросам коммунистического воспитания. Его трудовая деятельность отмечена орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, а также медалями.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Лукин. Сошедшиеся параллели (предисловие) . . . 5

ТЕНЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ Научно-фантастическая повесть

О проекте архитектора Бродова	19
«Всевидящий глаз»	31
Испытания начинаются	40
Тень движется под землей	68
Валя действует в одиночку	82
Мы будем видеть всё!	95

ЗОЛОТОЕ ДНО Научно-фантастическая повесть

Вступление	115
Глава 1. Белый шар	117
Глава 2. Новые встречи	122
Глава 3. Опасное задание	133
Глава 4. Праздник в институте	144
Глава 5. «Возможно, это... блуждающая мина?»	152
Глава 6. Синицкий надевает скафандр	161
Глава 7. Будет шторм	171
Глава 8. Синицкий просыпается	178
Глава 9. Запретная комната	187
Глава 10. Падающая башня	197
Глава 11. «Двадцать три часа сорок минут»	201
Глава 12. Так начинается дружба	212
Глава 13. Решающие испытания	234
Глава 14. Подводный плен	243
Глава 15. «Огонь с левого борта!»	254
Глава 16. Капитан остается последним	262
Глава 17. Что называется подвигом?	269
Глава 18. Часы отсчитывают секунды	277
Глава 19. Десятый шар	286
Глава 20. «Все будет сделано для его спасения»	292
Глава 21. В цистерне	299
Глава 22. Остров неизвестен	306
Глава 23. Туман над Каспием	313
Глава 24. «Для них нет ничего невозможного»	321
Послесловие	332

ОСКОЛОК СОЛНЦА Научно-фантастическая повесть

Глава 1. Как будто бы посторонний разговор	339
Глава 2. Озеро в пустыне	346
Глава 3. Поиски всюду	358
Глава 4. Жора Кучинский открывает	372
Глава 5. Две подруги	384

Глава 6.	Дороги и тропинки	395
Глава 7.	Тревога	409
Глава 8.	Пятна на зеркале	423
Глава 9.	Трудные шаги	437
Глава 10.	По заслугам и честь	446
Глава 11.	Личная тайна	466
Глава 12.	Заячий след	483
Глава 13.	По ту сторону зеркала	500
Глава 14.	Еще все впереди	510
Глава 15.	«Метод воспитания»	517
Глава 16.	Золотой цветок	530
Глава 17.	Дороги к звездам начинаются с земли . .	544

Немцов В. И.

Н50 Избранные сочинения: в 2-х т. — Т. 1. Тень под землей. Золотое дно. Осколок Солнца. Научно-фантастические повести/Предисл. Ю. Лукина. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 558 с., ил.

В пер. 2 р. 20 к. 100 000 экз.

В первый том избранных произведений известного писателя-фантаста Владимира Немцова вошли повести «Тень под землей», «Золотое дно», «Осколок Солнца», объединенные темой поиска, творчества и свершений на пути к будущему.

Н 4702010200—138093—82
078(02)—82

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3147

Владимир Иванович Немцов
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ в 2-х т. Т. 1

Редактор **В. Фалеев**
Художник **Г. Метченко**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **И. Соленов**
Корректоры **И. Ларина, И. Тарасова, В. Назарова**

Сдано в набор 20.11.81. Подписано к печати 21.04.82. А03581.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 29,4+0,1 вкл.
Учетно-изд. л. 31,5. Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 20 к.
Заказ 1810.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

